



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

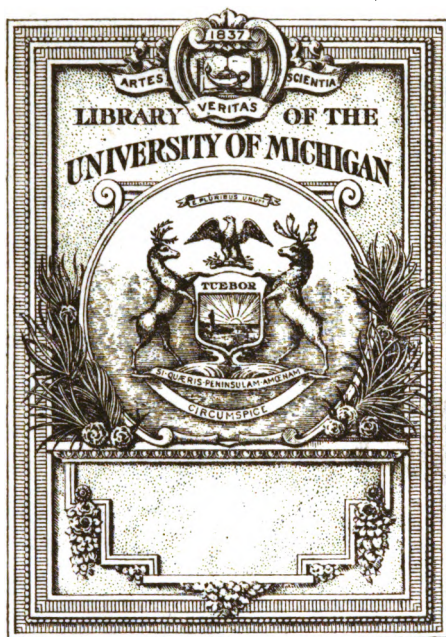
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**B** 443697













# ИСТОРИЯ РОССИИ.



# ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ

## ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

13

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

2. 11

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Еатковъ и К°),  
на Страстномъ бульварѣ.

1870.

# ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ



## ЭПОХУ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ.

СОЧИНЕНИЕ.

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

pt. 1

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К<sup>о</sup>),  
на Страстномъ бульварѣ.

1870.



# ГЛАВА I.

## Россія передъ эпохою преобразованія.

Общій обзоръ хода древней Русской исторіи. — Различіе восточной и западной Европы. — Природа сѣверо-восточной Россіи. — Москва, — ея характеръ. — Великій Государь. — Случай, когда онъ являлся предъ подданными, выходы и походы. — Его семейныя торжества. — Обѣды во дворцѣ. — Служба Великаго Государя. — Служба, собиравшаяся на крыльцѣ, и служба, собиравшаяся въ передней. — Ихъ интересы. — Мѣстничество. — Комната и доклады. — Сидѣнье В. Государя съ боярами о дѣлахъ. — Соборы. — Помѣщики. — Новое войско. — Военныя поселенія. — Козаки и стрѣльцы. — Кормленіе ратныхъ людей. — Кормленіе *отъ дѣлъ*. — Приказы. — Кормленіе по городамъ. — Видъ древняго русскаго города. — Воевода. — Губной староста. — Земскій староста. — Главныя интересы горожанъ. — Подати. — Службы горожанъ. — Кормленіе воеводы и подъячихъ. — Столкновенія горожанъ съ воеводами, съ земскими старостами. — Борьба между лучшими и меньшими людьми. — Отношенія къ верховному правительству. — Судьба преобразованій Ордина-Нащокина во Псковѣ. — Торговый уставъ. — Сельское народонаселеніе. — Смыслъ крестьянскаго прикрѣпленія. — Стремленіе крестьянъ къ образованію своихъ отдѣльныхъ отъ города міровъ. — Печальное положеніе крестьянъ. — Необходимость переворота. — Новые учителя. — Расколъ. — Обличенія. — Церковныя соборы. — Затруднительное положеніе духовенства. — Значеніе Никонова дѣла. — Іосифъ Коломенскій. — Духовникъ Савиновъ. — Церковныя имѣнія. — Вопросъ о дѣлахъ бѣлаго духовенства. — Нравы и обычаи. — По-воротъ на новый путь. — Театръ. — Литтература.

---

При первомъ взглядѣ на карту Европы насъ поражаетъ различіе между двумя ея неравными половинами, западною и восточною. На западѣ земля развѣтвлена, острова и полуострова, на западѣ горы, на западѣ много отдѣльныхъ народовъ и государствъ: на востокѣ сплошная громадная равнина и одно громадное госу-



дарство. Первая мысль при этомъ, что двѣ, столько разнящіяся между собою, половины Европы должны были имѣть очень различную исторію. Мы знаемъ, какъ выгодны для быстроты развитія общественной жизни соѣдство моря, длинная береговая линія, умѣренная величина рѣзко ограниченной государственной области, удобство естественныхъ внутреннихъ сообщеній, разнообразіе формъ, отсутствіе громадныхъ, подавляющихъ размѣровъ во всемъ, благораствореніе воздуха, безъ африканскаго зноя и азіатскаго мороза: эти выгоды отличаютъ Европу передъ другими частями свѣта; на эти выгоды указываютъ какъ на причину блестящаго развитія европейскихъ народовъ, ихъ господства надъ народами другихъ частей свѣта. Но, указывая на эти выгоды, должно разумѣть только западную Европу, ибо восточная ихъ не имѣетъ; природа для западной Европы, для ея народовъ была мать; для восточной, для народовъ, которымъ суждено было здѣсь дѣйствовать,—мачиха. Если исчисленные природныя выгоды содѣйствуютъ раннимъ и сильнымъ успѣхамъ цивилизаціи, то понятно, почему на историческую сцену прежде всего являются южные полуострова Европы, почему древній цивилизованный міръ (Римская имперія) обхватывалъ въ Европѣ южные полуострова, Галлію и Британію, значить южную и западную окраины. Средняя и сѣверозападная Европа, Германія и Скандинавія присоединились къ римскому міру, т.-е. къ греко-римской цивилизаціи, послѣ; за ними примкнули къ ней западныя Славянскія племена, и наконецъ, уже очень поздно, предъявляетъ свои права на европейскую цивилизацію и государство, заключившее въ своихъ предѣлахъ восточную Европу. Такимъ образомъ въ исторіи распространенія европейской цивилизаціи мы видимъ постепенное движеніе отъ запада къ востоку по указанію природы, ибо на западѣ сосредоточиваются самыя благопріятныя условія для раннихъ успѣховъ цивилизаціи и постепенно ослабѣваютъ, чѣмъ далѣе на востокъ. Любопытно въ этомъ отношеніи замѣтить предѣлы, гдѣ въ Европѣ останавливается наплывъ дикихъ азіатскихъ ордъ, народовъ первичнаго образованія: и здѣсь видимъ ту же постепенность. Наплывъ Гунновъ останавливается на Каталонскихъ поляхъ въ Галліи; Аварамъ преграждаетъ дальнѣйшій путь въ Германію; Мадыры зашли далѣе на востокъ, въ Паннонію; Татары не могли и здѣсь остановиться, но наводнили восточную

равнину, гдѣ и прежде ихъ толпились подобныя имъ народы; вся эта почва, по выраженію нашихъ предковъ, склывается постепенно отсюда на востокъ, уступая Европѣ восточную ея половину. Но между пораженіемъ Аттилы при Шалонѣ до покоренія Крыма Екатериною Великою, когда должно положить окончательное очищеніе европейской почвы отъ господства Азіатцевъ, прошло сколько вѣковъ! На столько вѣковъ слѣдовательно исторія дала ходу впередъ западной Европѣ предъ восточною. Югозападные оконечности Европы впрочемъ подверглись въ средніе вѣка нашествію жителей азіатскихъ и африканскихъ пустынь — Арабовъ, которые надолго утвердили свое владычество на Пиренейскомъ полуостровѣ; въ этомъ отношеніи, при первомъ взглядѣ, судьба югозападной оконечности Европы сходна съ судьбою восточной ея украины, судьба Испаніи сходна съ судьбою Россіи; и Фердинандъ Католикъ, положившій конецъ владычеству Арабовъ въ Испаніи, современникъ нашему Іоанну III, при которомъ спало татарское иго; но какая однако разница: чтó заимствовали испанскіе Вестъ-Готы и другіе Европейцы у цивилизованнаго Араба, и чтó могли заимствовать Русскіе у Татарина съ товарищи-Башкирца, Чувашенина, Черемиса и т. п.!

Исторія-мачиха заставила одно изъ древнихъ европейскихъ племенъ принять движеніе съ запада на востокъ и населить тѣ страны, гдѣ природа является мачихою для человѣка. Въ началѣ новой Европейско-Христіанской исторіи два племени приняли господствующее положеніе и удержали его за собою навсегда, германское и славянское, племена-братья одного Индо-Европейскаго происхожденія; они подѣлили между собою Европу, и въ этомъ начальномъ дѣлѣжѣ, въ этомъ начальномъ движеніи—Нѣмцевъ съ сѣверовостока на югозападъ, въ области римской имперіи, гдѣ уже заложенъ былъ прочный фундаментъ европейской цивилизаціи, и Славянъ, наоборотъ, съ югозапада на сѣверовостокъ, въ дѣйствительныя и обдѣленные природою пространства, — въ этомъ противоположномъ движеніи лежитъ различіе всей послѣдующей исторіи обоихъ племенъ. О первоначальномъ различіи въ характерахъ ихъ, о преимуществѣ въ этомъ отношеніи одного передъ другимъ и о вліяніи этого различія на исторію мы не имѣемъ никакого права заключать, по недостатку извѣстій; мы видимъ только, что одно племя изначала дѣйствуетъ при самыхъ благо-

приятныхъ обстоятельствахъ, другое при самыхъ неблагоприятныхъ. Конечно, для Славянина, т.-е. преимущественно для Русскаго, есть сильное искушеніе предположить, что племя, которое, при всѣхъ самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, умѣло устоять, окруженное варварствомъ, умѣло сохранить свой европейско-христіанскій образъ, образовать могущественное государство, подчинить Азію Европѣ, что такое племя обнаружило необыкновенное могущество духовныхъ силъ, и естественно рождается вопросъ: племя германское, поставленное въ такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, съумѣло ли бы сдѣлать то же самое? Но непріятное восхваленіе своей національности, какое позволяютъ себѣ нѣмецкіе писатели, не могутъ увлечь русскихъ послѣдовать ихъ примѣру.

Славяне на великой восточной равнинѣ Европы. Ихъ селенія видѣются по Днѣпру и его притокамъ, по Днѣстру, Западной Двинѣ, Окѣ, по Ильменской озерной системѣ. Они живутъ отдѣльными родами, каждый родъ подъ своимъ родоначальникомъ; живутъ иные въ городахъ, но это громкое слово «городъ» не должно смущать насъ, возбуждать мысль о противорѣчій между существованіемъ городовъ и особаго родового быта. Городомъ называлось всякое укрѣпленіе, всякая городьба, и сравнительное изученіе явленій вполне объясняетъ дѣло: въ XVII вѣкѣ русскіе военные отряды, распространяя власть Великаго Государя по Сѣверной Азіи, находили туземцевъ, жившихъ отдѣльными родами, каждый подъ властію своего родоначальника или *князика*; но обыкновенно жилища семей, составлявшихъ родъ, были укрѣплены, обнесены острожками, которые Русскими людямъ надобно было брать иногда приступомъ, съ кровопролитіемъ; въ острожкѣ бывало по четырнадцати юртъ, а юрты большія, въ одной юртѣ жило семей по десяти <sup>1</sup>.—На сѣверѣ и сѣверовостокѣ отъ Славянъ жили финскія племена подъ подобными же формами быта; на югѣ и юго-востокѣ толпились хищные кочевники, смѣнявшіе, толкавшіе другъ друга. Славянамъ повременамъ тяжело приходилось отъ нихъ, не спасали города, падавшіе въ одиночку въ бесполезномъ сопротивленіи, и степной хищникъ запрягалъ славянскихъ женщинъ въ свою телегу.

Промчится буря — и все опять тихо и однообразно попрежнему; степные хищники исчезнутъ, оставивъ только пословицу «изгибоша яко Обри»; силы не возбуждаются постояннымъ при-

существомъ врага, какъ возбуждены были силы Германцевъ враждебными движеніями Римлянъ; да и какъ были бы возбуждены эти силы, когда племена разбросались, затерялись на такомъ огромномъ пространствѣ? Было бы слишкомъ смѣшно думать, что племена были многочисленны и наполняли сплошь пространство; повѣрка готова: многочисленно ли было здѣсь народонаселеніе, спустя много и много вѣковъ послѣ описываемаго времени? и теперь наша восточная равнина принадлежитъ къ малонаселеннымъ частямъ Европы: что жъ было за тысячу лѣтъ назадъ?

Но пробилъ часъ, историческое движеніе, историческая жизнь началась и для восточной Европы. По водной дорогѣ, тянущейся съ небольшимъ перерывомъ или волокомъ отъ Балтійскаго моря къ Черному, показываются лодки, наполненные вооруженными людьми: плыветъ русскій князь изъ Новгорода съ дружиною. «Платите намъ дань,» повторяютъ они въ каждомъ селеніи, у каждого острожка славянскаго. Требованіе не новое, несутъ мѣха, лишь бы только избавиться поскорѣе отъ гостей. Но на этотъ разъ гости не исчезаютъ какъ Авары, не уходятъ въ Донскія и Волжскія степи какъ Козары. На высокомъ западномъ берегу Днѣпра поднимается городъ, стольный городъ княжескій, мать городовъ, Кіевъ. Князь усаживается здѣсь съ дружиною, окрестнымъ племенамъ уже нѣтъ болѣе покоя; по всѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ ходитъ князь съ дружиною, собираетъ дань; куда ни придетъ самъ князь, придетъ мужъ княжой съ своею дружиною за данью; смотрятъ — гости рубятъ городки и усаживаются въ нихъ, садятся въ старыхъ городахъ, которые повыгоднѣе стоятъ и которые побольше. Кличутъ кличъ: кто хочетъ селиться около городовъ, будетъ защита и льгота; кто знаетъ нужное ремесло, будетъ пожива, дорого будутъ платить ратные люди, которымъ не самимъ же все на себя дѣлать. И города населяются, начинаются въ нихъ торги, стягивается народъ отовсюду, пустѣютъ села, князѣкь-родоначальникъ не досчитывается многихъ своихъ, ушли въ городъ, а все были люди хорошіе, досузіе на всякое дѣло. Но села опустѣютъ еще больше; кличутъ кличъ: князь идетъ въ походъ, собирайтесь кто сможетъ! Молодежь поднимается, рубятъ лодки, уходятъ и долго нѣтъ вѣсти; наконецъ возвращаются — другіе люди! были они въ самомъ Царѣградѣ, какіе чудеса тамъ видѣли! какія диковинныя вещи съ собою привезли! Грековъ побѣдили,



не смотря на всё ихъ хитрости, заставили дань платить; а кто отличился тотъ въ дружинѣ у князя или боярина; чудное житье въ дружинѣ: пирь да ловы съ утра до вечера, всего много у князя, ничего не жалѣть для дружины, а какой почетъ!

Такимъ образомъ исторія Россіи, подобно исторіи другихъ государствъ, начинается богатырскимъ или героическимъ періодомъ, т.-е. вслѣдствіе извѣстнаго движенія, у насъ вслѣдствіе появленія варяго-русскихъ князей и дружинъ ихъ, темная, безразличная масса народонаселенія потрясается, и происходитъ выдѣлъ изъ нея лучшихъ людей, по тогдашнимъ понятіямъ, т.-е. храбрѣйшихъ, одаренныхъ большою матеріальною силою и чувствующихъ потребность упражнять ее. Старая русская пѣсня очень хорошо опредѣляетъ намъ лучшаго человѣка, богатыря или героя: «Сила-то по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается, грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беременія.» Это мужи, люди по преимуществу, тогда какъ остальные въ глазахъ ихъ остаются поллюдьми, маленькими людьми, *мужиками*. Мужи или богатыри своими подвигами начинаютъ исторію; этии подвигами ихъ народъ становится извѣстенъ у чужихъ народовъ; эти же подвиги у своего народа становятся предметомъ пѣсенъ, перваго матеріала историческаго. Воображеніе народа поражено подвигами богатырей, ихъ побѣдами надъ вѣшними врагами, перемѣнами, которыя произведены ихъ движеніями внутри; все это, разумѣется, преувеличивается, представляется въ гигантскихъ размѣрахъ. Все, выходящее изъ ряда обычныхъ, ежедневныхъ явленій, младенчеству народъ приписываетъ вліянію высшихъ силъ, и богатыри необходимо являются существами выше простыхъ людей, имъ приписывается божественное происхожденіе; у насъ же при неразвитости миеологій и скоромъ вліяніи христіанства, богатырь хотя и не божественнаго происхожденія, однако, по крайней мѣрѣ, чародѣй: князь Олегъ, поразившій народное воображеніе удачнымъ походомъ на Константинополь и богатствами, оттуда привезенными, является необходимо чародѣемъ, вѣщимъ. Самый разсказъ о подвигахъ богатыря-чародѣя пріобрѣтаетъ чудодѣйственную силу, море утихаетъ, когда раздается пѣсня о богатырѣ: «Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ, синему морю на тишину, вамъ всёмъ добрымъ людямъ на послушанье.» Это старинное, форженное присловье показываетъ намъ, что богатырскія

иены впервые раздавались на тѣхъ лодкахъ, отъ которыхъ Черное море прозвалось Русскимъ.

Богатыри упражняли свою силу, отъ которой имъ было грузно; но что же дѣлалось вслѣдствіе этого на великой восточной равнинѣ? Мы видѣли, что среди племенъ появился городъ съ новымъ характеромъ, какъ мѣстопробываніе новой власти, мужа княжого; скоро потомъ въ лучшихъ городахъ являются и князья, сыновья, братья главнаго князя кievскаго; съ ними дружина, которая не позволитъ племени удерживать свою независимость, не платить ясака или дани; кромѣ того лучшія силы, лучшіе люди уходятъ изъ племени; одни въ дружину, другіе въ промышленное городское народонаселеніе, въ посадскіе люди. Народонаселеніе восточной равнины дѣлится уже не по племенамъ; здѣсь новое дѣленіе, три сословія на лицо: ратные люди, дружина, мужи, предъ которыми все остальное, не ратное народонаселеніе — черные люди, смерды, мужики; но послѣдніе дѣлятся также на два разряда: городское, промышленное сословіе и сельчанъ; послѣдніе естественно ослабли, потерявъ лучшія силы, ушли на самый задній планъ, объ нихъ не слышно; лѣтопись, какъ естественно, рассказываетъ только о тѣхъ, кто движется, этимъ движеніемъ обращаетъ на себя вниманіе, заставляетъ двигаться другихъ, производитъ перемѣны; лѣтопись поэтому рассказываетъ преимущественно о князьяхъ и ихъ дружинахъ, ибо они преимущественно движутся; иногда упоминаетъ и о горожанахъ, когда тѣ, разбогатѣвши, усилившись и воспользовавшись усобицами, раздѣленіемъ и ослабленіемъ князей, подняли голосъ, начали также двигаться и производить перемѣны своимъ движеніемъ; но лѣтописецъ молчитъ о селчанахъ: здѣсь тихо, нѣтъ движенія.

Племена исчезаютъ въ первый, богатырскій періодъ; вмѣсто нихъ являются волости, княженія, съ именами, заимствованными не отъ племенъ, а отъ главныхъ городовъ, отъ правительственныхъ, стянувшихъ къ себѣ окружное народонаселеніе центровъ. Ярославъ раздаетъ своимъ сыновьямъ волости, города, а не племена; это исчезновеніе племенныхъ именъ служить самымъ яснымъ доказательствомъ слабости племеннаго начала у насъ въ Руси. Въ исторіи Германіи мы постоянно встрѣчаемся съ Саксонцами, Турингами, Франконцами, Швабами, Баварцами, и въ соотвѣтствіе этому, мы знаемъ, что особность, самостоятельность и

сила племенъ были причинами того, что государственное единство Германіи стало невозможно, о чемъ плачутъ теперь нѣмецкіе патриоты. Сила племени, его стремленіе къ личности и самостоятельности обнаруживаются не въ томъ, что одно говоритъ — и тамъ, гдѣ другое употребляетъ ч; вліяніе племеннаго начала въ исторіи не обуславливается одними различіями въ нравахъ и обычаяхъ, происходящими отъ того, что одни живутъ въ странѣ болотистой, а другіе въ сухой, одни въ лѣсахъ, другіе въ степи; племенное начало является вліятельнымъ въ исторіи только тогда, когда племя многочисленно, сомкнуто подъ одною властію и путемъ исторической дѣятельности получило ясное сознаніе о своей самостоятельности, сознаніе о противоположности своей другимъ племенамъ, вслѣдствіе пріобрѣтенія особыхъ интересовъ. Но замѣчаемъ ли мы что-нибудь подобное у нашихъ племенъ до Рюрика и послѣ него? Неужели отказъ платить ясака, когда прежде его не платили, и возмущеніе части Древлянъ, выведенныхъ изъ терпѣнія хищничествомъ кievскаго князя, похожи на борьбу Саксонцевъ противъ вождя Франковъ, Карла Великаго?

Славянское народонаселеніе различныхъ мѣстностей восточной равнины потеряло свои племенные имена, значить потеряло сознаніе о племенныхъ особенностяхъ, о племенныхъ союзахъ; значить особенности эти не выдавались рѣзко; значить союзовъ этихъ не было, или были они случайнымъ явленіемъ. Быть этихъ племенъ, жившихъ отдѣльными родами, подвергся коренному преобразованію вслѣдствіе начала движенія, исторической жизни, вслѣдствіе появленія князя, дружинъ и городского народонаселенія, порознивашагося отъ сельскаго. Но перемѣны этимъ не ограничились: вслѣдствіе теройскаго, богатырскаго движенія, далекихъ походовъ на Византію, явилась и распространилась новая вѣра, христіанство, явилась церковь, еще новая, особая часть народонаселенія, духовенство; прежнему родоначальнику, старику нанесенъ былъ новый, сильный ударъ: онъ потерялъ свое жреческое значеніе; подлѣ него явился новый отецъ, духовный, священникъ христіанскій, и эта новая власть тянула къ городу, потому что тамъ жилъ архіерей.

Не понятно, что этотъ переворотъ въ бытѣ славянскаго народонаселенія восточной равнины не могъ закончиться въ продолженіе начальнаго, богатырскаго времени, отъ Рюрика до смер-

ти Ярослава 1-го. Известно, напримеръ, какъ слабо еще укоренено было христіанство въ концѣ этого времени и долго спустя, какъ въ Новгородѣ волея чутъ не обратить всего народа снова къ древнему язычеству. Всенародное движеніе первыхъ князей обхватило всѣ племена, и въ каждомъ болѣе или менѣе повеле къ означеннымъ переѣмамъ; но известно, что юныя тѣла представляютъ сходство съ тѣлами одряхлѣвшими; ибо и здѣсь и тамъ дѣйствуетъ одинаково слабость: такъ и новорожденные государства сходны, повидимому, въ томъ съ одряхлѣвшими, что не могутъ сохранить единства, непосредственной связи между частями. Одряхлѣвшее римское государство покончило свое существованіе раздѣленіемъ; раздѣленіемъ новыя европейскія государства начинаютъ свою исторію. Новорожденное русское государство не могло не подчиниться общему закону. Но должны ли мы здѣсь останавливаться на одной видимости, ограничиваться однимъ виѣшнимъ, поверхностнымъ взглядомъ и признать дѣйствительное раздѣленіе? Конечно нѣтъ. Мы должны, наоборотъ, обратить все наше вниманіе на то, на чемъ, при виѣшнемъ дѣленіи, держится внутренняя связь частей, что не даетъ имъ обособиться; какъ постепенно укрѣпляется связь частей, единство государственное; мы должны слѣдить за развитіемъ, ростомъ государства, виѣсть за развитіемъ, ростомъ народа, за постепеннымъ уясненіемъ сознанія его о себѣ, какъ единомъ цѣломъ.

Мы видѣли, что племена не были въ состояніи противодѣйствовать усиленію государственнаго единства. Главнымъ препятствіемъ этому единству могло быть громадное пространство государственной области, очерченной оружіемъ первыхъ Рюриковичей. Съ успокоеніемъ движенія, богатрства, знаменующаго начало исторической жизни народа, или съ отвлеченіемъ этого движенія куда-нибудь въ другую сторону, связь собственной въ началѣ Руси, кievской области съ отдаленными волостями, могла ослабѣть; правители волостей; благодаря отдаленности, могли устремиться къ самостоятельности, особенно еслибы главный князь кievскій сталъ требовать отъ нихъ исполненія тяжелыхъ обязанностей, большой дани себѣ съ ихъ волостей; тогда бы и выгоды народонаселенія этихъ областей совпали съ выгодами правителя и все виѣсть начало бы стремиться къ независимости. Чтобы удержать всѣ части въ связи, надобно было, чтобы дви-



женіе, знаменующее первый, богатырский періодъ, не прекращалось, чтобъ представители историческаго движенія, князь и дружина, не прекращали своего движенія, но перебѣгали бы безпрестанно огромныя пространства восточной равнины, не давая волюстятъ обособляться, возбуждая ихъ непрерывно къ общей жизни. Это именно явленіе мы и видимъ во время, протекшее отъ смерти Ярослава 1-го до вытѣсненія Сѣверной Руси на главную сцену дѣйствія. Движеніе сильное, непрерывное, князья съ дружинами переходятъ изъ одной волости въ другую, идетъ борьба, усобицы, и вся сила движенія сосредоточена внутри русскихъ областей, не выходитъ наружу: много видимъ князей—богатырей не хуже древняго Святослава Игоревича, но ни одинъ изъ нихъ не переселяется на Дунай. Это движеніе условливалось родовыми княжескими отношеніями: князья разошлись по волостямъ, даже самыя отдаленныя, но единство рода сохранялось, главный столъ принадлежалъ старшему въ цѣломъ родѣ, а лучшія волости доставались по степени старшинства: отсюда князья только временныя владѣльцы въ волостяхъ своихъ; все ихъ вниманіе обращено на то, чтобъ не потерять своего старшинства, какъ права на лучшую волость; взоры ихъ устремлены постоянно на Кіевъ и вмѣсто стремленія обособиться, они считаютъ величайшимъ несчастіемъ для себя, если принуждены выйти изъ общаго родоваго движенія.

Но понятно, что если все вниманіе князей обращено на одно общее средоточіе, если у нихъ у всѣхъ одинъ общій интересъ, если всѣ тянутъ къ Кіеву, то и волости, и народонаселеніе этихъ волостей не могутъ обособиться: Ростовцы и Черниговцы, Владимирцы на Волынѣ и Смольняне должны обращать постоянное вниманіе на Кіевъ, на Переяславль; ибо перемѣны, которыя произойдутъ здѣсь, непременно повлекутъ за собою важныя перемѣны и для ихъ области: или прежній князь уйдетъ, придетъ другой на его мѣсто, или начнется усобица, въ которой ихъ князь и они сами должны будутъ принять участіе. Такимъ образомъ посредствомъ родовыхъ княжескихъ отношеній, посредствомъ безпрестанныхъ передвижекъ князей и дружинъ ихъ изъ одной области въ другую, народонаселеніе и самыхъ отдаленныхъ областей не могло высвободиться изъ общей жизни, постоянно имѣло общіе интересы и укореняло въ себѣ сознаніе о нераздѣльности

русской земли. Разумѣется, частыя сѣбны князей вслѣдствіе родовыхъ ихъ счетовъ и усобицы, отъ запутанности въ этихъ счетахъ происходившія, должны были имѣть тяжелыя послѣдствія для народонаселенія областей; но нельзя было заставить князя отказаться отъ родового единства; Новгородцы пробовали было завести у себя постоянного князя, но безуспѣшно. По крайней мѣрѣ связь съ Кіевомъ ничего не стоила областямъ въ другомъ отношеніи: онѣ ничего не платили въ Кіевъ и были отъ него совершенно независимы.

Къ единству политическому, державшемуся родовыми княжескими отношеніями, присоединялось единство церковное: единый митрополитъ жилъ въ Кіевѣ, и къ нему тянули епископы всей русской земли, къ Кіеву тянуло все русское христіанство, которое все болѣе и болѣе распространялось по восточной равнинѣ, тѣся славянское и финское язычество. Къ Кіеву тянуло русское христіанство не потому только, что тамъ было средоточіе церковнаго управленія: изъ Кіева распространилось христіанство повсюду, сперва вслѣдствіе ревности князей и движенія ихъ съ дружинами по областямъ; но потомъ изъ Кіева же пошли съ проповѣдію христіанства монахи; Кіевопечерскій монастырь рассылалъ епископовъ повсюду; религіозное движеніе къ Кіеву по всемъ частямъ русской земли, обычай ходить на поклоненіе святынямъ Кіева не со вчерашняго дня.

Такимъ образомъ то время, которое съ перваго раза кажется временемъ раздѣленія, розни, усобицъ княжескихъ, является временемъ когда именно было положено прочное основаніе народному и государственному единству. Во время, протекшее отъ призванія князей до смерти Ярослава, племена волею-неволею были втолкнуты въ общую жизнь, быть ихъ подвергся измѣненіямъ; но это были во всемъ только начатки; чтобъ эти начатки развились, укрѣпились, нужно было продолженіе такого же сильнаго движенія князей и дружинъ ихъ, движенія, сосредоточеннаго въ области, набожденной оружіемъ первыхъ князей. И дѣйствительно мы видимъ это движеніе, совершающееся вслѣдствіе единства княжескаго рода, родовыхъ счетовъ между князьями. Время и отъ смерти Ярослава до Боголюбскаго представляетъ намъ продолженіе того же героическаго, богатырскаго періода, періода движенія, имѣющаго цѣлю пробужденіе исторической жизни.

Князья попрежнему отличаются богатырскимъ характеромъ; они движутся безпрестанно изъ одной области въ другую; усьются на одномъ мѣстѣ, завести что-нибудь прочное, постоянное не въ ихъ характерѣ; хорошій князь не долженъ ничего копить, собирать въ прокъ, долженъ все раздавать дружинѣ, съ которою можетъ добыть все; князь имѣетъ въ виду постоянное движеніе съ одного стола на другой до тѣхъ поръ, пока не сложитъ костей въ завѣтномъ Киевѣ, подлѣ гробовъ отцовскихъ и дѣдовскихъ. Князь-богатырь, который оставилъ по себѣ больше другихъ славы, Мономахъ, самъ подалъ о себѣ вѣсть потомству, описавъ свою дѣятельность: эта дѣятельность состояла въ вѣчномъ движеніи, въ непрерывныхъ походахъ изъ одной стороны въ другую. Если мы взглянемъ на карту Россіи и припомнимъ, что должно было представлять это громадное пространство въ XI и XII вѣкахъ, то понятно намъ станетъ значеніе Мономаха, значеніе этой постоянной передвижки, бѣготни, подлѣ условіемъ которыхъ поддерживались начатки исторической жизни во всѣхъ частяхъ, поддерживалось всюду сознаніе о единствѣ русской земли.

До призванія князей существовали отдѣльные племена, сходствомъ своимъ способныя принадлежать къ одной народности; съ призваніемъ князей, съ началомъ историческаго движенія, племена приводятся въ связь, преимущественно ви́шнюю, начинается переработка ихъ быта; но только благодаря явленіямъ, характеризующимъ время отъ смерти Ярослава до конца XII вѣка, является русскій народъ.

Такъ важно было продолженіе движенія на великой восточной равнинѣ Европы, продолженіе героическаго, богатырскаго періода русской исторіи по условіямъ, среди которыхъ эта исторія началась, по обширности и дѣятельности страны. Но теперь всмотримся въ слѣдствіе этого продолжительнаго движенія. Когда мы представляемъ себѣ постоянное, продолжительное движеніе, то это представленіе не даетъ мѣста представленію о чемъ-либо прочномъ, установившемся. Въ западной Европѣ, при началѣ ея новыхъ государствъ, мы видимъ движеніе германскихъ дружинъ съ ихъ вождями въ области Римской имперіи и вооруженное занятіе ими этихъ областей. Но здѣсь мы видимъ, что пришельцы овладѣваютъ землею, усаживаются на ней, главные вожди изъ своихъ обширныхъ земельныхъ участковъ выдѣляютъ другимъ

въ пользованіе съ извѣстными обязанностями; волости, розданныя во временное владѣніе, по разнымъ причинамъ, становятся наследственными; слабый землевладѣлецъ, желая приобрести покровительство сильнаго сосѣда, отдаетъ ему свою землю и получаетъ ее назадъ уже съ извѣстными обязанностями къ сильному. Здѣсь на западѣ, на основаніи поземельныхъ отношеній, образуется та связь между землевладѣльцами, которую мы называемъ феодализмомъ, связь, которая въ первыя времена, времена слабости государственнаго организма, точно также содѣйствовала сохраненію единства страны, какъ наши родовыя княжескія отношенія. Земля, отношенія по землѣ составляютъ сущность феодальной системы. Эта система, по счастливому выраженію одного историка, есть какъ бы религія земли. Недвижимое имущество, земля, господствуетъ, и только послѣ, вслѣдствіе развитія промышленности и торговли, процвѣтанія городовъ, получаетъ важное значеніе движимое имущество, деньги, является и денежная аристократія подлѣ земельной. Но у насъ на восточной равнинѣ мы не замѣчаемъ подобнаго явленія. Какъ не вчитываемся въ лѣтопись, чтобъ подмѣтить въ ней указанія на земельныя отношенія дружины—не находимъ ничего. И опять если обратимъ вниманіе на главное условіе, при которомъ началась и продолжалась русская исторія, именно на обширность страны и малочисленность народонаселенія, то дѣло объяснится легко: земли было слишкомъ много, она не имѣла цѣнности безъ обрабатывающаго ее народонаселенія; главный доходъ князя, который, разумѣется, шелъ преимущественно на содержаніе дружины, состоялъ въ дани, которую князь собиралъ съ племенъ и которая потомъ продавалась въ Грецію; въ началѣ, если князь не ходилъ за данью, то дружина его бѣдствовала: «у Свѣнльдovýchъ отроковъ много оружія и платья, а мы босы и наги; пойдемъ, князь, съ нами за данью!» говоритъ дружина Игоря. Извѣстіе драгоцѣнное, показывающее намъ, какъ мы должны смотрѣть на дѣло. Дружинники не усаживаются на выдѣленныхъ имъ земельныхъ участкахъ въ самостоятельномъ положеніи землевладѣльцевъ, обеспеченныхъ доходомъ съ этихъ земель; они остаются съ прежнимъ характеромъ спутниковъ, товарищей князя, остаются при немъ, въ полной зависимости отъ него относительно содержанія; они привязаны къ особѣ князя, вождя своего, который ихъ кор-

мѣ и одѣваетъ; кормить и одѣваетъ дурно, они ропшутъ, и если ропотъ не производить дѣйствія, если князь не уступаетъ имъ, какъ уступилъ Владиміръ, выложившій серебряныя ложки вмѣсто деревянныхъ, то дружинники уходятъ къ другому князю, который щедрѣе. Но, можетъ-быть, такъ было только вначалѣ, послѣ отношенія перемѣнились? Нисколько: отъ позднѣйшаго времени доходить до насъ извѣстія, что дружинники кормились не отъ земли, но получали отъ князя денежное жалованье: лѣтописецъ, жалуясь на усиленіе роскоши, говорить, что прежніе дружинники не позволяли женамъ своимъ излишней роскоши, и потому довольны были сотнею гривенъ, получаемыхъ отъ князя, а теперь говорятъ: «мало мнѣ, князь, ста гривенъ!» потому что жены ихъ стали носить золотыя украшенія вмѣсто серебряныхъ.

Иначе и быть не могло при родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ, когда князь не былъ крѣпокъ въ своей волости, но, стремясь по родовой лѣтствицѣ къ старшему столу, переходилъ изъ одной волости въ другую; дружина слѣдовала за нимъ; князя выгоняли враждебные родичи, дружину постигала та же участь. При подобной перекочевкѣ могла ли недвижимая, земельная собственность имѣть важное значеніе?

Такимъ образомъ дружина, послѣ появленія ея на восточной равнинѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ не усаживается, но сохраняетъ первоначальный характеръ, характеръ военнаго общества, братства, которое съ своимъ вождемъ движется, ища подвиговъ и добычи. Дружина хорошо, весело живетъ при князѣ: князь старшій товарищъ, старшій братъ, а не повелитель; онъ не таится отъ дружины, дружина знаетъ всякую его думу; онъ ничего не щадитъ для дружины, ни ѣды, ни питья, ничего не копить себѣ, все роздаетъ дружинѣ; а не хорошъ князь, думаетъ свою думу врознь отъ дружины, скупъ князь, или завелъ любимца, дружинники покидаютъ его: имъ легко это дѣлать; они не связаны съ областію, гдѣ править покинутый князь, они русскіе, а русская земля велика и князей много: каждый съ радостію приметъ добраго воина. Такъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ русскіе дружинники привыкали жить въ этой первоначальной формѣ военнаго братства, привольно двигаясь изъ волости въ волость на неизмѣримомъ пространствѣ; сохраняя первоначальную волю, свободу перехода, право служить какому захочетъ князю, при-

вышли жить беззаботно, не думая о загроможденнѣмъ дѣлѣ, не чувствуя никакого давленія сверху, не чувствуя нужды соединять свои силы для отпора, для защиты своихъ правъ, привыкли избѣгать всякой непріятности, всего дурного не сопротивленіемъ, но уходомъ, привыкли руководиться интересами личными, а не сословными.

Но, говоря о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ и важныхъ слѣдствіяхъ этихъ отношеній для дружины, мы не должны упускать изъ виду одного чрезвычайно важнаго обстоятельства, именно быстрого размноженія членовъ Рюрикова княжескаго рода. Приведенный нами случай, когда дружинники становятся землевладѣльцами, не есть единственный случай образованія сильнаго вельможества въ странѣ. Вельможество происходитъ также, когда князь роздаетъ своимъ приближеннымъ города и цѣлыя области въ управленіе; эти правители естественно пріобрѣтаютъ важное значеніе и передаютъ его потомству. Такъ произошло польское вельможество, которое очень скоро уже начинаетъ бороться съ королевскою властію, ограничивать ее. Но въ Россіи очень быстро размножаются члены княжескаго рода, вслѣдствіе чего всѣ области и всѣ сколько-нибудь значительные города управляются князьями, и для бояръ прегражденъ такимъ образомъ путь къ образованію могущественнаго, въ родѣ польскаго, вельможества; на первомъ планѣ князья, ихъ родовые счеты и движенія, борьбы вслѣдствіе этихъ счетовъ; дружина, увлеченная вихремъ этого движенія, не успѣваетъ пріобрѣсти никакого самостоятельнаго значенія; отсюда понятно, почему въ описываемое время князья наполняютъ почти исключительно всю историческую сцену; лѣтопись является лѣтописью княжескою, говорить о князьяхъ, ихъ однихъ имена попадаютъ безпрестанно въ глаза и производятъ такое утомительное однообразіе.

Но всмотримся пристальнѣе: подлѣ князей и дружинъ ихъ, не успѣвшихъ, перекочевывающихъ изъ одной области въ другую, что обличаетъ общество новорожденное, мы замѣчаемъ любопытное явленіе, которое еще болѣе обличаетъ новорожденное общество, явленіе уже невозможное въ обществѣ сколько-нибудь зрѣломъ, сформировавшемся: лѣтопись упоминаетъ о богатыряхъ, людяхъ, отличающихся особенною физическою силою и храбростію, и которые не входятъ въ дружину княжескую, составляютъ

особую силу, помогая то тому, то другому князю. Исторія может еще подѣлѣть на дѣйственной восточной равнинѣ процессъ первоначальнаго выдѣленія силъ изъ народонаселенія, приведеннаго въ движеніе. А если сравнимъ общество, о которомъ идетъ рѣчь и которое мы называемъ новорожденнымъ въ смыслѣ общества европейскаго, отличающагося сложностію своего построенія, чѣмъ оно и выше, совершеннѣе другихъ обществъ, — если мы сравнимъ русскій народъ XI и XII вѣка съ сосѣдями восточными, то какъ высоко станетъ онъ! Подлѣ степь съ ея кочевыми обитателями; и здѣсь мы опять можемъ наблюдать переходъ народовъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому; между дикими степными кочевниками и осѣдлою Русью образуются народцы полукочевые и полуосѣдлые, полунезависимые, имѣющіе собственныхъ князьковъ, но признающихъ верховную власть русскихъ князей, при чемъ однако нерѣдко измѣняютъ въ пользу своихъ дикихъ собратій.

По въ то время какъ на восточной равнинѣ князья и дружины, сохраняя первоначальный богатырскій характеръ, не покидаютъ движенія, не привязываются землевладѣніемъ, какъ на западѣ, города, которымъ, вслѣдствіе счастливаго положенія своего, удалось подняться чрезъ промышленность и торговлю, необходимо должны были пріобрѣсти важное значеніе, именно потому, что другія силы, князь и дружина, представляли начало подвижное, измѣняющееся, а города представляли постоянное, прочное. Волости, земли, второстепенные, младшіе города тянутъ къ старшему, сначала потому, что тамъ живетъ князь; но теперь князья мѣняются, спорять, трудно разобрать, кто изъ нихъ правъ? и младшіе города, вся волость, естественно, по старой привычкѣ, смотрятъ на старшій, что тамъ скажутъ? какъ рѣшатъ? такъ и всѣ другіе рѣшатъ. Старшіе города, жители его, собранные на вѣчѣ, являются такимъ образомъ *властію*, и на чемъ они, старшіе, положатъ, на томъ и пригороды стануть. При множествѣ князей, ихъ спорахъ и усобицахъ, города естественно стремились къ тому же положенію, какое пріобрѣла дружина, переходить отъ дурнаго князя къ лучшему. Вскорѣ по смерти Ярослава, когда явилось уже нѣсколько князей, Кіевляне выгоняютъ князя, который не умѣлъ защитить ихъ отъ Половцевъ, и берутъ себѣ другаго, его плѣнника. Въ послѣдствіи эти явленія повторяются, гдѣ чаще, гдѣ

рѣше, въ Новгородѣ Великомъ чаще всего. Естественнo, что при этомъ происходили условія, ряды. Только новгородскіе ряды дошли до насъ; что же касается до другихъ городовъ, то нельзя думать, чтобъ въ нихъ было много опредѣленій относительно самостоятельности городского управления: какъ дружинникъ, имѣя возможность обезпечивать себя лично-свободнымъ переходомъ, забылъ думать о какихъ-либо другихъ опредѣленіяхъ своего сословнаго положенія, точно такъ и города встрѣчали препятствіе къ точнѣйшимъ опредѣленіямъ своего быта, именно въ возможности переимѣнить дурнаго правителя и судью; призовуть на его мѣсто хорошаго, уговорятся съ нимъ, чтобъ поставилъ всюду хорошихъ второстепенныхъ правителей и судей, и все пойдетъ хорошо. На западѣ владѣлецъ жилъ постоянно тутъ, былъ вѣчнымъ землевладѣльцемъ; отъ его притѣсненій городу не было другого средства, какъ поцѣловать крестъ *стоять за одинъ* (*jurer la com- pte*), съ помощію высшаго авторитета заставить притѣснителя опредѣлить навсегда свои отношенія къ городу. На Руси же иное дѣло: противъ князя добраго и не сильнаго не нужно обезпеченій, а придетъ на его мѣсто князь сильный, тотъ не станетъ смотрѣть на рядъ своего предшественника, не будучи съ нимъ ничѣмъ связанъ, часто будучи врагомъ еге; высшаго же авторитета, который бы могъ утвердить права города относительно его князя, нѣтъ; всѣ князья равны на своихъ столахъ и высшаго надъ собою не признаютъ. Наконецъ, лучшее доказательство неразвитости самоуправленія въ древнихъ городахъ русскихъ,—что когда нѣкоторые изъ нихъ подпали подъ власть Литвы, то приняли чужія формы самоуправленія, именно нѣмецкое Магдебургское право: чужія формы добровольно берутся тогда, когда нѣтъ своихъ.

Духовенство, начальные его люди, архіереи, хотя часто и пришельцы, но, оставаясь постоянно среди своей паствы, не могли не имѣть большаго вліянія на дѣла волости, на ея отношенія къ князьямъ; владыкѣ принадлежало первое мѣсто во всякомъ видномъ случаѣ. Среди постоянно движущихся, другъ съ другомъ воюющихъ князей, среди движущихся вмѣстѣ съ князьями дружинъ, среди волостей, колеблющихся, матущихся вслѣдствіе этого движенія и борьбы, единый митрополитъ Киевскій и всея Руси могъ бы пріобрѣсти огромное значеніе: это была одна постоян-



ная сила среди других движущихся, слѣдовательно слабѣйшихъ. Но этотъ митрополитъ былъ обыкновенно Грекъ, чужой человѣкъ, безъ языка передъ народами, безъ вліянія.

Такимъ образомъ во сто лѣтъ, протекшія отъ смерти Ярослава I-го, мы видимъ, что, преимущественно вслѣдствіе продолженія движенія, всѣ элементы задержаны въ своемъ развитіи, на лицо все первоначальныя формы: бродячія дружины, члены ихъ, свободно переходящіе отъ одного князя къ другому, въ члѣ дружинъ неутомимые князья-богатыри, переходящіе изъ одной волости княжить въ другую, ищущіе во всѣхъ странахъ честь свою взять, не помышляя ни о чемъ прочномъ, постоянномъ, не имѣя своего, но все общее родовое; вѣча съ первоначальными формами народныхъ собраній безо всякихъ опредѣленій; а тутъ на границѣ кочевники переходятъ къ полусѣдлости, немного далѣе, въ степи, видѣются вежи и чистыхъ кочевниковъ. Все здѣсь на восточной равнинѣ отзывается первобытнымъ міромъ, общество какъ будто еще въ жидкомъ состояніи, и нельзя предвидѣть, въ какомъ отношеніи найдутся общественные элементы, когда наступитъ время перехода изъ этого жидкаго, колеблющагося состоянія въ твердое, когда все усядется и начнутся опредѣленія.

Когда же и гдѣ именно, при какихъ условіяхъ начались эти опредѣленія? Отъ уясненія этихъ вопросовъ зависитъ уясненіе всего послѣдующаго хода исторіи. Мы видѣли, что исторія сначала выбираетъ всегда лучшія земли, и отсюда постепенность историческаго движенія въ Европѣ съ юга на сѣверъ или съ югозапада на сѣверовостокъ. То же самое видимъ и у насъ на восточной равнинѣ. Исторія начинается здѣсь на западѣ, на водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное; начинается на сѣверозападѣ, но уже второй князь переселяется съ сѣвера на югъ, въ среднее приднѣпровье, въ лучшія страны, гдѣ и образуется собственная въ древности Русь. Здѣсь, въ западной части равнины, по великому водному пути, остается главная историческая сцена при первыхъ князьяхъ и сто лѣтъ спустя по смерти Ярослава Великаго. Но мы видѣли, что изначала Славянамъ суждено было двигаться на сѣверовостокъ, въ страны, болѣе и болѣе обдѣленные природою: какой-то сильный врагъ когда-то потѣснилъ Славянъ съ Дуная и заставилъ часть ихъ поселиться по рѣкамъ

восточной равнины; но и тутъ, въ лучшихъ югозападныхъ частяхъ этой равнины, они не могли долго оставаться въ покоѣ, даже и тогда когда русскіе князья соединили ихъ и въ челѣ дружинъ своихъ стали на сторожѣ русской земли, обстроили ее городками со стороны степи: ни Русскіе князья съ ихъ дружинами, ни русскіе городки не могли сдерживать наплыва кочевниковъ; города и села лежали пустые, обгорѣлые, пахарь не смѣлъ выѣхать на работу, половецкіе вежи наполнялись русскими рабами, и походы князей въ далекія степи на разгромъ хищниковъ приносили только минутное облегченіе. Черниговскій князь объявилъ, что его волость опустошена, что въ его городахъ живутъ только псаря да Половцы; другія пограничныя со степью княжества не могли быть въ лучшемъ положеніи. Усобицы княжескія происходили преимущественно въ этихъ же странахъ и князья приводили тѣхъ же Половцевъ.

Такое несчастное положеніе югозападной украины необходимо заставляло часть ея жителей выселяться въ страны болѣе спокойныя. Эти страны были именно отдаленныя сѣверовосточныя волости русскія, суровая климатомъ, бѣдная населеніемъ область верхней Волги, гдѣ князья, тяготясь малолюдностію, отовсюду призывали насельниковъ, давали имъ льготы, строили имъ города.

Въ какихъ же условіяхъ нашлось народонаселеніе въ этой новой странѣ?

Если въ старой, западной или югозападной Руси племенное дѣленіе имѣетъ такъ мало историческаго значенія, то въ новой сѣверовосточной Руси о племенахъ нѣтъ и помину. Лѣтопись, до прихода варягорусскихъ князей, указываетъ здѣсь финскія племена: но въ половинѣ XII вѣка мы имѣемъ здѣсь дѣло уже съ славянорусскимъ народонаселеніемъ. Прибытіе однихъ русскихъ князей съ ихъ дружинами не могло ослабить туземцевъ: мы знаемъ, какъ обыкновенно господствующій классъ сохраняетъ одну народность, а низшее народонаселеніе—другую; для ослабленія сѣверосточной Руси необходимъ былъ сильный приливъ славянскаго народонаселенія въ города и села. Но этотъ приливъ совершился не цѣлыми особыми племенами, а въ разбродъ; стекались по одиночкѣ или небольшими толпами изъ разныхъ мѣстностей, сталкивались съ чужими, съ иноплеменниками, безъ возможности слѣдовательно сейчасъ же составить крѣпкій союзъ, при-

ходили съ сознаніемъ своей слабости, зависимости. Въ западныхъ областяхъ Славяне были старые насельники, старые хозяева, князья были пришельцы; на востокъ, наоборотъ, славянскіе поселенцы являются въ страну, гдѣ уже хозяйничаетъ князь; князь строить городки, призываетъ насельниковъ, даетъ имъ льготы; насельники всѣмъ обязаны князю, во всемъ зависятъ отъ него, живутъ на его землѣ, въ его городахъ. Эти-то отношенія народонаселенія къ князю и легли въ основу того сильнаго развитія княжеской власти, какое видимъ на сѣверѣ. Разумѣется многое зависѣло здѣсь отъ того, воспользуются ли князья своими выгодными отношеніями къ новому народонаселенію, къ новымъ *своимъ* городамъ, не встрѣтятъ ли въ другихъ частяхъ народонаселенія сильныхъ препятствій. Явился именно такой князь, который какъ нельзя лучше воспользовался своими выгодными отношеніями къ новому народонаселенію, именно Андрей Боголюбскій. Онъ переселяется жить изъ стараго города Ростова Великаго въ новый Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть княжеская не встрѣтитъ преградъ. Андрей понимаетъ очень хорошо значеніе слова: *мое, собственность*, и не хочетъ знать юга, гдѣ князья понимаютъ только общее родовое владѣніе. Андрей, какъ древній богатырь, чуетъ силу, получаемую отъ земли, къ которой онъ припалъ, на которой утвердился навсегда; онъ не покидаетъ этой земли, не переѣзжаетъ въ Кіевъ, когда тотъ достался ему и по родовымъ правамъ, и по правамъ побѣды. Этотъ первый примѣръ привязанности къ своему, особому, первый примѣръ осѣдлости становится священнымъ преданіемъ для всѣхъ сѣверныхъ князей, и отсюда начинается новый порядокъ вещей.

Мы сказали: при зачатѣ утвержденія новаго порядка вещей многое зависѣло отъ того, воспользуются ли князья своими выгоднымъ положеніемъ, не встрѣтятъ ли препятствій въ другихъ частяхъ народонаселенія? Дѣло не обошлось безъ борьбы. Южные князья-богатыри, привыкшіе съ молодю никого не бояться, кромѣ Бога одного, встали, увидавъ, что Андрей, сѣверный самовластецъ, сталъ обходиться съ ними не попрежнему, не какъ съ родственниками, но какъ съ подручниками; они разбили большое войско Андреево, посланное противъ нихъ на югъ; но этимъ оборонительнымъ дѣйствіемъ князей дѣло и кончилось на югѣ; сѣверъ съ зачавшимся въ немъ новымъ порядкомъ остался не

тронуть. Новгородъ Великій съ храбрыми княземъ, прїѣхавшими къ нему съ юга, отбилъ отъ полковъ Андреевыхъ, видѣлъ бѣгство ихъ отъ стѣнъ стоихъ, но этими оборонительными дѣйствіями со стороны сильнѣйшаго самовластительнаго города на Руси, дѣло и кончилось; Новгородъ Великій не помогъ Ростову Великому, въ который Андрей ударилъ пятою, по тогдашнему выраженію, переѣхавъ жить въ пригородъ, и украшалъ этотъ пригородъ какъ стольный городъ на зло старому Ростову. Мы видѣли, какъ привыкли жить друженники съ княземъ, не какъ съ повелителемъ, но какъ съ старшимъ товарищемъ, какъ съ вождемъ, которому служить по любви, изъ охоты, и покидаютъ при первомъ неудовольствіи. Андрей не ужился съ этими обычными требованіями дружины и погналъ изъ своей волости старыхъ бояръ отцовскихъ: что же бояре остальныхъ волостей русскихъ? встали за обиду товарищей? Нисколько.

Повсюду ограничились только обороною отъ наступательныхъ дѣйствій сѣвернаго самовластца; онъ остался нетронутымъ въ своей волости. Здѣсь борьба не кончилась: Андрей палъ жертвою новаго порядка, имъ введеннаго, бояре убили его. Не это воровское дѣло, это ночное нападеніе, ночное убійство суроваго господина показываетъ лучше всего — слабость въ людяхъ, совершившихъ преступленіе. Однако человѣка, сжимавшаго все въ сильной рукѣ, не было болѣе, слѣдовательно теперь все что было сжато только, а не изгнано, могло подняться, выпрямиться. Поднимается старый вѣчевой городъ Ростовъ, хочетъ низложить дерзкій пригородъ Владимірѣ, взявшій первенство по волѣ князя; съ старымъ городомъ, по единству выгодъ, соединяются бояре; но пригороды побѣждаютъ, Ростовъ окончательно теряетъ свое значеніе и князья утверждаютъ въ пригородахъ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть ихъ ничѣмъ не стѣснена.

Исходъ борьбы между старымъ городомъ и новыми имѣлъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій на сѣверѣ, а слѣдовательно и въ цѣлой Россіи, ибо сѣверъ получаетъ преобладающее значеніе. Мы видѣли, что вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній, перемѣненій и усобицъ, власть княжеская являлась чѣмъ-то непостояннымъ, измѣняющимся, и во сколько она ослабѣла чрезъ это, во столько выиграло значеніе старшаго города въ волости, который представлялъ власть постоянную. Такимъ

образовъ въ землѣ подлѣ власти княжеской являлась другая власть, и чѣмъ чаще въ которой землѣ мѣнялись князья, и чѣмъ съ меньшими силами приходили они какъ искатели волости, стола, тѣмъ болѣе поднималось значеніе другой, постоянной власти, города: такъ Новгородъ Великій поднялся до значенія *исударя*, хотя не исключилъ и власти княжеской, остался при выработанномъ исторіею двоевластіи, не постаравшись о болѣе точномъ юридическомъ опредѣленіи. Такое двоевластіе было болѣе или менѣе и въ другихъ областяхъ, въ другихъ земляхъ во время господства родовыхъ княжескихъ отношеній. Но какъ скоро на сѣверѣ князь сдѣлалъ первую попытку установиться, сдѣлаться властію постоянною, то естественно онъ прежде всего долженъ былъ столкнуться со властію старшаго города. Исходъ столкновенія легко было предвидѣть на сѣверѣ, гдѣ князь явился повелителемъ страны, строителемъ городовъ, гдѣ князь слѣдовательно создалъ себѣ силу, опираясь на которую могъ начать поведеніе, какимъ отличался Андрей Боголюбскій. Андрей, впрочемъ, какъ видно, не вступалъ въ открытую борьбу съ старымъ городомъ Ростовомъ, онъ только оставилъ его и устроилъ себѣ свой столичный городъ въ пригородѣ Владимірѣ, онъ точно также поступилъ и съ Кіевомъ, старшимъ городомъ во всей Русской землѣ; племянникъ его Ярославъ Всеволодовичъ хотѣлъ точно также поступить съ Новгородомъ, покинувши его и утвердивши свое пребываніе въ пригородѣ Торжкѣ. Только когда по смерти Боголюбскаго Ростовцы высказали свои требованія, началась открытая борьба между ними и братьями Андрея, кончившаяся пораженіемъ Ростовцевъ. Не удивительно, что борьба была непродолжительна: обративъ вниманіе на положеніе Ростова, трудно предположить, чтобъ этотъ городъ былъ силенъ, имѣлъ многочисленное народонаселеніе вслѣдствіе большой торговой дѣятельности; трудно предположить, чтобъ этотъ городъ, запятанный своими строителями, Финскою Мерею отъ живаго пути, отъ Волги, къ печальному мертвенному озеру, чтобъ этотъ городъ процвѣталъ, подобно Новгороду, Смоленску, Полоцку.

Низложенъ былъ старый вѣчевой городъ, и на сѣверѣ водворилось однообразіе: все города новые, незначительные; Ростовъ заброшенъ, Владиміръ не успѣлъ еще подняться въ значеніи столицы великокняжеской, какъ былъ разоренъ Татарами и также

заброшены; великіе князья живутъ въ своихъ *опричинахъ*, въ своихъ наслѣдственныхъ городахъ, то въ Переяславѣ, то въ Твери, то въ Костромѣ, то въ Москвѣ. Нельзя не замѣтить въ русской исторіи относительно городовъ важной по своимъ послѣдствіямъ односторонности: въ западной половинѣ, гдѣ была главная историческая сцена въ древности, мы видимъ рядъ значительныхъ городовъ, процвѣтавшихъ именно потому, что они были на дорогѣ изъ Варягъ въ Греки, т.-е. изъ сѣверной Европы въ южную; въ сѣверовосточной части, которая теперь выступаетъ на первый планъ, по другимъ, менѣе благопріятнымъ природнымъ условіямъ, значительныхъ городовъ нѣтъ, и потому не обнаруживаютъ они вліянія на послѣдующій ходъ событій, которыя совершаются мимо нихъ. Города являются здѣсь преимущественно большими огороженными селами, и государство, здѣсь сложившееся, окрѣпнувшее, получаетъ преимущественно характеръ государства земледѣльческаго.

Вообще движеніе Русской исторіи съ югозапада на сѣверовостокъ было движеніемъ изъ странъ лучшихъ въ худшія, въ условія болѣе неблагопріятныя. Исторія выступила изъ страны, выгодной по своему природному положенію, изъ страны, которая представляла путь изъ сѣверной Европы въ южную, изъ страны, которая по этому находилась въ постоянномъ общеніи съ европейско-христіанскими народами, посредничала между ними въ торговомъ отношеніи. Но какъ скоро историческая жизнь отливаетъ на востокъ къ области верхней Волги, то связь съ Европою. съ западомъ, необходимо ослабѣваетъ и прерывается, не вслѣдствіе мнимаго вліянія татарскаго ига, а вслѣдствіе могущественныхъ природныхъ вліяній: куда течетъ Волга, главная рѣка новой государственной области, туда слѣдовательно, на востокъ обращено все. Но западная Россія, что же съ нею сдѣлалось? она осталась на своемъ мѣстѣ, не могла передвинуться на востокъ? Западная Россія, потерявъ свое значеніе, потеряла способы къ дальнѣйшему матеріальному, государственному и нравственному развитію, способы имѣть вліяніе на восточную Россію результатами своего общенія съ европейскими народами. Мы видѣли, чему подвергалась она вслѣдствіе сосѣдства своего съ степью, съ хищными кочевниками, Половцами. Татары и Литва разорили ее въ конецъ. Кіевъ, въ старину вторая Византія, являлся путешествен-

нику въ видѣ ничтожнаго городка, съ окрестностями, похожими на кладбище. Запустѣлая, лишенная силъ, раздробленная, юго-западная Русь подпала подъ власть князей литовскихъ. Галичъ, счастливый уголокъ, гдѣ было сосредоточились послѣднія силы югозападной Руси, быстро поднялся и процвѣлъ, но скоро и палъ вслѣдствіе своего уединенія отъ остальной, живой Руси, т.-е. Великой, ибо Малую Русь въ описываемое время нельзя было назвать живою. Политическая связь между восточною и западною Русью рушилась; мало того, возникла вражда вслѣдствіе соперничества правителей, которые постарались разрушить церковное единство: явилось два особыхъ митрополита, въ Кіевѣ и Москвѣ.

Кровный союзъ былъ нарушенъ, родные братья раздѣлились, разошлись; сколько отъ этого раздѣленія потеряно было матеріальныхъ силъ, объ этомъ говорить нечего. Деньги—дѣло нажитое, говорить пословица: такъ и вообще матеріальныя силы; но сколько отъ этого раздѣла, отъ этой долгой жизни особнякомъ потеряно было нравственнаго, духовнаго богатства! Русскій человѣкъ явился въ сѣверовосточныхъ пустыняхъ *безсемеенъ* во всемъ печальномъ значеніи, какое это слово имѣло у насъ въ старину. Одинокій, заброшенный въ міръ варваровъ, послѣдній, крайній изъ европейско-христіанской семьи, забытый своими и забывшій о своихъ по отдаленности, разрознившійся и отъ родныхъ братьевъ—вотъ положеніе русскаго человѣка на сѣверовостокѣ; и цѣлые вѣка предназначено было ему двигаться все далѣе и далѣе въ пустыни востока, жить въ отчужденіи отъ западныхъ собратій. Но если для развитія силъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа необходимо общество другихъ людей, другихъ народовъ; если только при этомъ условіи возможно движеніе мысли, расширеніе сферы дѣятельности, то понятно, какія слѣдствія для русскаго народа должно было имѣть отсутствіе этого условія.

Другія благоприятныя условія могли бы, хотя отчасти, восполнить недостатокъ главнаго условія, необходимаго для успѣшнаго развитія народной жизни, напримѣръ благоприятный климатъ, плодоносіе почвы, многочисленное народонаселеніе въ обширной и разнообразной странѣ, что дѣлаетъ возможнымъ раздѣленіе занятій, обширную внутреннюю торговлю, непрерывныя сообще-

нія различныхъ мѣстностей другъ съ другомъ, процвѣтаніе большихъ городовъ. Ничего подобного не могло быть въ сѣверовосточной Россіи. Печальная, суровая, однообразная природа не могла живительно дѣйствовать на духъ человѣка, развивать въ немъ чувство красоты, стремленіе къ украшенію жизни, поднимать его выше ежедневнаго, будничнаго однообразія, приводить въ праздничное состояніе, столь необходимое для возстановленія силъ. Малочисленное народонаселеніе было разбросано на огромныхъ пустынныхъ пространствахъ, которыя безпрестанно увеличивались безъ соотвѣтственнаго умноженія народонаселенія. Все это было бѣдно и слабо безъ возможности къ самостоятельной жизни, безъ возможности защиты при встрѣчѣ съ какою бы то ни было силою. Посмотримъ, что иногда происходило въ городѣ, относительно довольно значительномъ? Жители прячутся, затворяются ставни домовъ, запираются лавки: въ городъ въѣхалъ прикащикъ сосѣдняго богатаго землевладѣльца, окруженный толпою подвластныхъ ему крестьянъ, и похваляется всякою похвалою на горожанъ. Эта слабость отдѣльныхъ частей вела къ тому, что всѣ онѣ и во всемъ обращались къ Москвѣ, туда посылали свои жалобы, оттуда ждали защиты. Сила, широта взгляда, сознаніе своего положенія и отсюда могущественныя побужденія упорно охранять одно и отвергать другое зависятъ отъ сосредоточенія большихъ массъ въ одной мѣстности съ сильною и разнообразною дѣятельностію. Когда народъ сплоченъ внутренно вслѣдствіе достаточнаго числа жителей соотвѣтственно обширности страны; когда народъ сплоченъ раздѣленіемъ занятій, поставившимъ различныя мѣстности, различныя части народонаселенія въ неразрывную связь и зависимость другъ отъ друга; когда эти мѣстности и части народонаселенія находятся въ непрерывномъ общеніи другъ съ другомъ, связаны общими интересами, принимаютъ горячее участіе въ судьбѣ другъ друга, однимъ словомъ, живутъ сознательно общею жизнію: то такая внутренняя сплоченность, связь, условливаетъ возможность децентрализаціи, возможность самоуправленія частей безъ вреда политическому единству; когда разбитый членъ организма внутренно сросся, тогда вѣшнія повязки и дубки болѣе не нужны. Наоборотъ, когда части народонаселенія, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ, живутъ особою жизнію, не связаны раздѣленіемъ занятій; когда



нѣтъ большихъ городовъ, кипящихъ разнообразною дѣятельностію. Когда сообщенія затруднительны, сознанія общихъ интересовъ нѣтъ, то раздробленные такимъ образомъ части приводятся въ связь, стягиваются правительственною централизаціею, которая тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе внутренняя связь; централизація восполняетъ недостатокъ внутренней связи, обуславливается этимъ недостаткомъ и, разумѣется, благотвѣтельна и необходима, ибо безъ нея все бы распалось и разбредлось: это хирургическая повязка на больномъ членѣ, страдающемъ потерю внутренней связи, внутренней сплоченности.

Мы видѣли, въ какомъ выгодномъ положеніи съ самаго начала напелся князь на сѣверовостокѣ и какъ онъ воспользовался этими выгодами. Преемники Боголюбскаго, братъ его Всеволодъ III и потомки послѣдняго неуклонно вѣрны преданію, полученному отъ перваго самовластца. Каждый князь, ставши, по родовымъ счетамъ, великимъ или старшимъ, не оставляетъ своей прежней волости для столицы великокняжеской, Владимира, который такимъ образомъ послѣ татарскаго погрома не имѣлъ возможности поправиться, получить значеніе, принять участіе въ княжескихъ спорахъ, усобицахъ, его роль страдательная, все дѣлается мимо его. Каждый великій князь стремится воспользоваться теперь своимъ значеніемъ, своею силою, чтобъ увеличить свою волость, свое владѣніе на счетъ другихъ княжествъ. Въмѣсто прежняго движенія изъ одной волости въ другую, какое мы видѣли въ древней, югозападной Россіи, въ Россіи новой, сѣверовосточной видимъ осѣдлость князей въ одной волости, князь сростается съ волостію, интересы ихъ отождествляются, усобицы принимаютъ другой характеръ, имѣютъ другую цѣль, именно усиленіе одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ; при такой цѣли родовыя отношенія необходимо рушатся, ибо тотъ, кто чувствуетъ себя сильнымъ, не обращаетъ болѣе на нихъ вниманія. Одно княжество наконецъ осиливаетъ всѣ другія и образуется государство московское.

При этомъ образованіи московскій князь, теперь государь всея Руси, утверждаетъ за собою то выгодное положеніе, въ которомъ являются первые сѣверные князья. Соотвѣтственно тому отношенію, въ какомъ мы нашли въ началѣ сѣверное народонаселеніе къ князю, какъ хозяину, населителю страны, создателю

городовъ, въ соотвѣтствіе этому отношенію въ московскомъ государствѣ свободный человѣкъ называетъ себя человѣкомъ великаго князя. Но что же дружина? Дружина во все то время, пока образовывалось государство на сѣверѣ, сохраняетъ свой прежній характеръ: единственное право, которое она ревниво бережетъ, право вынесенное ею изъ старой Руси, это право свободного перехода отъ одного князя къ другому: «боярамъ и слугамъ вольнымъ воля.» Такимъ образомъ князь опередилъ дружину: въ то время какъ онъ началъ новый порядокъ вещей, утѣлся, принавивъ къ землѣ, и, какъ богатырь, получилъ отсюда новыя силы, дружина продолжаетъ еще бродить, кружиться, и въ этой способности двигаться полагаетъ свое единственное право или ручательство всѣхъ правъ: дружина слѣдовательно страшно отстала отъ князя, отстала на цѣлый періодъ. Если нѣкоторые дружинники усаживаются и получаютъ отъ этого силу, то движеніе остальныхъ мѣшаетъ дальнѣйшему ихъ усиленію, мѣшаетъ опредѣленію отношеній. У сильнѣйшаго князя выгодно служить, и, по праву свободного перехода, дружинники отовсюду стремятся въ Москву, идутъ туда бояре съ опустошеннаго юга съ многочисленными дворами, новые пришельцы *запѣзаютъ* старыхъ, по мѣстническому выраженію, начинается борьба, усобица въ боярствѣ, и если одинъ бояринъ чрезъ мѣру усилится и станетъ опасенъ, князь найдетъ противъ него всегда опору въ его соперникахъ. Такъ погибъ опасный Алексѣй Петровичъ Хвостъ отъ вражды съ своими собратіями. Опасенъ становится важный санъ тысяцкаго, грозившій стать наслѣдственнымъ въ одной знатной фамиліи, — и Дмитрій Донской уничтожаетъ этотъ санъ. Тщетно сынъ послѣдняго тысяцкаго, Вельяминовъ, хлопочетъ и въ Твери, и въ Ордѣ, поднимая грозу противъ московскаго князя; его ревностный союзникъ — богатый купецъ московскій, и никто изъ бояръ; голова Вельяминова падаетъ подъ топоромъ палача на Кучковѣ полѣ, народъ плачетъ, о боярахъ ни слова не говорится въ лѣтописи, не говорится, чтобъ они показали сочувствіе къ судьбѣ собрата; точно также при внукѣ Донскаго безуспѣшно кончилось возстаніе боярина Ивана Дмитріевича Всеволожскаго. Такимъ образомъ въ это важное время, когда московскій князь собиралъ русскую землю, становился государемъ, самовластнымъ хозяиномъ всей сѣверовосточной Россіи, въ дружинѣ мы видимъ одиночныя по-

пытки того или другого сильного лица, того или другого сильного рода подняться; но при столкновении съ властію великокняжескою, при борьбѣ, силы оказываются далеко не равными: возставшій бояринъ дѣйствуетъ во имя своего личнаго интереса, не поддерживается внутри всѣми собратіями, дѣйствуетъ посредствомъ другихъ князей или хана. Дружина остается при прежнемъ: «боярамъ и слугамъ вольнымъ воля.»

Къ концу первой половины XV вѣка дворъ великаго князя московскаго наполняется пришельцами новаго рода, князьями потомками Рюрика и Гедимины, которые, по своему происхожденію, становятся на первомъ планѣ, оттѣсняють старыхъ бояръ на второй, чѣмъ, разумѣется, возбуждаютъ къ себѣ ихъ неприязнь. Такимъ образомъ вмѣсто увеличенія силъ дружины отъ приплыва князей, силы уменьшаются, ибо происходитъ раздѣленіе интересовъ. Притомъ князья являются въ Москву съ одними притязаніями на важное значеніе, безъ средствъ поддержать ихъ. Нѣкоторые удерживаютъ за собою прозванія отъ прежнихъ княжествъ своихъ заимствованныя, но правителями этихъ княжествъ не остаются, не имѣютъ слѣдовательно никакой самостоятельности, никакой опоры; они не сохраняютъ никакого значенія въ областяхъ, гдѣ правительствовали ихъ дѣды; ихъ здѣсь скоро забываютъ, они не живутъ здѣсь, ихъ мѣсто, какъ дружинниковъ, постоянно въ Москвѣ подлѣ великаго князя. Они сохраняютъ нѣсколько вотчинъ, но эти вотчины дробятся вслѣдствіе равнаго раздѣленія между всѣми сыновьями, кромѣ того часть ихъ еще отходить въ монастыри на поминъ души. Въ томъ же самомъ положеніи относительно средствъ своихъ находятся всѣ бояре, вся знать, т.-е. всѣ они бѣдны средствами. Князья и бояре бѣдны, а великій князь очень богатъ; онъ примыслилъ себѣ множество земель, а земля, при младенческомъ состояніи московскаго государства, государства земледѣльческаго, при неразвитости промышленности и торговли, земля составляла единственное богатство, единственное средство содержанія. Это земельное богатство даетъ средство великому князю окончательно утвердить свое могущество и положить заразъ преграду притязаніямъ князей и знати: средство къ тому—*помѣстье*. Раздачею земельныхъ участковъ во временное владѣніе за службу, великій князь создаетъ себѣ свое многочисленное войско, вполне отъ него зависящее,

отъ него получающее содержаніе. У князей и бояръ нѣтъ во владѣніи большихъ областей, городовъ, даже укрѣпленныхъ замковъ, гдѣ бы они могли жить болѣе или менѣе независимо; издавна дружинники, не получавшіе на Руси значенія землевладѣльцевъ, привыкли жить около князя, и теперь бояре, окольничіе и думные люди, и князья, вошедшіе въ ряды ихъ, живутъ постоянно въ Москвѣ, и безпрестанно толпятся во дворцѣ; въ XV, XVI и XVII вѣкахъ отношенія остаются тѣ же, какія были въ X и XI. О короляхъ Испаніи и Франціи говорится, что они усилили свою власть, свое значеніе, перетянувъ знать изъ замковъ къ своему двору: въ Россіи этого перетягиванія и не могло быть, ибо не было періода въ русской исторіи, когда бы знать жила независимо въ замкахъ; дружина постоянно сохраняла свой первоначальный характеръ и непосредственное отношеніе къ князю, съ которыхъ не разставалась. При образованіи московскаго государства князья служилые и знать вообще не могли, по бѣдности, надѣлать землями другихъ немущихъ и такимъ образомъ составить свое войско, и вообще не имѣли средствъ содержать свое войско, свой дворъ; одинъ великій князь имѣлъ возможность раздавать земли и этимъ средствомъ создавать себѣ войско. Легко понять слѣдствія. Для современниковъ отношенія были ясны: польскіе магнаты, разсуждая о выборѣ московскаго царя въ короли, говорили, что этотъ выборъ имъ невыгоденъ, потому что московскій царь богатъ, и потому переведетъ всю служащую у нихъ шляхту въ службу къ себѣ. Такъ уже и было сдѣлано при Іоаниѣ III, когда великій князь, отобравши земли у новгородскаго духовенства, роздалъ ихъ въ помѣстья людямъ, взятымъ изъ дворовъ знатныхъ людей.

Великій князь крѣпко утвердился въ странѣ, онъ въ ней полновластный хозяинъ, жители называютъ себя людьми великаго князя, онъ распоряжается землею, онъ создаетъ себѣ многочисленное войско; а старая дружина, знать, въ члѣ которой стоятъ теперь князья, постоянно обращаетъ взоры назадъ, къ старому, отжившему порядку вещей и, вмѣсто опредѣленія отношеній и указанія новыхъ условій, вмѣсто осядлости, прочной установки, хочетъ сохранить прежній характеръ дружины, хочетъ постоянно двигаться, хочетъ удержатъ за собою движеніе, переходъ, какъ право: «А боярамъ и слугамъ вольнымъ воля.» Легко понять, какъ

отстала эта московская знать, какого порядка являлась она представительницей, порядка, который для западной Европы кончился со вступлениемъ германскихъ дружинъ на римскую почву; московская знать жила еще преданіями богатырскаго періода. Но этотъ періодъ давно уже кончился на сѣверѣ, въ Москвѣ; здѣсь князья установились, и вмѣсто многихъ, равноправныхъ князей сталъ одинъ государь всея Руси, переходить отъ него стало не къ кому болѣе, развѣ къ государямъ чужихъ странъ, но это уже тяжело, это уже измѣна. Право бояръ и слугъ вольныхъ прекратилось само собою; воля исчезла вслѣдствіе естественнаго хода событій, никто ея не отнималъ; гарантіи прежняго выгоднаго положенія нѣтъ болѣе; великій князь рѣзко выдѣляется, высоко поднимается надъ старыми дружинниками по своимъ независимымъ средствамъ, по своему значенію для остальнаго народонаселенія страны; среди всеобщей скудости онъ одинъ могъ окружить себя великолѣпіемъ, такъ сильно дѣйствующимъ на воображеніе. Какъ нарочно великій князь московскій Іоаннъ III женится на греческой царевнѣ, воспитанной въ Италіи. Она способствуетъ мужу выдѣлиться изъ среды новыхъ служилыхъ князей и старыхъ дружинниковъ, переѣмъ старыхъ отношеній, старые обычаи къ выгодѣ значенія государева, къ невыгодѣ прежнихъ вольныхъ дружинниковъ, которымъ уже больше нѣтъ вольнаго перехода. Знать, стоявшая на первыхъ мѣстахъ, вступила въ борьбу съ хитрою Гречанкою, но та успѣла выйти побѣдительницею изъ борьбы; сынъ ея, воспитанный въ этой борьбѣ, крѣпко въ нее запутанный, вступаетъ на великокняжескій престолъ по смерти отцовской. Последнее время московскихъ Рюриковичей прошло въ ожесточенной борьбѣ съ притязаніями знати, которая живо помнила недавнюю старину вольныхъ дружинъ и которая въ сочиненіяхъ одного изъ даровитыхъ своихъ членовъ оставила потомству горькія жалобы на новый порядокъ, столь для нея тяжелый, и на роковую Гречанку, будто бы его принесшую въ царство русское.

Борьба, принявшая напоследокъ кровавый характеръ, кончилась, какъ слѣдовало ожидать, не къ выгодѣ московской знати, которая должна была забыть старыя преданія вольной дружины; князья Рюриковичи и Гедиминовичи стали называться холопами великаго государя, писаться уничижительными полуименами. Но

не смотря на тяжелыя обстоятельства, на опалы, члены этой знати удерживают свое первенствующее значеніе, высшія мѣста въ управленіи. Іоаннъ Грозный, въ своей ожесточенной враждѣ къ нимъ, не отнимаетъ у нихъ этого значенія, этихъ мѣстъ, не даетъ ихъ значенія, ихъ мѣстъ людямъ новымъ, низкаго происхожденія. Грозный, подозрѣвая и ненавидя бояръ своихъ, оставляетъ ихъ въ прежнемъ значеніи, даже рискуетъ усилить его, поставляя ихъ въ члѣ земскаго управленія; онъ не прогоняетъ бояръ, но самъ скорѣе убѣгаетъ отъ нихъ, окруженный новою, преданною дружиною, опричниками. Но въ началѣ XVII вѣка для московскаго боярства настало время, хуже времени Грознаго, смутное время. Явились два царя, два двора; кто не могъ получить высшей чести при одномъ дворѣ, переходилъ къ другому; Тушино наполнилось людьми разнаго происхожденія, которые тамъ искали случая подняться. Когда Тушино разсыпалось, эти люди забѣжали подъ Смоленскъ къ королю Сигизмунду, предложили ему свои услуги, и когда потомъ московскіе бояре присягнули королевичу Владиславу, чтобъ только избавиться отъ козацкаго царя, самозванца, отъ владычества своихъ холопей, то съ ужасомъ увидали, что къ нимъ въ думу, по милости королевской, сѣлъ торговый мужикъ Андроновъ и всѣмъ распоряжается. Не смотря на то, бояре крѣпко держатся за королевича; но земля не хочетъ его, увидѣвъ за нимъ или еще передъ нимъ стараго короля съ іезуитами; земля встала, выставила ополченіе для борьбы съ Поляками и козаками, вожди этого ополченія—люди второстепенные, изъ родовъ захудалыхъ, если в бояре, то тушинскіе, а бояре настоящіе, московскіе, сидятъ съ Поляками въ Кремлѣ. Когда буря миновала, все начало успокаиваться, оказался недочетъ въ тѣхъ людяхъ, которыхъ призывали видѣть въ члѣ полковъ, на первыхъ мѣстахъ въ думѣ. Пошли новые люди, не имѣвшіе уже тѣхъ преданій и того значенія, какъ прежніе *столицы*. Это даетъ возможность людямъ неродовитымъ пробиваться къ высшей чести, къ боярству, разумѣется, сначала медленно, не безъ ропота и выходокъ со стороны знатныхъ родовъ: но примѣръ уже поданъ въ боярствѣ Ордина-Нащокина и Матѣева. А тутъ у дверей новыя неизбѣжныя преобразованія: войны трудныя, войны въ обширныхъ размѣрахъ требуютъ искусства ратнаго какъ у другихъ народовъ, требуютъ новаго строя, новаго воеводскаго распорядка; московское госу-

дарство не может долѣе сохранять своей старины, родового быта съ его счетами, которые препятствовали всякому разумному распредѣленію воеводъ; не можетъ при своихъ государственныхъ управленіяхъ довольствоваться простымъ древнокняжескимъ устроивствомъ, не можетъ довольствоваться одною дружиною. Но эти преобразованія принадлежать уже къ новой исторіи.

Посмотримъ теперь на духовенство, какое положеніе получило оно при образованіи московскаго государства и въ какомъ положеніи встрѣтило эпоху преобразованія? Мы упоминали, какое особенно важное значеніе въ древней Руси могъ бы имѣть единый митрополитъ при многихъ князьяхъ, еслибъ этотъ митрополитъ былъ Русскій. Послѣ окончательнаго опустошенія югозападной Руси, когда жизненные силы отлили на сѣверо-востокъ, и митрополиты начали естественно стремиться туда же, и наконецъ совершенно переселились. Съ удаленіемъ митрополіи на сѣверъ, т.-е. съ удаленіемъ отъ Греціи, сейчасъ же начинаютъ являться митрополиты изъ Русскихъ, хотя сначала мѣняясь съ Греками, и въ доказательство, какъ важно было это новое обстоятельство, три митрополита, которыхъ имена соединяются въ нашей церковной и политической исторіи какъ важнѣйшихъ дѣятелей, именно Русскіе: Петръ, Алексій, Іона. Изъ нихъ самое видное мѣсто принадлежитъ Алексію, при которомъ значеніе митрополита достигло высшей степени: онъ поддерживаетъ московскаго князя и княжество; онъ старается усиливать ихъ всѣми зависящими отъ него средствами. Понятно, какое вліяніе на ходъ послѣдующихъ событій могло имѣть то обстоятельство, еслибы значеніе митрополита, относительно великаго князя, поддержалось на той высотѣ, на какой оно находилось при Алексіѣ, благодаря достоинствамъ его преемниковъ. Алексій именно хотѣлъ видѣть своимъ преемникомъ человѣка, имѣвшаго великое значеніе въ землѣ, великую славу святости, Сергія Радонежскаго; но святой пустынный съ ужасомъ смиренія отвергъ предлагаемую честь. Великій князь Димитрій хотѣлъ видѣть преемникомъ Алексія своего человѣка, своего печатника Митяя, хотя св. Алексій не охотно соглашался на это. Митяю не удалось сдѣлаться митрополитомъ; но митрополію постигла бѣда: явилось нѣсколько митрополитовъ-соперниковъ, изъ которыхъ великій князь могъ выбирать, смотря по обстоятельствамъ; митрополита Алексія больше не было, въ митрополіи слабость,

но раздѣленіе и борьба, а великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ. Важно было положеніе единого митрополита всея Руси при двухъ великихъ князьяхъ, московскомъ и литовскомъ; но митрополія скоро раздѣлилась на восточную и западную: Москва осталась съ своимъ митрополитомъ, Кіевъ получилъ своего. Наконецъ для московскаго митрополита прекратилась и зависимость отъ византійскаго патріарха вслѣдствіе смутъ въ Константинополѣ и взятія его Турками. Всѣ эти событія одновременны съ окончательнымъ усиленіемъ великокняжеской власти въ Москвѣ: положеніе московскаго митрополита этимъ окончательно опредѣляется.

Для положенія старинной русской знати, равно какъ и для положенія духовенства, было очень важно то обстоятельство, что между обоими сословіями было мало связи, не было обычая, какъ на западѣ, чтобы члены знатныхъ родовъ поступали въ духовное званіе и достигали архіерейства. Митрополитъ Алексій былъ сынъ знатаго московскаго боярина; невольный постриженникъ Вассіанъ Косой (князь Патрикѣевъ) показалъ очень ясно, какія могутъ быть слѣдствія соединенія въ одномъ лицѣ духовнаго характера съ знатностію происхожденія, связями и преданіями. Противникъ Вассіана, Іосифъ Волоцкій, человекъ такъ-называемаго благороднаго происхожденія, настаивалъ на удержаніи за монастырями деревень именно съ тою цѣлю, чтобы можно было постригаться *честнымъ* людямъ, которые потомъ должны были занимать высшія мѣста въ іерархіи. Деревни остались за монастырями, но то, чего хотѣлъ Іосифъ, не произошло или было рѣдкимъ явленіемъ. Что касается до блага духовенства, то обязательность брака должна была изначала оказывать большое вліяніе на его положеніе: оно получило возможность восполняться изъ среды самого себя; но было еще другое условіе, которое могущественно содѣйствовало обособленію духовенства. Извѣстно, какъ тяготила правительство малочисленность народонаселенія въ Россіи, какъ дорогъ былъ вслѣдствіе этого человекъ, и великій князь Василій Дмитріевичъ заключилъ договоръ съ митрополитомъ Кипріаномъ, чтобы тотъ не принималъ въ свое духовное вѣдомство, т.-е. не ставилъ въ священники, слугъ великокняжескихъ.

Не смотря на нѣкоторыя невыгоды своего положенія, духовенство въ древней Россіи сохраняло важное значеніе, именно со-



храняло характер учительнаго сословія исключительно. Просвѣщеніе заключалось въ церковныхъ книгахъ, и духовенству принадлежало истолкованіе ихъ. Духовенство было единственнымъ обязательно просвѣщеннымъ сословіемъ въ Россіи: бояринъ не былъ даже обязанъ умѣть читать и писать; священникъ не могъ не быть грамотнымъ; дьякъ и подъячій были грамотны, но ихъ грамотность служила имъ только внѣшнимъ средствомъ для достиженія извѣстной цѣли; тогда какъ отъ священника требовалась не одна грамотность, отъ него требовалась учительность, и никто не отрицалъ у него права на исключительную учительность. Были нареканія, что русское духовенство не довольно учительно, и что ведетъ себя не такъ, какъ слѣдуетъ учителямъ, но никто не отрицалъ права учить, никто не заподозрѣвалъ вообще чистоты ученія. Но во второй половинѣ XVII вѣка, по поводу исправленія книгъ, часть паствы отказывается повиноваться пастырямъ; авторитетъ патріарха, патріарховъ, собора не имѣетъ силы надъ людьми, которымъ кажется, что ихъ заставляютъ молиться не такъ, какъ молились предки, они провозглашаютъ, что архіереи и священники учатъ неправильно и что повиноваться имъ не слѣдуетъ; нѣкоторые увлечены и отказываютъ явно въ повиновеніи духовенству, другіе, не рѣшаясь на послѣднее, остаются въ недоумѣніи, не умѣя рѣшить вопроса, на чьей сторонѣ правда, охлаждаютъ къ церкви. Такимъ образомъ духовенство пріобрѣтаетъ внутреннихъ враговъ, *церковныхъ мятежниковъ*, которые вооружаются противъ его прежняго значенія, стараются выставить его недостойнство. Эти враги ратуютъ за старину, вооружаются противъ духовенства за нововведенія; но уже обозначаются враги другаго рода. Между русскими людьми начинаетъ сильно чувствоваться необходимость ученія, которымъ стали сильны другіе народы; но для пріобрѣтенія познаній нужны учителя, этими учителями могутъ быть только иностранцы, иновѣрцы. Страшные гости! они явятся со всѣмъ авторитетомъ учителей, съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства предъ учениками, и тѣ признаютъ это превосходство. Такимъ образомъ подлѣ прежнихъ учителей, прежнихъ авторитетовъ являются новые учителя, новые авторитеты, не признающіе значенія прежнихъ учителей и не упускающіе случая выразить это непризнаніе обиднымъ образомъ. Какъ разграничить право тѣхъ и другихъ? Какъ, признавъ превосходство новыхъ учителей

ю всемъ, не признать этого превосходства въ одномъ? Гдѣ взять такой самостоятельности, силы мысли, изслѣдованія и знанія въ ученикахъ? Въ такомъ затруднительномъ положеніи находилось духовенство въ началѣ новой русской исторіи: съ двухъ сторонъ враги, вооружавшіеся противъ его прежняго значенія, прежняго достоинства: съ одной стороны, приверженцы стараго, отказавшіе въ послушаніи церкви, пошедшіе въ слѣдъ своихъ особыхъ учителей, не знающихъ мѣры въ своихъ нападкахъ на духовенство; съ другой стороны просвѣщеніе перестаетъ носить исключительно церковный характеръ, подлѣ учителей церковныхъ являются свѣтскіе, иностранцы, иновѣрцы, которые необходимо должны враждебно столкнуться съ церковными учителями при обнаруженіи своего вліянія на учениковъ; послѣдніе, находясь подъ двойнымъ вліяніемъ, будутъ подчиняться тому или другому, смотря по разнымъ условіямъ своей природы, своего положенія и другихъ случайныхъ обстоятельствъ.

Мы видѣли, при какомъ отношеніи городовъ къ князю началась сѣверная русская исторія, видѣли, какъ при первомъ же князѣ, захотѣвшемъ прочно утвердиться на сѣверѣ, необходимо послѣдовало столкновеніе его съ дружиною и городомъ, который считалъ себя также властію въ окружающей странѣ. Андрей Боголюбскій погибъ вслѣдствіе новыхъ отношеній къ дружинѣ; во преемники его воспользовались своими отношеніями къ большинству сѣверныхъ городовъ, городовъ новыхъ, и успѣли осилить старый вѣчевой городъ Ростовъ, отнять у его жителей значеніе властей. Вслѣдствіе этого въ области верхней Волги, въ области новорожденного московскаго государства, явилась только одна власть, власть княжеская. Но на западѣ представителемъ стариннаго двоевластія, власти княжеской и власти города, явился Новгородъ Великій, съ явнымъ преимуществомъ власти города, потому что эта власть была постоянная, а князья мѣнялись безпрестанно. Начинается борьба между сѣвернымъ единовластителемъ и Новгородомъ, какъ представителемъ древняго двоевластія. Новгородъ стоитъ за то, что онъ власть, онъ государь; великій князь требуетъ, чтобъ онъ былъ признанъ государемъ, чтобы въ Новгородѣ была одна власть государева. Великій князь побѣдилъ, ибо Новгородъ представлялъ собою библейскую статую съ золотою головою и глиняными ногами. Нѣсколько знатныхъ и богатыхъ фа-

милиі захватили въ свои руки всю власть и наполнили послѣднее время новгородской исторіи своими усобицами. Разрывъ между ихъ интересами и интересами низшаго народонаселенія произошелъ давно: давно слышалась жалоба, что богатые хотятъ себѣ легко, а бѣднымъ тяжело; движенія послѣднихъ прекращаются; ясно видно, что ихъ сила сломлена знатію, на вѣчѣ господствуютъ люди, находящіеся на жалованьи послѣдней и силою рѣшаютъ дѣла въ пользу своихъ милостивцевъ. Но легко понять, что слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ была страшная внутренняя слабость. Люди, въ рукахъ которыхъ власть, не могутъ разчитывать на низшіе слои народонаселенія, которые становятся все равнодушнѣе къ старой волѣ, приносящей пользу не имъ. Вотъ почему въ борьбѣ своей съ великимъ княземъ московскимъ правители Новгорода начинаютъ постоянно деньгами выкупать свою волю, страшное средство, всего лучше показывавшее великимъ князьямъ слабость Новгорода, легкость, съ какою можно его покорить окончательно. Бьетъ послѣдній часъ; банкротство нравственныхъ и политическихъ силъ Новгорода обнаруживается вполне; разрывъ интересовъ совершенный: Новгородцы толпами бѣдутъ въ Москву — *за правдою!* въ Новгородѣ нѣтъ правды, нѣтъ безпристрастнаго суда, насиліе сильныхъ попираетъ законъ, старинныя, освященные формы быта дороги для немногихъ, для остальныхъ же не даютъ ручательства самымъ главнымъ интересамъ, не удовлетворяютъ первымъ потребностямъ общественной жизни; для низшаго, притѣсненнаго народонаселенія великій князь московскій является сокрушителемъ силы людей, которые такъ тяжело давали чувствовать свою силу. Наконецъ разрывъ произошелъ относительно самаго важнаго интереса: чтобъ спастись отъ Москвы, знать хотѣла присоединиться къ Литвѣ; но съ Москвою соединяла Новгородъ церковная старина; явился вопросъ: гдѣ ставить владыку новгородскаго — въ Москвѣ или Кіевѣ, Кіевѣ, который находился подъ властію великаго князя литовскаго, латинца, отъ митрополита, на котораго смотрѣли на сѣверѣ, какъ на отщепенца, склонившагося къ Риму; тогда какъ въ Москвѣ сохранялось ненарушимо древнее православіе. Мы знаемъ, какія явленія производили попытки ввести церковныя новизны, и потому не удивимся, какое сильное сопротивленіе въ большинствѣ Новгородцевъ встрѣтила попытка отложиться отъ московскаго митрополита; а зависимость церковная была такъ тѣсно связана съ политическою.

Существованіе богатаго торговаго Новгорода на сѣверѣ подлѣ бѣдной городовымъ развитіемъ низовой или суздальской земли представляетъ печальное явленіе, потому что указываетъ на односторонность, всегда вредную въ жизни народовъ. Въ одномъ углу городъ, вслѣдствіе прилива богатствъ, неестественно вздувшійся въ государство, но сохранившій всю неразвитость и слабость первоначальнаго вѣчеваго быта, съ обширными, хотя растянутыми, несплоченными и, большею частію, пустынными владѣніями, съ язвою разрыва интересовъ между частями народонаселенія внутри, съ недостаточностью средствъ внѣшней защиты, не смотря на видимое богатство и обширность владѣній. Въ другой половинѣ обширная, населяющаяся страна, населяющаяся при условіяхъ неблагопріятныхъ; города ея—большія села, которымъ некогда и вѣтъ средствъ подняться, приобрести значеніе. Страна бѣдная, мало населенная, а между тѣмъ внутри происходитъ великій процессъ собиранія земли, сосредоточенія, объединенія власти; для этого нужны средства, деньги; нужны деньги князьямъ для покупки земель, владѣній, нужны деньги для орды; наконецъ, когда новое государство укрѣпилось чрезъ собраніе земли, оно нашлось въ самомъ невыгодномъ положеніи относительно границъ своихъ. Отношенія Россіи къ Азіи не измѣнились, также подлѣ степь съ хищными кочевниками, отъ которыхъ должно или постоянно отбиваться, или постоянно откупаться; на западной европейской границѣ также постоянная борьба съ непримиримыми врагами. Нужны деньги и фискальная система всею тяжестью падаетъ на промышленный людь городской, немногочисленный и небогатый, что, разумѣется, также служить сильнымъ препятствіемъ къ обогащенію, народъ разоряется не будучи богатымъ; сюда же, для бѣльшаго разоренія, присоединяется первоначальная дружинная система кормленія, содержаніе служилыхъ людей по воеводствамъ на счетъ управляемаго народонаселенія, обращеніе правительственныхъ должностей въ жалованье и пенсіи служилымъ людямъ. Въ фискальномъ отношеніи состояніе городовъ московскаго государства очень напоминаетъ состояніе городовъ римской имперіи во время ея паденія: и здѣсь, и тамъ видны разорительныя тяжести и службы, падающія на горожанъ, которыхъ силою надобно удерживать на своихъ мѣстахъ. Прежде всего, въ фискальныхъ видахъ, московскіе князья стараются при-

крѣпить горожанъ къ ихъ городамъ, чтобы получать постоянный доходъ съ извѣстнаго числа тяголъ. Гоньба за человѣкомъ, за рабочею, промышленною силою въ обширномъ, но бѣдномъ и пустынномъ государствѣ дѣлается существеннымъ занятіемъ правительства; ушелъ — поймать его и прикрѣпить къ мѣсту, чтобы работалъ, промыслялъ и платилъ. Легко понять, какія должны были слѣдствія. Если правительство гонялось за человѣкомъ и старалось прикрѣпить его къ одному мѣсту, чтобы заставить платить подати и служить безвозмездныя службы, но сопряженные съ тяжелою отвѣтственностію, то у человѣка, разоряемаго податями и службами, господствующимъ желаніемъ было отбыть, во чтобы то ни стало, отъ податей и службъ. Первымъ средствомъ былъ уходъ, укрывательство; уйти было легко, всюду просторъ, и безъ того малонаселенная страна постоянно истощалась отъ этого ухода; народонаселеніе все болѣе и болѣе расплывалось по сѣверо-восточной Европѣ и потомъ по сѣверной Азіи. Но, не смотря на скудость хозяйства древняго русскаго человѣка, на возможность легко забрать все съ собою, уходъ, покинутіе родныхъ мѣстъ, странническая жизнь, сопряженная съ опасностями, неизвѣстность будущаго, все это для многихъ могло быть тяжело, не для всѣхъ возможно. Были еще другія средства: для грамотныхъ поступленіе въ подьячіе; выходъ этотъ былъ очень выгоденъ: посадскій изъ человѣка, обязаннаго кормить другихъ на свой счетъ, становился человѣкомъ, имѣющимъ право кормиться на чужой счетъ. Понятно, какъ это стремленіе къ выходу въ подьячіе должно было быть сильно; но правительство неблагоприятно смотрѣло на него и становило преграды. Третій способъ отбыванія отъ податей былъ закладничество. Самый крѣпкій частный союзъ русскаго общества, во все продолженіе нашей древней исторіи, представлялся въ союзѣ кровномъ или родовомъ. По смерти отца старшій братъ занималъ его мѣсто относительно младшихъ братьевъ и племянниковъ, являлся представителемъ рода передъ правительствомъ: извѣстное лицо не представлялось одиначнымъ, но всегда съ братьями и племянниками. Не смотря даже на выдѣлы и развѣтвленія рода, единство его сохранялось, старшій или старшіе (смотря по развѣтвленію рода) имѣли обязанность наблюдать за поведеніемъ младшихъ, наказывать ихъ за дурное поведеніе, отвѣчали за него передъ правительствомъ. Родъ,

какъ бы развѣтвленъ ни былъ, составлялъ одно относительно службы государственной: приращеніе чести одному члену рода прибавляло ее и всѣмъ членамъ, поруха чести одного нарушала честь и права всѣхъ остальныхъ, на чемъ и основывалось знаменитое мѣстничество. Но кромѣ родоваго союза особыя условія общества должны были повести и къ другимъ союзамъ. Безпомощность людей одинокихъ, не примыкающихъ къ большому роду, безсемейныхъ, заставляла ихъ примыкать къ чужимъ людямъ семейнымъ, къ чужимъ родамъ, составлять съ ними одно цѣлое по взаимному соглашенію: такъ подлѣ самостоятельнаго хозяина, живущаго съ родомъ своимъ, дѣтьми, братьями и племянниками, являлись чужіе люди, но составлявшіе съ нимъ одно въ глазахъ правительства, они носили разныя названія— сосѣдей, подсосѣдниковъ, захребетниковъ. Наконецъ тяжелыя подати, лежавшія на промыслахъ, заставляли промышленныхъ людей уклоняться отъ непосредственной зависимости отъ государства, требовавшаго слишкомъ большихъ пожертвованій съ ихъ стороны, и входить въ зависимость къ частнымъ людямъ, которые могли дать имъ защиту; это называлось *закладываться за кого-нибудь*; закладчики промыслили, не будучи обязаны *тлнуть* съ горожанами, съ посадскими въ тяжелыя службы и подати, ибо считались зависящими отъ того лица, за которое заложились. Но понятно, что интересы закладчиковъ немедленно должны были столкнуться съ интересами горожанъ, находящихся въ непосредственной зависимости отъ государства, и съ интересами, разумѣется, самого государства: закладчики, пользуясь свободой отъ тягла, отбивали промыслы у людей тяглыхъ, которые не могли съ ними соперничать, разорялись, не были въ состояніи удовлетворять требованіямъ государства. Ихъ жалобы произвели то, что въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича закладничество уничтожено, все городское населеніе обязано было войти въ непосредственныя отношенія къ государству. Закладчикамъ было крайне тяжела эта эманципация городского населенія, они даже замыслили возстаніе, чтобъ возвратитъ себѣ право вступать въ частную зависимость, явленіе, всего лучше показывающее низкую степень экономическаго развитія въ московскомъ государствѣ.

Города были бѣдны вообще, разбросаны на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, при очень неудовлетворительномъ состоя-

них путей сообщенія. Самые богатые изъ нихъ, наиболѣе торговые по особенно благоприятнымъ условіямъ положенія, поражаютъ малочисленностію народонаселенія своего. Но былъ одинъ городъ, который и вслѣдствіе выгоды своего положенія, особенно же вслѣдствіе политическаго значенія своего, какъ столичный городъ царя-самодержца, долженъ былъ необходимо подняться: то была Москва. Сильная централизація притягивала въ Москву постоянно толпы людей изъ всѣхъ концовъ Россіи, людей, которые должны были тратить много денегъ въ царствующемъ градѣ, знаменитая московская волокита обходилась дорого; будучи средоточіемъ гражданскаго управленія, Москва была средоточіемъ и церковнаго; знать жила въ ней безвыѣздно около великаго государя. Легко понять, что торговая и промышленная дѣятельность здѣсь не могли не быть значительны, должно было образоваться богатое купечество. О богатствѣ и значеніи московскихъ купцовъ можно встрѣтить извѣстія даже во время до Іоанна III. Некоматъ Сурожанинъ дѣйствуетъ заодно съ знатымъ Вельяминовымъ, сыномъ тысяцкаго, и самое уничтоженіе сана тысяцкаго показываетъ, что великій князь не считалъ удобнымъ назначать для московскихъ горожанъ постоянного воеводу, который могъ сдѣлаться популярнымъ и приобрести опасное значеніе. Встрѣчается извѣстіе о гостяхъ московскихъ, которые подняли крамолу противъ великаго князя и ушли изъ Москвы. Но все это частныя явленія, которыя видимъ во время образованія московскаго княжества, въ переходную эпоху, когда еще новый порядокъ не установился прочно, когда еще, кромѣ великаго князя московскаго, были другіе великіе князья, къ которымъ могли уходить недовольные, бояре и купцы. Но когда утвердилось единовластіе въ Москвѣ, то уже подобныхъ явленій болѣе не встрѣчается. Въ древности городскіе жители имѣли то важное значеніе, что участвовали своими особыми полками въ военныхъ дѣйствіяхъ, которыхъ исходъ во время княжескихъ усобицъ много зависѣлъ отъ нихъ. Даже въ началѣ княженія Іоанна III московскіе полки отправлялись на рать съ особымъ воеводою. Но потомъ установленіе многочисленнаго помѣщичьяго войска дало правительству возможность не нуждаться болѣе въ городскихъ полкахъ; горожане перестаютъ участвовать въ войскахъ, становятся вполнѣ сословіемъ невооруженнымъ, вполнѣ *мужиками*, *полулюдьми* от-

исительно полныхъ людей, мужей, т.-е. вооруженныхъ, ибо, по тогдашнимъ понятіямъ, только вооруженный, только воинъ былъ полный, полноправный человѣкъ.

При первомъ царѣ, Іоаннѣ IV, значеніе горожанъ, и особенно московскихъ, поднимается. Видя въ знати людей со старинными дружинными притязаніями, заподозривъ ихъ въ сильномъ нерасположеніи къ себѣ, къ своему семейству, Грозный, по извѣстному закону, началъ искать другой силы, на которую могъ бы опереться. Онъ торжественно, съ лобнаго мѣста, объявилъ народу о безпорядкахъ боярскаго правленія во время своего малолѣтства; уѣзжая изъ Москвы, выставя измѣну бояръ, потаковничество нѣмъ духовенства, онъ объявлялъ, что ничего не имѣетъ противъ горожанъ московскихъ; наконецъ призвалъ послѣднихъ на соборъ, разсуждавшій о важныхъ дѣлахъ государственныхъ. По всей Россіи Грозный хочетъ дать самоуправленіе мірамъ городскимъ и сельскимъ, вывести намѣстниковъ и волостелей и замѣнить ихъ выборными, излюбленными старостами, судьями. Но самымъ лучшимъ доказательствомъ неразвитости этихъ міровъ послужило то, что мѣра Грознаго не принялась, многіе міры не приняли отъ правительства дара самоуправления. Только тамъ, гдѣ развитіе было сильнѣе, гдѣ почва была болѣе приготовлена, царствованіе Іоанна не прошло безслѣдно; оно не прошло безслѣдно для горожанъ московскихъ: какъ поднялось ихъ значеніе, ясно видно изъ того участія, какое они принимаютъ въ движеніяхъ партій въ царствованіе преемника Іоаннова, чего прежде не видимъ ни въ малолѣтство Іоанна, ни при отцѣ его, ни при дѣдѣ. Въ борьбѣ Шуйскихъ съ Годуновымъ, купцы московскіе принимаютъ сторону Шуйскихъ; ясно понимаютъ, въ чемъ дѣло, понимаютъ, что примиреніе между соперниками невозможно, и когда Шуйскій объявляетъ имъ объ этомъ примиреніи, отвѣчаютъ ему: «ты помирился нашими головами». Дѣйствительно головы ихъ попадали на плахѣ; Годуновъ, истребивъ лучшихъ людей между ними, задавъ страхъ остальнымъ, уничтожилъ въ самомъ зачаткѣ то значеніе московскихъ горожанъ, которое было слѣдствіемъ поведенія Іоаннова относительно ихъ. Смутное время возбудило, повидимому, самостоятельную дѣятельность въ городскомъ народонаселеніи, и царствованіе Михаила было богато соборами, въ которыхъ представители городского народонаселенія



принимаютъ участіе; но если и до смутнаго времени города были незначительны, бѣдны, то тутъ были страшно разорены; надобно было кое-какъ оправиться въ матеріальномъ отношеніи и поддерживать государство, поддерживать новаго государя противъ Ляховъ и козаковъ. Вопросъ о тяглѣ на первый планъ: тяглые разорились, разбѣжались, дворы пусты, не кому платить; надобно возвратить бѣглецовъ на прежнія мѣста жительства, заставить тянуть; но есть люди, которые промышляютъ, а не тянутъ; промышляютъ служилые люди, духовенство, закладчики, надобно заставить и ихъ тянуть; иностранные купцы разоряютъ, они богаты, они дѣйствуютъ заодно, русскимъ съ ними не стянуть, русскіе бѣдны и дѣйствуютъ врознь; наконецъ воеводы и приказные люди разоряютъ: вотъ три существенные вопроса, которые поглощаютъ все вниманіе русскаго горожанина XVII вѣка послѣ смутнаго времени; замѣна воеводъ выборными губными старостами не помогаетъ: выборный губной староста также разоряетъ, какъ и воевода. Жалобы, накопившіяся въ царствованіе Михаила, произвели взрывъ въ Москвѣ и другихъ городахъ въ началѣ царствованія Алексѣя; слѣдствіемъ чего было соборное уложеніе, уничтоженіе закладничества, мѣра противъ англійскихъ купцовъ; но всего любопытнѣе то, что уложеніе соборное, составленное съ вѣдома, за подписью выборныхъ изъ всякихъ чиновъ людей, составленное подъ влияніемъ страха предъ возстаніями горожанъ, для ихъ успокоенія, съ явными уступками ихъ требованіямъ, — это уложеніе является враждебнымъ мірскому самоуправленію: такъ оно вполне предоставляетъ судъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, по уложенію въ судѣ уже не сидятъ старосты, цѣловальники и земскіе дьяки. Возмущеніе псковское и новгородское являются одиночными и потухаютъ вслѣдствіе этого одиночества. Въ этихъ движеніяхъ и во второмъ бунтѣ московскомъ замѣчаемъ уже разрывъ интересовъ массы городского народонаселенія и значительныхъ торговыхъ людей, противъ которыхъ направлена ненависть массы; легко понять, какъ вообще должна была ослаблять силы городского народонаселенія эта борьба лучшихъ и меньшихъ, силы и безъ того не великія. Эту язву XVII вѣкъ передалъ и XVIII, какъ увидимъ.

Отъ города обратимся къ селу. Мы видимъ, что Россія, съ самаго начала образованія московскаго государства, является стра-

ною земледѣльческою по преимуществу, и города здѣсь носятъ характеръ селъ, горожане занимаются земледѣліемъ, и такимъ образомъ города московскіе XVII вѣка напоминаютъ города дремлянскіе, о которыхъ говорится въ сказаніи о мести Ольгиной. Но отъ господства земледѣльческихъ занятій никакъ нельзя заключать къ сознанію общества о важномъ значеніи этихъ занятій, объ особенномъ покровительствѣ, какимъ пользовались земледѣльческая промышленность и люди, ею занимавшіеся. Наоборотъ, государство земледѣльческое предполагаетъ неразвитость, первоначальность отношеній. Эти первоначальныя отношенія суть отношенія вооруженной части народонаселенія, войска, и невооруженной, которая должна содержать войско, непосредственно работать на него, если въ то же время не развивается городъ, промышленность и торговля, которыя даютъ движимое богатство странѣ, ведутъ къ широтѣ дѣятельности, просвѣщенію, даютъ средства къ новому болѣе правильному опредѣленію отношеній между частями народонаселенія. Мы видѣли, что въ московскомъ государствѣ, кромѣ членовъ старой дружины и родовъ княжескихъ, войсковая масса была создана великими князьями, съ первоначальною формою содержанія, т.-е. посредствомъ земельных участковъ, съ которыхъ служилые люди кормились, пока служили; въ дополненіе къ этимъ земельнымъ средствамъ, служилые люди кормились также съ городовъ и волостей въ качествѣ ихъ правителей. Слѣдовательно въ древней Россіи мы видимъ эту первоначальную форму отношеній между вооруженною и невооруженною частію народонаселенія, между мужами и мужиками: мужи непосредственно кормятся на счетъ мужиковъ. Вопросъ о содержаніи войсковой массы, на которой основывалась сила внутрення, которую необходимо было охранять и увеличивать при безпрестанныхъ войнахъ на востокъ и западъ, этотъ вопросъ, разумѣется, становится на первомъ планѣ, а вмѣстѣ на первомъ планѣ становится вопросъ о земельномъ владѣніи и пользованіи. Чтобъ имѣть возможность сохранять и увеличивать войско, государство должно имѣть въ своемъ распоряженіи какъ можно больше земель, которыя должны находиться не въ дальнемъ разстояніи ни отъ столицы, ни отъ тѣхъ границъ, которыми особенно грозятъ враги, т.-е. отъ южныхъ и западныхъ, поэтому обширныя земельныя пространства, которыми могло располагать госу-

дарство на сѣверѣ и востокѣ, не могли служить ему въ помѣстномъ отношеніи по отдаленности и малочисленности народонаселенія. Итакъ, не смотря на видимую громадность государственной области, государство могло встрѣтить затрудненія относительно помѣстій; отсюда необходимое столкновение съ матеріальнымъ интересомъ церкви, которая владѣла обширнымъ пространствомъ земель въ центральной области и постоянно увеличивала ихъ покупкою и дачами на поминъ души, ибо, по недостатку денегъ при неразвитости страны, земля была почти исключительнымъ видомъ всякаго рода дачъ: государство платило жалованье своимъ служилымъ людямъ землею, частный человѣкъ платилъ въ монастырь за поминъ родительской души—землею. Отсюда понятно, почему вопросъ о томъ — слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть населенными землями, получаетъ такое важное значеніе въ XV и XVI вѣкѣ, почему онъ такъ привязывается ко всякому движенію церковному и политическому. По тогдашнему *умоначертанію* большинства нельзя было ожидать, чтобъ этотъ вопросъ рѣшенъ былъ отрицательно; нудящія потребности государства могли повести и дѣйствительно повели только къ сдѣлкамъ, къ среднимъ мѣрамъ, къ ограниченію распространенія церковной земельной собственности на будущее время. Но дѣло на этомъ не могло кончиться. Тяжкія войны, которыя московское государство вело въ царствованіе Іоанна Грознаго, разорили служилыхъ людей и поднялись жалобы на недостаточность кормленія отъ помѣстій при тяжелой и продолжительной службѣ, требующей долгаго отсутствія помѣщика изъ дому. Указанъ былъ источникъ этой недостаточности, малое количество рабочихъ рукъ, при чемъ выгоды войсковой массы, мелкихъ помѣщиковъ, сталкивались съ выгодами богатыхъ землевладѣльцевъ, которые большими льготами переманивали къ себѣ крестьянъ съ земель мелкихъ землевладѣльцевъ, помѣщиковъ; послѣдніе, лишаемые возможности обрабатывать свои земли, не могли нести обязанностей службы, которая стала теперь такъ продолжительна. Если поддержаніе благосостоянія войсковой массы было всегда предметомъ первой важности, то особенно слѣдовало, обратить вниманіе на жалобы помѣщиковъ теперь, по кончинѣ Грознаго, когда грозила тяжелая борьба съ самымъ опаснымъ врагомъ, какого не имѣло до сихъ поръ московское государство, и сила котораго была недавно испытана.

Попробовали сначала уменьшить переходъ крестьянъ уравненіемъ, мѣхъ земель относительно льготъ, отнятіемъ льготъ (тархановъ), которыми пользовались церковныя земли; но эта мѣра продержалась недолго, и послѣдовало запрещеніе крестьянамъ переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. Законъ, разумѣется, не могъ быть строго исполняемъ: въ продолженіе всего XVII вѣка слышатся постоянныя жалобы мелкихъ землевладѣльцевъ на богатыхъ сосѣдей, что тѣ переманиваютъ къ себѣ и укрываютъ бѣглыхъ крестьянъ ихъ. Гоньба за челоувкомъ, за рабочею силою производится въ обширныхъ размѣрахъ по всему московскому государству: гоньба за горожанами, которые бѣгутъ отъ тягла всюду, куда только можно, прячутся, закладываются, пробиваются въ подьячіе; гоньба за крестьянами, которые отъ тяжкихъ податей бредутъ розно, толпами идутъ за Камень (Уральскія горы), помѣщики гоняются за своими крестьянами, которые бѣгутъ, прячутся у другихъ землевладѣльцевъ, бѣгутъ въ Малороссію, бѣгутъ къ козакамъ.

И въ XVII вѣкѣ, какъ въ X-мъ, изъ общества продолжали выдѣляться люди, у которыхъ «сила по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливалась, которымъ было грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени», и которые шли *гулять* въ поле, въ степь. Эти богатыри древности въ новѣйшее время носятъ названіе козаковъ; быть, подвиги богатырей древнихъ сходны съ бытомъ, подвигами козаковъ, и народное представленіе вѣрно отождествляетъ эти два явленія, разнящіяся только именемъ, но и здѣсь народная пѣсня уничтожаетъ различіе, называя, на примѣръ, Илью Муромца старымъ козакомъ. Мы знаемъ, что въ эпохи образованія государствъ выдѣленіе подобныхъ людей и образованіе изъ нихъ военныхъ братствъ, дружинъ съ избраннымъ вождемъ, ведетъ обыкновенно къ образованію государства, къ началу исторической жизни, историческаго движенія для народа; изъ подобныхъ людей образуется высшее, вооруженное народонаселеніе, которое такъ или иначе опредѣляетъ свои отношенія къ остальной не вооруженной массѣ народа. Но если государство уже образовалось, и, несмотря на то, по особеннымъ условіямъ, преимущественно мѣстнымъ, продолжается еще выдѣленіе подобныхъ людей, и образованіе изъ нихъ военныхъ обществъ подлѣ государства, то это сопоставленіе ведетъ, разумѣется, къ важнымъ отно-

шеніямъ. Прежде всего страна, народъ ослабляется выдѣленіемъ этихъ людей, особенно ослаблялась Россія, и безъ того бѣдная населеніемъ, разсыпавшимся на громадныхъ пространствахъ; съ другой стороны, выдѣленіемъ безпокойныхъ силъ условливалась безпрепятственная дѣятельность правительства, безпрепятственная централизація. Но если правительственная дѣятельность облегчалась внутри уходомъ богатырей на гулянье въ степь, то образованіе изъ этихъ богатырей военныхъ братствъ подлѣ государства, разумѣется, не могло не безпокоить послѣднее. Ушедши въ степь *для воли*, козаки могли подчиняться государству только номинально, исполняли приказанія правительства только тогда, когда это имъ было выгодно; но при первомъ разладѣ ихъ интересовъ съ интересами государства козаки давали рѣзко чувствовать, что они люди вольные. Покойно они жить не могли, они должны были упражнять свою силу, отъ которой имъ было грузно, они должны были добывать себѣ средства къ жизни, *добывать зипуны*, по ихъ выраженію. Козаки старые, начальные люди, козаки старшинные обыкновенно болѣе стояли за связь съ государствомъ, за исполненіе требованій правительства; но козачество представляло постоянный приливъ новыхъ, молодыхъ людей, которымъ хотѣлось широко разгуляться и добыть себѣ зипуновъ; осторожность стариковъ, старшинъ, имъ не нравилась, и вотъ иногда, независимо отъ общей старшины, для самыхъ рьяныхъ искателей зипуновъ является новый, свой вождь, извѣстный своей удалью (*dux ex virtute*) и ведетъ дружину на чужихъ или на своихъ. Понятно, что образованіе подобныхъ обществъ на границахъ государства должно было вести къ постоянной борьбѣ. Если государство слабо, то напоръ дружинъ на него увѣнчивается успѣхомъ; мы знаемъ, чѣмъ кончилась судьба Римской имперіи вслѣдствіе напора германскихъ дружинъ: онѣ вошли въ области имперіи и образовали здѣсь высшее, т.-е. военное сословіе. Въ XVII вѣкѣ на востокѣ Европы произошло подобное же явленіе: воспользовавшись слабостію польскаго государства, гоненіями на русскую вѣру, козачество, послѣ долгой борьбы, успѣло взять верхъ, истребить, вытѣснить прежнихъ землевладѣльцевъ на украинѣ, и изъ своей старшины образовать новое высшее сословіе въ странѣ. Борьба кончилась иначе для козачества съ другимъ государствомъ восточной равнины, русскимъ или московскимъ, но

борьба шла сильная, отчаянная. Въ XVI вѣкѣ русскій царь взялъ Казань и Астрахань; вся Волга находилась теперь въ русскихъ рукахъ, и пустынные пространства по западнымъ ея притокамъ и переплетающимся съ ними притокамъ Дона стали безопасны. Но вмѣсто Татаръ немедленно же поднимается здѣсь козачество. Его гулянье по Волгѣ не давало безопасности ни своимъ, ни чужимъ. Грозный принялъ сильныя мѣры противъ богатырей; какъ обыкновенно бывало, когда козачеству преграждались привычныя пути для гулянья, оно бросалось въ какую-нибудь другую сторону, въ какое-нибудь отдаленное предпріятіе: такъ и тутъ на первый разъ, прогнанныя съ Волги, козацкія шайки бросились на Каму и оттуда проложили дорогу за Уральскія горы, погромили улусъ Кучумовъ или такъ-называемое сибирское царство. При сынѣ Грознаго козачество снова усиливается на Дону и отношенія его къ государству нисколько не общаются послѣдному спокойствію со стороны степи. При Годуновѣ государство снова готовится къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ козачества; но является самозванецъ, наступаетъ смутное время, т.-е. козацкое царство; борьба скоро принимаетъ настоящій свой характеръ, характеръ борьбы *земскихъ* людей московскаго государства съ козаками, которые являются *рубниче Литвы и Нѣмцевъ*, и стремятся утвердить свое господство, возведши на московскій престолъ своего вождя, своего царя. Вопросъ ставится ясно: бояре и всѣ лучшіе люди московскіе присягаютъ польскому королевичу, чтобъ не быть въ рабствѣ у своихъ прежнихъ холопей-козаковъ при торжествѣ калужскаго царика. Возбужденіе религіознаго интереса вслѣдствіе замысловъ Сигизмундовыхъ, давшее знамя, средоточіе для жителей московскаго государства, давшее имъ возможность высвободиться изъ прежней разрозненности для общаго дѣла, указавшее имъ единство не народное, не государственное, но религіозное — общую купѣль, въ которой они крестились въ православную вѣру, — это религіозное одушевленіе, разумѣется, главнымъ образомъ послужило противъ козаковъ. Очищеніе земли отъ Поляковъ было вмѣстѣ очищеніемъ отъ козаковъ. Такимъ образомъ козакамъ не удалось воспользоваться благопріятными для нихъ условіями, государство восторжествовало; но козачество не отказалось отъ борьбы. Запертое Турками съ устьевъ Дона, оно ждало отважнаго и счастливаго вождя для проложенія

себѣ другой дороги. Богатырь чародѣй явился, Разинъ: толпы его перебросились на Волгу, на Яикъ, въ Каспійское море, погромили персидскіе берега; но Персія была покрѣпче сибирскаго юрта Кучумова, и Разинъ не могъ поклониться царю Алексѣю Михайловичу Персидю, какъ Ермакъ Тимофеевичъ поклонился Грозному Сибири. Принужденныя возвратиться съ Каспійскаго моря, не имѣя надежды, чтобъ московское государство безпрепятственно стало пропускать ихъ въ устья Волги, толпы Разина опрокинулись на государство, поднимая низшіе слои народонаселенія противъ властей, какъ было въ смутное время; но государство, несмотря на все свое истощеніе, было сильнѣе козаковъ, Разинъ погибъ на плахѣ въ Москвѣ. Впрочемъ Разинское возмущеніе не было послѣднимъ дѣйствіемъ борьбы государства съ козаками: въ новой Русской исторіи увидимъ Булавина и Пугачева.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ строй древней Россіи въ ея историческомъ развитіи. Теперь взглянемъ подробнѣе на ея бытъ въ то именно время, когда преобразованія сильно стучались въ двери, когда уже народился преобразователь.

---

Мы такъ часто употребляемъ выраженіе: западная и восточная Европа, такъ много знаемъ, такъ много толкуемъ о ихъ различіи и слѣдствіяхъ этого различія; но если путешественникъ, перѣбѣгающій изъ западной Европы въ восточную, или наоборотъ, свѣжимъ взглядомъ посмотритъ на ихъ различіе, станетъ отдавать себѣ отчетъ о немъ подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ видимаго, то конечно прежде всего скажетъ, что Европа состоитъ изъ двухъ частей, западной *каменной* и восточной *деревянной*. *Камень*, такъ называли у насъ въ старину горы, камень разбилъ западную Европу на многія государства, разграничилъ многія народности, въ камнѣ свили свои гнѣзда западные *мужи*, и оттуда владѣли *мужиками*, камень давалъ имъ независимость; но скоро и мужики огораживаются камнемъ и пріобрѣтаютъ свободу, самостоятельность; все прочно, все опредѣленно, благодаря камню; благодаря камню поднимаются рукотворныя горы, громадныя, вѣковѣчныя зданія. На великой восточной равнинѣ нѣтъ камня, все равно, нѣтъ разнообразія народностей, и потому одно небывалое по своей величинѣ государство. Здѣсь мужамъ негдѣ вить себѣ ка-

енныхъ гнѣздъ, не живутъ они особо и самостоятельно, живутъ дружинами около князя и вѣчно движутся по широкому безпредѣльному пространству; у городовъ нѣтъ прочныхъ къ нимъ отношеній. При отсутствіи разнообразія, рѣзкаго разграниченія мѣстностей, нѣтъ такихъ особенностей, которыя бы дѣйствовали сильно на образованіе характера мѣстнаго народонаселенія, дѣлали для него тяжкимъ оставленіе родины, переселеніе. Нѣтъ прочныхъ жилищъ, съ которыми бы тяжело было разставаться, въ которыхъ бы обжилось цѣлыми поколѣніями; города состоятъ изъ кучи деревянныхъ избъ, первая искра — и вмѣсто нихъ куча пепла. Бѣда впрочемъ не велика, движимаго такъ мало, что легко вынести съ собою, построить новый домъ ничего не стоитъ по дешевизнѣ матеріала: отсюда съ такою легкостію старинный русскій человѣкъ покидалъ свой домъ, свой родной городъ или село; уходилъ отъ Татарина, отъ Литвы, уходилъ отъ тяжелой подати, отъ дурнаго воеводы или подъячаго; брести розно было не по чести, ибо вездѣ можно было найти одно и то же, вездѣ Русью пахло. Отсюда привычка къ расхождѣ въ народонаселеніи, и отсюда стремленіе правительства ловить, усаживать и прикрѣплять.

При этомъ общемъ, бросающемся въ глаза различіи западной каменной Европы отъ восточной деревянной, на великой восточной равнинѣ замѣчаемъ различіе формъ, которое имѣетъ историческое значеніе. Здѣсь двѣ формы господствуютъ — лѣсъ и поле, или степь. Изъ противоположности этихъ двухъ формъ, находящихся другъ подле друга, вытекаетъ историческая противоположность, борьба народонаселенія двухъ половинъ Россіи, лѣсной и степной. Степь была изначала жилищемъ кочевыхъ, хищныхъ народовъ; съ ними изначальная борьба Руси, основавшейся въ польской (степной) украинѣ. Борьба эта, несмотря на всю удалъ князей и дружинъ ихъ, кончилась торжествомъ степнаго народонаселенія, которое постоянно пустошило Русь при Половцахъ и окончательно запустошило при Татарахъ. Прочный порядокъ вещей, государство, способное побороть степное народонаселеніе, могли утвердиться, окрѣпить только вдали отъ степи, на сѣверѣ, въ лѣсной сторонѣ, мало доступной, неудобной для кочеваго хищника. Но московское государство, образовавшееся въ лѣсной сторонѣ, при своемъ распространеніи, скоро достигло



степи; у него образовалась *польская*, какъ называли въ старину, т.-е. степная окраина или *украина*, долженствовавшая постоянно терпѣть отъ сосѣдства степи; но это была только *украина*, тогда какъ въ древней Руси главная сцена дѣйствія, стольный городъ великокняжескій былъ на самой *украинѣ*. И московское государство ведетъ постоянную борьбу съ народонаселеніемъ степей; съ ослабленіемъ кочевыхъ ордъ борьба не прекращается, ибо въ степи образуется особаго рода народонаселеніе, *козаки*. Борьба земскихъ людей, государства съ козачествомъ есть, относительно природныхъ формъ, борьба лѣсной стороны съ полемъ, степью, что особенно выразилось въ смутное время и въ послѣдующія козацкія движенія, когда Россія дѣлилась по духу, характеру народонаселенія, на сѣверную, земскую и на южную, *украину* съ степями, козацкую. Степь условливала постоянно эту бродячую, разгульную, козацкую жизнь съ первобытными формами; лѣсъ болѣе ограничивалъ, опредѣлялъ, болѣе усаживалъ человѣка, дѣлалъ его земскимъ, осѣдлымъ, установившимся, въ противоположность козаку, вольному, гулящему. Отсюда болѣе спокойная, ровная и слѣдовательно и болѣе прочная въ своихъ результатахъ дѣятельность сѣвернаго русскаго человѣка, отсюда шатость южнаго, кромѣ другихъ причинъ, о которыхъ было говорено въ предыдущихъ томахъ нашей исторіи.

Итакъ московское государство было государство лѣсное по преимуществу; путешественникамъ вся страна казалась обширнымъ лѣсомъ, кой-гдѣ расчищеннымъ подъ жилища и пашню; нѣкоторые изъ путешественниковъ не могли удерживать своего восторга отъ того вида, какой представляла имъ Московія весною, вида—громаднаго, ярко-зеленаго сада, наполненнаго безчисленнымъ множествомъ лѣвчихъ птицъ, въ противоположность лѣсу новаго міра, американскому, гдѣ птицы производятъ своими движеніями много шороха, шума, но мало даютъ пѣсенъ. Какъ ни прекрасенъ былъ однако весенній видъ лѣистой Московіи, это преобладаніе лѣса имѣло свои невыгодныя стороны: оно условливало суровость климата, сырость, обиліе водъ, болотъ, такъ затруднявшихъ проѣздъ лѣтомъ, заставлявшихъ прибѣгать къ тяжелому труду мощенія дорогъ деревьями; около столицы путешественники въ лѣтнія ночи должны были раскладывать костры, чтобъ спастись отъ мириадъ комаровъ и мошекъ. Подлѣ этой неприятно-

сти была и опасность, опасность отъ дикаго звѣря, живущаго въ лѣсу, и еще бѣльшая отъ человѣка, который такъ удобно скрывалъ въ лѣсу свой дурной промыселъ.

Среди этой обширной и пустынной страны, гдѣ, казалось, такъ недавно человѣкъ началъ подчинять природу своей волѣ, гдѣ такъ рѣдко встрѣчались небольшія села и деревни, и большія огороженные села, города, западный путешественникъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда же покажется тотъ знаменитый городъ, который давалъ имя цѣлой странѣ, въ которомъ пребывалъ неограниченный владыка ея. И вотъ передъ нимъ развертывалась Москва, и вдаль производила сильное и выгодное впечатлѣніе: на неизмѣримомъ пространствѣ черная громада домовъ, но надъ этою черною громадою поднималось безчисленное множество церковныхъ главъ и колоколенъ, и выше всѣхъ поднимался Кремль, жилище великаго государя, съ бѣлою каменною стѣною, наполненный бѣлыми каменными церквами съ позолоченными главами, и посрединѣ высокій бѣлый столпъ съ золотою головою, Иванъ Великій, гигантъ, благодаря скромной высотѣ другихъ зданій. Эта бѣлизна кремлевской стѣны и церковей, рѣзко выдающаяся въ противоположность массѣ черныхъ деревянныхъ домовъ, и большее количество каменныхъ зданій сравнительно съ другими городами дали происхожденіе извѣстному эпитету, который до сихъ поръ остается за Москвою — *бѣлокаменная*.

Издали Москва поражала великолѣпіемъ, красотою, особенно лѣтомъ, когда къ красивому разнообразію церковей присоединялась зелень многочисленныхъ садовъ и огородовъ. Но впечатлѣніе перемѣнялось, когда путешественникъ въѣзжалъ внутрь безпредѣльнаго города: его поражала бѣдность жилищъ съ слюдяными окнами, бѣдность, малые размѣры тѣхъ самыхъ церковей, которыя издали производили такое пріятное впечатлѣніе, обширные пустыри, нечистота, грязь улицъ, хотя и мощеныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревьями. Издали казавшаяся великолѣпнымъ Иерусалимомъ, внутри Москва являлась бѣднымъ Виллемомъ, по выраженію одного путешественника <sup>2</sup>.

Но Москва, своимъ характеромъ, была полною представительницею страны, въ которой была царствующимъ градомъ. Въ необъятную ширь просторно раскинулась она по горной и луговой сторонѣ своихъ рѣкъ, съ простотою и бѣдностію деревяннаго

жилица, окруженнаго обширнымъ дворомъ, садомъ, огородомъ. Москва удерживала этотъ сельскій характеръ столицы первобытнаго, земледѣльческаго государства. Прежде она была еще обширнѣе, и народа въ ней прежде было больше; но по Москвѣ прошла печальная исторія страны и оставила глубокіе слѣды. Сильно поднялась Москва надъ всѣми другими городами въ эпоху окончательнаго собранія страны, окончательнаго сосредоточенія власти въ рукахъ великаго государя; отовсюду стремились въ нее жители волею, привлекаемые выгодами столицы, и неволею, высеяемые изъ Новгорода и Пскова по распоряженію великаго князя. Москва особенно поднялась, т.-е. лучше сказать, разширилась и наполнилась людьми во времена Іоанна III и сына его Василія. Но Москва стала главнымъ городомъ Россіи въ то время, когда русскій народъ въ своемъ историческомъ движеніи началъ поворачивать съ востока на западъ, отъ степи къ морю. Этотъ поворотъ, только что начавшійся и медленный, обозначился однако на Москвѣ отблескомъ того свѣта, который началъ ярко свѣтитъ въ западной Европѣ въ эпоху возрожденія: въ Москвѣ явились красивыя и, относительно, обширныя и прочныя зданія, построенныя западными художниками, дворецъ, церкви, башни: эта обстройка Москвы въ XV и XVI вѣкахъ имѣетъ въ русской исторіи то важное значеніе, что поднимая столицу, дѣлая ее предметомъ благоговѣйнаго удивленія для русскихъ людей, она имѣетъ съ тѣмъ поднимала значеніе московскаго великаго князя, содѣйствовала тому, что онъ становился великимъ государемъ, великимъ хозяиномъ, самодержцемъ, выдаваясь нагляднымъ образомъ великолѣпіемъ своей обстановки изъ толпы князей и бояръ, съ которыми прежде равняла его простота быта; такимъ образомъ италянскіе художники, украшая Москву, дѣлали одно дѣло съ полугречанкою, полуиталианкою Софіею Палеологъ, воспитанною въ Италіи, въ той сферѣ, гдѣ воспитались Макиавелли, Екатерина Медичи, королева Бона. Но если Москва стала главнымъ городомъ Россіи, когда эта страна начала поворачивать съ востока на западъ, то это значитъ, что она стала главнымъ городомъ Россіи въ то время, когда эта страна должна была вести тяжелую борьбу съ двухъ сторонъ, отбиваться и отъ востока и отъ запада, отъ бесерманства и латинства, по старинному выраженію. Степной варварскій міръ ослабѣлъ, позволилъ Россіи начать на-

ступательное движеніе, но иногда извергалъ огромныя разбойничьи шайки, которыя несли опустошеніе до самой столицы Россіи; съ другой стороны, на западъ Россія столкнулась съ Польшею и завязала съ нею отчаянную борьбу, и Москвѣ дорого стоило отстаиваніе Россіи отъ бесерманства и латинства. При внуцѣ Іоанна III, въ то самое царствованіе, когда двѣ татарскія орды пали передъ Москвою, когда весь мусульманскій міръ взволновался отъ этого сильнаго наступательнаго движенія христіанъ, ханъ послѣдней орды на европейской почвѣ, Девлетъ-Гирей Крымскій, явился подъ Москвою и сжегъ ее. Москва не успѣла еще оправиться отъ этой бѣды, какъ наступила козачина, смутное время; пришли Поляки, почувавъ бѣду Россіи; бояре, поставленные между двумя огнями, боясь козаковъ, козацкаго царя, самозванца, сами ввели Поляковъ въ Москву; но прежде чѣмъ русскіе выжили этихъ гостей изъ кремля, Москва опять была сожжена и разорена, жители разошлись разномыслиемъ. Послѣ этой бѣды Москва въ XVII вѣкѣ оправлялась съ трудомъ, какъ съ трудомъ оправлялась вся земля, при новыхъ борьбахъ, при новыхъ напряженіяхъ; царствующій градъ въ XVII вѣкѣ не достигалъ ни той обширности, ни того количества народонаселенія, какое имѣлъ въ XVI вѣкѣ, а тутъ уже приближалось время, когда Россія должна была наконецъ добраться до моря, и на болотныхъ берегахъ Невскаго устья должна была подняться столица имперіи.

Подобно всѣмъ стариннымъ городамъ русскимъ, самый большой изъ нихъ, царствующій градъ, запечатлѣлся характеромъ древней Русской исторіи, когда религіозный интересъ былъ не только господствующимъ, но, можно сказать, исключительнымъ. Западная Европа, пережившая время исключительнаго господства религіознаго интереса въ такъ-называемые средніе вѣка, оставила память объ этомъ времени въ громадныхъ, затѣйливо изукрашенныхъ каменными кружевами храмахъ; тамъ былъ подъ руками матеріалъ, камень, тамъ были передъ глазами образцы, горы, эти нерукотворные возносящіеся къ небу алтари; но главное—тамъ была сила, способная воздвигать подобныя громады, хотя и не всегда ихъ оканчивать, общественная сила; богатый, многочисленный городъ, котораго жители сознавали въ себѣ одно цѣлое, привыкли къ общему дѣлу, такой городъ строилъ великолѣпный религіозный памятникъ на пользу и украшеніе цѣлому городу;

понятно, что такихъ памятниковъ не могло быть много, и всѣ они носили знаменіе соединенія силъ. Но, на восточной равнинѣ, въ какихъ памятникахъ выскажется исключительное господство религіознаго интереса? Здѣсь нѣтъ твердаго матеріала, камня, здѣсь нѣтъ горъ, возбуждающихъ человѣческое творчество къ соперничеству съ природою, здѣсь нѣтъ и соединенія силъ. Мы видѣли, какъ здѣсь, по необходимости, все расплывалось и разбродилось на необъятномъ пространствѣ, какъ здѣсь не было богатыхъ, многолюдныхъ городовъ; все здѣсь жило въ разбродѣ и особо: отсюда бѣдный приносилъ въ церковь свой образъ, передъ нимъ зажигалъ свою свѣчу и передъ нимъ молился, а богатый строилъ подлѣ своего дома *свою* церковь. Понятно, что церкви, построенныя отдѣльными лицами, не могли отличаться обширностію и великолѣпіемъ; но ихъ было много, ихъ считали до двухъ тысячъ, на каждые пять домовъ по церкви.

Церкви были небольшія; но въ разныхъ мѣстахъ видѣлись церкви значительной величины, окруженныя другими поменьше и огороженныя стѣнами; то были монастыри, которыхъ было очень много въ Москвѣ; монастыри видѣлись преимущественно въ концахъ города, или обозначали границы городскихъ частей, указывали исторію распространенія города: монастыри, являвшіеся въ срединѣ города, прежде были загородными. Нѣкоторые загородные монастыри были обружены крѣпкими каменными стѣнами съ высокими башнями и опоясывали Москву рядомъ укрѣпленій. Свѣтскіе землевладѣльцы въ Россіи, и самые богатые, никогда не имѣли укрѣпленныхъ замковъ: мы видѣли, что Русская знать никогда не теряла дружиннаго характера, и жилища ея лѣнились около жилища государева. Но подлѣ свѣтскихъ землевладѣльцевъ, свѣтской знати, вообще не богатой и не сильной предъ богатствомъ и силою великаго государя, были землевладѣльцы другого рода, богатые, сильные и самостоятельные,—то были монастыри. Мы видѣли, какъ дологъ былъ на Руси богатырскій вѣкъ, какъ съ усиленіемъ государства богатырство продолжалось подъ именемъ козачества; но народъ, имѣющій богатые задатки жизни, стремится необходимо къ уравниванію силъ, и подлѣ богатырей, грузныхъ избыткомъ матеріальныхъ силъ, мы видимъ богатырей другого рода, богатырей духовныхъ, представителей нравственныхъ силъ народа,—то были вожди духовныхъ

дружинъ, основатели монашескихъ братствъ, основатели монастырей. Вдалекѣ, въ глуши, но обыкновенно на господствующемъ красивомъ мѣстѣ строился монастырь. Духовная сила необходимо въ скоромъ времени привлекала къ себѣ силы, средства матеріальныя; святой основатель служить въ ветхихъ крашенинныхъ ризахъ, преемники его облакаются въ золото; никакія соображенія и разчеты не могутъ остановить стремленія жертвовать всѣмъ матеріальнымъ, самымъ дорогимъ на украшеніе того, что нравственно такъ дорого, такъ свято. Монастыри становятся богатыми землевладѣльцами, имущество которыхъ не отчуждается, не раздѣляется. Одинъ только богатый землевладѣлецъ, монастырь, живетъ отдѣльною, самостоятельною жизнію, одинъ, по своимъ средствамъ, можетъ строить замки, укрѣпленія, и дѣйствительно отораживается твердыми каменными стѣнами, воздвигаетъ башни, заводитъ нарядъ (артиллерію), получаетъ возможность защищаться отъ непріятеля. Такъ въ эти вѣка господства нераздѣльности занятій силы нравственныя необходимо соединялись съ матеріальными; въ смутное время Троицкій монастырь далъ самый сильный отпоръ врагамъ, и при этомъ силы нравственныя были соединены съ матеріальными.

Нераздѣльность силъ въ древней Россіи выражалась и въ старинномъ кремлѣ московскомъ: если рядъ загородныхъ монастырей представлялъ около столицы рядъ укрѣпленій, то кремль, царственный замокъ, жилище великаго государя, представлялся большимъ монастыремъ, потому что былъ наполненъ большими, красивыми церквами, среди которыхъ, какъ игуменскія кельи въ монастырѣ, расположенъ былъ царскій дворецъ—пестрая масса зданій самой разнообразной величины, разбросанныхъ безъ всякой симметріи, единственно по удобству. Если церковь была единственнымъ памятникомъ общественнымъ, если каждый человѣкъ со средствами имѣлъ сильныя побужденія оставить по себѣ такой памятникъ, то понятно, что человѣкъ съ самыми большими средствами въ государствѣ, именно великій государь, долженъ былъ отличаться ревностію въ построеніи и украшеніи церквей, имѣлъ значеніе всероссійскаго церковнаго старосты; понятно, что около его жилища было такъ много церквей, неудивительно, что мы очень часто встрѣтимъ его въ церквахъ, очень часто встрѣтимъ пышные, длинные царскіе поѣзды, направляющіеся въ

ближніе и дальніе монастыри; при церковныхъ торжествахъ царь тутъ со всѣмъ дворомъ. 1-го сентября, въ Семень-день (Симеона Лѣтопроводца) церковь и міръ виѣстѣ праздновали Новый годъ. Народъ толпился въ Кремлѣ съ утра: тамъ на открытомъ мѣстѣ, на площади между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ соборами, въ присутствіи царя служили молебенъ; послѣ молебна архіереи и вельможи, приказные люди и гости поздравляли великаго государя, одинъ изъ бояръ говорилъ рѣчь, послѣ чего царь шелъ къ обѣднѣ <sup>3</sup>.

Зимою, передъ Рождествомъ, 21 декабря къ Москвѣ былъ большой праздникъ, память чудотворца Петра, перваго митрополита, который сталъ жить въ Москвѣ и освятилъ ея величіе; праздникъ былъ собственно праздникомъ преемника Петрова, патріарха, и потому еще 19 числа патріархъ являлся во дворецъ звать великаго государя и старшаго царевича къ празднику и кушать, приглашалась также вся знать; послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, царь отпраивался къ патріарху на обѣдъ: обычай требовалъ, чтобъ хозяинъ благословилъ гостей образомъ и богато одарилъ: дарились обыкновенно кубки, бархаты золотные и серебряные, аксамиты, атласы, камки и соболи сороками <sup>4</sup>. Наканунѣ Рождества Христова, за четыре часа до свѣта, государь ходилъ на тюремный и Англіійскій дворы и жаловалъ милостынею изъ своихъ рукъ, на тюремномъ дворѣ тюремныхъ сидѣльцевъ, а на Англіійскомъ плѣнныхъ Поляковъ, Нѣмцевъ и Черкасъ (Малороссіянъ). Дорогою государь раздавалъ милостыню раненымъ солдатамъ и нищимъ; въ то же время раздавали царскую милостыню у лобнаго мѣста и на Красной площади. Всего раздавалось денегъ болѣе тысячи рублей. Иногда государь ходилъ также къ какому-нибудь разслабленному и подавалъ ему милостыню. Въ третьемъ часу ночи, въ передней дворца, раздавалось громкое пѣніе: славилъ Христа протопопы, попы и дьяконы всѣхъ соборовъ; за соборнымъ духовенствомъ являлись пѣвчіе: 5 *станцій* государевыхъ пѣвчихъ, да семь *станцій* патріаршихъ, славилъ перемѣняясь, и государь жаловалъ ихъ питьемъ, ковшами. Въ самый праздникъ послѣ обѣдни изъ дворца посылали патріарху весь столъ; боярамъ, околичничимъ, думнымъ дворянамъ и думнымъ дьякамъ, также архіереямъ, архимандритамъ и духовнику царскому посылались по двѣ *подачи* (блюда) съ кубками <sup>5</sup>. 6 января въ

Богоявление *іердам* на Москвѣ рѣкѣ; по берегу рѣки и въ кремль разставлено 12 приказовъ стрѣльцовъ съ ружьями и въ цѣтномъ платьѣ; идетъ великій государь въ полномъ царскомъ облаченіи, ведутъ его подъ руки стольники и ближніе люди; за государемъ идетъ постельничій, охраняетъ *стряпню*, эту *стряпню* несутъ стряпчіе, несутъ они полотенцо, стулъ и подножіе, потому толпа царедворцевъ, начальныхъ ратныхъ людей и гости, кто познатіе въ шубахъ, другіе въ *золотахъ*, ратные люди въ *ферезяхъ* и служиломъ платьѣ, гости въ *золотахъ* <sup>6</sup>.

Въ концѣ масляницы царица ходила по соборамъ и монастырямъ кремлевскимъ въ сопровожденіи родственниковъ, родственницъ, мамъ, верховыхъ боярынь и казначей, водила съ собою и маленькихъ царевичей; во все это время Кремль былъ запертъ, никого не пускали <sup>7</sup>.

Въ послѣднее воскресенье на масляницѣ, въ *прощеное* воскресенье, прямо изъ Успенскаго собора царь, съ боярами и думными людьми, отправлялся къ патріарху, у котораго уже были собраны всѣ *власти* (архіереи и архимандриты), вмѣстѣ съ государемъ являлись изъ дворца ключники и чарочники со всякими красными питьями. Начиналось взаимное угощеніе: патріархъ подносилъ государю вина фряжскія и меда всякіе, подавалъ чаши боярамъ и думнымъ людямъ, а государь, съ своей стороны, жаловалъ чашами властей. По возвращеніи во дворецъ, государь принималъ начальниковъ приказовъ, съ докладами о колодникахъ, которые сидятъ много лѣтъ, иные не за большія преступленія: такихъ государь приказывалъ освобождать <sup>8</sup>. Въ то же время во дворецѣ царица жаловала къ рукѣ отца, братьевъ родныхъ и двоюродныхъ, родственницъ, мамъ, верховыхъ боярынь, казначей, постельницъ, мастерицъ. Наступалъ великій постъ, и въ Москву наѣзжали гости особаго рода: изъ всѣхъ монастырей являлись монахи и подносили царю и патріарху хлѣбы, капусту и квасъ <sup>9</sup>.

Въ Вербное воскресенье царь участвовалъ въ религіозномъ торжествѣ, которому подобнаго новая Россія уже не видала: изъ Успенскаго собора въ Спасскія ворота двигался крестный ходъ; за образами и духовенствомъ шли стольники, стряпчіе, дворяне и дьяки, въ золотомъ парчевомъ платьѣ (*изъ золотыхъ*), за ними самъ государь, за государемъ бояре, окольничіе, думные люди и гости; по обѣ стороны пути, близъ царя шли полковники и го-



ловы стрѣлцкіе. Зашедши къ празднику (въ одинъ изъ предѣловъ Покровскаго собора), государь отправлялся на лобное мѣсто, гдѣ патріархъ подавалъ ему и боярамъ ваи и вербу. По прочтеніи Евангелія, патріархъ, взявши крестъ въ правую руку, а Евангеліе въ лѣвую, посылаетъ отрѣшить осла и привести къ ступенямъ лобнаго мѣста; осла приводятъ и патріархъ садится на него, царь ведетъ осла по концѣ повода, подлѣ несутъ царскій жезлъ, вербу, свѣчу, полотенцо; царевичъ и одинъ изъ бояръ ведутъ осла по срединѣ повода, подъ губу ведутъ патріаршіе бояринъ и казначей; по обѣ стороны стрѣльцы несутъ сукна разноцвѣтныя и постилаютъ по пути; впереди движется огромная изукрашенная верба на красныхъ саниахъ, въ сани запряжены шесть лошадей темносѣрыхъ въ цвѣтныхъ бархатныхъ капкурахъ, въ начолкахъ съ перьями; ходъ направлялся прямо въ Успенскій соборъ <sup>10</sup>.

Наступалъ Свѣтлый праздникъ, *Великъ день*. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа государь шелъ въ Успенскій соборъ, за нимъ бояре, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне и дьяки, соборъ наполнялся людьми въ золотыхъ. На заутренѣ послѣ хвалительныхъ стихиръ царь прикладывался къ иконамъ, потомъ христосовался съ патріархомъ и архіереями въ губы, и давали другъ другу янца, остальныхъ духовныхъ государь жаловалъ къ рукѣ и давалъ янца; послѣ духовенства жаловалъ къ рукѣ всѣхъ свѣтскихъ людей, вошедшихъ за нимъ въ церковь. По окончаніи заутрени царь идетъ въ Вознесенскій монастырь—поклониться гробу матери, въ Архангельскій соборъ—поклониться гробу отца, въ Благовѣщенскій соборъ—похристосоваться съ духовникомъ, съ которымъ цѣловался въ губы. Обѣдно слушалъ также въ Успенскомъ соборѣ. Въ первый же день праздника являются къ царю и царицѣ вмѣстѣ патріархъ со всѣми властями и вся свѣтская знать: царица жаловала ихъ всѣхъ къ рукѣ; приходили къ государю съ дарами именитый челоувѣкъ Строгановъ, гости московскіе и изъ городовъ. На другой день опять приходилъ патріархъ съ властями, на этотъ разъ приносилъ образа и золотые въ подарокъ. На третій день царь жаловалъ къ рукѣ и одѣлялъ янцами дворовыхъ людей, дьяковъ мастерской царицыной палаты, истопниковъ и истопничихъ царицыныхъ, уставщиковъ, пѣвчихъ, учителей царевичевыхъ и комнатныхъ сторожей;

на четвертый день жаловалъ къ рукѣ полуголовъ, сотниковъ, также *дохтуровъ*, лѣкарей и мастеровыхъ палатъ золотой, серебряной и оружейной<sup>11</sup>. Въ Троицынъ день государь слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ; передъ нимъ столъники несли туда листъ и *опъникъ* (букетъ цвѣтовъ); въ церкви столъники же держали стряпню: жезлъ, стоянецъ и мису, иногда сундукъ съ платьемъ. Въ Успеньевъ день, храмовой праздникъ главной соборной церкви, государь обѣдалъ у патріарха, который дарилъ гостей также, какъ и въ день Петра Митрополита. Царь Алексѣй Михайловичъ не пропускалъ праздника въ Чудовѣ монастырѣ 20-го мая, день Алексѣя митрополита: если жилъ въ Преображенскомъ, то нарочно пріѣзжалъ для этого въ Москву. Если не ходилъ въ Троицкій монастырь на праздникъ св. Сергія, то слушалъ въ этотъ день обѣдню на Троицкомъ подворьѣ. Въ свои именины, 17-го марта, царь Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ ко всеобщей и къ обѣднѣ въ Алексѣевскій монастырь: идутъ впереди стрѣльцы съ батожьемъ, потомъ постельничій и стряпчіе съ стряпнею, за ними ѣдетъ самъ царь въ шубѣ золотой съ кружевомъ, нашивка съ кистями, шапка горлатная; ѣдетъ онъ въ саянхъ большихъ нарядныхъ, на наклесткахъ стоятъ бояре, на оглобляхъ у цита столъники и ближніе люди, около саней идутъ пѣшкомъ головы и полуголовы стрѣleckіе. 17-го ноября, въ день Григорія Неокесарійскаго, царь Алексѣй ѣздилъ къ обѣднѣ въ Садовую слободу къ празднику, потому что тамъ жилъ духовникъ.

Кромѣ этого присутствія при богослуженіи и при церковныхъ церемоніяхъ въ праздничные дни, великій государь ходилъ часто на богомолье въ города: Можайскъ, Боровскъ, Звенигородъ, Кашинь, Угличъ, къ Николѣ на Угрѣшу; по дорогѣ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, куда царь обыкновенно отправлялся къ празднику чудотворцеву, къ 25-му сентября, по станамъ, въ селахъ—Тайнинскомъ, Братовщинѣ и Воздвиженскомъ встрѣчали его посадскіе люди—Ярославцы, Ростовцы, Переяславцы, Угличане съ хлѣбами и рыбою. Цѣлями царскихъ походовъ на богомолье были и ближніе Московскіе монастыри; приходъ великаго государя былъ большимъ праздникомъ для братіи: гость жаловалъ ее милостынею. Наконецъ, кромѣ монастырей, государь ходилъ по всѣмъ больницамъ.

Были и другія цѣли государевыхъ походовъ: Алексѣй Михай-

ловиць любилъ часто ѣздить въ загородныя села, гдѣ иногда оставался довольно долго. Села эти были: Коломенское, Голенищевое, Покровское, Хорошево, Воробьево, Семеновское, Измайлово, Никольское, Всевидное, Островъ, Соколово, Алексѣевское, Дьяково. Государь ѣхалъ ночевать, слѣдовательно шествіе открывалъ постельный возокъ, при которомъ ѣхали постельничій и стряпчій съ ключемъ, съ ними 300 жильцовъ по три въ рядъ въ цвѣтномъ платьѣ на лошадяхъ во всякой ратной сбруѣ. За жильцами 300 конныхъ стрѣльцовъ по 5 въ рядъ; за стрѣльцами 500 рейтаръ, за ними 12 стрѣлковъ съ долгими пищалями. За стрѣлками конюшеннаго приказа дьякъ, потомъ государевы сѣдла, жеребцы, аргамаки, кони и иноходцы, 40 лошадей подъ сѣдлами, нарядъ на нихъ большой, цѣпи гремячія и поводныя, кутазы и наузы, сѣдла покрыты покрывцами цвѣтными и ковриками золотными. Передъ государемъ у кареты бояринъ, подлѣ кареты по правую сторону окольникій. Самъ царь въ англійской каретѣ шестернею, возники (лошади) съ нѣмецкими перьями, на возницахъ кафтаны бархатные и шапки бархатныя съ соболемъ и перьями. Съ царемъ въ каретѣ четверо бояръ. Царевичъ ѣхалъ въ *избушкѣ* шестернею, съ нимъ сидѣли дядька его и окольникій; за нимъ бояре, окольникіе, стольники и ближніе люди, около избушки стрѣльцы. За царевичемъ ѣхала царица въ каптанѣ въ 12 лошадей, съ нею мамы и боярыни; за царицею царевны большія и меньшія также въ каптанахъ, окруженныхъ стрѣльцами; за царевнами боярыни верховыя, казначеи, карлицы, постельницы, всего каптанъ 50. Главною цѣлю загородныхъ поѣздокъ была любимая потѣха царя Алексѣя Михайловича—охота, ходилъ на поля тѣшиться съ птицами, любилъ ходить и на медвѣдя.

Мы видѣли, какъ великій государь праздновалъ церковныя торжества; теперь взглянемъ на его торжества семейныя, радостныя и печальныя. *Всемирная* радость — родился царевичъ: патриархъ, знатное духовенство, бояре, окольникіе, думные люди и стольники идутъ съ дарами къ новорожденному; у царя большой столъ. Крестилъ царевича самъ патриархъ съ знатымъ духовенствомъ въ Чудовъ монастырь или въ Успенскомъ соборѣ; воспріемникомъ, по старинному обычаю, бывалъ Троицкій архимандритъ, если же старшій братъ царевичъ былъ на возрастѣ, то онъ: младшаго сына Алексѣя Михайловича, Петра, крестилъ старшій братъ, ца-

риту Овдору; восприемницею тетка. За крестины патриархъ получалъ 1500 золотыхъ, митрополиты по 300, архіепископы по 200, епископы по 100, чудовской архимандритъ 80 рублей, благо-ищенскій протопопъ (духовникъ) 100 рублей, успенскій 30, протодьяконъ 40, ключари по 30; всего выходило 3.800 золотыхъ и 330 рублей. Для своей всемірной радости государь кормилъ у себя въ передней нищую братію и жаловалъ милостынею. Умиралъ черевичъ—хоронили въ тотъ же день. Въ годовщины были въ панихидной палатѣ сборы и столъ большой; за сборами были патриархъ съ знатымъ духовенствомъ; государь приходилъ въ панихидную палату и подносилъ патриарху и архіереямъ кушанье и кубки; патриархъ бралъ поднесенное ему блюдо и кубокъ и подносилъ ихъ обратно государю, а тотъ жаловалъ ими окольничаго, который стоялъ за нимъ. Послѣ стола государь снова приходилъ въ панихидную палату къ панихидѣ, и потомъ провожалъ патриарха до Благовѣщенья.

Въ церковные праздники и царскіе дни во дворцѣ бывали большіе столы, къ которымъ приглашались патриархъ, бояре окольничіе, думные дворяне и дьяки, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы и посадокіе люди всѣхъ сотенъ. Кромѣ того большіе столы бывали по случаю пріѣзда иностранныхъ царевичей и знатныхъ пословъ. Тутъ въ грановитую палату, гдѣ былъ обѣдъ, сносились дорогія и рѣдкія вещи на показъ гостямъ: на окнѣ, на бархатѣ золотномъ стояло четверо серебрянныхъ часовъ; у того же окна стоялъ *шанданъ* стѣнной серебряный; на другомъ окнѣ стоялъ серебряникъ большой съ лоханью, по сторонамъ разсольники высокіе; на третьемъ окнѣ на бархатѣ золотномъ стоялъ разсольникъ серебряный большой да бочка серебряная позолоченая, мѣрою въ ведро. На рундукѣ противъ государева мѣста и на ступеняхъ были посланы ковры; около столпа стоялъ поставецъ: на немъ разставлены были сосуды золотые, серебрянные, сердоликовые, хрустальные и яшмовые. Иностранные послы говорають, что сосуды эти не отличались чистотою <sup>13</sup>.

Посолъ пріѣхалъ за важнымъ дѣломъ. Надобно подумавши отвѣчать на его предложенія. Съ кѣмъ же обыкновенно великій государь думаетъ думу о всякихъ важныхъ дѣлахъ, ратныхъ и земскихъ? Много прешло времени съ тѣхъ поръ, какъ старшій

князь въ родѣ княжескомъ сталъ великимъ государемъ царемъ московскимъ и всея Руси, но простота первоначальныхъ отношеній его къ окружающимъ, къ ближнимъ людямъ не исчезла. Около дворца великаго государя, въ самомъ кремлѣ, потомъ въ другихъ лучшихъ частяхъ Москвы, въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ, въ домахъ пообшариѣ другихъ, окруженные бѣдными родственниками, знакомцами и многочисленною крѣпостною дворнею, живутъ знатные люди разныхъ чиновъ, болѣе или менѣе близкіе къ царю. Это старинная дружина княжеская; слово исчезло, но основной характеръ остался, характеръ военный: все это ратные люди, члены дружины старшіе и младшіе; имъ поручаются, какъ и въ старину, разные гражданскія должности, но при этомъ они не теряютъ своего постоянного, военного характера. Древняя Россія не достигла еще до раздѣленія военной и гражданской службы. Первоначальный военный, дружинный характеръ окружающихъ царя остался; измѣнились отношенія дружины къ вождемъ: члены прежде вольной дружины, могшіе отъѣзжать отъ одного князя къ другому, потомъ прикрѣпились къ одному великому государю царю-самодержцу, стали его холопами. Вся эта служба обязана быть постоянно на лицо при великомъ государѣ. Съ ранняго утра собирается она ко дворцу; старики ѣдутъ въ каретахъ, зимою въ санихъ, молодые верхомъ; не доѣзжая до двора царскаго, вдалекѣ отъ крыльца, выходятъ изъ каретъ, слѣзаютъ съ лошадей, идутъ пѣшкомъ къ крыльцу. Пойдемъ за ними во дворецъ, тамъ обнаружится различіе между ними по степенямъ знатности и приближенія къ царю. Толпа не идетъ далеко, останавливается на постельномъ крыльцѣ, и здѣсь, на обширной площади его, дожидается, не будетъ ли какого приказанія: это молодые, т.-е. менѣе знатные люди. Здѣсь видимъ стольниковъ: это дѣти отцовъ, которые въ знатныхъ чинахъ, не не изъ перво-степенной знати по происхожденію; ихъ будетъ человекъ 500; главная служба ихъ во дворцѣ, отъ которой и получили названіе—носить кушанье къ царскому столу при торжественныхъ обѣдахъ; ихъ же отправляютъ посланниками къ иностраннымъ дворамъ, воеводами по городамъ, въ приказы. Стольники, стоявшіе здѣсь, на крыленной площади назывались *площадными*, въ отличіе отъ *комнатныхъ*, дѣтей болѣе знатныхъ, болѣе приближенныхъ къ царю отцовъ. Вмѣстѣ съ стольниками дожидаются

на крыльцѣ страгичіе; мы уже видѣли ихъ въ придворной должности при торжественныхъ царскихъ выходахъ; и страгичи, которыхъ будетъ человекъ съ 800, посылають также въ разныя посылки, менѣе значительныя: не пошлютъ страгича ни въ воеводы на городъ, ни въ послахъ въ иностранное государство. Далѣе крыльца нейдуть и дворяне московскіе, получившіе первое мѣсто передъ дворянами областей, присоединенныхъ къ московскому княжеству; у нихъ нѣтъ придворной должности; въ военное время это начальныя люди въ полкахъ, въ мирное ихъ посылають и воеводами по городамъ, и послами, и для производства слѣдствія, и въ приказы. Но давно уже оныиъ показалъ, что человекъ, владѣющій саблею, не ловко владѣеть перомъ, давно уже образовался особый классъ людей, дѣльцовъ по письменной части, раздѣлявшихся на старшихъ и младшихъ, на дяковъ и подъячихъ: безъ нихъ не могъ обойтись бояринъ, посланный государемъ вѣдать какой-нибудь приказъ въ Москвѣ, не могъ обойтись дворянинъ, когда его посылали воеводою въ городъ, когда его отправляли посланникомъ въ чужое государство. И все больше и больше значенія прибрѣтаетъ дѣлецъ, письменный человекъ подлѣ ратнаго человека, по старинѣ занимающаго гражданскую должность: дякъ уже не подчиненный ему, не налагатель только его мнѣній, его приказаній и рѣшеній, дякъ его товарищъ и въ приказахъ, и въ посольствѣ. Между стольниками, страгичими и дворянами на дворцовомъ крыльцѣ дожидаются и дяки. Взадъ и впередъ бѣгаютъ жильцы: это двухтысячный отрядъ дворянскихъ, дячскихъ и подъяческихъ дѣтей, изъ котораго по сороку человекъ ночуетъ на царскомъ дворѣ.

На крыльцѣ, на площади не всегда тихо, не всегда слышны только одни мирныя разговоры; иногда вдругъ раздается шумъ, громкіе голоса: два врага, два соперника по какому-нибудь тяжбному дѣлу встрѣтились и не выдержали, сцѣпились браниться; стоитъ только вымолвить первое бранное слово, и языкъ расходится, удержу ему нѣтъ: отъ лица сейчасъ же переходъ къ его отцу, матери, сестрамъ и другимъ ближнимъ и дальнимъ родственникамъ, никому нѣтъ пощады, всѣ старыя и недавнія исторіи, сплетни, слухи, все тутъ будетъ повторено съ прибавками, какія производитъ расходившееся сердце. Побранится стольникъ съ другимъ стольникомъ за холопа, котораго оттагивають другъ у

друга — и прошептать къ холоду восторгъ дѣвицъ и мать своего соперника. Дѣло не ограничивалось одними крупными словами, ~~думалъ~~: иной расходится отъ крупныхъ словъ и шума, и начать ~~смыслъ~~ по крыльцу за врагомъ, гоньба иногда оканчивалась тѣмъ, что у одного изъ соперниковъ была прошибена кириничемъ голова <sup>13</sup>.

Толпа молодыхъ, ожидающая на крыльцѣ, безпрестанно разстучается, даетъ дорогу старшимъ боярамъ, окольниковымъ и думнымъ людямъ, которые не останавливаются на крыльцѣ и проходятъ даже въ *переднюю*. Передняя имѣетъ важное значеніе передъ крыльцомъ: одитъ жалецъ, исчисляя службы свои, бьетъ челомъ государю: «пожалуй меня, холопа своего, для великаго чудотворца Алексѣя митрополита и для многолѣтняго здорovia сына своего царевича, за мое службишко и терпѣнье вели, государь, мнѣ быть при своей царской свѣтлости въ передней, а родители мои (родственники) пожалованы въ переднюю» <sup>14</sup>. Здѣсь въ передней останавливаются бояре, окольники и думные люди, люди трехъ первыхъ высшихъ степеней старинной русской службы. Бояринъ — имя, которое встрѣчается уже на первыхъ страницахъ старой лѣтописи въ значеніи старшаго члена дружины и необходимаго совѣтника, думца княжескаго, и эта тѣсная связь между понятіемъ боярина и совѣтника княжескаго выражалась въ эпитетѣ: *бояринъ думной*. Окольничество, во время усиленія значенія власти княжеской, являются преимущественно въ значеніи царедворцевъ; они распоряжаются при дворцовыхъ церемоніяхъ, при приѣмѣ пословъ, во время путешествія государя ѣдутъ впереди его, готовятъ все на станахъ; въ послѣднее время окольничество потеряло значеніе должности и приняло только значеніе чина, означая вторую степень послѣ боярства. Наконецъ издавна между дружинниками были люди, не достигшіе еще ~~въ~~ боярства, ни окольничества, но *жившіе въ думѣ*, участвовавшіе въ совѣтѣ великокняжескомъ; отсюда третій чинъ — думные дворяне. Къ этимъ тремъ чинамъ, участвовавшимъ въ думѣ, совѣтѣ царскомъ, примыкаютъ думные дяки, высшее званіе, котораго могъ достигнуть не военный человекъ, а человекъ пера. Думныхъ дяковъ не больше четырехъ; какъ первые дѣльцы, находившіеся на глазахъ государя, который непосредственно пользовался ихъ ~~ловкостью~~ перомъ, ихъ знаніемъ дѣла и опытностію, думные дя-

и приобретают важное значеніе; особенно сдѣлаи. ставящая  
они со времени Грознаго, который, подозрѣвая знатныхъ людей  
ю враждебныхъ замыслахъ, преимущественно додѣржалъ дѣлаи,  
иодаиъ новыми, незнатыми. До какой степени вліяніа могли до-  
стигать думные дѣаки, показываютъ намъ прииѣры Щелкаловыхъ,  
Грамотина. Какъ люди формы и рутины, изъ мелочнаго знанія  
существующаго извлекашіе свои выгоды, думные дѣаки, разу-  
иѣтся, не могли быть расположены къ преобразованіамъ; они  
считались знатоками дѣла, пользовались въ этомъ отношеніи боль-  
шимъ уваженіемъ, большимъ вліяніемъ, къ нимъ обращались какъ  
къ оракуламъ: понятно, какъ оскорбились, ожесточились они,  
когда имъ стали говорить, что они не умѣютъ дѣло дѣлать, не  
умѣютъ прилично вести себя. Отсюда понятна вражда, которую  
питали думные дѣаки къ дерзкому нововводителю, Ордину-На-  
шокину, осмѣлившемуся учить, указывать, кому же? думнымъ  
дѣакамъ! какъ будто первые дѣльцы дѣла не знаютъ! вздумалъ  
переучивать ихъ на чужой ладъ, только и словъ отъ него, что  
въ чужестранныхъ государствахъ не такъ дѣлается.

Бояре, околыничіе, думные дворяне, думные дѣаки толпятся въ  
передней. О чемъ же они говорятъ между собою, въ ожиданіи  
выхода царскаго, что ихъ особенно занимаетъ? Въ послѣднее вре-  
мя было о чемъ поговорить: войны тяжкіа, походы непрерыв-  
ные, побѣды смѣнялись пораженіями, не разъ были рѣчи о томъ,  
что царь покинетъ столицу, къ которой приближается врагъ; ко-  
закъ измѣняютъ въ Малороссіи; безбожный Стенька Разинъ под-  
нимаетъ мязачество и крестьянство противъ бояръ; патриархъ  
хочетъ владѣть всѣмъ: разсердился, что ему не дали владѣть,  
уѣхалъ, а отъ патриаршества не отказывается; такого дѣла еще  
никогда не бывало, подняли святѣйшихъ патриарховъ восточныхъ,  
чтобъ покоячили съ Никономъ. Думные дѣаки внушаютъ, что съ  
Аввасіемъ Даврентьевичемъ Ординымъ-Нашокинымъ житья нѣтъ,  
все бранится, всѣхъ укоряетъ, все, но его, дѣлается не хорошо,  
толкуетъ о новыхъ порядкахъ, что въ чужихъ земляхъ, а каііе  
это порядки? что онъ завелъ во Псковѣ? Придетъ воевода въ  
городъ, а ему тамъ и дѣлать нечего: всѣмъ владѣютъ мужики!  
Но что же будешь дѣлать! Великій государь его жадуеъ, грамо-  
ты посылаетъ прямо изъ приказа тайныхъ дѣлъ, и Аввасій цѣ-  
шетъ, туда же; если уже заведенъ приказъ тайныхъ дѣлъ, то всѣ-



кому можно писать великому государю что хочет, обносить кого хочет — никто не свѣдаетъ. И чему дивиться! былъ бы изъ честнаго стараго рода, а то откуда взять? Умный человѣкъ! никто у него ума не отнимаетъ, да какъ будто всѣ другіе глупы? Вотъ и Матвѣевъ мѣтитъ туда же въ бояре—и попадетъ; у государя въ приближеніи; но этотъ, по крайней мѣрѣ, тихъ, честныхъ людей почитаетъ, тоже любитъ новые порядки, да не кричитъ какъ Аѳанасій.

Но болѣе всего, разумѣется, занимали людей, собиравшихся въ передней, дѣла мѣстническія. Много остатковъ старины берегла московская Русь, и между ними крѣпкій родовой союзъ, который тѣмъ былъ крѣпче, чѣмъ слабѣе были всѣ другіе союзы. Понятіе объ единствѣ рода, какъ бы онъ ни былъ великъ и развѣтвленъ, сохранялось. Долженъ одинъ изъ членовъ рода заплатить большую сумму денегъ, остальные члены рода обязаны складываться для этой уплаты. Старшіе члены рода, которыхъ величали господами, обязаны наблюдать за поведеніемъ младшаго, хотя и совершеннолѣтняго, уже находящагося въ службѣ, наказывать его за нравственные безпорядки, и правительство, раздѣлявшее общій взглядъ относительно крѣпости родоваго союза, взыскивало на старшихъ членахъ рода за поведеніе младшаго. Понятно, что при такой крѣпости родоваго союза, при такой отвѣтственности всѣхъ членовъ рода одинъ за другаго, значеніе отдѣльнаго лица необходимо исчезало предъ значеніемъ рода; одно лицо было немислимо безъ рода: извѣстный Иванъ Петровъ не былъ мыслимъ какъ одинъ Иванъ Петровъ, а былъ мыслимъ только какъ Иванъ Петровъ съ братьями и племянниками. При такомъ сліяніи лица съ родомъ, возвышалось на службѣ одно лицо — возвышался цѣлый родъ, съ пониженіемъ одного члена рода — понижался цѣлый родъ. Для насъ теперь очень понятно, почему человѣкъ, имѣющій извѣстный высшій чинъ, занимавшій высшую должность, не захочетъ служить подъ начальствомъ или въ товарищахъ человѣка, который моложе его по чину или прежней должности; но представимъ себѣ, что цѣлый родъ составляетъ одно, что каждый членъ слитъ со всѣми остальными членами, и мы поймемъ, почему извѣстный Иванъ Петровъ не хочетъ служить въ товарищахъ съ Васильемъ Федоровымъ, если членъ одного рода съ Иваномъ Петровымъ былъ выше чле-

и рода Василья Федорова; не забудешь, что лицо, независимое, самостоятельное, какъ теперь у насъ, можетъ, по высшимъ нравственнымъ или по какимъ бы то ни было побужденіямъ, преодолѣть побужденія честолюбія; но старинному русскому человѣку преодолѣвать эти побужденія было не возможно, потому что онъ не имѣлъ никакого права располагать честью цѣлаго рода, имѣлъ священную обязанность беречь ее во что бы то ни стало, поэтому неудивительно, что старинный русскій человѣкъ, столько непослушный великому государю, котораго назывался холономъ съ уничижительнымъ именемъ, въ истиническихъ случаяхъ ослушивался, за обѣдомъ, въ присутствіи царскомъ, спускался подъ столъ если его принуждали сидѣть ниже человѣка, которому онъ не могъ по родовымъ счетамъ уступить, шелъ въ тюрьму, подвергался батогамъ, кнуту, отобранію помѣстій и вотчинъ, но не исполнялъ воли царской, ибо, въ противномъ случаѣ, что была бы его за жизнь, какъ бы онъ показался на глаза родичамъ, да и всѣмъ порядочнымъ людямъ, ибо въ глазахъ всѣхъ ихъ поруха родовой чести была непростительнымъ преступленіемъ; теперь всякій будетъ каждаго родственника такого преступника *утмивать*, говорить: ты можешь быть ниже меня, потому что родственникъ твой Иванъ Петровъ былъ ниже Василья Федорова, а я равенъ Василью Федорову или еще и выше его; мой младшій братъ въ такомъ-то походѣ былъ равенъ или даже выше старшаго брата Василья Федорова, и т. д.

Члены шестнадцати знатныхъ родовъ имѣли право, обоядя низшіе чины, поступать прямо въ бояре: Черкасскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шенны, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Хилковы, Урусовы. Члены пятнадцати родовъ поступали сначала въ окольничіе, и потомъ въ бояре: Куракины, Долгоруки, Бутурлины, Ромодановскіе, Пожарскіе, Волконскіе, Лобановы, Стрѣшневъ, Бятынскіе, Милославскіе, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы. Изъ тридцати одной фамиліи 20 княжескихъ. Нѣкоторые изъ князей присоединили къ своимъ фамильнымъ прозваніямъ, прозванія отъ старыхъ своихъ удѣловъ, напримѣръ Ромодановскіе-Стародубскіе. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича показалось это неприличнымъ, и Ромодановскимъ запрещено было писаться Стародубскими. Но знамени-

тѣмъ же кнѣзь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій подалъ челобитную: «Прислана, двоя, Великаго Государя, грамота, написана, чтобъ мнѣ впредь Стародубскимъ не писаться. До твоего указа я писаться не стану, а прежде писался я для того: тебѣ, великому государю, извѣстно, князишки мы Стародубскіе, а предки мои и отецъ мой и дядя писались Стародубскіе-Ромодановскіе, да дядя мой кнѣзь Иванъ Петровичъ, какъ въ Астрахани за васъ, великихъ государей, пострадать отъ вора лже-именитаго Августа, по вашей государской милости написать въ книгу, и страдающаго объявляя, на сборное воскресенье поминають Стародубскимъ-Ромодановскимъ. Умилосердись, не веди у меня старой нашей честишки отнять.» Государь умилосердился, не велѣлъ честишки отнимать <sup>15</sup>. Молодаго человѣка знатной фамиліи царь обыкновенно бралъ во дворецъ въ спальники. Должность спальниковъ состояла въ томъ, что они спали у государя въ комнатѣ, человѣка по четыре, перемѣняясь поочередно, раздѣвали и разували государя. Изъ спальниковъ члены первостепенныхъ родовъ жаловались прямо въ бояре, второстепенныхъ въ окольныхчіе, и назывались комнатными или ближними боярами и окольныхчими. Понятно, что войти въ первый рядъ знати, доставить себѣ и всѣмъ членамъ своего рода право, минуя окольныхчихъ, получать прямо боярство, было завѣтною цѣлюю, и были честолюбцы, которые покушались достигнуть ее безъ признанныхъ правъ: такъ наприкладъ Головинъ, пожалованный изъ дворянъ въ окольныхчіе, былъ чаломъ, что окольныхчихъ въ его пору нѣтъ, и отецъ его при царѣ Михаилѣ былъ въ боярахъ; за это челобитье онъ посланъ въ тюрьму и околичество ему не сказано, сказано другое: «тебѣ страднику ни въ какой чести не бывать, бояре приговорили тебя бить кнутомъ и въ Сибирь послать, да государь на милость положилъ» <sup>16</sup>. Родовая честь была такое больное мѣсто у старинной русской знати, что несмотря на очевидное первенство одного рода передъ другимъ, члены рода, которые должны были уступать, придумывали отчаянные средства, чтобъ какъ-нибудь избавиться отъ этой тяжелой уступки. Въ этомъ отношеніи замѣчательно мѣстическое дѣло между двумя первостепенными родами: въ 1663 году, за торжественнымъ обѣдомъ у государя, кнѣзь Юрій Трубецкой получилъ назначеніе выше, чѣмъ Никита Шереметевъ; Шереметевы знали хорошо, что Трубецкіе выше ихъ

но уступить было жалко; вспомнили, что они Шереметевы, старинный московскій знатный родъ, а Трубецкіе хотя и знатны, но князья прищипы, Гедиминовичи литовцы; вслѣдствіе этого старшій между Шереметевыми, бояринъ Петръ Васильевичъ подавъ челобитную: «Я и братъ мой съ кнземъ Юріемъ были и впередъ до отечеству родителей его быть съ Трубецкими готовы: только князь Юрій иноземецъ и въ нашу юру и хуже насъ съ нимъ никто не бывалъ; такъ если кто-нибудь, не зная мѣры своей отачести меня безчестить, то намъ и отечеству нашему не было бы жорухи.» Государь сильно осердился за эту новость, когда и съ старыми основаніями мѣстныя споры были невыносимы; онъ рѣшилъ сказать Шереметеву: «Ты князя Юрія обезчестилъ, что называлъ его иноземцемъ: Трубецкіе не иноземцы, старый родъ честный.» На Шереметевыхъ князю Юрію Трубецкому доправлено безчестье: половинный окладъ дяди его, боярина князя Алѣксѣя Никитича Трубецкаго <sup>17</sup>.

Шереметевы имѣли право опасаться, что кто-нибудь, не зная мѣры своей, будетъ ихъ безчестить вслѣдствіе уступки ихъ Трубецкимъ; нѣсколько разъ Шереметевыхъ обороняли то отъ Долгорукихъ, то отъ Плещеевыхъ, то отъ Бутурлиныхъ, то отъ Годуновыхъ. Но если правительство безпрестанно должно было оборонять и старинные роды, то понятно, намъ ему трудно было оборонять новыхъ людей, родственниковъ царскихъ, поднявшихся до боярства изъ незначительныхъ людей и выскочекъ въ родѣ Ордина-Нащокина. Тутъ надобно было изворачиваться разными средствами. Князь Львовъ былъ челомъ на тестя царскаго, боярина Илью Милославскаго: челобитчику отвѣчали, что ему можно быть съ Милославскимъ въпервыхъ потому, что онъ третій братъ; въвторыхъ потому, что прежде не бывали челомъ на царскихъ овейственниковъ <sup>18</sup>. Еще труднѣе было оборонять Ордина-Нащокина: стольникъ Матвѣй Пушкинъ былъ челомъ, что велѣно ему ѣхать за польскими послами и съ ними ѣхать къ отвѣту (переговорамъ), а вести переговоры, въ отвѣтъ быть боярину Ордину-Нащокину и ему, Пушкину, меньше Азанаस्या быть немыслимо. Нащокинъ, въ свою очередь, былъ челомъ, что Пушкинъ бѣдетъ челомъ не дѣломъ. Государь сказалъ Пушкину, что прежде мѣстъ тутъ не бывало и теперь нѣтъ. Но Пушкинъ отвѣчалъ, что прежде съ послами въ отвѣтъ бывали честные люди, а не въ Аза-

нашеву версту, потому въ то время и челобитья не бывало, а его отечество съ Аванасемъ извѣстно великому государю. Государь повторилъ, что тутъ мѣсть не бывало и теперь нѣтъ, и Пушкинъ уступилъ на первый разъ, поѣхалъ за посламъ; но потомъ раскаялся въ своей слабости и пересталъ ѣздить къ посламъ; государь послалъ его въ тюрьму и велѣлъ сказать, что ему съ Нащокинымъ быть можно, и если не будетъ, то вотчины и помѣстья отпишутъ; Пушкинъ отвѣчалъ: «отнюдь не бывать, хотя вели, государь, казнить смертью, Нащокинъ передо мною чело-вѣкъ молодой и не родословный.» И поставилъ на своемъ, не былъ у пословъ приставомъ, сказанъ больнымъ <sup>19</sup>.

Подлѣ мѣстничества отдѣльных родовъ другъ съ другомъ, шло мѣстничество между членами одного и того же рода, споры о родовомъ старшинствѣ, которые имѣли такое значеніе въ древней русской исторіи, происходя въ родѣ княжескомъ. Мы знаемъ, что въ древней кievской Руси физическое старшинство брало верхъ, и племянники, несмотря на разныя благопріятныя обстоятельства, обыкновенно должны были преклоняться предъ правами дядей, покушенія племянниковъ возстать противъ правъ дядей считались грѣховными. Въ Руси сѣверной, владимірской и потомъ московской, дѣло пошло быстро обратнымъ путемъ: родовыя отношенія между князьями рушились, племянникъ отъ старшаго брата сталъ наследовать старшинство за исключеніемъ всѣхъ дядей. Этотъ переворотъ въ отношеніяхъ членовъ владѣльческаго рода не могъ остаться безъ вліянія и на отношенія въ другихъ родахъ, и если здѣсь не могло произойти такого же переворота вполне, то, по крайней мѣрѣ, мы въ правѣ ожидать, что произойдутъ уступки, сдѣлки, ограниченія правъ младшихъ дядей предъ старшими племянниками, особенно при вліяніи великаго государя на рѣшенія мѣстническихъ дѣлъ, при опредѣленіи случаевъ: великій государь, господствуя самъ вслѣдствіе новаго представленія о правѣ сына отъ старшаго брата надъ дядями, не могъ не благопріятствовать ограниченію дядей въ пользу племянниковъ, и потому намъ неудивительно встрѣчать въ мѣстническихъ дѣлахъ, что эти ограниченія произошли по новому, государеву уложенію. Изъ описываемаго времени приведемъ одинъ любопытный случай этой родовой усобицы: въ 1658 году князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій былъ чело-мъ на пле-

ииника своего, князя Юрія, что ему съ нимъ быть невмѣстно: «онъ мнѣ въ роду въ равенствѣ.» Князь Юрій билъ челомъ на дядю: «Хотя онъ мнѣ по родству дядя, но можно ему со мною быть, потому что у отца своего онъ осьмой сынъ, а я у своего отца первый сынъ, и дѣдъ мой отцу его большой братъ.» Государь сказалъ: «Послѣ велю васъ счесть старымъ родителямъ (родственникамъ) вашимъ.» Но князь Григорій государя не послушалъ, и за то посаженъ въ оковы<sup>20</sup>. Дьяки точно также мѣстничались по своимъ приказнымъ назначеніямъ: дьякъ Елизаровъ, пожалованный въ думные дьяки, и оставленный въ помѣстномъ приказѣ, билъ челомъ, что ему невмѣстно быть меньше думнаго дьяка Гавренева, сидѣвшато въ разрядномъ приказѣ, потому что этотъ приказъ считался выше помѣстнаго<sup>21</sup>.

Съ такими-то интересами и стремленіями толпилась знать въ передней. Но не всѣ остаются въ передней; ближніе бояре, люди вхожіе, проходятъ поближе къ дверямъ *комнатъ*, соображаютъ, и, *умча время*, входятъ въ комнату, мѣсто завѣтное для другихъ, которые должны дожидаться въ передней. Какъ важно было войти въ комнату, показываетъ слѣдующій случай: царь Михаилъ приказалъ на границѣ встрѣтить королевича Вальдемара боярину князю Юрію Сицкому, а за Москвою встрѣтить боярину Михайлѣ Салтыкову и сказано быть безъ мѣстъ; но князь Сицкій, утаясь отъ Салтыкова, билъ челомъ въ *комнатъ* безъ людей царю, и государь велѣлъ дать ему невмѣстную грамоту, что ему можно быть больше Салтыкова и родичей его. Салтыковы успѣли поправить дѣло уже при царѣ Алексѣѣ<sup>22</sup>.

Наконецъ двери отворяются; входитъ великій государь, и всѣ, увидавъ его, кланяются въ землю. Государь садится въ большое кресло въ переднемъ углу и подзываетъ къ себѣ тѣхъ, до которыхъ есть дѣло; если царь кликнетъ боярина, а его нѣтъ, тотчасъ посылаетъ за опоздавшимъ, котораго ждетъ грозный выговоръ, зачѣмъ опоздалъ? Расправа съ тѣми, которые оплошали, не исполнили или не такъ исполнили царское приказаніе, коротка: государь сейчасъ же велитъ выслать ихъ вонъ изъ палаты или посылаетъ въ тюрьму. Иногда государь разговариваетъ долго съ разными боярами; всѣ другіе стоятъ, устанутъ, выходятъ на дворъ, посидѣтъ, и опять возвращаются на верхъ. Но вотъ иногда кто-нибудь изъ присутствующихъ самъ подходитъ къ госуда-

мо и кланяется въ землю: у него челобитъе — отпустить въ деревню; приступаютъ другіе, отпрашиваются въ гости, на свадьбу, на крестины или на именины: отпроситься необходимо, потому что въ вечерни всѣ опять должны быть во дворцѣ. Между челобитчиками нѣкоторые подносятъ калачи государю: это именинники: государь спрашиваетъ ихъ о здоровьи и поощряетъ; поэтому они пойдутъ съ калачами къ царицѣ, царевичамъ и царевнамъ.

Послѣ приѣма бояръ, государь шедъ обыкновенно къ обѣднѣ со всѣмъ дворомъ; а послѣ обѣдни, въ передней или комнатѣ государь принимался за дѣла. Для доклада дѣла каждому вѣдомству назначены были особые дни: въ понедѣльникъ докладывались дѣла изъ разряда и посольскаго приказа; во вторникъ изъ приказовъ большой казны и большого прихода; въ среду изъ казанскаго дворца и помѣстнаго приказа; въ четвергъ изъ приказа большого дворца и изъ сибирскаго; въ пятницу изъ судебныхъ приказовъ владимірскаго и московскаго. Съ докладами подходили начальники приказовъ и сами ихъ читали передъ государемъ. Есть у государя важное дѣло, онъ призываетъ на думу или однихъ ближнихъ, комнатныхъ бояръ и окольничихъ, или всѣхъ бояръ, окольничихъ, дворянъ, и это называется *сидѣньемъ великаго государя съ боярами о дѣлахъ* <sup>23</sup>. Бояре, окольничіе и думные дворяне садятся по чинамъ, отъ царя поодоль, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, окольничіе подъ боярами, думные дворяне подъ окольничими, также по породѣ, а не по службѣ; думные дьяки стоятъ; но иногда государь прикажетъ и имъ сѣсть. И тутъ иногда дѣло не обходилось безъ смуты: Пушкины пошли въ тюрьму, побравившись съ Долгорукими въ то время, какъ государь *сидѣлъ* съ боярами <sup>24</sup>. Когда всѣ усядутся, государь объявляетъ свою мысль и приказываетъ, чтобъ бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ. Тутъ всякій, кто имѣетъ способъ въ головѣ, объявляетъ свою мысль, а иные «брады свои устава, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не поразуму ихъ, но по великой породѣ и многіе грамотѣ не учены» <sup>25</sup>. Состоится приговоръ, и государь и бояре приказываютъ думнымъ дьякамъ помѣтить и приговоръ записать. Въ извѣстномъ выраженіи: «государь указалъ и бояре приговорили», указывается на означенный ходъ совѣщанія; царь приказываетъ своимъ совѣтникамъ, «помысля, дать къ дѣлу

способъ; совѣтники дѣють способъ и состояются приговора. Если придѣвать этому выраженію важное какое-нибудь значеніе, то надобно будетъ придать важное значеніе и другому, употребляемому въ старину выраженію: «По указу в. государя и по приказу дѣяковъ одѣяно то-то»<sup>22</sup>. Если вслѣдствіе совѣщаній нужно написать грамоту въ иностранное государство, то это поручается посольскому душевному дѣяку; дѣякъ волилъ писать подѣячому, а самъ вычеркиваетъ или прибавляетъ; когда грамота изготовлена, то ее слушаютъ сперва одни бояре, а потомъ вмѣстѣ съ царемъ; то же соблюдается и относительно всѣхъ другихъ приговоровъ. Если дѣла не такъ важны или, по какому-нибудь обстоятельству, государь не можетъ самъ присутствовать при совѣщаніи о нихъ, то приказываетъ рѣшить ихъ боярамъ безъ себя, приказываетъ имъ *сидѣть* о какомъ-нибудь дѣлѣ. Бояре сидятъ во дворцѣ, и отсюда выраженіе: вносить дѣла къ боярамъ *вверхъ*.

Кромѣ обычныхъ *сидний* великаго государя съ боярами бывали еще чрезвычайныя совѣщанія, на которыя приглашались высшее духовенство и выборные изъ другихъ сословій. Эти чрезвычайныя совѣщанія или *соборы* бывали обыкновенно по вопросу: начинать или не начинать опасную, тяжелую войну, при чемъ потребуются долги и тяжкая служба ратныхъ людей, съ другой стороны потребуются денежныя пожертвованія съ тяглыхъ людей; нужно призвать выборныхъ или совѣтныхъ людей изъ тѣхъ и другихъ, изъ всѣхъ чиновъ, чтобъ сказали свою мысль, и если скажутъ, что надобно начинать войну, то чтобъ послѣ не жаловались, сами наложили на себя тягость. Царь Алексѣй, отпуская ратныхъ людей въ литовскій походъ, говорилъ имъ: «Въ прошломъ году были соборы не разъ, на которыхъ были и отъ васъ выборные, на соборахъ этихъ мы говорили о неправдахъ польскихъ королей, вы слышали это отъ своихъ выборныхъ: такъ вѣдь бы за злое гоненіе на православную вѣру и за всякую обиду къ московскому государству стоять.» Выборные или *совѣтные люди* являлись на соборъ изъ Москвы и областей, изъ разныхъ чиновъ людей, напримѣръ: изъ стольниковъ, стряпчихъ, изъ дворянъ московскихъ и жильцовъ, изъ чина по два человѣка; изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ большихъ городовъ по два человѣка; изъ меньшихъ по человѣку, изъ гостей по три человѣка, изъ гостиной и сухоной сотень по два, изъ черныхъ сотень и але-



боятъ и изъ городовъ, изъ посадовъ по челобѣту. Изъ крестьянъ выборныхъ не было; иногда не вызывались и горожане изъ областей, призывались только московскіе гости, изъ гостинной и суконной сотни старосты, изъ черныхъ сотенъ сотскіе. Голосъ совѣтные люди имѣли совѣщательный, у нихъ отбирались мѣнія или сказки для соображеній: сказки подавались или соединенно цѣлыми чинами, или по мѣстностямъ; но каждый совѣтный человекъ могъ подать отдѣльно свое мѣніе.

Совѣтные люди единогласно сказали, что войну начать необходимо, ратные люди объявили готовность проливать кровь за пресвѣтлое царское величество, торговые люди обязались платить пятую или десятую деньгу съ своихъ животныхъ и промыслишковъ; великій государь рѣшилъ, что откладывать войну нельзя, походъ сказанъ придворнымъ ратнымъ людямъ, гонцы скачутъ въ области къ воеводамъ, чтобъ высылали служилыхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ ихъ вотчинъ и помѣстій. Теперь мы должны познакомиться съ этимъ многочисленнымъ классомъ служилыхъ людей, разбѣянныхъ по центральнымъ, западнымъ и южнымъ областямъ государства. Прежде всего обратимъ вниманіе на ихъ названіе, которое всегда скажетъ много, особенно когда будемъ слѣдить за его измѣненіями. Въ древнѣйшія времена мы видимъ въ Россіи первоначальное дѣленіе народа на военныхъ и невоенныхъ, мужей и мужиковъ; военные люди по отношенію къ вождю своему, князю, носятъ названіе дружины. Это названіе, отъ какого бы корня его ни производили, заключаетъ въ себѣ понятіе товарищества, компаніи. Въ московскомъ государствѣ названіе дружины исчезаетъ, ибо исчезаетъ понятіе. Чѣмъ же оно постепенно замѣняется? Изъ за дружины сначала выступаетъ дворъ, и производное отъ него дворянинъ, и приобретаетъ все болѣе и болѣе силы. Сначала бояре и дѣти боярскіе сохраняютъ относительно дворянъ свое самостоятельное, первенствующее положеніе, положеніе дружинниковъ; но потомъ съ возвышеніемъ значенія государя и его двора, названіе *дворянинъ* беретъ верхъ надъ названіемъ *сынъ боярский*, и послѣднимъ означаетъ низшій классъ военныхъ людей; съ исчезновеніемъ понятія о товариществѣ вождю выступаетъ во всей силѣ понятіе службы государю, и является для военныхъ людей названіе *служилые люди*, въ противоположность всему остальному народонаселенію, которое не поднимается,

сохраняют по прежнему относительно военных людей значеніе мужиковъ; но и военные люди уже болѣе не мужи, а служилые люди, холопы государя, названіе служилый, служащій живетъ до сихъ поръ, до сихъ поръ въ народѣ говорятъ: *это служащій*, въ противоположность купцу, мѣщанину. Но было еще другое названіе, которое обозначало вознагражденіе за службу, названіе *помѣщикъ*. Если названіе: служилый человекъ, опредѣляло отношеніе къ государю, то названіе: помѣщикъ, опредѣляло отношеніе къ землѣ, къ народонаселенію, которое должно было содержать военного человека. Если въ древности переходной дружинѣ соответствовало содержаніе, получаемое прямо отъ князя въ видѣ денегъ, то образованію изъ дружины служилого сословія на сѣверѣ, въ московскомъ государствѣ, соответствовала система испомѣщенія на земельныхъ участкахъ, зависѣвшая отъ того, что великій князь сталъ государемъ, уцѣлся и опредѣлилъ точно свои отношенія къ землѣ, сдѣлался ея хозяиномъ, распорядителемъ. Легко понять, какое впечатлѣніе въ странѣ произвело испомѣщеніе военныхъ людей на земляхъ, впечатлѣніе, подобное тому, какое произвело испомѣщеніе Германцевъ въ областяхъ римской имперіи: въ странѣ подлѣ немногочисленныхъ вотчинниковъ явился многочисленный классъ людей, пользующихся землею, полномочныхъ хозяевъ ея во время этого пользованія; вотчинники стали также брать помѣстья, земля явилась предназначенною для испомѣщенія военныхъ людей, помѣщики явились главными землевладѣльцами, служилый человекъ для остальнаго народонаселенія сталъ немыслимъ безъ помѣстья, и названіе *помѣщикъ* для землевладѣльца укоренилось въ народѣ крѣпко, осталось и тогда, когда помѣстья исчезли.

Превращеніе дружинниковъ въ помѣщиковъ необходимо должно было имѣть сильное вліяніе на переѣму въ характерѣ военного русскаго сословія, независимо уже отъ различія въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія, въ характерѣ князей и дѣятельности ихъ. Въ членахъ подвижной дружины, перебѣгавшей съ княземъ своимъ изъ одной области въ другую, безпрестанно готовой перевѣдаться съ дружинами враждебныхъ князей, необходимо сохранялась отвага, храбрость. Это были люди, не покидавшіе оружія въ постоянной борьбѣ съ степными варварами, въ постоянныхъ усобицахъ княжескихъ; въ немногочислен-

нѣтъ, находившихся постоянно на виду дружинныхъ, преимущественно въ мелкихъ схваткахъ, храбрость каждого члена была явна, и возбуждалось соревнованіе; война была главнымъ и постояннымъ занятіемъ, однимъ словомъ военный характеръ сохранился вполне. Кромѣ побужденія повсюду, у себя на Руси, и въ чужихъ странахъ честь свою взять, присоединялись и другія побужденія къ оказанію храбрости: матеріальное благосостояніе дружины зависѣло отъ богатства князя, а это богатство могъ доставить или поддержать только мечъ дружинника: «Съ дружиною пріобрѣту серебро и золото», говорилъ св. Владиміръ и приказывалъ подавать серебряныя ложки дружинѣ, которая роняла, что князь кормитъ его съ деревянныхъ ложекъ. Но характеръ долженъ былъ необходимо измѣниться, когда военному человѣку дано было помѣстье, куда онъ уѣзжалъ на все мирное время до перваго призыва. Онъ становился землевладѣльцемъ, хозяиномъ, терялъ военное значеніе, входилъ въ міръ иныхъ отношеній и интересовъ и привыкалъ къ своему мирному положенію, которое становилось для него естественнымъ, постояннымъ, а военное время случайнымъ, чрезвычайнымъ, нарушающимъ обычное теченіе жизни; это нарушеніе не могло нравиться. Еслибы еще можно было сейчасъ же встрѣтить непріятеля, побиться и назадъ домой: а то надобно собираться въ долгій путь, покидать семью, хозяйство на неопредѣленное время, въ отсутствіе хозяина семья можетъ быть очень плохо, все пойдетъ не такъ; живетъ обыкновенно въ помѣстьѣ со дня на день, на черный день не припасено, а для похода надобно дѣлать чрезвычайныя издержки, занимать деньги—разоренье! Хорошо, если кто отъ природы храбръ, любить подражаться; но съ теченіемъ времени служилое сословіе превратилось въ касту; сыновья служилаго человѣка, храбры они или нѣтъ, чтобъ не потерять своего значенія и средствъ пропитанія, получивши помѣстья, должны являться по первому призыву на службу. Такимъ образомъ непомѣщеніе служилыхъ людей уничтожило характеръ древней дружины: вмѣсто постоянного войска, казавшагося дружиною, съ военнымъ духомъ, съ сознаніемъ военныхъ обязанностей, съ побужденіями воинской чести, оно создало классъ мирныхъ гражданъ, хозяевъ, которые только случайно на время войны несли уже тяжкую для нихъ службу. Съ наемнымъ позывомъ въ походъ въ семействахъ помѣщиковъ должны

были повторяться сцены, подобныя тѣмъ, какія теперь происходить въ семействахъ передъ отпускомъ рекрутъ: сколько нужды и лишеній долженъ претерпѣть! былъ самъ, жилъ хозяиномъ полновластнымъ, окруженный покорною семьею, холопами и крестьянами, а теперь надобно идти подъ начальство; какой-то попадется воевода? попадались притѣснители страшные! Хорошо, если есть связи, родственники побьютъ челомъ и воевода возьметъ къ себѣ въ *завоеводчики* (въ свиту), а то бѣда! И возвратится ли? возвратится ли невредимъ? а попадется въ плѣнъ къ Татарамъ, въ Литву или къ Нѣмцамъ—Люторамъ безбожнымъ! Вспомнимъ также, что войны XVII вѣка, не успѣхъ которыхъ зависѣлъ отъ дурнаго устройства русскаго войска, въ свою очередь, не могли содѣйствовать возвышенію духа въ служилыхъ людяхъ, внушенію увѣренности. Вспомнимъ о совершенной неприготовленности русскаго служилаго человѣка къ ратному дѣлу, о неумѣньи владѣть оружіемъ, которое къ тому же было очень плохо,—и не удивимся свидѣтельству современника, Русскаго же человѣка <sup>27</sup>, который сравниваетъ полкъ служилыхъ людей съ стадомъ: «У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше на одну непріятельскую голову. На конницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ; иной дворянинъ и зарядить пищади не умѣетъ, не только что выстрѣлить въ цѣль; убьютъ двоихъ или троихъ Татаръ и дивятся, ставятъ большимъ успѣхомъ, а своихъ хотя сотню положили—ничего! Нѣтъ попеченія о томъ, чтобъ непріятеля убить, одна забота—какъ бы домой поскорѣй. Молятся: дай Боже рану нажать легкую, чтобъ немного отъ нея поболѣть и отъ великаго государя получить за нее пожалованіе. Во время бою того и смотреть, гдѣ бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долинѣ, выжидаютъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, и они съ ними, будто также съ бою ѣдутъ въ станъ. Многіе говорили: Дай Богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать!» Отсюда понятно, почему мы видимъ въ служилыхъ русскихъ людяхъ XVII вѣка стремленіе отбывать отъ службы, отговариваться отъ выступленія въ походъ болѣзнію, приписывать какъ-нибудь къ гражданскимъ

дѣламъ, задаривать воеводъ и сыщиковъ, чтобъ только оставили въ покоѣ, прятаться отъ нихъ; во время службы опять задаривать воеводъ и сотенныхъ головъ, чтобъ отпустили домой, наконецъ побѣгъ изъ полковъ. Уложеніе грозить за первый побѣгъ кнута, за второй кнута, убавкою помѣстнаго и денежнаго окладовъ, за третій кнута и отнятіемъ помѣстья; за побѣгъ домой съ бою кнута нещаднымъ и отнятіемъ половины помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ; сотенному головѣ, отпустившему служилаго человѣка безъ государева указа и воеводскаго вѣдома, батогами и тюрьмою; воеводѣ жестокимъ наказаніемъ «что государь укажетъ.» Но угрозы уложенія не помогли: донесенія воеводъ наполнены жалобами на побѣги служилыхъ людей.

Помѣстная система ослабила въ служилыхъ людяхъ воинскій характеръ; но при этомъ они не выигрывали въ другихъ отношеніяхъ: имъ за службу давали землю, на которой они жили и съ которой кормились; жизнь покойная и праздная въ помѣстьѣ отучала ихъ отъ военной службы, главнаго ихъ назначенія, вслѣдствіе чего служба, когда приходило ей время, являлась тяжкимъ, для нѣкоторыхъ невыносимымъ бременемъ. Ничего не могло быть вреднѣе этихъ длинныхъ отдыховъ въ помѣстьяхъ послѣ походовъ, ибо вообще ничего не можетъ быть вреднѣе для человѣка дѣятельности временной, за которою наступаетъ продолжительное бездѣйствіе; ничто такъ не отучаетъ отъ дѣятельности, отъ труда, особенно когда человѣкъ считаетъ себя въ правѣ предаваться бездѣйствію, когда онъ знаетъ, что имѣетъ важное значеніе, всѣми признаваемое, имѣетъ обязанность, которую и исполнить, когда призовутъ, а нѣтъ призыва, имѣетъ право ничего не дѣлать. Но хозяйственная дѣятельность въ деревнѣ? Хозяйственная дѣятельность была слишкомъ проста при тогдашнемъ застоѣ, остановкѣ на первоначальныхъ формахъ. Главная задача состояла въ томъ, чтобъ имѣть какъ можно болѣе человѣческихъ рабочихъ силъ въ своемъ распоряженіи, а если этихъ силъ немного, то малое число работниковъ заставлять производить какъ можно больше, издерживая на нихъ какъ можно меньше. Мы знаемъ, что недостатокъ рабочихъ рукъ, переманка богатѣйшими землевладѣльцами крестьянъ у бѣднѣйшихъ, и необходимость, какую чувствовало правительство дать кормъ послѣднимъ, т.-е. снабдить ихъ земли работниками, привели къ прикрѣпленію крестьянъ. Но и послѣ при-

крѣпленія крестьяне продолжали переманиваться и уходить: отсюда тяжбы за переманку крестьянъ, гонѣба за бѣглыми составляетъ самый важный предметъ занятія для помѣщика. Мы видѣли, какъ правительство запрещало отпускъ служилыхъ людей изъ полковъ; но дѣлалось исключеніе: воеводы могли отпускать ихъ домой въ случаѣ домовнаго разоренія и *людскаго побѣга*. Архивы наполнены дѣлами о бѣглыхъ крестьянахъ, въ уложеніи цѣлая глава изъ 34 статей посвящена этому предмету. Съ другой стороны, у помѣщика не было побужденій къ усиленію хозяйственной дѣятельности и потому, что это былъ слуга, обезпечиваемый своимъ господаремъ. Господарь давалъ ему землю, слуга былъ сытъ; господарь далъ ему постоянныхъ работниковъ и покровительствовалъ ему при ихъ отысканіи, когда они бѣгали отъ работы; относительно будущности семейства слуга также обезпеченъ: женѣ, дочерямъ дадутъ земли на прожитокъ, сыновьямъ, когда выростутъ, поступятъ на службу государеву, будетъ придача къ отцовскому помѣстью. Отсюда необходимая привычка жить беззаботно день за день, и если у кого было желаніе усилить свои матеріальныя средства, то къ этому считался приличнымъ одинъ способъ — *быть у дѣлъ*, и кормиться, обогащаться на счетъ тѣхъ, которымъ эти дѣла были надобны.

Несостоятельность русскихъ служилыхъ людей-помѣщиковъ при встрѣчѣ съ непріателемъ уже давно стала замѣтна и необходимо повела къ мысли о преобразованіяхъ. Вездѣ въ Европѣ эти преобразованія шли одинакимъ путемъ. И на западѣ когда члены первоначальнаго войска, дружины испомѣстились на земельныхъ участкахъ, зажили своими домами, своими землями, то, несмотря на большую самостоятельность ихъ положенія, чѣмъ у насъ въ Россіи, несмотря на то, что отсутствіе государственнаго порядка, отсутствіе безопасности заставляло cadaго землевладѣльца, cadaго *благороднаго* быть постоянно вооруженнымъ, постоянно стоять на сторожѣ, что, разумѣется, сильно поддерживало воинскій духъ, вело къ явленію рыцарства, какъ учрежденія, вызваннаго первоначально необходимостію защиты слабаго отъ сильнаго, несмотря на все это однако войны феодальнаго періода отличаются своею мелкостію и непродолжительностію: вассалы такіе же неохотники надолго отлучаться отъ своихъ домовъ, какъ и наши помѣщики; при большей самостоятельности ихъ положенія у нихъ выгово-

ренъ срокъ и даѣе этого срока они не останутся въ походѣ. Западно-европейскимъ правительствамъ съ феодальными войсками нельзя было далеко уйти, и они должны были обратиться опять— къ дружинѣ! Дружины въ разныхъ странахъ не переставали выдѣляться какъ у насъ козаки; но тамъ на западѣ не было степей, поля, гдѣ бы богатыри могли свободно *козаковать*, *поляковать*; тамъ на западѣ дружины составляютъ наемныя войска. Таковы арминнаки во Франціи, ландскнехты въ Германіи, брабантцы въ Нидерландахъ, таковы швейцарскія компаніи, италіанскіе кондотьери. Въ нѣкоторыхъ странахъ, наиболѣе слабыхъ государственнымъ единствомъ, дружины вели къ тѣмъ же явленіямъ, какія мы видѣли въ началѣ среднихъ вѣковъ, во время самаго сильнаго движенія дружинъ: вожди италіанскихъ кондотьери основываютъ государства. Правительства другихъ странъ болѣе сильныя употребляютъ дружины какъ наемныя войска, какъ наемную стражу, именно какъ употребляли ихъ нѣкогда западныя и восточныя римскіе императоры. Отъ наемныхъ дружинъ сдѣланъ былъ уже переходъ къ національному постоянному войску. Но отъ сбродныхъ дружинъ, искавшихъ службы у разныхъ государей и мѣнявшихъ эту службу при первомъ случаѣ, не скоро очистилась Европа. Въ Россіи онѣ появились съ начала XVII вѣка, съ царствованія Годунова, особенно стало ихъ много при царѣ Михаилѣ, когда вслѣдствіе тяжелыхъ опытовъ ясно была признана несостоятельность русскаго военнаго строя. Но тутъ же начинается, съ помощію иностранныхъ офицеровъ, и обученіе русскихъ ратныхъ людей вноземному строю, появленіе разныхъ видовъ войска съ иностранными названіями, что было переходомъ къ постоянному войску. Устроили рейтарскіе полки, выбирали въ нихъ изъ жильцовъ, дворянъ городовыхъ, изъ дворянскихъ дѣтей недорослей, изъ дѣтей боярскихъ малопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ и изъ вольныхъ людей, давали имъ жалованья по 30 рублей въ годъ, оружіе (карабины и пистолеты), порохъ, свинецъ, но лошадей и платье должны были покупать сами. Также брали въ рейтары со 100 крестьянскихъ дворовъ по человѣку изъ имѣній церковныхъ и изъ имѣній тѣхъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ, которые не могли сами служить, за старостію, по болѣзни, равно какъ съ имѣній, принадлежащихъ вдовамъ и дѣвицамъ. Составленные такимъ образомъ рейтарскіе полки учились новому воевскому строю у своихъ пол-

ковниковъ, полуполковниковъ, майоровъ и ротмистровъ, которые были или изъ иноземцевъ, или изъ русскихъ (стольниковъ и дворянъ), которые уже прежде выучились новому строю. На сѣверо-западѣ, вблизи Шведской границы, были устроены военныя солдатскія (пѣхотныя) поселенія; жили крестьяне на прежнихъ своихъ участкахъ, пашню пахали, угодыми владѣли, данныхъ и оброчныхъ денегъ не платили, но учились солдатскому строю у иноземцевъ. Сначала велѣно было ихъ учить военной службѣ ежедневно; но въ 1650 году государь велѣлъ ихъ полготить, учить въ недѣлю день или два, чтобъ имъ отъ пашни и отъ промысловъ не отбыть <sup>28</sup>. На степной украинѣ были поселены, «устроены вѣчнымъ житьемъ» <sup>29</sup> драгуны, служба которыхъ была конная и пѣшая.

Но поселенныхъ солдатъ стало мало во время тяжелыхъ и продолжительныхъ войнъ царствованія Алексѣя Михайловича: въ 1653 году поскакали по городамъ посланцы государевы; прїѣдутъ въ городъ, собираютъ дворянъ и дѣтей боярскихъ на сѣзжіи дворъ, говорятъ имъ государево милостивое слово и ихъ тѣмъ обнадеживаютъ, чтобъ дѣти ихъ, братья и племянники, которые не въ службѣ и помѣстьями не надѣлены, писались въ солдатскій строй. будетъ имъ непременно государское жалованье и милость, велитъ государь ихъ написать по московскому и по жиганскому списку, будетъ имъ и кормъ, и денегъ дадутъ на платье; а если въ солдатскій строй писаться не стануть, то впередъ имъ служилыми людьми не называться и въ государственной службѣ отнюдь не бывать, а быть въ землепашцахъ. Тогда же было велѣно на посадахъ и въ слободахъ переписать у стрѣльцовъ, племянниковъ, зятьевъ, приемышей, половинщиковъ, и всякихъ захребетниковъ, также дворниковъ, которые не крѣпостные холопы и не пашенные крестьяне, велѣно у нихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ въ солдатскую службу взять половину, а другую половину оставить у нихъ дома <sup>30</sup>.

Такимъ образомъ составлялись полки солдатъ или *желдаковъ* <sup>31</sup>; каждый полкъ назывался по имени своего начальника, наприм. полкъ Агея Шепелева. Мы видѣли, что каждому, кто записывался въ солдаты, обѣщаны были кормъ и деньги на платье: сержанту давали корму по 9 денегъ на день, каптенармусамъ и подпирпорщикамъ по 8, капитанамъ по 7 рублей на мѣсяцъ, поручику по



5, подъемныхъ денегъ давали по полтинѣ, да за шубу по полтинѣ. Была еще льгота: солдатскимъ женамъ и матерямъ выдавалась соль безденежно <sup>32</sup>. Но если стариннымъ служилымъ людямъ приходилось плохо отъ иныхъ воеводъ, то солдатскіе полковники еще менѣе могли церемониться съ своими подчиненными, очень незначительными людьми по происхожденію: солдаты полку Агея Шепелева жаловались на своего полковника, что онъ бьетъ ихъ и увѣчить и въ тюрьму сажаетъ безъ государева указа и сыска для своей бездѣльной корысти и беретъ съ нихъ поминки большіе <sup>33</sup>. Солдаты вымещали свои обиды и убытки на мирныхъ гражданахъ.

Послѣ этихъ служилыхъ людей съ новыми, иноземными названіями—солдаты, рейтары, драгунъ, сохранялись старые: *городовые козаки*, которымъ въ мирное время правительство давало дворы и землю пахатную, не брало съ нихъ оброка и никакихъ податей, а во время службы давало имъ жалованье. Не тронуты были и *стрѣльцы*, войско, отправлявшееся въ походы въ военное время, составлявшее гарнизоны, также полицейскую и пожарную команду въ городахъ. Стрѣльцы жили отдѣльными слободами въ городахъ, каждый своимъ домомъ, промышляли и торговали и вмѣстѣ служили государеву службу. Въ одной Москвѣ ихъ было больше 20 приказовъ, въ приказѣ отъ 800 до 1000 человекъ. Одинъ изъ нихъ былъ приказъ выборный, *стременный*, потому что бывалъ всегда у царскаго стремени, оберегалъ государя и государыню во всѣхъ походахъ. Начальные люди у стрѣльцовъ головы (полковники), полуголовы, сотники, пятидесятники и десятники; въ головы, полуголовы и сотники берутъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ пятидесятники и десятники изъ стрѣльцовъ. Стрѣльцамъ давалось постоянное денежное жалованье, сукно на платье и соль.

Таковы были военныя силы московскаго государства передъ эпохою преобразованія. Эта эпоха приготавлилась тѣмъ, что, не трогая стараго, приставляли къ нему новое. Необходимость новаго, несостоятельность стараго были признаны; но, какъ обыкновенно бываетъ, первые шаги были нерѣшительны; на первыхъ порахъ новое являлось еще робко, безъ официальнаго признанія его преимущества. Старая дворянская конница сохраняла свое первенствующее положеніе; никто изъ значительныхъ дворянъ не

хотѣлъ служить въ рейтарахъ или солдатахъ; потомки старыхъ дружинниковъ съ презрѣніемъ смотрѣли на войска новаго строя, точно такъ, какъ и на стрѣльцовъ. Попрежнему единственнымъ постояннымъ войскомъ остаются стрѣльцы. Какъ только оканчивалась война, всѣ ратные люди разѣзжались по домамъ; распускались по домамъ и служилые люди новаго строя, рейтары, солдаты.

Въ разныхъ видахъ земля должна была доставлять содержаніе, кормъ ратнымъ людямъ. Въ мирное время ратный человѣкъ кормился отъ помѣстья, иной также отъ вотчины: это кормленіе лежало на крестьянствѣ, прикрѣпленномъ къ помѣстьямъ и вотчинамъ. Наступитъ война, ратному человѣку нужно дать вспоможеніе, денежное жалованье: это берутъ на себя кромѣ крестьянъ городскіе промышленные люди; смотря по тяжести войны, всѣ они платили то двадцатую, то десятую, то пятую деньгу отъ своихъ промысловъ и животныхъ. Отсюда ясно видно, что бѣдность государства и отсутствіе постоянного войска условливали главнымъ образомъ соборы, которые обыкновенно созываются по случаю войны: нужно удостовѣриться въ готовности ратныхъ людей выступить въ походъ, и въ готовности торговыхъ и промышленныхъ людей давать имъ для этого деньги; когда явилось постоянное войско и постоянные источники доходовъ, то соборы прекращаются. Наконецъ третій видъ кормленія для ратныхъ людей было кормленіе *отъ дѣлъ*.

Отъ дѣлъ кормились ратные люди разныхъ чиновъ, начиная отъ боярина до самаго мелкаго служилаго человѣка. Бояре, окольничіе и думные люди засѣдали въ приказахъ. Приказъ есть одно изъ самыхъ выпуклыхъ, самыхъ характеристическихъ явленій древней Россіи, московскаго государства. Времени происхожденія этого учрежденія нельзя опредѣлить вслѣдствіе самой простоты его. Государь одному изъ своихъ приближенныхъ *приказываетъ* вѣдать постоянно одно какое-нибудь дѣло или нѣсколько дѣлъ, однородныхъ или совершенно разнородныхъ, придаетъ ему въ помощь другаго или двухъ; для письменоводства необходимо являлись дьяки, подьячіе, и образовывался приказъ. Такъ какъ приказъ имѣлъ свои расходы, то для покрытія ихъ приписывались къ нему *въ вѣдѣніе* города или извѣстные разряды податныхъ людей, съ которыхъ онъ собиралъ подати. Съ

развитіемъ государственной дѣятельности, каждое новое дѣло вело къ учрежденію новаго приказа, и число приказовъ увеличивалось все болѣе и болѣе.

Мы не пойдемъ по всѣмъ этимъ приказамъ: ихъ слишкомъ много; остановимся только на тѣхъ, которые лучше другихъ покажутъ намъ особенности древнерусскаго строя.

Вотъ указы, въ которыхъ сосредоточивается хозяйство великаго государя, дворы царскіе: казенный, сытенный, кормовой, хлѣбный, житный, конюшенный. Характеръ великаго государя, хозяина, господаря, и отношеніе его къ службѣ своей здѣсь рѣзко высказываются. Въ приказѣ казеннаго двора сидитъ казначей съ двумя дьяками; тутъ сложена казна царская, сосуды золотые и серебряные, и множество всякаго рода дорогихъ и недорогихъ матерій, всякая *домовая* казна, изъ которой берутъ на разныя надобности особамъ царскаго дома, и потомъ на жалованье всякаго чина людямъ; государь жалуетъ платьемъ приближенныхъ къ себѣ людей, и вообще непосредственно ему служащихъ, даритъ знатныхъ людей шубами бархатными, золотыми и атласными на соболяхъ. Если жаловалъ великій государь боярина какимъ-нибудь платьемъ, то приказывалъ выдать не только матерію, но и весь прикладъ, напримѣръ: «велѣлъ государь на однорядку нарядную, купя въ ряду, дать сукно самое доброе вишневое и прикладъ: пять аршинъ сукна куплено по 2 рубли 16 алтынъ 4 деньги за аршинъ; 15 аршинъ галуны золотнаго по 10 алтынъ за аршинъ; 14 аршинъ тафтянаго торочку на нашивку по три деньги за аршинъ, 14 пуговицъ съ финифтомъ и яхонтовыми искрами по гривнѣ за пуговицу; на подпушку 1½ аршина атласу, и того рубль 16 алтынъ 4 деньги, да два золотника шелку 2 алтына, всего 20 рублей 5 алтынъ 4 деньги<sup>24</sup>. Все было дано, только шили однорядку у боярина на дому, потому что у боярина во дворѣ были свои портные, точно также и у великаго государя на казенномъ дворѣ были свои портные и скорняки, человекъ 100; шили платье дома, но чулки и рукавицы на государя и царевичей работали въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, котораго монахини отличались этимъ мастерствомъ; прикажетъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матѣевъ купить въ ряду золота, серебра, кружева золотого съ серебромъ и отдать старицѣ Антонидѣ на чулочное дѣло и рукавичное. За

чѣмъ же бояринъ Матѣевъ этимъ распоряжается? Развѣ онъ казначей или вообще завѣдываетъ дворомъ государевымъ? Нѣтъ, онъ вѣдаетъ дѣла посольскія и приказъ Малороссійскій; но онъ очень близкій человѣкъ къ государю и его семейству, и потому заказываетъ чулки и рукавицы<sup>25</sup>. Кромѣ знатныхъ людей, съ казеннаго же двора выдаются ежегодно сукна, камки и тафты по портищѣ дворянамъ, стряпчимъ, жильцамъ, конюхамъ, сокольникамъ, пѣвчимъ, истопникамъ, царицынымъ мастерицамъ, швеямъ, выдаются бархатные вершки и соболи на шапки, киндяки на подкладку, сафьянъ на сапоги; съ казеннаго же двора отпускаются ежегодно сукна стрѣльцамъ; отпускаются сукна, соболи и шелковыя матеріи Донскимъ козакамъ. Но великій государь благочестивъ, не можетъ онъ забыть духовенство: и дѣйствительно на казенный дворъ безпрестанно являются священники, дьяконы, дьячки и пономари московскихъ и городовыхъ соборныхъ и простыхъ царскихъ церквей за государевымъ жалованьемъ, за сукнами: однимъ давали ежегодно, другимъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, какъ повелось. Больше 18,000 духовенства перебивается на казенномъ дворѣ за сукнами. Дачи съ казеннаго дворца не ограничивались однимъ русскимъ духовенствомъ: въ Москвѣ всегда можно было встрѣтить греческихъ монаховъ, архіереевъ, архимандритовъ и простыхъ чернецовъ, которые пріѣхали за милостынею; у нихъ царскія жалованныя грамоты, въ которыхъ означено, въ какой срокъ имѣютъ они право пріѣзжать въ Москву за сборомъ на церковное строенье: казенный дворъ снабжаетъ ихъ сосудами, парчами, бархатами.

Откуда же берутся деньги на все это? Про то знаетъ приказъ большаго дворца. Въ немъ сидитъ бояринъ и дворецкій, да окольничій, да думный дворянинъ, да два или три дьяка: вѣдомы въ немъ больше 40 городовъ, собираются подати съ посадскихъ людей, съ таможенъ, откуповъ и со всякихъ угодій; кромѣ 40 городовъ вѣдомы еще 8 слободъ московскихъ: котельники, оловянники, кузнецы, плотники, рыбаки, шатерники, горшечники, печники, кирпичники. Собираетъ приказъ всѣхъ денегъ со 120,000 рублей въ годъ, и идутъ эти деньги на всякіе дворцовые расходы. Въ приказѣ большаго дворца вѣдомы дворы: сытенный, кормовой, хлѣбный, житный, которые представляютъ такія же любопытныя особенности, какъ и казенный дворъ. Изъ

30 погребовъ сытеннаго двора выходило ежедневно по 100 ведеръ вина, пива и меду по 400 и 500 ведеръ. Приѣзжаютъ изъ разныхъ странъ послы съ многочисленными свитами, и сколько бы ни прожили въ Москвѣ, поятъ и кормятъ ихъ на царскій счетъ: это гости, нельзя хозяину заставить ихъ кормиться на свой счетъ. Кромѣ иностранцевъ, и русскимъ людямъ въ числѣ пожалованій, исходящихъ отъ великаго государя, было пожалованье погребомъ. На кормовомъ дворѣ ежедневно готовятся многочисленные кушанья для государя и въ раздачу. Отъ каждого обѣда и ужина царскаго посылаются съ истопниками блюда, *подачи* къ боярамъ, думнымъ людямъ и спальникамъ. Не получить кто-нибудь изъ нихъ подачи, является на другой день во дворецъ съ запросомъ къ дворецкому, съ бранью ключникамъ: что это значить, что мнѣ не прислано? Царскаго гнѣва на мнѣ нѣтъ: за что такое безчестье? Челобитье самому царю: «вины на себѣ не вѣдаю никакой, а въ подачѣ передъ своею братьею обезчещенъ.» Начинается сыскъ; все записано, все можно найти въ книгахъ, кому послано и кому нѣтъ, и съ кѣмъ послано. Нѣтъ въ книгахъ—забыли послать: разсыльщики добиваютъ челомъ у обиженнаго, царь гнѣвается на дворецкаго, окольного, а ключникамъ тюрьма на цѣлый день. Сыщутъ въ книгахъ, что послано съ такимъ-то истопникомъ: истопника къ допросу, куда дѣвался? Или самъ съѣлъ, или въ грязь уронилъ, или пролилъ: истопника передъ дворцомъ бьютъ батогами. Каждый день на государевъ столъ и подачи расходится больше 3,000 блюдъ. Однихъ рыбныхъ запасовъ изойдетъ въ годъ больше, чѣмъ на 100,000 рублей. Большое количество запасовъ доставляютъ дворцовыя волости: они шлютъ рожь, овесъ, пшеницу, просо, конопль, живыхъ барановъ, свинныя мяса, куръ, яица, сыры, коровье масло, хмѣль; обязаны доставлять также извѣстное число вожжей посконныхъ, лыкъ, кулей рогожныхъ, хомутовъ съ гужами, супонами и шлеями, оглобли санныя и телѣжныя, дуги, дрова, сѣно. На житномъ дворѣ 300 житницъ: свозятъ въ нихъ хлѣбъ всякаго рода изъ дворцовыхъ селъ, изъ понизовыхъ городовъ съ полей, что сѣется на царя; и хлѣбъ этотъ не для одного царскаго обихода, его раздаютъ въ жалованье духовенству, дворовымъ и другихъ чиновъ людямъ, стрѣльцамъ. Берутъ хлѣбъ съ житнаго двора, отдаютъ молодъ по царскимъ мельницамъ въ Москвѣ и по селамъ, везутъ на

мѣбный дворъ, и здѣсь, кромѣ того, что идетъ на дворецъ, несутъ хлѣбы и калачи опять въ раздачу всякимъ людямъ. Для сѣбтаны, молока и сыровъ устроенъ подъ Москвою коровій дворъ, на которомъ 200 коровъ, въ ближнихъ селахъ также коровьи дворы; коровы покупались у Архангельска, на Холмогорахъ и въ уѣздахъ, платили отъ двухъ рублей съ алтыномъ до 6 рублей <sup>36</sup>. Свѣжіе плоды для дворцоваго обихода шли изъ государевыхъ садовъ, которыхъ было слишкомъ 50 въ Москвѣ, окрестностяхъ и по городамъ. Въ однихъ только московскихъ садахъ было: 14,545 деревъ яблонныхъ; 494 груши; 2,994 дерева вишень; 72 гряды малины; 14 кустовъ винограду; 192 сливы; 260 грядъ да 252 куста смородины красной; 74 гряды черной <sup>37</sup>. Если запасовъ, привозимыхъ изъ дворцовыхъ волостей, нестаетъ, уговариваются ставить ихъ уговорщики (подрядчики). Но иногда покупаютъ ихъ по разнымъ мѣстамъ прямо изъ дворца. Понадобятся орѣхи, четвертей 200, отправляются закупать ихъ трое стряпчихъ мѣбнаго дворца, ѣдутъ въ Тулу, Калугу, Кашиню, Юрьевъ Польскій, Переяславъ-Залѣсскій, въ уѣзды этихъ городовъ по торгамъ и малымъ торжкамъ; къ воеводамъ посылаются грамоты, чтобъ готовы были цѣловальники для выбора орѣховъ и отвозки ихъ въ Москву, дьячки для письма, стрѣльцы, пушкари и рассыльщики для рассылки, чтобы готовы были анбары, куда ссыпать орѣхи до отвоза въ Москву, сторожа для береженья. Съ такими же церемоніями покупалось конопляное масло въ Калугѣ и въ уѣздѣ <sup>38</sup>. Въ Можайскѣ и Вязьмѣ у посадскихъ и всякихъ чиновъ людей, также въ уѣздахъ, въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ садахъ покупались яблоки, груши, дули, сливы и вишни, устраивались въ бочки, наливались патокою, сливы солились и отпускались въ Москву. Виноградъ привозили изъ Астрахани, просто и въ патокѣ; у государя въ Астрахани были свои виноградные сады: старый садъ, который строили русскіе люди въ 1647 году, два сада, которые завелъ Голштинецъ Яковъ Давыдовъ, садъ, заведенный Французомъ Посказаясомъ (!) Подовинымъ (Poitevin?), садъ, купленный у Ушакова, 9 садовъ взятыхъ на государя. Астраханцы не смѣли продавать винограду изъ садовъ своихъ до государева указа, и торговые люди не смѣли у нихъ покупать подъ страхомъ жестокаго наказанья. Были большія хлопоты, чтобъ въ Астрахани и по Терекѣ выдѣлывать вино на

царскій обиходъ. Выписаны были иностранцы, и между ними Посказаюсъ Подовинъ, и учили винодѣлію русскихъ людей. Въ 1658 году было прислано изъ Астрахани въ Москву на обиходъ великаго государя 1206 ведеръ; въ 1659 году изъ винограда царскихъ садовъ прислано было вина 25 бочекъ. Для казеннаго двора надобился другой дорогой товаръ, который можно было добыть на югѣ, шелкъ: въ 1658 году прислано было 39 гривенокъ шелку сырцу, который сдѣлали въ Астрахани шелковые мастера, иноземцы и Армяне. Обратили вниманіе и на марену: приказано было, чтобъ русскіе люди продавали ее въ казну, а казна будетъ продавать ее въ Персію. Въ 1673 году гетманъ Самойловичъ, по царскому требованію, присылалъ въ Москву Малороссіянь, чтобъ указали, на какой землѣ и въ какое время сѣять анисъ, Малороссіяне были отправлены въ нижнеомовскія и шацкія мѣста <sup>39</sup>.

Конюшенный приказъ прежде вѣдалъ бояринъ конюшій, первый бояринъ по чину и чести; въ XVII вѣкѣ это званіе уничтожили, и сталъ вѣдать конюшенный приказъ ясельничій, да дворянинъ, да дьяки; въ конюшенномъ вѣдомствѣ считалось больше 40,000 лошадей.

Понятно, что не могло сидѣть никакого боярина въ приказѣ тайныхъ дѣлъ; этотъ приказъ устроилъ себѣ царь Алексѣй Михайловичъ для переписки, о которой онъ не хотѣлъ чтобы всѣ знали, былъ тутъ дьякъ да нѣсколько подъячихъ; но въ этомъ приказѣ вѣдались также дѣла, которые особенно занимали царя: вѣдалось гранатное дѣло и мастера этого дѣла, вѣдалась любимая царская потѣха—птицы, кречеты, ястребы. На кормъ этимъ хищникамъ шли голуби, для голубей былъ устроенъ особый дворъ, на которомъ было голубиныхъ гнѣздъ больше 100,000. И эти невинныя птицы также вѣдались въ приказѣ тайныхъ дѣлъ, который, по имени, долго считали чѣмъ-то очень страшнымъ, въ которомъ думали видѣть что-то въ родѣ тайной канцеляріи.

Посольскій приказъ, который «вѣдалъ дѣла всѣхъ окрестныхъ государствъ,» долго не имѣлъ большой важности, потому что дѣла по сношеніямъ съ иностранными державами рѣшались у государя на верху съ боярами и думными людьми; для переговоровъ съ иностранными послами назначались также изъ бояръ и думныхъ людей, слѣдовательно посольскій приказъ былъ только

канцеляріей боярской думы по иностраннымъ сношеніямъ, и въ немъ сидѣлъ думный дякъ. Только со временъ Андрусовскаго перемирія иностранныя сношенія были поручены одному боярину, именно Ордину-Нащокину, который получилъ пышный титулъ «Великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ и государственной печати оберегателя,» т.-е. канцлера. Аѳанасій Лаврентьевичъ, по своему западному взгляду, имѣлъ высокое понятіе о посольскомъ приказѣ, называлъ его окомя Россіи, въ томъ значеніи, что иностранцы по немъ судятъ о цѣломъ государствѣ и народѣ, и требовалъ отъ служащихъ въ немъ, отъ дяковъ, соотвѣтственнаго этому значенію поведенія; требовалъ, чтобъ дяки не мѣшали кабацкихъ дѣлъ съ посольскими и были воздержнѣе въ своихъ рѣчахъ съ иностранцами. Но какъ же имъ было исполнить первое требованіе, когда съ посольскимъ приказомъ, подъ вѣдѣніемъ посольскаго думнаго дяка, былъ соединенъ приказъ—новгородская четверть, въ которомъ вѣдались города: Великій Новгородъ, Псковъ, Нижній-Новгородъ, Архангельскъ, Вологда и другіе поморскіе и пограничные города, сборъ съ нихъ всякихъ доходовъ, а съ 1667 года съ посольскимъ приказомъ былъ соединенъ не только приказъ Малороссійскій—это было прилично <sup>40</sup>, но также приказы или чети (четверти) владимірская и галицкая.

Дѣла, подлежащія вѣдѣнію помѣстнаго приказа, ясны изъ самаго его названія. Служебными назначеніями, военными и гражданскими завѣдывалъ *Разрядный* приказъ, потому что различія между обѣими службами не было: тѣ же самыя лица назначались одинаково въ ту и другую. Но такъ какъ въ послѣдствіи появились особые разряды войска, то для ихъ вѣдѣнія явились и приказы: *Стрѣлецкій*, *Рейтарскій*, *Пушкарскій*, *Иноземный*, вѣдавшій иноземныхъ служилыхъ людей. Приказъ *Большой Казны* вѣдалъ гостей, гостинной и суконной сотенъ торговыхъ людей, серебрянаго дѣла мастеровъ и *многихъ* городовъ торговыхъ людей, также денежный дворъ. *Большой Приходъ* собиралъ доходы въ Москвѣ и *другихъ* городахъ съ лавокъ, гостиныхъ дворовъ, съ погребовъ, съ мѣры, таможенные пошлины. *Счетный* приказъ вѣдалъ приходъ и расходъ всего московскаго государства. *Разбойный* приказъ вѣдалъ уголовныя дѣла всего московскаго государства. Для гражданского суда въ дѣлахъ служилаго сословія два судебныхъ приказа—Московскій и Владимірскій. Приказы, вѣ-



давшіе извѣстныя области, были: Приказъ Казанскаго дворца, Сибирскій приказъ, приказъ княжества Смоленскаго, Новгородская четверть, Владимірская четверть, Устюжская четверть, Костромская четверть, Галицкая четверть. Всѣхъ приказовъ было больше сорока. Доходу въ нихъ приходило со всего государства, 1,300,000 кромѣ Сибирской казны <sup>41</sup>. Подлѣ обширныхъ приказовъ, въ которые стекались разнородныя дѣла, видимъ приказъ *панафидный*, въ которомъ вѣдомо было поминовеніе по усопшихъ царяхъ; аптекарскій, въ которомъ вѣдомы были аптека и медики иностран-ные, 30 человекъ, и русскіе ученики ихъ—человѣкъ съ 20. Приходъ сбора стрѣлцаго хлѣба—особый приказъ; кромѣ приказа каменныхъ дѣлъ, былъ еще особый приказъ каменныхъ житницъ.

Приказы были наполнены подъячими, которые дѣлились на старыхъ, средней статьи и молодыхъ; разница въ жалованьи была въ нномъ приказѣ отъ 40 рублей до 2, въ другомъ отъ 65 до 4, въ третьемъ отъ 50 до 5, въ нномъ отъ 20 до 1. Нѣкоторые подъячіе получали помѣстный окладъ по 350 и 250 четвертей. Кромѣ подъячихъ, получавшихъ жалованье, верстаныхъ, были еще служившіе безъ жалованья, изъ однихъ доходовъ, не верстаные, которые раздѣлялись на старыхъ и молодыхъ. Неверстаныхъ въ нномъ приказѣ было не мало,—доказательство, что можно было быть сытыми и безъ государева жалованья изъ одной *писчей денги*: такъ напримѣръ въ разрядномъ приказѣ было 74 подъячихъ верстаныхъ и 33 не верстаныхъ.

Бояре, окольные, думные дворяне и дѣяки засѣли по приказамъ; но много еще остается служилыхъ людей не такъ знатныхъ, которымъ нѣтъ мѣста въ приказахъ, а *покормиться* надобно, быть челомъ въ воеводы покормиться, челобитная исполнена. Радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство,—и честь большая, и кормъ сытный. Радуетъ жена: ей тоже будутъ приносы; радуются дѣти и племянники: послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетюшки земскій староста на праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня—ключники, подклѣтныя—будутъ сыты; прыгаютъ малые ребята—и ихъ не забудутъ; пуще прежняго, отъ радости, несетъ вздорныя рѣчи юродивый (блаженный), живущій во дворѣ: ему также будутъ подачи. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу. Вотъ вдали уже видна соборная церковь города.

Всѣ русскіе города, съ перваго взгляда, были похожи другъ на друга. Въ серединѣ самый городъ, т.-е. крѣпость, очень рѣдко каменная, обыкновенно деревянная; въ иномъ городѣ городской мастеръ, Голландецъ, сдѣлалъ земляной валъ <sup>42</sup>. Въ городѣ соборная церковь, съѣзжая или приказная изба, гдѣ сидитъ воевода, судить и рядить, передъ которой бьютъ на правожѣ неправныхъ плательщиковъ; губная изба для уголовныхъ дѣлъ; казенный погребу или анбаръ, гдѣ хранилась пороховая и пушечная казна, тюрьма, одна или нѣсколько, святительскій дворъ, воеводскій дворъ; осадные дворы сосѣднихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, въ которые они переѣзжаютъ во время непріятельскаго нашествія. За стѣною посадъ, здѣсь большая площадь, гдѣ въ торгъ дни ставятся съ хлѣбомъ и со всякимъ товаромъ. На площади земская изба, средоточіе мірскаго управленія, гдѣ сидятъ земскіе старосты съ посадскими людьми, гостиный дворъ, таможня, кружечный дворъ, конская изба; далѣе идутъ дворы тяжлыхъ людей: «на дворъ изба (теплое жилье), да баня съ передбанникомъ, да клѣтъ съ подклѣтомъ, да подпогребница:» все это нехитрое строеніе <sup>43</sup> стоитъ иногда три рубля. Зимомъ въ избѣ тепло, но лѣтомъ въ иныхъ городахъ бывало очень холодно. Наступитъ весна, проглянетъ нѣсколько теплыхъ дней, по городу и посадѣ уже ходятъ бирючи и кричатъ: «заказано накрѣпко, чтобы избѣ и мыленъ никто не топилъ, вечеромъ поздно съ огнемъ никто не ходилъ и не сидѣлъ; а для хлѣбнаго печенья и гдѣ ѣсть варить, подблайте печи въ огородахъ и на полыхъ мѣстахъ въ землѣ, подальше отъ хоромъ, отъ вѣтру печи огородите и лубьями уцѣтите гораздо.» По воеводскому приказу запечатаютъ избу и баню, надобно жить въ клѣти; завернуть холода, а во многихъ мѣстахъ они завертывали часто, люди трясутся отъ холода, иному и горячимъ согрѣться нельзя, печь въ огородѣ развалилась, а новой скласть нельзя: нѣтъ ни одного каменщика и кирпичника, всѣ выгнаны въ Москву на работы городовыя и царскія. Ни щей сварить, ни хлѣба испечь негдѣ, и отъ той стужи и отъ хлѣбной нужи расходятся люди отъ своихъ домовъ, живутъ по волостамъ и деревнямъ.

Среди дворовъ съ нехитрымъ строеніемъ, избами, клѣтами видѣются церкви, вообще то же нехитраго строенія, иныя каменные, но больше деревянные; подлѣ церковей дома священниковъ и

причта; прихожане выбираютъ священника, выберуть и возмуть съ него запись: «Призвали они меня попа (такого-то) полюбовно и челобитную за руками (архіерею) о мнѣ подали, и мнѣ попу служить изъ церковнаго дохода мірскаго подавія, да мнѣ жъ попу быть послушну къ болямъ и къ рожаницамъ и ко всякой духовной потребѣ и въ церковь Божию; я за церковное мѣсто никакихъ денегъ не далъ и церковнаго мѣста не купилъ, и, служа мнѣ въ той церкви, строенія церковнаго и всякой утвари своимъ не называть и до церковныхъ свѣчъ и до огарковъ и до денежнаго церковнаго сбору дѣла нѣтъ, и того церковнаго мѣста мнѣ попу не продать и не заложить и на свое имя не справить и ни въ какія крѣпости не укрѣпить и по умертвіи моемъ женѣ моей и дѣтямъ и роду моему и племени до того церковнаго мѣста дѣла нѣтъ, а церковниковъ мнѣ безъ мірскаго вѣдома одному не принимать и не отказывать; а буде я противъ сей записи въ чемъ-нибудь не устою, и имъ прихожанамъ, съ доклада (архіерея) мнѣ отъ церкви и отъ церковнаго мѣста отказать.» Подобныя записи объясняются жалобами, что священники подбирали церковниковъ подъ свою руку и церковную казну называли своею. При церквахъ же находились богадѣльни или дома нищей братіи. Около каждой церкви кладбище; въ концѣ города *убойнй домъ*, гдѣ хоронили тѣла казненныхъ смертію преступниковъ, людей, умершихъ въ государственой опалѣ, также опившихся, самоубійцъ, утопленниковъ <sup>44</sup>.

Воевода въѣзжаетъ въ городъ; старый воевода сдаетъ ему крѣпостное строеніе, зданія, оружіе, запасы, деньги, бумаги. Новый воевода пересматриваетъ все по описямъ, считаетъ по приходнымъ и расходнымъ книгамъ, провѣряетъ списки служилыхъ, посадскихъ и жилецкихъ людей, ихъ дѣтей и братьи и племянниковъ, которые въ возрастѣ, сосѣдей и захребетниковъ. Воевода привезъ съ собою длинный царскій наказъ, гдѣ исчислены всѣ его обязанности, какъ онъ долженъ промышлять государевымъ дѣломъ, смотрѣть, чтобъ все государево было цѣло, чтобъ вездѣ были сторожа; беречь накрѣпко, чтобъ въ городѣ и уѣздѣ не было разбоя, воровства, убійства, бою, грабежа, корчемства, распутства; кто объявится въ этихъ преступленіяхъ, того брать и, по сыску, наказывать. Воевода судить и во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ. Воевода смотреть, чтобъ всѣ доходы государевы доставля-

лись сполна съ города, изъ уѣзда. Вторымъ лицомъ послѣ воеводы былъ губной староста, вѣдавшій дѣла уголовного: его избирали всѣхъ чиновъ люди изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ. Иногда впрочемъ губной староста безъ выборовъ назначался правительствомъ. Но были лица, выбиравшіяся одними земскими людьми на мірскую службу. Главное между ними лицо — это земскій городовоі и всеуѣздный головной староста. Староста одинъ для города и уѣзда; потому что уѣздные крестьяне связаны съ посадскими людьми общими хозяйственными распоряженіями, сообща раскладываютъ подати; сообща кормятъ воеводу, который управляетъ городомъ и уѣздомъ вмѣстѣ. Вслѣдствіе этой связи между посадскими людьми и уѣздными крестьянами послѣдніе посылали въ земскую избу выборныхъ людей къ *совѣту* (волостныхъ третичниковъ). Какъ только выберутъ земскаго старосту, подъячій пишетъ записку и всѣ избиратели прикладываютъ руки; въ запискѣ говорится: «Всѣ посадскіе люди выбрали и излюбили въ мірскую службу въ головные старосты такого-то: вѣдать ему въ мірѣ всѣхъ дѣла и въ нихъ радѣть, а намъ мірскимъ людямъ его слушать; а не станемъ его слушать, и ему насъ вольно и неволею къ мірскому дѣлу нудить, а ему міру никакой грубости не учинить, а что міру отъ его грубости учинится и ему собою поднимать.» Крѣмъ *головного* старосты въ нѣкоторыхъ городахъ ему въ товарищи выбиралось еще нѣсколько земскихъ старостъ. Главнымъ предметомъ совѣщаній земскихъ старостъ съ посадскими и совѣтными отъ крестьянъ людьми въ земской избѣ была раскладка податей, выборъ *окладчиковъ* изъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ людей, «добрыхъ и знающихъ людей; досужихъ, вѣдая чью отъ житія къ Богу душевную добродѣтель и правду, и которыми бы такое окладное дѣло было въ обычаи.» Въ земской же избѣ посадскіе люди выбираютъ цѣловальниковъ къ государеву дѣлу. Воеводѣ запрещено вступаться въ денежные сборы и въ мірскія дѣла, отнимать волю въ мірскомъ окладѣ и въ иныхъ дѣлахъ, запрещено складывать данный окладъ съ посадскихъ и уѣздныхъ людей безъ сыску и приговору мірскихъ людей; запрещено вѣшиваться въ выборы; воевода только беретъ выборы по выборныхъ цѣловальникахъ за руками выборныхъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ, и послѣ не можетъ выборнаго цѣловальника перемѣнить или посадить въ тюрьму безъ вины, для своей корысти. Но по

вмѣстѣ: можетъ и переимѣнить и посадить въ тюрьму, потому что воевода обязанъ наблюдать, чтобъ земскіе старосты, цѣловальники и денежныя сборщики, мужики богатые и *юрланы* мелкихъ людей не обижали, лишннихъ денегъ съ мірскихъ людей не собирали. — Второй предметъ совѣщаній на сходкахъ въ земской избѣ — городское хозяйство: такъ здѣсь приговаривали раздѣлить пахатную землю во всѣхъ городскихъ трехъ поляхъ на извѣстное число лѣтъ впредь до мірскаго же раздѣла; при этомъ посадскіе люди приговаривали, что никто не смѣетъ отдать своего участка постороннему человѣку ни на одинъ годъ, ни на одно лѣто; если же отдастъ, то теряетъ свой участокъ, который отбирается въ міръ<sup>45</sup>. Наконецъ въ земской избѣ толкуютъ обо всѣхъ нуждахъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, обо всѣхъ случаяхъ, о которыхъ нужно довести до свѣдѣнія или мѣстнаго начальства, или дать знать въ Москву: земскій староста здѣсь впереди, онъ представитель посадскихъ и уѣздныхъ людей, онъ бьетъ челомъ «во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто.»

Тяжела была мірская служба главному старостѣ, потому что міръ составляли тяглые люди, а трудно было тянуть тягло въ Россіи XVII вѣка. Тяглый человѣкъ былъ прикрѣпленъ къ своему городу, потому что уйдеть — платить перестанетъ, и міръ долженъ будетъ за него *поднимать*. Въ смутное время тяглецы разбѣжались, и при царѣ Михаилѣ правительство хлопотало о томъ, чтобъ возвратить ихъ на прежнее мѣсто жительства, ибо онустѣлые посады не могли ничего платить, а въ казнѣ не было денегъ. Уложеніе позволило ожившимся переселенцамъ не возвращаться на старыя мѣста; но, разумѣется, никакъ не могло позволить снова переходить изъ города въ городъ и избывать податей. Но если въ посадѣ, въ тяглѣ было тяжело, то понятно, что много было охотниковъ уйдти: въ 1658 году объявлена была смертная казнь за переходъ изъ посада въ посадъ, также за женитьбу и выдачу замужъ за посадъ безъ отпускнуя. «Бѣгутъ! вопятъ мірскія чело- битныя царю: дворы брошены, пусты, намъ платитъ нельзя, помираемъ на правожѣ!» Правительство велитъ ловить, но гдѣ же было поймать бѣглеца въ странѣ, въ которой господствовали лѣсъ и степь? Постановленіе смертной казни за побѣгъ всего лучше показываетъ безсиліе мѣръ правительственныхъ.

Бѣгутъ, бросаютъ дворы — одна бѣда для міра. Но была еще

другая. Приходятъ, селятся, строятъ дома, возникаютъ цѣлыя слободы около посадовъ. Но это не тяглецы, не плательщики, это разорители, закладчики, заложились за архіереевъ и бояръ, торгуютъ, промышляютъ, а тягла не тянутъ и податей не платятъ. Опять пошли мірскія челобитныя, сначала оставались безъ отвѣта, потому что сильнымъ людямъ не хотѣлось терять закладчиковъ; и только послѣ московскаго бунта, когда были поданы снова на соборѣ, уложеніе постановило: «архіерейскія, боярскія и всякихъ чиновъ людей слободы, устроенныя въ городахъ на посадскихъ земляхъ, взять въ посадъ безповоротно; не строй на государственной землѣ слободъ и не покупай посадской земли. Вотчины и помѣстья, которыя на посадахъ и около посадовъ, взять за государя и устроить къ посадкамъ податями и службами, а вотчинникамъ и помѣщикамъ дать взаимѣ изъ государевыхъ селъ. Кто посмѣетъ закладываться за частныхъ людей, тѣмъ кнутъ и ссылка въ Сибирь на Лену; кто приметъ закладчика, тому быть въ великой опалѣ; земли, гдѣ будутъ жить закладчики, брать на государя.» Предвидѣли лазейку и постарались ее закрыть; «у кого въ городахъ загородные дворы и огороды, тому держать на нихъ только одного дворника, а станеть держать много крестьянъ и бобылей—брать за государя въ тягло.» Контръ-бунтъ закладчиковъ не состоялся. Но правительство было безсильно исполнить покончить борьбу за свои и мірскіе интересы съ интересами частныхъ людей; оно закладчику грозило кнутомъ и Сибирью, а принимавшему закладчика неопредѣленною великою опалою. Въ 1667 году правительство принуждено было высказаться болѣе опредѣленно, грозить отобраніемъ помѣстій и вотчинъ тѣмъ, которые снова принимаютъ къ себѣ отписанныхъ въ тягло закладчиковъ и крестьянъ <sup>46</sup>. Иногда городскіе тяглецы платились за свое торжество, что по ихъ челобитью возвращали къ нимъ ихъ бѣглыхъ собратій съ земель богатыхъ сосѣднихъ вотчинниковъ. Изъ города Луха бѣглые тяглецы принимались въ селѣ Мыту, принадлежавшемъ князю Рѣпинну. По уложенію ихъ вывели опять въ Лухъ. Прикащикъ Рѣпинскій въ Мыту, Шибаевъ, да изъ крестьянъ тамошнихъ двое братьевъ Стрѣловыхъ не упустили случая мстить на Лушанахъ за это правительственное распоряженіе. Въ Тихоновой пустынѣ на ярмаркѣ сидѣло трое Лушанъ за праниками, мыломъ и ягодами; откуда ни возьмись Шибаевъ съ своими крестья-

нами; пряники, мыло и ягоды полетѣли на землю, а продавцы едва успѣли убѣжать по-здорову, потому что мытовскіе крестьяне гнались за ними съ ножами. Въ другой разъ Шибаевъ явился на ту же Тихоновскую ярмарку съ большою, вооруженною толпою, велѣлъ хватать луковскихъ посадскихъ людей и приводить къ себѣ; тѣ, слышавъ приказъ, побросали товары и бѣжать, но двоихъ покололи ножами, товары пропали. Въ третій разъ, во время Тихоновской же ярмарки, когда всѣ Лушане были здѣсь, и въ городѣ оставались только старый да малый, Шибаевъ съ семидесятью вооруженными крестьянами прѣзжаетъ въ Лухъ и прямо къ сѣзжей избѣ, кричить, что убьетъ воеводу; отъ сѣзжей избы поѣхалъ на кабакъ, разбилъ здѣсь чуланы, требуя даромъ вина; потомъ сталъ ѣздить по посадѣ, крича: «Бейте, рѣжьте посадскихъ людей до смерти!» Женщины отъ страху бросились бѣжать въ лѣса, беременныя выкинули. Мимо села Мыта Лушанинъ не смѣлъ проѣхать, а тутъ шла большая нижегородская и балахонская дорога, слѣдовательно Лухъ былъ запертъ, жителямъ его некуда было ѣздить торговать<sup>47</sup>.

Бѣда приходила иногда на городскихъ тягловъ и отъ своей братьи, богатыхъ торговыхъ людей московскихъ: при царѣ Михаилѣ гостинная сотня обратилась къ правительству съ просьбою о проподненіи, и государь велѣлъ пополнить ее лучшими людьми изъ слободъ. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, въ 1647 году гостинная сотня опять была челомъ, что въ ней многіе люди померли, а другіе обѣдняли отъ государевыхъ службъ, служить стало некому, и государь велѣлъ пополнить гостинную сотню лучшими людьми изъ московскихъ черныхъ сотенъ и изъ городовъ. Но въ 1648 году, воспользовавшись бунтомъ и уступчивостію правительства, земскіе люди изъ городовъ били челомъ, чтобъ имъ отдали назадъ ихъ братью, взятую въ гостинную сотню; государь согласился, а гостинная сотня, какъ сама призналась, бить челомъ не посмѣла въ то смутное время за боязнь. Но въ слѣдующемъ году, когда все утихло, страхъ прошелъ, гостинная сотня подала снова челобитную о прибавочныхъ людяхъ. По окладнымъ спискамъ оказалось, что гостей было въ это время только 13 человекъ, гостинной сотни лучшихъ, среднихъ и худыхъ 158, тогда какъ до московскаго разоренія было 330 семей; въ суконной сотнѣ оказалось 116 человекъ. Изъ этого извѣстія всего лучше можно

видѣть, какія слѣдствія для торговаго русскаго сословія имѣло смутное время, московское разореніе, послѣ котораго торговые люди въ продолженіе XVII вѣка уже не могли поправиться <sup>48</sup>. Вслѣдствіе войны съ Польшею, въ Москвѣ оказалось много плѣнныхъ Бѣлоруссовъ, *мѣщанъ*—имя, до сихъ поръ неизвѣстное въ Великой Россіи; по Андрусовскому перемирію они получили свободу, но пожелали остаться въ Москвѣ. Сперва ихъ роздали въ тягло по чернымъ сотнямъ и слободамъ, но въ 1671 году велѣно за Срѣтенскими воротами построить для нихъ новую слободу, которая получила названіе *Мѣщанской*, и мѣщане взяты въ вѣдомство малороссійскаго приказа <sup>49</sup>.

Трудно было выпдти изъ посаду, изъ тягла на волю, въ нетяглые люди. Быть можетъ, оставалась возможность выхода въ служилые люди, въ которыхъ также нуждалось правительство? Но еще въ самомъ началѣ московскаго государства надобность въ тяглыхъ людяхъ, въ плательщикахъ, была, какъ видно, также велика, какъ и въ служилыхъ, еще тогда князья въ своихъ договорахъ повторяютъ постоянно условіе вѣдать тяглыхъ людей сообща и въ службу къ себѣ не принимать. Въ XVII вѣкѣ, послѣ разоренія, нужда въ тяглыхъ людяхъ не могла уменьшиться, и правительство не позволяеть выхода изъ тяглыхъ въ служилые, велить набирать въ послѣдніе вольныхъ, охочихъ людей, а не тяглыхъ. Если тяглый человѣкъ пойдетъ охотою въ стрѣльцы, то велѣно возвращать его назадъ въ тягло съ двумя сыновьями, и только третій сынъ оставался въ стрѣльцахъ. Исключеніе было сдѣлано только для тѣхъ людей, которые пошли въ козаки до смоленскаго похода, т. е. до начала польской войны при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Если правительство не позволяло тяглецамъ вступать въ военную службу, то тѣмъ менѣе могло позволить имъ выходить въ подьячіе; оно готово было позволить имъ *кормиться перомъ*, но съ условіемъ не выходить изъ тягла. Въ 1668 году двое посадскихъ изъ Вологды били челомъ: «мы оскудѣли отъ пожаровъ и отъ мѣдной деньги, торговать, промышлять и кормиться стало нечѣмъ, а кормятся на Вологдѣ въ писчей избушкѣ площаднымъ письмомъ посадскіе оскудалые люди: вели, государь, намъ кормиться площаднымъ письмомъ съ площадными подьячими вмѣстѣ и выписныя деньги съ ними дѣлить поровну, чтобъ намъ впредѣ



твонхъ податей и службъ не отбыть и въ конецъ не погибнуть.» Позволено, «если прежде оскудалые люди на площади писывали, а тягло тянуть съ посадскими людьми.» Эти площадные подьячїе писали въ своей писчей избушкѣ всякія крѣпости и постороннія письма. Надъ площадными подьячими былъ староста, который долженъ былъ смотрѣть, чтобъ всякія крѣпости и постороннія письма писали съ его вѣдома, и работныхъ людей помѣчали имена и вершили на площади, и по помѣткамъ безъ записей задаточныхъ денегъ торговые люди не давали, давали бъ въ то время, какъ записи совершены и поданы будутъ въ приказной палатѣ (събъ-жей избѣ). Староста долженъ былъ смотрѣть за площадными подьячими, чтобъ кто воровски не написалъ какихъ подставныхъ заочныхъ крѣпостей; также чтобъ вмѣсто записей торговыхъ людямъ книгъ наемныхъ съ поруками не писали, чтобъ въ томъ пѣшлина не пропадала; на ослушниковъ староста долженъ подавать докладныя письма за руками въ приказной палатѣ, и тѣмъ людямъ отъ площади будетъ отказано. Назначались эти старосты такимъ образомъ: площадные подьячїе подадутъ челобитную, что староста ихъ устарѣлъ, и чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ быть у нихъ старостою такому-то, и великій государь указывалъ быть такому-то старостою. Въ малыхъ мѣстахъ, въ слободахъ площадное письмо отдавалось на откупъ одному какому-нибудь человѣку<sup>60</sup>.

Тѣ самыя крѣпостныя отношенія, которыя существовали у насъ до послѣдняго времени относительно крестьянъ и дворовыхъ людей, въ старину существовали относительно посадскихъ или тяглыхъ людей, крѣпкихъ своему городу: такъ, женится вольный человѣкъ на тяглой вдовѣ и пойдетъ къ ней въ домъ; женится вольный человѣкъ на посадской дѣвицѣ и пойдетъ къ тестю въ домъ — тотъ и другой прикрѣпляются къ городу въ тяглые люди.

Служилый человѣкъ долженъ былъ служить, посадскій тяглый платить на содержаніе, на жалованье ратнымъ людямъ; такое первоначальное отношеніе между двумя частями народонаселенія длилось вѣка и условило основной взглядъ ихъ другъ на друга: военный смотрѣлъ на посадскаго или на крестьянина какъ на человѣка, котораго трудъ и сбереженія этого труда имѣли непосредственное назначеніе кормить его, ратнаго человѣка. Седьмая глава уложенія о службѣ всякихъ ратныхъ людей московскаго государства

начинается такъ: «Съ польскимъ, и съ литовскимъ, и съ нѣмецкимъ, ными окрестными государствами, у государя царя и в. князя Алексѣя Михайловича всея Россіи вѣчный миръ и докончаніе. А будетъ которыми мѣрами съ которыми государствомъ у московскаго государства война зачнется, или въ которое время изволить государь кому своему государеву недругу мстити недружбу и укажетъ послать на нихъ своихъ государевыхъ бояръ и воеводъ, и съ ними всякихъ чиновъ ратныхъ людей, и для той службы велитъ государь своимъ государевымъ ратнымъ людямъ всего московскаго государства дати свое государево жалованье, и на то государево жалованье ратнымъ людямъ деньги собирать со всего московскаго государства.»

Черезъ пять лѣтъ по изданіи этого постановленія, въ которомъ высказывался только извѣстный обычай, началась война и продолжалась до конца царствованія Алексѣя Михайловича и перешла въ царствованіе его преемника; пошли войны и съ польскимъ, и съ нѣмецкимъ (шведскимъ) государствами, и съ Черкасами, и съ Татарами, и съ Турками, и съ Разиннымъ, и съ соловецкими бунтовщиками. Легко понять положеніе тяглыхъ людей.

Пріѣхали въ города выборные, бывшіе въ Москвѣ на соборѣ, и привезли извѣстіе: рѣшено—быть войнѣ. Въ уложеніи уже опредѣлено, какое непосредственное слѣдствіе этого рѣшенія: сборъ денегъ. Указъ не замедлить придти—сбирать пятую или десятую или двадцатую деньгу; идутъ тяглые люди и «по святой непорочной евангельской заповѣди Христовѣ» говорятъ правду, что каждому доведется заплатить отъ животовъ и промысловъ. Утаить нельзя: товарищи торговые люди знаютъ торговлю и промыслы каждого, скажутъ и положить, что доведется взять. Съ начала польской войны при царѣ Алексѣѣ собирали сперва двадцатую деньгу, потомъ десятую въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, а въ 1762 и 3 годахъ собирали пятую деньгу<sup>41</sup>. Кромѣ денегъ брали натурою на кормъ ратнымъ людямъ муку ржаную, сухари, крупы, толокно; брали подводы подъ военные снаряды, брали съ 60 дворовъ по лошади съ проводникомъ, телѣгою и со всею упряжью, со всѣми путевыми припасами. Это были платежи чрезвычайные, на случай войны; постоянно тяглые люди платили: дани и оброки; деньги на выкупъ плѣнныхъ (съ двора по 8 денегъ, съ дворовъ служилыхъ людей по 2 деньги); страдальцкія деньги; ямскіе деньги;

деньги на кормъ воеводамъ; въ подмогу подьячимъ, сторожамъ, наладкамъ, тюремнымъ и губнымъ цѣловальникамъ; на строеніе воеводскихъ дворовъ, губныхъ избъ и тюремъ; въ приказную избу на свѣчи, бумагу, чернила и дрова; пролубныя деньги—за позволеніе зимою въ пролубяхъ воду черпать, платье мыть и скотъ поить. Тяглые люди обязаны были строить и чинить крѣпости въ городахъ; обязаны были строить мосты <sup>52</sup>. Въ 1658 году, когда война усилилась, начали искать повсюду средствъ, какъ бы увеличить доходы, какъ бы заставить платить тѣхъ, которые еще не платили. Пошли грамоты по городамъ: переписать бобылей, пѣшкѣ и захребетниковъ, которые службъ никакихъ не служатъ, податей не платятъ, живутъ въ бѣлыхъ. Поднялся вопль между бобылями, пошла челобитная: «развѣ мы, сироты твои, безданны!» Съ 1624 года каждый годъ платимъ въ казну окладнаго оброка съ дворовъ и съ пустыхъ мѣстъ по 2 рубля по 10 алтынъ; въ смоленскую службу платили мы по 2 рубля съ двора, да платимъ по 8 алтынъ по 2 деньги съ двора за хлѣбные запасы; да съ тѣхъ же дворовъ платимъ по 6 алтынъ по 4 деньги съ воротъ; да по 8 денегъ съ двора, плѣшникамъ на выкупъ, да за подводы даточнымъ на годъ по рублю съ двора; да въ прошлыхъ же годахъ платили мы съ посадскими людьми въ рядъ съ прожиткомъ своихъ и животныхъ десятую деньгу <sup>53</sup>.

Для примѣра, сколько сходило въ казну денегъ съ города, возьмемъ средній по богатству городъ, именно Устюгъ Великій: съ него въ 1670 году «оброку и пошлинъ, за намѣсничъ кормъ, за присудъ, за пошлинныхъ людей доходъ, съ сохъ дани, за поминочные черные соболы, ямскихъ и приметныхъ денегъ, за городовое, засѣчное и ямчужное (селитряное) дѣло, за поплужную пошлину, соколя оброку, казначеевыхъ, дячыхъ и подьячихъ пошлинъ, за праветчикову поворотную пошлину, съ посадъ, съ 11 сохъ и съ полполтреди сохи по окладу 321 рубль 13 алтынъ 5 денегъ. Да съ лавокъ и анбаровъ, съ лавочныхъ и анбарныхъ мѣстъ, съ хлѣбныхъ полковъ, съ харчевыхъ избъ, кузницъ, островковъ, нарей, присадъ, полянокъ, дворовыхъ пустыхъ мѣстъ, съ Пятицкаго сельца, съ новороспашныхъ деревень за досочный хлѣбъ оброку 81 рубль 12 алтынъ 5 денегъ. Таможенной пошлинны 4910 рублей; съ бани 44 рубля; съ кружечныхъ дворовъ 4530 рублей <sup>54</sup>.

Часть этихъ доходовъ потрачивалась тутъ же на постоянныя городскія надобности или на какія-нибудь чрезвычайныя издержки по приказу изъ Москвы. Въ иныхъ городахъ доходовъ не стало на городскія нужды. Изъ Великаго Новгорода прислали вѣдомость: «Съ Новгорода и новгородскихъ пригородовъ, съ посадовъ и уѣзду, данныхъ и оброчныхъ, таможенныхъ и кабацкихъ денегъ соберется по окладу 11.318 рублей, а въ расходъ въ В. Новгородѣ жалованья денежнаго стрѣльцамъ, козакамъ и инымъ оброчникамъ и на не окладные всякіе расходы придется дать 7656 рублей, да хлѣбнаго жалованья стрѣльцамъ, козакамъ и всякимъ оброчникамъ по окладу 9526 четвертей ржи, 7224 четверти овса, 306 четвертей ячменя, а деньгами за хлѣбъ, противъ торговой меньшей цѣны, придется дать 4705 рублей; всего на окладные и неокладные расходы и за хлѣбъ придется дать 12.362 рубля, кромѣ прибылыхъ расходовъ.» Надобно было урѣзать расходы: отняли жалованье у головъ и сотниковъ стрѣleckихъ и у городового крикащика (потому что все это помѣщики); у пятидесятниковъ и десятниковъ стрѣleckихъ убавлено жалованье; у подъячихъ убавлено жалованье; и убавленное велѣно давать только тѣмъ, у которыхъ нѣтъ помѣстій; пушкарямъ за денежное и хлѣбное жалованье велѣно ходить въ сѣзжихъ избахъ въ приставахъ, ихъ же и въ уѣзды посылать, а приставовъ уничтожить; казеннымъ кузнецамъ и плотникамъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья не давать, а какъ будетъ государево дѣло; и имъ тогда давать поденный корытъ, у сторожей сѣзжей избы и воротниковъ отнято хлѣбное жалованье: но и за этою убавкою все доходовъ въ расходъ не достало на 1044 рубля. Со Пскова и Псковскихъ пригородовъ собиралось 13.329 рублей, а жалованья должно было дать 15.387 рублей, недоставало 2058 рублей. Вслѣдствіе этого донесенія указъ: новгородскихъ и ладожскихъ козаковъ за жалованье можно устроить землями, въ новгородскомъ уѣздѣ порожнихъ земель много; уменьшить жалованье подъячему въ Ладогѣ на половину и т. д. <sup>55</sup>.

Составлена смѣта, что доходовъ соберется «нмѣца собрать» столько-то: а если не соберется? если нѣкоторые посаженіе люди объявятъ, что не въ состояніи заплатить? Тогда правожъ; но иные крѣпкіи, перенесутъ удары и не заплатятъ; на этотъ случай у праветчиковъ наказъ: «Если посаженіе люди на правожу нач-

нужь *отстаиваться* и денежных доходов платить не стануть, у таких дворян ихъ, лавки и итѣнне отписать на великаго государя» <sup>56</sup>.

Но не одни подати и чрезвычайные сборы тяжело лежали на посадскихъ людяхъ; у нихъ были еще службы, которыя кромѣ того что отнимали время отъ промысловъ, часто также обѣщали праведъ въ награду. Самая тяжкая по отвѣтственности служба для посадскихъ людей была служба въ *отрнцахъ* (присяжныхъ) головахъ и вѣрныхъ цѣловальникахъ при продажѣ вина отъ казны. Въ 1652 году, государь, по совѣту съ духовенствомъ и думными людьми, указалъ: «во всѣхъ городахъ, гдѣ были прежде кабаки, быть по одному кружечному двору, продавать вино въ ведра и кружки, чарку сдѣлать въ три чарки и продавать по одной чаркѣ человѣку, а больше чарки одному человѣку не продавать; питухамъ на самомъ кружечномъ дворѣ и близъ двора сидѣть и пить не позволять, ярыжкамъ, бражникамъ и зершикамъ (игрокамъ въ зернь) на кружечныхъ дворахъ не быть. Въ Великій постъ, Успенскій, даже и по воскресеньямъ вина не продавать, въ Рождественскій и Петровъ посты не продавать по середамъ и пятницамъ. Духовенство бѣлое и черное не пускать и вина имъ не продавать. Въ селахъ быть кружечнымъ дворамъ только въ большихъ. Быть кружечнымъ дворамъ на вѣрѣ, выбирать на нихъ лучшихъ людей за крестнымъ цѣлованьемъ.»—Какую выгоду получала казна отъ продажи вина, видно изъ того, что ведро вина въ 1674 году, казнѣ стоило 20 алтынъ, а продавалось по рублю; по кружкамъ ведро вина на кружечномъ дворѣ стоило рубль 16 алтынъ 4 деньги, по чаркамъ 2 рубля. Пиво въ вареньи стоило по семи денегъ ведро, а продавалось по два алтына ведро. Пудъ меду покупали по рублю, выходило изъ пуда 7 ведръ, каждое продавали по 6 алтынъ по 4 деньги. Винокуры иногда выписывались изъ Малороссіи <sup>57</sup>. Лучшимъ посадскимъ людямъ позволялось курить у себя на дому вино въ небольшомъ количествѣ, ведра по два, по случаю большихъ праздниковъ и особенныхъ семейныхъ торжествъ — свадьбы, родинъ, крестинъ, поминокъ; среднимъ и младшимъ людямъ вина курить не позволялось, могли они къ торжественнымъ случаямъ сварить немного пива и меду, давши знать объ этомъ на кружечномъ дворѣ, что называлось *лжкою*, и заплатить явочнымъ пошлины <sup>58</sup>.

Но *лечатъ* немного, а выкурать или сварать гораздо больше въ ущербъ казны, даже стануть продавать тайкомъ; узнають объ этомъ на кружечномъ дворѣ—надобно накрыть врасплохъ и *смынуть* запрещенный товаръ: хлопоты большія, а дѣлать нечего, надобно смотрѣть зоркииъ глазомъ, потому что если къ концу года мало сбору, сейчасъ грозный запросъ, почему противъ прежнихъ лѣтъ мало собрано? вѣрный голова и цѣловальники должны отвѣчать своими деньгами, иначе праведъ. Потомъ нельзя всѣмъ отпускать на наличныя деньги, у многихъ часто денегъ нѣтъ, надобно вѣрять въ долгъ, къ концу года долги эти нужно собрать, ибо казна ждать не станетъ. Для сбора долговъ, для выимки питья нужно жить въ большихъ ладахъ съ воеводою, не щадить ему подарковъ въ царскіе дни, что называлось «въ почестъ для царскаго величества», не щадить подарковъ за обѣды, которые давалъ воевода и за которые нужно было приглашеннымъ дарить хозяина; потомъ отвозить деньги въ Москву нельзя съ пустыми руками, дьяки и подьячіе привяжутся. Одинъ цѣловальникъ разказывалъ: «Будучи у сбору на кружечномъ дворѣ, воеводамъ въ почестъ для царскаго величества и для высылки съ казною къ Москвѣ и для долговой выборки и за обѣды харчемъ и деньгами носили не по одно время; а какъ къ Москвѣ пріѣхали, дьяку въ почестъ для царскаго величества харчемъ и деньгами носили не по одно время, да подьячему также носили, да молодымъ подьячимъ отъ письма давали же, а у отдачи денежной казны для отписки, для отпуска дьяку да подьячему харчемъ и деньгами носили же не по одно время, а носили въ почестъ изъ своихъ пожитковъ, да что брали съ товарищей своихъ цѣловальниковъ въ подмогу, а не изъ государевыхъ сборныхъ денегъ, и носили по волѣ, а не отъ какихъ нападковъ»<sup>59</sup>.

Кромѣ воеводъ и московскихъ посылокъ тяжелы были кружечнымъ головамъ солдаты, которые безнаказанно буйствовали при отсутствіи дисциплины, при потачкѣ своихъ начальныхъ людей, при томъ состояніи общества, когда всякій сильный, вооруженный, могъ позволять себѣ все съ слабымъ, невооруженнымъ. Мы видѣли, что могъ позволять себѣ въ городѣ какой-нибудь прикащикъ сосѣдняго села, тѣмъ болѣе солдаты. Въ постные дни, когда запрещено было продавать вино на кружечномъ дворѣ, солдаты являлись туда и начинали сами продавать свое вино. Въ этотъ

въ чарки людямъ, не желающимъ постыться; на дворахъ своихъ гдѣ стояли пѣстоємъ, продавали всякія пьяныя браги; на вымкѣ къ нимъ ходить голова на смѣхъ: хвалились убить его до смерти; несмотря на запрещеніе, собирались на кружечный дворъ играть въ зернь и карты; питуховъ на кружечный дворъ не пускали, продавали имъ вино сами, цѣловальниковъ били до полусмерти<sup>60</sup>. Подрывъ питейному сбору страшный, а за все отвѣчаютъ голова и цѣловальники.

Другія службы посадскимъ людямъ были: въ головахъ и цѣловальникахъ при сборѣ таможенныхъ доходовъ; при сборѣ стрѣleckаго хлѣба<sup>61</sup>; въ подсудныхъ цѣловальникахъ къ пошлиннымъ и ко всѣмъ денежнымъ сборамъ въ сѣвзжей избѣ<sup>62</sup>; на конную площадь при сборѣ денегъ съ пятнанія лошадей; въ головахъ баннаго, перевознаго и мостоваго сбора; въ соцкихъ, пятидесяцкихъ и десяцкихъ для полиціи, и для извѣта всякихъ воровскихъ дѣлъ<sup>63</sup>. Земскій староста сзываетъ посадскихъ людей въ земскую избѣ; пришелъ царскій указъ, велѣно выбрать голову и цѣловальниковъ къ таможенному сбору; но кого выбрать? надобно выбрать людей съ состояніемъ, которые могли бы отвѣчать за недоборъ; но такихъ нѣтъ, кто былъ побогаче, тѣ выбраны на кружечный дворъ. Миръ рѣшилъ—слать челобитную къ царю, что выбрать некого, велѣлъ бы великій государь прислать голову изъ Москвы. Но изъ Москвы прислать некого, здѣсь свои службы, и въ городъ шлется другой указъ: выбрать къ таможенному сбору того же голову и цѣловальниковъ, которые выбраны и къ кабацкому сбору: такимъ образомъ одни и тѣ же посадскіе люди должны нести двѣ тяжелыя службы<sup>64</sup>.

Мы видѣли, что посадскіе и уѣздные люди даютъ деньги на кормленіе воеводъ и подьячихъ. Земскій староста расходуетъ этими широкими деньгами, каждый день вносить въ книгу, что издержано. 1-го сентября несено воеводѣ: пирогъ въ пять алтынъ, налимовъ на 2½ алтына; подьячему пирогъ въ 4 алтына 2 деньги, другому подьячему пирогъ въ 3 алтына 4 деньги, третьему пирогу въ 3 алтына 2 деньги. Воевода для новаго года позвалъ обѣдать за эту честь надобно заплатить, и староста несетъ ему въ бутылкѣ 4 алтына, боярынѣ его 3 алтына 2 деньги, сыну его 8 денегъ, боярскимъ боярынямъ 8 денегъ, жильцамъ верховымъ 6 денегъ. На другой день, 2-го сентября, опять староста идетъ къ

несетъ четверть говяжью въ 12 алтынъ 4 деньги, да щукъ въ 6 алтынъ. Подьячему четверть говяжью въ 9 алтынъ 4 деньги. 3-го сентября староста несетъ воеводѣ щукъ на 19 алтынъ, да на воеводскій дворъ купилъ лопату въ 2 деньги, 100 штукъ салныхъ — далъ 8 алтынъ 2 деньги, купилъ въ съѣзжую избу бумаги 5 дестей, заплатилъ 11 алтынъ 4 деньги. 5-го сентября воеводѣ четверть говяжью на 12 алтынъ 4 деньги; подьячему четверть говяжью въ 9 алтынъ 4 деньги; другому подьячему то же. 6-го сентября воеводѣ четверть говяжью. 7-го сентября староста и мірскіе посыльщики ходили обѣдать къ подьячему, отнесли въ бумажкѣ 16 алтынъ 4 деньги, женѣ его 8 алтынъ 2 деньги, матери его 3 алтына 2 деньги. 8-го сентября воеводѣ отнесено щукъ по 12 алтынъ. 9-го — воеводѣ четверть говяжья и подьячему столько же. 10-го — воеводѣ щуки. 11-го — опять обѣдъ у подьячего: отнесено ему въ бумажкѣ 13 алтынъ 2 деньги, женѣ 6 алтынъ, матери 3 алтына, дочери 10 денегъ; на другой день 12-го числа ходили къ нему на похмѣлье, отнесли въ бумажкѣ 20 алтынъ. 12-го числа воеводѣ четверть говяжья. 14-го — воеводѣ рыбы четверти. на 3 алтына 4 деньги. 16-го — воеводѣ рыбы, щукъ и налимовъ на 11 алтынъ; подьячему рыбы на 3 алтына, да оставили почестъ подьячимъ съѣзжей избы — вина и пива на 6 алтынъ 4 деньги. 17-го — на именины царевны Софьи воеводѣ пироги въ 5 алтынъ и подьячимъ пироги; да воеводѣ и подьячему рыба. 19-го — воеводѣ четверть говяжья и т. д.<sup>65</sup>

Мы видѣли расходныя книги земскаго старосты; теперь заглянемъ въ росписи, что издерживали мірскіе посыльщики, присылаемые въ городъ изъ волостей для платежа денегъ: «ходилъ къ воеводѣ, несъ хлѣба и калачей на 2 алтына, въ бумажкѣ денегъ три алтына, людямъ его далъ двѣ деньги. Ходилъ къ воеводѣ, несъ хлѣбъ да калачъ въ 2 алтына, да мяса задъ говяжью 26 алтынъ 4 деньги, да свиную тушу въ рубль, да баранью тушу 13 алтынъ; деньгами 3 рубля; племяннику его рубль, другому племяннику 10 алтынъ, боярынѣ рубль, дворецкому 21 алтынъ, людямъ на весь дворъ 21 алтынъ, ключнику 10 денегъ, малымъ ребятамъ 2 алтына, деньщику 2 алтына, подклѣбнымъ 3 алтына. Подьячему хлѣбъ да калачъ, деньгами 2 рубля съ полтиною, женѣ его 16 алтынъ, двоимъ племянникамъ рубль, людямъ на весь дворъ 10 алтынъ, ключнику 3 алтына, деньщику 2 алтына, приворотни-



ку алтынъ, малымъ ребятамъ 8 денегъ, блаженному 4 деньги. Приставамъ далъ всемъ въ братью 6 денегъ, да стоявъ на правежѣ далъ приставу 2 деньги, да когда платилъ деньги, далъ сторожу въ мѣшокъ 2 деньги, да что писалъ книгу цѣловальникъ взялъ 2 деньги, да староста взялъ за сѣно, что міромъ судено воеводѣ, 4 гривны»<sup>66</sup>.

Эти мірскіе расходы на воеводу и подьячихъ были дѣломъ обыкновеннымъ, не возбуждали ропота и жалобъ; но иной воевода хотѣлъ кормиться уже слишкомъ сытно; въ земской избѣ слышались громкіе жалобы, и наконецъ подьячій земской избы сажился писать челобитную, билъ челомъ посадскій и всеуѣздный земскій старостишка во всехъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто: «Пріѣхалъ воевода и взялъ съ насъ по пріѣздѣ 120 рублей денегъ, бралъ съ насъ всякій мѣсяцъ на хлѣбъ по 12 рублей, да хлѣба по четверти ржи, по четверти овса, по четверти ячменя съ сошки, итого по 99 четвертей на годъ, да по пяти и по шести *нигъ*, а всякое пиво становится по три четверти хлѣба; къ Рождеству Христову и къ Велику дни по полти мяса, итого по 126 полтей на годъ, да къ Петрову дни по барану съ сошки, да по 2,000 яицъ, да на всякій день мелкими припасами, мясомъ, рыбою и калачами, съ ямщиковъ по 30 рублей на годъ, да на всякія сутки салныхъ свѣчъ по полуполтинѣ, да лошадямъ сѣна по 50 рублей на годъ; а земскихъ старость къ мірскимъ сборамъ и цѣловальниковъ и приставовъ и иныхъ ружниковъ намъ мірскимъ людямъ выбирать не давалъ, выбиралъ самъ собою тѣхъ, кто ему больше дастъ.»

Такую челобитную писалъ подьячій въ земской избѣ; а въ съѣзжей избѣ подьячій писалъ другую отъ воеводы на міръ: «Волостные посольщики денежные доходы платятъ оплошно, а съ правежу мыъ говорятъ большимъ невѣжествомъ, чтобъ на нихъ не править; однажды на правежѣ закричали на меня съ большимъ невѣжествомъ, забунтовались и съ правежу отъ съѣзжей избы сошли, отъ приставовъ отбились, приставовъ побили, на дворъ ко мыъ приходили съ большимъ невѣжествомъ и похвалялись на меня всякими недобрыми дѣлами, а посадскій и всеуѣздный староста лаялъ меня..... и называлъ воромъ при многихъ людяхъ и государевыхъ доходовъ править не велить»<sup>67</sup>.

Въ городахъ ближайшихъ къ Москвѣ воеводы и подьячіе кор-

мились утѣреніе: челобитныя мірскихъ людей были доходиѣ до царя. Но въ городахъ дальнихъ, гдѣ именно было «до Бога высоко, до царя далеко», кормленщики разнуздывались, и этою разнузданностію вызывали самоуправство мірскихъ людей, которымъ также представлялось, что до Бога высоко, до царя далеко. Мы повторяемъ разказа о возстаніяхъ мірскихъ людей отдаленныхъ городовъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича <sup>68</sup>: въ концѣ царствованія Алексѣя, въ 1673 году, жители Кайгородка, подъ предводительствомъ Авичка Ташкинова и Митьки БернUTOва, воеводѣ Волкову въ денежныхъ доходахъ царскихъ отказали, приходили на воеводу бунтомъ и хотѣли убить, отъ воеводства отказали, приставовъ и цѣловальниковъ съ города свели. Правительство послало сотню стрѣльцовъ для утушенія бунта, и дѣло кончилось пытками и висѣльницами. Не отъ однихъ впрочемъ посадскихъ людей доставалось иногда воеводѣ; иногда посадскіе должны были выручать воеводу. Однажды въ Шуѣ на посадѣ раздался сполошный колоколъ; посадскіе сбѣжались и видятъ, что ихъ воевода Борковъ лежитъ чуть живой; ѣхалъ онъ изъ гостей вмѣстѣ съ сосѣднимъ помѣщикомъ стряпчимъ Кашинцевымъ, человѣкомъ страшно задорнымъ, поссорились, подрались, и Кашинцевъ выдралъ у воеводы всю бороду безъ остатка <sup>69</sup>.

Представителемъ міра предъ правительствомъ былъ земскій посадскій и всеуѣздный староста, выбранный міромъ. Тяжело отъ воеводы или отъ кого и отъ чего бы то ни было, староста бьетъ челомъ во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто. Онъ кормитъ воеводу и подьячихъ; но когда кормить становится тяжело, когда міръ начинаетъ волноваться, староста съ своими, за своихъ, староста *ласт* воеводу. Но не всегда бывали такіе бойкіе старосты; иногда староста соединялся съ воеводою и дѣйствовалъ противъ міра, противъ выгодъ своихъ избирателей, и мірскіе люди обращались къ правительству, били челомъ на своего старосту: «Въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинилъ большое дурно, въ денежныхъ приходахъ и расходахъ большую хитрость, а себѣ корысть; подговаривался къ воеводѣ и къ таможенному откупщику, пьетъ и ѣсть съ ними безпрестанно и ночи просиживаетъ, на насъ воеводѣ и откупщику наговаривается, и насъ продаютъ и убытчатъ: вели, государь, отъ насъ его вывести» <sup>70</sup>. Противъ дурнаго ста-

ресты, избраннаго, у избирателя нѣтъ другаго средства, какъ просить правительство *выгнати* его изъ города, потому что если смирненнѣйшій староста останется у нихъ, нѣтъ будетъ плохо, потому что это обыкновенно человѣкъ богатый, сильный. Слабость общества, міра, предъ отдѣльнымъ лицомъ высказывалась и въ другомъ случаѣ: кто-нибудь изъ мірскихъ людей начинаетъ дурно вести себя, міръ предвидитъ, какія бѣды могутъ произойти отъ этого; напьется нѣанъ, одѣлаетъ какое-нибудь дурно, подерется, убьетъ кого-нибудь до смерти, міръ будетъ отвѣчать, подгѣ воевода, подьячіе, которые ждутъ только того случая, какъ бы понажиться на счетъ міра, постараются припутать къ дѣлу какъ можно большее число людей, и міръ бьетъ челомъ: «Жалоба намъ на посадскаго человѣка Короба: пьетъ и бражничаетъ безобразно, въ зернь и карты играетъ, жену свою бьетъ и мучитъ не по закону! веди его съ женою и дѣтьми съ посаду выслать вонъ, чтобъ намъ въ пенѣ и опалѣ не быть»<sup>71</sup>. Члены рода поступали точно такимъ же образомъ: били челомъ государю, что одинъ изъ родственниковъ ведетъ себя очень дурно и не унимается, несмотря на наказанія отъ старшихъ членовъ рода; родъ даетъ знать государю, чтобъ послѣ въ опалѣ не быть<sup>72</sup>. Слабость міра особенно выражалась въ розни, усобицѣ между богатыми и бѣдными посадскими людьми, явленіе, которое встрѣчалось не въ одномъ Псковѣ, не изъ одного Пскова получались такіа челобитныя: «Бьютъ челомъ посадскіе средніе и молодчіе бѣдные людишки всѣхъ *сороковъ*. Жалоба намъ на посадскихъ людей, на прежнихъ земскихъ старостъ и нынѣшняго и на всѣхъ лучшихъ богатыхъ людей: лучшіе и богатые люди насъ окладомъ и тягломъ не по силамъ загнели, а себя въ окладѣ облегчили, и съ тѣхъ своихъ легкихъ окладовъ на многіе годы тягла не доплачиваютъ, оставляютъ за собою залогѣ большіе и для того земскихъ старостъ по книгамъ, другъ другу норовя, не считаютъ, а намъ, среднимъ и молодчимъ людишкамъ, на счетъ не даютъ»<sup>73</sup>.

Все со всѣмъ относилось къ правительству, било челомъ великому государю. Правительство не оставалось глухо къ челобитнымъ; просилъ какой-нибудь міръ выборнаго чиновника вмѣсто короннаго, правительство охотно соглашалось. Бьютъ челомъ, чтобъ городничаго или городского прикащика (по нашему коменданта)

отставить и выбрать новаго міромъ: государь велитъ выбирать <sup>74</sup>. Быть челомъ посадскій и всеуѣдный земскій староста во всѣхъ мѣсто посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ, что прежде въ земской избѣ у всѣхъ дѣлъ былъ одинъ подьячій, а теперь авился къ нимъ изъ Москвы какой-то господинъ съ грамотою, въ которой велѣно ему быть въ подьячихъ у земскаго старосты, а прежнему подьячему быть у одного ямскаго дѣла; но прежній подьячій, пишетъ староста, человекъ хорошій, налоговъ и убытковъ отъ него не бывало, а этотъ новый, который напросился на его мѣсто, у земскихъ дѣлъ не бывалъ и къ нимъ негоденъ:— великій государь приказывалъ выпроводить пріѣхавшаго изъ Москвы подьячаго, несмотря на его грамоту <sup>75</sup>. Бьютъ челомъ волостные старосты и крестьяне, что у нихъ въ сѣзжей избѣ искони подьячій по ихъ выбору, а теперь одинъ хочетъ сѣсть въ подьячихъ безъ ихъ выбора: государь не позволяетъ подьячему садиться безъ выбора <sup>76</sup>. Противъ воеводскихъ злоупотребленій на судѣ были приняты мѣры: не велѣно судить воеводамъ и приказнымъ людямъ дѣла тѣхъ лицъ, отъ которыхъ подано будетъ на нихъ подозрѣніе, судить ихъ велѣно воеводамъ ближайшихъ городовъ, не дальше 150 верстъ. Потомъ не велѣно опредѣлять воеводами дворянъ въ тѣ города, около которыхъ у нихъ находятся помѣстья и вотчины <sup>77</sup>. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича велѣно было отставить вѣзжіе и мѣсячные и праздничные и иные денежные всякіе и хлѣбные поборы воеводамъ и что на воеводскіе расходы земскіе старосты на мірскія деньги покупали на воеводѣ. Понятно, что воеводы не могли вдругъ отказаться отъ этихъ поборовъ и приносовъ, и земскіе старосты носили пироги и рыбу по старой привычкѣ: доказательствомъ служить, то, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ долженъ былъ подтвердить указъ отцовскій <sup>78</sup>. Сдѣлана была и болѣе важная попытка къ преобразованію отношеній горожанъ къ воеводѣ, но не удалась.

Въ 1665 году воеводою во Псковѣ былъ знаменитый любимецъ царя Алексѣя, Афанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ. Воевода нашелъ дѣла вѣреннаго ему края въ очень неудовлетворительномъ состояніи: заграничная торговля, которою богатѣлъ Псковъ, находившійся на двухъ рубежахъ, упала влѣдствіе войнъ польской и шведской; зло, общее всѣмъ городамъ древней Рос-

сін, господство такъ-называемыхъ *мужиковъ-горлановъ*, богатыхъ торговыхъ людей, которые, забравши всю власть въ свои руки, хлопотали только о своихъ выгодахъ, забывая выгоды большинства согражданъ, — это зло было въ самой сильной степени во Псковѣ, гдѣ была свѣжа еще память о кровавой борьбѣ между лучшими и меньшими людьми въ смутное время, а недавняя псковская смута подновила раздраженіе. Аванасій Лаврентьевичъ не хотѣлъ только *кормиться* на псковскомъ воеводствѣ; онъ сталъ думать, какъ бы поднять благосостояніе города, который былъ ему родной. Какъ вездѣ, такъ и тутъ онъ смотрѣлъ на западъ, дѣлалъ «съ примѣру стороннихъ чужихъ земель», и предложилъ земскимъ старостамъ и всенародному совѣту слѣдующую мѣру: быть во Псковѣ безошлинному торгу съ иностранцами — одному 6-го января на двѣ недѣли, а другому съ 9-го мая на двѣ недѣли. при чемъ мимо посадскихъ людей псковичей иныхъ чиновъ людямъ съ иностранцами не торговать: «Во всѣхъ государствахъ славны тѣ торги, которые безъ пошлинъ учинены», твердилъ воевода.

Уже давно по всей Россіи, особенно же въ значительнѣйшихъ городахъ, слышались горькія жалобы русскихъ торговыхъ людей на купцовъ иностранныхъ, которые, дѣйствуя сообща и располагая большими капиталами, захватывали торговлю въ свои руки. Чтобы относительно цѣнъ на товары не быть въ зависимости отъ русскихъ значительнѣйшихъ торговцевъ, иностранцы обыкновенно входили въ сношенія съ небогатыми людьми, давали имъ впередъ деньги, на которыя тѣ скупали для нихъ товары низкою цѣною, довольствуясь небольшимъ вознагражденіемъ: «отъ такого неудержанія русскіе люди на иноземцевъ торговали изъ малаго прокормленія и въ послѣднюю скудость пришли, а которые псковичи и свои животы имѣли, отъ сговорщиковъ съ Нѣмцами, для низкой цѣны товаровъ, также оскудѣли.» Чтобы не было такого тайнаго подряда съ иноземцами, чтобы маломочные Русскіе люди не брали у нихъ въ подрядъ денегъ и такимъ образомъ не понижали бы цѣны русскимъ товарамъ, Нащокинъ предложилъ псковскимъ лучшимъ людямъ торговать расписать, по свойству и по знакомству, во Псковѣ и въ пригородахъ маломочныхъ людей по себѣ, вѣдать ихъ торговлю и промыслы, и вмѣсто того, что прежде брали они деньги у иностранцевъ и на нихъ работали, давать

ить ссуду изъ земской избы (т.-е. изъ городскихъ суммъ); научивши на эти деньги товару, маломочные люди должны привозить его въ Псковъ въ декабрѣ мѣсяцѣ; товаръ долженъ быть записанъ въ земской избѣ, лучше люди должны принимать эти товары, каждый у своего, кто за кѣмъ записанъ, давать имъ цѣну съ наддачею для прокормленія и чтобъ къ маю мѣсяцу накупили новыхъ товаровъ; послѣ же ярмарки лучше люди, продавши товары сваломъ иностранцамъ, должны заплатить маломочнымъ людямъ ту цѣну, по какой сами продали.

Потомъ воевода обратилъ вниманіе на винную продажу, предметъ важный, ибо эта продажа составляла одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ дохода для казны. Псковъ былъ городъ порубежный, иностранцы привозили тайкомъ множество горѣлаго вина и *нѣмецкихъ питей*, отчего псковичи не брали напитковъ съ казенныхъ кружечныхъ дворовъ; у головъ и цѣловальниковъ, приставленныхъ къ продажѣ вина, большіе недоборы, съ нихъ взыски, они стараются взыскать, *вынуть* запрещенный товаръ у жителей, отъ этихъ *вымоговъ* людямъ разоренье, а казнѣ прибыли нѣтъ. Вслѣдствіе этого Нащокинъ предложилъ установить вольную продажу вина, съ платою въ казну съ рубля по двѣ деньги, если же кто станетъ торговать напитками больше чѣмъ другими товарами, на тѣхъ брать съ рубля погривнѣ. Наконецъ воевода предложилъ новое устройство городского управления: предложилъ выбрать пятнадцать человѣкъ на три года, чтобъ изъ нихъ каждый годъ сидѣло въ земской избѣ по пяти человѣкъ; эти пятеро выборныхъ должны судить посадскихъ людей во всѣхъ торговыхъ и обидныхъ дѣлахъ, и отводить къ воеводамъ только въ извѣстнѣ, разбоѣ и душегубствѣ. Случится тяжба между дворяниномъ и посадскимъ, то судить дворянину (кто будетъ у судныхъ дѣлъ) съ выборными посадскими людьми. Пошлины съ судныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ пятью выборными, держать въ земской избѣ для градскихъ расходовъ. Такое же устройство должно быть и въ пригородахъ.

Предложенія Нащокина произвели сильное волненіе между Псковичами; раздѣлялись: однимъ нравились предложенія, другимъ нѣтъ; меньшіе люди были за новое, лучше отстаивали старину. За этими ссорами дѣло протянулось отъ апрѣля до августа; только 13-го августа посадскіе люди написали наконецъ свои чело-

битныя по мысли воеводы, принесли въ Троицкій соборъ, и приняли благословеніе архіепископа Арсенія; челобитныя отправлены въ Москву и новое устройство введено.

Но Аеанасій Лаврентьевичъ не могъ долго оставаться во Псковѣ: онъ былъ отозванъ для важнаго дѣла, для веденія мирныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными. Воеводою въ Псковъ явился князь Иванъ Андреевичъ Хованскій. Князь Иванъ Андреевичъ былъ неохотникъ до новизнъ, особенно былъ неохотникъ до новыхъ людей. Онъ уже и прежде, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, имѣлъ столкновеніе съ Нащокинымъ, на котораго смотрѣлъ, какъ на временщика, выдвинутаго царемъ въ ущербъ чести старыхъ родовъ. Пріѣхавши во Псковъ, Хованскій увидалъ, что Нащокинъ и здѣсь что-то такое намудрилъ бесполезное, посадилъ *мужиковъ* судить и распоряжаться, отнявши судъ у воеводы, завелъ вольные шинки вмѣсто казенныхъ питейныхъ домовъ. Но мы видѣли, что и между *мужиками* нѣкоторые, и лучшіе, самые богатые не были довольны новымъ устройствомъ. Они стали говорить Хованскому, что всѣ эти новые порядки Нащокинъ завелъ самовольно, насильно навязалъ посадскимъ людямъ, писали челобитную въ земской избѣ ночью, *вычерненную* (поправленную), и руки велѣли въ ту же ночь приложить. Хованскій шлетъ грамоту въ Москву къ царю: «во Псковѣ заведены вновь шинки, въ нихъ пьютъ безвременно, и оттого всякое дурно. Учинены выборные люди и посадскихъ людей судять, и въ сѣзжую избу (т.-е. къ воеводѣ) не ходятъ; да въ земскую же избу въ дѣлахъ берутъ дворянъ съ приставами, и оттого дворяне плачутъ; да они же выборные люди подорожныя отъ себя даютъ за рубежъ, и тѣ новыя проѣзжія, что мужики даютъ отъ себя не знаячи и не остерегаясь въ письмѣ, отъ иноземцевъ будутъ въ подивленіе. Сказали мнѣ старосты земскіе и посадскіе лучшіе люди, что писали ночью челобитную вычернену и руки велѣли въ ту же ночь приложить, а кто чернилъ челобитную и складывалъ, тому то дѣло надобно; приложили только рукъ съ пятьдесятъ, и то немного лучшихъ людей; въ челобитной писано слагательно, писалъ кто-то умный человекъ, а мужикамъ такъ было не сложить.» На грамоту пришелъ отвѣтъ: «вы бы всякихъ чиновъ людей вѣдали во всемъ судомъ и расправою, а новый судъ отставили. Шинки отставить, а быть по прежнему кабакамъ по

старымъ мѣстамъ и отдать на откупъ, а если откупщиковъ не будетъ, то собирать на вѣру (по присягѣ) лучшимъ людямъ.»

Но и Хованскій не долго оставался въ Псковѣ; преемникомъ его былъ князь Данила Степановичъ Великаго-Гагинъ, человѣкъ, не имѣвшій ни въ Псковѣ, ни въ Москвѣ того вліянія, какое имѣли его предшественники; при немъ слѣдовательно дѣло опять могло свободно подняться и рѣшиться безъ воеводскаго вмѣшательства. Ординъ-Нащокинъ былъ въ это время въ Москвѣ, управлялъ посольскимъ приказомъ, а Псковъ былъ подвѣдомственъ этому приказу. Разумѣется, Нащокинъ не могъ спокойно видѣть, какъ его устройство было разрушено враждебнымъ Хованскимъ. У Нащокина былъ въ Псковѣ преданный ему дякъ, Мина Гробовъ, который, по отъѣздѣ Хованскаго, и началъ поднимать опять приверженцевъ Нащокинскаго устройства. Мы видѣли, что по представленію Хованскаго, вольная продажа вина была уничтожена и велѣно было отдать ее на откупъ, если найдется откупщикъ. Откупщикъ нашелся, Кузьма Андреевъ, и заплатилъ на мѣсяць болѣе чѣмъ вдвое противъ той прибыли, какую получала казна отъ вольной продажи. Но при Великаго-Гагинѣ вольные питейные промышленники, Давыдъ Бахаревъ съ товарищами, прислали въ Москву челобитную: «выборные люди, Семенъ Меншиковъ съ товарищами, видя нашъ промыслъ и радѣнье, что будетъ великаго государя казнь сборъ большой, и дружа другъ другу, питейную прибыль отдали на откупъ товарищу своему, выборному человѣку Кузьмѣ Андрееву заводомъ, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованье, называли наши оброчные питейные дома шинками.» Пришла и другая челобитная не отъ однихъ питейныхъ промышленниковъ: «Жалоба намъ бѣднымъ сиротамъ твоимъ, середнимъ и мелкимъ людишкамъ, на Псковичей же посадскихъ прожиточныхъ людей, Сергѣя Поганкина, Никиту Іевлева, Мокія Сигова съ товарищами: тѣ прожиточные люди всякія дѣла городовыя и мірскія дѣлаютъ и челобитчиковъ выбираютъ и посылаютъ къ тебѣ, великому государю, въ Москву безъ городского и мірскаго вѣдома середнихъ и мелкихъ людишекъ и безъ заручныхъ приговоровъ: отъ того намъ чинится великое разоренье и всякія подати большія и частыя.»

На откупщика Кузьму Андреева и на его пріятелей, которые устроили ему откупъ, было донесено въ Москву, что откупная



сумма очень мала, и что несмотря на то, откупщикъ и товарищи его; лучшіе люди, притѣсняютъ маломочныхъ людей, не даютъ имъ готовить у себя хмѣльныхъ напитковъ въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, корыстуются съ кабаковъ, провозятъ товары; *прокрадывал*. Вслѣдствіе этого изъ Москвы пришелъ указъ: такъ какъ Псковичи, Семенъ Меншиковъ и Кузьма Андреевъ съ товарищами, маломочнымъ людямъ не помогали, то платить имъ въ годъ за кабаки по 9.366 рублей; быть съ ними вмѣстѣ въ платежѣ Никитѣ Іевлеву и Сергѣю Поганкину, потому что они отъ градскаго совѣта бѣжали и къ присягѣ не ходили.

Наконецъ осенью 1668 года пришла въ Москву челобитная отъ земскаго старосты Степана Котятникова и всѣхъ Псковичей, чтобъ государь приказалъ возстановить все учрежденное при Нащокинѣ и разрушенное при Хованскомъ, чтобъ отъ кабацкихъ продажъ была учинена свобода какъ въ Смоленскѣ. Но къ челобитной не приложили рукъ Семенъ Меншиковъ, Сергѣй Поганкинъ, Кузьма Солодовникъ, Иванъ Чирьевъ, Никита Михалевъ, Петръ Зарубинъ, Юрій Бѣлобородовъ, Мокшѣ Спговъ, Аванасій Самойловъ, всего девять человекъ.

У этихъ девяти человекъ были въ Москвѣ также сильные покровители—дьяки посольскаго приказа Герасимъ Дохтуровъ и Лукьянъ Голосовъ; съ ними-то постоянно боролся Нащокинъ, упрекая ихъ, что они грязнятъ посольскій приказъ, по которому иностранцы судятъ обо всей Россіи и который долженъ быть чище всѣхъ другихъ приказовъ, а дьяки его мѣшаютъ кабацкія дѣла съ дипломатическими. Дьяки мстили Нащокину, дѣйствуя постоянно наперекоръ ему; и тутъ, о Псковскомъ челобитѣ они составили такую докладную записку, что челобитчикамъ было отказано. Понятно, что Аванасій Лаврентьевичъ не могъ спокойно перенести этого. Государь находился въ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны представляютъ ему, что Псковъ волнуется, что меньшинство притѣсняетъ большинство, которое можетъ ожесточиться; съ другой, представляютъ, какой ущербъ потерпитъ казна, если ввести въ Псковъ вольную продажу вина, а деньги нужны, государство разорено тяжкою войною. Алексѣй Михайловичъ обратился сначала къ Ордину-Нащокину, чтобъ тотъ изложилъ свое мнѣніе, «какъ тому кабацкому сбору пристойно

быть и доимочныя деньги на комъ взять? чтобъ кабацкая прибыль напрасно не пропала, а людей бы не ожесточить.» Аванасій Лаврентьевичъ отвѣчалъ: «Въ 1666 году устроилъ я Псковское государство съ примѣра стороннихъ чужихъ земель къ великой прибыли твоей государевой казнѣ и Псковскому государству къ полнотѣ и расширенію; я сдѣлалъ это ни на что не прельщаясь, только видя вашу государскую премногую милость, исполняя свой долгъ и надѣясь получить отпущеніе грѣховъ въ будущемъ вѣкѣ. Но мое дѣло, государь, возненавижено немилосердными людьми, приказною мздою. Отказали Стенькѣ Котятникову въ питейныхъ сборахъ; но думные дѣяки за чѣмъ забыли мою вину: я и въ Смоленскѣ то же самое сдѣлалъ, а Псковъ важнѣе Смоленска, лежитъ на рубежѣ двухъ чужихъ земель; жители въ городѣ и въ уѣздахъ пришли въ послѣднюю нищету, и безъ такого устава помочь имъ нечѣмъ. Всячески приводя въ согласіе людей Божіихъ и вашихъ государевыхъ, я наговаривалъ и писалъ во Псковъ, я ко мнѣ изъ Пскова писалъ дѣякъ Мина Гробовъ, что усердно радбеть, какъ бы прекратить раздѣленіе между Псковичами, и на комъ довелось кабацкую недоимку доправить, то у нихъ уже рѣшено, рѣшено и то, чему въ Псковѣ быть прочтѣе. Надѣясь на твою государскую милость, я въ Смоленскѣ твоимъ указомъ прижѣръ учинилъ, товарищи мои, думные дѣяки, это знали; и если, государь, въ Смоленскѣ въ питейномъ сборѣ зла не сдѣлалось, и какъ теперь тамъ дѣло идетъ въ посольскомъ приказѣ извѣстно, то въ Псковѣ было бы гораздо больше прибыли, чѣмъ въ Смоленскѣ.»

Нащокинъ прямо объявилъ, что онъ чрезъ дѣяка Гробова хлопоталъ въ Псковѣ о соединеніи людей; изъ его собственныхъ словъ было видно, что послѣдняя челобитная, пришедшая изъ Пскова, была слѣдствіемъ этого соединенія, т.-е. этихъ хлопотъ. Противникамъ Нащокина легко было намекнуть, что мнимое соединеніе произведено насильственнымъ образомъ, что лучшіе люди не подписались подъ челобитной, въ которой просили о восстановленіи Нащокинскаго устройства. Оставалось одно средство разяснить дѣло—спросить всѣхъ жителей Пскова и области прямо отъ верховнаго правительства, чего они хотятъ?

11 марта 1669 года воевода князь Великаго-Гагинъ получилъ царскую грамоту: «вы бы всякихъ чиновъ людямъ нашъ, велика-

го государя, указъ сказали: если въ Псковѣ питейной прибыли быть по прежнему у всѣхъ псковскихъ жителей, то нашей казнѣ прибыль будетъ ли и Псковичамъ, и уѣзднымъ и всякаго чина людямъ какой тягости въ томъ не будетъ ли?» Воевода прислалъ въ Москву отвѣты.

Архіепископъ Арсеній, какъ св. панагію носить, во всякой правдѣ сказалъ, что отъ питейныхъ домовъ городскіе жители и уѣздные небудутъ обогащены, а если кабацкій недоборъ въ 9.000 рублей слишкомъ имъ доплачивать, то разорятся окончательно.

Архимандриты, игумены, строители, игуменьи и строительницы, Троицкаго дома (собора) протопопъ, псковскихъ ружныхъ и приходскихъ церквей поповскіе старосты и весь освященный чинъ, церковные прикащики за крестьянъ монастырскихъ церковныхъ вотчинъ, всего сто одинъ человекъ, сказали: питейнымъ дворамъ быть отиудъ нельзя, потому что домамъ Псковичей, и священнаго чина и уѣздныхъ крестьянъ слабыхъ людей, быть въ лишннихъ скудостяхъ и безчестіяхъ, за пьянственнымъ неводержаніемъ и за иными въ пьянствѣ слабостями.

Дворяне и дѣти боярскіе, 60 человекъ, объявили, что не могутъ дать отвѣта по незнаію дѣла; 89 человекъ не пріѣхало.

Посадскіе люди, 238 человекъ, пожиточные, середніе и маломочные, сказали: питейнымъ дворамъ быть не возмужно, въ сборѣ казны умаленіе будетъ большое, потому что посадскимъ людямъ конечное разоренье за слабостію и пьянственнымъ неводержаніемъ; впередъ кабакамъ по прежнему пристойно быть на вѣрѣ (на присягѣ).

Козаки стрѣльцы, пушкарі и воротники, всего 2,115 человекъ подобно дворянамъ, сказали что не знаютъ.

Крестьяне Псковскаго уѣзда, 241 человекъ, сказали: въ Псковѣ питейной прибыли можно быть, по прежнему у всѣхъ Псковскихъ жителей, съ береженіемъ и со всякою крѣпостію, за вѣрою и за поруками, казнѣ прибыль будетъ; въ городѣ и уѣздахъ кабакамъ быть непристойно, а случится недоборъ, то они, волостные крестьяне, готовы принять его на себя. 670 человекъ крестьянъ сказали, что не знаютъ.

Въ Москвѣ послѣдовало окончательное рѣшеніе: отдать кабаки на откупъ, и если никто не возьметъ, то продавать на вѣрѣ выборнымъ людямъ. Откупщиковъ не нашлось <sup>79</sup>.

Эти нововведенія Аонасыя Лаврентьевича не принялись; но въ 1667 году ему удалось высказать свои любимыя мысли въ торговомъ уставѣ<sup>80</sup>. И здѣсь встрѣчаемъ обычное указаніе на западъ, напримѣръ иностранныхъ государствъ: «Во всѣхъ окрестныхъ государствахъ свободныя и прибыльныя торги считаются между первыми государственными дѣлами; остерегаютъ торги съ великимъ береженіемъ и въ вольности держатъ для сбора пошлинъ и для всенародныхъ пожитковъ мірскихъ.» Уставъ опредѣляетъ, что люди недостаточные получаютъ помощь изъ московской таможни и изъ городскихъ земскихъ избоъ; требуетъ, чтобъ мимо торговыхъ людей бѣлыхъ чиновъ люди съ иноземцами торгова и подрядовъ не чинили, а свои товары прикладывали къ русскимъ торговымъ людямъ; требуетъ, чтобъ лучшіе торговые люди берегли маломочныхъ торговыхъ людей, давали бы имъ завестись торгами между русскими людьми складомъ къ большимъ товарамъ, чтобъ въ продажѣ иноземцамъ цѣны не портили и въ подрядъ деньги у нихъ не брали. Въ Архангельскъ на время пріѣзда туда купцовъ иностранныхъ, изъ стари назначался изъ Москвы гость съ товарищами для наблюденія за ходомъ ярмарки и для сбора таможенныхъ пошлинъ; уставъ требуетъ, чтобъ этотъ гость и товарищи его выбирались по разсмотрѣнію, а не по дружбѣ, или недружбѣ, выбирались изъ досужихъ и богоугодныхъ людей, не по богатству, а по добродѣтели. Этого гостя и товарищей его воевода ни въ какихъ таможенныхъ торговыхъ дѣлахъ не вѣдаетъ; всякую расправу въ торговыхъ дѣлахъ Русскимъ и иноземцамъ чинить въ таможнѣ гость съ товарищами. Уставъ увеличилъ подать съ иностранныхъ винъ, потому что отъ большаго привоза ихъ на государевыхъ кружечныхъ дворахъ чинятся убытки и недоборы большіе. Иноземцы должны торговать только съ купецкими людьми того города, куда пріѣдутъ для торговли, съ пріѣзжими же не должны ни торговать, ни подрядовъ, ни записей совершать; но московскимъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ и на ярмаркахъ торговать съ иноземцами всякими товарами вольно. Иноземецъ съ иноземцемъ не долженъ торговать подъ страхомъ отображія товаровъ на государя. Пошлина съ продажи и мѣны иностранныхъ товаровъ—2 алтына съ рубля; съ русскихъ товаровъ, отпускаемыхъ иноземцами въ свои государства, по гривнѣ съ рубля; но если иноземецъ привезетъ изъ-за моря золотые и

ефимки, то ему пошлинъ съ нихъ не платить, и что купить на золотые и на ефимки, то везеть въ свою землю безпошлинно. Всѣ эти золотые и ефимки въ порубежныхъ городахъ иноземцы должны отдавать въ казну, изъ которой получаютъ за нихъ русскія мелкія деньги: за золотой по рублю, за ефимокъ любскій по полтинѣ. Если восточные купцы—Персіяне, Индѣйцы, Бухарцы, Армяне, Кумыки, Черкесы и астраханскіе жильцы иноземцы поѣдутъ для торговли въ Москву и другіе города, то брать съ ихъ продажныхъ товаровъ въ Астрахани проѣзжей пошлины по гривнѣ съ рубля; если же станутъ торговать въ Астрахани, то брать по 10 денегъ съ рубля; съ русскихъ товаровъ, которые они везутъ къ себѣ, брать по гривнѣ съ рубля. То же наблюдать и относительно Грековъ, Молдаванъ и Валаховъ—брать по гривнѣ съ рубля; если же станутъ торговать въ Путивлѣ, то по 10 денегъ. Ни одинъ иноземецъ не можетъ продавать своихъ товаровъ въ розницу и ѣздить съ ними по ярмаркамъ. Въ Москву и другіе внутренніе города пропускаются только тѣ иноземцы, у которыхъ будутъ государевы жалованныя грамоты за красною печатью. Жида, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, умѣли добыть себѣ такія грамоты за красною печатью; они пріѣзжали въ Москву съ сукнами, жемчугомъ и другими товарами, и получали комиссіи отъ двора: такъ въ 1672 году шкловскіе Евреи, Самуилъ Яковлевъ съ товарищами, отпущены были изъ Москвы за рубежъ для покупки венгерскаго вина. Грековъ, въ царствованіе Михаила и въ началѣ царствованія Алексѣя, пропускали свободно по единовѣрію; но съ 1647 года имъ назначенъ былъ для торговли только одинъ пограничный городъ, Путивль.

И новый уставъ, исполняя желаніе русскихъ торговыхъ людей, не пустилъ иностранцевъ во внутренніе города. Въ 1669 году поселившійся въ Россіи иностранецъ Петръ Марселісъ подавъ въ посольскій приказъ статьи, клонившіяся къ измѣненію торговаго устава: онъ представлялъ во 1) какой вредъ происходитъ отъ того, что торговля у Архангельска бываетъ послѣ 1-го сентября; многіе корабли за позднимъ временемъ подвергаются опасностямъ и погибаютъ, да и русскія суда, возвращаясь отъ Архангельска вверхъ по Двинѣ, не успѣваютъ доходить до Вологды. 2) Пусть иноземцы платятъ пошлины ефимками, а не золотыми; надобно позволить иноземцамъ привозить золотые въ московское государ-

ство, продавать их или въ уплату отдавать кому угодно: это заставить их привозить много золотыхъ и ефимковъ. 3) Теперь для полученія золотыхъ и ефимковъ иноземцамъ сбавляется пошлина; но если позволить имъ покупать товары въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, то я обнадеживаю, что соберется огромное количество ефимковъ и золотыхъ, больше пошлинного сбора, потому что всѣ тѣ ефимки будутъ на денежномъ дворѣ передѣланы и на всякій ефимокъ будетъ прибыли по 14 копѣекъ. Позволеніе покупать товары въ Москвѣ и другихъ городахъ надобно давать только тѣмъ иностранцамъ, которые станутъ привозить ефимки, а не золотые. 4) Прежде давали въ Москвѣ и на Архангельской ярмаркѣ разнымъ людямъ много мелкихъ денегъ, чтобъ въ новый годъ на эти мелкіе деньги ставили въ казну ефимки, и этимъ средствомъ много было привозимо въ Москву ефимковъ: если приказъ иноземцамъ раздавать мелкія деньги для постановки ефимковъ, чтобъ ставили по 16 алтынъ, то по прежнему будетъ привозиться много ефимковъ.

По обычаю, были призваны въ посольскій приказъ гости и другіе торговые люди и прочтены имъ статьи Марселиеа. Гости смекнули, что хитрый иноземецъ, котораго они очень не жаловали, хочетъ опять ввести свою братью во внутренніе города, прельщая правительство обильнымъ привозомъ ефимковъ, и потому подали сказку: «Первую статью иноземцы нарушили: въ прошломъ году много ихъ кораблей пришло въ Архангельскъ послѣ Семена дня (1-го сентября); которые пришли и до этого времени, и тѣ торговали до Семена дня малыми торгами, а большими торгами всегда они торгуютъ на послѣднихъ дняхъ, нарочно, чтобъ у Русскихъ взять товары дешево, а свои поставить дорого, и чтобъ въ позднемъ и скоромъ времени русскимъ людямъ заморскихъ плохихъ товаровъ высмотрѣть было некогда. На вторую статью: теперь золотыхъ въ московскомъ государствѣ еще не умножилось; а что Марселиеъ написалъ, чтобъ иноземцамъ привозить всюду золотые и ефимки, то этимъ онъ хочетъ съ иноземцами у всѣхъ русскихъ людей торгами завладѣть. Ефимки и золотые у нихъ будутъ проданы Персіанамъ, Армянамъ, Кумыкамъ и Татарамъ дорогою цѣною и вывезены изъ московскаго государства. А если рускіе люди въ Москвѣ и въ городахъ и возьмутъ у иноземцевъ за свои товары небольшое число золотыхъ и ефимковъ, то этихъ денегъ

въ розни въ государеву казну не собрать. Иноземцы станутъ продавать иноземцамъ же золотые по 40 алтынъ, а ефимки по 20 алтынъ и на тѣ деньги станутъ покупать русскіе товары дешевою цѣною, въ половину противъ архангельской цѣны: продастъ иноземецъ 4 золотыхъ по 40 алтынъ, и того возьметъ 4 рубля 26 алтынъ 4 деньги; на эти деньги купить поташу, берковецъ дастъ 5 рублей, а въ Архангельскѣ русскіе люди продаютъ поташъ по 9 и по 10 рублей, а на Москвѣ станетъ приходить поташъ иноземцамъ по 4 золотыхъ берковецъ. Такъ и прочіе всякіе товары переведутъ у русскихъ людей полупцѣною передъ Архангельскомъ»<sup>81</sup>.

Торговый уставъ отмѣнилъ множество мелкихъ пошлинъ: подужное, мыты, сотое, тридцатое, десятое, свальное, склады, повороты, статейныя, мостовое, гостинное и другія, и положилъ ихъ въ рублевую пошлину.

Въ началѣ устава сочинитель его указалъ на примѣръ иностранныхъ государствъ, гдѣ торговля считается въ числѣ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ; въ концѣ, по образцу иностранныхъ же государствъ, онъ принимаетъ мѣры противъ роскоши: «Въ порубежныхъ городахъ головамъ и цѣловальникамъ у иноземцевъ разспрашивать и пересматривать въ сундукахъ, ларцахъ и ящикахъ жемчугу и камня неоплошно, чтобъ узорочныя вещи въ утайкѣ не были; отъ покупки такихъ вещей надобно беречься, какъ и въ другихъ государствахъ берегутъ серебро, а излишнія такіа вещи покупать запрещаютъ, не позволяютъ носить ихъ простымъ не чиновнымъ людямъ, чтобы оттого не бѣднѣли; также низкихъ чиновъ люди чтобъ не носили шелку и сукна. Надобно удерживать простыхъ людей отъ покупки такихъ вещей накладною пошлиною большою и заповѣдью безъ пощады: берегутъ того во всѣхъ государствахъ и отъ напраснаго убожества своихъ людей охраняютъ.»

Постановивъ, что воевода архангельскій не вѣдаетъ гостя, который чинить расправу торговымъ людямъ, Ординъ-Нащокинъ въ концѣ устава предлагаетъ важную мѣру, которая приготовляла мѣры Петра Великаго для «собранія разсыпанной хранины», именно предлагаетъ учрежденіе особаго приказа для купцовъ; «для многихъ волокитъ во всѣхъ приказахъ, купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ приказѣ, гдѣ великій

государь укажетъ своему боярину; этотъ бы приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ, обороною, и во всѣхъ городахъ отъ воеводскихъ налогъ былъ имъ защитою и управою. Въ томъ же одномъ приказѣ давать судъ и управу, если купецкіе люди будутъ бить челомъ на другихъ чиновъ людей.» Явился приказъ *купецкихъ дѣлъ*.

Такимъ образомъ городская жизнь или, лучше сказать, посадская жизнь, жизнь посадскихъ людей передъ эпохою преобразованія представляетъ намъ борьбу и съ чужими, и съ своими. Борьба съ иностранными купцами кончилась торжествомъ русскихъ; но важнѣе была борьба съ своими. Борьба эта, какъ мы видѣли, происходила изъ господствующаго въ первобытныхъ, неразвитыхъ обществахъ непосредственнаго отношенія вооруженной части народонаселенія къ невооруженной, служащей къ рабочей, при чемъ первая кормится непосредственно на счетъ последней. Здѣсь признакомъ роста, возмужалости, служить то, что промышленная часть народонаселенія хочетъ высвободиться отъ этой обязанности непосредственнаго кормленія, обособиться, хочетъ добыть самоуправленіе. Въ западной Европѣ это движеніе обозначилось образованіемъ городскихъ общинъ, ихъ борьбою съ владѣльцами, потомъ освобожденіемъ сельскаго народонаселенія. Но для того и другаго явленія необходимо было сильное движеніе промышленное и торговое, обогащеніе, соперничество движимаго, денегъ, съ недвижимымъ, землею. Въ Россіи, въ описываемое время, видимъ застой въ промышленности и торговлѣ, бѣдность; въ XVII вѣкѣ видимъ условія, еще болѣе неблагопріятныя для увеличенія народнаго богатства, чѣмъ прежде: города и торговля сотни не могутъ справиться послѣ разгрома смутнаго времени, а новыя тяжелыя войны не перестаютъ истощать ихъ. Изъ городовъ и самыхъ богатыхъ приходили вѣсти, что денежныхъ доходовъ не хватаетъ на покрытіе издержекъ, на жалованье служащимъ людямъ военнымъ и подъячимъ. Не давать денежнаго жалованья, уменьшить его, пишутъ изъ Москвы, земли много, землю раздавать. Въ государствѣ, гдѣ вмѣсто денежнаго жалованья раздаютъ землю, гдѣ земли больше чѣмъ денегъ, въ такомъ государствѣ не думаютъ объ освобожденіи крестьянъ, напротивъ думаютъ объ ихъ закрѣпленіи, ибо, давши землю, надобно и дать постоянного работника, иначе жалованье не въ жалованье. Одно



явленіе объясняетъ другое; въ то время когда закрѣпляются крестьяне въ селѣ, въ то время нечего ждать много отъ города, потому что въ селѣ прикрѣпляютъ крестьянина по бѣдности города. Въ городѣ посадскіе также прикрѣплены, не смѣютъ уйти подѣ смертную казнь, должны сидѣть, работать и платить ратнымъ людямъ на жалованье, кормить воеводу. Ихъ интересы постоянно въ столкновеніи съ интересами вооруженной части народонаселенія. Они бьютъ челомъ на закладчиковъ, на крестьянъ, которые промышляютъ наравнѣ съ ними, но не помогаютъ имъ въ несеніи тягостей: но, возставая противъ закладчиковъ и крестьянъ, требуя возвращенія своей братьи, ушедшихъ въ села, они возстаютъ противъ интересовъ тѣхъ людей, за которыхъ заложились закладчики, которымъ принадлежатъ крестьяне, къ которымъ ушли ихъ братья, посадскіе люди, отбывая отъ тягостей; извѣстно, чьи интересы были затронуты, когда велѣно было слободы и села въ городахъ, принадлежавшія частнымъ людямъ, завести за государя, написавъ жителей ихъ въ тягло; извѣстно, какъ мстили посадскимъ людямъ за это. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ, при такомъ столкновеніи интересовъ, первымъ шагомъ впередъ было выдѣленіе посадскихъ людей, чтобъ они судились и управлялись сами собою, нужно было изъять ихъ изъ подѣ власти и суда воеводъ, нужно было развести ихъ съ служилыми людьми, ибо при такомъ столкновеніи интересовъ, при такомъ утвержденномъ вѣками, господствующемъ взглядѣ, когда служилые люди смотрѣли на промышленныхъ людей, какъ на прирожденныхъ своихъ работниковъ, обязанныхъ кормить ихъ своимъ трудомъ,—при такихъ отношеніяхъ и взглядахъ нечего было думать о союзѣ, объ общей дѣятельности. Когда два чело-вѣка враждебно сдѣлались другъ съ другомъ, то прежде всего нужно ихъ развести, а потомъ уже, когда съ постепенною перемѣною отношеній вражда утихнетъ, настаетъ время думать о примиреніи, союзѣ, общей дѣятельности. Выборы не могли тутъ помочь, если посадскіе люди должны были выбирать правителя городу изъ служилыхъ людей. Такимъ образомъ выдѣленіе промышленныхъ людей, высвобожденіе ихъ изъ подѣ вліянія служилыхъ людей, совершенное въ эпоху преобразованія, было дѣломъ естественнымъ и необходимымъ. Но мы видимъ, что первая попытка принадлежитъ времени до преобразованія, принадлежитъ предтечѣ

преобразователя, ибо какъ скоро русскіе люди съ головою Ордина-Нащокина стали заглядывать на западъ, такъ сейчасъ же увидали, откуда тамъ то, чего недоставало въ Россіи, именно богатство, увидали, что оно происходитъ отъ сильно развитой торговой и промышленной дѣятельности, отъ развитія города, и Ординъ-Нащокинъ провозглашаетъ, что торговля есть одно изъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Въ эпоху преобразованія мысль эта была вполне усвоена правительствомъ и лучшими людьми, и потому является рядъ мѣръ для поднятія торговли и промышленности, и прежде всего торговые и промышленные люди выдѣляются, разсыпавшаяся хранина собирается.

Состояніе города служить намъ повѣркою состоянія селъ, и наоборотъ: если городъ бѣденъ—знакъ, что село находится въ очень неудовлетворительномъ положеніи; если земледѣльческое народонаселеніе прикрѣпляется къ землѣ—знакъ, что городъ бѣженъ. Прикрѣпленіе крестьянъ было результатомъ древней русской исторіи: въ немъ самымъ осязательнымъ, самымъ страшнымъ образомъ высказалось банкротство бѣдной страны, не могшей своими средствами удовлетворить потребностямъ своего государственнаго положенія. Такое банкротство въ историческомъ, живомъ, молодомъ народѣ необходимо условливало поворотъ народной жизни, исканіе выхода изъ отчаяннаго положенія, стремленіе избавиться отъ губительной односторонности, въ страну селъ внести городъ и этимъ улучшить экономическое состояніе страны. Этотъ поворотъ и знаменуется преобразовательною дѣятельностію, съ этого поворота и начинается новая русская исторія. При несостоятельности собственныхъ средствъ нужно было сдѣлать заемъ, и заемъ былъ сдѣланъ. Какъ ни великъ, какъ ни тяжелъ былъ онъ для народа, но необходимость и благотѣльность его очевидны. Если прикрѣпленіе крестьянъ было естественнымъ результатомъ древней русской исторіи, то освобожденіе ихъ было результатомъ полуторавѣковаго хода нашей исторіи по новому пути. Споръ между древнею и новою Россією конченъ, повѣрка налицо.

Прикрѣпленіе крестьянъ съ его слѣдствіями было самымъ крупнымъ, основнымъ явленіемъ въ жизни села въ описываемое время. Относительно частностей быта, село представляетъ намъ всюду три разряда своихъ обитателей: крестьянина, бобыля и захре-

бетника, отличающихся другъ отъ друга величиною своихъ хозяйственныхъ средствъ. Условія быта, разумѣется, могли измѣняться вслѣдствіе разныхъ отношеній, смотря по тому, какое было село—черное, дворцовое, монастырское, принадлежавшее богатому вотчиннику или мелкому помѣщику. Мы видѣли отношенія черныхъ крестьянъ къ городу, въ уѣздѣ котораго они жили, связь ихъ съ посадскими людьми, съ которыми вмѣстѣ они поднимали тяжести рабочаго, тяглаго народонаселенія. Но если между самими посадскими людьми, богатыми и бѣдными, была рознь, бѣдные жаловались въ Москву на притѣсненія отъ богатыхъ, то нечему удивляться, что такая же рознь вставала между посадскими людьми и уѣздными крестьянами, и принуждала послѣднихъ порывать связь съ посадскими людьми, выдѣляться въ особый міръ. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича устюжскіе уѣздные крестьяне начали жаловаться на посадскихъ людей: «собираются въ посадскую земскую избу посадскіе люди для своихъ посадскихъ совѣтовъ часто, да они же собираютъ съ Устюга съ посаду всякіе четвертные доходы и на ямскіе отпуска деньги, да они же выбираютъ въ земскіе старосты межъ себя посадскихъ людей, и они посадскіе земскіе старосты о уѣздныхъ крестьянахъ ни въ чемъ не пекутся и ни о какихъ всеуѣздныхъ дѣлахъ не радѣютъ, а уѣзднымъ крестьянамъ въ ту посадскую избу для волостныхъ совѣтовъ собираться нельзя, да устюжскіе старосты и не пускаютъ, и въ томъ волостнымъ крестьянамъ чинятся великія волокиты и убытки и безсовѣтица, а въ томъ безсовѣтѣи всякая несправа, и крестьяне у посадскихъ людей во всемъ порабощены, и гордостію своею посадскіе земскіе старосты насъ крестьянъ тѣснятъ и вмѣняютъ себѣ вмѣсто работъ своихъ и мочью своею и великими пожитками у нашей братѣи у скудныхъ крестьянъ покупили себѣ лучшія деревни въ уѣздѣ и начали быть во многихъ волостяхъ владѣльцами. А какъ стали владѣть деревнями, и они всякими притѣсненіями подати съ себя считали на насъ худыхъ крестьянишекъ, и мы отъ ихъ изгони оскудѣли и обнищали и послѣднія деревнишки имъ иззакладывали на малые сроки, а въ закладныя писали отъ скудости двойныя и тройныя цѣны, и они такими большими закладными съ приписными деньгами, деревнями нашими завладѣли и многихъ крестьянишекъ у себя въ *половъ* (половникахъ) удержали, а иныхъ и въ *половъ* у

себя не держать, и они отъ такихъ ихъ налогъ врознь разбрелись безвѣстно. Да Устюжскіе посадскіе старосты выбирали для солдатскаго выбора своихъ посадскихъ людей, а уѣздныхъ людей не выбирали, чтобъ съ ихъ деревень въ солдаты никого не выбирать, а брать съ крестьянъ только, и крестьяне врознь разбрелись.»

Въ 1675 году собрались въ Устюгъ изъ уѣзда всѣхъ волостей выборные люди и написали челобитную, чтобъ быть всеуѣздной земской избѣ и всеуѣздному земскому старостѣ особо отъ посадскихъ людей. Государь согласился и крестьяне вывели своихъ выборныхъ или волостныхъ третчиковъ съ приходными и расходными книгами и съ деньгами изъ старинной земской избы въ становую волостную избу. Но столкновѣнія этимъ не прекратились: мы видѣли, что посадскіе люди владѣли крестьянскими деревнями въ уѣздѣ, и крестьяне послали новое челобитье, что посадскіе по своимъ деревнямъ волостныхъ и солдатскихъ службъ не служатъ и хотятъ деревнями своими отписаться отъ крестьянъ, о чемъ уже и послали челобитную. Въ Москвѣ не умѣли распутать этого дѣла и, по обычаю, велѣли подать о немъ сказки на мѣстѣ по сословіямъ. Духовенство объявило: «воевода Матвей Нарышкинъ Устюжскій уѣздъ расписалъ по челобитью прежняго головы таможеннаго и кружечнаго дворовъ Григорья Мыльниковъ и совѣтниковъ его волостныхъ крестьянъ Петрушки Хомакова съ товарищами, которые въ то время собраны были на Устюгъ на посадъ по его Григорьеву челобитью будто для ямскаго совѣта и отпусковъ. Извѣстовъ волостныхъ крестьянъ на посадскихъ людей мы не слышали, и впродъ намъ съ посадскими людьми земская изба старинная по прежнему одна надобна, потому что въ новоучиненной волостной избѣ начали они волостные крестьяне разрубать и собирать многія лишнія деньги будто на всеземскіе расходы, а на какіе—намъ про то невѣдомо, брано сверхъ 2 рублей еще въ прибавку по семи рублей на малую сошку, а теперь у нихъ же въ волостной избѣ ихъ староста разрубилъ и беретъ по 5 рублей на сошку прежъ государевыхъ доходовъ, и тѣмъ насъ и посадскихъ людей убытчатъ, а книгъ расходныхъ не кажутъ и отчету въ такихъ великихъ деньгахъ не даютъ.» Новый всеуѣздный земскій староста Копыловъ съ товарищами, волостными выборными людьми, объявилъ, что отдѣленіе крестьянъ

янь отъ посадскихъ произошло вслѣдствіе притѣсненія отъ посадскихъ. Крестьяне подали сказку, что пожалуй пусть будетъ одна земская изба по прежнему, только бы быть всеуѣздному волостному выборному старостѣ съ Устюжскими земскими старостами у *всеземской коробки* вѣсть для того, чтобъ Устюжскіе земскіе старосты всеуѣздныхъ сборныхъ денегъ на свою посадскую издержку не держали <sup>82</sup>.

Кромѣ общихъ дѣлъ съ посадскими людьми, у крестьянъ уѣздныхъ были еще свои мірскія дѣла, свои интересы, они выбирали старостъ, выберутъ и напишутъ: «Выбрали межъ себя челоѣка добраго: быть ему за нашимъ выборомъ отъ крестьянъ въ старостахъ, всякія сдѣла и подѣлки дѣлать, нанимая на наши мірскія сборныя деньги. А воровствомъ ему никакимъ не воровать, а станетъ воровать, и на насъ на всѣхъ пеня великаго государя.» Выбирали мірскихъ посыльщиковъ, должность тяжелая, потому что они должны были становиться лицомъ къ лицу съ взыскательною властію, съ воеводою и подьячимъ, которыхъ нужно было покорить прежде всякаго дѣла; выбирали земскаго пристава, при чемъ писали: «Всѣ крестьяне выбрали земскаго пристава такого-то; вѣсть ему держать въ нашей волости для государева дѣла и денежныхъ сборовъ; впервые вѣсть ему сказать по всей волости безъ хоженана (безъ платы за ходьбу), въ другой разъ ему вѣсть поддержать для ради *оурниковъ* (ослушниковъ) и ему брать хоженана на нихъ по 2 деньги; на извѣтъ ему ходить кто позоветъ на землю, и на то хоженана по 2 деньги; быть ему у земскаго судьи для государевыхъ дѣлъ, на суду передъ судьей поручать кто на кого побьетъ челоѣмъ государю передъ судьей, а съ суда перепоручивать; съ тяглыхъ крестьянъ брать ему по деньгѣ, а съ бобылей и безземельныхъ хоженана по копѣйкѣ; руга ему съ крестьянъ по изможенью, ржи и овса кто сколько дастъ» <sup>83</sup>. Выбирали священника, выберутъ и напишутъ: «Мы крестьяне выбрали и излюбили отца своего духовнаго такого-то къ себѣ въ приходъ. И какъ его Богъ благоволитъ и св. владыка его въ попы посвятить, и будучи ему у насъ въ приходѣ, служить и къ церкви Божіей быть подвижну, къ болямъ (больнымъ) и рожаницамъ съ причащеніемъ и съ молитвами быть подвижну и со всякими потребаніи. А онъ челоѣкъ добрый, не бражникъ, ни пропойца, ни за какимъ хмѣльнымъ пивомъ не ходитъ, челоѣкъ онъ добрый; въ

томъ мы старосты и мірскіе люди ему и выборъ дали»<sup>84</sup>. Все это надобно было писать, но кто же писалъ? И для этого выберутъ и напишутъ: «Быть такому-то церковнымъ дьячкомъ, къ церкви быть подвижну, у начальниковъ послушну и покорну, и у нашихъ всякихъ мірскихъ дѣлъ у письма быть всегда готову, а руга ему съ насъ собирать луковая рожь, по полуосмерицѣ съ лука, петровское и осеннее.» Были волости, еще со временъ Грознаго получившія грамоты на выборы своихъ земскихъ судей и земскихъ цѣловальниковъ. При этихъ выборахъ крестьяне давали такія записи: «Выбрали мы и полюбили къ государеву дѣлу въ выборные земскіе судьи такого-то, выбрали и полюбили въ выборные земскіе цѣловальники къ нему судѣѣ такого-то, да въ земскіе соцкіе къ нему судѣѣ такого-то, съ такого-то срока до такого-то. Судить ему судѣѣ насъ крестьянъ по челобитнымъ и по кабаламъ и по духовнымъ, по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ, про татинныя, разбойныя и душегубныя дѣла сыскивать. А цѣловальнику и соцкому у земскихъ у всякихъ дѣлъ и у поимки воровъ, татей и разбойниковъ и душегубцевъ съ выборнымъ судьей у разспроса и поимки быть за одинъ человекъ; а намъ крестьянамъ съ нимъ судьей за всякими воровскими людьми ходить въ погоню и ловить вмѣстѣ. Ему судѣѣ судить и указъ чинить безвозложитно, посуловъ и поминковъ не брать, другу не дружить, недругу не мстить»<sup>85</sup>.

Всѣ эти выборы, на которые у насъ теперь готовы смотрѣть какъ на признакъ крѣпости общественнаго союза, какъ на признакъ сильнаго развитія общественной дѣятельности, общественнаго духа, какъ на важныя права, на дѣлъ не давали крестьянамъ возможности усилить свои промыслы, увеличить результаты своего труда и чрезъ то безъ тягости удовлетворять требованіямъ казны; права эти не спасали крестьянина отъ воеводы, подьячаго, отъ посадскихъ людей и своего брата крестьянина, пропившагося и занявшагося легкимъ промысломъ разбойника. Тяжкая подать, воевода, подьячій, земскій староста, разбойникъ выживали крестьянина, заставляли его уходить дальше за Камень въ Сибирь. Въ Москву пришла вѣсть, что устюжскій уѣздъ пустѣетъ, и когда пріѣхали оттуда мірскіе челобитчики, ихъ стали разспрашивать, отчего у нихъ крестьяне бѣгутъ? Крестьяне бѣгутъ, былъ отвѣтъ, отъ большихъ податей, отъ воеводскихъ налоговъ и посуловъ и

отъ солдатскихъ *выборовъ* (наборовъ), потому что сверхъ всякихъ податей воеводы, князь Гаврила Мышецкій и Яковъ Змѣевъ брали съ насъ съ 240 сошекъ деньгами на годъ слишкомъ по 2 рубли, да хлѣба по осминѣ ржи, да по осминѣ овса; у Якова Змѣева было два племянника, которымъ съ сошки давали по 2 гривны, да дворецкимъ ихъ по гривнѣ съ сошки; да платили мы въ земскую избу съ сошки по три рубли, а въ иные годы по три рубли съ полтиною на воеводскіе кормы, пива и поносы, а брали воеводы свои сошныя деньги, и хлѣбы, и кормы прежде государевыхъ доходовъ. Тѣ же воеводы съ денежныхъ доходовъ, которые, собирая съ насъ, посылаютъ въ Москву, съ 30.000 рублей, съ отписей (рописокъ), которыя намъ въ тѣхъ деньгахъ давали, брали отъ печати по двѣ деньги съ рубля, да съ сибирскаго запаса съ 2270 четвертей, отъ всякой проѣзжей памяти, по гривнѣ съ четверти; да сверхъ того, съ тѣхъ же сошекъ носили мы воеводамъ на праздники, на Великъ День и на Рождество Христово и на Петровъ день столовые запасы. Князь Гаврила Мышецкій присланъ былъ къ намъ для выбору и высылки солдатъ, и онъ наемныхъ солдатъ, которые нанимались служить вѣчно и брали у крестьянъ наймы большіе, а по себѣ давали поручныя записи, въ солдаты не принималъ, а писалъ въ солдаты тѣхъ, которые нанимали въ службу, самихъ хозяевъ, и поручныя записи у многихъ поотнималъ и, для своей корысти, отдавалъ тѣмъ ихъ наемщикамъ, и тѣ наемщики у хозяевъ завладѣли многими деньгами, а тѣ хозяева оттого въ конецъ разорились и дворы у многихъ запусѣли. Яковъ Змѣевъ устюжскихъ стрѣльцовъ и приставовъ, которые у него подкупятся, присылалъ для правежу къ намъ въ волости, и тѣ стрѣльцы и приставы, изъ-за смертнаго правежу, вымучили себѣ съ цѣловальниковъ и съ денежныхъ сборщиковъ 1732 рубля; да и князь Мышецкій такихъ же подкупщиковъ, которые съ нимъ дѣлились, присылалъ. Змѣевъ ѣздилъ въ черевковскую волость, больше 100 верстъ, съ собаками, съ нимъ было всякихъ людей больше 50 человекъ, бралъ подъ себя, подъ людей и подъ собакъ водянымъ путемъ суда, горнымъ (сухимъ) подводы, ѣдучи, въ волостяхъ бралъ поминки большіе, обѣдалъ и всякими харчами проторилъ. На все это исходитъ у насъ, Устюжанъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей на годъ тысячъ по пяти и больше.» Но не отъ однихъ воеводъ, подьячихъ и казенныхъ выис-

ковъ бреди розно мірскіе люди и пустѣль уѣздъ; не однихъ воеводъ и подьячихъ должны были кормить мірскіе люди, не отъ однихъ праветчиковъ откупаться: они должны были кормить, откупаться отъ своей братьи мірскихъ людей, которымъ нравилось легкое разбойничье ремесло: малая населенность, темные лѣса, непривычка у самихъ мірскихъ людей къ общему дѣлу, къ общей защитѣ и отсутствіе хорошо устроенной полиціи дѣлали разбойничье ремесло легкимъ, безопаснымъ. Тѣ же устюжскіе мірскіе челобитчики показывали: «по волостямъ построено много кружечныхъ дворовъ, здѣсь многіе крестьяне пропиваются и, собравшись человекъ по 20 и больше, приходятъ въ лѣтнее время разбоемъ, многихъ крестьянъ мучать, огнемъ жгутъ и вымучиваютъ рублей по сту; крестьяне, заложивъ свои животишки и деревнишки, отъ разбойниковъ откупались и бредутъ врознь.» Призовутъ на защиту вооруженную силу правительственную — новое разоренье: «за разбойниками посылаютъ посылки подьячихъ и стрѣльцовъ, а подьячіе берутъ съ насъ за подводы по рублю, а стрѣльцы по полтинѣ, да въ провожатые берутъ крестьянъ человекъ по тридцати въ дѣловую пору»<sup>86</sup>. Въ 1670 году ѣхало мимо: Верхотурья съ Тотьмы, Устюга, Ваги, Мезени, Сольвычегодска, Яренска, Сысолы, Кайгородка тяглыхъ людей съ женами и дѣтьми 2051 человекъ. Правительство ведѣло поставить заставы крѣпкія<sup>87</sup>. Правительство охотно смотрѣло на заселеніе пустынныхъ странъ около Камня и въ Сибири, на образованіе крестьянскихъ слободъ, но требовало, чтобъ въ крестьяне на пашню призывали и прибирали изъ вольныхъ гулящихъ, а не изъ тяглыхъ людей, изъ крестьянскихъ дѣтей отъ семей, бобылей и захребетниковъ. Ссылные преступники въ Сибири сажались также на пашню, и, что было очень тяжело старымъ пашеннымъ крестьянамъ, правительство приказывало имъ выдавать дочерей своихъ и племянницъ за холостыхъ ссылныхъ, чтобъ тѣмъ ихъ отъ бѣгу унять и укрѣпить<sup>88</sup>.

На сѣверѣ и сѣверовостокѣ черные крестьяне бѣжали за Камень; на югѣ помѣщичьи крестьяне бѣжали за рубежъ Великой Россіи и шла здѣсь своего рода усобица. Вотъ какую челобитную получилъ царь въ 1672 году: «Бьютъ челомъ холопи твои, заочкіе помѣщики и вотчинники: люди наши и крестьяне, заворовавъ, многіе побивъ помѣщиковъ своихъ, а иные пожегши, бѣгаютъ отъ



насъ за рубежъ въ малороссійскіе города и живутъ за епископами и за козаками въ городахъ и на посадахъ, въ селахъ и деревняхъ; мы съ твоимъ указомъ, съ грамотами и отпусками отъ воеводъ къ нимъ въ малороссійскіе города для тѣхъ своихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ ѣдимъ, и они епископы, старшина и козаки бѣглыхъ людей и крестьянъ намъ не выдаютъ, насъ бьютъ и грабятъ, многихъ побиваютъ до смерти, иныхъ въ воду сажаютъ; и тѣ воры, бѣглые люди наши и крестьяне, надѣясь на нихъ, что они ихъ намъ не выдаютъ, приходятъ къ намъ въ села наши и деревни въявь, насъ до конца разоряютъ, послѣднихъ людей и крестьянъ нашихъ подговариваютъ, лошадей и всякую животину крадутъ, дворы и гумна съ хлѣбомъ жгутъ, насъ многихъ побиваютъ до смерти, и иныхъ, заперши въ хоромашъ, зажигаютъ съ женами и дѣтьми. Въ новгородосѣверскомъ и черниговскомъ уѣздахъ, за епископомъ Лазаремъ поселилось бѣглыхъ драгунъ и нашихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ и иныхъ прихожихъ людей больше 5000, а выдачи никому нѣтъ, хотя съ висѣлицы придетъ. Разумѣется вообще крестьянамъ легче было у богатыхъ вотчинниковъ, чѣмъ у мелкихъ помѣщиковъ; но богатые вотчинники жили постоянно въ Москвѣ, въ деревняхъ были управляющіе, отъ жестокости которыхъ крестьяне также бѣжали къ козакамъ. Вотъ наивное письмо Богдана Хитрова къ князю Вас. Вас. Голицыну: «Жаловалъ ты ко мнѣ писалъ, что изъ курской моей деревни побѣжало шесть семей крестьянъ; пожалуй изволь приказать провѣдать, не отъ жесточи ли человѣка моего Савки Танчѣва; а онъ у меня въ епифанской моей деревнишкѣ жесточью своею многихъ разогналъ; а то вѣдаю, что не пьянствомъ и не для корысти развѣ безмѣрною жесточью.» Управляющій жесточью разогналъ крестьянъ въ епифанской деревнишкѣ, такъ надобно было его послать въ курскую! За то не пьяница и не воръ. Лучшее всего могло быть крестьянамъ въ монастырскихъ имѣніяхъ; но и тутъ бывали сильныя причины къ неудовольствіямъ: въ 1678 году крестьяне толвуйской волости взбунтовались, не желая быть за Важицкимъ монастыремъ, заводчики мятежа были жестоко наказаны<sup>89</sup>.

Сознаніе экономической несостоятельности, ведшее необходимо къ повороту въ исторію, было тѣсно соединено съ сознаніемъ нравственной несостоятельности. Русскій народъ не могъ оставаться въ китайскомъ созерцаніи собственныхъ совершенствъ,

въ китайской увѣренности, что онъ выше всѣхъ народовъ на свѣтѣ уже по самому географическому положенію своей страны: океаны не отдѣляли его отъ западныхъ европейскихъ народовъ. Побуждаемый силою обстоятельствъ, онъ долженъ былъ сначала уходить съ запада на востокъ; но какъ скоро успѣлъ здѣсь усиливаться, заложить государство, такъ долженъ былъ необходимо столкнуться съ западными сосѣдями, и столкновение это было очень поучительно. Въ то самое время, въ то самое царствованіе, когда востокъ, восточные сосѣди русскаго народа оказались совершенно безсильными предъ Москвою, когда покорены были три татарскихъ царства и пошли Русскіе люди безпрепятственно по сѣверной Азіи вплоть до Восточнаго океана, въ то самое царствованіе на западѣ страшныя неудачи, на западѣ борьба оканчивается тѣмъ, что Россія должна уступить и свои земли врагу. Стало очевидно, что во сколько восточные сосѣди слабѣе Россіи, во столько западные сильнѣе. Это убѣжденіе, подрывая китайскій взглядъ на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало въ живомъ народѣ стремленіе сблизиться съ тѣми народами, которые оказали свое превосходство, позаимствовать отъ нихъ то, чѣмъ они явились сильнѣе; сильнѣе западные народы оказывались своимъ знаніемъ, искусствомъ, и потому надобно было у нихъ выучиться. Отсюда съ царствованія Іоанна IV, именно съ того царствованія, когда надъ востокомъ было получено окончательное торжество, но когда могущественный царь, покоритель Казани и Астрахани, обративъ свое оружіе на западъ, потерпѣлъ страшныя неудачи, съ этого самаго царствованія мысль о необходимости сближенія съ западомъ, о необходимости добыть моря и учиться у поморскихъ народовъ становится господствующею мыслию правительства и лучшихъ русскихъ людей. Какъ нарочно новыя бѣды, новыя пораженія со стороны запада, несчастный исходъ борьбы съ Польшею и Швеціею послѣ смутнаго времени, еще болѣе укрѣпили эту мысль. Поворотъ или переворотъ сталъ необходимостію. Но дѣло не могло обойтись безъ борьбы. У кого учиться? у чужихъ, у иноземцевъ, а главное у иновѣрцевъ? пустить чужихъ, иноземцевъ иновѣрныхъ къ себѣ и дать имъ высокое значеніе учителей, такъ явственно признать ихъ превосходство, такъ явственно подчиниться имъ? Чтѣ скажутъ люди, имѣющіе въ своихъ рукахъ исключительное учитель-

ство? Когда Годуновъ предложилъ вопросъ о необходимости вызвать изъ-за границы новыхъ учителей, то старые учителя, духовенство отвѣчало, что нельзя, опасно для вѣры; лучше послать за границу русскихъ молодыхъ людей, чтобъ тамъ выучились и возвратились учить своихъ. Но извѣстна судьба этихъ русскихъ людей, отправленныхъ при Годуновѣ за границу: ни одинъ изъ нихъ не возвратился. Продолжительный застой, отсталость не могли дать русскому человѣку силы, способности спокойно и твердо встрѣтиться съ цивилизацію и овладѣть ею; застой, отсталость условливали духовную слабость, которая обнаруживалась въ двухъ видахъ: или человѣкъ съ страшнымъ упорствомъ отвращалъ взоры отъ чужаго, новаго, именно потому, что не имѣлъ силы, мужества взглянуть на него прямо, помѣряться съ нимъ, трепеталъ въ суевѣрномъ страхѣ, какъ ребенокъ, котораго ни лакомства, ни розги не заставятъ пойти къ новой нянькѣ, или, когда преодолевалъ страхъ, то вполне подчинялся чужому, новому, не могъ устоять предъ чарами волшебницы-цивилизациі: второе явленіе повѣряло первое. Послѣ несчастной попытки Годунова, новой уже не дѣлали; а между тѣмъ потребность учиться чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе. Представилось средство удовлетворить этой потребности безъ страха предъ иновѣрствомъ. Подлѣ Великой Россіи была Малая и обѣ, силою извѣстныхъ обстоятельствъ, влеклись къ соединенію въ одно политическое тѣло; Малая Россія, благодаря борьбѣ съ латинствомъ, раньше почувствовала потребность просвѣщенія, и владѣла уже средствами школьнаго образованія. Стало быть Великороссіянину можно было учиться безопасно у Малороссіянина, который приходилъ въ рясы православнаго монаха; можно было также учиться безопасно у Грека православнаго. Отсюда въ XVII вѣкѣ, передъ эпохою преобразованія, мы встрѣчаемъ не продолжительное время, когда за наукою обращаются къ Малороссіянамъ или вообще западно-русскимъ ученымъ и къ Грекамъ.

Но и это примиряющее средство не вполне могло помочь дѣлу. Новые учителя, откуда бы они ни пришли, хоть бы изъ православной Греціи, изъ православной Малороссіи, необходимо сталкивались съ старыми учителями, и отсюда борьба, которая вела къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Молодой Великороссіянинъ, поучившійся у малороссійскаго монаха полатыни и погреб-

чески, сталъ ученіе своего стараго учителя, своего отца духовнаго, говорить, что и то не такъ, и другое не такъ, и что отецъ духовный многое неправильно толкуеть. Легко понять, какъ должны были смотрѣть на это отцы духовные. Свѣтопреставленіе! Янца курицу учать! Чего ждать добраго послѣ этого? Ясное дѣло, что кіевскіе монахи виѣстѣ съ латынью учать разнымъ ересямъ. Но мало того, что русскіе люди учатся Богъ знаетъ чему въ Москвѣ у малороссійскихъ монаховъ, хотятъ еще ѣхать въ Кіевъ, тамъ учиться, въ самомъ гнѣздѣ этой латыни: хороши оттуда воротятся! Такъ толковали въ Москвѣ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Расколъ былъ уже тутъ, родился, родился изъ неминуемаго столкновенія старыхъ учителей съ новыми. Понадобилось исправить книги церковныя для печати; поручили дѣло самымъ разумнымъ, знающимъ изъ старыхъ учителей, самымъ виднымъ протопопамъ: книги исправили, напечатали, а новые учителя, греческіе и малороссійскіе монахи, говорятъ, что дѣло сдѣлано не такъ, что, вмѣсто исправленія, книги испорчены, и патриархъ поручаетъ снова исправлять книги новымъ учителямъ. Каково же старымъ? До сихъ поръ они имѣли авторитетъ неприкосновенный, слыли знатоками, а теперь объявлены невѣждами, ошозорены на весь міръ, и гѣмъ? пришлыми кіевскими и греческими монахами; да сами-то эти монахи чтѣ знаютъ, чему учать! сами-то православны ли! Народившійся уже прежде расколъ выросъ. Легко понять впечатлѣніе, произведенное на многихъ объявленіе старыхъ учителей, непотерявшихъ своего авторитета, что новые учителя, греческіе и кіевскіе монахи, принесли новизны, ереси латинскія: западные русскіе люди давно уже связались съ латинянами, да и Греки отступили отъ православной вѣры, и книги свои печатають въ латинскихъ типографіяхъ. Большинство удержалось при авторитетѣ церковнаго и гражданскаго правительства, принявшаго сторону новыхъ учителей; но извѣстная часть народонаселенія объявила себя на сторонѣ старыхъ учителей, вслѣдствіе чего должна была отвергнуть авторитетъ церковнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданскаго правительства, «раскольщики, церковные мятежники» явились и мятежниками гражданскими, не признававшими власти, которая, въ ихъ глазахъ, гнала правую вѣру, власти антихристовой. То, чтѣ, по извѣстному закону, бываетъ всегда и вездѣ слѣдствіемъ внезапнаго освобожденія отъ

какого бы то ни было авторитета, произошло теперь и въ Россіи въ области раскола. Отвергнувши разъ авторитетъ церковнаго правительства, единое для всѣхъ обязательное ученіе и правило, расколь, не имѣя возможности составить изъ себя церкви съ единымъ правительствомъ, долженъ былъ распрыснуться на множество толковъ по множеству толковниковъ, не сдерживаемыхъ въ своихъ толкованіяхъ никакою властію, никакимъ авторитетомъ. Послѣ того какъ разъ извѣстный авторитетъ, власть отвергнута, является сильное стремленіе высвободиться отъ всякаго авторитета, отъ всякой власти отъ всякихъ общественныхъ и нравственныхъ узъ. Гусситское освобожденіе въ Чехіи отъ авторитета римской церкви быстро повело къ таборитству, къ коммунизму; лютерово освобожденіе въ Германіи отъ авторитета той же церкви повело къ такому же явленію въ анабаптизмъ. Подобное же стремленіе къ крайностямъ свободы явилось и у насъ въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ толкахъ.

Здѣсь, разумѣется, можетъ родиться вопросъ: зачѣмъ было доводить раскольковъ до этихъ крайностей? зачѣмъ было преслѣдовать ихъ за различіе въ обрядахъ, за буквы, за вещи несущественныя? Отчего было не позволить имъ употреблять старыя книги, оставаться при старыхъ обрядахъ? Подобные вопросы, обличающіе неумѣнье отрѣшиться отъ настоящаго времени и привычку переносить его требованія въ вѣка минувшіе, сильно вредятъ изученію исторіи, правильному пониманію прошедшаго, а слѣдовательно и настоящаго, связи между ними. Вопервыхъ, если православный говорилъ раскольнику, что можетъ креститься какъ хочетъ, то раскольникъ отъ этого не переставалъ называть православнаго слугою антихристовымъ за трехперстное сложеніе. Вовторыхъ, одно явленіе повѣряется другимъ. Если въ XVII вѣкѣ явились люди, которые, смѣшивая существенное съ несущественнымъ, готовы были умереть за двуперстный крестъ и т. п., то какое право получаемъ мы предполагать, что другіе, употреблявшіе трехперстное сложеніе, всѣ вдругъ поднялись на такую высоту, что могли отличать существенное отъ несущественнаго и снисходительно смотрѣть на заблужденія меньшей братіи? Люди, которыхъ авторитету они подчинялись, сказали имъ, что трехперстное сложеніе правильнѣе, они приняли это болѣе правильное употребленіе и этимъ порознились отъ людей,

оставшихся при двуперстномъ сложеніи; но во взглядѣ на важность дѣла они нисколько не разнились; какъ послѣдователи двуперстнаго сложенія были убѣждены, что это необходимое условіе для спасенія и считали крестившихся тремя пальцами врагами Божиими, слугами антихристовыми, съ которыми нельзя имѣть никакого сношенія, точно также должны были смотрѣть на нихъ и противники ихъ, ибо вовсе не было условій, по которымъ бы они могли смотрѣть иначе. Церковный мятежникъ! мятежникъ противъ самого Бога! Что могло быть хуже этого? какое снисхожденіе можно было оказать такому человѣку? Люди, которые преслѣдовали раскольниковъ за двуперстное сложеніе, эти же самые люди провозглашали, что брить бороду значило исказить въ себѣ образъ Божій и уподобляться псамъ или котамъ—ясный знакъ, что взглядъ былъ вездѣ одинъ и тотъ же, вслѣдствіе чего могла быть только ожесточенная борьба безъ уступокъ и сдѣлокъ. Переимѣна взгляда, умѣнье отличать существенное отъ несущественнаго могло явиться при вліяніи новыхъ условій не ранѣе, какъ слишкомъ черезъ столѣтіе, тутъ только явилась и возможность снисхожденія, возможность уступокъ и сдѣлокъ. Архіерей въ родѣ московскаго митрополита Платона могъ явиться только во второй половинѣ XVIII, а не во второй половинѣ XVII вѣка, когда происходило, напримѣръ, слѣдующее: въ 1655 году прислали Бѣлоруссовъ въ Вологду, и священники обратились къ архіерею съ вопросомъ, пускать ли ихъ въ церковь и ходить ли къ нимъ съ требамъ? Архіерей къ патріарху, и тотъ отвѣчалъ: «если кто не истинно крещенъ, обливанъ, тѣхъ крестить снова, а умершихъ погребать»<sup>90</sup>.

Столкновеніе между старыми и новыми учителями повело къ расколу, къ церковному мятежу. Съ этимъ мятежемъ противъ своей власти и ученія духовенство не могло такъ скоро сладить, какъ, напримѣръ, свѣтское правительство следило съ мятежемъ Стеньки Разина. Церковный мятежъ сдѣлался постояннымъ, духовенство приобрѣло постоянныхъ внутреннихъ злыхъ враговъ, которые нисколько его не щадили въ своихъ жалобахъ и обличеніяхъ. Но обличенія слышались не отъ однихъ раскольниковъ. Общество видимо тронулось; началось колебаніе, тряска, которыя не позволяли пребывать въ покоѣ. Тяжелое чувство собственныхъ недостатковъ, сознаніе, что отстаи, что у другихъ лучше и на-

добно перенимать это лучшее, учиться, — не покидали лучших русских людей, откуда стремление прислушиваться къ чужимъ рѣчамъ, обращать вниманіе на указанія съ разныхъ сторонъ, что и то и другое не такъ. Такое время обыкновенно бываетъ богато обличеніями, богато распоряженіями, хлопотами о прекращеніи сознанаго, обличеннаго зла, о прекращеніи виѣшними средствами, и потому быющими обыкновенно мимо. Вопіющее, кидавшееся въ глаза и чужимъ и своимъ зло было страшное пьянство. Иностранцы повторяли: «Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы пьянство было такимъ общимъ порокомъ, какъ въ Московіи. Всѣ, какого бы званія, пола и возраста ни были, духовные и свѣтскіе, мужчины и женщины, молодые и старые, пьютъ водку во всякій часъ, прежде, послѣ и во время обѣда»<sup>11</sup>. Архіерей пишетъ окружное посланіе духовенству своей епархіи: «Учили бы вы людей Божіихъ каждый день съ прилежаніемъ. А какъ случится вамъ читать поученіе отъ божественнаго писанія, тогда бѣ одинъ читалъ, а другой за нимъ толковалъ, а хорошо, если бѣ кто и читалъ и толковалъ самъ, чтобъ простымъ людямъ было что принять отъ васъ. Видимъ, что въ простыхъ людяхъ, особенно же и въ духовныхъ чинахъ укоренилась злоба сатанинская безмѣрнаго хмѣльнаго упиванія, а такое сатанинское ухищреніе многихъ людей отлучаетъ отъ Бога»<sup>12</sup>. Легко было написать: читайте и толкуйте, когда было тяжело, не было умѣнья къ этому дѣлу да и нигдѣ не водилось. Давно уже, въ продолженіе вѣковъ, повторялось о хмѣльномъ упиваніи какъ о сатанинскомъ ухищреніи, и все понапрасну. Въ обществахъ, подобныхъ русскому XVII вѣка, въ обществахъ, слабахъ внутренно, всего крѣпче вѣра во виѣшнюю силу. Правительство распоряжается всѣмъ, можетъ все сдѣлать. Игуменъ бьетъ челомъ великому государю, что безъ царскаго указа ему нельзя справиться съ братією: «отъ пьянства бываетъ многая вражда и мятѣжи; иные священники, клирошане и простая братія въ томъ обычай закоснѣли, и отъ такого нестроенія игуменамъ бываютъ перемѣны частыя; безъ игуменовъ въ монастырѣ проходило многое время и привыкли жить по своей волѣ»<sup>13</sup>. Царь шлетъ грамоты, чтобъ въ монастыряхъ не держали хмѣльнаго питья, потому что усиленіе пьянства грозило иноческому чину совершеннымъ разрушеніемъ<sup>14</sup>. Но черезъ нѣсколько лѣтъ опять шлются царскія грамоты по монастырямъ съ новыми обличеніями, слѣдова-

тельно съ признаніемъ, что прежніе указы остались безъ дѣйствія: «Въ московскихъ, въ ближнихъ и дальнихъ, степенныхъ и нестепенныхъ монастыряхъ, архимандриты, игумены, келаря и строители, казначей и священники, и братья на монастырскихъ погребяхъ и по кельямъ у себя держать хмѣльное питье, вино, пиво и медъ, и отъ того хмѣльнаго питья церкви Божіи бываютъ безъ цѣнія. Архимандриты, игумены, келаря, казначей и соборные старцы во всѣхъ монастыряхъ держать у себя дѣтей, братью и племянниковъ и внучатъ, и даютъ имъ монастырскій хлѣбъ и всякій запасъ и изъ монастырской казны деньги; да они жъ власти отпускаютъ монастырскихъ слугъ въ монастырскія вотчины на жалованье, и какъ эти слуги съ жалованья въ монастырь прѣзжаютъ, и съ нихъ берутъ власти, и дѣти ихъ и племянники и внучата посулы и поминки, деньгами, виномъ и медомъ, кунцами и всякими гостинцами; а кто ихъ не почититъ, тѣмъ, приметываясь для мзды, чинятъ побой и изгони большія; также и съ монастырскихъ вотчинныхъ крестьянъ, отъ дѣль и не отъ дѣль, посулы и поминки берутъ. Да власти же ѣздятъ къ мірскимъ людямъ въ дома на пиръ и бражничаютъ, и за то ссужаютъ ихъ монастырскимъ хлѣбомъ и денежною казною»<sup>95</sup>. Прошло двадцать лѣтъ, и новгородскій митрополитъ въ своей грамотѣ повторяетъ: «Игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы хмѣльнымъ питьемъ до пьянства упиваются, о церкви Божіей и о дѣтяхъ своихъ духовныхъ не радѣютъ, и всякое безчиніе во всякихъ людяхъ чинится: сдѣлать заказъ крѣпкій, чтобъ игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы, и старцы и черницы на кабакъ пить не ходили, и въ мірѣ до великаго пьянства не упивались, и пьяные по улицамъ не валялись бы»<sup>96</sup>.

Церковные соборы также не щадили обличительныхъ рѣзкихъ словъ. Соборъ 1667 года постановляетъ, чтобъ священники учили дѣтей своихъ и приготавливали ихъ такимъ образомъ на свои мѣста, а не оставляли дѣтей своихъ наслѣдниками мамонѣ, не торговали Христовою церковію, не допускали ставить въ священство сельскихъ невѣждъ, изъ которыхъ шны и скота пасти не умѣютъ, не только людей: отсюда въ церкви Божіей мятежи и расколы<sup>97</sup>.

Въ обличеніяхъ не было недостатка въ XVII вѣкѣ. Явленіе естественное и необходимое въ переходное время. Негодованіе и



сильныя выраженія насчетъ пьянства, невѣжества пошли въ ходъ. Но кто обличалъ? Очень незначительное меньшинство, или, что еще важнѣе, обличали иностранцы, пришельцы, и русскіе обличали подъ ихъ вліяніемъ, по ихъ указаніямъ. Обличенія не помогаютъ, не исправляютъ, когда нѣтъ внутренней, давней подготовки къ исправленію, когда нѣтъ условій, благопріятствующихъ этому исправленію; обличеніе можетъ только заставить искать этихъ условій, и если общество юно и крѣпко, имѣетъ жить, то эти условія и начнутъ производить свое дѣйствіе, готовить общество къ исправленію; но сколько для этого нужно времени? а между тѣмъ обличенія, явившіяся вдругъ, извнѣ, безъ внутренняго приготовленія, могутъ вести къ печальнымъ явленіямъ. Извѣстно, что до указаній, сдѣланныхъ во второй половинѣ XVII вѣка греческими и западно-русскими духовными лицами, правила, установленныя Стоглавомъ, имѣли для всѣхъ авторитетъ непревѣдимый. Но вдругъ соборъ 1666 года постановляетъ: «писано неразумно, простотою и невѣжествомъ въ книгѣ Стоглавѣ, и клятвы безъ разсужденія и неправедно положена: мы православные патріархи и весь освященный соборъ ту неправедную и безразсудную клятву разрѣшаемъ и разрушаемъ, и тотъ соборъ не въ соборъ и клятву не въ клятву и ни во что вѣнчаемъ, какъ бы ея вовсе и не было, потому что Макарій митрополитъ и бывшіе съ нимъ мудрствовали невѣжествомъ своимъ безразсудно, восхотѣли сами собою, не согласясь съ греческими и съ древними хараейными Словенскими книгами, со вселенскими св. патріархами не посовѣтовались и не спросили ихъ»<sup>28</sup>. Дѣйствіе было сильное, ошеломляющее. Невѣжи постановили, и цѣлое общество, опять по невѣжеству, послѣдовало безразсуднымъ постановленіямъ. Тутъ, съ одной стороны, сильный упоръ вслѣдствіе оскорбленія разныхъ чувствъ: «всѣ мы были невѣжды, отцы наши были невѣжды!» сильное оскорбленіе вызываетъ вопросъ: такъ ли? и заставляетъ рѣшать его отрицательно. Съ другой стороны и тѣ, которые подчинились авторитету обличителей, признали свое невѣжество и невѣжество отцовъ своихъ, чрезъ это признаніе не получили вдругъ средствъ освободиться отъ своего невѣжества, и, кромѣ указаннаго греческими патріархами, на другія постановленія того же Стоглава продолжали смотрѣть по прежнему, продолжали смотрѣть на несущественное какъ на существенное, про-

должали освящать то, что вовсе не требовало освященія; преслѣдуя однихъ за двуперстное сложеніе, преслѣдовали другихъ за брадобритіе, за подстриганіе волосъ, за такіе «Еллинскіе, блудническіе, гнусныя обычаи»<sup>99</sup> отлучали отъ церкви, отлучали и тѣхъ, которые имѣли общеніе съ брадобритцами.

Мы видѣли, что въ 1655 г. патріархъ Никонъ отвѣчалъ вологодскому духовенству на вопросъ о православныхъ Бѣлоруссахъ, что если они *обливаны*, то надобно ихъ крестить снова. Въ одиннадцать лѣтъ взглядъ не могъ перемѣниться; но вопросъ подымался извнѣ: на соборѣ 1667 года два патріарха александрійскій и антиохійскій рѣшили, что и латынь перекрещивать не слѣдуетъ. Имъ представили на видъ противоположное рѣшеніе собора при патріархѣ Филаретѣ 1621 года; патріархи не могли отозваться о царскомъ дѣдѣ, какъ отозвались о митрополитѣ Макаріи, и оговорились: «если кто станетъ негодовать, затѣмъ уничтожено постановление собора, бывшаго при св. патріархѣ Филаретѣ, то пусть не соблазняется и вѣдаетъ, что и въ древнія времена одинъ соборъ исправлялъ рѣшенія другаго»<sup>100</sup>.

Но для нѣкоторыхъ соблазнъ былъ страшный: въ короткое время разрушены были постановленія прежнихъ соборовъ, и одинъ изъ нихъ, древнѣйшій, обвиненъ въ невѣжествѣ и неразуміи. Авторитету нанесенъ былъ сильный ударъ, почва заколебалась подъ ногами: думая удержаться отъ паденія, одни обѣими руками схватились за старое, за старые авторитеты; другіе, допустивши движеніе, остановились на опасной полудорогѣ, между двухъ огней, соединивши православіе съ бородою и длинными волосами. Правительство гражданское, думая ратовать за древнее благочестіе, подало имъ руку. Патріархъ Іоакимъ говорилъ въ послѣдствіи, что гнусный обычай брадобритія во дни царя Алексѣя Михайловича былъ совершенно искорененъ. Дѣйствительно мы знаемъ, напримѣръ, что князь Кольцовъ-Мосальскій написанъ былъ изъ стряпчихъ по жилецкому списку за то, что у себя волосы подрѣзавъ<sup>101</sup>. Но эти внѣшнія средства могли ли помочь въ то время, когда новые учителя, новые авторитеты, требующіе признанія и подчиненія, являлись не въ видѣ только православныхъ греческихъ и западно-русскихъ монаховъ? Нудящія потребности государства были въ такихъ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, которымъ не могли научить монахи. Волею-неволею нужно было

обратиться къ иноземнымъ и иновѣрнымъ учителямъ, которые и нахлынули и, разумѣется, съ требованіями признанія своего превосходства. Превосходство было признано; важные лица на верху постоянно толковали, что въ чужихъ земляхъ не такъ дѣлается какъ у насъ и лучше нашего. Но какъ скоро превосходство иностранца было признано, какъ скоро явилось ученическое отношеніе русскаго человѣка къ иностранцу, то необходимо начиналось подражаніе, а подражаніе это, по естественному ходу дѣлъ, начиналось съ виѣшняго. Русскій человѣкъ брилъ бороду, подстригалъ волосы, за это его писали изъ стряпчихъ по жилецкому списку. Онъ преклонялся предъ силою, но дѣйствіе силы не могло уже получить оправданія въ его глазахъ и потому сильно раздражало. Онъ хорошо зналъ, вслѣдствіе подчиненія чьему авторитету правительство гражданское писало его изъ стряпчихъ въ жильцы; но развѣ этотъ авторитетъ не былъ поколебленъ? развѣ обличенія не произвели своего дѣйствія, не освѣтили того, что прежде въ темнотѣ было не видно? А тутъ цѣлая толпа новыхъ обличителей, разумѣется, съ сильно пущеннымъ въ ходъ словомъ: *невѣжество*, съ могущественными побужденіями къ обличенію, потому что столкновение между старыми и новыми учителями послѣдовало, взаимная ненависть разгорѣлась: не молчалъ иностранецъ предъ человѣкомъ, который не признавалъ въ немъ образа и подобія Божія, который внушалъ, что надобно выжить вреднаго пришельца. И пришлецъ позволялъ себѣ не одни обличенія и насмѣшки. До насъ дошла любопытная челобитная Колоничей на майора Цей съ товарищами, которые «чинили имъ обиды и налоги великіе, въ торгахъ всякій товаръ грабили, людей по улицамъ били и грабили. Ночью, послѣ барабаннаго боя, съ солдатами по улицамъ ходили, поповъ хватили, били и увѣчили, отводили къ майору на дворъ, запирали въ подклѣтъ и мучили для своей бездѣльной корысти; посадскимъ людямъ въ воскресенье въ церковь ходить нельзя было»<sup>102</sup>.

При такомъ трудномъ положеніи русскаго духовенства во второй половинѣ XVII вѣка, въ эпоху народнаго поворота на новый историческій путь, вмѣсто поддержки съ равныхъ сторонъ удары. Такъ сильный ударъ нанесло ему Никоново дѣло. По видимому, передъ началомъ труднаго времени исторія хотѣла дать духовенству могущественнаго вождя, который бы помогъ ему сдержать

напоръ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и выйти съ побѣдою изъ борьбы. Въ самомъ дѣлѣ, со временъ митрополита Алексія русская церковь никогда еще не была въ такомъ выгодномъ положеніи касательно значенія своего верховнаго пастыря, какъ во времена Никона. Молодой, мягкій по природѣ, благочестивѣйшій не по одному титулу царь вполне подчиняется энергическому патріарху. Но это самое положеніе, это обиліе матеріальныхъ мірскихъ средствъ и заключаетъ въ себѣ причину паденія Никона, который, какъ человѣкъ плоти и крови, не выдержалъ искушенія, предъстился предложеніемъ царствъ, и палъ. Никонъ позволилъ себѣ принять роковой титулъ «великаго государя,» т.-е. главнаго хозяина, главнаго правителя страны, титулъ, не могшій имѣть никакого отношенія къ значенію патріарха; титулъ, прямо указывавшій на двоевластіе, на то, что два хозяина въ домѣ, и влекшій необходимо къ столкновенію между ними, тѣмъ болѣе, что Никонъ, по природѣ своей, не могъ быть только титулярнымъ великимъ государемъ. Патріаршество, высокое духовное значеніе стало для Никона на второмъ планѣ, онъ бросился на мірскую власть, захотѣлъ быть настоящимъ великимъ государемъ, столкнулся необходимо съ другимъ великимъ государемъ, настоящимъ, законнымъ, и проигралъ свое дѣло, потому что сталъ въ видимо для каждаго незаконное положеніе. Поведеніе Никона съ минуты отреченія представило рядъ скандаловъ, ронявшихъ все болѣе и болѣе бывшаго патріарха, который совершенно потерялъ изъ виду церковь, патріаршество, и хлопоталъ только о томъ, чтобы ему, Никону, если нельзя возвратить вполне все прежнее, то, по крайней мѣрѣ, удержать какъ можно больше изъ своего прежняго значенія, изъ прежнихъ матеріальныхъ выгодъ; но въ какомъ бы печальномъ состояніи ни находилось общество, все же оно не могло не оттолкнуться отъ человѣка, который великое общественное дѣло совершенно превратилъ въ личное. Никонъ проигрывалъ свое дѣло тѣмъ, что велъ борьбу съ Алексѣемъ Михайловичемъ, котораго благочестіе и благоговѣнное уваженіе къ церковнымъ властямъ было хорошо всѣмъ извѣстно, и тѣмъ сильнѣе бросалась въ глаза печальная противоположность между мягкостію представителя свѣтской власти и жесткостію представителя власти духовной, архіерея, монаха, который скорѣе всякаго воеводы готовъ былъ давать чувствовать свою власть и силу. Такимъ

образомъ вторая половина XVII вѣка представила явленіе совершенно обратное тому явленію, какое мы видѣли во второй половинѣ XVI вѣка. Тогда произошло также столкновеніе между представителями свѣтской и духовной власти и, повидимому, побѣда осталась на сторонѣ перваго; но это было только повидимому. Поведеніе св. Филиппа, его мученичество за самое святое право пастыря церкви, право сдерживать силу, не допускать ее до насилій, были великимъ торжествомъ для русской церкви и ея верховнаго пастыря, ибо высшая степень могущества, до котораго можетъ достигать духовная власть по своей природѣ—это святость, это мученичество вслѣдствіе исполненія своей обязанности полагать душу за овцы, а низшая ступень, до которой можетъ ниспасть представитель свѣтской власти—это мучительство, мучительство надъ праведникомъ. Никонъ, по своей природѣ, не умѣлъ понять этого великаго явленія, смотрѣлъ на него не духовными глазами: что поражало и раздражало видимое низложеніе представителя духовной власти представителемъ свѣтской, онъ не понималъ, что побѣдилъ здѣсь тотъ, кто спасъ свою душу, погубивши ее. При такомъ непониманіи сущности дѣла, Никону хотѣлось, какъ онъ думалъ, поправить его и заставить царя Алексѣя Михайловича послать къ гробу св. Филиппа умилюющую грамоту, просить прощеніе за Іоанна Грознаго. Переноса мощи св. Филиппа изъ Соловокъ въ Москву, Никонъ хотѣлъ ихъ сдѣлать щитомъ для себя, но въ какой борьбѣ и съ кѣмъ? Онъ не понималъ, что по характеру своему былъ болѣе похожъ на Іоанна Грознаго, чѣмъ на Филиппа, былъ болѣе похожъ на мучителя, чѣмъ на жертву, и что тишайшій Алексѣй Михайловичъ не былъ вовсе похожъ на Грознаго.

Недуховныя стремленія Никона были особенно вредны въ то время, когда, въ виду страшнаго переворота, нужно было собрать нравственныя силы духовенства и дать ему достойное вооруженіе для разнаго рода опасныхъ встрѣчъ. Чтобы поддержать значеніе духовенства, нужно было стать въ челѣ движенія, совершавшагося безъ спросу съ кѣмъ бы то ни было, нужно было начать преобразованія въ церкви; но эти преобразованія нельзя было ограничить требованіями большаго порядка во внѣшнемъ богослуженіи, разсылкою нѣсколькихъ благонамѣренныхъ указовъ, причемъ посылались указы и о томъ, чтобы перекрещивать пра-

юславныхъ Бѣлоруссовъ: церковь требовала преобразованій другаго рода. Нужно было соединять духовенство, раздѣлявшееся на черное властвующее и бѣлое подчиненное, соединять любовными, благодушными отношеніями властвующаго къ подчиненному; нужно было всѣми силами противодѣйствовать утвержденію въ духовномъ управленіи системы кормленія, чтобы на подчиненное духовенство не смотрѣли какъ только на тяглое, обязанное кормить начальствующихъ, чтобы эти начальствующіе не заражались властелинскимъ, воеводскимъ духомъ, и чтобы подъячіе ихъ не были похожи на воеводскихъ подъячихъ. Къ несчастію, не только мелочной Іосифъ, но и преемникъ его Никонъ, по характеру своему, не былъ способенъ мягко и благодушно относиться къ подчиненнымъ, уважать въ нихъ высоту пастырскаго сана и поднимать ихъ этимъ самымъ уваженіемъ. Послышались сильныя жалобы на Іосифа и Никона, что они перемѣнили прежнее благодушное обращеніе патріарховъ съ священниками, перестали обращать вниманіе на ихъ положеніе, отдали ихъ на жертву своему ненасытному дьяку, этому Кokoшилову, пріобрѣтшему такую печальную извѣстность въ Москвѣ: священникъ долженъ былъ дарить не только Кokoшилова и жену его, но и слугъ, иначе просителя и на дворъ не пускали. Въ областяхъ то же самое: въ большіе праздники подчиненнымъ нужно было обдарить болѣе сорока лицъ, приближенныхъ къ архіерею: казначея, приказнаго, двухъ дьяковъ, шестерыхъ подъячихъ, стряпчаго, дворецкаго, житника, ключника, ризничаго, чашника, гвоздаря, придѣльнаго попа и дьякона, архіерейскихъ келейниковъ, казначейскаго келейника, пономарей и звонарей, приказнаго сторожа, воротнаго сторожа, протопопа съ братією, подъяконовъ, іеромонаховъ, іеродьяконовъ. Мы теперь не можемъ объяснить, какимъ образомъ въ этотъ списокъ даримыхъ попали двѣ женщины, и одна съ двумя сыновьями, изъ которыхъ каждого должно было дарить; про то знали современники <sup>103</sup>. Для священника двери патріаршаго дома были закрыты, не смѣлъ онъ придти къ патріарху, поговорить о важныхъ дѣлахъ, касавшихся его служенія, испросить разрѣшенія недоумѣній; а для мірянъ, для женщинъ двери были открыты. Мы не можемъ отвергать этихъ жалобъ на томъ основаніи, что они шли отъ защитниковъ Іосифовскаго исправленія книгъ, ибо жалобщики соединяютъ Никона съ Іосифомъ, упрекаютъ Ни-

кона за то, что онъ подражалъ Іосифу. По удаленіи Никона наступило въ церкви продолжительное междупатріаршіе, которое также должно было имѣть вредныя послѣдствія для духовенства въ такое важное для него время. Знаменитый Кокوشيловъ остался съ прежнимъ значеніемъ и жалобы на него не прекратились. Въ 1661 году били челомъ на него патріаршіе дѣти боярскіе: «обогатясь многою домовою казною, началъ нынѣ принимать въ патріаршій домъ племянниковъ своихъ и богатить ихъ, а насъ изгоняетъ и губить; принявъ онъ въ патріаршій домъ племянника своего и отпустилъ его на двѣ десятины лучшія, а прежде на тѣ десятины посылаваны мы на жалованье, человека по два и по три, а иныя десятины, на которыхъ десятильничья доходу собирается побольше, Кокوشيловъ беретъ за себя. Покупилъ себѣ многія вотчины и на Москвѣ большіе дворы. Дѣлаетъ это, надѣясь на свою мочь, что сидитъ въ патріаршихъ приказахъ, *обрава* зятями своими и друзьями.» Наконецъ соблазнъ Никонова дѣла былъ вреденъ православной церкви въ борьбѣ ея съ расколомъ; раскольники получили возможность говорить: «аще Никонъ, наставникъ вашъ, правый путь вамъ обрѣте, то почто его изгнаете? Когда ученицы на учителя своего ратуютъ? Аще ли Никонъ врагъ Богу и Богородицѣ и святымъ Его и вамъ, то почто его пестрые законы держите?» <sup>104</sup>.

Кончилось Никонovo дѣло; но печальное впечатлѣніе, какое оно должно было произвести, подновилося дѣломъ коломенскаго архіепископа Іосифа. Этотъ архіерей позволялъ себѣ сердиться на то, что при общей земской тяжести отъ продолжительныхъ войнъ, подати падали и на церковныя имущества. Станетъ Іосифъ *прохладеи* (навеселѣ), и не щадитъ никого, ни царя, ни патріарха, ни бояръ, говоритъ про великаго государя, что «не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить, люди имъ владѣютъ; прежніе государи святыя мѣста снабжали, а теперь разоряютъ, берутъ всякія подати лишнія большія; а бояре, Хамовъ родъ, государь того и не знаетъ, что они дѣлаютъ; а патріархъ Іоакимъ мало и грамотѣ умѣетъ; на соборѣ только и говоритъ нижегородскій митрополитъ да я, а патріархъ только бороду уставя сидитъ, ничего не знаетъ, непостояненъ, трусъ, прикажетъ благовѣстити то такъ, то иначе, а поученіе станеть читать, только гноить, и слушать нечего.» Іосифъ тронулся новымъ време-

нѣтъ: позорить патріарха за невѣжество, за неумѣнье говорить на соборѣ, читать поученіе. Но требовательный мудрецъ не понималъ одного, что высшая мудрость для архіерея состояла въ умѣньѣ самому привыкнуть и другихъ приучить къ христіанскому обращенію съ ближними, заставлять дурного воеводу перемѣнять свое обращеніе съ подчиненными, а не самому превосходить жестокостями самаго дурнаго воеводу: «Кого начнетъ смирять Іосифъ, кричитъ: «Кто васъ у меня отниметъ? не боюсь я никого, ни царь, ни патріархъ васъ у меня не отниметъ.» Виноватымъ наказанья были жестоки: били шелепами и плетью, сажали на цѣпи, дня по три ѣсть не давали; холодною водою со снѣгомъ за заутренею соборныхъ поповъ и пѣвчихъ знобили, водою поливали, снѣгъ за пазуху клали, какого то Петрушу Кириллова самъ архіерей на молебнѣ въ соборной церкви зашибъ до крови; поповъ билъ плетью нагихъ и приговаривалъ: «бей гораздо, мертвые наши!» Іосифъ на соборѣ во всемъ заперся, на очныхъ ставкахъ противъ свидѣтельствъ никакого отвѣта не далъ. Соборъ произнесъ низверженіе; патріаршая грамота, перечисляя вины Іосифа, между прочимъ говорить: «звѣрскимъ весьма образомъ и стремленіемъ уловляше овцы во снѣдь своего звѣрообразнаго глосченія, сирѣчь беззѣрнаго мздоманія и неправды. Ему же никакого же оправданія во своихъ винахъ намъ изнесшу и отъ обличникъ своихъ во всемъ обличену и укорену бывшу и весьма яко нѣму и безгласу стоящу.» Іосифъ былъ сосланъ въ одинъ изъ новгородскихъ монастырей, но съ правомъ управлять имъ.

Въ ноябрѣ 1674 года государь жилъ въ Преображенскомъ вдругъ пріѣзжаетъ къ нему стольникъ Посниковъ, сынъ его духовника съ челобитьемъ отъ отца: духовникъ писалъ, что патріархъ Іоакимъ велѣлъ посадить его въ смиренье на цѣпь безвинно, такъ чтобъ великій государь изволилъ придти въ Москву и его изъ смиренья освободить. Можно догадываться, что вѣсть о Конотопскомъ или Чудновскомъ пораженіи производила не болѣе сильное впечатлѣніе на благочестиваго царя. Онъ велѣлъ сказать духовнику, что будетъ въ Москвѣ завтра рано поутру нарочно; пріѣхалъ, позвалъ самыхъ близкихъ къ себѣ людей—Долгорукаго, Хитрова, Матвѣева, послалъ за патріархомъ; тотъ явился и «протопопово неистовство, невѣжество и мздомство многое извѣщалъ: держать у себя жонку многое время, духовника патріар-



шаго къ себѣ не пустилъ и его патріарха безчестилъ.» Патріархъ сердить, улики явныя—жонка, отъ которой Іоакимъ уже успѣлъ отобрать показаніе. Царь съ просьбами къ патріарху, и тотъ умиловившись, оставилъ протопопа подѣ запрещеніемъ до собора. Но скоро подошелъ патріаршій праздникъ Петра митрополита (21 декабря); Іоакимъ, по обычаю, пришелъ во дворецъ звать государя къ себѣ обѣдать; Алексѣй Михайловичъ воспользовался этимъ случаемъ и упросилъ патріарха простить духовника и не поднимать дѣла на соборѣ <sup>105</sup>.

Такія явленія происходили въ Москвѣ, въ Коломнѣ; но что могло происходить подалеже, тамъ, гдѣ было до Бога высоко, до царя далеко? Изъ тотемскаго уѣзда, напримѣръ, дали знать, что тамъ появились разбойники: въ разбояхъ участвовалъ и грабежную рухлядь укрывалъ строитель Тафтенской пустыни, старецъ Терапонтъ <sup>106</sup>.

Никонъ, Іосифъ Коломенскій жаловались на разоренье: но общество не могло сочувствовать ихъ жалобѣ, во первыхъ потому, что терпѣли всѣ за общее народное дѣло, терпѣли всѣ отъ войны, начатой за православіе; во вторыхъ всѣ знали, что архіереи не разорены. Въ 1653 году посылаемы были государевы дворяне въ патріаршую область описывать въ городахъ и уѣздахъ приходскія церкви и во дворахъ церковниковъ, церковную землю и всякія усадьбы, и прихожанъ по именамъ, и описавши, окладывали данью: съ попова двора по 4 деньги, съ дьяконова по 2, дьячкова, пономарева, просвирницына и бобыльскихъ по деньгѣ; съ боярскихъ, княженецкихъ, дворянскихъ, дѣтей боярскихъ и государевыхъ дворцовыхъ или съ прикащиковыхъ по 6 денегъ съ двора, съ посадскихъ и крестьянскихъ по 4, съ казачьихъ, стрѣльцовыхъ и пушкарскихъ по 2, съ бобыльскихъ и боярскихъ дѣловыхъ людей по деньгѣ; съ бортныхъ ухажаевъ, съ рыбныхъ ловель и бобровыхъ гоновъ съ знамени по 3 алтына съ деньгою; съ церковной земли съ пашни съ четверти по 3 деньги, съ сѣнныхъ покосовъ по двѣ деньги съ копны; да сверхъ этого оклада десятильничьихъ и за ѣзду по 3 алтына по 2 деньги съ церкви, да казенныхъ платежныхъ пошлинъ по 3 алтына по 3 деньги съ церкви <sup>107</sup>. И другіе архіереи также окладывали для себя свои епархіи. Въ пользу архіереевъ собирались также вѣнечныя и похоронныя пошлины. Наконецъ были и другія вспоможенія. Ростов-

сий митрополить Іона писалъ одному ярославскому священнику: «помози тебѣ Богъ, что ты насъ кормишь волгскою свѣжею рыбою; богатѣе ты всѣхъ своихъ братья ярославскихъ поповъ» <sup>108</sup>. Во второй половинѣ XVI вѣка, при Іоаннѣ Грозномъ, на соборѣ было постановлено прекратить дальнѣйшее увеличеніе монастырской земельной собственности. Но постановленіе не соблюдалось. При составленіи уложенія всѣ свѣтскіе чины били челомъ, чтобъ государь указалъ вотчинныя земли, которыя даны духовенству послѣ 1580 года вопреки уложенію царя Іоанна, взять на себя и велѣть раздать ихъ служилымъ людямъ <sup>109</sup>. Велѣно эти земли переписать, но на этомъ дѣло и остановилось: царь Алексѣй Михайловичъ, особенно въ патриаршество Никона, не былъ способенъ провести такую мѣру, а былъ способенъ продолжать нарушение постановленія царя Іоанна: такъ въ 1654 году онъ далъ Иверскому монастырю, который строилъ Никонъ, цѣлый пригородъ Холмъ <sup>110</sup>.

Алексѣй Михайловичъ отступился также отъ мѣры относительно дѣтей бѣлаго духовенства. Не всѣ сыновья духовныхъ лицъ и церковныхъ причетниковъ могли получить мѣста при церквяхъ: кромѣ того, что ихъ было больше, чѣмъ мѣстъ, для занятія этихъ мѣстъ требовалось необходимое условіе—грамотность, которому не всѣ могли удовлетворить; безграмотный не могъ поступить и въ подьячіе; что же ему оставалось дѣлать? Правительству давали знать, что эти безграмотные дѣти бѣлаго духовенства «живутъ въ гулякахъ, ходятъ за неподобными промыслами и воровствомъ». Чтобы найти имъ лучшее занятіе въ концѣ 1660 года, когда затянувшаяся война потребовала увеличенія числа ратныхъ людей, изданъ былъ указъ о взятіи на службу лишнихъ людей священно-и-церковно-служительскихъ: брать отъ двоихъ третьяго, отъ четырехъ двоихъ, смотря по людямъ; а у церквей съ отцами оставлять тѣхъ, которые умѣютъ грамотѣ, чтобъ у церквей безпѣнія не было. Но указъ, какъ видно, произвелъ сильныя жалобы, а жалобы духовенства производили на Алексѣя Михайловича сильное впечатлѣніе, и въ началѣ слѣдующаго года новыи указъ: «мы, великій государь, протопоповъ, поповъ, дьяконовъ и всякихъ церковныхъ причетниковъ пожаловали, дѣтей ихъ въ службу писать не велѣли, а велѣли имъ быть у церквей Божіихъ въ церковныхъ причетникахъ, а инымъ въ добрыхъ и законныхъ

промыслахъ. Чтобъ они дѣтей своихъ, братью и племянниковъ отъ всякихъ неподобныхъ и воровскихъ промысловъ унимали, всякому доброму дѣлу учили, чтобъ они за воровствомъ впередъ не ходили, а которые захотятъ добровольно записываться въ нашу службу, тѣмъ бы не запрещали» <sup>111</sup>.

Только Никонъ, Іосифъ Коломенскій и подобные имъ могли жаловаться на разореніе церковнаго имущества; его не разоряли; но понятно, что въ тяжелое время, а такимъ было почти все время царствованія Алексѣя Михайловича, монастырямъ и архіерейскимъ домамъ, какъ всѣмъ и мірскимъ владѣльцамъ движимаго и недвижимаго имущества, было тяжело. У монастырей не тронули недвижимаго имущества, не ограничили его распространенія; но уничтожены были тарханы, жалованныя грамоты архіереямъ и монастырямъ на *безпошминные* промыслы; у монастырей брали деньги на жалованье ратнымъ людямъ. Такъ въ 1655 году царь писалъ въ Тихвинъ монастырь: «Вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ монастырѣ есть деньги многія, и мы указали взять у васъ на жалованье ратнымъ людямъ 10.000 рублей; а въ оскорбленіе себѣ вы бѣ того не ставили: какъ служба минется, мы тѣ деньги велимъ вамъ отдать» <sup>112</sup>. Кромѣ того правительство разсылало по монастырямъ тяжело раненыхъ ратныхъ людей; монастыри ихъ кормили и одѣвали <sup>113</sup>. Наконецъ престарѣлые служилые люди, по царскому указу, постригались безъ вклада, тогда какъ всѣ другіе должны были вносить вкладъ. Мірскіе люди заключали иногда съ монастырями слѣдующія любопытныя записи: «Вложися въ Тихвинскій монастырь N. N., а вкладу далъ меринъ рыжъ за 10 рублей, да денегъ два рубли. И какъ онъ придетъ въ монастырь къ своему вкладу жить, и намъ игумену съ братьею его принять и поконти, какъ и прочую братію, а не лучится ому у своего вклада жити, пошлетъ Богъ по душу его, и намъ его записать въ литію и въ синодикъ, въ вѣчное помяновеніе» <sup>114</sup>.

Мы уже сказали, что обличенія нравственной несостоятельности не могли произвести непосредственнаго добраго вліянія, ибо не могли вдругъ отстраниться тѣ условія, которыя ее производили. Главныя условія были: застой, коснѣніе, узкость горизонта, малочисленность интересовъ, которые поднимаютъ человѣка надъ мелочами ежедневной жизни, очищаютъ нравственную атмосферу, даютъ человѣку необходимый отдыхъ, необходимый праздникъ,

уравновѣшиваютъ его силы, возстановляютъ ихъ, однимъ словомъ недостатокъ просвѣщенія. Отсутствие пищи для духа условливало необходимо господство матеріальныхъ стремленій, матеріальныхъ взглядовъ. Церковь обличала эти стремленія и взгляды, требовала ихъ измѣненія. Но обличенія и требованія оказывались недѣйствительными; церковь старалась внушить, что бракъ есть таинство, къ которому должно приступать съ благоговѣніемъ, но общество смотрѣло на него другимъ взглядомъ и выражало этотъ взглядъ въ «недѣльныхъ козлогласованіяхъ и безстыдныхъ словесахъ», съ которыми провожали жениха и невѣсту въ церковь <sup>115</sup>. Иностранцы съ изумленіемъ описываютъ обычай мужчинамъ и женщинамъ мыться вмѣстѣ въ общественныхъ баняхъ; церковь вооружалась и противъ него, но обычай оставался на долго; онъ всего лучше объясняетъ намъ реакцію, которая высказалась въ заключеніи женщины въ теремъ у людей знатныхъ и богатыхъ; одно явленіе необходимо вызывало другое. По свидѣтельствамъ, достойнымъ полной вѣры, нигдѣ, ни на востокѣ, ни на западѣ, не смотрѣли такъ легко какъ въ Россіи на гнусный, противуестественный грѣхъ. Иногда слѣдствія были ужасны <sup>116</sup>. Благочестивый Алексѣй Михайловичъ считалъ своею обязанностію заботиться и о душевномъ спасеніи подданныхъ: онъ требовалъ отъ воеводъ, чтобы они въ походахъ силою заставляли ратныхъ людей исповѣдываться <sup>117</sup>, понятно, что онъ долженъ былъ требовать этого отъ мирныхъ гражданъ. Въ 1659 году было разослано по приказамъ повелѣніе: дьякамъ, подьячимъ и дѣтямъ боярскимъ и всякаго чина людямъ говѣть на страстной недѣлѣ <sup>118</sup>. Въ слѣдующемъ году указъ: списки людей неговѣвшихъ присылать въ монастырскій приказъ и такимъ послушникамъ указъ будетъ съ опалою, безо всякой пощады <sup>119</sup>. Въ томъ же году приказано было въ Филипповъ постъ всѣмъ поститься и въ церковь ходить каждый день <sup>120</sup>. Еще въ началѣ царствованія изданъ былъ указъ: въ воскресный день и господскіе праздники не работать ни кому, въ субботу прекращать работу какъ заблаговѣстать къ вечернѣ <sup>121</sup>. Не работать: но что же дѣлать? Правительство, которое брало на себя родительскія обязанности въ отношеніи къ подданнымъ — дѣтямъ, запретило цѣлый рядъ увеселеній и повсемѣстныхъ суевѣрныхъ обычаевъ: «въ воскресные, господскіе праздники и великихъ святыхъ приходить въ церковь и стоять смиренно, скомороховъ и во-

рожей въ дома къ себѣ не призывать, въ первый день луны не смотрѣть, въ громъ на рѣкахъ и озерахъ не купаться, съ серебра не умываться, олову и воску не лить, зерною, картами, шахматами и лодыгами не играть, медвѣдей не водить и съ сучками не плясать, на бракахъ пѣсенъ бѣсовскихъ не пѣть и никакихъ срамныхъ словъ не говорить, кулачныхъ боевъ не дѣлать, на качеляхъ не качаться, на доскахъ не скакать, личинъ на себя не надѣвать, кобылокъ бѣсовскихъ не наряжать. Если не послушаются, бить батогами; домры, сурны, гудки, гусли и хари искать и жечь <sup>122</sup>. Такимъ образомъ въ обществѣ, въ которомъ, по извѣстнымъ причинамъ, господствовало открыто стремленіе къ чувственнымъ удовольствіямъ, правительство предписывало монастырское препровожденіе праздниковъ, дней отдыха. Батоги грозили одинаково и тому, кто пѣлъ на свадьбѣ непристойныя пѣсни, и тому, кто водилъ медвѣдей, которыхъ поводчики позволяли себѣ передъ дѣтми самыя безнравственныя представленія, и тому, кто качался на качеляхъ и игралъ въ шахматы! Угрозы были не на бумагѣ только: въ 1669 году великій государь указалъ стольника князя Григорья Оболенскаго послать въ тюрьму за то, что у него въ воскресенье на дворѣ его люди и крестьяне работали черную работу, да онъ же князь Григорій говорилъ скверныя слова <sup>123</sup>. Но мы, къ несчастію, знаемъ, какъ батоги и тюрьмы мало содѣйствовали истребленію привычки, позорящей народъ нашъ, и надѣмся, что она истребится другими средствами.

Вмѣстѣ съ непристойными запрещены были самыя невинныя удовольствія. Но батоги и тюрьма не грозили за порокъ, противъ котораго слышались сильныя вопли, которому всѣ предавались, наказанія не было за пьянство. Пьянство, господствовавшее въ древней Руси, всего лучше показываетъ намъ, съ какимъ обществомъ имѣемъ дѣло: человѣку для возстановленія, уравниженія силъ своихъ необходимо покидать иногда будничныя, ежедневныя занятія и переноситься въ иной міръ, перемѣнять занятія и состояніе духа: для человѣка образованнаго, для котораго открыто широкое многообразіе Божьяго міра и человѣческой дѣятельности, эти переходы легки и естественны; но для человѣка, замкнутаго постоянно среди немногихъ явленій бѣдной жизни, обыкновенно является стремленіе искусственными средствами, виномъ и опиумомъ или чѣмъ-нибудь другимъ переходить въ иное возбужденное

состояніе, производить искусственно веселое, праздничное состояніе духа, переноситься въ другой фантастическій міръ, *забываться*. Самъ благочестивый и нравственный Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда забываться такимъ образомъ. Въ 1674 году 21 октября было у государя вечернее кушанье въ потѣшныхъ хоромахъ, ѣли бояре всѣ безъ мѣстъ, думные дѣяки и духовники. Послѣ кушанья изволилъ себя тѣшить всякими играми, игралъ въ органы Нѣмчинъ, и въ сурну, и въ трубы трубили, и въ суренки играли и по накрамъ и по литаврамъ били; жаловалъ духовника, бояръ и дѣяковъ думныхъ, напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ, поѣхали въ двѣнадцатомъ часу ночи <sup>124</sup>.

Главное зло для подобнаго общества заключалось въ томъ, что человѣкъ входилъ въ него нравственнымъ недоноскомъ. Для стариннаго русскаго человѣка не было того необходимаго переходнаго времени между дѣтскою и обществомъ, которое у насъ теперь наполняется ученіемъ или тѣмъ, что превосходно выражаетъ слово: *образование*. Въ древней Руси человѣкъ вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской, развитіе физическое нисколько не соответствовало духовному, и что же удивительнаго, что онъ является предъ общество преимущественно своимъ физическимъ существомъ. Быть можетъ скажутъ, что и въ старину, до эпохи преобразованія, русскіе люди учили дѣтей своихъ, и между старинными, русскими людьми были люди грамотные, начитанные. Безспорно, что нѣкоторые учились, что были люди грамотные и между крестьянами, за то были неграмотные между знатью, и это всего яснѣе указываетъ на случайность явленія. Дѣло не въ томъ, что учились, но многіе ли, и чему, и какъ учились? Давно начались толки о необходимости завести училище, гдѣ бы учили не читать и писать только, но не ранѣе конца XVII вѣка собрались учредить такое училище; главнымъ препятствіемъ дѣлу былъ недостатокъ учителей, опасеніе, чтобы не взять учителей неправославныхъ. До учрежденія академіи русскій человѣкъ, хотѣвшій учить дѣтей своихъ, бралъ въ домъ учителя, какого-нибудь западнорусскаго шляхтича; но многіе ли богачи вельможи это дѣлали? да и примѣры эти относятся ко времени передъ самымъ преобразованіемъ; люди, воспитанные такимъ образомъ, дѣйствуютъ уже въ Петровскую эпоху, людямъ не богатымъ и не знатымъ, но хотѣвшимъ выучить дѣтей своихъ грамотѣ, оставалось посылать ихъ въ школу,

содержимую какимъ-нибудь учителемъ. Здѣсь учили читать и писать, кромѣ того добросовѣстный учитель прочитывалъ передъ учениками такъ-называемые *азбуковники*, сборники, содержащіе наставленія, какъ ученики должны держать себя въ школѣ, также высокопарныя опредѣленія разныхъ наукъ или мудростей, иногда и самое содержаніе наукъ, грамматики, реторики. Школу азбуковники называются *храмомъ учителей*, и этимъ всего лучше опредѣляютъ старинную школу; хорошо также уясняетъ дѣло наставленіе азбуковниковъ, чтобъ ученики, уходя домой, не оставляли указки въ книгѣ, и не бросали книгъ на скамейкахъ, а отдавали бы ихъ старостѣ, или старшему, который долженъ прибирать ихъ на мѣсто. Ученики обязаны были, по азбуковникамъ, носить воду въ школу, къ учителю въ день недѣльный на поклонъ приходить, и отъ снѣдныхъ брашенъ и питія ему приносить. Азбуковникъ, дававшій нѣсколько свѣдѣній, былъ роскошью, дополненіемъ къ обычному курсу, т.-е. Часослову и Псалтырю, добрый учитель прочитывалъ ежедневно статьи его предъ учениками; но и эти поверхностные учебники, заключавшіе въ себѣ всю школьную мудрость, являются поздно. Главное и постоянное было — выучиться читать и писать, чтобъ имѣть возможность *заниматься дѣлами*. Авторы азбуковниковъ знали очень хорошо эту цѣль учащихся, т.-е. родителей ихъ, и привлекаютъ къ изученію азбуки, Часослова и Псалтыря обѣщаніемъ, что послѣ этого изученія ученику откроются всѣ книги печатныя и письменныя «и всякія дѣла и крѣпости, откуда вразумляются и вчиняются, и чѣмъ устроятся.» Какъ рано, относительно образованія, молодые люди въ старину вступали въ жизнь и на службу, видно изъ того, что сынъ одного изъ самыхъ образованныхъ тогдашнихъ вельможъ, князя Василья Васильевича Голицына, Алексѣй, уже ѣздилъ въ походы за государемъ, подавалъ челобитныя о земляхъ, и въ то же самое время только начиналъ склады писать<sup>125</sup>. Съ одной стороны древній русскій человѣкъ начиналъ очень рано общественную дѣятельность, недоноскомъ относительно приготовления, образованія, съ неокрѣпшими духовными силами; съ другой стороны, онъ дѣлался самостоятельнымъ очень поздно, потому что вмѣсто широкой нравственной опеки общества, онъ очень долго находился подъ узкою опекою рода, *старыхъ родителей* (старшихъ родственниковъ); но легко понять, какъ должна была дѣй-

ствовать эта долгая опека на человѣка возмужалаго, который самъ былъ отцомъ семейства. Такимъ образомъ два обстоятельства вредно дѣйствовали на гражданское развитіе древняго русскаго человѣка: отсутствіе образованія, выпускавшее его ребенкомъ къ общественной дѣятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его въ положеніи несовершеннолѣтняго, опека необходимая впрочемъ, потому что, во первыхъ, онъ былъ дѣйствительно несовершеннолѣтенъ, а во вторыхъ, общество не могло дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что продолжительная опека дѣлала его прежде всего робкимъ передъ всякою силою, что впрочемъ нисколько не исключало дѣтскаго своеволія и самодурства.

Замѣчено, что особенно даютъ чувствовать свою силу слабымъ, слабымъ тѣ, которые сами находятся или долго находились подъ гнетомъ чужой силы. Дѣти бываютъ безжалостны въ отношеніи къ пойманной стрекозѣ, къ собакѣ, кошкѣ; рабъ безжалостенъ къ подчиненному ему рабу или животному. Естественное влеченіе упражнять свою силу надъ слабымъ господствуетъ, если не сдерживается нравственными сдержками, и если виденъ ежедневный примѣръ несдержанности. Отсюда понятно, почему отношенія мужа къ женѣ и родителей къ дѣтямъ въ древнемъ русскомъ обществѣ не отличались особенною мягкостію. Человѣкъ, не вышедшій изъ родовой опеки, становился мужемъ, т.-е. съ нимъ соединяли существо, незнакомое ему прежде, съ которымъ онъ прежде не привыкъ встрѣчаться какъ съ существомъ свободнымъ. Молодой человѣкъ послѣ вѣнца впервые встрѣчался съ существомъ слабымъ, робкимъ, безмолвнымъ, которое отдавали ему въ полную власть, которое онъ былъ обязанъ *учить*, т.-е. бить, хотя бы и *въжмивенько*, по правилу Домостроя. Легко предвидѣть слѣдствія, особенно когда еще обманули, показали красивую, а выдали безобразную, потому что, во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ, говоритъ Котошихинъ. Хлопотали, нельзя ли какъ обмануть и на царскихъ смотринахъ: въ 1670 году бояринъ Богданъ Матвѣвичъ Хитрово объявилъ: «приходилъ ко мнѣ докторъ Стефанъ и сказывалъ: тому нынче дня съ три съѣхался съ нимъ на Тверской улицѣ Иванъ Шихиревъ и говорилъ, что взята вверхъ племянница его Бѣляева для выбору, возили се къ боярину Хитрово,



бояринъ смотрѣлъ у нея рукъ и сказалъ, что руки худы; смотришь ты ихъ, докторъ Стефанъ, а племянница моя челоѣкъ беззаступный, какъ станешь смотрѣть руку, и ты выступи.» Докторъ отвѣчалъ, что его къ такому дѣлу не призываютъ, да и племянницы его онъ не знаетъ; на это Шихиревъ сказалъ: «Какъ рукъ у нея станешь смотрѣть, и она перстомъ за руку придавить, потому ее и узнаешь.» Шихиревъ повинился <sup>126</sup>.

Неправильныя отношенія нравственно несовершеннолѣтняго мужа къ еще менѣе совершеннолѣтней женѣ иногда вели къ тому, что мужъ старался избыть жены, а жена мужа. Говорятъ, что часто употреблялось для этого крайнее средство, отрава <sup>127</sup>. Мы не считаемъ себя въ правѣ утверждать, что дѣйствительно это средство употреблялось часто, и остановимся на другомъ средствѣ, постриженіи мужа отъ живой жены, и на оборотъ. Жена, постригаясь отъ живаго мужа, называлась въ отношеніи къ нему *посестрією*, мужъ *побратимомъ*. Одна такая посестрія подала жалобу, что побратимъ, избываячи ее, бивать и мучивалъ, въ подполы и въ коникъ, крапивы настлавши, сажалъ и въ соху впрягалъ. Оказалось, что она пострижена была неволею, въ пустой избѣ, а не въ монастырѣ, родственниковъ ея при постриженіи и у записи никого не было <sup>128</sup>.

Въ случаѣ убійства мужа женою, уложеніе постановило: казнить преступницу, живую окопать въ землю, и казнить ее такою казнію безо всякой пощады, хотя бы дѣти убитаго и ближніе его родственники и не захотѣли, чтобы ее казнили, не давать ей отнюдь милости, держать въ землѣ до тѣхъ поръ, пока умретъ. О наказаніи мужу за убійство жены уложеніе промолчало; но случаи представились: въ 1664 году Иванъ Долговъ убилъ жену за невѣрность; его наказали кнутомъ и отпустили на поруки <sup>129</sup>. Но въ уложеніи ничего нѣтъ; воеводы поэтому не смѣли приговаривать къ наказанію, отсылали въ Москву; здѣсь руководствовались прежними примѣрами, сравнивая, соображая обстоятельства, при которыхъ совершено было преступленіе. Въ 1674 году тотемскаго уѣзда крестьянинъ Баженовъ повинился: убилъ свою жену за то, что утаила она у него два аршина сукна сермяжнаго, а больше вины ея не было, жилъ онъ съ нею въ соѣтѣ; съ пытки говорилъ то же. Воевода послалъ за указомъ въ Москву. Здѣсь велѣли выписать случаи: стрѣльца Еремѣева за

убійство жены казнили смертію, убилъ ее въ пьяномъ видѣ; другой стрѣлецъ, тоже пьяный, зарѣзалъ жену за невѣжливыя слова; здѣсь уже была причина гнѣва, и потому убійцѣ отсѣкли лѣвую руку, да правую ногу; то же самое велѣно сдѣлать и съ Баженовымъ и потомъ освободить безъ поруки, «потому что убилъ жену не за великое дѣло»<sup>130</sup>.

Кромѣ неправильности и грубости семейныхъ отношеній, вредное вліяніе на народную нравственность оказывали дѣла насилія, совершавшіяся въ обширныхъ размѣрахъ: человекъ привыкалъ, къ случаямъ насилій, грабежа, смертоубійства, привычка пагубная, ибо ужасное становилось для него болѣе не ужаснымъ, и при этомъ относительно своей безопасности онъ привыкалъ полагаться или на собственную силу, или на случай, а не на силу общественную, правительственную, и легко понять, какъ вслѣдствіе этого ослаблялось въ немъ сознаніе общественной связи, онъ привыкалъ жить въ лѣсу, а не въ обществѣ, и вести себя сообразно этому. Жизнь въ самой столицѣ не представляла безопасности. На западѣ въ средніе вѣка завидитъ путникъ замокъ, возвышающійся на скалѣ, и трепещетъ: это разбойничье гнѣздо; въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ чѣмъ выше и обширнѣе былъ домъ, тѣмъ опаснѣе онъ былъ для прохожаго, не потому чтобы самъ мядвѣдецъ дома, бояринъ или окольничій, напалъ на прохожаго и пограбилъ его; но у этого знатнаго боярина или окольничаго нѣсколько сотъ дворни, праздно и дурно содержимой, привыкшей кормиться насчетъ каждаго встрѣчнаго, будь это проситель къ боярину или просто прохожій. Люди боярина князя Юрья Ивановича Ромодановскаго позвали съ товарами старосту Серебрянаго ряда къ себѣ на загородный дворъ и убили до смерти; они повинились сверхъ того въ убійствѣ 20 человекъ и говорили на свою братію дворовыхъ людей. На Дмитровѣ не было ни проходу, ни пробѣду отъ людей Родіона Стрѣшнева, князей Голицына и Татеева. По Коломенской дорогѣ должны были высылать за разбойниками по 300 стрѣльцовъ. Въ 1675 году велѣно чистить дороги по причинѣ разбойныхъ пристанищъ, чтобы около Москвы разбоевъ и душегубства большаго не было, чистить отъ Москвы длиннику 50 верстъ, а по берегу по 100 сажень<sup>131</sup>. Такъ было въ Москвѣ и около Москвы: что же подальше, гдѣ пропьются крестьяне—первое дѣло разбой, гдѣ и строитель пустыни участво-

валъ въ разбояхъ, скрывалъ пограбленную рухлядь? Любопытно колебаніе въ уголовныхъ законахъ относительно воровъ и разбойниковъ: въ 1663 году велѣно было наказывать воровъ и разбойниковъ, вмѣсто смертной казни, отсѣченіемъ ноги и лѣвой руки; но въ 1866 году членоотсѣченіе отиѣнено и опять введена смертная казнь <sup>132</sup>; потомъ опять введено членоотсѣченіе.

Но русскій человѣкъ XVII вѣка былъ робокъ, чувствовалъ себя небезопаснымъ вслѣдствіе не однихъ разбоевъ, онъ окруженъ былъ опасностями другаго рода, отъ которыхъ не было возможности защититься никакимъ оружіемъ. Вотъ какая, напримѣръ, бѣда постигла жителей города Шуи: «Пріѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному образу Смоленской Богородицы изъ многихъ городовъ и уѣздовъ мужескій, женскій и дѣвичій полъ, привозятъ одержимыхъ нечистыми духами, и страждущіе въ молебное время мечтаются всякими различными кознодѣйствами и кличутъ на уѣдныхъ людей, что ихъ портятъ: кликала Ирина Маурина на Ѳедьку Якимова, и по царскому указу Якимовъ взятъ въ Суздаль и кончился злою смертію.» Принимались мѣры противъ пѣрчи, для отпуща свадьбы приглашался знающій человѣкъ, который умѣлъ отвратить всякое лихо, но и это не помогало. Въ шуйскую земскую избу пришелъ посадскій человѣкъ и извѣщалъ: «была у насъ свадьба, женился братъ мой, и на свадьбѣ приключилась надъ матерью нашею и снохою скорбь, стали кликать въ порчѣ, а отпущалъ свадьбу отъ всякаго лиха Шуянинъ посадскій человѣкъ Гришка Панинъ; а на другой день послѣ свадьбы пришелъ къ намъ въ домъ тюремный сторожъ Палатовъ, взялъ съ насъ посулу денегъ 10 алтынъ 4 деньги, да шапку, да два перстня, да ширинку, да платокъ миткалевый и взялся мать и сноху отъ скорби отходить, но онъ ихъ въ цѣломъ умѣ не поставилъ.» Однажды тотъ же городъ Шуя былъ встревоженъ, собрали всѣхъ жителей и спросили, по указу суздальскаго архіепископа: «не видѣлъ ли кто и не слыжалъ ли, какъ соборный попъ Иванъ ѣздилъ на медвѣдѣ?» Всѣ отвѣчали, что отъ слуху не слыжали и видѣньемъ не видали <sup>133</sup>. Въ 1674 году въ Тотмѣ сожжена была въ срубѣ при многихъ людяхъ женщина Ѳедосья по оговору въ порчѣ: при казни она объявила, что никого не портила, но что передъ воеводою поклепала себя, не перетерпя пытокъ. Для характеристики времени приведемъ еще два любопытныхъ случая

дьявольскаго навѣта. Въ 1671 году на дорогѣ въ Польшу пойманъ былъ подозрительный человѣкъ, Ивашка Клеопинъ, который при допросѣ въ Торопцѣ показалъ: «Называетъ онъ Новгородца Алексѣя Кирилова сына Клеопина отцомъ себѣ, а жену его Марью матерью и жилъ у нихъ, а кто у него родной отецъ былъ, и про то вѣдаетъ Алексѣй Клеопинъ, а принесъ его Ивашка съ Москвы въ младенчествѣ Новгородскаго уѣзда, Бѣжецкой пятины, Телбовскаго погоста церкви Николая Чудотворца бобыль Гришка Абакумовъ и отдалъ ему Алексѣю и крещенъ у него Алексѣя въ дому и называлъ онъ Алексѣй его Ивашка Царевичемъ. 6 августа на Телбовскомъ погостѣ, на церковномъ крыльцѣ, говорилъ онъ шестерымъ дворянамъ, что онъ Ивашка пойдетъ въ Польшу, и чтобы-де за него въ Польшѣ стали, а называться было ему въ Польшѣ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ и наговаривать Поляковъ, чтобы шли на Луки войною, и дворяне сказали ему: «куда себѣ хощь, туды и поди.» Слышалъ онъ отъ жены Ѳедора Клеопина, Анисьи, сказывалъ ей Телбовскаго погоста попъ Кузьма про него Ивашку: такой-де онъ великій человѣкъ, а не сумѣетъ за себя стать, а тотъ попъ еретикъ и еретическія книги знаетъ и у себя держитъ, а грамотѣ и писанью учился онъ Ивашка у него попа Кузьмы Григорьева, а про еретичество слыхалъ отъ 18 дворянъ. На Мошенскомъ погостѣ Петръ Лупандинъ называлъ его царемъ, а слышалъ то Данила Чоголковъ, и онъ Ивашка его Петра за такое слово и за бороду драгъ.» Всѣ оговоренныя лица отреклись, что ничего не слыхали и не говорили. Попъ Кузьма и 16 человѣкъ дворянъ сказали, что Ивашка Клеопинъ умовреженъ, а умовредство ему учивилось тому шестой годъ и почалъ забываться въ то время, какъ онъ былъ на государевой службѣ, отца своего роднаго и мать хотѣлъ саблею сѣчь, а брата своего посякъ саблею, иконы божественныя и книги словами безчестилъ и за людьми гонялся и въ лѣсъ бѣгивалъ и говаривалъ, что онъ Ивашка прощаль и исцѣлялъ многихъ людей и надъ матерью своей родной хотѣлъ неистовственное дѣло учинить и самъ ножомъ рѣзался и въ огонь бросался и платье на себѣ драгъ. Отецъ Ивашки, Алексѣй Клеопинъ, объявилъ, что Ивашка, 20 лѣтъ слишкомъ, отъ него изъ деревни бѣжалъ въ лѣсъ, потому что умовреженъ и говорилъ всякія многія непристойныя слова и называлъ себя великимъ человѣкомъ царевичемъ, и билъ онъ Алексѣй на него че-

ломъ новгородскому воеводѣ и хотѣлъ его везти въ Новгородъ къ разспросу. Съ пытки Ивашка говорилъ: отецъ его родной Алексѣй Клеопинъ, а царевичемъ сталъ называться собою, потому что умоврежденъ навѣтомъ дьявольскимъ, и въ Польшу было пошелъ собою наговорить Поляковъ, чтобъ шли войною на Луки Великія, а въ прежнихъ своихъ рѣчахъ всѣхъ поклепалъ, потому что умоврежденъ навѣтомъ дьявольскимъ. Ивашку повѣсили.

Другой случай былъ въ Москвѣ. Въ 1651 году Ѳеодоръ Шиловцовъ въ допросѣ объявилъ: «Отданъ онъ въ Чудовъ монастырь подъ началъ черному попу Ильѣ, да съ нимъ же сидѣлъ подъ началомъ иноземецъ Кроковскій, и онъ испилъ у того иноземца квасу и у него въ брюхѣ почало шумѣть и чаеть, что въ тѣ поры онъ испорченъ. И послѣ того ходилъ онъ по отпуску изъ монастыря къ себѣ на дворъ, и пришедъ въ монастырь учалъ говорить псалтырь, и въ тѣ поры передъ нимъ зашумѣло, какъ бы пролетѣлъ ангелъ или бѣсъ, и ангелъ велѣлъ ему Богородицы образъ со стѣны снять, для того, что непригоже образамъ кланяться, и онъ, снявъ со стѣны образъ, да крестъ, положилъ на землю, и крестъ началъ вспридывать, и онъ на образъ и на крестъ вступалъ ногами, а то дѣло Божье учинилъ онъ, то не просто, по ангелову велѣнію. А началъ онъ помышлять недѣль съ десять и больше, что иконамъ кланяться не подобаешь, потому что Богъ на небеси, а то образъ Божій.» Когда ему сказали, что Богъ невидимъ, мы св. иконы почитаемъ, а иконная честь на первообразное восходить, то онъ отвѣчалъ: «всякому человѣку можно Бога умными очами видѣть. Тому недѣли три или четыре говорилъ ему казеннаго приказа дьякъ Захаръ Онуфріевъ: худо у насъ то учинено, гдѣ торгуютъ хлѣбами и калачами, тутъ торгуютъ и образами, и ему Ѳеодору съ тѣхъ поръ вмѣстилось въ мысль о иконахъ, что не подобаешь поклоняться. Не стало Кодашевца Рагозина, а ему Ѳедькѣ былъ другъ большой, и онъ по немъ тужилъ и плакалъ долгое время, и отъ той кручины ходилъ внѣ ума, и началъ мыслить о св. иконахъ, достойно ли поклоняться, потому что иконы пишутъ мужики простые и пьяные небреженьемъ и продаютъ въ торгу просто, и какъ государь праздновалъ въ соборной церкви Ризѣ Господней, и онъ Ѳедька началъ себѣ мыслить: какъ онъ деньги, которыя, будучи на денежномъ дворѣ, кралъ, объявить и отдать, и государь его пожалуетъ, вину его

отдасть, и начнетъ его Оедьку жаловать, и онъ, надѣясь на государеву милость, начнетъ государю говорить, что Богъ на небеси, а иконамъ достойно ли поклоняться? Чтобъ государь велѣлъ свидѣтельство учинить, и будетъ достойно иконамъ поклоняться, и государь бы указалъ для иконъ устроить дворъ особый и писать тѣ иконы всѣмъ иконописцамъ справчиво, и приставилъ бы къ иконному дѣлу честныхъ людей. И какъ онъ былъ въ Чудовѣ монастырѣ подъ началомъ и приведенъ былъ въ келью, и тутъ стоялъ образъ Спасовъ нерукотворенный, и онъ Оедька началъ на тотъ образъ смотрѣть, и тотъ образъ началъ претворяться разными видами.»

Подобныя явленія имѣли одинакую силу и въ верхнихъ слояхъ общества. При царѣ Михаилѣ на стольника Илью Даниловича Милославскаго (будущаго тестя царя Алексѣя) подкинули письмо, будто у него хранится волшебный перстень знаменитаго дьяка Грамотина; Милославскаго долго держали за приставомъ, пересматривали всѣ пожитки. При царѣ Алексѣѣ обвиненъ былъ въ волшебствѣ родственникъ царскій, бояринъ Семенъ Стрѣшневъ, и это обвиненіе не прошло ему даромъ: у него отняли боярство и сослали въ Вологду. Подкинуты были письма и на Матвѣева съ обвиненіями въ волшебствѣ, изъ желанія помѣшати браку царя Алексѣя на воспитанницѣ Матвѣева Нарышкиной <sup>134</sup>.

Экономическая и нравственная несостоятельность общества были сознаны; народъ живой и крѣпкій рвался изъ пеленокъ, въ которыхъ судьба держала его долѣе чѣмъ слѣдовало, Вопросъ о необходимости поворота на новый путь рѣшенъ; новости являлись необходимо. Сравненіе и тяжелый опытъ произвели свое дѣйствіе, раздались страшныя слова: «у другихъ лучше», и не перестанутъ повторяться: слова страшныя, потому что они необходимо указывали на приближающееся время заимствованій, ученія, время духовнаго ига, хотя и облегченнаго политическою независимостью и могуществомъ, но все же тяжелаго. Дѣло необходимое, но тяжелое не могло сдѣлаться легко, спокойно, безъ сопротивленія, которое вызывало борьбу, вело къ перевороту, т. е. къ дѣйствию насильственному. Церковныя преобразованія пошли и отъ своихъ, отъ православныхъ, но мы видѣли, какъ они были встрѣчены, и свои, православные показались неправославными. Относительно собственно науки, ученія здѣсь остановились: не хотѣли приня-

мать учителей неправославныхъ, учителями могли быть только Греки и западно-русскіе ученые. Но иновѣрцы заходили толпами съ другой стороны, въ видѣ наемныхъ офицеровъ, мастеровыхъ всякаго рода, заводчиковъ, лѣкарей. По естественному ходу дѣла, новое должно было явиться въ видѣ вещей непосредственно полезныхъ, должно было начаться съ мастерства. Кромѣ того цивилизація закинула уже свои сѣти на русскихъ людей, приманивая ихъ къ себѣ новыми для нихъ удовольствіями и удобствами жизни. Часы, картина, покойная карета, музыкальный инструментъ, сценическое представленіе — вотъ чѣмъ сначала мало-по-малу подготавливались русскіе люди къ преобразованіямъ, какъ дѣти приманивались игрушками къ ученію. Все это уже мы видимъ въ Москвѣ въ описываемое время, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Понятно, что заморскія штуки должны были появляться сперва на верху, во дворцѣ и въ домахъ знатныхъ людей, гдѣ было больше знакомства съ заморскимъ и больше средства пріобрѣтать заморскія диковинки. Простымъ людямъ запрещалось забавляться музыкою, вѣрно было искать и жечь музыкальные инструменты, потому что какъ явится музыка, такъ непременно примѣшается тутъ какое-нибудь суевѣріе и безчинство; но на пиру у царя «игралъ въ органы Нѣмчинъ, и въ сурну, и въ трубы трубили, и въ суренки играли и по накрамъ и по литаврамъ били.» Не надобно забывать, что воспитателемъ царя Алексѣя Михайловича былъ западникъ Морозовъ, который еще при царѣ Михаилѣ шилъ нѣмецкое платье своимъ воспитанникамъ царевичамъ и всѣмъ дѣтямъ, воспитывавшимся съ ними вмѣстѣ <sup>135</sup>. Въ царствованіе Алексѣя подражатели Морозова размножились, самые близкіе къ царю люди были самые большіе охотники до заморскаго и дарили государя иностранными вещами: Богданъ Матѣевичъ Хитрово подарилъ ему полукарету; Матѣевъ подарилъ царю карету черную нѣмецкую на дугѣ, стекла хрустальные, а верхъ раскрывается на двое; царевичу Федору подарилъ карету бархатную, около кареты письмо живописное <sup>136</sup>. Во всей христіанской Европѣ начатки драматическихъ представленій или такъ-называемыя мистеріи находились въ тѣсной связи съ богослуженіемъ, содержаніемъ ихъ служили событія священной исторіи. И у насъ было подобное въ *Пещномъ дѣйстви* (вверженіе трехъ отроковъ въ Вавилонѣ), въ шествіи патріарха на ослѣ въ вербное воскресенье.

Еще при царѣ Михаилѣ русскіе послы, возвращавшіеся изъ Варшавы, рассказывали о театральныхъ представленіяхъ, которыми потѣшался король во дворцѣ своемъ; при сынѣ Михаила подобныя представленія происходятъ и въ Москвѣ для великаго государя. Содержаніе пьесъ бралось изъ Св. Писанія, сочинялъ ихъ обыкновенно монахъ Симеонъ Полоцкій; изъ комедій свѣтскаго содержанія упоминается Темиръ-Аксаково дѣйство; книга эта была на верху у великаго государя, но игралась ли она—неизвѣстно. Разыгрывали комедіи Нѣмцы и дворовые люди Матвѣева. Въ 1674 году была въ селѣ Преображенскомъ комедія, тѣшили иноземцы, какъ Алаферну царю царица голову отсѣкла, и на органахъ играли Нѣмцы да люди дворовые А. С. Матвѣева. Другая комедія была дана въ присутствіи царицы, царевичей и царевенъ, тѣшили Нѣмцы и люди Матвѣева, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана. Дѣло дошло и до балета: на заговѣнье была потѣха: Нѣмцы и люди Матвѣева играли на органахъ, на фіоляхъ и на страментахъ и танцовали. При описаніи этихъ новостей нашъ останавливаетъ одно обстоятельство, что на представленіи были царица и царевны, важно также извѣстіе, что царица сопровождала царя и на охоту<sup>137</sup>. Начальникомъ Нѣмцевъ, потѣшавшихъ великаго государя, былъ Іоаннъ Годфридъ, при немъ «перспективаго письма мастеръ» Петръ Инглесъ. Но однихъ пріѣзжихъ Нѣмцевъ и дворовыхъ людей Матвѣева оказалось недостаточно для «комедійныхъ дѣйствъ»: въ 1673 году Матвѣевъ приказалъ въ Новомѣщанской слободѣ изъ мѣщанскихъ дѣтей выбрать 26 человекъ въ *камидіанты* и отвести въ Нѣмецкую слободу къ магистру Годфриду. Такъ основалось въ Москвѣ театральное училище прежде славяно-греко-латинской академіи! Но и этихъ учениковъ не доставало, брали подъячихъ и отсылали къ магистру Ягану Годфриду для наученія комедійнаго дѣла<sup>138</sup>.

Прежде другихъ школъ устроена была театральная школа для потѣхи великаго государя; но по всему было видно, что и другія школы не замедлятъ; сильно чувствовалось, что отстали, сильно чувствовалось и громко говорилось, что надобно учиться. Въ литературѣ, какъ и во всемъ бытѣ, явственны признаки приближенія новаго времени. Бытъ русскаго народа до эпохи преобразованія вполнѣ выражается въ его поэзіи; однихъ ея памятниковъ достаточно для вѣрной общей оцѣнки этого быта. Поэтому намъ



необходимо остановиться на памятниках древней народной поэзии, тѣмъ болѣе, что если памятники народного творчества условливаются бытомъ народа, то, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи, въ свою очередь оказываютъ могущественное вліяніе на бытъ.

Вслушавшись внимательно въ эту длинную и однообразную пѣсню русскаго народа, которую онъ заводитъ отъ Кіева и Царягорода, и ведетъ черезъ Волинь, Галичь, Черниговъ, Новгородъ, Москву къ Казани, Астрахани и Сибири, мы видимъ ясно, что это народъ, прожившій восемь вѣковъ въ одинаковыхъ историческихъ условіяхъ. Любимый образъ фантазіи пѣвцовъ—это богатырь-козакъ, названія однозначашія. Какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ русскій міръ былъ на украинѣ; какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ человекъ, которому было тѣсно въ избѣ отцовской, у котораго «сила по жилочкамъ живчикомъ переливалась, которому было грузно отъ сѣлушки, какъ отъ тяжелаго беремени», отправлялся въ степь-поле, гдѣ ему легко найти на комъ попробовать свою силу молодецкую. Многое переменялось въ государственномъ строю Россіи съ X до XVII вѣка, отъ временъ ласковаго кіевского князя Владиміра до временъ великаго государя царя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, но удалцы по прежнему шли въ степь *полюковать* (отъ *поле*), на Дону образовалось большое военное братство удалыхъ *полянцевъ* (опять отъ *поле*), гдѣ каждому богатырю можно было набрать себѣ дружину и идти на подвигъ. Такимъ образомъ для народа была возможность черезъ цѣлый рядъ вѣковъ пѣть свою пѣсню на одинъ ладъ, потому что содержаніе ея было живо передъ его глазами; богатырь не умиралъ въ козацѣ, и наши древнія богатырскія пѣсни въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, суть пѣсни козацкія о козакахъ.

Знакомый съ этими пѣснями знаетъ, что самое видное мѣсто между богатырями занимаетъ Илья Муромецъ; онъ обыкновенно называется старымъ козакомъ и прямо донскимъ козакомъ<sup>139</sup>, атаманомъ донскихъ козаковъ: «помутился весь тихій Донъ, помѣшался весь козацкій кругъ: что не стало у нихъ атамана, что стараго козака Ильи Муромца»<sup>140</sup>. Разбойники, испуганные его силою, просятъ его, чтобъ взялъ ихъ къ себѣ въ товарища, въ донскіе козаченки<sup>141</sup>.

Молодой человекъ чувствуетъ тяжкій грузъ силы, чувствуетъ

тоску по степи, и говоритъ матеря: «Ай же ты, государыня моя матушка! давай же прощеньице-благословеньице: поѣду я во далече-далече чисто поле, хочу разгонять бурушка косматого, хочу поразмѣть своего плеча богатырскаго, спробовать силы-удалы молодецкія <sup>142</sup>. Долго ли мнѣ жить во глупомъ во маломъ во ребячествѣ, ходить мнѣ дома по улицѣ широкія, съ ребятами тѣшиться? Пока молодой человѣкъ не вырвется въ чисто-поле, все онъ будетъ жить въ глупомъ, маломъ ребячествѣ: отъ глупаго ребячества до возмужалости нѣтъ переходнаго времени образованія! Страшенъ бывалъ сильный человѣкъ, вырвавшійся прямо изъ глупаго, малаго ребячества на полную волю, въ чистое поле, и начавшій разминать свое плечо богатырское. Пѣсни превосходно изображаютъ намъ эту расходившуюся силу, которая не сдерживается ничѣмъ; эти поэтическія изображенія объясняютъ намъ не одно явленіе не только въ древней, но и въ новой нашей исторіи, которая не могла разомъ отрѣшиться отъ старыхъ условій. Илья Муромецъ, разсердившись, что его не позвали на пиръ, стрѣляетъ по Божьимъ церквамъ, по чуднымъ крестамъ и отдастъ золоченыя маковки кабацкой голи на пропивъ, хочетъ застрѣлить князя Владимира съ княгиней <sup>143</sup>. Когда Василій Буслаевъ расходился въ бою съ новгородцами, то не пощадилъ крестнаго отца; мать, чтобъ унять расходившагося богатыря, заходитъ сзади и надаетъ на плеча могучія; богатырь говоритъ ей: «ты старушка лукавая, толковая! умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня. А ежелибъ ты зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ, убилъ бы за мѣсто мужика новгородскаго» <sup>144</sup>.

Богатырь въ полѣ, въ степи; первое его дѣло набрать себѣ дружину такихъ же богатырей, такихъ же поленицъ удалыхъ. Чѣмъ же занимается атаманъ съ дружиною? Ловятъ звѣрей и птицъ, рубятъ суденушко дубовое и выѣзжаютъ въ море ловить рыбу: таковы были козацкія занятія въ степи. Богатырь-козакъ не охотникъ до женитьбы и не очень высокаго мнѣнія о женщинахъ: «хороша жена—чужая корысть, а худа-то мнѣ-ка ненадобна» <sup>145</sup>. Пѣсня знаетъ два рода женщинъ: богатырокъ, которыя обыкновенно и чародѣйки, и женщинъ—теремныхъ затворницъ. Первые, понятно, не могутъ отличаться женственностію, но нѣкоторыя изъ нихъ съ силою физическою соединяютъ и нрав-

ственную, какъ наприм. *грозная* Настасья Никулишна, которая не хочетъ пережить смерти мужа, не хочетъ выходить за его убійцу; вторыя изображаются съ характеромъ, соответствующимъ ихъ теремному воспитанію, т.-е. совершенно безъ характера. Дѣвушка — дорогая вещь, и потому ее запрятали въ теремъ, чтобъ не подвергнуть никакому враждебному вліянію, и тѣмъ больше въ ней достоинства, чѣмъ она больше отстранена отъ всякихъ вліяній, въ этомъ полагается вся похвала; она красавица и отлично убережена: «Сидитъ она въ теремѣ въ золотомъ верху, за тридесатью замками булатными, на ню красное солнышко не опекаетъ, буйные свѣтрушки не овѣютъ, многіе люди не обгальтятся (не глазѣютъ)» <sup>146</sup>. Братья хвастаются сестрою: «что есть у насъ сестрица, изъ терема не ходитъ, бѣлилъ съ лица не ровитъ, бѣла лица не кажитъ» <sup>147</sup>. Ее просватываютъ; но пріѣзжаетъ богатырь, врывается къ ней въ теремъ, она отдается безъ сопротивленія; потомъ встрѣчается прежній женихъ, прельщаетъ ее обѣщаніемъ лучшей доли, и она передается ему; новый мужъ скоро гибнетъ, и несчастная женщина въ самомъ печальномъ положеніи: «отъ бережку откачнулася, къ другому бережку не прикачнулася.» Богатырь жестоко мститъ ей за невѣрность <sup>148</sup>.

Богатырь-козакъ выдѣлился изъ толпы, ушелъ изъ общества въ степь въ сознаніи своей силы, своего преимущества или изгнанный изъ общества, которое не могло позволить ему среди себя расправлять плечо богатырское; дѣло неестественное, чтобъ онъ сталъ уважать толпу, щадить *мужиковъ*: «Какъ начали они (богатыри) мужиковъ чевствовать, чевствовать мужиковъ жаловать, оплетьми они нахлыстывать; тутъ клянутся мужики, проклинаются: а будетъ трое проклять на вѣку тоѣ бы, кто съ вами съ молодцами свяжется, да заведетъ драку великую. Нахлыстали мужиковъ они до-люби.» Василій Буслаевъ образецъ новгородскихъ козаковъ-ушкуйниковъ, позовалъ новгородскихъ мужичковъ на пиръ, но кормиль-пойлъ только свою дружинишку храбрую, а мужиковъ посылалъ въ-зашей, да въ-сѣтычъ <sup>149</sup>.

Богатырь-козакъ представлялъ противоположность осѣдлому земскому человѣку, занимающемуся мирнымъ промысломъ. Богатырь-козакъ, которому было грузно отъ силушки какъ отъ тяжелаго беремени, не могъ по этому самому успокоиться, долженъ былъ находиться въ безпрестанномъ движеніи; *подвигалъ*, онъ гу-

ить изъ земли въ землю <sup>150</sup>. Богатырь-козакъ можетъ жить только въ широкой степи, въ городѣ онъ жить не можетъ: «отправились тутъ могучіе богатыри что на поле, на Куликово. Въдъ въ Киевъ-то нельзя имъ жить; разгуляются, распотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать; а такіа потѣхи богатырскія народу было не вытерпѣть, котораго толкнуть—тому смерть, да смерть» <sup>151</sup>. Богатырь-козакъ не могъ быть въ городѣ и воеводою: «Не дай Господи дѣлать съ барина холопа, съ холопа дворянина, изъ попа палача, изъ богатыря воеводу» <sup>152</sup>.

Земскій человѣкъ работаетъ, богатырь-козакъ *гуляетъ* по широкому полю, *полякуетъ*; но съ понятіемъ о гуляньѣ было необходимо связано понятіе о зеленомъ винѣ, о царевѣ кабацкѣ, и степной богатырь козакъ былъ очень хорошо извѣстенъ древнему русскому человѣку, извѣстенъ какъ записной гуляка, охотникъ до зелена вина. Илья Муромецъ, самый почтенный изъ богатырей, пьетъ въ кабацѣ вмѣстѣ съ голами кабацкими <sup>153</sup>.

Наконецъ сила перестаетъ по жилочкамъ живчикамъ переливаться, отъ нея уже не грузно болѣе, какъ отъ тяжелаго бремени, богатырь-козакъ старѣетъ. Приближается смерть, судъ, надобно будетъ расплатиться за то, что съ молодости было много бито, граблено, надобно душу спасти, средство къ тому — монастырь. Молодые смѣются надъ старымъ богатыремъ-козакомъ: «пора ти, старому, въ монастырь идти!» <sup>154</sup> И бѣда старому, если пропустить эту пору, встрѣтится въ чистомъ полѣ съ чудовищемъ, котораго не осилить, это чудовище — смерть; онъ замахнется острой саблею, но рука застоитъ въ плечѣ, не согнется, сабля выпадетъ изъ руки; тщетно взмолится богатырь, чтобъ смерть дала сроку хоть на три года, хоть на три часа, чтобъ имѣніе по церквамъ разнести, золоту казну по нищей братіи; смерть отвѣтитъ: «Не дамъ я тебѣ сроку: твое имѣніе несправедное, золота казна не заработана, и твоей душѣ не будетъ помощи.» Запатается богатырь на добромъ конѣ и упадетъ на сыру землю <sup>155</sup>.

Богатырь-козакъ есть герой народной исторической пѣсни въ продолженіе осьми вѣковъ, потому что во все это время богатырство-козачество на лицо и потому что во все это время идетъ одна и та же борьба въ чистомъ полѣ съ степными кочевниками, съ этими *идолжцемъ поганымъ*, какъ олицетворяется кочевникъ въ пѣсни; богатыри-козаки, какъ обитатели того же чистаго поля,

главные участники въ этой борьбѣ, это самая чистая, самая поэтическая сторона ихъ дѣятельности. Борьба въ степи и на украинѣ идетъ постоянная, съ однимъ и тѣмъ же характеромъ, отсюда и пѣсня тянется черезъ восемь вѣковъ съ одними и тѣми же лицами, съ одними и тѣми же дѣйствіями этихъ лицъ. Если въ народныхъ пѣсняхъ обыкновенно смѣшиваются лица, дѣйствія и мѣстности, то тѣмъ большее смѣшеніе должно было господствовать въ нашемъ народномъ эпосѣ именно по продолжительности и однообразію воспѣваемого явленія. Одно и то же происходило и при Владимірѣ 1-мъ, и при Владимірѣ Мономахѣ, и при Дмитріи Донскомъ и при Алексѣѣ Михайловичѣ, и потому какъ разъ пропѣлась пѣсня о Кіевѣ, о ласковомъ князѣ Владимірѣ и объ извѣстномъ числѣ богатырей, такъ къ этимъ мѣстностямъ и лицамъ и начало приставляться все послѣдующее изъ той же безконечной борьбы, изъ того же безконечнаго ряда подвиговъ. Мамай осаждаетъ Кіевъ, тутъ же и Куликово поле, тутъ же и Ермакъ, ставшій племянникомъ князя Владиміра <sup>156</sup>.

Но кромѣ борьбы съ степняками были и другія историческія явленія, которыя не могли не поразить воображеніе народа, не могли не отозваться въ его пѣсняхъ, какъ напримѣръ борьба съ Литвою <sup>157</sup>. Поразилъ воображеніе народа первый царь, Іоаннъ Грозный, покорившій три царства татарскихъ, страшными казнями выведившій измѣну изъ Москвы и Новгорода. Грозный въ пѣсни такъ говоритъ на пиру: «повынесъ я порфиру царскую изъ Царя-града, и повывелъ я измѣну съ каменной Москвы, уже я выведу измѣну изъ Нова-города» <sup>158</sup>. Осталось въ народной пѣсни страшное событіе въ семействѣ Грознаго, убіеніе сына отцомъ. Спѣлась пѣсня и про таинственное лицо Самозванца и про жену его, чародѣйку Марину, и про любимца народнаго, князя Скопина-Шуйскаго <sup>159</sup>. Наконецъ отъ царствованія Алексѣя Михайловича въ пѣсни осталась память о знаменитой борьбѣ съ Польшею за Русскія земли. Пѣсня начинается соборомъ: царь Алексѣй Михайловичъ выходитъ изъ церкви, отъ долгой обѣдни, становится на лобное мѣсто и объявляетъ боярамъ, купцамъ и солдатамъ: «пособите государю дума думати: надо думать крѣпка дума, не продумати.» Король (шведскій?) проситъ Смоленска, а вмѣсто его даетъ Химскую (Китайскую) землю. Соглашаться ли на промѣнъ? спрашиваетъ царь. За бояръ отвѣчаетъ князь астра-

ишскій, говорить, что Смоленскъ строеніе не московское, а литовское, что въ городѣ нѣтъ ни стрѣльцовъ, ни казны, и потому надобно согласиться на мѣну. Государю не понравились эти рѣчи; онъ обращается къ купцамъ, вмѣсто которыхъ отвѣчаетъ князь бухарскій, говорить то же самое, что и астраханскій. Государь обращается къ солдатамъ, вмѣсто нихъ отвѣчаетъ Данила Милославскій, что Смоленскъ строеніе московское, а не литовское, что въ немъ много стрѣльцовъ, много казны, что надобно за него стоять. Обрадованный государь жалуетъ Милославскаго Смоленскимъ воеводою, астраханскаго князя вѣшаетъ, бухарскому рубить голову<sup>100</sup>. Любопытно, что правительство допускало на соборахъ свободу мнѣній; но народъ, вѣрный старымъ вѣчевымъ обычаямъ, не допускаетъ ее въ произведеніяхъ своей фантазіи и заставляетъ царя казнить смертію людей, мнѣнія которыхъ не понравились.

Понятно, что появленіе въ XVII вѣкѣ богатыря-козака, какового еще не бывало, Стеньки Разина, сильно отозвалось въ пѣснѣ; самъ старъ-матерь козакъ Илья Муромецъ является при Разинѣ есауломъ только. Такъ самый видный изъ богатырей отодвигается уже на второй планъ. Но въ Великой Россіи новое богатырство или козачество, благодаря существованію крѣпкаго государства, никогда не играло главной, исключительной роли; Разины, богатыри, которые въ старину, въ богатырскія эпохи, дѣлались основателями государствъ, тутъ гнили отъ государства, да и немного было Разинныхъ; вотъ почему въ Великой Россіи имена старыхъ богатырей и сохранились. Другое дѣло въ Малой Россіи: здѣсь козачество разгулялось широко, его дѣятельность, его борьба съ Крымцами, Турками и Поляками явилась на первомъ планѣ, исключительно, овладѣла безраздѣльно народнымъ вниманіемъ и воображеніемъ; здѣсь козакъ Хмельницкій чуть-чуть не сдѣлался основателемъ новаго государства, родоначальникомъ новой династіи, здѣсь поэтому старый козакъ Илья Муромецъ не удержался при немъ даже и есауломъ, здѣсь старые богатыри совершенно исчезли. При томъ же въ широкой степени было очень бурно-вѣтрено: здѣсь старина, какъ и все, плохо держалась, разносясь буйнымъ вѣтромъ на всѣ четыре стороны. На сѣверѣ, въ лѣсу, все удобнѣе удерживалось, удерживалась и старина.

Кромѣ своихъ пѣсень и скавокъ, русскій человѣкъ охотно слу-

шалъ и читалъ сказки иноземныя въ переводѣ, какимъ бы путемъ онѣ къ нему ни приходили, лишь бы удовлетворяли потребности высвободиться изъ узкой среды будничной жизни, перенестись въ другую, новую, болѣе широкую сферу, къ дѣламъ выше обыкновенныхъ. Сначала эти иноземныя сказанія, Византійскія, переходили на Русь въ южно-славянскихъ сербскихъ и болгарскихъ переводахъ, потомъ въ XVII вѣкѣ западно-европейскія сказанія переходятъ преимущественно при посредствѣ польской литературы. Такъ уже давно любимымъ чтеніемъ русскаго грамотнаго человека были сказанія о подвигахъ Александра Македонскаго. Въ XVII вѣкѣ была извѣстна у насъ въ русскомъ переводѣ знаменитая въ средневѣковой европейской литературѣ троянская исторія Гвидона Мессинскаго. Въ западно-европейскихъ литературахъ XVII вѣкѣ былъ временемъ упадка рыцарскаго романа, который уже становится здѣсь чтеніемъ простонародья; у насъ же, во второй половинѣ XVII вѣка западный, рыцарскій романъ, въ переводѣ съ польскаго, усердно читается въ высшемъ грамотномъ обществѣ, что свидѣтельствуетъ значительное количество списковъ, является во дворцѣ, между книгами царевичей подъ названіемъ «потѣшныхъ книгъ.» Это явленіе служитъ также указаніемъ того возраста, въ какомъ находимъ народъ нашъ въ описываемое время, возраста дѣтскаго, когда фантазія преобладаетъ и требуетъ чудеснаго; рыцарскій романъ—родной братъ нашей богатырско-козацкой пѣснѣ и сказкѣ, а потому долженъ былъ найти радужный приѣмъ въ русскомъ обществѣ XVII вѣка, и западный богатырь Буоводъ Антона сталъ такимъ русскимъ Бовой-королевичемъ. Посредствомъ переводовъ съ польскаго русскіе люди XVII вѣка познакомились съ правоучительными повѣстями. Въ началѣ XVII вѣка толмачъ греческаго и польскаго языка Федоръ Гозвинскій перевелъ басни Езопа, который, по словамъ переводчика: «правоучительная къ намъ сей бесѣдуетъ и въ притчахъ полезная къ житію даруетъ.» Этотъ переводъ не былъ единственнымъ въ XVII вѣкѣ. Въ то же время переводились съ польскаго огромные средневѣковые сборники правоучительныхъ повѣстей—*Gesta Romanorum* (дѣла римскія), Зерцала; собранія анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, особенно изъ греческой и римской исторіи, такъ называемыя «Апофегматы;» наконецъ переводились съ польскаго сборники *фавей*, т.-е. смѣшныхъ и скандальныхъ разказовъ и

анекдотовъ, острыхъ словъ и шутокъ (смѣхотворныя повѣсти) <sup>161</sup>. Знакомство съ иностранными повѣстями не осталось безъ вліянія, и мы видимъ въ XVII вѣкѣ попытки къ русской повѣсти, гдѣ описываются любовныя и другія похождения русскихъ людей. Одна изъ дошедшихъ до насъ такихъ повѣстей, болѣе древняя, еще связана тѣми условіями, въ которыхъ въ старину обыкновенно являлась въ русской литературѣ повѣсть, сказаніе, т.-е. въ условіяхъ религіозныхъ. Любовныя и служебныя похождения одного купеческаго сына въ царствованіе Михаила Феодоровича озаглавливаются такъ: «повѣсть зѣло предивная града великаго Устюга купца Оомы Грутцына о сынѣ его Саввѣ, какъ онъ даде на себе діаволу рукописаніе и какъ избавленъ бысть милосердіемъ Пресвятой Богородицы Казанскія» <sup>162</sup>. Другой дошедшій до насъ образчикъ русской повѣсти, «исторія о Фролѣ Скобѣевѣ», уже свободенъ отъ этихъ древнихъ условій <sup>163</sup>.

Но поворотъ общества на новую дорогу, столь слышный въ XVII вѣкѣ, обозначался не тѣмъ только, что переводились и переписывались западныя повѣсти, потѣшныя книги, смѣхотворныя повѣсти. Дѣйствительно западъ сманивалъ русскаго человѣка и комедійнымъ дѣломъ и потѣшною книгою; но поворотъ главнымъ образомъ сказывался въ томъ, что сознана была необходимость учиться у запада, въ томъ что переводились и переписывались грамматики, ариметики, лѣчебники, космографіи. По русской географіи еще съ конца XVI вѣка былъ извѣстенъ «большой чертежъ земли русской», возобновляемый и дополняемый въ XVII вѣкѣ, вмѣстѣ съ книгою «Большой чертежъ», описаніемъ московскаго государства по дорогамъ и рѣкамъ. Понятно, что болѣе всего нуждались въ книгахъ люди, часто сталкивавшіеся съ западнымъ міромъ, люди, которые должны были знать, что тамъ дѣлается, въ этомъ мірѣ, котораго превосходство такъ кидалось въ глаза. Понятно, что прежде всего нуждались въ книгахъ во дворцѣ и въ посольскомъ приказѣ, и книги *строились* въ двухъ экземплярахъ: одинъ брался на Верхъ къ великому государю, другой отдавался въ посольскій приказъ. Посолъ, отправлявшійся за границу, преимущественно въ Польшу, привозилъ съ собою большое количество польскихъ и латинскихъ книгъ. Князь Репнинъ-Оболенскій, будучи посланъ въ Польшу въ 1653 году, по государеву указу купилъ тамъ слѣдующія книги: 1) лексиконъ



Славяно-Русскій — дано  $4\frac{1}{2}$  золотыхъ польскихъ; 2) графъ Пясецкаго — дано десять золотыхъ; 3) дикціонеръ или лексиконъ Гданскій на трехъ языкахъ: на нѣмецкомъ, латинскомъ и польскомъ — дано 15 золотыхъ; 4) Гвагвинъ, дано 40 золотыхъ; 5) Библия на польскомъ языкѣ, дано 50 золотыхъ; 6) книга — описаніе Польши, дано 24 золотыхъ, да отъ переплету 6 золотыхъ; 7) конституція нынѣшняго 161 года, дано левокъ; всего куплено книгъ на 25 золотыхъ. Легко представить, что два знаменитыхъ начальника посольскаго приказа, два знаменитыхъ западника, Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ, будутъ самыми усердными собирателями иностранныхъ книгъ: въ 1669 году Ордину-Нащокину прислано было изъ-за границы 82 латинскія книги. Справки непосредственно по русскимъ лѣтописямъ и хроникамъ иностраннымъ были тяжелы, явилась необходимость дѣлать изъ нихъ выборки, а прежде всего составлять наглядныя генеалогическія таблицы съ *парсунами* (портретами) государей и ихъ гербами, при чемъ какъ для царя, такъ и для посольскаго приказа необходимо было означить, какой Россійскій государь съ какими иностранными государями имѣлъ сношенія. Матвѣевъ въ посольскомъ приказѣ съ товарищами своими, съ приказными людьми и переводчиками, сдѣлалъ «Государственную большую книгу, описаніе великихъ князей и царей Россійскихъ, откуда корень ихъ государскій изыде, и которые великіе князи и цари съ великими жъ государи окрестными съ христіанскими и съ мусульманскими были въ ссылкахъ, и какъ великихъ государей именованья и титулы писаны къ нимъ; да въ той же книгѣ писаны великихъ князей и царей, и вселенскихъ и московскихъ патріарховъ, и римскаго папы и окрестныхъ государей всѣхъ персоны и гербы.» Персоны эти писали иконописцы, Иванъ Максимовъ и Дмитрій Львовъ, пять мѣсяцевъ. Великій государь указалъ этой книгѣ быть въ посольскомъ приказѣ, а себѣ и сыну своему царевичу Ѳеодору Алексѣевичу указалъ сдѣлать двѣ такія же книги, и въ прибавку написать персоны дѣтей своихъ всѣхъ и польскихъ королей съ Стефана Абатура (Баторія). Въ этомъ же родѣ дьякъ Грибоѣдовъ построилъ: «Исторію, сирѣчь повѣсть, или сказаніе вратѣй о благочестно державствующихъ и святопожившихъ богоугодныхъ царяхъ и великихъ князехъ, иже въ Россійстѣи земли богоугодно державствующихъ.» Трудъ Грибоѣдова представляетъ генеалогическое

перечисленіе лицъ съ прибавленіемъ витіеватыхъ похвалъ; цѣль— вывести родъ московскихъ государей и прикнуть къ нимъ новую династію. Перечисленіе государей начинается съ Владиміра Св. О переходѣ первенствующаго значенія отъ южныхъ князей къ сѣвернымъ говорится такъ: «По представленіи же в. к. Владиміра Всеволодовича Мономаха, руссійское царство начать раздѣлятися на многія начала и первоначальство же Кіевское и съ честію начинашеся переходити инамо. Истинный же наслѣдникъ отечества Россійскаго царствія в. князь Георгій Долгорукій, иже бысть седьмой сынъ в. к. Владиміра Мономаха, аще и не въ Кіевѣ тогда начальствуя, но въ Суждалѣ государствуя и въ Ростовѣ, честію же преслѣваа паче всѣхъ братій своихъ.» Описавъ изгнаніе изъ Кіева Игоря Ольговича Изяславомъ Мстиславичемъ, авторъ говоритъ: «Великій же князь Георгій Владиміровичъ тогда государствуя въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, обновляя въ немъ первоначальственное скиптродержавіе благочестиваго царствія, иже нынѣ благородное ихъ сѣмь царское преславно царствуютъ.» Перечисливъ сыновей Долгорукаго, Грибѣдовъ продолжаетъ: «Изъ нихъ же учинися Россійскаго царствія наслѣдникъ истинный коренеплодитель, первоначальствующимъ Россійскимъ самодержцемъ богохранимый в. князь Всеволодъ. И уже тогда кіевскіи величїи князи подручны бяху владимірскимъ самодержцамъ, въ градѣ бо Владиміръ тогда начальство ударживавшеся пришествиемъ чудотворнаго образа Богоматери, съ нимъ же прииде изъ Вышеграда в. к. Андрей Георгіевичъ и державствовалъ. А братъ его сей великій богохранимый князь Всеволодъ Георгіевичъ государствова въ Переславли, а оттуду по братѣ его приаваше его во Владиміръ Владимірстїи люди и тако надъ всѣми владомыми въ Россійстѣи земли бысть единъ всѣмъ любимъ самодержецъ, такожде и самъ всѣхъ любя и самодержествуя.» Ярославъ Всеволодовичъ является старшимъ сыномъ Всеволода; о нашествїи Татаръ ни слова. Послѣ Невскаго авторъ сейчасъ же переходитъ къ Даніилу московскому: «понеже убо тогда честь и слава в. княженія возхождаше на боголюбивый градъ Москву.» За Даніиломъ непосредственно слѣдуетъ Калита, за Калитою прямо Іоаннъ II, Симеонъ Гордый пропущенъ. Объ Іоаннѣ Грозномъ такой отзывъ: «Еще же и житіе благочестно имѣя и ревностію по Бозѣ присно препоясуясь и благонадежныя побѣды мужествомъ окрестныя мно-

гонародныя царства пріять, Казань и Астрахань и Сибирскую землю. И тако Россійскія земли держава пространствомъ разливашеся, а народи ея веселіемъ ликовашу и побѣдныя хвалы Богу возсылаху.» О первомъ бракѣ Грознаго говорится: «Законному браку сочетсяя, избра себѣ онъ в. государь по своему царскому достоинству богомудрую супругу аки свѣтлый бисеръ или анфраксъ камень драгій всечестную отроковицу и блаженную дочь нѣкоего вельможи Романа Юрьевича Романова.» Слѣдуетъ похвала Анастасіи. Послѣ царя Θεодора слѣдуетъ извѣстіе о происхожденіи Романовыхъ: «Отъ матери его Анастасіи Романовны родословіе сиче: въ древнихъ лѣтѣхъ въ Россійское царствіе выѣхалъ изъ Прусскія земли государя прусскаго сынъ Андрей Іоанновичъ Романовъ, а прусскіе государи сродники Августу Кесарю Римскому.» Книга, оконченная въ 1669 году, первоначально состояла изъ 36 главъ и заключалась длиннымъ описаніемъ объявленія царевича Алексѣя Алексѣевича наслѣдникомъ. Въ послѣдствіи прибавлены извѣстія о смерти царицы, царевичей, самого царя Алексѣя Михайловича и о восшествіи на престолъ Θεодора Алексѣевича <sup>164</sup>.

Любопытно сравнить это произведеніе московскаго дьяка съ современнымъ произведеніемъ малороссійскаго ученаго, съ знаменитымъ Синописисомъ Гизеля. Малороссійскій ученый читалъ польскихъ книгъ, коротко познакомился съ Стрыйковскимъ, и высказываетъ свою ученость тѣмъ, что производитъ русскій народъ отъ Мосоха, сына Яфетова, названіе Руссовъ производитъ отъ разсѣянія, имя Славянъ отъ славы, которую предки наши снискали воинскою храбростію, говорить о помощи, поданной славянами Филиппу и Александру Македонскимъ. Основатели Кіева, Кій съ братьями, происходятъ отъ Мосоха; Аскольдъ и Диръ названы потомками Кія; Варяговъ авторъ называетъ славянами, а черезъ нѣсколько строкъ говорить, что князья варяжскіе пришли отъ Нѣмцевъ; Аскольдъ и Диръ, названные прежде потомками Кія, являются мужами Рюрика, и дѣло соглашено такъ: «Бѣста у Рюрика, князя велико-новгородскаго, нѣкая два нарочита мужа, о нихже не бѣ тамо извѣстно, аще идоша отъ колѣна основателя и перваго князя кіевскаго Кія.» По смерти Ярослава I-го, авторъ переимѣшиваетъ князей и событія, опуская главное, оставляя незначашее, сопоставляя разнорѣчивыя свидѣтельства объ

одномъ и томъ же событіи, какъ наприим. говорить, что Владиміръ Мономахъ добылъ цѣпь, поясъ и шапку княжую отъ старосты Каменскаго, котораго поборолъ на поединкѣ, и на другой же страницѣ говорить, что всѣ эти вещи были присланы Мономаху изъ Византіи. О сѣверной Россіи мы не находимъ ничего въ Синописи, и послѣ взятія Кіева Батыемъ авторъ прямо переходитъ къ длинному описанію Мамаева побоища; потомъ обращается опять къ Батыю, къ его походамъ на западъ; перечисляетъ князей сѣверныхъ и южныхъ, говоритъ о перенесеніи митрополическаго престола изъ Кіева прямо въ Москву, о взятіи Кіева Гедиминомъ, о раздѣленіи митрополіи, объ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ, о превращеніи княжества кіевскаго въ воеводство, о присоединеніи Кіева къ Москвѣ — кратко, въ общихъ чертахъ.

Таковы были первыя попытки, первый младенческій несвязный лепетъ русской исторіографіи у насъ на сѣверѣ и югѣ. Разумѣется, мы не рѣшимся отдавать преимущество одному сочиненію передъ другимъ, замѣтимъ только, что царскій характеръ исторіи сѣверной Россіи рѣзко сказанъ въ сочиненіи московскаго дьяка. Записываніе современниками важнѣйшихъ общихъ или наиболѣе занимавшихъ ихъ, наиболѣе къ нимъ близкихъ событій, не прерывается ни на сѣверѣ, ни на югѣ; но составленіе лѣтописныхъ сборниковъ въ старой формѣ останавливается, и, вслѣдствіе новыхъ потребностей, являются сочиненія въ родѣ «исторіи о царяхъ» или Синописиса. На Верху у великаго государя были уже книги *Василіологіонъ* — персоны ассирійскихъ, перскихъ, греческихъ, римскихъ царей и великороссійскихъ великихъ князей и царей; въ 1675 году Матвѣевъ приказалъ построить еще два экземпляра *Василіологіона*. Въ посольскомъ же приказѣ при Матвѣевѣ построены были книги: Мусы или семь свободныхъ учений въ лицахъ; о Сивиллахъ; Хрисмологіонъ на откровеніе сна Данииломъ пророкомъ Навуходоносору о четырехъ монархіяхъ; исторія о мужественнѣйшихъ въ воинскихъ ополченіяхъ ассирійскихъ, перскихъ, еврейскихъ, греческихъ, римскихъ, царяхъ и великороссійскихъ великихъ князьяхъ и царяхъ. Слагалъ эти книги и собиралъ изъ различныхъ книгъ посольскаго приказа еллиногреческаго языка переводчикъ Николай Спафарій да подъячій Петръ Долговъ. Стараніемъ Матвѣева же построена была книга

о важнѣйшемъ событіи для новой династіи, о избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича <sup>165</sup>.

Въ 1650 году вызваны были въ Москву два кіевскихъ ученыхъ монаха, извѣстные намъ Епифаній Славинецкій и Арсеній Сатановскій для перевода съ библіи греческой на славянскую рѣчь и для риторскаго ученія, дано имъ жалованья—поденнаго корму по 4 алтына, питья съ дворца по 2 чарки вина, по 2 кружки меду, по 2 кружки пива. Въ предисловіи къ евангелію, переведенному Славинецкимъ, говорится: «По кончинѣ патріарха Питирима царь указалъ, а соборъ благословилъ переводить библію всю іеромонаху Епифанію Славинецкому, назирати же дѣло и трудящихся снабждать указалъ государь Павлу митрополиту Сарскому. Епифаній выбралъ себѣ въ помощники Сергія, бывшаго игумена Путивльскаго Молчинскаго монастыря, Евфимія монаха Чудова монастыря, Никифора іерея справщика книгъ, Моисея іеродіакова Чудова монастыря, Михаила Родостамова и Флора Герасимова, книгописцевъ книгъ печатнаго дѣла. Симеону же Полоцкому не изволи отецъ Епифаній у дѣла сего быти того ради, зане аще и ученъ бѣ, но латински точію, гречески же ниже малѣйше что-либо знаше. Павелъ митрополить устрѣи въ дому своемъ сущемъ внѣ града Москвы, именуемомъ Крутицы, на горахъ высокихъ и крутыхъ надъ рѣкою Москвою, тихомъ сущемъ мѣстѣ и безмолвномъ, приличномъ дѣлу сему, храмины приличныя содѣла и вертоградъ разныхъ видовъ древъ и цвѣтовъ и зелій всякихъ насади и источникъ ископа теши сладководный за утѣшеніе и оградю огради яко инъ нѣкій рай.» — Епифаній могъ перевести только Новый Завѣтъ, потому что умеръ въ 1676 году. Но старцы не могли ограничиться переводомъ библіи и риторскимъ ученіемъ; Епифаній перевелъ «уставы граждано-правительственные изъ первой книги Ѳукидидовой исторіи и изъ конца панегирика Траяну Плинія младшаго; съ латинскаго: географіи 2 части — Европу и Азію; книгу врачевскую анатомію Андрея Вессалія Брукселенска; о убіеніи Краля Ангельскаго (англійскаго короля Карла I-го); гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ <sup>166</sup>. Сатановскій перевелъ большой сборникъ: *Ограда царскомъ*, или поученіе нѣкоего учителя именемъ Мефрета, собрано отъ 120 творцовъ греческихъ и латинскихъ, какъ ви́шнихъ философовъ, стихотворцевъ и историковъ, врачей, тако же и духовныхъ богословцевъ и сказате-

лей писанія божественнаго. А писано въ той книгѣ имяна и свойства или естественныя природы различныхъ многихъ звѣрей четвероногихъ, птицъ, рыбъ удивительныхъ морскихъ, змѣвъ и всякихъ пресмыкающихся, камней драгихъ, бисеръ, древесъ всякихъ, моря, рѣкъ, источниковъ, лѣсовъ, четырехъ стихій, воды, земли, воздуха, огня. Обрѣтаются еще повѣсти на всякую вещь, философъ, царей, врачеваніе на многовидныя болѣзни, обычаи различныхъ языковъ, положеніе странъ, выспись горъ, различные сѣмена, злаки травныя, притчи и иная многая собранная и въ едино мѣсто совокупленная. А сложено то все разумомъ и прикладомъ въ Троицѣ Св. Единому, ко ангеламъ, къ человѣку и его добродѣтелямъ и злобамъ, также и къ коварству демоновъ и къ похваленію святыхъ Божіихъ, къ хуленію же еретиковъ удивительнымъ прировнаніемъ и свидѣтельствомъ Вѣтхаго и Новаго Завета писанные и съ толкованіемъ учителей церковныхъ приводятся. И таковыми приводы и чуднымъ остроуміемъ сочинены поученія на цѣлый годъ, на всѣ недѣли и на праздники господскіе и богородичны и на святыхъ и на всю четырехдесятницу по двѣ и по три, всякое же поученіе таково есть пространно, что отъ всякаго мочно два и три и четыре и пять поученій содѣлать<sup>167</sup>. Сатановскому за переводъ этой книги велѣно было давать по гривнѣ на день вмѣсто прежнихъ четырехъ алтынѣ.

Изъ обзора этихъ книгъ, переведившихся и *строившихся* преимущественно для дворца и посольскаго приказа, мы видимъ, что вслѣдствіе пробудившейся потребности знанія особенно нуждались въ такихъ книгахъ, изъ которыхъ бы можно было поскорѣе узнать какъ можно болѣе необходимыхъ вещей. Для взрослыхъ людей, хотѣвшихъ быть и слыть образованными, всего нужнѣе были краткіе учебники и энциклопедіи, чтобъ изъ немногихъ книгъ узнать какъ можно больше. Но если старикъ Морозовъ, въ разговорѣ съ учеными иностранцами, торько жаловался, что въ молодости не получилъ образованія, то люди, подобные Морозову, которыхъ становилось все больше и больше, необходимо должны были придти къ мысли дать образованіе своимъ дѣтямъ, чтобъ они послѣ не жаловались, будучи принуждены сами, безъ руководства и опытности, узнавать кое-что изъ кое-какихъ переводныхъ книжекъ. Поэтому неудивительно, что сперва во дворцѣ, а потомъ и въ домахъ вельможескихъ мы видимъ при дѣтяхъ на-

ставниковъ, людей способныхъ изъ многихъ книгъ собрать разнаго рода знанія и живымъ, легкимъ способомъ передать ихъ молодымъ людямъ и при этомъ, главное, сообщить имъ средство самимъ потомъ продолжать ученіе, т. е. сообщить имъ знаніе иностранныхъ языковъ.

Первыми и сначала исключительными наставниками царевичей были подьячіе, которые учили ихъ грамотѣ, читать и писать. Разумѣется, изъ подьячихъ выбирались для этого безупречные чтецы и краснописцы и также люди нравственные, пріятной наружности и съ хорошими манерами, т. е. чтобъ умѣлъ «крестъ сполна класть по писанному, и поклонъ вести по ученому.» Учителемъ царевича Теодора Алексѣевича былъ подьячій посольскаго приказа Памфилъ Бѣляниновъ <sup>168</sup>. Но однимъ подьячимъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича уже нельзя было довольствоваться и вызванъ былъ наставникъ другаго рода. Здѣсь, разумѣется, употреблена была та же сдѣлка, которая вообще употреблялась у насъ въ XVII вѣкѣ для введенія образованія: иностранца-иноувѣрца призвать не хотѣли, призвали ученаго западнорусскаго монаха, Симеона Петровскаго Ситіановича, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Полоцкаго по мѣсту происхожденія.

Симеонъ Полоцкій былъ образцомъ домашняго учителя, какой требовался у насъ въ XVII, XVIII и даже въ XIX вѣкахъ: выучить дѣтей всему, но безъ принужденія, умѣть подсластить науку, пріохотить къ ней; но кромѣ ученія дѣтей, домашній учитель долженъ быть годенъ и на другія послуги въ домѣ; именины господина или госпожи: домашній учитель пишетъ поздравительные стихи и рѣчи; пишетъ театральныя пьесы; умереть кто-нибудь въ семействѣ, — у домашняго наставника готовы и жалобные стихи. Таковъ былъ и Симеонъ Полоцкій, ходячая энциклопедія, неутомимый борзописецъ, умѣвшій писать обо всемъ, ловкій собиратель отовсюду чужихъ мѣній и старающійся представить ихъ занятно, заставить выучить ихъ шутя; разумѣется, отъ такого человѣка нельзя требовать оригинальности, самостоятельности. Мы видѣли переводы энциклопедій въ родѣ «Града царскаго», сборниковъ съ анекдотами о знаменитыхъ людяхъ, замѣчательныхъ изреченій: Полоцкій, зная языки латинскій и польскій, собираетъ отовсюду анекдоты, изреченія, опредѣленія, и все это переводитъ стихами, виршами, въ виршахъ излагаетъ главные событія вет-

хаго и новаго завѣта, исторію римскихъ императоровъ, «того ради да присвойственною себѣ сладостію сердцамъ читателей пріятнѣйши суще, аки нуждею влекутъ я ко чтанью частѣйшему и удобнѣе памятію содержаться могутъ.» Войдемъ же въ учебную комнату царевича, и посмотримъ, что Полоцкій предлагаетъ въ виршахъ своему ученику. Онъ говоритъ ему о *гражданствѣ*, и предлагаетъ опредѣленія семи греческихъ мудрецовъ, внушая, что всѣ они хороши:

Како гражданство преблаго бываетъ  
Гражданствующимъ знати подобаетъ.  
Разная седми мудрыхъ суть мнѣнія,  
Но вся виновна гражданъ спасенія:  
Премудрый Віасъ даде слово свое  
Гражданство быти презирадно тое.  
Въ немъ же закона яко царя бояся  
И царя яко закона страшатся.  
Хилонъ то блажитъ, гдѣ законовъ слушаютъ  
Велесловныхъ же риторъ не глашаютъ.  
Клеовулъ паки тои градъ похваляетъ  
Гдѣ безчестія всякъ ся устрашаетъ  
Гражданинъ, паче закона самого  
На преступника въ книгахъ писаннаго и т. д.

Въ виршахъ Полоцкій представляетъ своему ученику образецъ добраго начальника:

Пастырь съ овцами образъ предлагаетъ  
Како намъ жити въ міръ подобаетъ;  
Пастырь начальны знаменуетъ люди,  
Стадо подданныхъ въ образъ намъ буди.  
Едаже пастырь стадо присѣщаетъ  
Овца на пути не лежитъ, но встаетъ,  
Аки честь ему хотяци творити.  
Взаимъ же пастырь овцы соблюдаетъ  
И на рамахъ си блудныя ношаетъ,  
Такъ начальникъ долженъ есть творити  
Бремя подданныхъ крѣпостно носить.  
Не презирати, не за псы имѣти,  
Паче любить яко своя дѣти.  
И то въ памяти выну содержати,  
Яко земля тѣхъ и его есть мати.  
Пастырь жезломъ укрошаетъ стада,  
Женеть на паству, женеть и вудъ града:



Тако начальникъ жезломъ да управить  
Винна накажетъ, невѣжду наставить,  
Обаче косень да будетъ язвити  
Идеже довѣсть есть токмо страшити.

**Въ виршахъ описываетъ добродѣтели, приличныя державнымъ,  
прежде всего благочестіе, потомъ:**

Вторая сану начальныхъ прилична  
Есть добродѣтель въ мірѣ необычна:  
Та смиреніе есть божественное  
Христомъ Господомъ въ конецъ храненное.  
Имать начальникъ въ памяти держати  
Яко не въ вѣки будетъ обладати:  
Смерть бо пришедши хочетъ власть отъяти  
Съ прочими людьми въ персти сравняти.  
Третіе властей добротвореніе  
Еже хранить имъ разсужденіе  
Во всякихъ дѣлахъ, а не уповати  
На единъ свой умъ, выну вопрошати  
Умныхъ совѣта, тако бо вершати  
Благо вся мощно, а не погрѣшати.  
Очеса лучше видять неже око,  
Никто о себѣ да держитъ високо;  
Въ мнозѣ совѣтъ есть спасеніе  
Въ единомъ умѣ посползованіе.  
Четвертая есть добродѣтель властей  
Правду хранити. Блюсти отъ напастей  
Подчиненныхъ, и чести давши  
Достойнымъ, а не на злато смотрѣти,  
Равно судити мала и велика  
На лице зрѣти прещаетъ Владыка.  
Не яко сѣть имъ законъ да бываетъ  
Юже не дрѣпку паукъ соплетаетъ:  
Табо животное мало уловляетъ  
Большее сѣти самыя терзаютъ.  
Не буди тако, но единъ судъ буди  
Всѣмъ иже въ единой области суть люди.

**Въ виршахъ высказалъ Полоцкій господствовавшее правило  
тогдашняго воспитанія дѣтей:**

Плевелы отъ пшеницы жезлъ твердъ отбиваетъ,  
Розга буйство изъ сердецъ дѣтскихъ прогоняетъ.  
Родителямъ древяный жезлъ буди на чада,  
Да не страждутъ желѣзна отъ судиіи града:  
Уне въ дому древянымъ въ дѣтствѣ оны бити  
Неже возросшихъ градскимъ желѣзомъ казнити.

Моисій донележе жезлъ въ руку си держаше,  
 Нечто ино, точію жезлъ деревяный бѣше;  
 Егда же поверже, въ змія превратися  
 Даже и Моисій его зѣло устрасися:  
 Тако аще на чада жезлъ въ рукахъ бываетъ  
 Отчихъ, наказанія жезлъ онъ пребываетъ,  
 Не могущъ умертвити. Аще же пустится  
 Изъ руку, тогда въ змія люта претворится.  
 Абіе бо ко грѣхомъ чада ея склоняють  
 И тѣми уязвлени бывше умирають.

Пришлецъ, достигшій важнаго значенія при дворѣ, явившійся въ Москвѣ съ опасными преимуществами учителя, оскорблявшими самолюбіе старыхъ учителей, Симеонъ Полоцкій не могъ не столкнуться съ послѣдними, имѣвшими за собою толпу; онъ столкнулся съ архіереями, которые опирались на свое важное архипастырское значеніе, а Симеонъ Полоцкій опирался на свое образованіе, дававшее ему сильный голосъ при рѣшеніи важныхъ вопросовъ, опирался на свое положеніе, на свой входъ на Верхъ; Симеонъ Полоцкій столкнулся съ самимъ патріархомъ Іоакимомъ, тѣмъ болѣе, что не отличался смиреніемъ Епифанія Славинецкаго, скромнаго келейнаго труженика, а патріархъ Іоакимъ, какъ мы видѣли изъ дѣла духовника царскаго, не любилъ, чтобъ кто-нибудь изъ духовенства, опираясь на свое положеніе на Верху, забывалъ о своемъ непосредственномъ подчиненіи святѣйшему. О Полоцкомъ пошли толки, что его ученіе не совсѣмъ правильно: обвиненіе страшное при тогдашней подозрительности относительно новыхъ учителей. Полоцкій, благодаря своей ловкости, недоступности такимъ обвиненіямъ, какимъ былъ доступенъ, напримѣръ, духовникъ Савиновъ, удержался, но не могъ не выразить своего негодованія на пустые толки толпы, на которые не слѣдуетъ власти обращать вниманіе, не могъ удержаться, чтобъ не задѣтъ и архіереевъ:

Не вѣруй убо гласу общему народа,  
 Ищи въ дѣлѣ правды челоувѣча рода,  
 Слово вѣтръ развѣваетъ, а кто тому вѣритъ  
 Безразсудно, срамоты мзду себѣ возмѣритъ.

Объ архіереяхъ Полоцкій сложилъ вирши:

Архіереемъ къ тому сущимъ въ благодати  
 Желалъ бымъ реченіе *образъ* приписать

Ежебы не тоцію истину учити  
Но и житіємъ святымъ образы всѣмъ быти.

Понятно, что Полоцкій долженъ былъ усердно проповѣдывать въ пользу новаго порядка вещей, наступленіе котораго и дало ему важное значеніе въ Москвѣ, на Верху у великаго государя. Между виршами его находится любопытное указаніе на то, какъ примѣръ съ Верху долженъ способствовать распространенію просвѣщенія:

Франтискъ именемъ первый краь французскій бьяше  
Сей яко писаніе и мудрость любяше  
(Еяже родители его не любяху  
Но подобіемъ варваръ въ простотѣ живяху)  
Абѣ честныхъ дѣти писаній взыскаша  
Кролевску любленію тако угождаша.  
И бысть въ малѣ времени мудрость разширена  
Образомъ краля во всѣ земли умножена:  
Обычай бо есть въ людяхъ царю подражати  
Еже ему любезно — всѣмъ то возлюбяти.  
Благо убо есть царству, егда благи нравы  
Царствуяй воспріемлетъ, ради всѣхъ исправы.

Полоцкій провозглашаетъ о необходимости научнаго образованія и въ проповѣдяхъ своихъ. Такъ въ словѣ на день Рождества Христова проповѣдникъ, отъ лица патріарховъ александрійскаго и антиохійскаго, именемъ Божіей Премудрости, рожденной въ Вифлеемѣ, умоляетъ русскихъ людей взыскать науку, потому что она свѣтъ умственныхъ очей и правило всему житію человѣческому. Обращаясь отъ лица патріарховъ къ царю, онъ убѣждаетъ его основывать школы, умножать *студеовъ* (студентовъ) своею милостію и вниманіемъ, сыскать хорошихъ учителей и всѣхъ почестіями поощрять къ трудолюбію.

Ревнитель просвѣщенія, призванный въ Москву для его распространенія, Симеонъ Полоцкій въ проповѣдяхъ своихъ напалъ на старыхъ учителей, священниковъ за ихъ невѣжество: «Великимъ нерадѣніемъ ихъ и всеконечнымъ небреженіемъ о духовныхъ дѣтяхъ, премногіе несмысленные люди, какъ безсловесныя овцы, отъ пути праваго житія заблудились и въ пропасть погибельной жизни уклонились... Многіе невѣжды, не бывшіе никогда и нигдѣ учениками, смѣютъ называться учителями... по правдѣ это не учителя, но мучители. Оттого умножилась въ людяхъ злоба, преуспѣло лукавство, волхвованіе, чародѣйство, разбой, воровство,

убійства, пьянство и недѣльные игрыща, грабежи, хищенія и тому подобное, наконецъ и возстаніе противъ власти. Виною всего этого преимущественно неумѣные и нерадѣные духовныхъ отцовъ: не учать и не наставляютъ дѣтей своихъ духовныхъ»<sup>189</sup>.

Одними обличеніями въ невѣжество нельзя было вдругъ сдѣлать всѣхъ священниковъ свѣдущими и искусными проповѣдниками, и потому въ числѣ проповѣдей Полоцкаго находимъ слово, написанное имъ для того, чтобъ священники читали его своимъ прихожанамъ. Но любопытно взглянуть на дѣятельность одного достойнаго священника, который явился подражателемъ Полоцкаго въ отдаленномъ углу Россіи. Именитый человекъ, Григорій Дмитриевичъ Строгановъ, «истинное всѣмъ російскимъ вельможамъ и богачамъ ясное свѣтило по благочестію,» отличался въ пермской странѣ своею щедростію, гостепріимствомъ и любовію къ церковному благолѣшію. Въ своемъ отчинномъ городкѣ Орлѣ онъ построилъ церковь Похвалы Богородицы, завелъ при ней отличный хоръ пѣвчихъ и сталъ искать отличнаго священника; ему сказали, что есть такой въ Соликамскѣ, и Строгановъ поспѣшилъ перезвать его къ себѣ въ Орель, принялъ съ большою ласкою и почетомъ, и сталъ уговаривать ко введенію новизны, говоренію проповѣдей. Священникъ, слыша, что въ Россіи (такъ въ Пермскомъ краю называли центральныя московскія области) по многимъ городамъ говорятъ устно поученія, согласился подражать проповѣдникамъ, но какъ это сдѣлать? Взять проповѣди Симеона Полоцкаго—словъ неудобно: простѣйшимъ людямъ «за высоту словесъ» тяжело слышать; взять переводы проповѣдей Златоуста—ихъ не понимаютъ не только слушающіе, но и читающіе, не только міряне, но и священники, прямо говорятъ, что писаны иностраннымъ языкомъ. Священникъ взялъ бесѣды Златоуста, но сталъ излагать ихъ простѣйшимъ языкомъ, иногда наизусть, иногда по тетради. Но эта попытка не прошла даромъ нововводителю: начали его бранить, смѣяться надъ нимъ, не щадили укорительныхъ словъ, подучали другъ друга не слушать его проповѣдей, кричали: «прежде здѣсь были священники добрые и честные, да такъ не дѣлали, жили по просту, и мы жили въ изобиліи; а этотъ съ чего взялъ вводить новизны? Неудовольствіе происходило отъ того, что прежніе священники жили слишкомъ попросту, не имѣя уваженія къ самимъ себѣ, къ своему званію, не

умѣли внушать прихожанамъ уваженія къ себѣ и потворствовали мірянамъ, которые привыкли смотрѣть на священника какъ «на послѣднѣйшаго раба,» привыкли распоряжаться церковнымъ уставомъ, порядкомъ службы какъ имъ хотѣлось: священники не прекословили. Священники, въ возстаніи на орловскаго нововводителя, приняли сторону недовольныхъ мірянъ. Нововводитель не остался у нихъ за это въ долгу и громилъ ихъ въ проповѣдяхъ своихъ. Пастыри наши не о стадѣ Христовѣ прилежать, но о златѣ и серебрѣ, о рабахъ предходящихъ, о колесницахъ и коняхъ, о зданіяхъ и селахъ, о вина множествѣ, о ризѣ украшеніи. Обрѣтаются въ родѣ моемъ такіе слѣпые вожди, думаютъ, что мудры, а на дѣлѣ грубѣйшіе невѣжды, говорятъ: что намъ въ книгахъ учительныхъ? достаточно часослова и псалтыря. Правду говоришь, достаточно, если кто знаетъ силу въ нихъ написаннаго, но это знаніе далеко отъ тебя и отъ разума твоего. Безумецъ! сидя за полными чашами въ корчемницѣ, ты разсуждаешь, въ корчемницѣ ты велерѣчивъ, а въ церкви связанъ безгласіемъ, плѣненъ неразуміемъ. Говорятъ, что довольно, если священникъ книгу читаетъ предъ народомъ въ церкви, а устное ученіе укоряютъ и еретическимъ называютъ. Безумецъ! кого къ еретикамъ причисляешь? патріарховъ, пророковъ, апостоловъ!—Теперь святители и священники, пьянства ради и челоуѣкоугодія, желая власти, и виноградъ Христовъ презирая, высокую честь и достоинство свели въ безчестіе, укоризну и посмѣяніе: сего ради не отъ царей и князей, но отъ худыхъ людей, какъ отъ шелудивой овцы и отъ смраднаго козла пастырь бѣдный срамоту, хуленіе, злорѣчіе, досажденіе и бѣненіе, узы и смерть принимаетъ. О прочемъ помолчу и слезами утолю, по какой причинѣ явилось это дѣло лукаваго демона.» Проповѣдникъ собралъ всѣ свои бесѣды въ одну книгу, которую назвалъ *Статиръ* <sup>170</sup>.

Подлѣ двухъ пришельцевъ въ Москву, Грека Пансія Лигарида и Бѣлорусца Симеона Полоцкаго, громко провозглашавшихъ необходимость науки, мы должны поставить третьяго, Сербя Юрія Крижанича. Въ то время, когда русское общество тронулось, сознавши необходимость новаго пути, но сильно колебалось при этомъ, далеко не созная, какъ идти безопаснѣе и скорѣе по этому новому пути, является ученый Сербъ, горячій славянскій патріотъ, который съ молодю удрученъ скорбію о печальной

участи славянскихъ народовъ и въ русскомъ царѣ видитъ единственнаго славянскаго государя, могущаго подать руку помощи всемъ остальнымъ соплеменнымъ народамъ: «тебѣ, пречестной царь! выпалъ жребій промыслить обо всемъ народѣ славянскомъ; ты, какъ отецъ, долженъ заботиться о собраніи разсыпанныхъ дѣтей. Ты одинъ, о царь, данъ намъ отъ Бога, да пособишь Задунайцамъ, Ляхамъ и Чехамъ: да познаютъ свое притѣсненіе отъ чужихъ, свой позоръ, и начнутъ промыслить о просвѣщеніи народа и сбрасывать съ шеи нѣмецкое ярмо. Задунайскіе славяне (Болгары, Сербы и Хорваты) уже давно сгубили и государство свое, и всю силу, и языкъ, и весь разумъ: не разумѣютъ, что такое честь народная, не думаютъ о ней и сами себѣ никакъ не могутъ помочь: виѣшняя сила имъ надобна, чтобъ поставить ихъ опять на ноги и включить въ число народовъ. Если ты, царь, не можешь въ настоящее трудное время пособить имъ, государство ихъ привести въ прежнее состояніе и устроить: то, по крайней мѣрѣ, можешь языкъ славянскій въ книгахъ исправить и пригодными разумными книгами этимъ людямъ умныя очи открыть, да начнутъ познавать честь народную и думать о своемъ возстановленіи. Чехи, а недавно и Ляхи, впали въ одинаковое съ Задунайцами окаянство. Ибо хотя Ляхи и хвастаютъ обманчивою тѣнію государства и своимъ своевольствомъ, однако дѣло извѣстное, что сами они не могутъ избавиться отъ своихъ бѣдъ и позора. Помочь имъ и дать имъ народное просвѣщеніе ты, царь, можешь легко. «Крижаничъ, по его словамъ, пришелъ въ Россію, чтобъ совершить три работы: вопервыхъ, поднять славянскій языкъ, написавши для него грамматику и лексиконъ, чтобъ могли мы правильно говорить и писать, чтобъ было у насъ обиліе реченій, сколько нужно для выраженія человѣческихъ мыслей при общихъ народныхъ дѣлахъ. Вторыхъ, написать исторію славянъ, въ которой опровергнуть нѣмецкія лжи и клеветы. Третьихъ, обнаружить хитрости и обольщенія, которыми чужіе народы обманываютъ насъ, Славянъ. Крижаничъ исполнилъ первое (относительно грамматики) и послѣднее намѣреніе. Насъ, разумѣется, должны занять его *политичныя думы*,» обширное сочиненіе, въ которомъ онъ начерчиваетъ печальную картину состоянія Россіи, требуетъ важныхъ преобразованій, требуетъ науки, и вмѣстѣ съ тѣмъ старается возбудить самую сильную недовѣрчивость, нена-

вистъ къ людямъ, отъ которыхъ можно было заимствовать науку, средства къ выводу Россіи изъ ея печальнаго состоянія, къ иностранцамъ, къ Нѣмцамъ, какъ прирожденнымъ врагамъ Славянъ. Понятно, что по этому самому преобразовательный планъ Крижанича въ основной мысли своей былъ неудобноисполнимъ—общая участь плановъ, проектовъ, конституцій, составляемыхъ теоретиками въ кабинетахъ, безъ соображенія съ историческими законами жизни народовъ. Несмотря на то, сочиненіе Крижанича для насъ очень важно: оно дополняетъ и подтверждаетъ наши свѣдѣнія о Россіи передъ эпохою преобразованія, и во многихъ случаяхъ объясняетъ намъ тѣ пути, по которымъ дѣйствительно пошла преобразовательная дѣятельность. Книга Крижанича была на Верху у великаго государя, слѣдовательно есть основаніе предполагать, что она не оставалась безъ вліянія <sup>171</sup>.

Если книга Крижанича имѣла вліяніе, то прежде всего должна была въ читавшихъ ее окончательно уничтожить китанизмъ, высокое мнѣніе о самихъ себѣ и презрѣніе къ другимъ народамъ, прояснить сознаніе о собственныхъ недостаткахъ, о преимуществахъ другихъ народовъ и этимъ самымъ подвинуть къ переѣнамъ, которыя естественно должны были прежде всего высказаться въ подраженіи. «Главный вредъ для общаго блага происходитъ отъ незнанія самого себя, когда люди сами себя, свои обычаи излишне любятъ, когда считаютъ себя сильными, богатыми, мудрыми, не будучи на самомъ дѣлѣ таковыми.» Русскихъ людей тяготила страшная бѣдность: Крижаничъ указываетъ на богатѣйшія западныя государства, указываетъ и на то, почему они такъ богаты: Англія и Нидерланды потому богаты, что тамъ разумы у народа хитры, морскія пристанища и торги отличныя, цвѣтеть всякое ремесло, земледѣліе и обширная морская торговля; еще славнѣе и счастливѣе бываетъ государство, когда въ немъ при этомъ и законы хороши, какъ напримѣръ во Франціи. А Россія? При всей своей неизмѣримой широтѣ и длинѣ она со всѣхъ сторонъ заперта для торговли; мало въ ней торговыхъ городовъ, нѣтъ дорогихъ произведеній; умы народа тупы и косны, нѣтъ никакого уменья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ, Русскіе, Поляки и всѣ Славяне не умѣютъ вести дальнюю торговлю ни сухимъ путемъ, ни по морю; купцы Русскіе не учатся даже ариѳметикѣ: оттого иностраннымъ куп-

цать ничего не стоитъ ихъ обмануть. Русскій человѣкъ самъ ничего не выдумаетъ, если ему не укажутъ; книгъ у него никакихъ нѣтъ ни о земледѣліи, ни о другихъ промыслахъ; онъ лѣнивъ, не промышленъ, самъ себя не хочетъ добра сдѣлать, если силою не будетъ принужденъ; языкъ его бѣденъ, бѣднѣе всѣхъ главныхъ европейскихъ языковъ, потому неудивительно, что и разумъ наши тупы и косны: чего не можемъ словомъ сказать, того не можемъ и душою замыслить; исторіи русскій человѣкъ не знаетъ, никакихъ политическихъ разговоровъ вести не можетъ и потому иностранцы его презируютъ. Въ покроѣ платья высказывается разумъ народа: русское платье некрасиво и неудобно, за него иностранцы зовутъ насъ варварами, особенно нерасчесанные волосы и борода, остриженная голова дѣлаютъ насъ мерзкими, смѣшными, какими-то лѣсовиками. Ъдимъ мы нечисто, деньги прячемъ въ ротъ; мужикъ держитъ полную братину и пальцы въ ней окутаны: такъ и гостю подаетъ; квасъ продается поганю, посуда не моется. Датскій король сказалъ о нашихъ послахъ: «если эти люди еще ко мнѣ придутъ, то долженъ буду построить имъ свинной хлѣвъ: потому что гдѣ они постоятъ, тамъ полгода никто не можетъ жить отъ смрада.» Неумѣнье изъясняться, лѣнь, пьянство и расточительность—главные наши природныя свойства; отъ расточительности происходитъ жестокость относительно подчиненныхъ. У насъ нѣтъ природной бодрости, благородной гордости, одушевленія, не умѣемъ держать себя съ достоинствомъ. Турки и Татары, хотя и побѣгутъ, не дадутъ себя даромъ убить, но обороняются до послѣдняго издыханія. А наши ратные люди когда побѣгутъ, то уже не оборотятся, но даютъ себя съѣчь какъ мертвые. Великое наше народное несчастье — эта неумѣренность во власти; не умѣютъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать, не могутъ среднимъ путемъ ходить, но все по окраинамъ и пропасть блуждаютъ. То у насъ правительство въ конецъ распущено, господствуетъ своеволие, безнарядье, то уже черезъ чуръ твердо, строго и свирѣпо. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого безнаряднаго и распутнаго государства, какъ польское, и нѣтъ такого крутаго правительства, какъ въ Россіи. Расплодился въ рускомъ народѣ премерзкіе нравы, такъ что предъ другими народами Русскіе являются обманчивыми, не вѣрными, склонными къ воровству, убійству, неучтивыми въ бесѣдѣ, нечистоплотными. А отъ



чего все это происходит? Оттого, что всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайными доносчиками: люди отовсюду и вездѣ связаны, ничего не могутъ свободно дѣлать, трудомъ рукъ своихъ не могутъ свободно пользоваться. Все должны дѣлать и торговать тайкомъ, въ молчанку, со страхомъ и трепетомъ, укрываться отъ такой огромной толпы правителей или палачей. А сами эти цѣловальники и притѣснители народа, не получая достаточнаго жалованья, не могутъ какъ должно исполнять своихъ обязанностей, нужда заставляетъ ихъ искать корысти и брать подарки отъ воровъ. Такимъ образомъ люди, привыкши все дѣлать тайкомъ, какъ воры, со страхомъ, съ обманомъ, забываютъ всякую честь, становятся трусливы на войнѣ, дѣлаются склонны ко всякой нелюдскости, нескромности и нечистотѣ; не умѣютъ они цѣнить чести, не умѣютъ дѣлать различія между людьми. Первый вопросъ, съ которымъ обращаются къ незнакомому человѣку: есть ли у тебя жена? второй: сколько получаешь царскаго жалованья? сколько у тебя имѣнія? не стыдятся купаться передъ всѣмъ народомъ. Если они въ комъ-нибудь нуждаются, то не знаютъ мѣры униженію. Итальянцы, Испанцы, Турки бережливы и трезвы; Нѣмцы бережливы, но большіе пьяницы; всѣ Славяне расточительны и любятъ попировать: однако ни у нѣмцевъ, ни у остальныхъ Славянъ, нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ одной русской державы, не видно такого гнуснаго пьянства: по улицамъ въ грязи валяются мужчины и женщины, міряне и духовные, и многіе отъ пьянства умираютъ. У Турокъ намъ должно учиться трезвости, стыдливости и правосудію. Эти невѣрные не менѣе насъ грѣшатъ противуестественнымъ грѣхомъ; но они соблюдаютъ стыдливость: никто у нихъ не промолвится объ этомъ грѣхѣ, не станетъ имъ хвастаться, ни упрекать другаго. Если кто проговорится, то не останется безъ наказанія, а у западныхъ народовъ сожигаютъ такихъ преступниковъ. Въ Россіи же этотъ гнусный грѣхъ считаютъ шуткою. Публично, въ шутливыхъ разговорахъ, одинъ хвастаетъ грѣхомъ, иной упрекаетъ другаго, третій приглашаетъ къ грѣху, недостаетъ только, чтобъ при всемъ народѣ совершали преступленіе. Необходимо въ этомъ государствѣ употребить какія-нибудь средства, чтобъ поднять стыдливость противъ содоміи, общественную трезвость противъ гнуснаго пьянства, правосудіе противъ чиновни-

ковъ, о которыхъ говоритъ Исаія: «Начальники твои сообщники воровъ.»

Такую-то печальную картину народнаго банкротства въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи начерчиваетъ намъ славянскій патріотъ, котораго нельзя заподозрить въ равнодушіи или злорадствѣ относительно язвъ древней Россіи, какъ можно заподозрить какого-нибудь нѣмецкаго путешественника: читая описаніе этихъ язвъ у нашего Сербъ, чувствуешь, какъ сердце автора обливалось кровію при исполненіи печальнаго долга обличенія. Онъ писалъ не для того только, чтобъ обличать: при обличеніи онъ предлагаетъ средство къ исправленію зла.

Первое, главное средство—это наука, окруженіе себя мертвыми совѣтниками, книгами, ибо между живыми людьми мало добрыхъ совѣтниковъ: «книги не увлекаются ни алчностью, ни враждою, ни любовью, книги не ласкаютъ, не боятся повѣдать истины. Всякимъ другимъ людямъ хорошо учиться мудрости изъ практическаго опыта, не полезно это однимъ верховнымъ владѣтелямъ: частный человѣкъ учится ошибками, но ошибки государей влекутъ за собою неисправимыя бѣдствія народныя. И такъ государямъ необходимо учиться мудрости отъ добрыхъ учителей, книгъ и совѣтниковъ, а не изъ опыта. Да не скажетъ кто-либо, что намъ, Славянамъ, путь къ знанію закрыть рѣшеніемъ небесъ, какъ будто бы мы не могли и не должны были усвоивать себѣ науки: и остальные народы не въ одинъ день и годъ, но мало-по-малу учились отъ другихъ; такъ и мы можемъ научиться, если захотимъ и постараемся. И теперь именно время учиться, потому что Богъ возвысилъ на Руси государство славянское, какого прежде никогда не бывало въ нашемъ племени, а извѣстно, что у народовъ науки начинаютъ цвѣсти въ періодъ наибольшей силы политической. Скажутъ: между мудрыми рождаются ереси, и потому не надобно учиться мудрости. Отвѣчаю: ереси начинаются и между неучеными людьми. Магометъ былъ не мудрецъ, крайнюю глупость написалъ въ своихъ книгахъ, а между тѣмъ наплодилъ ересь самую распространенную на свѣтѣ. А на руси ересь встала развѣ не отъ глупыхъ, не книжныхъ мужиковъ? Мудростію ереси искореняются, вслѣдствіе невѣжества пребываютъ во вѣки. Отъ огня, воды, желѣза умираютъ многіе люди, но безъ нихъ и жить нельзя: точно также и мудрость потребна людямъ.»

Но Крижаничъ не довольствуется распространеніемъ просвѣщенія, какъ единственнымъ средствомъ излѣченія язвъ Россіи. Онъ предлагаетъ и другія средства, и въ нихъ указываетъ тотъ путь, какимъ дѣйствительно пошло преобразование. «Въ Россіи полное самодержавіе, говоритъ онъ: повелѣніемъ царскимъ можно все исправить и завести все полезное. Такимъ образомъ преобразование должно идти сверху, отъ самодержавной власти: Русскіе сами себѣ не захотятъ добра сдѣлать, если не будутъ принуждены къ тому силою.» Какъ же самодержавный государь начнетъ преобразованія? Для поднятія торговли онъ долженъ запретить имѣть лавку съ товарами тому купцу, который не знаетъ грамоты и цифири. Торговые люди должны имѣть своихъ выборныхъ старость и лавниковъ, и судиться между собою въ нѣкоторыхъ наименьшихъ дѣлахъ; должно быть имъ облегчено средство бить челомъ великому государю и защищаться отъ воеводскихъ притѣсненій. Для введенія и процвѣтанія ремеслъ нуженъ особый приказъ, который бы ихъ вѣдалъ исключительно; нужно перевести на русскій языкъ сочиненія о ремеслахъ, перевести книги о земледѣліи; нужно вызвать отличныхъ ремесленниковъ изъ-за границы съ правомъ свободного возвращенія домой, но не прежде, какъ выучать русскихъ молодыхъ людей своему ремеслу; нужно ввести цеховое устройство. Надобно промыслять, чтобы изъ чужихъ странъ привозился въ Россію сырой матеріалъ, и чтобы здѣшніе ремесленники обрабатывали его, и заповѣдать накрѣпко, подъ страхомъ казни, вывозить за границу сырье. Царь долженъ взять въ свои руки всю заграничную торговлю: только такимъ способомъ можно будетъ знать смѣту товарамъ, чтобы не вывозить слишкомъ много нашихъ товаровъ, въ которыхъ нѣтъ избытка, и не привозить чужихъ ненужныхъ. Русь рѣдко населена и не такъ людна, какъ бы могла быть, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Крымцы пустошатъ землю безпрестанными наѣздами: на всѣхъ военныхъ корабляхъ турецкихъ не видно почти никакихъ другихъ гребцовъ, кромѣ русскихъ людей; по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ турецкой имперіи такое множество русскихъ плѣнныхъ, что Турки обыкновенно спрашиваютъ у нашихъ: остались ли еще на Руси какіе-нибудь люди? 2) Нѣмцы своими промыслами земли убожаютъ, хлѣбъ вывозятъ, торговлею всею завладѣли, въ военной службѣ высшія мѣста взяли. Третья причина малолюд-

ства—жестокое правленіе. Четвертая причина—недостатокъ камня, изъ котораго бы можно было строить прочныя зданія. Пятая — выселеніе людей въ Сибирь и на Украину. Для увеличенія народонаселенія правительство должно способствовать увеличенію числа браковъ, должно опредѣлить, сколько священникъ долженъ брать за вѣнчаніе, чтобъ бѣднымъ людямъ было не убыточно; правительство должно озаботиться, чтобъ по городамъ и селамъ для новобрачныхъ были готовые дворы, чтобъ бѣдность, немѣніе гдѣ жить не останавливали браковъ, должно запретить бѣднымъ людямъ истрачиваться на свадебные пиры; дѣвицамъ изъ черни запретить носить богатое платье и украшенія. Авторъ щедръ на сильныя выходки противъ русскаго платья и бороды, упрекаетъ русскіхъ, что они въ одеждѣ своей лучше хотятъ подражать азіатскимъ варварамъ, чѣмъ образованнымъ Европейцамъ.

Такова преобразовательная программа ученаго Серба. Всякому легко можетъ показаться, что Петръ Великій въ своей преобразовательной дѣятельности находился подъ влияніемъ этой программы. Мы далеки отъ мысли предполагать здѣсь непосредственное мнѣніе; но сравненіе программы Крижанича съ дѣятельностью Петра очень важно: оно ясно показываетъ, что пути преобразования, избранные Петромъ, не были слѣдствіемъ его личнаго произвола, его личныхъ взглядовъ, а были слѣдствіемъ общихъ взглядовъ тогдашнихъ лучшихъ людей, тогдашнихъ авторитетовъ.

Но понятно, что въ одномъ программа Крижанича никакъ не могла быть выполнена, на дѣлѣ русскіе люди въ эпоху преобразования никакъ не могли разрѣшить того противорѣчія, которое въ теоріи, повидимому, разрѣшалось; мы видѣли, что Крижаничъ старался внушить русскимъ людямъ сознаніе своихъ недостатковъ, указывалъ, какъ западные европейцы далеко опередили ихъ, требовалъ, чтобъ русскіе люди учились у нихъ, учились не только наукамъ, но и нравственности, переводили ихъ книги, вызывали ихъ ремесленниковъ, и въ то же самое время отвращались отъ нихъ какъ отъ самыхъ злыхъ враговъ. Авторъ видѣлъ противорѣчіе, и чтобъ выпутаться изъ него, потребовалъ отъ русскіхъ людей умѣнья положить границы между подражаніемъ и подчиненіемъ влиянію того, кому подражаемъ, потребовалъ умѣнья при заимствованіи цивилизаціи у иностранцевъ отличать добро отъ зла, т.-е. потребовалъ, чтобъ русскіе люди перескочили другъ

нѣмодно вѣровъ; отъ низшей степени образованности къ самой высшей, изъ дѣтства къ полной возмужалости; но народы скачутъ такимъ образомъ только подъ перьями теоретиковъ, не желающихъ знать исторіи, дѣйствительности. По мысли Крижанича, иностраннымъ купцамъ никакъ не должно позволять имѣть въ Россіи дома, лавки, склады, погреба, никакъ не должно пускать къ себѣ иностранныхъ купеческихъ агентовъ, консуловъ, резидентовъ: «нашъ славянскій народъ весь подверженъ такому окаянству: вездѣ на плечахъ у насъ сидятъ Нѣмцы, Жиды, Шотландцы, Цыганы, Армяне и Греки, которые кровь изъ насъ высасываютъ. Презрѣнію, съ какимъ обращаются съ нами иностранцы, укорамъ, которыми они насъ осыпаютъ, первая причина есть наше незнаніе и наше нерадѣніе о наукахъ, а вторая причина есть наше *чужебствіе* или глупость, вслѣдствіе которой иностранцы надъ нами господствуютъ, обманываютъ насъ всячески и дѣлаютъ изъ насъ все, что хотятъ, потому и зовутъ насъ варварами.» Не постигая историческаго закона, по которому народъ менѣе образованный необходимо подвергается вліянію и даже господству народа болѣе образованнаго, Крижаничъ смѣшалъ слѣдствіе съ причиною и опозорилъ Славянъ, приписавъ имъ какъ врожденный недостатокъ это чужебствіе, которое было только необходимымъ слѣдствіемъ первой и единственной причины—незнанія. Требуя недопущенія купцовъ иностранныхъ во внутреннія области, Крижаничъ требуетъ, чтобъ не принимать въ службу ни одного иностранца, ни одному не давать права гражданства, потому что Нѣмцы, принятые въ службу, могутъ причинять только одно зло: нѣмецъ былъ и Басмановъ, любимецъ Разстриги, нѣмецъ былъ и Шенинъ, погубившій русское войско подъ Смоленскомъ!

Но Крижаничъ вооружается не противъ однихъ нѣмцевъ: одинаково сильно, если еще не сильнѣе, вооружается онъ и противъ грековъ. Ложность положенія, въ какомъ нашелся нашъ ученый Сербъ въ Москвѣ, заключалась въ томъ, что будучи единоплеменникомъ, своимъ, славяниномъ, онъ въ то же время былъ чуждой, былъ латинецъ, католическій священникъ. До Крижанича въ Россіи сознали необходимость учиться у иностранцевъ, но главное затрудненіе, главное возраженіе здѣсь состояло въ томъ, что эти иностранные учителя—иностранцы, неправославные. Чтобъ избѣжать опасности для вѣры, обратились за наукою къ своимъ,

не въ смыслѣ единоплеменности, но въ смыслѣ единовѣрія, обратились къ Малороссіянамъ и Грекамъ. И вотъ въ то время, когда авторитетъ Грековъ былъ наивысшимъ, когда хотѣли учиться, но вѣстѣ съ этимъ и прежде всего хотѣли сохранить чистоту *греческой вѣры*, является въ Москву ученый славянинъ, предлагаетъ свои учительскія услуги, но не можетъ удовлетворить главному условію, при которомъ могъ быть допущенъ учитель—быть православной, греческой вѣры; Крижаничъ не могъ скрыть, что онъ латинецъ, и даже латинскій попъ. Ученый Сербъ пришелъ не во-время: незваннаго учителя сослали въ Сибирь. Разумѣется, можно предположить, что злая выходка Крижанича противъ грековъ могли быть слѣдствіемъ его несчастія, которое, какъ видно, онъ приписывалъ грекамъ; но еще съ болѣе большимъ основаніемъ можно предположить и то, что латинскій попъ, когда еще находился въ Москвѣ, не могъ удержаться отъ выходокъ противъ грековъ, какъ схизматиковъ, не могъ удержаться и отъ другихъ выходокъ, которыя сильно должны были оскорбить тогдашнихъ русскихъ людей.

Крижаничъ противопоставляетъ грековъ нѣмцамъ въ томъ отношеніи, что эти прирожденные враги Славянъ влекутъ ихъ къ противоположнымъ крайностямъ. «Нѣмцы приносятъ намъ ядовитыя новизны: Греки, безразсудно оуждая всякую новизну, предлагаютъ свои глупости подъ важнымъ именемъ древности. Нѣмцы сѣютъ ереси: Греки хотя научили насъ истинной вѣрѣ, однако приплели къ ней схизму. Нѣмцы преподаютъ намъ и добрыя и вѣстѣ дьявольскія науки: Греки восхваляютъ невѣжество и всякую науку считаютъ еретическою. Нѣмцы думаютъ получить спасеніе одною проповѣдію: Греки, пренебрегаютъ проповѣдію и считаютъ полезнѣйшимъ молчаніе. Нѣмцы кричатъ, что не позволено никого судить: Греки, наоборотъ, утверждаютъ, что надобно осуждать людей, не выслушавъ ихъ» (здѣсь можно видѣть намекъ на судьбу самого автора). Подробно исчисляетъ Крижаничъ случаи злоупотребленій, какія позволяли себѣ греческіе духовные, приходившіе за милостынею въ Россію, и не разбиравшіе иногда средствъ для увеличенія этой милостыни; между прочимъ Крижаничъ разказываетъ любопытный случай, бывшій съ нимъ самимъ: «Нѣкто Софроній, называвшій себя митрополитомъ Филиппополя и Драмы, а въ народѣ извѣстный подъ именемъ Ма-

кедонскаго, принуждалъ меня сочинить ему подложныя грамоты отъ имени патріарха Іоанникія, какъ будто бы онъ былъ отправленъ имъ по общимъ нуждамъ церковнымъ. Когда я не соглашался на это, то онъ, вмѣстѣ съ другимъ какимъ-то митрополитомъ, хотѣли меня выстѣчь, но я вырвался и убѣжалъ къ городскому писарю. Но признаюсь, что послѣ я сочинилъ ему грамоты, опасаясь за свою жизнь.»

Въ Россіи знали о подобныхъ злоупотребленіяхъ и принимали противъ нихъ средства, съ большими предосторожностями допуская собирателей милостыни; но въ Россіи знали также очень хорошо, что самые видные изъ Грековъ, явившихся въ Москвѣ, вовсе не были проповѣдниками невѣжества, считавшими полезнѣе молчать, чѣмъ проповѣдывать. Какъ уже было замѣчено, Крижаничъ, въ своей католической ревности, задѣлъ не однихъ Грековъ, задѣлъ и Русскихъ, вооружаясь противъ тѣхъ священныхъ для народа сочиненій, въ которыхъ были неблагоклонные отзывы о католицизмѣ, напримѣръ противъ житія св. Сергія <sup>172</sup>; или выставя, что Русскіе грѣшнѣе Поляковъ, и потому терпятъ отъ нихъ пораженія. Наконецъ Крижаничъ позволяетъ себѣ прямо вооружаться противъ православія, «разрушающаго въ церкви монархію, установленную Христомъ, какъ, лучшее правленіе, и вводящаго въ церковь многихъ вселенскихъ первосвященниковъ» <sup>173</sup>.

Ученый Сербъ вріѣхалъ въ Россію проповѣдникомъ просвѣщенія, которое должно было открыть умныя очи всѣмъ славянамъ; но Россія, стремившаяся къ просвѣщенію, прежде всего хотѣла остаться православною. Ученый Сербъ, хотѣвшій посредствомъ просвѣщенія открыть умныя очи своимъ соплеменникамъ, не могъ этого сдѣлать относительно самого себя, не могъ уразумѣть противорѣчія, какое носилъ въ собственномъ нравственномъ существѣ, будучи славянскимъ патріотомъ и католикомъ.

Сосланный въ Сибирь за неправословіе, Крижаничъ написалъ тамъ сочиненіе, драгоцѣнное по изображенному въ немъ состоянію московскаго государства, объяснявшему такъ хорошо необходимость приближающагося переворота. Въ то же время московскій подъячій бѣжитъ за границу и тамъ начерчиваетъ столь же важное для насъ изображеніе московскаго государства: то былъ извѣстный Котошихинъ (Кошихинъ). Оба эти явленія одинаково служатъ знаменіями времени.

Но въ то время, когда въ Москвѣ съ разныхъ сторонъ раздавались все громче и громче крики о необходимости переменъ, о необходимости заимствованія науки, искусства и ремесла у другихъ образованнѣйшихъ народовъ, не оставались въ молчаніи люди, которые уперлись противъ *новшествъ*, уперлись противъ движенія народа на новый путь, и въ этомъ движеніи видѣли движеніе къ царству антихристову, не молчали раскольники. Они пропѣли и свою историческую пѣсню про осаду Соловецкаго монастыря, какъ царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ воеводѣ своему Салтыкову: «ты ступай-ко ко морю ко синему, ко тому острову ко большому, ко тому къ монастырю ко честному къ Соловецкому; ты порушь вѣру старую, правую, поставишь вѣру новую, неправую.» Но изъ памятниковъ раскольниковской литературы, о которыхъ еще не было упомянуто прежде, для насъ особенно важенъ одинъ—это похожденія знаменитаго протопопа Аввакума, описанныя имъ самимъ <sup>174</sup>. Важность памятника заключается въ томъ, что онъ лучше другихъ памятниковъ переноситъ насъ въ Россію XVII вѣка, отъ которой мы отошли такъ далеко и явленія которой мы съ такимъ трудомъ понимаемъ, придавая историческимъ лицамъ XVII вѣка черты нашего времени, наши воззрѣнія и стремленія. Мы имѣли возможность узнать, что такое былъ сильный человѣкъ въ древней Россіи, какъ силы богатыря мало сдерживались, какъ онѣ не были устроены и направлены воспитаніемъ, образованіемъ, ибо плеть и палка одна не могутъ содѣйствовать этому устроенію и направленію, какъ богатырь вырывался изъ отцовскаго дома, изъ-подъ отцовской плети и палки размять плечо богатырское, и что могло тутъ сдержать его? сама мать должна была заходить сзади, чтобъ унять расходившуюся силу. Подробности жизни Никона много уясняютъ намъ явленія этихъ богатырей среди общества, невыработавшаго нравственныхъ сдержекъ для хаотическихъ богатырскихъ силъ. До тѣхъ поръ, пока мы не перенесемся въ XVII вѣкъ и не взглянемъ на Никона, какъ на богатыря въ патриаршеской митрѣ и саккобѣ, до тѣхъ поръ это явленіе останется для насъ загадочнымъ, и Никонъ не перестанетъ изумлять насъ своею силою—и безсиліемъ. Въ соотвѣтствіе богатырю-патріарху, XVII вѣкъ представляетъ намъ богатыря-протопопа, вслѣдствіе несдержанной силы ставшаго заклятымъ врагомъ Никона и расколуучителемъ. Аввакумъ въ дра-



гоцѣнномъ житіи своемъ является не одинъ, но окруженный цѣлою дружиною подобныхъ ему богатырей, которые расходились въ защиту двуперстнаго сложенія и двойной аллилуйи и не могли найти себѣ удержу; тутъ же близко знакомимся съ особаго рода богатырями—юродивыми, которымъ также грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени, и которые освобождаются отъ этого бремени тѣмъ, что ходятъ въ лютые морозы босикомъ въ одной рубашкѣ: толпа, видя проявленіе такой силы, вполне вѣрить и подвигамъ Ильи Муромца и Добрыни Никитича, какъ разказываются они въ сказкѣ и поются въ пѣснѣ. Въ житіи Аввакума встрѣчаемъ мы и старыхъ своихъ знакомыхъ, воеводъ, такихъ охотниковъ давать чувствовать свою силу, встрѣчаемъ и сибирскихъ воеводъ, этихъ русскихъ Кортесовъ и Пизарро, которые ходятъ на пріиски новыхъ землицъ и которые совершенно разнуздались въ далекой странѣ среди дикихъ звѣрей и дикихъ людей <sup>175</sup>. Наконецъ встрѣчаемся и съ дикою силой толпы, которая такъ легко выражается въ насилиіи.

«Рожденіе мое, говоритъ Аввакумъ, въ нижегородскихъ предѣлахъ (тамъ же гдѣ и Никоново), за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ мой (священникъ) прилежаніе питія хмѣльнаго, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху Божію.» Живая, впечатлительная натура Аввакума высказалась рано: въ дѣтствѣ увидалъ онъ у сосѣда мертвую скотину: это такъ его поразило, что ночью онъ не могъ спать, всталъ и началъ молиться «поминая смерть, яко и мнѣ умереть.» Бѣда въ дѣтствѣ, изгнаніе отъ родственниковъ послѣ смерти отца, развила силы молодого богатыря. 21 года Аввакумъ поставленъ былъ въ дьяконы, черезъ два года во священники. Сила не замедлила обнаружиться; Аввакумъ началъ отличатся дѣятельностію, усердіемъ въ исполненіи своихъ обязанностей; это привлекло къ нему много духовныхъ дѣтей; но эта же сила повлекла его къ столкновенію съ другими силами, Аввакумъ началъ ссориться съ начальными людьми, а извѣстно, что такое были начальные люди въ XVII вѣкѣ: одинъ, разсердившись на Аввакума за ходатайство о дѣвицѣ, отнятой имъ у матери, пришелъ въ церковь съ толпою и задавилъ священника до полусмерти. Въ другой разъ тотъ же начальный человекъ билъ Аввакума въ церкви, волочилъ за ноги по землѣ въ ризахъ. Другой начальный человекъ, разсер-

дившись. приближалъ въ домъ къ Аввакуму, билъ его и зубами отгрызъ пальцы у руки; потомъ настигъ Аввакума на дорогѣ въ церковь, стрѣлялъ въ него изъ двухъ пищалей, но, къ счастью, обѣ осѣклись. Кончилъ этотъ начальникъ тѣмъ, что отнялъ у Аввакума дворъ, всего ограбилъ и даже не далъ хлѣба на дорогу. Въ это самое время у Аввакума родился ребенокъ: отецъ взялъ клюку, мать—некрещеннаго младенца, и побрели въ Москву. Здѣсь Аввакумъ сблизился съ самыми видными лицами изъ блага духовенства, духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ и протопопомъ Иваномъ Нероновымъ<sup>176</sup>; они замѣтили въ Аввакумѣ сильнаго человѣка и объявили о немъ государю, который такъ любилъ, такъ искалъ сильныхъ людей между духовенствомъ. Вонифатьевъ и Нероновъ отправили Аввакума опять на старое мѣсто: здѣсь онъ нашелъ и стѣны старыхъ хоромъ своихъ разоренными, обзавелся снова, но не могъ долго нажить въ покоѣ. «Пришли въ село мое плисовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я, грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ, и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнявъ, — одного ушибъ и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле.» На бѣду въ это время плылъ Волгою въ Казань на воеводство Василій Петровичъ Шереметевъ; ему пожаловались на ревнителя; бояринъ призывалъ Аввакума къ себѣ на судно и много бранилъ; но этимъ бѣда не кончилась: съ Шереметевымъ ѣхалъ сынъ его Матвѣй; у Шереметевыхъ была сильная склонность къ иноземщинѣ, и Матвѣй брилъ бороду; когда старый Шереметевъ, разбранивши Аввакума за медвѣдей, велѣлъ однако ему благословить сына своего, то ревнитель, увидавъ *блудноносный* образъ, объявилъ, что ни за что не благословить, и началъ порицать отъ писанія; бояринъ сильно разсердился и велѣлъ бросить обличителя въ Волгу; грозный приказъ впрочемъ не былъ исполненъ, Аввакумъ отдѣлся тѣмъ, что его, много томъ, протолкали.

Аввакумъ не могъ ужиться въ селѣ; его выгнали въ другой разъ; въ другой разъ *сволокся* онъ къ Москвѣ, и государь велѣлъ его поставить въ протопопы въ Юрьевецъ Поволжскій. Но здѣсь Аввакумъ столкнулся не съ воеводою, а съ другою силою, съ міромъ. Въ 8 недѣль новый протопопъ успѣлъ вооружить противъ себя духовенство и мірскихъ людей, мушницъ и женщинъ. Огромная толпа собралась къ патріаршему приказу, гдѣ сидѣлъ

Аввакумъ за духовными дѣлами, протопопа вытащили изъ приказа, среди улицы били батогами и топтали, прибили до полусмерти и бросили подъ избной уголъ. Воевода прибѣжалъ съ пушкарями на выручку, схватилъ Аввакума, посадилъ на лошадь, привезъ домой и около дома разставилъ пушкарей. Предосторожность была далеко не лишняя, толпа приступила къ протопопову дому, особенно кричатъ попы и бабы: «убить вора, б..... сына, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ.» Аввакумъ ночью, покинувъ жену и дѣтей, ушелъ по Волгѣ самъ-третей; прибѣжалъ въ Кострому, а здѣсь та же исторія: Костромичи выгнали своего протопопа Даниїла. Для объясненія этихъ явленій, вспомнимъ, что въ описываемое время Вонифатьевъ, Пероновъ, Аввакумъ, Даниїлъ были передовыми людьми, нововводителями и своими нововведеніями возбуждали противъ себя сильное негодованіе.

Въ Москвѣ духовникъ и самъ царь встрѣтили Аввакума упрекомъ, зачѣмъ покинулъ соборную церковь. Однако его не возвратили въ Юрьевъ, оставили въ Москвѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ другими передовыми людьми, поручили исправленіе книгъ. Мы знаемъ, чѣмъ кончилось дѣло, какъ Аввакумъ съ товарищами изъ передовыхъ людей стали главами старообрядства, и Аввакумъ всею своею силою зашумѣлъ противъ новшествъ. Тутъ онъ столкнулся съ Никономъ. Пусть онъ самъ расскажетъ слѣдствія этого столкновенія: «меня взяли отъ всенощнаго со стрѣльцами, на патріарховъ дворѣ на цѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря и тутъ на цѣпи кинули въ темную палатку, ушла въ землю, и сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ во тьмѣ сидя, кланялся на цѣпи, не знаю на востокъ, не знаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токи мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. На утро архимандритъ съ братьею пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю. Въ то время послѣ меня взяли Логина, протопопа муромскаго. Въ соборной церкви при царѣ осжригъ (его Никонъ) въ обѣдню. Остригши, содрали съ него однорядку и кафтанъ. Логинъ же ражжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и черезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ; расноясався, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ; и

чуждо: растопорясь рубашка, и покрыла на престолѣ дискомъ, будто воздухъ. И меня привезли къ соборной церкви стричь. Государь съ мѣста сошелъ и приступа къ патриарху упросилъ не стричь. Послали меня въ Сибирь съ женою и дѣтьми.» Аввакума вообще очень щадили въ сравненіи съ другими расколуучителями, и послѣ, какъ увидимъ, сильно ухаживали за нимъ, уговаривая отстать отъ раскола, или, по крайней мѣрѣ, не кричать за него. Причиною было то, что Аввакумъ имѣлъ славу отлично благочестивой жизни и понятно, какъ благочестивѣйшему Алексѣю Михайловичу было тяжело преслѣдовать такого человѣка.

Въ Tobольскѣ Аввакума принимали хорошо, архіепископъ далъ ему мѣсто при одной церкви, воевода князь Хилковъ принималъ ревнителя съ уваженіемъ. Но въ отсутствіе архіепископа произошелъ случай, въ которомъ богатырь показалъ свою силу, и опять возбудилъ противъ себя другую силу. Архіепископскій дьякъ Струна, которому безъ владыки была своя воля, захотѣлъ мучить напрасно дьякона той церкви, гдѣ Аввакумъ былъ священникомъ. Дьякомъ ушелъ отъ него въ церковь подъ покровительство священника, но Струна не хотѣлъ отстать отъ дьякона: во время вечера съ толпою, человѣкъ въ 20, вскочилъ онъ въ церковь и схватилъ дьякона на клиросѣ за бороду. Аввакумъ покинулъ вечерню, прибѣжалъ на помощь къ дьякону, вмѣстѣ съ нимъ схватилъ Струну, посадилъ его на полу среди церкви и «за церковный мятежъ постегалъ его ремнемъ нарочито таки;» товарищи Струны разбѣжались, и дьякъ, подъ ремнемъ протопопа, принесть покаяніе. Но этимъ дѣло не кончилось: родственники Струны, попы и чернецы, подняли весь городъ на Аввакума; въ полночь подвезли сани къ его двору, ломились въ избу, хотѣли схватить протопопа и свезти въ воду. «Мучился я съ мѣсяцъ отъ нихъ, бѣгаючи втай, говорить Аввакумъ: иное въ церкви ночью, иное къ воеводѣ иду, иное въ тюрьму просился—ино не пустять.»

Ревность по старымъ книгамъ начала было утихать въ Аввакумѣ въ Tobольскѣ: «Былъ я у заутрени въ соборной церкви, шаловалъ съ ними въ церкви той при воеводахъ, да съ пріѣзду смотрѣлъ у нихъ просфирописанія дважды или трижды, въ алтарѣ у жертвенника стоя, а самъ имъ ругался; а какъ привыкъ ходить, такъ и ругаться не сталъ, что жаломъ духомъ антихристовымъ и ужасно было.» На бѣду кто-то во снѣ сказалъ Аввакуму: «Блюди

отъ мене, да не полма разтесанъ будеша.» Аввакумъ подумалъ, что это самъ Христосъ грозитъ наказать его за уступку антихристову духу; онъ не пошелъ къ обѣднѣ, но пошелъ обѣдать къ воеводѣ, князю Хилкову, и разсказалъ ему сонъ; бояринъ расплакался. Аввакумъ, разумѣется, спѣшилъ загладить грѣхъ своею слабости. Вслѣдствіе этого пришелъ указъ — везти его изъ Тобольска на Лену; на дорогѣ, въ Енисейскѣ, другой указъ — везти въ Даурію и отдать въ полкъ Аванасью Пашкову, искавшему новыхъ землищъ и приводившему инородцевъ подъ высокую руку великаго государя. Пашковъ не былъ похожъ на Хилкова: «На Долгомъ порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать; для-де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ-де ты; поди-де по горамъ, а съ козаками не ходи. О горе стало! Горы высоки, дебри непроходимыя, утесъ каменный, яко стѣна стоитъ, — и поглядѣть заломя голову; въ горахъ тѣхъ обрѣтаются змѣи великія; въ нихъ же витають гуси и утицы — перье красное, вороны черныя и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы и соколы, и кречеты и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди, и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляють звѣри многіе: дикія козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрьми и птицами витати, и азъ ему малое писавище написалъ, сице начало: «человѣче! убойся Бога, Его же трепещуть небесныя силы, единъ ты презираешь и неудобство показуешь.» Тамъ многонько писано; и послалъ къ нему. А и бѣгутъ человѣкъ съ 50; взяли мой дощеникъ и помчали къ нему. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ съ шпагою стоитъ и дрожить, рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, тоже по другой, и паки въ голову и сбилъ меня съ ногъ и, чель ухватя, лежакаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши, по той же спинѣ 72 удара кнутомъ.» Нашелся заступникъ, сынъ Пашкова Еремѣй, сталъ уговаривать отца не грѣшить, не бить протопопа. Еремѣй поступилъ неосторожно, зашелъ къ отцу съ увѣщаніями спереди, а не сзади: старикъ расходился и погнался за сыномъ со шпагою, тотъ едва успѣлъ убѣжать. Послѣ этого и съ Пашковымъ случилась бѣда: дощаникъ его попалъ на мель; Еремѣй воспользовался случаемъ и началъ говорить отцу: «Бютюшка! за грѣхъ наказываетъ Богъ, напрасно про-

топопа кнутомъ избилъ; пора покаяться, государь!» Старикъ рыкнулъ на Еремѣя какъ звѣрь; тотъ увидалъ бѣду, отошелъ къ сосѣбъ, сложилъ руки и говоритъ: Господи, помилуй! Старикъ схватилъ пицаль, приложился въ сына, спустилъ курокъ—осѣклось; въ другой разъ — осѣклось; въ третій — осѣклось. Старикъ въ ярости бросилъ пицаль на землю. Малый взялъ ее, спустилъ на сторону — выстрѣлил. Старикъ сѣлъ на стулъ, подперся шпагою, задумался, началъ плакать и говоритъ: «Согрѣшилъ, окаянный; пролилъ кровь неповинную, напрасно протопопу билъ, за то меня наказываетъ Богъ.» Въ это время дощавикъ сдвинулся съ камня; Пашковъ подозвалъ къ себѣ сына и сказалъ ему: «прости, Еремѣй; правду ты говоришь!» Тотъ отвѣчалъ съ поклономъ: «Богъ тебя, государь, проститъ; я предъ Богомъ и предъ тобою виноватъ.»—«Гораздо Еремѣй разуменъ и добръ человекъ, заключаетъ Аввакумъ: ужь у него и своя сѣда борода, а гораздо почитаетъ отца и боится его.» Привезли послѣ этого протопопу въ Братской острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали: «что собачка на соломокѣ лежу; коли накормятъ, коли пѣтъ; мышей много было, я ихъ скуфьею билъ, — и батожка не дадутъ дурачки. Хотѣлъ на Пашкова кричать: *прости*; но воля Божія возбранила, велѣно терпѣть. Перевелъ меня въ теплую избу. На весну паки поѣхали впередъ. Охъ времени тому! у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ, и съ прочими скитающиеся по горамъ и острому каменію, наги и босы, травою и кореньемъ перебивающиеся, кое какъ мучилися. Мнѣ подъ робять и подъ рухлядишко дали двѣ клячки, а самъ и протопопица брели пѣшіе, убивающиеся о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать отъ людей не смѣемъ и за лошадьми идти не поспѣемъ. Протопопица бѣдная бредетъ, бредетъ да и повалится; скользко гораздо; въ иную пору бредучи повалилась, а иной томный же человекъ на нее набредъ, тутъ же и повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: «матушка-государыня! прости!» а протопопица: «что ты, батько, меня задавилъ!» я пришелъ. На меня бѣдная пѣняетъ, говоря: «долго ли мука сея, протопопъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна! до самой смерти.» Она, вздохня, отвѣчала: «добро, Петровичъ; ино еще побредемъ.»

Пришелъ чередъ и протопопу упасть духомъ и получить помощь отъ протопопицы. «Десять лѣтъ, говоритъ Аввакумъ, Паш-

ковъ меня мучилъ или я его, не знаю, Богъ разберетъ. Наконецъ пришла грамота—велѣно Аввакуму ѣхать на Русь. Протопопъ отъправился, приплылъ въ русскіе города и «уразумѣлъ о церкви, яко ничто же успѣваетъ, но паче молва бываетъ. Опечалаясь, сиди, разсуждаю; что сотворю? проповѣдую ли слово Божіе, или скрюсь? Жена и дѣти связали меня. И видя меня печальна, протопопица моя приступи ко мнѣ со опрятствомъ и рече ми: «что, господине, опечалился еси?» Азъ же подробну извѣстихъ: «жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ, говорить мнѣ или молчать? связали вы меня!» Она же мнѣ говоритъ: Господи, помилуй! что ты, Петровичъ, говоришь! поди, поди въ церковь, Петровичъ! обличай блудную еретическую!» Аввакумъ разсказываетъ еще одну любопытную семейную сцену. «У меня былъ на Москвѣ бѣшеной, Филиппомъ звали, въ избѣ въ углу прикованъ былъ къ стѣнѣ, понеже въ немъ бѣсъ былъ суровъ и жестокъ: гораздо бился и дрался и не могли съ нимъ домочадцы ладить. Егда же азъ грѣшный съ крестомъ и съ водою прииду, повиненъ бываетъ и яко мертвъ падаетъ предъ крестомъ Христовымъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Θεодора Ртищева зѣло печаленъ, понеже въ дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣрѣ и о законѣ; а въ моемъ дому въ то время учинилось нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фотиніею между собою побранились. И я, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ. Та же бѣсъ вздвигалъ въ Филиппѣ: и началъ чепъ ломать, бѣсясь, и кричать не удобно, на всѣхъ домашнихъ нападе ужасъ. Азъ безъ исправленія приступилъ къ нему, хотѣлъ его укротити, но не бысть попрежнему: ухватилъ меня и учалъ бить и драть. Потомъ бросилъ меня отъ себя, и самъ говоритъ: «Не боюсь я тебя.» Мнѣ въ тѣ поры горько стало; «бѣсъ, реку, надо мною волю взялъ.» Полежалъ маленько, съ совѣтію собрался; возставъ же, жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощаться со слезами, а самъ ей, въ землю кланаясь, говорю: «согрѣшилъ, Настасья Марковна; прости меня грѣшнаго!» она мнѣ также кланяется. По семъ и съ Фотиніею тѣмъ же образомъ простился; тоже легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ; человѣкъ было 20; и жена, и дѣти, и всѣ, плачучи, стегали. Егда же всѣ отбили и я, воставши, сотворилъ предъ ними прошеніе. Бѣсъ же, видѣвъ неминуемую бѣду, опять вышелъ вонъ изъ Фи-

липпа, и я крестомъ его благословилъ, и онъ по старому хорошъ сталъ.»

Въ Москвѣ приняли Аввакума отлично, ласкою хотѣли отвратить такого сильнаго человѣка отъ раскола: «Яко ангела Божія пріѣхша мя, говоритъ Аввакумъ: государь и бояре всѣ мнѣ рады. Къ Ѳеодору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учалъ говорить много: три дня и три ночи домой меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: здорово ли-де, протопопъ, живешь? еще-де видѣться Богъ велѣлъ. И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь что повелитъ Богъ.» Онъ же миленькой вздохнулъ да и пошелъ, куда надобѣ ему; и иное кое-что было, да что много говорить? прошло уже то. Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько-таки, а самъ говорить: «благослови-де меня и помолися обо мнѣ»; и шапку въ иную пору мурманку снимаячи, съ головы уронилъ, тлuchi · верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ, тоже и всѣ бояре послѣ его челомъ да челомъ: «протопопъ! благослови и молися о насъ.» Какъ мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль видѣть каковы были добры, давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ; и въ духовники звали, чтобъ я съ ними соединился въ вѣрѣ. Азъ же, вся сія яко уметы вмѣнихъ, да Христа пріобращаю. Видать они, что я не соединяюся съ ними, приказалъ государь уговаривать мене Родіону Стрѣшневу, чтобъ я молчалъ. И я потѣшилъ его: царь то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чайлъ либо помаленьку исправиться, а се посулили мнѣ Симеонова дни съѣсть на печатномъ дворѣ, книги править и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества. Пожаловалъ, ко мнѣ прислалъ 10 рублевъ денегъ, парица 10 рублевъ, Лука духовникъ 10 рублевъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же, а дружище наше старое Ѳеодоръ Ртищевъ тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть, а про иныхъ нечего и сказывать! Всякъ тащить, да несеть всячиною. У свѣта моея, Ѳедосьи Прокофьевны Морозовы, не выходя жилъ во дворѣ, понеже дочь мнѣ духовная; и сестра ея, княгиня Евдокія Прокофьевна (Урусова), дочь же



моя. И у Анны Петровны Милославскія всегда же въ дому былъ; и къ Ѳеодору Ртищеву браниться съ отступниками ходилъ, да такъ-то съ полгода жилъ. Да вижу, яко церковное ничто же успѣваетъ, но паче молва бываетъ, — паки заворчалъ, написалъ царю много-много-таки, чтобъ онъ старое благочестіе разыскалъ и мати нашу общую святую церковь отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патриаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика. Съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиновать сталъ; не любо стало, какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось. И власти яко козлы пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже ради Христа многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвши истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: «власти-де на тебя жаждуются, церкви-де ты запустошилъ: поѣдь-де въ ссылку опять.» Да и повезли на Мезень. По городамъ паки людей Божіихъ училъ и ихъ, пестро-образныхъ звѣрей, обличалъ. И привезли на Мезень. Полтора года державъ, паки къ Москвѣ взяли. А привезши къ Москвѣ, отвезли подъ началъ въ Пафнутьевъ монастырь; и туда присылка была, то же, да то же говорятъ: «долго ли тебѣ мучить насъ? соединишь съ нами, Аввакумшка!» Я отрицался что отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ въ глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою написалъ. Изъ Пафнутьева взяли меня паки въ Москву и въ Крестовой стяжашася власти со мною; ввели меня въ соборный храмъ и стригли (разстригали) по нереносѣ меня и діакона Ѳеодора, потомъ опроклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ: зѣло было мнѣ тяжело въ обѣдню ту. И повезли ночью на Угрѣшу къ Николѣ въ монастырь, держали въ студеной палаткѣ 17 недѣль. И царь приходилъ въ монастырь, около темницы моя походилъ и, постоная, опять пошелъ изъ монастыря. Какъ стригли, въ то время великое нестроение вверху у нихъ бысть съ царицею съ покойницею; она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня. По семъ свезли меня паки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна, держали годъ безъ мала. Привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ и поставили на подворьѣ, и водоча многожды въ Чудовъ, поставили предъ вселенскихъ патриарховъ и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли; отъ писанія съ патриархи говорилъ много. По-

слѣднее слово ко мнѣ рекли: что-де ты упрямъ; вся-де наша Палестина, и Сербы, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Лахи, всѣ-де тремя персты крестятся; одинъ-де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двумя персты; такъ не подобаетъ.» И я имъ о Христѣ отвѣщалъ сице: «Вселенскіе учителя! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и Лахи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православіе пестро; отъ насилія турскаго Магмета, немощи есте стали; и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ Божіею благодатію самодержство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь не мятежна... Я отошелъ къ дверямъ да на богъ повалился: «посидите вы, а я полежу», говорю имъ. Такъ они смѣются; «дуракъ-де протопопъ и патріарховъ не почитаетъ;» а я говорю: «мы уроди Христа ради; вы славны, мы же безчестны; вы сильны, мы же немощны.» Повѣли меня на чепъ, потомъ на Воробьевы горы, тоже къ Николѣ на Угрѣшу; тутъ государь присылалъ ко мнѣ голову Юрья Лотухина, благословенія ради, и кое о чемъ много говорили. Таже опять ввезли насъ въ Москву, на Никольское подворье и взяли у насъ о правотѣ еще сказки; потомъ ко мнѣ комнатные люди многожды присылаемы были, Артемонъ (Матвѣевъ) и Дементій (Башмаковъ),—и говорили мнѣ царевымъ глаголомъ: «Протопопъ, вѣдаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе, прошу-де твоего благословенія и съ царицею и съ чады, помолись о насъ. Пожалуй-де, послушай меня, соединишь со вселенскими тѣми, хотя не большимъ чѣмъ.» И я говорю: «аще и умрети мнѣ Богъ изволить, со отступниками не соединюся. Ты мой царь, а имъ до тебя какое дѣло? своего царя потеряли, и тебя проглотить сюды приволоклися.» Таже, братію казня, а меня не казня, сослали въ Пустозерье.—Аввакумъ до конца остался непреклоненъ; вотъ его исповѣданіе: «Аще я и не смысленъ, гораздо неученый человѣкъ, да то знаю, что вся церкви отъ св. отецъ преданная свята и непорочна суть; держу до смерти, яко же пріяхъ; не предлагаю предѣлъ вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ.»

Мы видѣли, что жена поддерживала ревность Аввакума; но это далеко не единственный примѣръ въ исторіи раскола. Боярыня Ѳедосья Прокофьевна Морозова, вдова Глѣба Ивановича, брата

знаменитаго Бориса, пользовалась большимъ почетомъ при дворѣ; «дома прислуживало ей человекъ съ триста. Крестьянъ было 8000, друзей и сродниковъ множество—много; ѣздила она въ дорогой каретѣ, устроенной мозаикою и серебромъ, въ шесть или двѣнадцать лошадей съ гремучими цѣпами; за нею шло слугъ, рабовъ и рабынь человекъ сто, оберегая ея честь и здоровье.» И эта богатая и знатная боярыня вмѣстѣ съ сестрою, княгинею Евдокіею Урусовою, стали ревностными послѣдовательницами Аввакума, и цѣлый рядъ лишеній и страданій не могли поколебать ихъ твердости. Легко понять, какую помощь оказывали обѣ сестры расколу по своему положенію, сосредоточивая около себя самыхъ ревностныхъ его послѣдователей; понятно, какъ это не нравилось царю, который употреблялъ всѣ средства для ихъ обращенія, увѣщанія, угрозы, наказаніе—и все понапрасну. «Сумазбродная люта», отзывался царь Алексѣй Михайловичъ о Морозовой, считая сестру ея Евдокію смиренною; но эта смиренная, какъ часто бываетъ, поддерживала «лютую» свою твердостью. На вопросъ крутицкаго митрополита Павла, причастится ли она по тѣмъ служебникамъ, по которымъ причащается государь, царица и царевны? Морозова отвѣчала: «не причащусь; знаю, что царь причащается по развращеннымъ служебникамъ Николаю наданія. Врагъ Божій Никонъ своими ересями какъ блевотиною наблевалъ, а вы нынѣ то скверненіе его полизаете, явно, что и вы подобны ему.»

Сестеръ заточили по разнымъ мѣстамъ. Патріархъ Питиримъ сталъ просить за нихъ царя: «Я совѣтую тебѣ боярыню ту Морозову вдовицу,—кабы ты изволилъ опять домъ ей отдать и на потребу ей дворовъ бы сотницу крестьянъ далъ; а княгиню тоже бы князю отдалъ, такъ бы дѣло то приличіе было. Женское ихъ дѣло; что они много смыслятъ!»—Давно бы я такъ сдѣлалъ, отвѣчалъ царь, но не знаешь ты лютости этой женщины. Какъ повѣдать тебѣ, сколь поругалась и нынѣ ругается Морозова та! Много надѣлала она мнѣ трудовъ и неудобствъ показала. Если не вѣришь моимъ словамъ, изволь самъ испытать; призови ее къ себѣ, спроси, и самъ узнаешь ея твердость, начнешь ее истязать и вкусишь пріятности ея.»

Патріархъ вкусилъ пріятности ея, и отступился. Сестеръ ны-

тали; наверху, у государя въ думѣ была рѣчь о томъ, чтобъ сжечь Морозову въ срубѣ «да бояре не потянули; а Долгорукій малыми словами да много у нихъ пересѣкъ.» Раскольникъ сослали въ Боровскъ и заперли въ земляную тюрьму. Урусова не вынесла тяжкаго заключенія и скоро умерла; за нею послѣдовала и Морозова <sup>177</sup>.

Приходили отовсюду новые учителя: во дворцѣ и съ церковной каеедры, изъ монашеской кельи и изъ сибирскаго заточенья толковали они о необходимости перемѣнъ, о необходимости науки; задѣтые ими, оскорбленные старые учителя, бывшіе прежде сами передовыми людьми, возбуждавшіе негодованіе своими новшествами, возстали противъ новшествъ, принесенныхъ соперниками, провозгласили, что не должно быть никакихъ перемѣнъ: «до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ.» Но въ то время какъ старые и новые учителя въ священническихъ и монашескихъ рясахъ препираются о двуперстномъ и треперстномъ сложеніи, когда Русскіе раздѣлились въ ожесточенной борьбѣ, когда сдѣлка съ наукою, попытка ввести науку чрезъ православныхъ учителей безъ вреда православію, далеко не удалась какъ бы желалось, когда старые учителя провозгласили и православныхъ Грековъ, и православныхъ Малороссіянъ, и Бѣлоруссовъ еретиками, латинцами,—въ это время являются новые учителя особаго рода; не желанные ни старымъ учителемъ, ни новымъ въ рясахъ, являются инновѣрцы—Нѣмцы, являются вслѣдствіе того, что прежде грамматикки и реторикки нужно было выучиться сражаться, вслѣдствіе того, что явно было экономическое банкротство по неумѣнью производить и продавать и по неимѣнью моря, являются вслѣдствіе того закона, по которому вышнее предшествуетъ внутреннему. Мы должны обратить вниманіе и на этихъ новыхъ учителей, посмотрѣть, что это за люди и какъ они живутъ въ своей нѣмецкой слободѣ, которая играетъ такую роль въ исторіи преобразования.

Мы уже имѣли случай говорить о наемныхъ войскахъ, о ихъ историческомъ значеніи. Мы видѣли, что они образовались изъ добровольныхъ и невольныхъ изгнанниковъ изъ родныхъ странъ, однимъ словомъ, изъ козаковъ западной Европы. Для нашихъ козаковъ служила привольнымъ убѣжищемъ широкая степь, поле, гдѣ они могли поляковать, козаковать на свободѣ, признавать

только по имени власть русскаго государства, враждебно дѣйствовать противъ него при первомъ столкновеніи, но все оставаясь православными русскими людьми. Въ западной Европѣ не было степей, гдѣ бы могло образоваться козачество; западно-европейскимъ козакамъ было два выхода—или плыть за океанъ для пріисканія и завоеванія новыхъ земель, и эта дѣятельность западныхъ козаковъ въ Новомъ Свѣтѣ совпадаетъ съ дѣятельностію нашихъ восточныхъ козаковъ за Камнемъ. Другой выходъ — извѣчное занятіе богатырскихъ, козацкихъ дружинъ—*служить въ семи ордахъ семи королямъ*, искать хорошаго жалованья и добычи въ службѣ разныхъ государей; съ XVII вѣка въ числѣ этихъ государей былъ и великій государь всея Руси. Изъ происхожденія и занятія этихъ западныхъ козаковъ, явившихся въ Москвѣ подъ именемъ *служилыхъ иноземцевъ*, объясняется уже ихъ характеръ. Волею или неволею оторвавшіеся отъ родной страны, мѣняющіе службу, знамена, смотря потому, гдѣ выгоднѣе, составляя пеструю дружину, пришельцевъ изъ разныхъ странъ и народовъ, служилые иноземцы были совершеннѣйшіе космополиты, отличавшіеся полнымъ равнодушіемъ къ судьбамъ той страны, гдѣ они временно поселились, отличавшіеся легкою нравственностію; побольше жалованья, побольше добычи—оставалось всегда главною цѣлю. Трудно было сыскать между ними кого-нибудь съ научнымъ образованіемъ: такіе люди не пошли бы въ наемныя дружины; но это были обыкновенно люди живые, развитые, много видѣвшіе, много испытавшіе, имѣвшіе много кой о чемъ поразсказать, пріятные и веселые собесѣдники, любившіе хорошо, весело пожить, попить за-полночь, беззаботные, живущіе день за день, привыкшіе къ крутымъ поворотамъ судьбы, нынче хорошо, завтра дурно, нынче побѣда, богатая добыча, завтра проигранное сраженіе, добыча отнята, самъ въ плѣну.

Таковы были люди, которыхъ постоянно вызывали въ Москву въ продолженіе XVII вѣка; сперва увеличеніе числа иностранцевъ въ Москвѣ возбудило сильный ропотъ, жалобы священниковъ; иноземцевъ видѣли, переселили въ особую слободу. Казалось, что Русь отгородилась отъ Нѣмцевъ, но это могло только казаться такъ. Русь трогалась съ востока на западъ, и западъ выставилъ ей на пути, какъ свою представительницу, нѣмецкую слободу. Историческій чередъ былъ за нѣмецкой слободой, и скоро

старая Москва преклонится передъ этою слободою своею, какъ нѣкогда старый Ростовъ преклонился передъ пригородомъ своимъ Владиміромъ; скоро нѣмецкая слобода перетянетъ царя и дворъ его изъ кремля, обзаведется своими дворцами. Нѣмецкая слобода—ступень къ Петербургу, какъ Владиміръ былъ ступенью къ Москвѣ.

Служилые иноземцы не прожили молча въ нѣмецкой слободѣ. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей между ними изъ дня въ день записалъ свои похождения, свое житье-бытье, и оставилъ намъ любопытныя извѣстія о себѣ самомъ, о своихъ собратіяхъ, о Россіи предъ эпохою преобразования. Я разумѣю Дневникъ Гордона.

Патрикъ Гордонъ былъ родомъ Шотландецъ, католикъ. Последнее обстоятельство затворило ему двери отечественныхъ университетовъ. На-досугъ молодой человекъ влюбился, но не могъ жениться на предметъ своей страсти. Частію это обстоятельство, частію жажда къ свободѣ тянули Гордона изъ родной страны, тѣмъ болѣе, что на родинѣ ему нечего было терять: онъ происходилъ изъ младшей линіи Гордоновской фамиліи и самъ былъ младшій сынъ. Молодой Гордонъ за границу. Сначала онъ поступилъ въ Іезуитскій Браунобергскій коллегіумъ, но скоро заѣхтилъ, что затворническая жизнь ему не по характеру. Въ 1655 году онъ вступилъ въ войска шведскаго короля Карла X, который воевалъ тогда съ Поляками. Въ слѣдующемъ же году Гордонъ попался въ плѣнъ къ Полякамъ и освобожденъ подъ условіемъ вступленія въ польскую службу; въ томъ же самомъ году попался въ плѣнъ къ Шведамъ и вступилъ опять въ шведскую службу. Наемному офицеру жалованья не платили: зато онъ не упускалъ удобнаго случая поживиться добычею, подкарауливалъ ее въ лѣсу, какъ разбойникъ, и записывалъ въ своемъ дневникѣ, что, напримѣръ, ему удалось, хотя и не безъ труда, отнять люшадей у двохъ крестьянъ; Гордонъ служилъ въ шотландской дружинѣ, которая прославилась своими грабительствами. Въ 1658 году онъ опять попался въ плѣнъ къ Полякамъ и вторично вступилъ въ польскую службу: «Вѣдь главная цѣль Гордона, говорить онъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, была составить себѣ счастье, но въ шведской службѣ теперь это трудно было сдѣлать, потому что у Шведовъ на шеѣ были — императоръ, короли датскій и польскій и

царь русскій. Правда, что честному человѣку хорошо у Шведовъ служить: это народъ справедливый, цѣнить каждого по заслугамъ; но и между Поляками можно составить себѣ счастье, польскіе генералы гордо обращаются съ иностранцами, но остальная шляхта и кто пообразованнѣе обращаются съ ними хорошо.» Но и между Поляками Гордонъ не нашелъ возможности составить себѣ счастье, и въ 1661 году вступилъ въ русскую службу въ званіи майора; въ сентябрѣ пріѣхалъ въ Москву, въ нѣмецкую слободу. Здѣсь сначала Гордону не понравилось. Его позвалъ къ начальнику иноземнаго приказа, тестю царскому, боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому; тотъ велѣлъ ему взять копьё и мушкетъ и показать, какъ онъ умѣетъ ими дѣйствовать. Гордонъ отвѣчалъ, что еслибъ ему прежде сказали объ этомъ, то онъ бы привелъ съ собою своего деньщика, который, вѣроятно, знаетъ лучше его ружейные приемы, и прибавилъ, что для офицера эти приемы послѣднее дѣло, а главное начальствовать надъ солдатами. Бояринъ возразилъ, что всякій служилый иноземецъ, пріѣзжающій въ Россію, хотя бы былъ полковникъ, долженъ показать, умѣетъ ли дѣйствовать копьёмъ и мушкетомъ. Дѣлать было нечего: Гордонъ принялся за копьё и мушкетъ, и бояринъ остался доволенъ.

Тутъ же на первыхъ порахъ опытный искатель добычи столкнулся съ знаменитыми также искателями добычи, московскими дьяками. Назначенъ былъ Гордону, за его выѣздъ въ Россію, подарокъ: 25 рублей чистыми деньгами и на 25 рублей соболями. Иностранецъ не зналъ обычая, что для полученія этого подарка надобно прежде подарить дьяка. Гордонъ къ дьяку за подаркомъ—тотъ отговаривается пустяками, Гордонъ бранится—нѣтъ успѣха; Гордонъ къ боярину съ жалобою, бояринъ велитъ дьяку выдать подарокъ, но тотъ не выдаетъ. Гордонъ въ другой, въ третій разъ съ жалобою къ боярину, говоритъ ему прямо, что не понимаетъ, кто имѣетъ больше силы, — онъ, бояринъ, или дьякъ, потому что дьякъ и не думаетъ исполнять его приказаній. Бояринъ разсердился, велѣлъ позвать дьяка, схватилъ его за бороду, потаскалъ его добрымъ порядкомъ и обѣщалъ кнутъ, если Гордонъ придетъ еще разъ съ жалобою. Дьякъ приходитъ къ Гордону съ ругательствами; тотъ платитъ ему такую же монетою, и оканчиваетъ угрозою, что потребуетъ увольненія отъ службы.

Дѣйствительно Гордонъ началъ серьезно думать, какъ бы выбратъ-ся изъ Россіи: жалованье не большое, и то мѣдными деньгами (4 копейки идутъ за одну серебряную), и жить нельзя, не только что скопить что-нибудь. Въ иноземномъ приказѣ провѣдали, что Гордонъ хочетъ просить увольненія у боярина, испугались и выдали ему свидѣтельство для полученія денегъ и соболей. Гордонъ заупрямился, не хотѣлъ брать подарка; толковалъ объ отпускѣ; но ему внушили, что просьбою объ отпускѣ онъ только можетъ погубить себя; онъ католикъ, пріѣхалъ изъ Польши, съ которою идетъ война, и сейчасъ же хочетъ опять уѣхать: ясно, что пріѣзжалъ для лазутчества; вмѣсто отпуска познакомится пожалуй съ Сибирью. Гордонъ испугался, взялъ подарокъ и остался въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, въ которой иногда происходили любопытныя событія.

Въ Нѣмецкой слободѣ, какъ во всякой другой, полицейскій надзоръ былъ порученъ десятскимъ, которымъ давался наказъ. «Вѣдать тебѣ и беречь накрѣпко въ своемъ десяткѣ и приказать полковникамъ и полуполковникамъ и нижнихъ чиновъ начальнымъ и торговымъ и всякимъ жилацкимъ людямъ и иноземцамъ, чтобъ они русскихъ бѣглыхъ и новокрещенныхъ и бѣлорусцевъ и гулящихъ людей въ дворахъ у себя для работы безъ крѣпостей не держали, и поединковъ и никакого смертнаго убійства и дракъ не чинили, и корчемнымъ продажнымъ питьемъ, виномъ и пивомъ и табакомъ не торговали и воровскимъ людямъ приходу и пріѣзду и б...., и неявлясь въ приказъ новыя четверти никакова питья не держали, а для работы во дворѣ у себя держали всякихъ разныхъ вѣръ иноземцевъ некрещенныхъ»<sup>178</sup>. Но мы уже знаемъ, какъ солдаты мало обращали вниманія на указы относительно вина, и какъ иностранные офицеры ихъ сквозь пальцы смотрѣли на это. Однажды въ Москвѣ узнали, что солдаты держатъ вино въ Нѣмецкой слободѣ въ извѣстномъ домѣ. Подъячій съ отрядомъ стрѣльцовъ явился на выимку и нашелъ вино, хотя солдаты успѣли спрятать его въ саду. Стрѣльцы взяли вино, захватили и нѣсколько солдатъ; но прибѣжали другіе солдаты, освободили товарищей, отняли вино и протолкали стрѣльцовъ до городскихъ воротъ. Тутъ къ стрѣльцамъ пришла подмога, и солдаты принуждены были бѣжать въ свою очередь; но скоро и они получили подкрѣпленіе: солдатъ набралось 800 человекъ, стрѣль-



цовъ было 700, завязался бой въ узкихъ улицахъ, и солдаты втиснули стрѣльцовъ въ ворота Бѣлаго города; но на помощь къ стрѣльцамъ явилось 600 товарищей съ главнаго кремлевскаго караула и отрѣзали путь солдатамъ, ворвавшимся въ Бѣлый городъ; 22 человекъ были схвачены, биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь.

Игра въ карты была также запрещена, и солдаты играли тайкомъ, ночью. Однажды русскій капитанъ Спиридоновъ накрылъ ихъ и, по обычаю тогдашняго начальства, воспользовался этимъ случаемъ для добычи: забралъ себѣ не только тѣ деньги, которыя были въ игрѣ, но еще взялъ съ солдатъ 60 рублей, не давши объ этомъ знать по начальству, т.-е. Гордону. Тотъ призвалъ Спиридонова къ себѣ, и сдѣлалъ ему строгій выговоръ съ угрозою, что впередъ ему плохо будетъ. Капитанъ, не привыкшій къ такимъ внушеніямъ, началъ было горячиться; тогда Гордонъ употребилъ внушеніе другаго рода: схватилъ Спиридонова за голову, повалилъ на полъ, и такъ отколотилъ дубинкою, что несчастный едва могъ встать. Капитанъ пожаловался полковнику; но Гордонъ заперся, потому что свидѣтелей не было; капитанъ пожаловался боярину: Гордонъ и тутъ заперся.

Хозяинъ дома, гдѣ квартировалъ Гордонъ, захотѣлъ освободиться отъ своего постояльца, и челобитье его было исполнено. Два раза присылали Гордону письменныя приказанія очистить квартиру, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Однажды, когда Гордонъ сидѣлъ за обѣдомъ, входитъ къ нему въ комнату подъячій съ указомъ, чтобъ онъ немедленно перебирался на другую квартиру. Съ подъячимъ пришло 20 человекъ трубниковъ, большая часть которыхъ остались внизу. «Покажи указъ!» говоритъ Гордонъ подъячему. — «Не покажу, отвѣчаетъ тотъ, потому что ты два прежніе указа оставилъ у себя или, быть можетъ, разодралъ.» — «До тѣхъ поръ не очищу квартиры, пока не покажешь указа», говоритъ Гордонъ. Тогда подъячій велитъ трубникамъ взять чемоданъ и нести вонъ, а самъ беретъ полковыя знамена. Гордонъ вскакиваетъ изъ-за стола, и съ помощію деньщика и двоихъ офицеровъ, которые вмѣстѣ съ нимъ обѣдали, выгоняетъ подъячаго вонъ изъ комнаты и съ лѣстницы. Но подъячій соединяется съ остальными трубниками и снова идетъ на верхъ къ Гордону; тотъ съ товарищами, пользуясь вы-

годою своего положенія на верху, прогоняетъ ихъ, тѣмъ легче, что трубники были вооружены однѣми палками. На шумъ прибѣгаютъ солдаты, нападаютъ на подъячаго и трубниковъ, и тѣ бѣгутъ, солдаты гонятъ ихъ до Яузскаго моста и отнимаютъ у нихъ шапки. Дѣло кончилось ничѣмъ, потому что на счастье Гордона, Милославскій поссорился съ Ртищевымъ, къ приказу котораго принадлежалъ подъячій, а между тѣмъ Гордонъ перемѣнилъ квартиру.

Остался въ Москвѣ, — дѣлать нечего, надобно было сообразоваться съ обычаями. Гордонъ позвалъ всѣхъ подъячихъ иноземнаго приказа къ себѣ на пирушку и каждому подарилъ — кому два соболя, кому одинъ. Съ этихъ поръ онъ пользовался ихъ полнымъ расположеніемъ и уваженіемъ; какое бы ни было у него дѣльце въ приказѣ, все сейчасъ обдѣлаютъ.

Несмотря на это, Гордону все еще очень не нравилось въ Москвѣ; челоѣкъ привыкъ пріобрѣтать добычу съ оружіемъ въ рукахъ, а тутъ надобно задаривать людей, которые перомъ ловятъ соболей! Нельзя вырваться на западъ, то нельзя ли хотя еще дальше на востокъ. Назначался Федоръ Андреевичъ Милославскій посломъ въ Персію; Гордонъ сталъ проситься въ свиту, но, зная, что однѣ просьбы не принимаются, снесъ самому Милославскому 100 золотыхъ, да его дворецкому подарокъ въ 20 золотыхъ. Но золотые пропали, дѣло было невозможное: иноземца выписали для ратной службы, а онъ хочетъ ѣхать съ посломъ въ Персію, куда могутъ отправиться и русскіе: пожалуй еще оттуда увидеть, или передастся шаху!

Хотя десятскіе Нѣмецкой слободы получали наказъ — беречь накрѣпко, чтобъ не было поединковъ, однако служилые иноземцы мало обращали вниманія на это запрещеніе. Гордонъ въ 1666 году имѣлъ поединокъ съ майоромъ Монгомери: поссорился онъ съ нимъ у себя на пирушкѣ, которую давалъ придворнымъ въ царскія именины.

Служилые иноземцы не всегда ссорились другъ съ другомъ только на пирушкахъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. По возвращеніи изъ похода 1676 года Гордонъ, бывшій тогда уже полковникомъ, узналъ, что нѣкоторые драгуны его полка хотятъ на него жаловаться и что подбиваетъ ихъ къ тому генералъ-майоръ Траурернихтъ. Встрѣтившись съ Траурернихтомъ въ домѣ князя

Трубецкаго, Гордонъ, въ присутствіи многихъ полковниковъ, рѣзко выговорилъ ему, что онъ связался съ негодами его полка и подучаетъ ихъ подать не него жалобу. Трауернихтъ смолчалъ; но на другой же день проводилъ въ Разрядъ солдатъ, которые отнесли туда свое челобитье на Гордона. Черезъ нѣсколько дней является къ Гордону полковникъ Шиль, родственникъ Трауернихта, и предлагаетъ, что если Гордонъ заплатитъ Трауернихту 300 фунтовъ, то онъ уладитъ дѣло между нимъ и драгунами. Гордонъ отвѣчалъ бранью на это предложеніе. Когда онъ узналъ, что дѣло на слѣдующій день будетъ докладываться царю, то послалъ думному дьяку подарокъ въ 20 рублей; дьякъ обѣщалъ быть за Гордона; за него же былъ и самъ воевода, князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, который при докладѣ объявилъ, что все написанное въ челобитной ложъ, дѣло въ томъ, что Гордонъ содержитъ строгую дисциплину и не позволяетъ своимъ подчиненнымъ воровать и бѣгать: «Я говорю это, прибавилъ князь, не потому, что Гордонъ мнѣ далъ что-нибудь или обѣщалъ, но зная его усердіе къ службѣ царскаго величества.» Крестьяне 20 деревень, въ которыхъ стоялъ Гордоновъ полкъ, прислали сказку за руками троихъ священниковъ, что они не могутъ ни въ чемъ пожаловаться на Гордона. Жалобщики, увидавши, что дѣло не можетъ кончиться въ ихъ пользу, предложили Гордону мировую, если онъ дастъ имъ пять рублей. Гордонъ отвѣчалъ, что дастъ пять рублей, если они откроютъ ему всѣхъ сообщниковъ, чтобъ ему знать, кто у него въ полку друзья и кто враги, безъ этого не дастъ ни копейки. Драгуны не согласились <sup>179</sup>.

---

## Г Л А В А II.

### Царствованіе Θεодора Алексѣевича.

Различіе въ преобразовательной дѣятельности преемниковъ царя Алексѣя Михайловича. — Дѣти царя Алексѣя отъ обоихъ браковъ. — Польское и нѣмецкое вліянія. — Извѣстія о вступленіи на престолъ Θεодора. — Ссылка Матѣева. — Ссылка духовника Андрея Савинова. — Отягченіе участи Никона. — Любимцы царя — Языковъ, Лихачевы. — Бракъ Θεодора на Агаѣи Семеновнѣ Грушецкой. — Быстрое возвышеніе Языкова и Лихачева. — Князь Вас. Вас. Голицынъ. — Окончаніе дѣла съ Дорошенкомъ. — Дѣла Рославца и Адамовича. — Дорошенко въ Москвѣ. — Манифестъ Юрія Хмельницкаго. — Пересылка съ гетманомъ Самойловичемъ о Сѣркѣ и Дорошенкѣ. — Ссылка Рославца и Адамовича. — Первый чигиринскій походъ. — Мѣтнія Ромодановскаго и Самойловича о Чигиринѣ. — Дѣла Запорожскія и посольство въ Турцію. — Второй Чигиринскій походъ. — Сношенія съ Польшею. — Мирные переговоры съ Турціею. — Переговоры въ Крыму и миръ съ султаномъ и ханомъ. — Дорошенко-воевода. — Смерть Сѣрка. — Дѣла шведскія, датскія, австрійскія. — Калмыки и козаки. — Волженія башкирцевъ. — Борьба съ Киргизами, Самоѣдами, Якутами и Тунгусами въ Сибири, злоупотребленія здѣсь приказныхъ людей. — Внутренняя дѣятельность правительства при царѣ Θεодорѣ. — Вопросъ о торговлѣ шелкомъ съ Армянами. — Постановленіе о торговлѣ съ Греками. — Смягченіе наказаній за уголовныя преступленія. — Новая форма челобитныхъ. — Расколъ. — Церковный соборъ 1681 года. — Обращеніе новобѣрцевъ въ христіанство. — Постановленія о воеводахъ. — Финансовыя мѣры. — Уничтоженіе мѣстничества. — Проектъ отдѣленія гражданскихъ должностей отъ военныхъ. — Проектъ академіи. — Смерть царицы Агаѣи и царевича Ильи. — Второй бракъ царя и кончина его. — Смерть Никона. — Облегченіе участи Матѣева.

---

Русская земля всколебалась и замутилась, русскій народъ послѣ осымивѣковаго движенія на востокъ, круто началъ поворачивать на западъ; поворота, новаго пути для народной жизни тре-

бовало банкротство экономическое и нравственное. Раздались голоса о необходимости приобрести средства, которыя бы сдѣлали народъ сильнымъ, свискали ему уваженіе другихъ народовъ, дали бы ему богатство и подняли его нравственность; раздались голоса о необходимости учиться, и явились учителя съ разныхъ сторонъ: греческіе и западно-русскіе монахи, западно-русскіе шляхтичи съ польскимъ школьнымъ образованіемъ, явились и учителя иноплеменные и иновѣрные съ дальнѣйшаго запада, *Нѣмцы*, учителя ратнаго искусства и разныхъ другихъ искусствъ и ремеслъ. Учителя эти столкнулись съ старыми учителями, произошла борьба и расколъ; люди, испуганные движеніемъ, *новшествами*, завопили о кончинѣ міра, о второмъ пришествіи, объ антихристѣ. И они были правы въ извѣстномъ смыслѣ: старая Россія оканчивалась, начиналась новая.

Но при этой несостоятельности стараго, при этихъ требованіяхъ новаго, какимъ же путемъ долженъ былъ совершиться переворотъ? Мы видимъ, что все и со всѣмъ обращается въ Москву къ великому государю, и видимъ также ясно, что это обращеніе происходитъ необходимо отъ слабости, мелкости отдѣльных міровъ, отъ особности ихъ другъ отъ друга, и въ то же время отъ внутренней розни, происходящей при всякомъ соединеніи силъ, при всякомъ общемъ дѣйствіи, однимъ словомъ отъ дѣтскаго состоянія ихъ, отъ дѣтской безпомощности. Сверху дается полная свобода: всякое челобитье о какомъ-нибудь новомъ распорядкѣ принимается, пусть распоряжаются какъ хотятъ; поссорятся, одни захотятъ одного, другіе другаго—правительство приказываетъ спросить всѣхъ, чтобъ узнать, чего хочетъ большинство? Мы упомянули о дѣтской безпомощности; слово всего лучше объяснить тутъ дѣло: всѣ тяглые, не служилые люди называютъ себя *сиротами* государевыми; это низшая рабочая часть народонаселенія, мужики; но высшая, военные, мужи, какъ себя называютъ? они называютъ себя *холопами* государевыми. Понятно, что ни въ безпомощныхъ сиротахъ, ни въ холопахъ нельзя искать силы и самостоятельности, собственнаго мнѣнія. И тѣ и другіе чувствуютъ несостоятельность стараго, понимаютъ, что оставаться такъ нельзя, но, при отсутствіи просвѣщенія, не могутъ ясно сознавать, какъ выйти на новую дорогу, не могутъ имѣть инициативы, которая потому должна явиться сверху; повести дѣло долженъ великій государь.

Вести дѣло переворота или преобразованія должны были пре-  
емники царя Алексѣя Михайловича. Какимъ образомъ пойдутъ они  
по пути, на который уже поворотилъ народъ? — это будетъ за-  
висѣть отъ ихъ природы и отъ ихъ воспитанія. Мы видѣли, что  
при сознаніи необходимости учиться, явились разнаго рода учи-  
теля; чтобъ новая наука не повредила древнему благочестію, при-  
зывались учителя изъ православнаго духовенства, греческаго и  
западно-русскаго. Эти люди принесли въ Москву школьную нау-  
ку, требованіе учрежденія школъ; но западно-русскіе ученые мог-  
ли устроить школы по образцу западно-русскихъ школъ, а эти  
были устроены по образцу школъ польскихъ. Вообще западно-  
русскіе ученые были воспитаны подъ сильнымъ польскимъ влія-  
ніемъ вслѣдствіе той тѣсной связи, въ какой родина ихъ нахо-  
дилась съ Польшею; у западно-русскихъ людей не было своего  
книжнаго языка: они писали или на такъ-называемомъ церковно-  
славянскомъ языкѣ, или по-латыни, или по-польски, литература  
польская доставляла имъ много матеріала. Эту привычку къ поль-  
скому языку и литературѣ они принесли и въ Москву; усиленію  
вліянія польскаго языка и литературы содѣйствовала здѣсь тѣс-  
ная связь съ Польшею и во время войны при безпрестанныхъ  
переговорахъ о мирѣ и во время мира при союзѣ и безпрестан-  
ныхъ сношеніяхъ на счетъ болѣе тѣснаго союза, и на счетъ вы-  
бора въ короли царя или сына его. Русскій языкъ заперстрѣлъ  
полонизмами; стоитъ только прочесть письма и донесенія русска-  
го резидента въ Варшавѣ, Тяпкина, чтобъ убѣдиться въ силѣ  
польскаго вліянія на русскій языкъ, и какъ это вліяніе обнару-  
жилось бессознательно, невольно со стороны русскаго человѣка:  
Тяпкинъ, какъ мы видѣли и увидимъ, былъ чистый русскій чело-  
вѣкъ, умиралъ въ Польшѣ съ тоски по родинѣ, не могъ ужиться  
съ поляками, смотрѣлъ на нихъ съ самой черной стороны, а  
между тѣмъ сталъ писать полупольскимъ языкомъ, отдалъ сына  
въ польскую школу, и тотъ говорилъ королю рѣчь на модномъ  
тогдашнемъ языкѣ, т.-е. на половину по-польски, и на половину  
по-латынѣ<sup>180</sup>. Западно-русскіе учителя принесли къ намъ поль-  
ское вліяніе. Эти учителя принесли къ намъ грамматику, ретори-  
ку, философію, богословіе, при царѣ Алексѣѣ толковали о необ-  
ходимости устроить школы для преподаванія этихъ наукъ и при  
наслѣдникахъ царя Алексѣя успѣли достигнуть своей цѣли.

Но эти учителя не могли выучить тому, нудящая необходимость чего была такъ очевидна. Прежде всего нужно было выйти изъ экономической несостоятельности, нужно было разбогатѣть и уси- литься; чтобъ разбогатѣть посредствомъ торговли, промысловъ, нужно было море, пробиться къ морю нужно было съ оружіемъ въ рукахъ, нужно было свести старые счеты, освободиться отъ татарской дани, которую платили въ Крымъ подъ именемъ по- минковъ, нужно было слѣдовательно выучиться ратному иску- ству, нужно было выучиться строить корабли и плавать на нихъ, строить крѣпости; чтобъ поднять торговлю и богатство, нужно было выучиться прокладывать дороги, прорывать каналы, нужно было выучиться всякимъ искусствамъ и ремесламъ. Ни греческіе, ни западно-русскіе монахи, ни ополченные западно-русскіе мелкіе шляхтичи, которыхъ русскіе вельможи брали въ домашніе учителя къ своимъ дѣтямъ, всему этому выучить не могли; для этого нужны были Нѣмцы, для этого нужно было ѣхать не въ Кіевъ или Вар- шаву, а далѣе на западъ, въ нѣмецкія поморскія государства. Такимъ образомъ при нудящей потребности учиться, которой должны были удовлетворять преемники царя Алексѣя, были предъ ними на лицо двоякаго рода учителя: западно-русскіе виѣстѣ съ греческими и Нѣмцы; учителя должны имѣть вліяніе на учени- ковъ—отсюда два вліянія: польское и нѣмецкое. Преемники царя Алексѣя раздѣлились между этими учителями и этими вліяніями, вслѣдствіе различія природныхъ свойствъ и воспитанія.

Многочисленное семейство царя Алексѣя Михайловича пред- ставляетъ любопытное явленіе. Отъ перваго брака на Милослав- ской онъ имѣлъ восемь дочерей и пять сыновей. Шесть остав- шихся въ живыхъ дочерей отличались крѣпкимъ, здоровымъ сло- женіемъ, и одна изъ нихъ, Софья, отличалась и силами духов- ными, была, по отзыву врага, «великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва.» На- противъ сыновья были слабы, болѣзненны, трое умерло при жизни отца, изъ двоихъ оставшихся старшій страдалъ сильною цынгою, младшій Іоаннъ къ слабости физической присоединялъ и неразви- тость умственную. За то отъ втораго брака на Нарышкиной ро- дился богатырь физически и духовно, соотвѣтствующій по при- родѣ сестрѣ Софѣ. Отъ слабаго и болѣзненнаго Феодора нельзя было ожидать сильнаго личнаго участія въ тѣхъ преобразованіяхъ,

которыя стояли первыя на очереди, къ которыхъ болѣе всего нуждалась Россія, онъ не могъ создавать новое войско и водить его къ побѣдамъ, строить флотъ, крѣпости, рыть каналы, и все торопить личнымъ содѣяніемъ; Ѳеодоръ былъ преобразователемъ, во сколько онъ могъ быть имъ, оставаясь въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты и спальни; этимъ условіемъ соотвѣтствовало и воспитаніе: Ѳеодоръ былъ воспитанникъ западно-русскаго монаха Симеона Полоцкаго, и въ этомъ воспитаніи необходимо преобладалъ элементъ церковный; польское вліяніе было тутъ; Ѳеодоръ владѣлъ польскимъ языкомъ. Лазарь Барановичъ, посвящая въ 1672 году книги свои: «Житія св. отецъ» царевичу Ѳеодору, а «Духовныя струны» царевичу Іоанну, пишетъ царю: «Издахъ же (эти книги) языкомъ польскимъ, яко писахъ въ то время, егда Поляки отъ имени твоего царскаго къ скипетру коруны польскіе молити помышляху, да крѣпчайше союзъ мирнаго соединенія укрѣпятъ. Издахъ языкомъ ляцкимъ: извѣстенъ бо есмь, яко царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ не точю нашимъ природнымъ, но и ляцкимъ языкомъ чтеть книги. Благовѣрному же государю царевичу Іоанну Алексѣевичу книгу «Духовныя струны» приписавъ, издахъ же языкомъ ляцкимъ, вѣмъ бо, яко и вашего пресвѣтлаго величества снискать сего языка не гнушается, по чтутъ книги и исторіи ляцкія въ сладость.» Говорили, что Ѳеодоръ зналъ и по-латыни, хотя не такъ хорошо, какъ покойный братъ его царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ; благодаря Полоцкому, Ѳеодоръ выучился складывать вирши; говорили, что въ псалтыри, переложенной Полоцкимъ на вирши, переводъ псалмовъ 132-го и 143-го принадлежалъ Ѳеодору<sup>181</sup>. За царствованіемъ Ѳеодора послѣдовало правленіе Софіи: Софія также воспиталась подъ вліяніемъ Полоцкаго съ братією; также читала житія святыхъ, изданныя Барановичемъ по-польски; Симеонъ Полоцкій, поднося ей книгу свою: «Вѣнецъ Вѣры», писалъ виршами: «О благороднѣйшая царевна Софія, нищещи премудрости выну небесныя. По имени твоему жизнь твою ведеши: мудрая глаголеши, мудранъ дѣеши. Ты церковныя книги обыкла читати и въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати. Увѣдѣвши же, яко и книга новая писася, яже Вѣнецъ вѣры реченная, возжелала ту еси сама созерцати и еще въ черни бывшу прилежно читати и, познавши полезну въ духовности быти, велѣла еси чисто ону устроить»<sup>182</sup>. Притомъ же,



Софья, по своему полу, не могла дѣйствовать иначе, какъ изъ дворца. Такимъ образомъ въ царствованіе Θεодора и въ правленіе Софіи господствуетъ направленіе, принесенное западно-русскими учителями; это господство выразилось въ основаніи славяно-греко-латинской академіи; но тутъ же патріархъ заподозриваетъ направленіе, принесенное Полоцкимъ въ Москву, въ неправославіи и спѣшитъ опереться на греческихъ учителей; начинается сильная борьба, въ которой патріархъ беретъ верхъ, благодаря паденію Софіи и приверженца ея Медвѣдева, главнаго противника патріарху, ученика Симеона Полоцкаго. Здѣсь конецъ польскому вліянію; католическая пропаганда остановлена, іезуиты выгнаны. У младшаго сына царя Алексѣя была другая природа и другое воспитаніе, чѣмъ у старшаго; невиданный богатырь, которому было грузно отъ силъ, какъ отъ тяжелаго бремени, Петръ, хотѣлъ все узнать, какъ, чтѣ и почему? и хотѣлъ самъ все сдѣлать; ему тѣсно было въ старинномъ дворцѣ кремлевскомъ, негдѣ расправить плеча богатырскаго, не отъ кого узнать что-нибудь; онъ бросился на улицу, съ улицы попалъ въ Нѣмецкую слободу—и преобразование приняло другое направленіе; великій государь любилъ читать книги не меньше братьевъ своихъ, учениковъ Полоцкаго, но великій государь не былъ похожъ на ученика реторики, это былъ корабельный плотникъ, это былъ шкиперъ. Вслѣдствіе этого славяно-греко-латинская академія отходитъ уже на второй планъ; являются другія школы, другаго рода учителя, преимущественно Нѣмцы-протестанты; и блюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій считаетъ нужнымъ бороться съ протестантскими стремленіями, протестантскою пропагандою, какъ прежде патріархи Іоакимъ и Адріанъ считали нужнымъ противо-дѣйствовать католицизму.

---

Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ неожиданно, недостигши старости, и оставилъ семейство свое въ очень печальномъ для государства положеніи, предвѣщавшемъ большія смуты, и это въ такое время, когда столько важныхъ вопросовъ стояло на очереди, когда все колебалось при страшномъ поворотѣ на новый путь, когда при всеобщемъ истощеніи отъ прежнихъ войнъ предстояла еще опасная война съ могущественными Турками.

Старшій сынъ, торжественно объявленный при отцѣ наслѣдникомъ престола, былъ четырнадцатилѣтній, болѣзненный мальчикъ; самый близкій и довѣренный человекъ при покойномъ государѣ былъ Матвѣевъ, по праву пользовавшійся этою близостію и довѣренностію, человекъ съ обширною начитанностію по тогдашнему, большой охотникъ до образованія и людей образованныхъ, ловко владѣвшій перомъ, опытный въ дѣлахъ правленія, давно уже завѣдывавшій виѣшними сношеніями. Матвѣевъ могъ быть самымъ лучшимъ совѣтникомъ, подпорою молодого царя: но, къ несчастію, между Θεодоромъ и любимцемъ отца его уже разступилась бездна: воспитанница этого Матвѣева была мачиха Θεодора, а извѣстно, какое страшное значеніе имѣло тогда слово: мачиха. Никогда еще въ семействѣ царей русскихъ не было этого печальнаго явленія, этой вражды между дѣтьми отъ разныхъ матерей, и какъ нарочно это печальное явленіе произошло въ такое опасное время, когда предстояло преобразование и долженъ былъ воспитываться преобразователь; первое чувство, которое онъ встрѣтитъ въ родной семьѣ, будетъ вражда! И безъ подробныхъ извѣстій, которыхъ мы не имѣемъ, легко понять, какое вліяніе долженъ былъ имѣть на дворецъ, на тамешнія отношенія второй бракъ царя Алексѣя при такомъ большомъ числѣ дѣтей отъ перваго брака. Помѣшать второму браку не удалось: понапрасну раскидали подметныя письма въ грановитыхъ сѣняхъ и проходныхъ съ обвиненіями Матвѣева въ чародѣйствѣ. Матвѣевъ оправдался и государь женился на его воспитанницѣ. Царевнамъ, особенно тѣмъ, особенно той, которая такъ выдавалась впередъ, царевнѣ Софѣ Алексѣевнѣ, надобно было преклониться предъ молодою царицею, войти въ дочернія отношенія къ молодой женщинѣ, матери только по имени, у которой всѣ права матери безъ смягчающаго эти права материнскаго чувства. И это, какъ нарочно, въ то время, когда проникли во дворецъ новыя обычаи и взгляды, когда двери въ терема царевенъ растворились, и заключенницы увидали свѣтъ Божій, когда болѣе сильнымъ изъ нихъ представилась возможность пройти дальше за порогъ, распробовать силы, поглядѣть, почитать и послушать прежде не виданное, не читанное и не слыханное, набраться новыхъ мыслей, познакомиться съ новыми чувствами. Стремленіе силы бываетъ соизмѣрно прежней сдержанности: отсюда легко понять стремленіе

теремныхъ затворницъ пріобрѣсти какъ можно больше простора для своей дѣятельности, для расправленія силъ. И тутъ-то вдругъ помѣха! Дѣло не въ томъ, что новая царица непремѣнно враждовала къ падчерицамъ, преслѣдовала ихъ, гнала назадъ въ теремъ: для раздраженія и вражды довольно было одной нравственной помѣхи, появленія лица, которое невольно становилось на дорогѣ, на дорогѣ къ вліянію на отца, къ вліянію на всѣхъ окружающихъ, необходимо обращающихся къ новому солнцу. Но оставимъ царевенъ, и между ними богатыря-царевну, Софью Алексѣевну. Алексѣй Михайловичъ жилъ долго съ первою женою, привязался къ ней, вслѣдствіе чего во дворцѣ образовалось и утвердилось много крѣпкихъ отношеній. Укрѣпили свое вліяніе Милославскіе съ своими родичами, людьми близкими и сближившимися, Милославскіе, люди даровитые, дѣятельные, умѣвшіе пріобрѣтать вліяніе и пользоваться имъ, люди съ легкою нравственностію, съ неразборчивостію средствъ. И вдругъ, вслѣдствіе новаго брака царя, все это теплое гнѣздо, свитое ими и друзьями ихъ во дворцѣ, должно разрушиться! Новая царица съ своею родней, съ своими ближними людьми; Матвѣевъ хозяйничаетъ во дворцѣ. Столкновеніе интересовъ страшное, и ненависть страшная.

Смертію царя Алексѣя и восшествіемъ на престолъ Θεодора, сына Милославской, отношенія перемѣнились. Чего могла ждать хорошаго теперь царица Наталья съ дѣтьми и Матвѣевъ отъ этой накопившейся ненависти царевенъ, Милославскихъ и друзей ихъ? Здѣсь такъ естественно рождается вопросъ: неужели Матвѣевъ прежде не подумалъ объ этомъ и не постарался обезпечить себя и своихъ насчетъ перемѣны царствованія? Оставя въ сторонѣ нравственныя побужденія, которыя еслибы не были сильны у Матвѣева, то были очень сильны у царя Алексѣя, можно объяснить дѣло разчетомъ: царь Алексѣй былъ еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и очень легко могло казаться, что слабые сыновья его должны послѣдовать за своими единоутробными братьями, не переживутъ отца, и Петръ будетъ наслѣдникомъ. Но другое дѣло, когда царь умеръ скоропостижно: о движеніяхъ Матвѣева въ пользу Петра въ эту страшную минуту сохранились извѣстія у иностранцевъ; вотъ самое подробное изъ нихъ, оставленное Полякомъ, авторомъ любопытнаго разказа о стрѣльцкомъ бунтѣ. «Когда первая жена царя, Марья Ильинична Милославская, умерла и

оставила двоихъ сыновей и шесть дочерей, то они много терпѣли отъ Артемона, а потомъ подверглись еще большому преслѣдованію, когда ему удалось выдать за царя родственницу свою, дочь Кирилла Нарышкина, капитана изъ Смоленска <sup>183</sup>. Умирая, Алексѣй благословилъ на царство сына отъ Милославской, Феодора, который въ то время лежалъ больной, и опекуномъ назначилъ князя Юрія Долгорукаго. Артемонъ утаилъ смерть царя, подкупилъ стрѣльцовъ, чтобъ они стояли за маленькаго Петра, и потомъ уже ночью повѣстилъ боярамъ о преставленіи государя. Когда они начали собираться, онъ посадилъ маленькаго Петра на престолъ и уговаривалъ бояръ, чтобъ они признали его безпрекословно государемъ, потому что Феодоръ опухъ, лежитъ больной, и шлоха надежда, что будетъ жить. Но бояре, узнавши отъ патріарха, который былъ при смерти царской, что отецъ благословилъ Феодора на царство и Юрія Долгорукаго назначилъ опекуномъ, ждали послѣдняго. Пріѣзжаетъ наконецъ Долгорукій во дворецъ, какъ волъ реветъ съ жалости по царю и прямо къ патріарху: «кого отецъ благословилъ на царство?» «Феодора,» отвѣчаетъ патріархъ. Тогда Долгорукій съ боярами, не слушая увѣщаній Артемона, что надобно избрать Петра, стремятся къ покоямъ Феодора, подходятъ—двери заперты! Долгорукій приказываетъ выломать двери, бояре берутъ на руки Феодора, потому что самъ идти не можетъ, ноги распухли, несутъ, сажаютъ на престолъ, и сейчасъ же начинаютъ подходить къ рукѣ, поздравляя на царствѣ. Мать царя Петра и Артемонъ скрылись, видя, что ничего не могутъ сдѣлать противъ Долгорукаго и всѣхъ бояръ.»

Мы никакъ не можемъ успокоиться на этомъ извѣстіи, потому что послѣ, когда нужно было погубить Матвѣева, когда дали силу всякаго рода обвиненіямъ безъ разбора, лишь бы только къ чему-нибудь привязаться, въ это время не послышалось ни слова обличенія ни отъ кого изъ вельможъ, которыхъ Матвѣевъ уговаривалъ мимо больного Феодора присягнуть маленькому Петру.

Какъ бы то ни было, Феодоръ вступилъ на престолъ спокойно, не произошло никакихъ перемѣнъ, Матвѣевъ остался въ прежнемъ важномъ санѣ великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ обергателя. Но враги его уже владѣли дворцомъ и не могли оставить его въ покоѣ. За больнымъ Феодоромъ ухаживали тетки и

шесть сестеръ одноутробныхъ <sup>184</sup>; мачиха была удалена; противъ нея особенно кричала верховая боярыня Анна Петровна Хитрово, пользовавшаяся большимъ значеніемъ, *постница*; крича противъ царицы-вдовы, Хитрово должна была кричать и противъ Матвѣева, раздѣлять ихъ было нельзя. Съ *постницею* заодно дѣйствовали и мушны, не постники, но сильные люди, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, злобившійся на Матвѣева особенно за то, что его внушенію приписывалъ удаленіе свое на астраханское воеводство при царѣ Алексѣѣ; съ Милославскимъ за одно дѣйствовалъ другой могущественный бояринъ—дворецкій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово: Хитрово былъ самъ не знатнаго происхожденія, изъ городскихъ Алексинскихъ дворянъ, и былъ выведенъ въ люди Морозовымъ <sup>185</sup>; но онъ былъ неохотникъ до другихъ новыхъ людей, которые были виднѣе его по талантамъ, онъ былъ неохотникъ до Ордина-Нащокина, былъ неохотникъ и до Матвѣева, особенно когда узналъ навѣрное или подозрѣвалъ, что Матвѣевъ указывалъ царю Алексѣю на злоупотребленія его Богдана и племянника его Александра Савостьяновича Хитрово по управленію приказомъ большого дворца, «которые (Хитрово) изъ государственныхъ дворцовыхъ селъ и волостей повсѣвременно вотчины свои всякими изобиліи и заводы строили и наполняли, такожде и изъ всѣхъ, сытнаго, кормоваго и хлѣбнаго дворцовъ премножественнымъ похищеніемъ всякихъ дворцовыхъ обиходовъ явственно и безстыдно по вся дни корыстовались, великими посулами съ дворцовыхъ подрядчиковъ богатели себя» <sup>186</sup>. Главнымъ орудіемъ Милославскаго и Хитрово былъ окольный Василій Семеновичъ Волинскій, давній завистникъ Матвѣева, человѣкъ посредственныхъ способностей и малограмотный по тогдашнему, но крикунъ, умѣвшій подбиваться къ сильнымъ людямъ; говорить, будто онъ особенно сдѣлался извѣстенъ тѣмъ, что у жены его были отличныя мастерицы-швеи, и вся знать обращалась къ ней съ заказами.

Паденіе Матвѣева было рѣшено: представили, что нельзя такого подозрительнаго человѣка оставить правителемъ аптеки, когда государь боленъ, и аптеку отняли у Матвѣева; потомъ датскій резидентъ Монсъ Гей, уѣзжая изъ Москвы, прислалъ жалобу, что Матвѣевъ не доплатилъ ему 500 рублей за рейнское вино, поставленное имъ ко двору, и что на его требованіе прислали ему изъ

посольскаго приказа фальшивый контрактъ на эту поставку<sup>187</sup>. 500 рублей велѣли заплатить Гею, и воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ отнять у Матвѣева завѣдываніе посольскими дѣлами и удалить его изъ Москвы. Когда Матвѣевъ пріѣхалъ, по обычаю, во дворецъ, бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ вынесъ указъ изъ комнаты въ переднюю и объявилъ ему: «указалъ великій государь быть тебѣ на службѣ въ верхотурѣ воеводою.» Посольскій приказъ былъ порученъ думному дяку Ларіону Иванову. Матвѣевъ съ сыномъ и племянниками отправился въ почетную ссылку; при нихъ былъ монахъ, священникъ, учитель сына польскій шляхтичъ Поборскій, большая дворня; взяты были двѣ пушки для безопасности. Но въ Ланшевѣ Матвѣева остановили: пріѣхалъ полуголова московскихъ стрѣльцовъ Лужинъ и потребовалъ книги лѣчебника, въ которомъ многія статьи писаны цифирью, потребовалъ двоихъ людей: Ивана Еврея и карлу Захара; Матвѣевъ отвѣчалъ, что книги нѣтъ, а людей выдалъ. Съ мѣсяцъ послѣ этого прожилъ Матвѣевъ въ Ланшевѣ, какъ однажды разбудили его ночью: пріѣхалъ изъ Москвы думный дворянинъ Соковнинъ и думный дякъ Семеновъ: «давай жену Ивана Еврея, давай письма, давай нѣтъ на осмотръ, давай племянниковъ, давай монаха, давай священника, давай всѣхъ людей!» Матвѣевъ сейчасъ все и всѣхъ выдалъ; Соковнинъ и Семеновъ поѣхали на сѣвѣжій дворъ и послали оттуда за Матвѣевымъ, чтобы пришелъ сейчасъ же: бояринъ пошелъ пѣшкомъ; здѣсь спрашивали его племянниковъ и людей о знаменитомъ лѣчебникѣ, взяли сказки за руками, взяли съ Матвѣева сказку о томъ, какъ составлялись и подносились лѣкарства больному царю. Матвѣевъ показалъ, что лѣкарства составлялись докторами Костериусомъ и Стефаномъ Симономъ, по рецепту, а рецепты хранятся въ аптекарской палатѣ; всякое лѣкарство отвѣдывалъ прежде докторъ, потомъ онъ Матвѣевъ, а послѣ него дядьки государевы, бояре, князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, Куракинъ и Иванъ Богдановичъ Хитрово, послѣ же пріема чѣмъ оставалось лѣкарства, допивалъ опять онъ же Матвѣевъ въ глазахъ государя. За Соковнинымъ и Семеновымъ явился въ Ланшевѣ дворянинъ съ указомъ перевести Матвѣева въ Казань. Здѣсь воевода Иванъ Богдановичъ Милославскій приставилъ къ нему караулъ, и скоро пришелъ царскій указъ—отпустить людей по деревнямъ, другихъ на волю; потомъ ночью пріѣхалъ

дьякъ Гороховъ: «гдѣ имѣніе? давай сейчасъ!» Матвѣевъ отвѣчалъ: «Въ животахъ моихъ ни краденаго, ни разбойнаго, ни воровскаго, ни измѣннаго, ни заповѣднаго нѣтъ, животы отца моего и родителей его, животы матери моей и родителей ея, и мои нажитые милостію Божіею и великихъ государей жалованьемъ, за по-сольскія службы и за мои работы ратныя, за крови и за всякія великія работы въ 69 лѣтъ нажитые, а когда часъ пришелъ невинному нашему разоренію, что великій государь изволилъ животы всѣ взять безъ вины моей, въ томъ воля Божія и его государская!» Пріѣхалъ стольникъ Тухачевскій, назначенный приставомъ къ Матвѣеву, и потребовалъ отъ него пушекъ, пороху, свинцу, панцырей, шапокъ, наручей: «къ уніятію всякаго воровства былъ я починщикъ, а не къ начинанію,» отвѣчалъ Матвѣевъ. За тѣмъ явился присланный отъ воеводы стрѣлецкій голова, взялъ Матвѣева, сына его, людей съ женами и дѣтьми и повелъ въ сѣзжую избу пѣшкомъ, на позоръ людямъ. Тутъ въ сѣзжей избѣ объявили ему вины: онъ написалъ въ сказкѣ своей въ Лаишевѣ, что послѣ пріема лѣкарства государемъ, остатокъ выпивалъ онъ, Матвѣевъ; но дядьки государевы, князь Куракинъ и Хитрово объявили, что никогда онъ не выпивалъ остатковъ. Лѣкарь Давыдъ Берловъ донесъ, что лѣчилъ онъ у Матвѣева человека его, карлу Захара, и тотъ говорилъ ему, что боленъ отъ господскихъ побой: однажды онъ заснулъ за печью въ палатѣ, въ которой Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ читали черную книгу; во время этого чтенія пришло къ нимъ множество злыхъ духовъ и объявили, что есть у нихъ въ избѣ третій человекъ; Матвѣевъ вскопчилъ, и найдя его за печью, сорвалъ съ него шубу, поднялъ, ударилъ о землю, топталъ и выкинулъ изъ палаты за-мертво. Берловъ прибавилъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ и переводчикомъ грекомъ Спафари, запершись, читали черную книгу; Спафари училъ по этой книгѣ Матвѣева и сына его Андрея. Матвѣевъ хотѣлъ было говорить, но дьякъ Гороховъ крикнулъ: «слушай! молчи, а не говори.» У Матвѣева отняли боярство, все имѣніе, дали только тысячу рублей и сослали на житье въ Пустозерскъ, вмѣстѣ съ сыномъ.

Въ страшномъ горѣ, среди лишеній всякаго рода Матвѣевъ от-правилъ три челобитныя къ царю съ оправданіемъ, къ патріарху и ближнимъ бояремъ съ просьбами о ходатайствѣ. Старикъ опы-

ный въ дѣлахъ правленія, но неопытный въ бѣдствіяхъ жизни, не могъ отказать себѣ въ утѣшеніи жаловаться, и надѣяться, что жалоба будетъ имѣть дѣйствіе, не разсудилъ, что самая безсмысленность обвиненій и незаконность заочнаго осужденія отнимали всякую надежду къ оправданію и облегченію участи, пока несовершеннолѣтній царь окруженъ Милославскими и Хитрово съ товарищами. «Я, холопъ твой, писалъ Матвѣевъ государю, хочу быть правъ размоловкою лѣкаря Давыдка и человѣка моего, карла Захарка. Передъ твоими боярами Захарка разспрашиванъ и пытавъ, и сказалъ, что въ то время какъ я съ докторомъ Стефаномъ и Спафаріемъ читалъ книгу, онъ, Захарка, за печью уснулъ и захрапѣлъ, и будто я, услышавъ его храпѣніе, схватилъ его за волосы и толкнулъ черезъ порогъ; но онъ ничего не сказалъ съ нытки о приходѣ злыхъ духовъ; ясно, что воръ Давыдка это выдумалъ. А хотя бы Захарка и сказалъ, что видѣлъ злыхъ духовъ, то вѣрить нечему, надлежало бы допросить его, какъ онъ нечистыхъ духовъ могъ видѣть, каковы ихъ образы и почему онъ знаетъ образъ духовъ нечистыхъ? А воръ Давыдка почему не сказалъ, что мы читали въ черной книгѣ, какія дѣла и какія слова слышалъ онъ въ чтеніи? и чему меня и сынишку моего Спафарій училъ? У карлы Захарки два ребра переломлены: но переломилъ ихъ ему Иванъ Соловцовъ, съ которымъ онъ игралъ, а не отъ моихъ побоевъ онъ былъ боленъ. Злые духи сказали, что «есть у васъ въ комнатѣ третій человѣкъ», т. е. Захарка, но самъ Захарка показалъ, что трое насъ читали черную книгу: я, докторъ Стефанъ и Спафарій, и я не знаю, кто очелся; духи ль проклятые и низверженные, или воры, Давыдка и карла, четырехъ человѣкъ считаютъ за три? Захарка сказалъ, что спалъ за печью; а у меня въ той палатишкѣ за печью спать нельзя: двѣ стѣны у печи свободны, третья печью придѣлана къ самой палатишкѣ и промежка нѣтъ, а четвертая стѣна, у той печное устье. Захарка же сказалъ, что онъ спалъ и храпѣлъ: какъ спящему человѣку возможно слышать, кто что говоритъ? или человѣку храпленіе свое слышать? Спафарій меня не училъ не только что богопротивному чему-нибудь, но и ничему: не до ученія было въ вашихъ государскихъ дѣлахъ, а сынишка моего училъ по-гречески и по-латыни, литерамъ малой части. А книги я читалъ и строилъ въ демишкѣ своею ради душевныя пользы и которыя Богу не про-



твыны. А служба вамъ, великимъ государямъ, сдѣлалъ книги съ товарищами своими, и съ приказными людьми и съ переводчиками, въ посольскомъ приказѣ, какія не бывали, и нынѣ на свидѣтельство моей и ихъ работы въ посольскомъ приказѣ. Доносить на меня, будто я многія взятки бралъ и тѣсноту твоимъ людямъ чинилъ, покупалъ отчины тѣснотою: но изъ городовъ и уѣздовъ, которые я вѣдалъ въ приказахъ, никто тебѣ на меня челою не бивалъ и впередъ бить не будетъ; когда я ѣхалъ въ ссылку нѣкоторыми изъ этихъ городовъ, то кромѣ пріятства и подаванія пищи какъ подаютъ убогимъ и разореннымъ, не слышалъ на себя никакого нареканія. Служилъ я дѣду твоему и отцу въ полковыхъ службахъ. Когда ратные люди пошли изъ-подъ Львова и пришла самая нужда: отецъ сына, братъ брата мочутъ, и пришелъ холодъ и голодъ, солдаты, стрѣльцы и дворяне пушки и всякіе ратные припасы покинули на степи и разбѣжались, бояринъ Бутурлинъ пошелъ скорымъ походомъ, а меня оставилъ съ пометанными пушками и запасами на степи; и я, съ остальными людьми, впрягаясь самъ подъ пушки, всѣ 59 пушекъ и съ запасами допроводилъ до Бѣлой церкви и до Москвы. Какъ подъ Конотопомъ упалокъ учинился вашимъ государскимъ людямъ и отступили воеводы къ Путивлю, окопъ, обозъ, образецъ и путь строилъ я холопъ твой, и отошли въ Путивль въ цѣлости, а когда князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой хотѣлъ идти въ черкасскіе города, и ратные люди, не хотя идти, учинили бунтъ и привели его боярина за епанчу, то я съ стрѣльцами его отнял. Прежде взятія Астрахани писалъ я къ отцу твоему въ тронцкій походъ, чтобъ вора Стеньку Разина изъ Астрахани не отпускать для многихъ его воровскихъ причинъ, какъ онъ первое ходилъ на море. Я съ цесарскими посланниками договоръ учинилъ, чтобы васъ великихъ государей впередъ писать величествомъ, а не пресвѣтлѣйшествомъ; я съ польскими и шведскими послами договорился, чтобы они передъ вами не сидѣли въ шапкахъ и шляпахъ. Я, будучи въ приказѣ, учинилъ прибыли великія, вновь учинилъ аптеку, кружечный дворъ, и изъ тѣхъ сборовъ сдѣлалъ дворы каменные, посольскій, греческій, лавки. До моего сидѣнія въ малороссійскомъ приказѣ посылавали ратнымъ людямъ въ Кіевъ и иные города хлѣбные запасы изъ Брянска въ судахъ; а тѣ суда дѣлывали тутъ же въ Брянскѣ, и четверть цѣною ставливалось въ Кіевѣ по

7 рублей и больше. А какъ я началъ посылать на деньги хлѣбъ, и четверть дороже рубля въ куплѣ не бывала. За тѣми расходами послѣ преставленія отца твоего, объявилъ я тебѣ 182.000 золотыхъ и ефимковъ и денегъ мелкихъ. Денежный дворъ 15 лѣтъ стоялъ пустъ, туда серебра въ заводѣ на денежное дѣло не бывало; я же завелъ дѣлать на томъ дворѣ деньги, и отъ того дѣла непрерывная прибыль была въ казну. И за всѣ мои службишки пожалованъ я былъ вашею государскою милостию, боярствомъ, отчинами, помѣстьями; я наживалъ вашею государскою милостию на службахъ полковыхъ, и въ посылкахъ, и въ посольскихъ подаркахъ, и у вашихъ государскихъ дѣлъ будучи, и то все безъ вины отнято. Есть великій государь, которые въ чужихъ домахъ живали, и чужія платья нашивали, и чужой хлѣбъ ѣдали, и тѣ при дѣдѣ твоемъ и отцѣ столько же или и больше моего, у такихъ дѣлъ будучи, наживали. Одинъ я возненавидѣвъ и оглашенъ многими деньгами, и золотыми и животы; а нынѣ о всѣхъ моихъ деньгахъ и о всей моей рухлядишкѣ тебѣ извѣстно: не таковы объявились, какъ объ нихъ донесено. Дано мнѣ изъ нажитковъ отца и моего пожитченка тысяча рублей денегъ, и то твое жалованье невѣмъ, на что издавать, на пищу ль себѣ, или червю своему бѣдному сиротинѣ въ наслѣдіе? Кому повѣрено? пьяному вору, датскому Нѣмчину, который, будучи на Москвѣ, только славы учинилъ, какъ его возили пьянаго, черезъ лошадь и черезъ сѣдло перекиня или въ каретѣ положи верхъ ногами, и ребята вопили вслѣдъ: «пьяница! пьяница! шишъ на Кокуй!» \* Петру Марселису пьяный разрѣзалъ рюмкою горло, чаятъ оттого и скончался. Чего ради я съ нимъ не ставленъ и не допрошенъ? за что опъ воръ не возвращенъ съ пути? Стеньку Разина всѣ бояре на земскомъ дворѣ разспрашивали и очныя ставки давали: а меня, боярина, безъ суда осудили! Не ложно холопи твои у тебя, великаго государя, чрезъ кровавыя свои слезы милости просимъ: съ голоду страждемъ и не можемъ части мяса купить; да не токмо мяса или калачъ, ей, ей, и хлѣба на двѣ деньги купить не добудемъ; прожиточные люди здѣсь единъ борщъ ѣдятъ, да прибавляютъ по горсти муки ржаной, а убогіе одинъ борщъ, да и тотъ не родится

---

\* Кукучемъ называлась мѣстность, гдѣ была построена Нѣмецкая слобода.

въ Пустозерскѣ, привозять съ Ижмы; бредутъ врознь глада ради и остальные въ тотъ же путь смотреть.»

Три письма отправилъ Матвѣевъ къ патриарху, писалъ къ духовнику царскому, протопопу Никитѣ Васильевичу, къ князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому, князю Михайлѣ Юрьевичу Долгорукому, къ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и къ князю Якову Никитичу Одоевскому, къ боярину Родіону Матвѣевичу Стрѣшневу, все съ просьбами о заступничествѣ. Онъ рѣшился даже обратиться съ этими просьбами и къ врагамъ своимъ, виновникамъ своего несчастія, къ Ивану Михайловичу Милославскому и Богдану Матвѣевичу Хитрову, клялся передъ Милославскимъ, что не онъ былъ причиною отправленія его на воеводство астраханское; въ письмѣ къ Хитрову рѣшился написать слѣдующее: «еще сугубой милости у тебя прошу: попроси милости и милосердія у государыни моей, милостивой боярыни Анны Петровны, чтобъ она, видя мою невинность и слезы кровавыя и непрестанныя съ червемъ моимъ, и разореніе мое всеконечное, для воздаянія на небесахъ будущихъ благъ въ некончаемомъ царствіи, предствительствовала о мнѣ убогомъ у великаго государя съ тобою.» Не зная, что дѣлается при дворѣ, Матвѣевъ писалъ даже и къ боярину Кириллу Полуехтовичу Нарышкину, отцу царицы Натальи, просилъ, чтобъ царица и царевичъ Петръ ходатайствовали за него у царя; Матвѣевъ не зналъ, что царица не могла защитить и роднаго брата своего, Ивана Кириловича Нарышкина, на котораго тотъ же лѣкаръ Давыдъ Берловъ подалъ доносъ. Вслѣдствіе этого доноса Нарышкина привели въ Кремль передъ грановитую палату, стрѣльцы съ своимъ сотникомъ окружили его, вышелъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій съ думнымъ дьякомъ, который читалъ сказку: «Говорилъ ты Иванъ держальнику своему Ивашку Орлу на Воробьевѣ и въ иныхъ мѣстахъ про царское величество при лѣкарѣ Давыдкѣ: ты-де орелъ старый, а молодой-де орелъ на заводи ходить, и ты его убей изъ пищи, а какъ ты убьешь, и ты увидишь къ себѣ отъ государыни царицы Натальи Кирилловны великую милость, и будешь взысканъ и отъ Бога тѣмъ, чего у тебя и на умѣ нѣтъ; и держальникъ твой Ивашка Орелъ тебѣ говорилъ: убилъ бы, да нельзя, лѣсъ тонокъ, а заборъ высокъ. Давыдка въ тѣхъ словахъ пытанъ, и огнемъ и клещами жженъ многажды; и передъ государемъ, и передъ патриархомъ, и передъ

бояры и отцу своему духовному въ исповѣди сказывалъ прежнія жъ рѣчи: какъ ты Иванку Орлу говорилъ, чтобы благочестиваго царя убилъ. И великій государь указалъ и бояре приговорили: за такія твои страшныя вины и воровство тебя бить кнутомъ и огнемъ и клещами жечь и смертію казнить; и великій государь тебя жалуетъ, вмѣсто смерти велѣлъ тебѣ дать животъ; и указалъ тебя въ ссылку сослать на Рязань въ Ряскій городъ, и быть тебѣ за приставомъ до смерти живота твоего»<sup>188</sup>. Братъ Ивановъ, Аеанасій Нарышкинъ, также былъ сосланъ.

Въ то время, какъ Милославскій и Хитрово управлялись съ Матвѣевымъ и Нарышкинами, патріархъ Іоакимъ управлялся съ двумя духовными лицами, которыя въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ лишились своего защитника. Мы видѣли уже покушеніе Іоакима на духовника царскаго, Андрея Савинова, котораго онъ обвинялъ въ безправственномъ поведеніи и въ неуваженіи къ нему, патріарху. Царь Алексѣй упросилъ патріарха простить духовника. Но въ самый день похоронъ царскихъ вражда между ними разгорѣлась въ высшей степени: патріархъ на отпѣваніи вложилъ въ руки покойника прощальную грамоту; духовникъ считалъ это своимъ правомъ и вышелъ изъ себя: послѣ похоронъ пришелъ на Верхъ, въ комнату, гдѣ собрано было все царское семейство, и началъ кричать: «покойный государь прощеніе не получилъ, патріархъ не далъ мнѣ вручить ему прощальную грамоту; дайте мнѣ 2000 чело-  
вѣкъ войска, я пойду на патріарха и убью его; или оружіемъ или какою отравою убейте мнѣ супостата моего патріарха, если же не предадите смерти патріарха, то я васъ прокляну, а съ патріархомъ управлюсь самъ, я уже нанялъ 500 ратныхъ людей, чтобъ убить его.» Царь, царица и царевны «не соизволиша» на это, говорить наивно официальный актъ. Они выдали патріарху расходившагося протопопа; Іоакимъ созвалъ соборъ, и 14 марта 1676 года произнесено было осужденіе. Кромѣ выходки во дворцѣ показаны были еще слѣдующія вины: 1) Когда по изволенію царскому сей злый іерей взятъ былъ на управленіе духовное царскаго дома, то онъ, самочиніемъ своимъ и неправильно, не вос-  
требовавъ архіерейскаго благословенія, восхитилъ самочинно духовную власть и называлъ себя протопопомъ безъ ставленной грамоты. 2) Вмѣсто заступленія за несчастныхъ многими мученія и казни исходатайствовалъ, обличаемый въ своихъ винахъ пись-

мами отъ нѣкоторыхъ людей вправду, что съ замужнею женщиною прелюбодѣйствовалъ. Лучше было ему въ томъ грѣхѣ каяться, а не обличителямъ пакости творить и мстить, многіе изъ-за него были замучены и посланы въ *оземствование*. 3) Пьянствовалъ съ зазорными лицами, блудническими пѣснями услаждался, съ приложеніемъ различныхъ игръ и бряцаній. 4) Безъ благословенія нашего церковъ самъ собою воздвигъ; будучи подъ нашимъ патріаршескимъ запрещеніемъ и ни во что его вѣняя, обѣдню служилъ. 5) Вражду положилъ между царемъ и нами патріархомъ, не хотя себя видѣть отъ насъ правильно обличаема, привелъ царя на то, что не хотѣлъ ходить въ соборную церковъ и къ нашему благословенію. 6) Восхитилъ отъ живаго мужа жену и нуждою ее въ супружество другому мужу отдалъ и въ отчинѣ своей священнику неволею приказалъ ихъ вѣнчать, потомъ у втораго мужа отнял ее, прелюбодѣйствовалъ съ нею, а перваго мужа безвинно въ дальнее *оземствование* послалъ, въ темницѣ въ оковахъ держать велѣлъ.—Савиновъ былъ лишенъ священства и сосланъ въ Кожезерскій монастырь <sup>189</sup>.

Черезъ два мѣсяца по осужденіи духовника Андрея соборъ осудилъ на *исправленіе* стараго заточника, Никона, который, какъ видно, былъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ осужденному духовнику. Съ извѣстіемъ о кончинѣ царя Алексѣя пріѣхалъ въ Терапонтовъ монастырь Феодоръ Лопухинъ. Никонъ выслушалъ неожиданное извѣстіе въ сильномъ волненіи, слезы выступили у него на глазахъ, но жесткія слова показали, какое чувство сейчасъ же взяло верхъ: «онъ будетъ судиться со мною въ страшное пришествіе Христова», сказалъ Никонъ, и когда Лопухинъ началъ упрасивать его дать покойному письменное прощеніе, то Никонъ отвѣчалъ: «подражая учителю своему Христу, повелѣвшему оставлять грѣхи ближнимъ, я говорю: Богъ да проститъ покойнаго; но письменнаго прощенія не дамъ, потому что онъ при жизни своей не освободилъ насъ отъ заточенія.» Никонъ не воображалъ, что если царь Алексѣй при жизни своей не вывелъ его изъ Терапонтова, то смерть царя приготовила ему еще большую бѣду, на которую впрочемъ онъ самъ напрашивался. 13 апрѣля приставъ Никона, кн. Шайсуновъ, далъ знать, что Никонъ требуетъ отпращиванія въ Москву Игнатія Башковскаго и дворовой его жены Киликейки, зная за Башковскимъ великаго государя великое и

страшное дѣло; въ челобитной, присланной Никономъ по этому случаю, онъ подписался *патріархомъ*. Этого уже было достаточно, чтобъ возбудить гнѣвъ настоящаго патріарха; кромѣ того Никонъ самъ послалъ на себя въ Москву донощика, въ то время, когда доносы на него начали принимать охотно. Башковскій разсказалъ, что Никонъ лѣчилъ крестьянина Кириллова монастыря, и больной умеръ отъ его лѣкарства, что Никонъ изъ своей кельи стрѣляетъ изъ пищали и застрѣдилъ птицу баклана, что къ Никону прѣзжаетъ много родственниковъ его изъ Курмыша. Въ это же время перемѣненъ былъ приставъ, князь Шайсуновъ; онъ также, прѣхавъ въ Москву, поразсказалъ много разныхъ вещей про Никона, разсказывалъ, что Никонъ ни въ чемъ его не слушалъ и никому слушать не велѣлъ; приказалъ себя называть и въ письмахъ писать св. патріархомъ; на озерѣ и по дорогѣ на крестахъ сдѣлалъ надписи: «Смиренный Никонъ, Божіею милостію патріархъ, поставилъ, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за св. церковь.» Баклана подстрѣлилъ и велѣлъ у него крылья, голову и ноги отсѣчь, за то, что онъ поѣдалъ у него рыбу. На кого Никонъ осердится, тѣхъ людей стрѣльцы и монастырскіе служки били палками и плетми; хвасталъ Шайсунову, что напередъ предсказалъ Родіону Стрѣшневу разореніе отъ Стеньки Разина; присланному изъ Москвы Лопухину говорилъ, что у него въ Турціи живутъ свои родственники четыре человѣка стряпчихъ и деньги къ нимъ посланы, что цареградскій патріархъ проклялъ патріарховъ, которые его, Никона, осудили, и называлъ патріарховъ ворами. По преставленіи царя Алексѣя во весь великій постъ пилъ до-пьяна и, напившись, всякихъ людей мучилъ безвинно, по его же приказу старца Пафнутія били на правѣжѣ цѣлую недѣлю въ великій постъ; своими руками билъ служку Обросимова, который отъ этихъ побоевъ умеръ; старца Лаврентія били палками, а послѣ Никонъ его наполнилъ виномъ, отчего тотъ и умеръ. Игуменъ съ братіею и служки приходятъ къ Никону въ праздники, и онъ, сидя въ креслахъ, даетъ имъ цѣловать руку; сдѣлалъ у себя приказъ и губу. Прѣзжала къ нему дѣвица 20 лѣтъ съ братомъ малымъ ребенкомъ для лѣченія, и Никонъ ее наполнилъ допьяна, отчего она умерла.

Новый приставъ, Ададуровъ, какъ прѣхалъ въ монастырь, такъ написалъ въ Москву, что Никонъ живетъ вовсе не заточникомъ:

построено у него 25 келій, изъ нихъ подѣланы сходы и входы и окна большія въ монастырь и за монастырь, и живутъ въ этихъ кельяхъ всякихъ чиновъ люди человѣкъ съ десять.

Явился новый донощикъ, самый близкій человѣкъ, Никономъ келейникъ, старецъ Іона. Онъ объявилъ, что Никонъ въ церкви ходитъ мало, за государя и патріарха Бога не молить и священникамъ, которые живутъ у него, молить запрещаетъ; когда бываетъ въ церкви, никого не пускаетъ, причащается въ алтарь у престола съ служащимъ попомъ виѣстѣ, отца духовнаго не имѣетъ четвертый годъ, на ектеніяхъ поминаетъ себя патріархомъ московскимъ; государево жалованье, присланное къ нему, ни во что ставить, ногами топчетъ и всякими неистовыми словами великаго государя злословить <sup>190</sup>, и т. д.

На основаніи этихъ доносовъ Іоакимъ съ соборомъ приговорили *исправить* Никона, и великій государь отправилъ въ Терапонтвъ монастырь думнаго дворянина Желябужскаго, да архимандрита Павла, съ приказомъ—перевести Никона въ Кирилловъ монастырь; жить у него въ кельѣ двоимъ искуснымъ добрымъ старцамъ, подобающую ему честь воздавать, а другихъ иноковъ и мірянъ не пускать, чернилъ и бумаги не давать, никакого приношенія къ нему не принимать. 16-го мая 1676 года посланные получили наказъ, въ іюнѣ пріѣхали въ Терапонтвъ монастырь, и послѣ обѣдни прочли Никону указъ и вины. Никонъ слушалъ указъ со смиреніемъ, безъ всякаго прекословія; обвиненія—одни отвергъ, другія объяснилъ, наприимѣръ: «Ивашка Кривоzubа, который на меня извѣщаль, за его воровство, по сыску, билъ я съ игуменомъ и священникомъ виѣстѣ; неволею я никому не приказывалъ цѣловать себя въ руку, а которые люди ко мнѣ приходили, и я имъ руку цѣловать давалъ. Губы я у себя не заводилъ, а сыскивали мы съ игуменомъ виѣстѣ про Ивашку Кривоzubа. Кельи строены по указу царя Алексѣя Михайловича, за великаго государя и за вселенскихъ патріарховъ всечасно Бога молю, а за Іоакима патріарха не молю, потому что писалъ вологодскій архіепископъ въ Кирилловъ монастырь и велѣлъ Бога молить за себя, а не за патріарха, да потому, что отъ него Іоакима всякое зло учинилось и нынѣ меня губить, а попомъ я за патріарха Іоакима Бога молить не заказываю. Съ служащимъ священникомъ Варлаамомъ причащался я у престола въ алтарь, а у отца духовнаго

не бывалъ года съ три, потому что отецъ мой духовный, кирилловскій архимандритъ, ко мнѣ не ѣздитъ; на ектеньяхъ священники и дьяконы какъ хотятъ, такъ меня и поминаютъ, а я имъ не заказывалъ; московскимъ патріархомъ я себя называть не величалъ и никого къ этому не принуждалъ; которые присылщники пріѣзжали отъ царя Алексѣя, и они называли меня великимъ святымъ отцомъ. При князѣ Шайсуповѣ за лѣкарствомъ ко мнѣ хаживали, и князь ко мнѣ ходить всякимъ людямъ не запрещалъ, а только бы отъ него заказъ былъ, и я бы къ себѣ никого ни пускалъ; а какъ Ададуровъ пріѣхалъ и не велѣлъ ко мнѣ никого пускать, и я никому къ себѣ ходить не велѣлъ.»

Желябужскій и Павелъ говорили Никону въ соборной церкви всякими мѣрами, чтобъ за св. патріарха Бога молилъ и никакихъ непристойныхъ словъ не испускалъ; но Никонъ, идя изъ церкви, говорилъ: «стану Бога молить за великаго государя и за вселенскихъ патріарховъ, а за московскаго Бога молить и патріархомъ его называть не стану.» Въ этотъ же день его перевезли въ Кирилловъ монастырь. Это перемѣщеніе во враждебный монастырь, гдѣ онъ уже не могъ такъ хозяйничать, какъ хозяйничалъ послѣднее время въ Терапонтовѣ, заставило Никона перемѣнить тонъ; его испугало также извѣстіе, что двоихъ самыхъ близкихъ и вѣрныхъ къ нему людей, священника Варлаама и дьякона Мардарія, возмуть отъ него и сошлютъ въ Крестный монастырь. Когда архимандритъ Павелъ пришелъ къ нему передъ отъѣздомъ и сталъ опять уговаривать молиться за патріарха, то Никонъ отвѣчалъ: «чтобъ св. патріархъ былъ ко мнѣ милостивъ, и не велѣлъ меня здѣсь напрасною смертію отъ тѣсноты поморить, а я за него Бога молить и патріархомъ называть стану; когда я при царѣ Алексѣѣ у допросу объ отходѣ своемъ въ Воскресенскій монастырь былъ, въ то время государю говорилъ, что за смиреніе въ патріархахъ быть можно ему Іоакиму.» Со слезами просилъ Никонъ Павла бить челомъ государю и патріарху, чтобъ не велѣли отсылать въ Крестный монастырь Варлаама и Мардарія, а приказали имъ по прежнему жить у него, «потому что они къ нему пріобытчились, а онъ къ нимъ.» Эти Варлаамъ и Мардарій въ допросѣ объявили, что у Никона ничего дурнаго не было, но Мардарій проговорился: «я возилъ, сказалъ онъ, отписки и челобитныя къ великому государю отъ Никона въ Москву и подавалъ духовнику и дьяку тайныхъ



дѣлъ Полянскому, а они эти отписки передавали великому государю; къ духовнику возилъ я отъ Никона всякія посудцы деревянные, братины, стаканы, ложки и рыбу отвозилъ, а Полянскому возилъ одну рыбу.» Понятно, что извѣстіе о посредничествѣ ненавистнаго Савинова между Никономъ и царемъ не могло очень склонить Іоакима на милость къ Никону <sup>191</sup>.

Савиновъ былъ сосланъ въ Кожеезерскій монастырь, Никонъ переведенъ въ Кирилловъ; но царскій учитель Симеонъ Полоцкій былъ сильнѣе прежняго, и печаталъ свои проповѣди безъ благословенія св. патріарха; кромѣ близкихъ отношеній къ царю, Іоакиму нельзя было дотронуться до Полоцкаго и потому, что онъ не подавалъ повода къ такимъ обвиненіямъ, на основаніи которыхъ можно было осудить Савинова.

Изъ адресовъ на письмахъ Матвѣева мы видимъ, кто были самые вліятельные, самые близкіе къ царю люди. Къ нимъ скоро присоединился другой Милославскій, бояринъ Иванъ Богдановичъ, котораго мы видѣли воеводою въ Казани во время ссылки Матвѣева. Иванъ Богдановичъ былъ самый энергическій изъ Милославскихъ, ибо Ивана Михайловича ставало только на интригу, на подземный подкопъ противъ кого-нибудь. По возвращеніи изъ Казани Иванъ Богдановичъ, какъ говорятъ, схватился за всѣ дѣла, но сейчасъ же пошли на него со всѣхъ сторонъ жалобы, и это отдалило отъ него молодого царя, у котораго уже было двое любимцевъ — первый постельничій Иванъ Максимовичъ Языковъ, другой комнатный стольникъ Алексѣй Тимофеевичъ Лихачевъ, бывшій учителемъ царевича Алексѣя Алексѣевича. Приближеніе Языкова объясняется легко изъ самой должности его: та же должность дала значеніе Адашеву при Іоаннѣ IV, Ртищеву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Но есть извѣстіе, что двое старыхъ бояръ, князь Долгорукій и Хитрово, не имѣя личной возможности соперничать съ Милославскимъ и быть постоянно съ царемъ, выдвинули нарочно Языкова и Лихачева перевѣшивать вліяніе Милославскаго. Объ Языковѣ сохранились отзывы какъ о чрезвычайно ловкомъ придворномъ, его называютъ «человѣкомъ великой остроты, глубокимъ московскимъ прежде *площаднымъ*» \* потому

\* Здѣсь разумѣется площадь или площадка на крыльцѣ, гдѣ собирались молодые придворные, см. выше 1-ю главу.

же дворскихъ обхожденій проникателемъ.» Лихачева называютъ «человѣкомъ доброй совѣсти, исполненнымъ великаго разума и самаго благочестиваго состоянія;» такой же отзывъ встрѣчаемъ и о братѣ его, Михайлѣ Тимоѣевичѣ. Понятно, что для всѣхъ этихъ лицъ самымъ важнымъ вопросомъ былъ вопросъ о бракѣ царя: молодая царица можетъ уничтожить или ослабить вліяніе царевенъ—тетокъ и сестеръ, а слѣдовательно и Милославскихъ, можетъ привести во дворецъ своихъ родственниковъ! Рассказываютъ, что идя однажды въ крестномъ ходу, Ѳеодоръ увидалъ дѣвushку, которая ему очень понравилась; онъ поручилъ Языкову справиться о ней, и тотъ донесъ, что это Агаѣя Семеновна Грушецкая, живетъ у родной тетки, жены думнаго дьяка Заборовскаго, и дьяку даю знать, чтобъ не выдавалъ племянницы впредь до указа. Милославскій, узнавъ о намѣреніи царя жениться на Грушецкой, подумалъ, что это происки Языкова и Лихачева, и сталъ чернить Грушецкую и мать ея; но Языковъ и Лихачевъ обнаружили клевету. Царь женился на Грушецкой, въ іюлѣ 1680 года, а Милославскому запретилъ являться ко двору, и хотя молодая царица, по великодушію своему, выпросила ему прощеніе, однако онъ потерялъ съ этихъ поръ всякое вліяніе. Языковъ съ 1678 года называется постельничимъ *думнымъ*; въ 1680 году государь пожаловалъ его изъ постельничихъ думныхъ въ окольничіе и указалъ быть ему въ оружейничихъ; въ тотъ же день на мѣсто Языкова въ постельничіе пожалованъ былъ Лихачевъ<sup>102</sup>. Въ концѣ царствованія Языковъ былъ пожалованъ въ бояре. Такимъ образомъ самыми близкими къ царю, самыми вліятельными на дѣла правленія явились люди новые, молодые, Языковъ и Лихачевъ. Но подлѣ нихъ, если не въ такой близости, однако съ сильнымъ вліяніемъ на дѣла, видимъ челоуѣка изъ одного изъ самыхъ стародавнихъ родовъ, еще молодого по лѣтамъ, боярина князя Василья Васильевича Голицына, не однимъ именемъ и отчествомъ напоминавшаго знаменитаго предка своего, слышшаго *стономъ* въ смутное время. Безспорно, что Голицынъ былъ представительнѣе и способнѣе всѣхъ бояръ описываемаго времени, къ этому присоединялъ онъ еще далеко не общее всѣмъ тогда образованіе, дававшее ему извѣстную широту взгляда, умѣнье покончить съ вредною стариною, хотя бы эта старина была для него выгоднѣе, чѣмъ для другихъ. Итакъ, говоря о правитель-

ственной дѣятельности Θεодора Алексѣевича, царя очень молодого и болѣзненнаго, мы обязаны постоянно имѣть въ виду людей, его окружавшихъ, сначала Милославскихъ, потомъ, особенно съ 1680 года, Языкова, Лихачева и Голицына, хотя разумѣется, по недостатку подробныхъ извѣстій, мы не можемъ опредѣлить долю каждого изъ нихъ въ правительственной дѣятельности.

Θеодоръ наследовалъ отъ отца три трудныя задачи внѣшней политики: окончаніе дѣла съ Дорошенкомъ, отклоненіе притязаній Польши на буквальное исполненіе Андрусовскихъ статей, и войну Турецкую.

Еще при жизни царя Алексѣя, въ январѣ 1676 года Дорошенко далъ знать князю Ромодановскому, что онъ уже присягнулъ великому государю передъ Запорожскимъ кошевымъ и Донскими козаками, и въ другой разъ не только передъ бояриномъ и гетманомъ, и передъ самимъ царскимъ величествомъ присягать не станетъ. Въ Москву ѣхать ему теперь никакъ нельзя, потому что ежечасно ожидаетъ прихода подъ Чигиринъ непріятелей, Турокъ и Татаръ, озлобленныхъ на него за присягу великому государю. Булавы онъ не пошлетъ, потому что булаву дали ему войскомъ, войскомъ пусть и возьмутъ; гдѣ булава, тутъ и голова, изъ давнихъ лѣтъ Чигиринъ при булавѣ, и безъ гетмана въ Чигиринѣ по сіе время не бывало. Въ государственной грамотѣ написано, что жить ему съ родственниками гдѣ захочетъ: но онъ хочетъ жить тамъ, гдѣ родился и выросъ, т.-е. въ Чигиринѣ. Потомъ Дорошенко понизилъ тонъ и сталъ требовать, чтобъ государь прислалъ къ нему какую-нибудь знатную особу, при которой онъ и присягнетъ вторично. Въ Чигиринѣ рассказывали, что когда митрополитъ Іосифъ Тукальскій лежалъ при смерти, то Дорошенко навѣщалъ его безпрестанно, и умирающій заклиналъ его именемъ Божиимъ, чтобъ отсталъ отъ Турецкаго султана и былъ челоу въ подданство великому государю, если же этого не сдѣлаетъ, то пропадетъ. Дорошенко за это осердился на Іосифа и не ходилъ къ нему до самой смерти.

Новый государь въ мартѣ мѣсяцѣ отправилъ въ Чигиринъ стольника Деремонтова съ грамотою къ Дорошенку. Но стольникъ скоро возвратился и объявилъ, что гетманъ Самойловичъ не пустилъ его изъ Батурина въ Чигиринъ. Для объясненія сво-

его поступка Самойлович писалъ государю, что Дорошенко во-  
все не думаетъ исполнять требованій, заявленныхъ покойнымъ  
царемъ, лукавить по прежнему; притомъ посылка Деремонтова  
показываетъ, что государь перемѣнилъ прежнее рѣшеніе, потому  
что указомъ царя Алексѣя всѣ переговоры съ Дорошенкою по-  
ручены боярину князю Гр. Гр. Ромодановскому и ему, гетману.  
Наконецъ Самойлович писалъ, чтобъ великій государь пожало-  
вать, послать къ Дорошенку обнадеживальную грамоту безъ *вича*  
(не: Петру Дорошевичу, какъ обыкновенно писалось) и безъ  
упоминовенія при немъ старшины, а къ Чигиринскому десполь-  
ству послать бы особую жалованную и обнадеживальную гра-  
моту, съ приказомъ не называть Дорошенка гетманомъ, ни въ  
чемъ ему не вѣрить, а быть въ послушаніи у него, гетмана Ивана  
Самойловича. Государь отвѣчалъ, что онъ не перемѣняетъ пре-  
жнихъ указовъ отца своего, и отпустить Деремонтова положенъ на  
разсмотрѣніе князя Ромодановскаго и его, гетмана, какъ ихъ Го-  
сподь Богъ вразумитъ. Ромодановскій рѣшилъ, что не для чего  
удерживать тестя Дорошенкова, Ясенка Хмельницкаго, и отпу-  
стилъ его въ Чигиринъ съ адъютантомъ рейтарскаго строя, Го-  
ряиновымъ. Во время обѣда при Горяиновѣ, Дорошенко, наливъ  
вина, говорилъ: «Пью на томъ, что мнѣ не отдавать булавы Ива-  
ну Самойловичу, силою у меня Ивану Самойловичу булавы не  
взять!»—«Не отдадимъ булавы никогда, говорили начальные люди:  
а если поповичъ (Самойловичъ) станетъ ее у насъ насильно от-  
нимать, то мы будемъ за нее биться.»—«Богъ судья гетману Ива-  
ну Самойловичу, продолжалъ Дорошенко: городъ Чигиринъ всему  
Малороссійскому краю отъ бусурманъ не малая защита; надобно  
бы ему въ Чигиринъ клейнотъ прибавить, а онъ и послѣдній от-  
нимаетъ и хлѣба къ намъ привозитъ на продажѣ заказалъ, а пи-  
шетъ ко мнѣ такъ, какъ я и къ хлонцу своему не пишу.» За  
столомъ сидѣли Запорожцы, шесть человекъ, присланные за тѣмъ,  
чтобъ Дорошенко съ клейнотами и булавою ѣхалъ къ нимъ на  
кошъ. Подпивши, Дорошенко обратился къ нимъ: «Не выдайте  
вы меня, какъ Донцы Стеньку Разина выдали; пусть Донцы вы-  
даютъ, а вы не выдавайте.»—«Не выдадимъ!» отвѣчали Запорожцы.

Между тѣмъ Самойловичъ дѣйствовалъ, чтобъ ускорить раз-  
вязку тяжелаго для него дѣла: онъ двинулъ къ Днѣпру войско  
съ семью полковниками; изъ нихъ Черниговскій Василій Бурков-

скій переправился за Днѣпръ съ выборными отъ всѣхъ полковъ людьми и 18 марта приблизился къ Чигирину. Дорошенко вышелъ изъ города, окруженный своею пѣхотою, и послалъ спросить: за чѣмъ пришли и по чьему указу?—«Государь требуетъ и все войско тебя увѣщаетъ: принеси присягу и сложи начальство,» отвѣчалъ Бурковскій. Выслушавъ отвѣтъ, Дорошенко поворотилъ въ городъ, а полковнику послалъ сказать, что никакого дѣла не можетъ начать безъ согласія всего войска Запорожскаго Низоваго. Потомъ Дорошенко прислалъ Бурковскому грамоту для передачи Самойловичу; грамота была подписана: гетману войска Запорожскаго, но не обѣихъ сторонъ Днѣпра. «Не только теперь, писалъ Дорошенко, послѣ присяги царскому величеству, хочу я быть единомышленнымъ и единоутробнымъ (отъ одной матери Украйны) братомъ и пріятелемъ вашей милости, но и прежде, когда, за грѣхи, мы были разрознены, я всегда оказывалъ любовь и дружбу вашей сторонѣ, тайно засылая и остерегая на счетъ приближенія непріятелей. И въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, получивъ предостереженіе изъ коша насчетъ турецкаго и татарскихъ замысловъ, я увѣдомилъ о нихъ боярина и вашу милость, вслѣдствіе чего вы и двинули полковника черниговскаго и другихъ на защиту нашему углу и той сторонѣ. Благодарю за помощь бѣдному нашему уголку и желаю присланному войску побѣды надъ общими непріятелями. Одному поступку вашей милости удивляюсь: послали вы войско на встрѣчу непріятелю, а между тѣмъ мимо меня, тайно засылаете и наговариваете не только города, но и пѣхотные полки, общая имъ хлѣбъ и довольство, а городовымъ жителямъ мирное и безобидное пребываніе подъ чужими забрами. Неужели это защита—войска отводить на свою сторону? Неужели это мирное пребываніе—чужіе углы портить? Вы подвинули войска свои къ Днѣпру, какъ пишете, для того, чтобъ намъ надежнѣе было, покинувъ городъ, дома, женъ и дѣтей, переѣхать съ клейнотами войсковыми и старшиною къ вамъ для принесенія присяги новому государю и сложенія регимента. И прежде писалъ я о причинахъ, почему не могу ѣхать; и теперь (такъ какъ вижу, что ваша милость больше всего хлопочетъ о клейнотахъ) напоминаю: ѣхать мнѣ не только къ вамъ, но и въ столицу, какъ человѣку ни въ чемъ невинному, не страшно; но для своей прихоти отдать вашей милости клейноты, повѣрен-

ные мнѣ не одинъ разъ въ продолженіе десяти лѣтъ всѣмъ войскомъ, безъ собранія этого войска, городского и низоваго—это было бы съ моей стороны слишкомъ смѣло: какой бы я благодарности за это дослужился? какой на будущее время славы и чести дому своему добылъ? Разсуди самъ высокими своимъ разумомъ, и оставь это дѣло. Имѣетъ ваша милость благодатію Божію отъ его царскаго величества полный свой regimentъ; никто вашей милости не завидуетъ, ни мѣшаетъ. Пишете, что если не послушаю вашего совѣта и не поѣду къ вамъ, то полковнику Черниговскому велѣно промышлять противъ насъ съ войскомъ: очень хорошо для временной чести и прихоти начинать междоусобіе! Благословить ли насъ за это Богъ? не будетъ ли непріятель надъ нами смѣяться? не будемъ ли за это осуждены? Довольно намъ отвѣчать и за прежнюю кровь невинную, за неволю, въ которую попались люди невинные; а мы еще на худшее преуспѣваемъ! Я, при моей невинности, никому зла не желаю, и всякому прошенію отвѣтъ давать готовъ.» Одинъ изъ Дорошенковыхъ полковниковъ, Петриковскій, съѣхавшись съ Бурковскимъ, говорилъ ему: «Радъ Бога, не вѣрьте Дорошенку, онъ все обманываетъ, за ордою въ Крымъ давно послалъ и надеженъ во всемъ на прежнее постановленіе съ Сѣркомъ и Запорожцами.»

Самойловичъ долженъ былъ ограничиться однимъ угрозами, потому что къ нему пришелъ царскій указъ: обнадеживать Дорошенка царскою милостію, перезывать его всякими мѣрами на эту сторону, но задоровъ съ нимъ не дѣлать, если съ его стороны не окажется ничего противнаго. Вслѣдствіе этого Бурковскій съ товарищами, по указу гетманскому, отошелъ отъ Чигирина и распустилъ войска по домамъ. Съ другой стороны беспокоилъ Самойловича Сѣрко: «Хотя мы теперь новому великому государю и присягнули, писалъ кошевой гетману: однако если ты и впередъ не будешь насъ допускать къ милости царской, то вредно это будетъ одному тебѣ. Много уже терпимъ!» Сѣрко досадовалъ на Самойловича, что тотъ не присылаетъ въ сѣчь клейнотовъ, которые взялъ у Ханенка, не пропускаетъ хлѣбныхъ запасовъ на Запорожье, запорожцевъ изъ городовъ велѣлъ выбивать, царскаго жалованья, переволоченскаго перевоза и мѣстечка Кереберды не далъ, не позволилъ стаду запорожскому зимовать въ полтавскомъ полку. Посланецъ гетманскій слышалъ, какъ на

16\*

радѣ чернѣ запорожская кричала про гетмана всякія позорныя слова; а на другой день пьяный Сѣрко призывалъ посланца къ себѣ, ухватилъ его за грудь, просилъ сабли и кричалъ: «Знаешь ли, какъ я тебѣ голову отсѣку! узнаешь гетмана, какъ я зайду отъ Стародуба, а тамъ ихъ ужъ стануть и бить. Присягадѣ я великому государю царю въ службѣ, только дѣдичнаго государя польскаго короля не оставляю. Какъ гетманъ Иванъ Самойловичъ придетъ къ намъ на Запорожье и войску поклонится, то пусть будетъ гетманомъ, а если къ намъ не придетъ, а придетъ къ намъ Дорошенко, то гетманомъ будетъ Дорошенко.» Въ Москвѣ уже сдѣланъ былъ выборъ между постояннымъ до сихъ поръ гетманомъ и издавна шаткимъ кошевымъ: всѣ дѣла по жалобамъ Сѣрка отданы были на разсмотрѣніе гетмана, только велѣно ему было безусловно не задерживать хлѣбныхъ запасовъ, идущихъ въ сѣчъ, чтобъ не отлучить запорожцевъ отъ царской милости.

Ходили слухи, что Дорошенко собирается уйти на Запорожье; но онъ хотѣлъ сдержать свое слово — оставаться тамъ, гдѣ родился и воспитанъ былъ, сидѣлъ въ Чигиринѣ, и Самойловичъ по прежнему посылалъ въ Москву извѣстія о его поведеніи: «Не только къ пашамъ, но къ самому султану и хану знатныхъ людей посылаетъ, также и къ Полякамъ. А что санжаки турецкіе къ вашему царскому величеству послали, на это надѣяться нечего: у него давно такой обычай, ко всѣмъ монархамъ, особенно къ христіанскимъ, на словахъ склоняться, но на дѣлѣ никому не хочетъ быть вѣренъ кромѣ Турскаго: самъ султанъ ему позволялъ отослать санжаки въ случаѣ нужды, если какой-нибудь христіанскій государь будетъ сильно на него наступать. На эту сторону онъ никогда не переѣдетъ и старшинства съ себя не сложить, того у него и въ помышленіи не было, нѣтъ и не будетъ. Все посылать къ нему объ этомъ грамоты для насъ съ бояриномъ безчестно, потому что онъ изъ этого смѣхъ строить и между малороссійскимъ народомъ разныя всѣваетъ небылыя слова.» Самойловичъ просилъ указа идти на Дорошенка, пока не пришли къ нему Турки и Татары на помощь,

Гетманъ не могъ уладиться съ Дорошенкою и Сѣркомъ, архіепископъ Лазарь Барановичъ ссорился съ протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ. Дѣло пошло изъ-за того, что протопопъ владѣлъ многими маестностями, архіепископія же черниговская маестностями

была скудна. «Архієпископін говорилъ Барановичъ, больше нужно доходовъ на украшеніе церквей, на монастырь и на другія потребности, нежели протопопу только на домовое его строеніе. Я недавно двѣ архимандріи, черниговскую и новгородскую, воскресилъ.» Гетманъ и старшина согласились съ мнѣніемъ архієпископа, и протопопу дали знать, что села его и деревня съ мельницами отписаны на архієпископа. Адамовичъ въ Москву, съ жалобою, что архієпископъ насильно завладѣлъ его маестностями. Барановичъ, узнавши о жалобѣ, велѣлъ нарядить судъ надъ Адамовичемъ изъ архимандрита и протопоповъ; но Адамовичъ не заблагоразсудилъ явиться на этотъ судъ и уѣхалъ въ Москву. Барановичъ съ просьбою къ государю: «Аще бы смѣлъ каковы ложныя разсѣвати клеветы, смиренно молю вашего царскаго пресвѣтлаго величества, чтобъ ложнымъ его клеветамъ вѣра не была дана, но паче да заградятся уста глаголющаго неправду, дабы та дерзость его совершенное воспріяла непохваленіе.» Гетманъ также прислалъ грамоту, заступаясь за архієпископа, объясняя, что онъ, гетманъ, имѣлъ право, по совѣту съ старшиною, отнять маестности у протопопа и отдать архієрею, потому что послѣднему больше нужно доходовъ. Въ Москвѣ, въ малороссійскомъ приказѣ, дѣло кончилось тѣмъ, что Адамовичъ отказался отъ спорныхъ маестностей, а государь послалъ грамоту Барановичу, излагая дѣло такъ, что протопопъ билъ ему, государю, челомъ съ слезнымъ прошеніемъ, что онъ своего пастыря прогнѣвалъ и поведѣнія его страха ради не исполнилъ безъ хитрости. Государь просилъ архієпископа, чтобъ онъ для милосердія Божія и для государственной милости отдалъ протопопу его базхитроствую вину и велѣлъ ему жить по прежнему въ своей паствѣ.

Улаживалось одно дѣло, начиналось другое. 4-го августа явился въ малороссійскій приказъ Стародубскій полковникъ Петръ Рославецъ и подалъ жалобу: «послѣ Велика Дня прислалъ ко мнѣ въ Стародубскій полкъ гетманъ Иванъ Самойловичъ задѣйпривскихъ козаковъ, которые перешли на его сторону Днѣпра, пять сотъ человекъ. Ихъ размѣстилъ по селамъ и деревнямъ, велѣлъ поить и кормить и съ лошадьми, и давать денегъ—сотникамъ по пяти рублей въ недѣлю, атаманамъ по девяти алтынъ, рядовымъ по двѣ гривны, да по двѣ кварта вина да по квартѣ масла. Но козаки, не довольствуясь этимъ, стали собирать самовольствомъ



съ жителей деньги и кормы. Потомъ 9-го іюля прислалъ изъ Чернигова владыка грамоту съ запрещеніемъ, чтобъ священники въ церквахъ не служили и никакихъ требъ не исправляли: за твое государское здоровье молитвъ нѣтъ, много людей безъ покаянія померли, младенцы некрещенны, роженицы лежатъ безъ молитвъ! Гетманскіе посланцы собираютъ поборы не въ мѣру, уѣздныхъ людей и козаковъ розоряютъ, и меня скидываютъ съ полковничества.» Рославецъ просилъ, чтобъ Стародубскій полкъ отошелъ подъ непосредственную власть государя, подъ начальство князя Гр. Г. Ромодановскаго, подобно полкамъ сумскому, рыбенскому, ахтырскому и харьковскому, потому что города: Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Почепъ, Погаръ и Мглинъ вотчина государева, бывали московскими городами. Наконецъ Рославецъ просилъ, чтобъ церкви въ Стародубскомъ полку вѣдалъ московскій патріархъ.

Въ тотъ же день, 4-го августа, пришло письмо по почтѣ отъ гетмана: Самойловичъ доносилъ, что Рославецъ склонялъ стародубскихъ полчанъ отложиться отъ гетманскаго регимента; тѣ дали знать объ этомъ гетману и просили, чтобъ позволить имъ выбрать другаго полковника; гетманъ далъ позволеніе, а Рославецъ уѣзжалъ въ Москву. Полковнику сдѣлали выговоръ отъ имени царскаго, что онъ учинилъ противно войсковому праву, не оказавши должнаго послушанія гетману, и поѣхалъ въ Москву безъ его вѣдома, надобно было ему другихъ отъ своевольства унимать, а онъ самъ своевольничаетъ! Для разъясненія дѣла въ Малоросію отправился стольникъ Алмазовъ, которому наказано: говорить съ гетманомъ многими пространными разговорами, примѣняясь, что можно, чтобъ ему было не въ оскорбленіе, приводить, чтобъ между ними злоба не выростала, и привести гетмана къ склонности, общая, что полковникъ окажетъ ему должное послушаніе. Смотрѣть, чтобъ и старшинѣ было не въ досаду, говорить, усматривая ихъ намѣренія, какъ они о томъ станутъ мыслить. Провѣдывать обо всемъ тайно, чтобъ то дѣло между ними и всѣмъ войскомъ успокоить, и злобѣ вдаль распространяться не дать.

Только что Алмазовъ промолвилъ о мировой, гетманъ отвѣчалъ: «хотя бы Рославецъ въ чемъ-нибудь мнѣ и больше досадилъ, то я бы ему простилъ; но этого дѣла никакъ такъ оставить нельзя,

потому что Рославецъ говорилъ, будто къ нынѣшнему его дѣлу много совѣтниковъ, будто меня гетмана на этой сторонѣ не любить: такъ пусть его судить старшина по войсковымъ правамъ, пусть онъ совѣтниковъ своихъ укажетъ, кто меня не любитъ. Не только у насъ въ малороссійскихъ городахъ плуты и своевольные люди есть, но и въ великороссійскихъ городахъ, и въ иныхъ странахъ; гдѣ и подѣ страхомъ живутъ, и тамъ безъ плута не бываетъ, а у насъ въ малороссійскихъ городахъ вольность; еслибъ государственной милости ко мнѣ не было, то у нихъ бы на всякій годъ было по десяти гетмановъ.» Возвратясь въ Москву, Алмазовъ донесъ, что всѣ начальные люди бранятъ Рославца, а про гетмана никакихъ словъ дурныхъ не говорятъ. Архіепископъ запретилъ стародубскому духовенству служить за то, что Рославецъ прибилъ одного священника. Наконецъ Самойловичъ далъ знать въ Москву, что Рославецъ затѣялъ дѣло по совѣту протопопа Симеона Адамовича.

Алмазова немедленно опять отправили въ Батуринъ, онъ повезъ Рославца на войсковой судъ; но въ грамотѣ своей къ гетману царь писалъ, чтобъ онъ простилъ преступника, который раскаивается.

Между тѣмъ всю весну и лѣто ходили слухи, что султанъ собирается подѣ Кіевъ; для подкрѣпленія Ромодановскаго и Самойловича двинулся въ Путивль бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Ромодановскій и Самойловичъ получили указъ давать отпоръ непріятелю; если же Турки и Татары подѣ Кіевъ и на восточную сторону не придутъ, то идти къ Днѣпру и за Днѣпръ, промышлять надѣ Чигиринымъ и Дорошенкомъ, примѣняясь къ прежнимъ указамъ царя Алексѣя Михайловича и смотря по тамошнему дѣлу. О Туркахъ не было слышно, и Ромодановскій съ Самойловичемъ двинулись къ Днѣпру. Не доходя ста верстъ до рѣки, они отправили впередъ стольника Григорья Косогова съ 15.000 московскаго войска и бунчужнаго Леонтя Полуботка съ четырьмя полками. Увидавъ царское войско, прибрежныя мѣста, зависѣвшія отъ Чигирина, начали поддаваться. Косоговъ съ Полуботкомъ, подошедши подѣ Чигиринъ, схватились съ тамошними козаками; но послѣ бою начались переговоры; Косоговъ послалъ къ Дорошенку увѣщательную государеву грамоту. На этотъ разъ Дорошенку ничего больше не оставалось, какъ исполнить цар-

скія требованія. Священники съ крестами, старшина и чигиринскіе жители явились въ обозъ къ осаждающимъ на рѣчку Янычару, въ трехъ верстахъ отъ города, и принесли присягу. Дорошенко отправилъ своего двоюроднаго брата Кондрата Тарасенка и писаря Воехевича къ Ромодановскому и Самойловичу съ просьбою, чтобъ прежнія обѣщанія, ему данныя на счетъ сохраненія здоровья и имѣщества, были исполнены, и когда воевода и гетманъ увѣрили его въ этомъ, онъ пріѣхалъ къ нимъ въ сопровожденіи 2.000 человекъ и положилъ предъ ними клейноты—булаву, знамя и бунчукъ. Чигиринъ «великому государю и всей Украинѣ надобный городъ» былъ занятъ царскими войсками, пополамъ московскими и малороссійскими.

Съ торжествомъ возвращался Самойловичъ отъ Днѣпра. Въ Переяславлѣ онъ нашелъ Алмазова съ Рославцемъ. Выслушавъ о желаніи великаго государя, чтобъ преступникъ былъ прощенъ, Самойловичъ отвѣчалъ: «Я безъ государева указа никакого наказанія Рославцу не учиню; но теперь объявилось новое дѣло: бывший дорошенковъ генеральный писарь Воехевичъ подалъ мнѣ сказку на письмѣ за своею рукою, что нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовъ присылалъ къ дорошенку козака Дубровскаго, приказывая съ нимъ, что всѣ хотятъ имѣть гетманомъ Дорошенка, а именно полковники: Стародубскій Петръ Рославичъ, Прилуцкій Лазарь Горленко, Дмитрашка Райча, бывший генеральный писарь Карпъ Мокріевъ; да не только старшина и чернь, самъ государь не хочетъ меня, Самойловича, имѣть гетманомъ. Чего Дорошенко хочетъ, то надомною и сдѣлають: захочетъ убить—убьютъ, или въ Москву отошлутъ какъ Многогрѣшнаго. Протопопъ поцѣловалъ крестъ на томъ, что такъ сдѣлается, и прислалъ этотъ самый крестъ къ Дорошенку, а Дорошенко отдалъ его мнѣ.»

3-го октября привели Рославца предъ гетмана и старшину: «Я было надѣялся, сказалъ ему Самойловичъ, что такого другаго пріятеля у меня и нѣтъ, какъ ты Петръ; а ты, забывъ Бога и присягу, хотѣлъ за добродѣтель мою къ тебѣ убить меня да Господь Богъ не помогъ!»

«Я ни въ какомъ совѣтѣ съ протопопомъ не бывалъ, отвѣчалъ Рославецъ, дѣлъ его никакихъ не знаю; моя вина одна, что поѣхалъ безъ гетманскаго вѣдома и отпуска къ царскому величеству, побоясь черной рады, чтобъ меня не убили.» Тутъ Рославецъ повалился на землю передъ гетманомъ и лежалъ долго.

27-го октября великій государь указалъ и бояре приговорили въ передней при святѣйшемъ патріархѣ: Рославца съ совѣтниками судить войсковымъ правомъ. Судъ назначенъ былъ въ январѣ.

Но прежде Рославца надобно было рѣшить важный вопросъ — что дѣлать съ Дорошенкомъ? гдѣ ему жить? Сначала Ромодановскій и Самойловичъ помѣстили его въ Сосницѣ (въ черниговскомъ полку). Въ ноябрѣ отправился въ Батуринъ стольникъ князь Иванъ Волконскій съ приказомъ гетману прислать Дорошенка въ Москву для подтвержденія присяги; для успокоенія Самойловича, Волконскій долженъ былъ ему говорить, что Дорошенко берется въ Москву изъ уваженія къ его же Самойловичевой вѣрной службѣ: Дорошенко ему, гетману, давній непріятель, такъ чтобъ будучи на этой сторонѣ, по прежнему своему злоковарству, не вымышлялъ какихъ-нибудь противныхъ на него дѣлъ и не побуждалъ бы ко злу людей, не желающихъ покоя.

Въ Батуринѣ пріѣхалъ Волконскій въ началѣ декабря и для переговоровъ о Дорошенкѣ отправился къ Самойловичу часа за четыре до свѣту: «Теперь вскорѣ послать Дорошенка въ Москву нельзя, говорилъ гетманъ: онъ переѣхалъ на эту сторону недавно и двора себѣ не построилъ, многихъ пожитковъ своихъ не перевезъ. Когда будутъ судить нѣжинскаго протопопа и Рославца, то это дѣло начнется Дорошенкомъ: онъ главный обличитель. Потомъ мы общали Дорошенку подъ Чигириномъ, что жить ему по волѣ, гдѣ захочетъ, и прѣжнихъ дѣлъ его не вспоминать. Чигиринскіе старшины били мнѣ челомъ, чтобъ я позволилъ имъ поселиться на этой сторонѣ, я позволилъ: но если теперь послать Дорошенка въ Москву, то старшины усумнятся и сюда не поѣдутъ, да не было бы смуты и потому, что у Дорошенка много своихъ друзей на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, подумаютъ, что его хотятъ заслатъ въ Сибирь. А мнѣ опасаться его не для чего: когда онъ и не былъ въ подданствѣ у великаго государя и не жилъ подъ моимъ regimentомъ, то и тогда я зналъ всѣ его замыслы, а теперь и подавно все буду знать.» Наконецъ гетманъ объявилъ, что безъ совѣту со старшиною онъ не можетъ рѣшить этого дѣла; но и послѣ совѣта Волконскому объявлено было тоже, что отпустить Дорошенка нельзя по изложеннымъ причинамъ. Рѣшили, что гетманъ пошлетъ объ этомъ грамоту государю, а

Волконскій будетъ дожидаться въ Батуринѣ указа. Указъ пришелъ—оставить Дорошенка въ Малороссіи.

Въ январѣ 1677 года, на третій день послѣ Богоявленія, въ Батуринѣ начался судъ надъ протопопомъ Адамовичемъ и полковникомъ Рославцемъ; отъ Барановича присланы были Черниговскаго Елецкаго монастыря архимандритъ Іоанникій Голятовскій, игуменъ кіевскаго Кириллова монастыря Мелетій Дзякъ и трое протопоповъ. Выслушавъ свидѣтелей, судъ приговорилъ Адамовича и Рославца къ смертной казни, совѣтника ихъ, бывшаго генеральнаго писаря Карпа Мокріева выслать вонъ изъ Украины, бывшіе полковники—Переяславскій Дмитрашка Райча и Прилуцкій Лазарь Горленко должны присягнуть, что къ протопопову и Рославцеву злomu умыслу не приставали. Но на другой день гетманъ прислалъ государевы грамоты, въ которыхъ говорилось о помилованіи преступниковъ. Выслушавъ грамоты, духовныя особы и генеральная старшина сказали: если протопопа смертию не карать, то велѣть его постричь. Самъ Адамовичъ билъ челомъ, чтобъ его постригли. «Я и прежде этого желалъ, говорилъ онъ, да не исполнилъ, вѣрно за это меня Богъ и смиряетъ.» Приговорили протопопа постричь, а Рославца нѣсколько лѣтъ держать за карауломъ. Адамовича для постриженія отправили съ бунчужнымъ Леонтіемъ Полуботкомъ въ Черниговъ къ архіепископу Лазарю Барановичу; но тутъ протопопъ объявилъ, что не хочетъ постригаться: «не хочу иночества, говорилъ онъ, да не будутъ послѣдняя горше первыхъ.» Тогда Барановичъ лишилъ его священства и отдалъ Полуботку уже какъ мірскаго человѣка подъ мірской судъ. Полуботокъ велѣлъ посадить его въ «тѣсное узлище.» Не вытерпѣвъ тѣсноты, Адамовичъ объявилъ, что дастъ подробное показаніе о своихъ замыслахъ и соучастникахъ. Полуботокъ созвалъ къ себѣ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ и въ ихъ присутствіи Адамовичъ показалъ: Дмитрашка Райча говорилъ, что застрѣлить гетмана изъ пистолета въ войскѣ; въ другой разъ говорилъ, что пойдѣтъ въ Запорожье и тамъ станетъ бунтовать. Карпъ Мокріевичъ дважды говорилъ, что пойдѣтъ съ Дмитрашкою въ Запорожье бунтовать противъ гетмана. Я Дорошенку совѣтовалъ и наказывалъ, чтобъ спѣшилъ на эту сторону съ войскомъ Запорожскимъ и своимъ, обѣщая ему гетманство. Рославецъ говорилъ мнѣ: пораждѣмъ о здоровѣіи господина гетмана, за то что

онъ ко мнѣ не милостивъ. Когда я встрѣтился съ нимъ въ селѣ Семеновскомъ (я ѣхалъ изъ Москвы, а онъ въ Москву), то онъ велѣлъ мнѣ идти на Украину бунтовать Запорожцевъ и Дорошенка для исполненія нашего намѣренія. Дмитрашка говорилъ, что вмѣстѣ съ гетманомъ надобно убить судью и бунчужного. Мы рѣшили, что, убивши гетмана, жить не подъ царскою рукою, но поддаться хану.» Адамовичъ подписалъ это показаніе.

Между тѣмъ въ Москвѣ продолжали думать, что старый Чигиринскій гетманъ будетъ гораздо безвреднѣе здѣсь, чѣмъ въ Малороссіи, и въ февралѣ извѣстный уже намъ стольникъ Семенъ Алмазовъ побѣхалъ опять въ Батуринъ съ требованіемъ высылки Дорошенка. «Надобно объ этомъ съ старшиною посовѣтоваться, сказалъ ему Самойловичъ, потому что это народъ мнительный; послышъ, что Дорошенко усланъ въ Москву, стануть разсѣвать плевосѣятельныя слова, пронесутся эти слова къ Сѣрку, а Сѣрко и подавна станеть къ этимъ словамъ привмѣщать такія же, и оттого, сохрани Боже, чтобъ какого зла не случилось? Поляки сильно боятся, что Дорошенко на этой сторонѣ, боятся, чтобъ я и Дорошенко не заключили съ султаномъ перемирія и не стали ихъ воевать. Того не знаютъ, какое здѣсь своеволие: кто какое слово молвить, и всѣ къ нему пристануть. И меня заподозриваютъ; но если я подумаю какое-нибудь зло, то пусть Господь Богъ казнить душу мою и тѣло, жену мою и дѣтей и весь домъ разорить; дѣтей своихъ держу на Москвѣ для вѣрности; и если случится въ Украинѣ какое зло, то сейчасъ же, покинувъ все, поѣду въ Москву. Воля его царскаго величества, но лучше бы было, еслибъ Дорошенко остался жить въ Москвѣ; пусть мои посланцы и Сѣрковы, какъ будутъ въ Москвѣ, выдають его и знаютъ, что онъ живетъ при милости царскаго величества. Я его съ тобою отпущу, но чтобъ про то никто не зналъ. Да хорошо было бы, еслибъ брата его Грицка изъ Москвы отпустили въ малороссійскіе города: родственники ихъ, видя царскаго величества милость, обрадовались бы и на милость государеву обнадѣжились; много разъ писала ко мнѣ изъ Чигирина мать ихъ объ отпускѣ Грицка.»

Въ Сосницѣ отправилъ гетманъ вмѣстѣ съ Алмазовымъ генеральнаго судью Ивана Домонтова и съ нимъ писалъ къ Дорошенку, чтобъ ѣхалъ въ Москву безо всякаго опасенія, что и прежде былъ царскій указъ объ отпускѣ его въ Москву, но его не от-

правили, потому что онъ еще не осмотрѣлся, а теперь онъ поѣдетъ въ Москву не для чего инаго, какъ только для переговоровъ по дѣламъ турецкимъ и крымскимъ. Дорошенко, однако, сильно встревожился, когда Алмазовъ пріѣхалъ за нимъ вдругъ неожиданно: «кого и къ смерти приговариваютъ, и тому заранѣе о томъ даютъ знать, говорилъ онъ: Богъ судить гетмана, что меня не увѣдомилъ.» Но, дѣлать нечего, поѣхалъ.

20 марта Дорошенко видѣлъ государевы очи; думный дьякъ говорилъ ему рѣчь, объявилъ, что всѣ вины его прощаются и никогда не будутъ вспомнаны, государь указалъ быть ему при своей милости въ Москвѣ для способовъ воинскихъ противъ непріятельскаго наступленія Турокъ и Татаръ на Украину; въ надежду своей государской милости, по челобитію гетмана Самойловича, царское величество велѣлъ брата его Дорошенкова, Григорья, расковать и ходить ему за карауломъ къ гетманскому сыну Семену, а теперь, по гетманскому челобитію, велѣно Григорья отпустить въ малороссійскіе города. Дорошенко билъ челомъ, чтобъ государь приказалъ привезти въ Москву жену его и дочь. За ними отправился подьячій Юдинъ; но братъ Дорошенка, Андрей, объявилъ ему: «братъ мнѣ писалъ, что если жена его ведетъ себя хорошо, какъ обѣщала ему въ то время, когда онъ взялъ ее къ себѣ изъ чернаго платья (изъ монастыря), то присылать ее въ Москву; а иначе отписать къ нему безъ утайки. Я объ ея поступкахъ объявилъ гетману, объявляю тебѣ и къ брату посылаю письмо. Братъ Петръ за злодѣйскія ея дѣла положилъ на нее черное платье, но, видя маленькую дочь свою въ сиротствѣ, умилосердился надъ злодѣйкою и взялъ ее къ себѣ въ жены попрежнему, а она ему обѣщала, что до смерти ничего хмѣльнаго пить не станетъ. Но по отъѣздѣ брата въ Москву стала она пить безобразно, безъ моего вѣдома ходить и чинить злодѣйство. Теперь велѣлъ я ей собираться ѣхать въ Москву, а она при отцѣ своемъ Яненкѣ кричитъ: «если ты въ Москву пошлешь меня насильно, то брату твоему Петру не долго на свѣтѣ жить!» Юдину этотъ разказъ показался подозрителенъ, тѣмъ болѣе, что гетманъ показалъ ему письмо Дорошенка къ себѣ, въ которомъ тотъ умолялъ Самойловича исходатайствовать ему у царя позволеніе возвратиться въ малороссію, напоминалъ о данномъ ему обѣщаніи оставить его жить тамъ, гдѣ захочетъ: «я знаю, писалъ Дорошен-

ко, что я здѣсь въ Москвѣ не нуженъ, и прїѣздъ жены моей сюда также не нуженъ, а что приказываютъ, то исполняю по нуждѣ.» Гетманъ не отпустилъ Дорошенковой жены въ Москву.

Между тѣмъ, по обыкновенію, всю весну готовились въ Украинѣ къ встрѣчѣ непріятелей, Турокъ и Татаръ. Султанъ, на мѣсто Дорошенка, провозгласилъ гетманомъ и княземъ малороссійскимъ плѣнника своего Юрія Хмельницкаго, который прислалъ на Запорожье грамоту отъ 5 апрѣля: «Спасителю нашему все возможно, писалъ Хмельницкій: нищаго посадить съ князьями, смиреннаго вознести, сильнаго низложить. Лихіе люди не допустили меня пожить въ милой отчизнѣ; убѣгая отъ нихъ, претерпѣлъ я много бѣдъ, попалъ въ неволю. Но Богъ подвигнулъ сердце наисвѣтѣйшаго цесаря Турскаго, тремя частями свѣта государствующаго, который грѣшныхъ больше милуетъ, чѣмъ наказываетъ (съ меня берите образецъ!): даровалъ мнѣ цесарь свободу, удовольилъ меня своею милостію и княземъ малороссійскимъ утвердилъ. Когда былъ я въ Запорожьѣ, то вы мнѣ обѣщали оказать любовь и желательство и вождемъ меня имѣть; такъ теперь обѣщаніе исполните, и отправляйте пословъ своихъ въ Казыкермень для переговоровъ со мною.» Подписано: «Георгій Гедeonъ Венжикъ Хмельницкій, князь малороссійскій, вождь войска Запорожскаго.» Грамота подѣйствовала на Запорожьѣ. 15-го мая отправился туда изъ Москвы стряпчій Перхуровъ съ государевымъ жалованьемъ; когда, по обычаю, прочли на радѣ государеву грамоту, то въ войскѣ раздался крикъ: «суконъ прислано мало! подѣлиться нечѣмъ! достанется по одной рукавкѣ! Мы служили отцу государеву и ему государю служимъ вѣрно, надъ бусурманами всякій промыслъ воинскій чинимъ неотмѣнно, а жалованья намъ прислано мало! а мы и впередъ обѣщаемся вѣрно служить.» Сѣрко говорилъ: «войско меня не слушается, потому что государскаго жалованья, знамени и булавы у меня нѣтъ; а еслибы знамя и булава ко мнѣ были присланы, то козаки были бы мнѣ послушны.» Козаки продолжали кричать: «гетманъ Самойловичъ отнялъ у насъ перевозъ подъ Переволочною, даромъ возить не велить и запасовъ къ намъ не присылаетъ. Если турецкое войско на кошъ къ намъ придетъ, то мы съѣхъ сождемъ, а сами пойдемъ по островамъ на воду; а тутъ намъ сидѣть не у чего, запасу у насъ никакого нѣтъ.» Самойловичъ опять началъ доносить въ Москву на



Сѣрка, что съ ханомъ крымскимъ заключилъ перемиріе, что къ Хмельницкому часто посылаетъ и совершенно уже къ нему склоняется.

Въ іюлѣ пріѣхалъ въ Батуринъ стольникъ Карандѣевъ отъ государя съ соболями и атласами для гетмана и старшины за вѣрную ихъ службу. Ему поручено было переговорить съ Самойловичемъ о Сѣркѣ, о Дорошенкѣ и о нерѣшенномъ еще дѣлѣ Рославца и Адамовича. Карандѣевъ требовалъ отъ гетмана, чтобъ онъ послалъ въ Запорожье знатнаго человѣка и всячески старался не допускать Сѣрка до перемирія съ ханомъ; чтобъ не допустилъ Турокъ овладѣть Кодакомъ, осадилъ бы его своими людьми; иначе низовому войску Запорожскому будетъ тѣснота и разоренье, а непріятелю свободный путь въ малороссійскіе города; если же пошлется войско малороссійское въ Кодакъ, то Запорожцы обнадежатся.

— «Послать мнѣ войска въ Кодахъ нельзя, отвѣчалъ гетманъ, потому что этимъ городомъ завѣдываетъ Сѣрко, а послать, не спросясь съ Запорожцами—только озлитъ ихъ.»

Потомъ Карандѣевъ началъ говорить о Дорошенковой женѣ, чтобъ прислать ее въ Москву, мужъ не перестаетъ объ этомъ просить.— «Я не мѣшаю, отвѣчалъ гетманъ, пусть ѣдетъ.» — «Но зачѣмъ ты, гетманъ, продолжалъ Карандѣевъ, хлопчешь объ отпускѣ Дорошенка назадъ на Украину, чего ты боишься? Дорошенко взять въ Москву для тебя и для цѣлости Малороссіи, чтобъ онъ, будучи въ Украинѣ, не надѣлалъ какого-нибудь зла.» — «Объ отпускѣ Дорошенка на Украину я и не думаю бить челомъ, отвѣчалъ гетманъ; въ настоящее военное время Дорошенку быть на Украинѣ нельзя.» Наконецъ рѣчь дошла до Рославца и Адамовича: «Протопопа и Рославца, сказалъ гетманъ, я отправлю съ нарочными посланцами въ Москву, чтобъ великій государь пожаловалъ меня, приказалъ сослать ихъ на вѣчное житіе въ дальніе Сибирскіе города для страха другимъ.»

11 августа привезли въ Москву Рославца и Адамовича, и на другой день состоялся указъ о ссылкѣ ихъ въ Сибирь. Спѣшили покончить съ этимъ дѣломъ и успокоить гетмана, который уже двигался съ двадцатитысячнымъ войскомъ къ Днѣпру: съ 4 августа Ибрагимъ паша съ Хмельницкимъ стояли подъ Чигириномъ, ожидая хана. Хмельниченко, величая себя княземъ Сарматскимъ,

прислать требованіе, чтобъ сдали ему его стольный городъ, которымъ Дорошенко не имѣлъ права распоряжаться. Воеводою въ Чигиринѣ былъ генераль-майоръ Трауернихтъ. 7 августа ночью онъ сдѣлалъ удачную вылазку и схватилъ 14 человекъ языковъ; Турки повели было подкопъ къ верхнему замку, но остановились рыть, встрѣтивъ дикій камень. Между тѣмъ 10 августа Самойловичъ соединился съ Ромодановскимъ, и 17 числа изъ-подъ Снятина отправили въ Чигиринѣ полкъ пѣхоты сердюковъ и 1000 человекъ драгуновъ, съ приказаніемъ спѣшить днемъ и ночью. Посланные исполнили приказаніе, переправились на правый берегъ Днѣпра, ночью прокрались чрезъ непріятельскіе полки и явились въ Чигиринѣ къ неописанной радости осажденныхъ, которые уже истомились и упали духомъ, не имѣя извѣстій о своихъ, а къ Туркамъ пришелъ ханъ съ ордою. 25 августа явились къ Днѣпру противъ Чигирина, у Бужинской пристани, князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ; на противоположной сторонѣ Днѣпра уже стоялъ ханъ съ своими Татарами и частию турецкаго войска. Непріятель занялъ островъ на Днѣпрѣ, чтобъ не допустить Русскихъ до переправы, но былъ выбитъ. Русскіе съ острова переправились на западный берегъ, 28 августа схватились съ непріятелемъ, поразили его и гнали пять верстъ отъ берега. Испуганные Турки и Татары на другой же день ушли отъ Чигирина, покинувъ запасы и пушки и оставивъ подъ городомъ 4000 янычарскихъ труповъ. Ибрагимъ-паша складывалъ всю вину на хана, который во-время не пошелъ на лѣвую сторону Днѣпра и не далъ знать о московскихъ и козацкихъ войскахъ. Честь этого дѣла, на долго оставшагося памятнымъ, принадлежала полковнику выборнаго полка генераль-майора Агея Шепелева, Семену Воейкову, солдатскому полковнику Самуилу Вестову, стольнику и полковнику Григорію Косогову, а изъ малороссіянъ полковникамъ полтавскому Левенцу и Нѣжинскому Барсуку. Ромодановскій и Самойловичъ, дожидавши у Чигирина до 9-го сентября и слыша, что Турки бѣгутъ къ границамъ, отправились назадъ за Днѣпръ, тѣмъ болѣе, что конскіе кормы всѣ были истреблены непріятелемъ, а у ратныхъ людей запасовъ стало мало. Самойловичъ возвратился съ торжествомъ, потому что, по его настоянію, московское правительство рѣшило держаться въ Чигиринѣ. И теперъ гетманъ настаивалъ, чтобъ государь указалъ

укрѣпить Чигиринъ, ратными людьми осадить и хлѣбными запасами озапасить, точно также какъ и Кіевъ, да послать туда боярина съ государевыми ратными людьми, а онъ гетманъ съ своими людьми Чигирина не удержитъ, и безъ московскихъ людей на своихъ онъ ненадеженъ. Чигиринъ покинуть нельзя, потому что всей Украинѣ защита и оборона добрая; стоитъ онъ на рѣкѣ Тяснѣ (Тясминѣ), черезъ которую орда нигдѣ бродовъ и переправы нѣтъ. Чигиринская война дала также Самойловичу случай выставить передъ царемъ въ черномъ свѣтѣ поведеніе Сѣрка: «Кошевой къ пресвѣтлому престолу вашему государскому и ко мнѣ не желателенъ, потому что передъ Чигиринскимъ походомъ помирился съ ханомъ и турками, во время войны никакой намъ помощи не далъ, и когда ханъ бѣжалъ черезъ Днѣпръ выплавъ съ ордами, не билъ его, а велѣлъ козакамъ перевозить татаръ въ челнахъ.»

Эти нелады у гетмана съ знаменитымъ полевымъ воиномъ очень не нравились въ Москвѣ; бояре приговорили — привести Сѣрка съ гетманомъ въ союзъ: «За такіе злые поступки Сѣрка воздастся ему въ день праведнаго суда Божія, писалъ государь Самойловичу: но мы, государь христіанскій милосердый, не допуская его для имени христіанскаго къ вѣчной гибели, ожидая его обращенія, тѣ его вины и преступленія отпускаемъ, если онъ эти свои вины вѣрно службою заслужитъ и къ тебѣ будетъ также желателенъ, какъ и прежніе гетманы.» Съ милостивымъ словомъ Ромодановскому и гетману за Чигиринскую войну отправился въ Малороссію стольникъ и полковникъ Тяпкинъ. Посланному наказано было спросить Ромодановскаго: «Какое его намѣреніе о Чигиринѣ на будущее время? можно ли этотъ городъ держать, или надобно его разорить? если держать — то какая отъ этого будетъ прибыль? сколько въ него надобно будетъ послать московскихъ ратныхъ людей и козацкихъ полковъ? и откуда въ Чигиринъ возить хлѣбные и оружейные запасы, и чрезъ такую великую днѣпровскую переправу какими способами помощь давать ратными людьми?» — «Мое намѣреніе такое, отвѣчалъ Ромодановскій: разорить Чигиринъ огнюю нельзя, очень безславно и отъ непріятеля страшно, и не только Украинѣ убыточно, но и самому Кіеву будетъ тяжело. На остальные же вопросы напишу по статьямъ, снесшись съ гетманомъ.»

Тѣ же вопросы Тяпкинь предлагать въ Матушинъ Самойловичу. — «Если Чигиринъ разорить или допустить непріятеля въ овладѣть, отвѣчалъ гетманъ, то развѣ прежде разоренья или отдачи сказать воймъ въ Украинѣ народамъ, что уже они великому государю ненужны. У насъ во всемъ козацкомъ народѣ одно слово и дѣло: при комъ Чигиринъ и Кіевъ, при томъ и оныя всѣ должны въ вѣчномъ подданствѣ быть. Если Юраска Хмельницкій засидеть въ Чигиринѣ съ своими бунтовщиками, тогда всѣ народы, которые изъ-за Днѣпра на эту сторону вышли, пойдутъ опять за Днѣпръ къ Юраску. А если засидутъ въ Чигиринѣ Турки, то султанъ не будетъ посылать имъ запасовъ изъ своихъ городовъ, будутъ брать запасы съ городовъ и селъ этой стороны, и дорога будетъ открытая Туркамъ подъ Путивль и Сѣвскъ, потому что Днѣпръ и Заднѣпровье будутъ у нихъ въ рукахъ.» Тутъ гетманъ, взглянувъ на Спасовъ образъ, заплакалъ и сказалъ: «Молимся, да избавитъ Господь Богъ и великій государь насъ и потомковъ нашихъ отъ такого тяжкаго бусурманскаго ярма!» Касательно Сѣрка Самойловичъ прямо объявилъ Тяпкину, что кошевой поддался султану: султанъ прислалъ казыкерменскому бею 30.000 червонныхъ золотыхъ, чтобъ подкупить Сѣрка съ козаками. Бей изъ польскихъ татаръ, учился въ школахъ, знаетъ языки; онъ съѣзжался съ Сѣркомъ въ есени, ходили они между кустами, взявшись за руки, и тутъ кошевой присягнулъ султану.»

Для уясненія этого важнаго дѣла въ декабрѣ отправился въ Запорожье подьячій Шестаковъ, съ которымъ гетманъ отпустилъ своего посланца; войскаго товарища Артему Золотара. Шестаковъ на радѣ выговаривалъ Запорожцамъ, зачѣмъ они не подали помощи царскому войску подъ Чигириномъ? зачѣмъ не били татаръ, бѣжавшихъ черезъ Днѣпръ отъ этого города?

— «Мы подъ Чигиринъ не ходили потому, что войска было на кошѣ мало, отвѣчалъ Сѣркѣ; да и потому не ходили, что Турки и Татары прежде Чигирина хотѣли идти на сѣчь. Чтобъ упредить этотъ злой замыселъ, мы съ ханомъ помирились, да хотѣли мы при этомъ, чтобъ татары выкупили у насъ плѣнныхъ, потому что войско было голодно, добычи никакой, запасовъ также. Да и для того помирились съ ханомъ, что много разъ писали къ гетману Ивану Самойловичу, чтобъ царское величество прислалъ къ намъ своихъ ратныхъ людей на оборону; какъ присылалъ царь Алек-

сѣи Михайловичъ, да и самъ бы гетманъ пустилъ въ намъ городыиъ козаковъ; но гетманъ козаковъ къ намъ не пустилъ и запасовъ не прислалъ, войско только и тормилось, что рыбою; а когда съ ханомъ заключили перемирье, то за Татаръ брали большой окупъ, да ходили за солью къ морю; а еслибы съ ханомъ мы не помирились, то войско померло бы съ голоду. Турокъ и Крымцевъ, бѣжавшихъ изъ-подъ Чигирина, мы не промиди потому, что войска въ сѣи было мало: вѣтъ, надѣясь на миръ съ ханомъ, разошлись по промысламъ, и теперь войска въ сѣи мало: вѣтъ по промысламъ. Пожаловалъ бы государь, велѣтъ прислать къ намъ своихъ ратныхъ людей, а гетману приказалъ прислать Полтавскій полкъ, и мы по веснѣ, какъ скоро войска и запасы будутъ къ намъ присланы, перемирье съ ханомъ нарушимъ и поидемъ въ Крымъ войною. Гетманскому посланцу Сѣрко говорилъ наединѣ, что онъ царскому величеству не измѣнитъ и если помирился съ Турками и Татарамъ, то для того: только, чтобъ приманить къ себѣ Хмельницкаго и, схвативъ его, отослать въ Москву. Для увѣренія Сѣрко вынулъ изъ-за пазухи крестъ и цѣловалъ.

Это не заставило Самойловича смотрѣть доброжелательнѣе на Запорожскаго кошеваго, и скоро послѣдній усилилъ еще это недоброжелательство, начавъ совѣтовать государю разрушить и искинуть Чигиринъ. «Для чего это онъ совѣтуетъ?» писалъ Самойловичъ: чтобъ вмѣстѣ съ Хмельниченкомъ привести въ исполненіе свой злобный замыселъ. Пусть только Чигиринъ достанется имъ въ руки, хотя бы и разоренный; они снова его укрѣпятъ, Хмельниченко одѣлаютъ въ намъ столицу своего княжества, Сѣрко—главный городъ своего гетманскаго регимента, потому что уже и теперь Сѣрко, величаетъ Хмельниченка княземъ Малой Россіи, а Хмельниченко Сѣрка—кошевымъ гетманомъ войска ижеваго Запорожскаго. Изъ турецкихъ владѣній въ Кіевъ дошелъ списокъ условій, заключенныхъ Сѣркомъ съ Хмельниками: 1) чтобъ вѣрѣ православной верованія не было; 2) податей никакихъ и ясырю не давать; 3) вольности воевода Запорожскаго не нарушать; 4) чтобъ старшины и войска Турецкаго и Татаръ и въ какихъ малороссійскихъ городахъ не было. Изъ самаго Царьграда давали знать, что Сѣрко присылаетъ султану вѣтъ государю прамоды и гетманскіе люди.

Надобно было приготавливаться къ тяжелой войнѣ съ разныхъ сторонѣ; зиму и весну 1678 года приходили постоянно вѣсти, что Турки съ огромными силами нагрянуть подѣ Чигиринѣ, съ тѣмъ, чтобъ непремѣнно взять этотъ городъ. Въ Царѣградѣ въ это время находился стольникъ Поросуконъ, присланный къ султану съ царскою грамотою для попытки, нельзя ли прекратить тяжелую и опасную войну и, по крайней мѣрѣ, развѣдать обстоятельнѣе о турецкихъ замыслахъ. Для послѣдняго Поросуконъ обратился къ патріарху; тотъ отвѣчалъ, что желаетъ всякаго добра великому государю какъ себѣ царства небеснаго и о замыслахъ непріятеля креста Христова объявляеть: султанъ турецкій, имѣя чрево свое бусурманское ненасыщенное, устремляется этимъ лѣтомъ съ войсками своими поганскими и желаетъ изъподъ державы его царскаго величества владѣнія Петра Дорошенка отобрать, а потомъ и всю Украину овладѣть. И сами они явно пророчествуютъ, что царскимъ величествомъ побѣждены будутъ, только не могутъ узнать, въ какое время. Боясь этого пророчества, султанъ пойдетъ только до Вабы, а визири пошлетъ подѣ Чигиринѣ. Поросуконъ спросилъ объ Юраскѣ Хмельницкомъ, по его ли патріаршему благословенію монашество съ него снято? Патріархъ отвѣчалъ: «Хмельницкія снялъ съ себя монашество своевольно, желая себѣ столько же освобожденія изъ неволи, сколько княженія и гетманства. По его наущенію визири нѣсколько разъ присылали ко мнѣ съ просьбами и угрозами, чтобъ я съ Юраски монашество снялъ, на княженіе малороссійское и гетманство запорожское его благословилъ; но я отъ этого принужденія освободился подарками и Юраску къ себѣ не пустилъ. Вчера, продолжалъ патріархъ, султанъ слушалъ привезенную тобою грамоту, приказалъ тебя отпустить, а къ царскому величеству писать объ уступкѣ въ турецкую сторону Чигирина и владѣнія Дорошенковыхъ по Днѣпръ. Молю царское величество, чтобы ради церкви Божіихъ и вѣры христіанской Чигирина и Украины султану не уступалъ, а если уступить, то не только Малой Россіи, но и государству московскому тяжко будетъ непріятель.» Государь согласился съ мнѣніемъ Самойловича, Ромодановскаго и Цареградскаго патріарха, что необходимо удержатъ Чигиринѣ, укрѣпить его и снабдить войскомъ. Въ Чигиринскіе воеводы назначенъ былъ окольникій Ив. Ив. Ржевскій, изъ

вѣстный своею распорядительностію, умѣвшій ладить съ малороссіянами, что доказалъ во время своего воеводства въ Нѣжинѣ. Въ Кіевѣ Ржевскій долженъ былъ взять хлѣбные запасы, подъ которые гетманъ выставлялъ подводы; ко Ржевскому должны были присоединиться назначенные для Чигиринскаго осаднаго сидѣнья полки мадороссійскіе, также отрядъ войска Ромодановскаго. Но ничего этого Ржевскій не нашелъ, и 17 марта вступилъ въ Чигиринъ одинъ, безъ хлѣба, потому что подводы отъ гетмана не были присланы, о войскахъ въ Чигиринѣ не было вѣсти; въ Чигиринѣ Ржевскій нашелъ разбитыя стѣны, пустыя житницы и услышалъ рассказы о безпрестанныхъ набѣгахъ татарскихъ. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то въ Курскъ, къ Ромодановскому и въ Батуринъ къ гетману поскакали въ апрѣлѣ стольникъ Алмазовъ спросить, что они думаютъ? Ромодановскій отвѣчалъ, что идти къ Днѣпру немедленно и о Чигиринѣ будетъ радѣть; гетманъ отвѣчалъ, что у него войска не въ сборѣ, и онъ пойдетъ къ Ромодановскому одинъ для переговоровъ, что пугаться нечего, войска и запасы поспѣютъ въ Чигиринъ, хотя подводы стоили страшно дорого, каждую нанимали за четыре и за пять рублей, а неизвѣстно, придетъ ли и половина ихъ назадъ.

Дѣйствительно, подкрѣпленія и запасы успѣли придти въ Чигиринъ, потому что визирь Мустафа явился осаждать этотъ городъ только 9 іюля. Ромодановскій съ Самойловичемъ стояли у Днѣпра у Бужинской пристани, въ первыхъ числахъ іюля, и 6 числа начали переправлять войска свои на правую сторону. Переправа шла очень медленно; большая часть войска находилась еще на лѣвомъ берегу, когда 10 числа Татары, переправлялись на этотъ берегъ тайкомъ у Крылова, подѣрались и ударили на русскіе обозы, но были прогнаны съ урономъ. Также неудачно кончилось нападеніе непріятелей 11 числа на тѣ передовые русскіе полки, которые уже переправились на правую сторону. 12 іюля всѣ Русскія войска стояли на правой сторонѣ на Бужинскихъ поляхъ, и на другой день выдержали бой съ пятью пашами турецкими и ханомъ крымскимъ. Съ тѣхъ поръ бои не прерывались, потому что Турки, пришедши изъ-подъ Чигирина черезъ Крыловъ, расположились обозомъ въ 7 верстахъ отъ Русскихъ и дѣлали на ихъ таборы безпрестанные набѣды. 29 іюля къ Русскимъ на подмогу явился диванъ Каспулатъ, Муцаловичъ Черкасскій съ Калмы-

ками и Татарами и принималъ дѣятельное участіе въ бояхъ. 3 и 4 августа, послѣ упорныхъ битвъ, Русскіе овладѣли важнымъ пунктомъ—Стрѣльниковою горою, приблизились къ Чигирину и вступили съ нимъ въ сообщеніе. Здѣсь уже не было воеводы Ржевскаго: 3 августа взмошлъ онъ на стѣны и сильно обрадовался, увидавъ приближеніе русскихъ полковъ; но въ эту самую минуту изъ непріятельскаго обоза поднялась граната и поразила воеводу.

Чигиринъ не долго простоялъ послѣ Ржевскаго. Турки вели три подкопа подъ нижній большой городъ; 11 августа подкопы взорвало у рѣки Тясмины близъ домовъ, которые загорѣлись; осаждаемые, видя пожаръ, побѣжали въ обозъ къ своимъ черезъ московскій мостъ, но Турки зажгли мостъ, онъ обрушился и много русскихъ погибло, въ томъ числѣ Гадяцкій полковникъ Криницкій; много козаковъ погибло также отъ подкоповъ. Одновременно съ нижнимъ городомъ, Турки успѣли зажечь новый верхній, сдѣланный недавно Ржевскимъ; Русскіе засѣли въ старомъ верхнемъ городѣ, и бились съ непріятелями до самаго вечера, дважды выбивая Турокъ изъ города. Ночью пришелъ къ нимъ приказъ отъ Ромодановскаго и Самойловича зажечь городъ и выходить къ нимъ въ обозы, что и было исполнено; а на разсвѣтѣ поднялся и Ромодановскій съ гетманомъ къ Днѣпру, покинувъ навсегда курящіяся развалины несчастной столицы Хмельницкаго. Непріятель преслѣдовалъ отступавшихъ, но безъ успѣха, и 20 числа подъ Чигириномъ не было болѣе и Турокъ.

Но уходомъ визиря изъ-подъ Чигирина бѣда не кончилась: Хмельницкій съ Татарами остался на западной сторонѣ, занялъ Немировъ, Корсунъ и другіе города, и оттуда нападалъ и на восточную сторону; вся осень и зима прошли въ тревогахъ, а на лѣто опять ждали самого султана въ Украйну. Въ мартѣ 1679 года пріѣхалъ въ Москву отъ гетмана знатный войсковой товарищъ, Иванъ Степановичъ Мазепа, и имѣлъ съ думнымъ дьякомъ Ларіономъ Лопухинымъ любопытный разговоръ: «Надобно, говорилъ Мазепа, чтобъ на оборону Кіева и всего Малороссійскаго края прислано было много войска, а бояръ и воеводъ было бы съ нимъ не много, и ратные люди слушались бы ихъ, а большой воевода былъ бы одинъ; а если будутъ бояре и воеводы многіе и полки у нихъ разные, то бояре и воеводы стануть между со-



бою мѣстами считаться и ни одинъ своего полку полчанъ никому не дастъ, будетъ всякій своихъ полчанъ беречь, и будетъ оттого нестроенье.» — Кому боярамъ и воеводамъ быть, отвѣчалъ Лопухинъ, о томъ уже писано въ царскихъ грамотахъ; промыслъ чинить надобно смотря по тамошнему дѣлу и по совѣту съ гетманомъ, а прежде времени знать объ этомъ нельзя; надобно дѣлать такъ, какъ случай воинскій покажетъ; а боярамъ и воеводамъ быть всѣмъ виѣстѣ и розни между ними быть не для чего.» — «Буди воля великаго государя, продолжалъ Мазепа, но въ прошлую войну съ княземъ Ромодановскимъ ратныхъ людей было много, а какъ они были на той сторонѣ Днѣпра и шли навывучку къ Чигирину и у непріятелей гору брали, и какъ шли назадъ изъ-подъ Чигирина отводомъ, то государевыхъ ратныхъ людей на бояхъ очень было мало, только были солдатскіе полки да стрѣлцкіе приказы, и въ стрѣлцкихъ приказахъ людей къ бою было мало же, человекъ по триста, остальные стрѣльцы всѣ были въ обозѣ у телѣгъ, а отъ рейтаръ и городовыхъ дворянъ только крикъ былъ; къ гетману полковники и головы присылали безпрестанно, просили людей въ помощь, и гетманъ людей своихъ къ нимъ посылалъ, а самъ остался только съ дворомъ своимъ и драгунскимъ полкомъ, который, по указу государеву, въ воинскихъ случаяхъ при немъ всегда бываетъ.» — Лопухинъ: «У сотенъ были головы, у рейтаръ полковники и начальные люди: и они чего смотрѣли? для чего ратныхъ людей къ промыслу не высылали? то ихъ дѣло!» — Мазепа: «Въ то время смотрѣть было некогда, всякому было до себя!»

Вторымъ неудачнымъ Чигиринскимъ походомъ князь Ромодановскій окончилъ свое продолжительное военное поприще. Онъ былъ отозванъ въ Москву. Гетманъ Самойловичъ одинъ продолжалъ военные поиски на западной сторонѣ. Онъ далъ знать государю, что посылалъ сына своего Семена съ войскомъ на западный берегъ, и жители Ржищева, Конева, Корсуня, Черкаса и другихъ городовъ, при видѣ государева войска, изъ-подъ султановой власти выступили и добили челомъ царскому величеству; гетманскій сынъ выжегъ всѣ города, мѣстечки, села и деревни на западной сторонѣ, чтобъ впредь непріятельскимъ людямъ пристанища не было <sup>103</sup>.

Какъ же смотрѣли Поляки на всѣ эти событія на западной сто-

ронъ Дитпра, на которую они постоянно предъявляли притязанія на основаніи Андрусовскаго перемирія?

Въ началѣ царствованія Феодора, русскіе резиденты въ Польшѣ оставался Тяпкинъ, продолжавшій посылать въ Москву жалобы на свое несчастное положеніе; изъ Москвы не присылали денегъ, а въ Польшѣ не давали корму: «Въ Краковѣ на коронацію мнѣ нечѣмъ подняться, писалъ онъ изъ Львова: занять не добуду безъ залога, а заложить нечего, одна была ферзеншкя соболья подъ золотомъ, та и теперь въ Варшавѣ у мѣщанина пропадаетъ въ закладѣ, потому что выкупить нечѣмъ. По неволѣ не поѣду на коронацію, ежели денегъ на подъемъ не добуду. Лошадь лучшая одна и была, на которой волочился на дворъ королевскій и къ панству, и та теперь пала, выбрестъ не на чѣмъ въ люди, придется и самому также издохнуть отъ скудости, отъ старыхъ ранъ безпрестанно боленъ. Не такіе тутъ порядки, что въ государствѣ московскомъ, гдѣ какъ пресвѣтлое солнце въ небеси единый монархъ и государь по вселенной просвѣщается, и своимъ государскимъ повелѣніемъ яко солнечными лучами всюду одинъ сіяетъ; единого слушаемъ, единого боимся, единому служимъ все, одинъ даетъ и отнимаетъ по данной ему государю свыше благодати. А здѣсь, что жбанъ, то панъ, не боятся и самого Создателя, не только избраннаго государя своего; никакъ не узнаешь, гдѣ, у кого добиться рѣшенія дѣла, всеѣ господа польскіе на закомотвахъ души свои завѣсили.» — Нашелъ наконецъ Тяпкинъ двоихъ добрыхъ людей, у которыхъ занялъ денегъ подъ закладъ послѣдней служивой рухлядишки, и отправился въ Краковъ.

Когда Тяпкинъ объявилъ королю о подданствѣ Дорошенка, то Собѣскій очень удивился; резидентъ замѣтилъ по лицу, что вѣсть эта не очень пріятна его королевскому величеству. Паны говорили между собою: «Вотъ вамъ дружба и помощь царская: отобралъ у насъ всю Украинну!» Но другіе утѣшали себя тѣмъ, что теперь вся злоба султана и хана обратится на Москву, и царь по неволѣ будетъ болѣе усерднымъ союзникомъ Польшѣ. Все приходило вѣсти о сильныхъ сборахъ султана, и 4 марта 1676 года, литовскій канцлеръ Пацъ потребовалъ у Тяпкина, чтобы тотъ испросилъ себѣ немедленно у своего двора полномочіе на подписаніе слѣдующихъ условій: чтобы царь приказалъ своимъ

войскамъ соединиться съ польскими и идти на Турокъ подъ однимъ начальствомъ, а король отправить часть своихъ войскъ для соединенія съ русскими: и для похода на Крымъ; чтобъ это поставленіе было исполнено вскорѣ, на самомъ дѣлѣ, не на обещаніяхъ только; безъ отговорокъ. «А согласитесь ли на продолженіе перемирія еще на 13 лѣтъ?» спросилъ Тяпкинъ. — «Можемъ согласиться на половину», отвѣчалъ Пацъ. Но въ то же самое время молдавскій посланникъ Кантакузинъ, убѣдившій въ Молдавію, по секрету разказалъ Тяпкину, что король тайно отправилъ резидентомъ во Молдавію шляхтича Карбовскаго съ приказаніемъ завести съ Турками мирные переговоры чрезъ посредство господаря молдавскаго. О ходѣ переговоровъ Карбовскаго Кантакузинъ обѣщалъ давать знать Тяпкину чрезъ епископа Антонія Винницкаго. Кантакузинъ прибавилъ, что начало мирныхъ переговоровъ у Польковъ съ Турками уже положено посредствомъ хана крымскаго.

Тяпкинъ при первомъ случаѣ объявилъ литовскимъ панамъ, что до него дошли слухи о тайныхъ мирныхъ переговорахъ съ Турками, и что это противно андрусовскимъ и московскимъ договорамъ. Паны стали сначала домогаться, отъ кого резидентъ могъ объ этомъ провѣдать? и когда Тяпкинъ отвѣчалъ рѣшительно, что не скажетъ; начали говорить, что у нихъ мира съ Турками еще никакого нѣтъ, отправлены только посланники въ Седмиградскую землю и въ Молдавію, чтобъ какъ-нибудь задержать Турокъ отъ нападенія на Польшу, а между тѣмъ заключить окончательный договоръ о соединеніи съ царскими войсками. «Удивляться этому нечего, что подланицы и гонцы у насъ бѣгаютъ; говорили паны: утопающій и за бритву радъ ухватиться; такъ и мы хотя много обѣщаній отъ царскаго величества слышимъ, но на дѣлѣ до сихъ поръ не можемъ ничего видѣть, и отъ этого республика великій вредъ терпитъ.» — «Если царское величество», говорилъ гетманъ Пацъ, изъ подозрительности не хочетъ соединить своихъ войскъ съ нашими, то король готовъ хотя закладъ дать какою угодно, и не только закладъ, готовъ сына своего отправлять въ Москву въ заложники, лишь бы только царское величество велѣло соединить войска безъ всякаго подозрѣнія и опасенія. Если же турецкій султанъ покажетъ склонность къ миру, то королевское величество и республика тебѣ тотчасъ объ этомъ объявятъ.» — «А на какихъ бы условіяхъ соглашались вы заклю-

чить миръ съ султаномъ?» спросилъ Тяпкинъ. — «На условіи возвращенія Каменца и всѣхъ завоеваній», отвѣчалъ канцлеръ Пацъ. — «Но если султанъ не согласится на это условіе?» спросилъ опять Тяпкинъ. — «Тогда дѣлать нечего», отвѣчалъ канцлеръ, «по поволѣ уступимъ все, чтобъ республикѣ не погибнуть».

16 марта прибѣжалъ гонецъ отъ польскаго резидента въ седмиградской землѣ, привезъ условія визиря, присланныя къ седмиградскому князю; условія были: Польша должна уступить Турціи на вѣчныя времена Каменецъ, Подолію, Волинь, Украину всю по обѣ стороны Дуѣбра; Поляки не должны вступаться, когда Турки будутъ отбирать Украинскіе города, занятые Русскими; султанъ отказывается отъ дани, обѣщанной королемъ Миханломъ; пусть Поляки какъ можно скорѣе высылаютъ комиссаровъ для заключенія мира, пока султанъ и визирь не вошли съ войсками въ польскіе предѣлы, а если войдутъ, то и на этихъ условіяхъ не заключать мира. Оба Паца, канцлеръ и гетманъ, прямо сказали Тяпкину, что надобно согласиться на все. «Богъ возмездитъ на тѣхъ пограничныхъ государяхъ, которые не помогаютъ Польшѣ. Пиши, говорили они резиденту, пиши къ Артаману Сергѣевичу Матвѣеву, чтобъ по ходатайству всѣхъ бояръ, окольничихъ и духовныхъ людей государь велѣлъ соединиться войскамъ.»

Но въ Москвѣ трудно было согласиться на это соединеніе, когда резидентъ въ то же время доносилъ: «Волохи и Молдаване, знатныя особы, приходятъ ко мнѣ и говорятъ отъ имени старшихъ своихъ и отъ себя, чтобъ великій государь непременно приказалъ силамъ своимъ смѣло наступать на Крымъ, а когда Богъ благословитъ, Крымъ возьмутъ, то всѣ христіанскія земли, не только Украина, Волинь, Подолія, но и Волохи, и Молдаване, и Сербы поддадутся подъ высокую руку его царскаго величества. Теперь Турки въ большомъ числѣ стоятъ на готовѣ, куда пойдутъ — въ Польшу или къ Кіеву — узнать не по чему; только по нѣкоторому тайному согласію у Турокъ съ Поляками надобно ожидать Турокъ къ Кіеву и потому господа молдавскій и валахскій наказываютъ, чтобъ государство московское было въ великой осторожности. Изъ Польши въ Турцію, Крымъ, Молдавію и Валахію безпрестанно ѡбгаютъ тайные посланцы, все ищутъ способовъ, какъ бы помириться съ Турками, но отъ этихъ способовъ сосѣдямъ надобно быть въ большой осторожности. Полякамъ сильно нехочется, чтобъ

Крымъ и помянутыя всѣ земли были подѣ властію великаго государя, по причинѣ православной вѣры, которая бы тогда была кругомъ области римской церкви. Поляки *приснобитные* ненавистники церкви Божіей: божницы жидовскія они почитаютъ, Жидовъ братьями они считаютъ и обходятся съ ними въ селѣ лучше, чѣмъ съ православнымъ Русинимъ; духовные ихъ сильно гонять и ненавидятъ церковь Божию. Лютеранскихъ и кальвинскихъ костеловъ не смѣютъ такъ разорять какъ разоряютъ и пустошатъ восточныя церкви, потому что за костелы стоитъ шведскій король и курфюрстъ бранденбургскій, которые объ этомъ въ договорахъ написали. Поэтому здѣшніе православные христіане просятъ великаго государя внести въ договоры съ польскимъ государствомъ, чтобъ не было гоненія имъ отъ католиковъ.»

Поляки провѣдали (черезъ распечатываніе писемъ, какъ утверждалъ резидентъ), что Тяпкинъ не очень къ нимъ благоволитъ и пишетъ въ Москву: «перестерегательства цѣлому здравію государства московскаго отъ разныхъ противныхъ союзовъ и факцій.» Король, увидавши его, обратился съ гнѣвными словами и угрозами, трясъ палкою: «По твоимъ затѣвнымъ письмамъ, кричалъ Собѣскій, до сихъ поръ не можемъ съ царскимъ величествомъ заключить союза и получить помощи.» Тяпкину объявилъ, что не будутъ признавать его резидентомъ, пока не придетъ отъ новаго царя грамота, подтверждающая его въ этомъ званіи; удалили его изъ Кракова въ Варшаву. Слышались даже угрозы, что отошлютъ Тяпкина въ Мариенбургъ въ заточеніе. Тяпкинъ отъчалъ сенаторамъ: «Государь вашъ гнѣвается на меня и подозреваетъ напрасно, будто я своими письмами ссорю его съ царскимъ величествомъ. Что королевское величество и вы, господа сенаторы, поступали и поступаете вопреки нерушимымъ договорамъ, о томъ не я одинъ, весь свѣтъ знаетъ. Всѣ знаютъ, что вы ссылаетесь не только тайно, но и явно, съ Турками и Татарами, не объявивъ ничего великому государю ни черезъ своихъ пословъ, ни черезъ меня. Я не хочу быть здѣсь ни слѣпымъ, ни глухимъ, ни нѣмымъ, что вижу и слышу, обо всемъ писалъ, пишу и буду писать къ своему государю, всякую правду, и говорить обо всемъ буду.» Дѣйствительно Тяпкинъ не переставалъ извѣщать государя о «дѣловыхъ замыслахъ французской факціи»: французскій король хлопотеть о мирѣ Пеляковъ съ Турками, чтобъ можно было фран-

цускія і польскія войска обратитъ противъ цесаря и Пруссіи побѣдивши Цесарцевъ и Прусаковъ, обратится вмѣстѣ съ Шведами на московское государство. Побѣдивши Москву, всѣ католическіе государи пойдутъ на Турцію не соединяясь съ православнымъ государствомъ, чтобъ народы греческаго православія обратитъ къ римской церкви. А еслибы московскія силы допустить на турецкія земли, то всѣ Греки, Волохи, Сербы, Молдаване и козаки украинскіе съ ними соединятся и возымутъ верхъ надъ католическими державами. Тяпкинъ умолялъ Матѣева: «Умилосердись, донеси великому государю и всѣмъ ближнимъ людямъ, чтобъ непремѣнно послали войска на Крымъ; всѣ факціи непріятельскія этимъ помрачены будутъ и погаснутъ; а если не пойдутъ царскіе ратные люди этимъ дѣломъ на Крымъ, ей, великое безславіе, поношеніе и оскорбленіе государству московскому учинится.» Тяпкинъ боялся союза Шведовъ съ Поляками, и потому совѣтовалъ теперь же объявить войну Швеціи, пока шведскія войска заняты неудачною для нихъ войною съ курфюрстомъ бранденбургскимъ: «Подобаешь конечно Шведу отъ Лифлянтовъ заиграть трубными и рыцарскими гласы, гдѣ нетрудно Господь Богъ можетъ первымъ счастьемъ помазанника своего благословить, и не только Лифлянтами или Ригею, но и самымъ Варяжскимъ моремъ обдарить. Теперь время разорить Шведа до основанія и отвести его отъ лукавыхъ намѣреній съ польскимъ дворомъ, потому что нѣмецкіе государи зѣло его изрядно подчиваютъ и онъ отъ нихъ какъ заяцъ по островамъ бѣгаетъ. А здѣсь посолъ его разглашаетъ: «Лихи на насъ были ближніе бояре, особенно Матѣевъ, они отвращали отъ мира покойнаго государя; но теперь дай Богъ здоровья патриархату московскому: онъ нынѣшняго молодого государя духовными бесѣдами склонилъ къ вѣчному миру съ нами.»

Весною Татары начали пустошить Волюнь, Подолію, Галицію; король жилъ въ своемъ имѣніи Яворовѣ, недалеко отъ Львова, и не могъ двинуться по немѣнью войска. Посланныкъ его Чихровскій, пріѣхавшій въ Москву въ іюнь 1676 года поздравить царя Θεодора съ восшествіемъ на престолъ, объявилъ требованіе, чтобъ въ августѣ мѣсяцѣ сорокъ или, по крайней мѣрѣ, тридцать тысячъ русскаго войска съ артиллерією и запасами соединилось съ войскомъ королевскимъ; чтобъ другая часть рускаго войска шла

на Крымъ; при этомъ Чихровскій объявилъ, что только при условіи дѣйствительнаго исполненія этихъ требованій онъ имѣетъ полномочіе продолжить срокъ перемирія. Царь отвѣчалъ королю, что князю Ромодановскому и гетману Самойловичу данъ приказъ быть на готовѣ, пересылаться съ гетманами польскими и договариваться съ ними о соединеніи войскъ. На Крымъ уже послали войско съ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ Черкасскимъ и Калмыками, также на Донъ отправленъ стольникъ Волинскій со многими ратными людьми. Когда Ромодановскій и Самойловичъ съ одной стороны, а польскіе гетманы съ другой придутъ къ Днѣпру, то прежде всего будутъ договариваться о продолженіи срока перемирія, а потомъ уже договорятся о соединеніи войскъ. Такъ какъ въ существующихъ договорахъ постановлено другъ безъ друга не мириться съ султаномъ и ханомъ, то если съ польской стороны начнутся переговоры съ Турками, царскій резидентъ долженъ на нихъ присутствовать. Тяпкинъ писалъ въ Москву: «Плѣнныхъ, говорятъ, тысячъ съ сорокъ Татары набрали и погнали въ свою землю, а у Поляковъ однѣ рѣчи: пусть поганая Русь, схизматики, погибаютъ!» Но когда осенью новое турецкое нашествіе начало грозить не одной Русь, но и Польшѣ, то миръ съ Турками, необходимость котораго уже давно была провозглашена, заключенъ былъ въ октябрѣ подъ городкомъ Журавномъ. Подолія съ Каменцомъ была уступлена султану. Украина осталась за козаками по старымъ рубежамъ, кромѣ Бѣлой церкви и Паволочи, которыя отошли къ Польшѣ. Тяпкинъ, которому, по договору, надобно было присутствовать при заключеніи мира, не былъ даже увѣдомленъ о началѣ переговоровъ. Для своего оправданія Поляки начали указывать на подданство Дорошенка, на занятіе русскими войсками городовъ западной Украины. Когда Тяпкинъ пріѣхалъ къ подскарбію коронному Морштину нарочно, чтобы что-нибудь узнать повѣрнѣе о заключеніи мира, то подскарбій встрѣтилъ его словами: «Царское величество отбираетъ украинскіе города — Чигиринъ, Каневъ, Черкасы; Дорошенко, поддавши Чигиринъ, поѣхалъ въ Москву. Мы очень удивляемся, что государь вашъ ничего не объявилъ нашему государю о взятіи этихъ городовъ.» — «Еще больше удивится царское величество, отвѣчалъ Тяпкинъ, что вашъ великій государь, презрѣвъ договоры, заключилъ миръ съ султаномъ и ханомъ, не обославшись съ царскимъ

величествомъ, даже и мнѣ, резиденту, который долженъ былъ присутствовать при переговорахъ, объявить не велѣлъ.» — «Мы это сдѣлали по неволѣ,» возразилъ подскарбій. Тяпкинъ продолжалъ: «Что государь нашъ принялъ Дорошенку съ городами, тому вамъ удивляться нечего, потому что царское величество отбираетъ города и народы христіанскіе не у короля и республики, а изъ-подъ ига бусурманскаго, подъ которое вы ихъ сами поддали не только по договорамъ короля Михаила, но и по послѣднему вашему миру съ Турками.» — «Условія послѣдняго мира, сказалъ подскарбій, отложены до сейма; Богъ еще знаетъ, приметъ ли ихъ Рѣчь Посполитая, у насъ народъ вольный.»

Сильное раздраженіе Поляковъ на Дорошенку за то, что поддался Москвѣ, заставило Тяпкина быть осторожнымъ относительно слуховъ, распускаемыхъ насчетъ сношеній бывшаго чигиринскаго гетмана съ Турками и Татарами: «Слухамъ этимъ, писалъ резидентъ въ Москву, нельзя совершенно еще вѣрить, только надобно соблюдать большую осторожность и провѣдывать о немъ сущую правду, или, для большей его вѣрности, жену его, дѣтей, братьевъ, тестя и тещу держать въ Москвѣ, а ему обѣщать большую государскую милость и награжденіе, чтобъ вѣрно служилъ: потому что много Поляки изъ зависти и съ сердца на него клеветаютъ, желая, чтобъ онъ пропалъ; бояться его, потому что онъ воинъ премудрый и промышленникъ великій въ войсковыхъ поступкахъ, всѣ ихъ польскія *франтовскія* штуки не только знаетъ, но и видѣлъ. Король, сенаторы, гетманы и все войско про него говорятъ, что нѣтъ такого премудраго воина не только во всей Украинѣ, но и въ цѣлой Польшѣ.»

Сеймъ утвердилъ журавинскій договоръ. 21 марта 1677 года Тяпкина позвали къ королю, который, взявъ его за руку, повелъ въ садъ и здѣсь во время прогулки началъ говорить: «Панъ резидентъ! не могу я надвинуться, отчего это у насъ идутъ такіа долгія пересылки съ царскимъ величествомъ, а союза заключить никакъ не можемъ? Не знаю, отчего это самъ царское величество и вся его дума держать на меня подозрѣніе, тогда какъ я всегда оказывалъ доброжелательство къ государству московскому. Многимъ боярамъ и воеводамъ извѣстно, кагда подъ Чудиновымъ наши Поляки сдѣлали не хорошо, боярина Василья Борисовича Шереметева въ Крымъ отдали; я противъ этого крѣпко стоялъ, не только



бранился съ своими гетманами, но даже хотѣлъ идти на помощь къ князю Юрію Никитичу Борятинскому. Теперь, будучи государемъ своего народа, стараюсь сердечно быть въ братской дружбѣ со всѣми христіанскими государями, и особенно съ царскимъ величествомъ, которому желаю всякаго добра какъ самъ себѣ. Знаю, что ваши государи желаютъ, чтобъ папа писалъ имъ полный царскій титулъ, я, утаясь отъ всей Рѣчи Нисполитой, писалъ къ отцу папѣ, съ просьбою, чтобъ описывалъ царскій титулъ по достоинству, надѣясь, что государи ваши это мое ходатайство примутъ съ благодарностію и къ братской дружбѣ склонятся. Папа соглашается съ тѣмъ однако, чтобъ и царское величество, съ своей стороны, писалъ его титулъ какъ слѣдуетъ. Нашии объ этомъ къ царскому величеству слово въ слово, какъ отъ меня слышалъ. Давно стараюсь войти съ вашимъ государемъ въ братскую любовь, но ищутъ тому ссоры отъ разныхъ недоброжелательныхъ народовъ. Тутъ Собѣскій ударилъ себя въ грудь и сказалъ: «Намъ резиденты пиши все мои слова, чтобъ царское величество не подовѣривалъ меня ни въ какомъ лукавствѣ, но считалъ бы меня вѣрнымъ братомъ и ближнимъ другомъ. Нечего его царскому величеству на то смотрѣть, что теперь у меня заключенъ съ Турками миръ. Миръ этотъ не долговъ и не сладокъ онъ мнѣ; принужденъ я къ нему страшными силами поганскими, которыхъ мнѣ нельзя было одолѣть безъ помощи. Теперь поганцы на Чигиринѣ, на Кіевѣ и на самомъ государствѣ московскомъ ополчаются, и ищутъ царское величество такъ же устрашить Турчина, какъ если пошлютъ козаковъ въ Крымъ и на Черное море. Отпиши и отомъ къ царскому величеству, чтобъ позволилъ послать нашимъ резиденту бывать у себя запросто безъ посольскихъ чиновъ, какъ ты теперь у меня, наединѣ, говоришь что хочешь и все отъ меня узнаешь, а эти пышные посольскіе приемы къ сближенію и союзу не ведутъ. Нечему дивиться, что прежде у васъ такого обычая не было: прежде не было такихъ большихъ между государствами ссоръ, такихъ продолжительныхъ и частыхъ комиссій, и безпрестанныхъ посольствъ. А теперь пришло время, чтобъ всѣмъ намъ государямъ христіанскимъ чрезъ пословъ своихъ взаимно другу другу показывать ближайшую и вѣрнѣйшую дружбу и съ посланцами и резидентами не все чрезъ ближнихъ сенаторовъ сноситься, но для осторожности и крѣпчайшаго въ дѣлахъ государственныхъ

утвержденія самимъ нашъ пословъ и резидентовъ спрашивать и взаимно свое намѣреніе къ братолюбію объявлять. Нашиши все это царскому величеству, а грамоты я къ нему не посылаю для того, чтобъ сенаторы и республика ничего незнали.»

Это искреннее объясненіе было послѣднимъ. Въ апрѣлѣ кончился сеймъ, постановившій оставаться въ мирѣ со всѣми сосѣдними государствами, и въ маѣ Тяпкинь выѣхалъ изъ Варшавы въ Москву. Въ іюлѣ 1678 г. великіе и полномочные послы королевскіе, князь Михайла Чарторыйскій и Казимиръ Садвга, заключили въ Москвѣ договоръ — быть перемирію еще на тринадцать лѣтъ, считая съ іюня мѣсяца 1680 года, и въ это время имѣть радшіе о постановленіи вѣчнаго мира; при этомъ договорѣ съ русской стороны уступлены города Невль, Себежъ и Велижъ съ уѣздами, и кромѣ того заплачено 200.000 рублей московскихъ — все за Кіевъ !!!

Ничего не жалѣли, чтобъ не отдавать Кіева Полякамъ; но теперь, послѣ разрушенія Чигирива, надобно было готовиться къ защитѣ Кіева отъ Турокъ. Чтобъ предупредить новое нашествіе султана и хана на Украину, въ декабрѣ 1678 года отправили въ Константинополь дворянина Даудова съ грамотою, въ которой царь предлагалъ султану возстановленіе прежнихъ дружественныхъ отношеній между Россією и Пертою, указывая на несправдливость права русскихъ государей на всю малороссію. Даудовъ повезъ грамоту и отъ патріарха Іоанна къ муфтѣ: «надѣмся, писалъ патріархъ, что вы, первый и начальнѣйшій блюститель мусульманскаго закона, на показаніе своей духовности, о покоѣ и тишинѣ всенародной большой подвигъ свой и ученіе предложите и всякимъ образомъ хитростно военное расширеніе удержите, и плодъ въ томъ правды предъ Госнода Бога въ даръ принести похощете и народамъ своимъ милость и покой ходатайствомъ у селтанова величества упросите, и рати, начинающіяся несправдею, за причинною богомерзкаго законопреступника Юраски Хмельницкаго, прещѣтете.»

Но если въ Москвѣ послѣ втораго чигиринскаго похода сильно желали мира, боясь, чтобы на лѣто не авилась турецкая рать тащеры уже подъ Кіевомъ, то и въ Константинополѣ также сильно желали мира, потому что война оказалась вовсе не прибыльной, подъ Чигириномъ Турки потеряли очень много людей и идти подъ

Кіевъ у нихъ не было большой охоты. Не зная еще о посольствѣ Даудова, султанъ далъ порученіе валахскому господарю Іоанну Дукѣ быть посредникомъ при заключеніи мира между Россією и Портою. Въ маѣ 1679 года валахскій посланникъ капитанъ Билевичъ имѣлъ разговоръ съ думными дьяками, объявилъ, что султанъ желаетъ мира и требуетъ только части Украины, гдѣ бы жилъ Юраскѣ Хмельницкому, иначе будетъ стыдно—ведя такую долгую войну, помириться безо всякой выгоды. Дьяки спросили, какой упадокъ былъ турецкихъ войскъ подъ Чигириномъ? Билевичъ отвѣчалъ, что въ первомъ походѣ Янычары потеряли 8.000, во второй было войска Турецкаго со 100.000 и пропало съ третью. Спросили: какъ теперь Турки смотрятъ на Юраску Хмельницкаго, и чего впередъ отъ него ожидаютъ?—«Турки рады были бы, чтобъ его не было, отвѣчалъ посланникъ: вся бѣда отъ него; по его словамъ Турки ждали, что козаки только что слышать объ немъ, такъ всѣ къ нему и пойдутъ; но теперь ничего этого нѣтъ. Когда я ѣхалъ сюда и заѣзжалъ къ нему, то видѣлъ, что онъ безпрестанно пьянъ и безуменъ.» Царь въ грамотѣ къ Дукѣ писалъ, что согласенъ быть съ султаномъ въ дружбѣ съ условіемъ, чтобъ Турки не вступались въ земли днѣпровскихъ козаковъ.

Въ это время пріѣзжаютъ въ Москву польскіе послы, Бростовскій и Гнипскій, съ объявленіемъ, что король ихъ разорветъ миръ съ султаномъ, если царь обѣжится соединить свои войска съ польскими и давать королю ежегодно на военныя издержки, по крайней мѣрѣ, 200.000 рублей. Въ Москвѣ никакъ не согласились на послѣднее, и дѣло отложено было до комиссіи, назначенной въ іюнѣ 1680 года.

Осенью возвратился Даудовъ и привезъ грамоту отъ визиря, который требовалъ присылки вѣрнаго и словеснаго посла съ подлиннымъ и правдивымъ словомъ, безо всякаго спора объ украинскихъ козакахъ. Визирь предлагалъ отправить посланника въ Крымъ для веденія мирныхъ переговоровъ. Пріѣхалъ вторично Билевичъ и объявилъ условія мира: границею между обоими государствами долженъ быть Днѣпръ; султанъ, разѣ взявши Дорошенка въ свое подданство, не можетъ отказаться отъ земель, находившихся подъ управленіемъ Дорошенка.

Турки не мирялись безъ уступки имъ западной Украины. Но въ

Москвѣ не хотѣли рѣшиться на это безъ совѣта съ человѣкомъ, который назывался гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра.

Въ концѣ октября 1679 года въ Батуринѣ шли тайные разговоры у гетмана Самойловича съ царскимъ посланнымъ, дьякомъ Емельяномъ Украинцевымъ. «Тебѣ, говорилъ дьякъ, извѣстно все, что у великаго государя дѣлается съ королемъ польскимъ, султаномъ турецкимъ и ханомъ крымскимъ на покой и тишину войску Запорожскому и посполитому народу малороссійскому, ничего отъ тебя, по государственной милости, не утаено. И теперь царское величество велѣлъ тебѣ объявить, что Турки склонны къ миру, а польскіе послы въ Москвѣ говорятъ, чтобъ великій государь соединилъ свои войска съ королевскими и идти обонимъ на турецкаго султана, въ государство его. Такъ ты бы, гетманъ, подумалъ объ этихъ дѣлахъ особо и съ старшиною посовѣтовался, да и написалъ бы со мною обо всемъ къ царскому величеству.»

«О турецкомъ мирѣ мысль свою напишу и съ старшиною посовѣтуюсь, отвѣчалъ гетманъ; а что польскій король желаетъ союза съ царскимъ величествомъ, то я польскому королю не довѣряю, думаю, что онъ хочетъ союза съ нѣкотораго своего великаго вымысла, чтобъ отъ этого союза у великаго государя съ турецкимъ султаномъ еще больше стало недружбы, чтобъ войска государевы частыми подъемами и дальними походами истомились. На что лучше союза съ польскимъ королемъ! только опасно его непостоянство, потому что онъ съ Турками и Татарами въ большой дружбѣ. Во всемъ воля великаго государя; но я со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ прошу милости царскаго величества, чтобъ изволилъ великій государь съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ миръ заключить, и миръ съ бусурманомъ прибыльнѣе будетъ союза. Съ польскимъ королемъ союзъ заключить невозможно, потому что царскимъ войскамъ идти на помощь польскому королю за дальнимъ разстояніемъ и за пустотою на той сторонѣ Днѣпра далеко; по тому же самому и польскія войска на помощь государевымъ войскамъ не будутъ. Развѣ такой союзъ съ польскимъ королемъ заключить, чтобъ царскимъ войскамъ идти въ Крымъ войною, а польскимъ въ волошскую землю и за Дунай; да и такой бы союзъ заключить не даромъ, а потребовать, чтобъ король польскій заключилъ за то съ великимъ государемъ

вѣчный миръ, безъ вѣчнаго мира вѣрить ему нельзя, потому что онъ великому государю недоброхотъ. Слышалъ я отъ волошскаго посланца Яна Билевича: когда онъ былъ у короля еще до чигиринскаго разоренья, то король приказывалъ ему, чтобъ государь его наговаривалъ султана и визиря начать войну съ царскимъ величествомъ.»

На отпускъ гетманъ говорилъ Украинцеву: «донеси царскому величеству покорное мое и генеральной старшины и всего войска Запорожскаго челобитье, чтобъ великій государь изволилъ съ турскимъ султаномъ и ханомъ крымскимъ становить мирный договоръ, потому что козакамъ и посольству малороссійскому нынѣшняя съ бусурманами война наскучила, и надобно опасаться, чтобъ они отъ этой войны чего-нибудь другаго не вздумали. Теперь съ султаномъ и ханомъ миръ заключить можно, потому что непріятель до сихъ поръ надъ царскими войсками поиска никакого еще не сдѣлалъ, а если впередъ сдѣлаетъ какой поискъ, тогда къ миру будетъ гордь, да и отъ своихъ козаковъ тогда будетъ опасно. Съ королевемъ соединиться нельзя, потому что Поляки, какъ слышу, просятъ у великаго государя городовъ и денежной казны, и чтобъ идти обоимъ войскамъ къ Дунаю и за Дунай: но все это несносное и недостаточное дѣло. Хотя бы мы вмѣстѣ съ Поляками надъ непріятелемъ и побѣду одержали, то Поляки станутъ эту побѣду и славу приписывать себѣ, и войска Запорожскаго своевольные люди, по польскимъ наговорамъ, станутъ Полякамъ же ту славу приписывать, и опасно, чтобъ эти своевольники, пришедши съ войны въ малороссійскіе города, на завели тамъ смуты. Если вмѣстѣ съ Поляками выйдти противъ непріятелей въ степь, то сейчасъ же Татары конскіе кормы отнимутъ, и тогда отъ своевольныхъ козаковъ безъ бѣды не будетъ, а Поляки станутъ ихъ нарочно возмущать и ко всему злу наговаривать. Я опасуюсь и того, чтобъ Поляки въ нужное время царскихъ ратей и войска Запорожскаго не выдали, потому что они люди своевольные и слабые, нужды терпѣть не будутъ. Да хотя бы и побѣду царское войско одержало, и тогда все же надобно мириться съ султаномъ и ханомъ, непріятеля въ его землѣ воевать никакъ нельзя за дальнимъ разстояніемъ и за великою пустою, и тогда Поляки при заключеніи мира только мѣшать будутъ. А теперь король польскій послалъ въ Запороги къ Сѣрку

Бѣлоцерковскаго попа для того, чтобъ въ Запорогахъ смуту завести: попъ этотъ поручилъ моему канцеляристу Чуйкевичу, который былъ въ Запорогахъ, сказать мнѣ, чтобъ я обратился съ войскомъ Запорожскимъ къ дѣдичному своему государю, къ королю польскому. И Сѣрко тому же Чуйкевичу говорилъ, что пора имъ, соединясь съ Поляками и Татарами, Москву воевать: ясно, что такія слова началъ Сѣрко говорить по наговору Бѣлоцерковскаго попа.»

Мнѣніе гетмана окончательно развязало руки къ началію переговоровъ съ Крымомъ и Портою. Въ концѣ 1679 года отправились въ Крымъ къ хану Мурадъ-Гирею посланники Сухотинъ и дьякъ Михайловъ; но они не рѣшили дѣла насчетъ опредѣленія границъ, притомъ же дьякъ Михайловъ своевольно покинулъ Сухотина и уѣхалъ въ Москву. Для окончанія переговоровъ въ августѣ 1680 года поѣхалъ въ Крымъ нашъ старый знакомый, стольникъ Василій Тяпкинъ и дьякъ Никита Зотовъ вмѣстѣ съ малороссійскимъ писаремъ Семеномъ Раковичемъ. 25-го октября пріѣхали они на рѣку Альму на посольскій станъ, и первое, что ихъ поразило—бѣдность строенія на посольскомъ дворѣ: четыре *пунчишки* складены изъ дикаго нетесаннаго камня, смазаны скареднымъ навозомъ безъ потолоковъ, безъ половъ, безъ лавокъ, безъ дверей, для свѣта сдѣлано по одному окну. «Вовстинну объявляемъ, пишетъ Тяпкинъ, что псамъ и свиньямъ въ московскомъ государствѣ далеко покойнѣе и теплѣе, нежели тамъ намъ посланникамъ царскаго величества, а лошадямъ не только никакихъ конюшенъ нѣтъ, и привязать не за что, кормовъ намъ и лошадямъ ничего не давали, а купить съ великою нуждою хлѣба и ячменя и соломы добывали, и то самую высокою цѣною.» Пріѣхалъ приставъ и объявилъ, чтобъ ѣхали къ хану, который жилъ въ селѣ отъ посольскаго двора верстъ съ пять; но когда посланники пріѣхали, то имъ объявили, что прежде хана они должны быть у ближняго его человѣка Ахметъ-аги. Посланники отвѣчали что не бывши съ государевою грамотою у ханова величества, по инымъ дворамъ волочиться имъ не пригоже.—«Грамоту у васъ отнять силою,» кричали Татары.—«Гдѣ головы наши будутъ, тамъ и грамота, отвѣчали посланники, а когда увидите насъ мертвыми, тогда и грамоту возьмете, грозъ вашихъ и безчестья и всякой тѣсноты не боимся.» Татары пріутихли, стали говорить,

18\*

чтобъ одинъ изъ посланниковъ остался съ царскою грамотою на подворьѣ, а другой пошелъ бы повидался прежде съ ближнимъ человѣкомъ. Тяпкинъ отправился къ Ахметъ-агѣ и, вошедши, поздоровался съ нимъ, «а Бусурманъ, радувшись поганою своею гордостію, сидѣлъ на коврахъ облокотившись на бархатныя золотныя подушки,» поздоровался сидя и велѣлъ посланнику сѣсть подлѣ себя. Ахметъ-ага началъ выговоромъ, зачѣмъ посланники ханской воли ослушались и не хотѣли прежде идти къ нему, ближнему человѣку: «у насъ обычай такой изстари повелся, что посланники, прежде чѣмъ идти къ хану, бывають у ближнихъ людей; или уже честнѣе васъ посланниковъ здѣсь не бывало?»— «Мы съ прежними посланниками честию не считаемся, отвѣчалъ Тяпкинъ; если у васъ прежде такъ и водилось, какъ ты говоришь, то мы вашего указа не принимаемъ, мы прежде всего должны исполнить государевы дѣла. Нигдѣ не повелось, чтобъ ближнимъ людямъ, мимо государя, у пословъ грамоты принимать, это у васъ въ Крыму обычай грубый; мнѣ случалось быть въ послахъ у многихъ великихъ государей и посольскіе чины я знаю. Если прежніе царскіе посланники бывали у ближнихъ людей прежде хана, то я этому не дивлюсь, потому что у васъ всегда посланникамъ царскаго величества бываетъ великая неволя, тѣснота и безчестье, чтобъ вынудить у нихъ богатые дары, какъ теперь и надъ собою видимъ. А мы присланы къ ханову величеству не дары раздавать а добрыя дѣла дѣлать.»

Послѣ торжественнаго приѣма у хана, начались переговоры, при которыхъ присутствовалъ и плѣнный бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ. Тяпкинъ и Зотовъ предложили границу по рѣки: Росъ, Тясминъ и Ингуль. Ближніе хановы люди засмѣялись и отвѣчали: «Если за вами только дѣла и есть, то не зачѣмъ было вамъ сюда и ѣздить: по тѣмъ рѣки уступки не бывало и впредь не будетъ.» Тщетно посланники склоняли ближнихъ людей «всякими пріятными разговорами,» государевымъ жалованьемъ обнадёживали, инымъ и давали: Татары стояли на своемъ, что кромѣ Днѣпра другой границы не будетъ: «до тѣхъ мѣстъ, гдѣ нога войскъ султановыхъ заступила, по мусульманскому закону уступки тутъ быть не можетъ.» Чтобъ склонить хана, Тяпкинъ витіевато объяснялъ передъ нимъ важное значеніе *посредника*, которое Мурадъ-Гирей принялъ на себя, объяснилъ, какую честь

и довѣріе оказалъ ему царь, отправивъ посланниковъ своихъ къ нему въ Крымъ, а не прямо въ Константинополь къ султану. Ханъ былъ тронутъ, но отвѣчалъ, что онъ человѣкъ невольный, долженъ исполнять указъ султана; еслибъ та земля была его ханская, то онъ бы охотно постановилъ между, какая угодна царскому величеству. Посланники обѣщали хану 10.000 червонныхъ золотыхъ, ближнимъ людямъ 3.000, султану турецкому и визирю соболей по 5.000 рублей; ханъ отвѣчалъ, что не можетъ согласиться и за 100.000 червонныхъ. Видя упорство посланниковъ, ханъ велѣлъ ихъ постращать земляною ямою, гдѣ ни печи, ни лавокъ, ни потолка, ни оконъ. И дѣйствительно посланниковъ посадили на заперъ, не велѣли пускать къ нимъ купцовъ съ съѣстнымъ и дровами.

Посланники уступили, и подали хану слѣдующія статьи: 1) Перемирію быть на 20 лѣтъ (начиная съ 3 января 1681 года), рубликомъ быть рѣкѣ Днѣпру; ханову величеству будетъ дана казна за прошлые три года, и потомъ будетъ присылаться каждый годъ по старымъ росписямъ. 2) Въ перемирныя 20 лѣтъ отъ рѣки Буга до рѣки Днѣпра султанову и ханову величествамъ вновь городовъ своихъ не ставить и старыхъ козацкихъ разоренныхъ городовъ и мѣстечекъ не починивать; со стороны царскаго величества перебѣжчиковъ не принимать, никакого поселенія на упомянутыхъ козацкихъ земляхъ не заводить, оставить ихъ впускать. 3) Крымскимъ, Очаковскимъ и Бѣлгородскимъ Татарамъ вольно по обѣ стороны Днѣпра, на степяхъ, около рѣчекъ, кочевать, для конскихъ кормовъ и звѣриныхъ промысловъ ѣздить; а со стороны царскаго величества низовымъ и городовымъ козакамъ войска Запорожскаго, промышленнымъ людямъ, плавать Днѣпромъ для рыбной ловли, и по всѣмъ степнымъ рѣчкамъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, для рыбы и бранья соли и для звѣринаго промысла ѣздить вольно до Чернаго моря. 4) Кіевъ съ монастырями и городами, мѣстечками и селами всего своего стараго уѣзда, т.-е. ниже Кіева, Васильковъ, Триполье, Стайки съ селами, да выше Кіева два мѣстечка—Дѣдовщина и Радомышль остаются въ сторонѣ царскаго величества. 5) Запорожскіе козаки также остаются въ сторонѣ царскаго величества, султану и хану до нихъ дѣла нѣтъ, подъ свою державу ихъ не перезываютъ. 6) Титулъ царскаго величества писать сполна, какъ онъ



самъ его описываетъ. Плѣнники, бояринъ Шереметевъ, стольникъ князь Ромодановскій и всѣ другіе отпускаются на оккупъ и на размыну. 7) Султанъ и ханъ не должны помогать непріятелямъ царскимъ.—Ханъ, выслушавъ статьи, сказалъ, что онѣ написаны разумно и ему годны. Поѣхалъ гонецъ въ Константинополь и привезъ согласіе султана на условія. Но когда дѣло дошло до шерти, то Тяпкинь и Зотовъ увидали, что шертная грамота написана иначе, очень сокращенно, съ пропускомъ цѣлыхъ статей—о Запорожѣ, о свободномъ плаваніи по Днѣпру. Посланники объявили, что они такой грамоты не примутъ. Татары, въ отвѣтъ, закричали: «или вы государей нашихъ учить пріѣхали и свои упрямые обычаи и лишнія слова писать? возьмете и не въ честь, что вамъ изволить написать и дать ханово величество, потому что всякій государь воленъ на своемъ государскомъ престолѣ и дѣлаетъ что хочетъ, а вы насъ не учите и намъ не указываете! А если заупрямитесь и грамоты не примете, то грамоты посланы будутъ къ вашему государю съ ханскими послами, а васъ, за ваше упрямство, велятъ держать въ кандалахъ и зашлютъ въ вѣчную неволю.» Посланники отвѣчали, что они такой шертной грамоты принять не смѣютъ, пошлютъ гонца въ Москву и будутъ дожидаться, что великій государь имъ укажетъ. Хану доложили объ этомъ и принесли отвѣтъ, что по приказу султана посланниковъ велѣно отпустить немедленно въ Москву съ шертными грамотами. Тутъ посланники объявили, что они готовы къ отпуску и шертные грамоты примутъ по неволѣ: будутъ ли эти грамоты царскому величеству годны и къ содержанію перемирныхъ договоровъ крѣпки, о томъ великому государю какъ Богъ извѣститъ.

4 марта близъ Бакчисарая, на полѣ, въ шатрахъ, Тяпкинь и Зотовъ были на отпуску у хана. Мурадъ-Гирей, цѣлуя коранъ, говорилъ, что онъ и султанъ клянутся содержать мирное постановленіе непорочно двадцать лѣтъ; на посланниковъ и переводчиковъ надѣли золотые кафтаны, а посланники за это поднесли дары хану, который сказалъ имъ, чтобъ великій государь поскорѣе отправлялъ пословъ своихъ къ султану для подкрѣпленія договоровъ, а которыхъ статей нѣтъ въ его ханской шертной грамотѣ, тѣ будутъ внесены въ грамоту султанову: онъ, ханъ, объ этомъ писалъ уже къ султану и впредь писать будетъ. На-

ковецъ ханъ говорилъ съ свѣтлымъ и радостнымъ лицомъ: «когда царствующаго града Москвы достигнете и сподобитесь видѣть великаго государя своего пресвѣтлое лицо, то отъ нашего ханова величества ему поклонитесь, посредничество наше между нимъ и султаномъ Турецкимъ, радѣніе въ мирныхъ договорахъ, откровенную передъ вами дружбу и любовь нашу его царскому величеству донесите. А вамъ счастливый путь!» Посланники поклонились хану до земли, благодаря за жалованье. Когда вышли изъ шатра, провожали ихъ до лошадей бей, карачей и мурзы, и прощались любовно; множество христіанъ и бусурманъ, слышавъ о заключеніи мира, толпились у шатра и провожали посланниковъ радостными восклицаніями. Если въ Крыму такъ радовались заключенію мира, то еще больше радовались въ Россіи, и особенно въ Малороссіи. Во всѣхъ городахъ Малороссійскихъ, чрезъ которые проѣзжали посланники, были имъ торжественныя встрѣчи, встрѣчали духовенство съ крестами и святою водою, полковники, сотники и есаулы съ коннымъ войскомъ, съ знаменами, трубами и литаврами, сердюцкая пѣхота съ барабанами, мѣщане съ хлѣбомъ, солью и напитками; вездѣ принимали съ радостію, любовію и слезами, благодаря Бога за мирное постановленіе, кормили, понли, давали подводы. Въ Батуринѣ гетманъ Иванъ Самойловичъ обнялъ посланниковъ отечески, съ великою любовію и радостными слезами, благодарилъ за любовь и совѣтъ къ писарю его Семену Раковичу, особенно благодарилъ и клаялся за то, что къ нему заѣхали и тѣмъ честь его гетманскую въ малороссійскомъ народѣ прославили. На радостяхъ гетманъ задалъ большой пиръ; передъ замкомъ во время тостовъ гремѣли пушки, музыка играла во весь обѣдъ. На отпускъ гетманъ просилъ напомнить великому государю о Малороссіянахъ, перешедшихъ съ западной стороны Днѣпра на восточную, не имѣютъ они никакихъ *хлѣбопитательныхъ* промысловъ, кормить ихъ онъ, гетманъ, изъ своей шкатулы: чтобъ великій государь велѣлъ поселить ихъ въ сумскихъ, краснопольскихъ и другихъ слободскихъ угодьяхъ, на степныхъ рѣкахъ и дубравахъ; да чтобъ всѣмъ Малороссіянамъ, которые находятся подъ Бѣлогородскимъ разрядомъ, велѣлъ быть подъ его гетманскою властію и булавою въ вознагражденіе за западную сторону Днѣпра, которая теперь отошла къ Туркамъ.

Когда въ Крыму было все кончено, надобно было взять утвержденную грамоту и отъ султана. Для этого въ 1681 году отправился въ Константинополь дьякъ Возницынъ. Но Турки не захотѣли внести въ свою утвержденную грамоту статьи о Запорожѣ, что оно принадлежитъ государю русскому. Тщетно Возницынъ настаивалъ на внесеніе статьи и не хотѣлъ брать грамоты: визирь объявилъ рѣшительно, что посолъ или долженъ взять грамоту, или уѣхать безъ грамоты. Возницынъ обратился за совѣтомъ къ патріархамъ константинопольскому, іерусалимскому и александрійскому, которые были всѣ тогда въ Царѣградѣ; патріархи присовѣтовали ему взять грамоту. Посолъ исполнилъ совѣтъ, но, принимая грамоту у визиря, протестовалъ: «я принимаю эту грамоту поневолѣ и повезу ее къ царскому величеству на произволеніе, не зная, будетъ ли она годна или нѣтъ»<sup>195</sup>.

Царское величество произволилъ принять грамоту. Въ Москвѣ были очень довольны, избавившись отъ тяжелой и опасной войны съ пожертвованіемъ годой степи, ибо такой видъ имѣло тогда уступленное Туркамъ Заднѣпровье. Виновникъ этого запустошенія западной Украины, виновникъ отдачи ея Туркамъ, Дорошенко жилъ покойно въ Москвѣ.

Въ октябрѣ 1679 года пріѣзжалъ къ нему дьякъ Бобининъ съ милостивымъ государевымъ указомъ: «извѣстно великому государю, что ему Петру въ кормахъ и питѣхъ и въ конскомъ корму скудость: и потому великій государь пожаловалъ его, указалъ ему быть на Устюгъ Великомъ воеводою.» Дорошенко поклонился въ землю и спросилъ: «далеко ль этотъ Устюгъ отъ Москвы и каковъ городъ?» — «Отъ Москвы съ 600 верстъ и городъ славный, многолюдный,» отвѣчалъ дьякъ. — «Великій государь, сказалъ Дорошенко, обнадѣжилъ меня своею милостію, велѣлъ мнѣ быть со всѣми родственниками въ Сосницѣ, а послѣ приказалъ быть въ Москву на время. А какъ я видѣлъ царскія очи, и тогда премногою государскою милостію былъ обнадѣженъ, указали мнѣ жить въ Москвѣ, дворъ мнѣ дали, кормъ и питье. Буду битъ челомъ великому государю, чтобъ меня на воеводство посылать не изволилъ: у меня въ малороссійскихъ городахъ три брата родные и родственники, какъ услышатъ, то не подумаютъ, что я отпущенъ на воеводство, а представится имъ, что я сосланъ въ

ссылку, и будеть оттого большое дурно на обѣихъ сторонахъ Дѣйпра. Объявляю я объ этомъ, зная тамошнихъ народовъ нравы. Яненко великому государю измѣнилъ, передался Хмельниченку, и я не таю, что Яненко и Хмельниченко мнѣ родственники. Въ Сосницѣ у меня было оставлено много имѣнія; изъ этого имѣнія много взялъ гетманъ, много распродало, а если царское величество отпустить меня на воеводство, то и остальное все пропадетъ. И теперь я въ большомъ сомнѣніи, что изъ Сосницы и другихъ городовъ отъ сродниковъ моихъ недѣль съ шесть никакой вѣдомости ко мнѣ не было; а какъ я буду на такомъ дальномъ воеводствѣ, то и подавно всѣ отъ меня отступятся и писать ко мнѣ не будутъ за такимъ дальнимъ разстояніемъ.» Но послѣ Дорошенко одумался и взялъ Вятское воеводство.

Другая козацкая знаменитость скоро также сошла со сцены.

Въ сентябрѣ 1780 года пріѣхали въ Москву запорожскіе посланцы, полевой полковникъ Щербиповскій и войсковой писарь Быхоцкій; они привезли извѣстіе, что Иванъ Сѣрко умеръ 1-го августа и на его мѣсто выбранъ Иванъ Стягаило. Быхоцкій въ тайномъ разпросѣ сказалъ: «Когда Сѣрко былъ кошевымъ, то отъ него никакого добра къ великому государю не было, а говорить явно никто ему о томъ не смѣлъ, для того, что чрезмѣру, или съ допущенія Божія, или какою его хитростію всѣ его боялися, и что замѣрить, то и сдѣлаетъ, а еслибъ кто не захотѣлъ его слушаться, того бы тотчасъ убили, потому что въ кругу у насъ всякому вольность, а еслибы на кого Сѣрко что-нибудь затѣялъ, то безъ всякаго розыску смерть тутъ же въ кругу. Сѣрко не хотѣлъ добра великому государю, впервыхъ за то, что былъ въ ссылкѣ въ Сибири; вовторыхъ, злобился на гетмана за то, что женѣ его и дѣтямъ была великая тѣснота и обида, за то, что отнялъ у Запорожья старинныя маестности и промыслы и не присылалъ запасовъ. Были къ Сѣрку послышки отъ польскаго короля, чтобъ онъ ему служилъ, и кошевой началъ думать, какъ бы въ Украинѣ сдѣлать кровопролитіе. Послышавъ объ этомъ намѣреніи, король прислалъ къ нему изъ Бѣлой церкви попа; Сѣрко чрезъ этого попа обнадежился, послалъ къ королю сына своего и съ нимъ сотню козаковъ, отзываясь съ вѣрною службою и съ такимъ замысломъ, чтобъ король навелъ хана съ ордою на слободскіе украинскіе города, а свои войска по-

свалъ по задесенью, Сѣрко же въ это время подъ королевскимъ знаменемъ пойдетъ также къ слободскимъ городамъ, и когда малороссійскіе жители увидятъ на себя такую тѣсноту, а про Сѣрку услышатъ, что онъ служитъ королю, то начнутъ бунтъ, гетмана убьютъ, а Сѣрка провозгласятъ гетманомъ, обнадежась на то, что онъ чрезъ польскаго короля отъ Турокъ и Татаръ дастъ имъ покой. Сила Божія не допустила этого намѣренія до совершенія, мы съ судьей Яковомъ Константиновымъ поработали тутъ Богу и послужили вѣрно великому государю, до злаго намѣренія Сѣрко не допустили, не дали ему и съ Крымомъ договориться, чтобъ быть подъ обороною турецкаго султана. Съ этихъ поръ Сѣрко пришелъ въ отчаяніе, что не могъ исполнить свое намѣреніе и началъ хворать, заболѣлъ у него лѣвый бокъ, отчего сталъ чрезвычайно худъ. Во время болѣзни войскомъ не занимался, а постоянно жилъ въ пасекѣ своей, которая отъ сѣчи въ десяти верстахъ въ Днѣпровыхъ заливахъ со всякими крѣпостями. Войско стало негодовать, но онъ говорилъ козакамъ: «Слушайте меня, я человѣкъ старый и воинскій, знаю, что въ какое время дѣлать, и такъ вы добрыхъ молодцовъ растеряли, что безъ моего совѣта посылали ихъ въ степь. Король присылалъ къ нему Волоха, именемъ Апостольца, который всякими тайными разговорами приводилъ его къ исполненію вышеобъявленныхъ злыхъ дѣлъ; мы съ судьей узнали объ этомъ отъ Апостольца, который началъ намъ говорить, чтобъ мы слушались стараго воина Сѣрка, что намъ прикажетъ, исполняли бы. Мы спрашивали у Сѣрка, зачѣмъ пріѣхалъ Апостолецъ, но онъ намъ не объявилъ, только вычиталъ свои и войсковыя обиды. Не задолго передъ смертію Сѣрко велѣлъ себѣ сдѣлать гробъ и въ немъ ложился, говорилъ, что прежняго себѣ здоровья не чаешь, и 1-го августа умеръ въ своей пасекѣ скоропостижно.»

Въ Сѣчь отправился царскій посланецъ Бердяевъ, повезъ подарки кошевому и старшинѣ, всему войску повезъ 500 золотыхъ червонныхъ, 150 половинокъ суконъ, по 50 пудъ пороху и свинцу. Бердяевъ пріѣхалъ на кошъ въ ноябрѣ и говорилъ на радѣ, чтобъ Запорожцы не держались впередъ противныхъ поступковъ, какіе дѣлали при Сѣркѣ, и чтобъ присягнули на вѣрность царскому величеству.—«Для чего намъ присягать? раздались въ отвѣтъ голоса: мы великому государю не измѣняли и измѣнять не

хотимъ; а суконъ прислано намъ мало, подѣлиться нечѣмъ, не будетъ на человѣка и по полъаршину; на Донъ великій государь посылаетъ денегъ, суконъ и хлѣбныхъ запасовъ много; мы противъ донскихъ козаковъ оскорблены.» Тутъ же на радѣ былъ гетманскій посланецъ Сотомаха; онъ началъ говорить: «Гетманъ обѣщается присылать вамъ хлѣбные запасы, пошлите только ему сказать, сколько вамъ въ годъ надобно; и денегъ будетъ присылать, изъ тѣхъ, что собираются съ арендъ.»

Сталъ говорить кошевой: «Хотите или не хотите великому государю присягу дать? а я отъ себя дамъ потому: прежде у бывшаго кошевого атамана Ивана Сѣрка съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ была недружба и непослушанье и войску было худо, государева жалованья и отъ гетмана хлѣбныхъ запасовъ не приходило много лѣтъ.»

—«Есть намъ за что присягать! закричала толпа; къ вамъ старшимъ прислано государево жалованье большое; вы и въ Москву посылали бить челомъ себѣ о жалованьи, а чтобъ войску было жалованье, о томъ челомъ не били.» Кошевой хотѣлъ идти въ церковь присягать, но его не пустили; сильнѣе всѣхъ мучилъ войсковой писарь Петръ Гукъ, потому что ему не прислано подарковъ: но въ Москвѣ думали, что въ сѣчи одинъ только писарь Быхоцкій, и дали ему подарки, не зная, что Быхоцкій былъ старый писарь, а на его мѣстѣ давно уже былъ Гукъ. На другой день послѣ заутрени собралась другая рада; Гукъ перемѣнился, началъ уговаривать козаковъ, чтобъ принесли присягу, и толпа пошла въ церковь цѣловать крестъ. Когда Бердяевъ возвратился, то въ Запорожье послали немедленно еще 50 половинокъ суконъ и жалованье Гуку <sup>196</sup>.

Опасная турецкая война, продолжавшаяся во все почти царствованіе Θεодора, разумѣется, должна была имѣть вліяніе на отношенія Россіи къ другимъ державамъ. Съ Швеціею шли прежніе споры вслѣдствіе пограничныхъ столкновеній; но тщетно Данія убѣждала русское правительство разорвать миръ съ Швеціею: гроза на югѣ не давала возможности думать о войнѣ на сѣверѣ. Отказавшись отъ предложеній датскихъ относительно Швеціи, московскій дворъ попытался было отвлечь отъ Россіи силы Турціи, оружіемъ противъ нея Австрію: бояринъ Бутурлинъ ѣздилъ въ Вѣну склонять императора къ разрыву съ Турціею,

но получилъ отказъ, подъ предлогомъ враждебныхъ отношеній Австріи къ Франціи и бездѣйствія Польши<sup>197</sup>. Но если съ западными державами можно было вести дѣло путемъ дипломатическихъ переговоровъ, то на востокъ съ степными хищными ордами это средство было недействительно, тѣмъ болѣе, что тамъ же въ степи жили козаки, которые не спрашивались съ государствомъ, когда имъ надобно было добыть зипунъ или отомстить за обиду. Мы видѣли<sup>198</sup>, что новые кочевые сосѣди Россіи, Калмыки, волею-неволею должны были признать надъ собою власть великаго государя и ходить на помощь русскимъ войскамъ. Правительству нужно было поэтому щадить ихъ и въ 1677 году въ Москвѣ съ неудовольствіемъ узнали, что между Калмыками и Донцами началась ссора. Съ разныхъ мѣстъ по Волгѣ начали приходить вѣсти, что козаки ходили громить калмыцкіе улусы. Стрѣleckіе сотни погнали для провѣдыванія; наѣдутъ козаковъ, спрашиваютъ: зачѣмъ ходили на Калмыковъ, по какому указу? Козаки, которые подбросовѣстнѣе отвѣчаютъ: «Государева указа у насъ нѣтъ, чтобъ за Калмыками войною ходить, но Калмыки чинятъ намъ обиды большія, и мы, не хотя отъ нихъ обиды терпѣть, собрались да и пошли на нихъ войною, а не для ради иного воровства.» Другіе, менѣе добросовѣстные, отвѣчаютъ: «Мы ходили на калмыцкіе улусы войною по указу великаго государя, а тотъ указъ у насъ на Дону въ войскѣ.» Разумѣется, на Дону никакого указа не было, а былъ указъ въ Астрахани, по которому тамошніе воеводы отправили голову конныхъ стрѣльцовъ Змѣева вверхъ по Волгѣ остановить козаковъ и поворотить ихъ назадъ на Донъ. Выше Чернаго Яру Змѣевъ встрѣтилъ 22 лодки, въ нихъ 245 козаковъ съ атаманомъ Игнатьевымъ. Змѣевъ объявилъ имъ указъ великаго государя — на калмыцкіе улусы войною не ходить, поворотиться въ свои козацкіе городки и жить съ Калмыками въ миру, потому что они служатъ великому государю. Козаки отвѣчали: «Вышли мы на Волгу рѣку на калмыцкіе улусы для того: въ нынѣшнемъ году приходили подъ многіе наши козацкіе городки калмыцкіе люди войною, женъ и дѣтей многихъ въ полонъ взяли, стада отогнали; и мы ходили на нихъ войною по многимъ задорамъ, хотѣли у нихъ отбить изъ полону женъ, дѣтей и стада, и отбили только со 150 лошадей, а женъ и дѣтей своихъ въ улусахъ нигдѣ не застали, и хотѣли было еще на кал-

мыцкіе улусы идти, чтобъ отбить женъ и дѣтей и остальныхъ стада, но теперь, слыша великаго государя указъ, на калмыцкіе улусы не пойдемъ, поворотимъ въ своимъ козацкіи городки.» И дѣйствительно поворотились. Въ январѣ слѣдующаго 1678 года вѣрный слуга царскій, князь Каспулатъ Муцаловичъ Черкасскій, писалъ къ государю, что ѣздилъ онъ въ калмыцкіе улусы, къ Аюкѣ и другимъ тайшамъ звать ихъ на государеву службу на Крымъ, но Аюка сказалъ, что на службу нейдетъ за разореньемъ отъ донскихъ и яицкихъ козаковъ, которые людей у нихъ побили, женъ и дѣтей побрали. Царь немедленно отправилъ князю Каспулату приказъ ѣхать въ калмыцкіе улусы и помирить Калмыковъ съ донскими козаками.

На Волгѣ Донцы поворачивались назадъ, услыхавъ указъ великаго государя; но на Яикѣ сильно пахло Разинскимъ духомъ. Въ іюль 1677 года, въ Москвѣ получена была вѣсть, что воровскіе козаки, вышедшіе изъ Яицкихъ городовъ подъ начальствомъ Васьки Касимова, взяли на Яикѣ городокъ Гурьевъ (названный такъ по имени строителя Михайлы Гурьева), государеву казну, пушки, свинець и порохъ забрали и расположились на Каменномъ островѣ въ устьѣ Яика; астраханскій воевода, князь Константинъ Щербатовъ выслалъ противъ нихъ 800 стрѣльцовъ въ пятнадцати стругахъ; но въ Москвѣ вспомнили о Разинѣ и сильно испугались, выслали въ Астрахань боярина Петра Михайловича Салтыкова съ приказомъ идти съ великимъ радѣньемъ и поспѣшенъемъ, неоплошно, для того, что въ Астрахани малоллюдно и надъ воровскими людьми промыслять не кѣмъ. Голова казанскихъ стрѣльцовъ Мамонинъ нагналъ воровъ на морѣ и поразилъ. Воры въ числѣ 230 человекъ (въ томъ числѣ 40 раненыхъ), пристали къ трухменскому берегу, но Трухменцы прогнали ихъ, и они объявились у персидскаго берега на островѣ Сары, на которомъ стоялъ и Стенька Разинъ; живя на островѣ, они выѣзжали на море воровать; но шахъ послалъ на нихъ ратныхъ людей, съ которыми у нихъ опять былъ неудачный бой. Въ концѣ года воры явились подъ Бакою въ четырехъ стругахъ, но тутъ ихъ выкинуло на берегъ 29 человекъ, которые забраны жителями и отведены къ шамахинскому хану.

Мы видѣли волненія Башкиръ въ царствованіе Алексѣя Михайловича; при Феодорѣ волненія возобновились, тѣмъ болѣе, что



война Россіи съ Турціею не могла не отозваться между мусульманскимъ народонаселеніемъ степей. Въ началѣ 1679 года изъ Верхотурья дали знать въ Москву, что крестьянскій *садчикъ* (призывавшій и селившій, сажавшій крестьянинъ) и прикащикъ одной изъ слободъ Араповъ, былъ въ кунгурскомъ уѣздѣ въ татарской деревнѣ для разныхъ покупокъ; въ эту деревню при немъ пришло къ Татарамъ десять человекъ Башкирцевъ и говорили между собою, что на весну они будутъ воевать Кунгуръ, сибирскія слободы и подгороды; Башкирцы говорили: «Чигиринъ Турки и Крымцы взяли и государевыхъ людей побили, и мы будемъ воевать, потому что мы съ ними одна родня и душа.» Араповъ извѣщалъ, что всѣ Татары и Башкирцы кормятъ лошадей, луки и стрѣлы дѣлаютъ, и ружья у нихъ много, у всякаго человека по двѣ и по три пищали винтовки. Вслѣдъ за тѣмъ дѣйствительно Татары явились на лыжахъ подъ Кунгуръ, взяли острогъ и деревни вырубали. Лѣтомъ 1680 года получены были извѣстія, что калмыцкій тайша Аюка заключилъ миръ съ крымскимъ ханомъ, отпустилъ 1000 человекъ своихъ улусниковъ въ Крымъ, и двѣ тысячи отправилъ подъ русскіе украинные города, извѣщали, что Аюка хочетъ помириться и съ уфимскими Башкирами, чтобъ вмѣстѣ съ ними ходить войною подъ козацкіе городки, подъ Самару и другіе украинные города. Въ іюлѣ мѣсяцѣ больше трехъ тысячъ Татаръ, Калмыковъ и Черкесъ явились подъ Пензою, сожгли посадъ и ушли въ степь. Башкиры также начали перевозиться за Волгу съ луговой стороны на ногайскую. Въ 1681 году по Тоболу неслись слухи, что Башкиры выѣхали всѣ изъ улусовъ вооруженные, остались только тѣ, которые сидѣтъ на коняхъ не могутъ.

Въ южной Сибири продолжалась борьба съ Киргизами, которые осенью 1679 года опустошали Томскій уѣздъ, будучи подвѣдены измѣнниками, государевыми ясачными людьми. Конные и пѣшіе козаки выступили противъ разбойниковъ, поразили ихъ и отняли добычу, съ потерей пяти человекъ своихъ. Въ то же время другая большая толпа Киргизовъ приступила къ Красноярску и къ острожкамъ его уѣзда; крѣпостей взять имъ не удалось, но 16 деревень было сожжено; Тубинцы соединились съ Киргизами; это озлобило красноярскихъ дѣтей боярскихъ и козаковъ: они взяли тубинскихъ аманатовъ, вывели за городъ и разстрѣ-

ляли въ виду ихъ родичей. Узнавши объ этомъ, государь велѣлъ красноярскаго воеводу Загрязскаго посадить въ тюрьму на день, зачѣмъ выдалъ аманатовъ служилымъ людямъ, а служилымъ людямъ велѣлъ сказать: «довелись изъ нихъ лучшіе люди за ту вину, что аманатовъ растрѣляли, смертной казни; но для нынѣшней ихъ службы и разоренія мы ту вину велѣли имъ отдать; и они бы, видя нашу такую прѣмную милость, намъ служили и у тубинскихъ князцовъ аманатовъ взяли добрыхъ родовъ.»

На сѣверѣ Самоѣды не хотѣли платить ясака; когда лѣтомъ 1679 года ясачные сборщики пріѣхали въ старый Мангазейскій городъ, то къ нимъ явился самоѣдскій князецъ Ныла и бросилъ на землю ясакъ—76 песцовъ, тогда какъ прежде платили соболями и бобрами. «Давайте ясакъ по прежнему», сказали ему сборщики. Въ отвѣтъ Ныла крикнулъ своимъ родичамъ: «Промышляйте надъ ними!» Самоѣды бросились съ ножами на сборщиковъ, но тѣ оттолкнули ихъ, схватили Нылу и убили; родичи его бѣжали изъ города, но, собравшись съ силами, начали приступать къ нему; Русскіе отбивались отъ нихъ три дня и три ночи; осажденных выручили двое самоѣдскихъ же князьковъ, которые ударили на своихъ и отбили ихъ отъ города. Другіе Самоѣды осаждали Обдорскій городокъ и свирѣпствовали противъ своихъ, не хотѣвшихъ дѣйствовать за одно съ ними противъ русскихъ.

На востокѣ поднимались то Якуты, то Тунгусы. Изъ Верхневилуйскаго зимовья ясачный сборщикъ далъ знать якутскому воеводѣ, что разныхъ родовъ ясачные Тунгузы стояли съ мѣсяцъ около зимовья, хотѣли побить козаковъ и зимовье взять. Еще осенью 1675 года Якуты убили нѣсколько русскихъ промышленниковъ, и заводчикомъ оказался родоначальникъ Балтуга, Якутъ Ярканской волости. Къ нему отправлены были для *разговору* двое козаковъ да нѣсколько мирныхъ Якутовъ; но одинъ изъ козаковъ былъ убитъ самымъ варварскимъ образомъ. Якутскій воевода послалъ на Балтугу отрядъ изъ Русскихъ и мирныхъ Якутовъ. Послѣ долгихъ переговоровъ Балтуга прислалъ аманатовъ, двоихъ дѣтей—сына и племянника своего, и объявилъ, что самъ придетъ когда захочетъ; если же Русскіе люди и Якуты пойдутъ на него войною, то онъ всѣхъ побьетъ и станетъ драться до послѣдняго ребенка, а живой русскимъ людямъ не дастся; мирныхъ Якутовъ уговаривалъ, чтобъ они къ Русскимъ не приставали и на него

войною не ходили, если же пойдутъ, то онъ и ихъ побьетъ вмѣстѣ съ Русскими. Но смѣлость не была въ уровень съ силами. Якутскій патріотъ принужденъ былъ бѣжать передъ врагами его свободы, и раненый былъ схваченъ и привезенъ въ Якутскъ. Туда же привезли изуродованный трупъ козака, убитаго Якутами. Это зрѣлище взволновало якутскихъ служилыхъ людей и они подали челобитную: «Посылають насъ на твои, великаго государя, службы и для ясачнаго сбора, и въ посылки за измѣнниками въ походы ходимъ: и твои измѣнники, ясачные и неясачные иноземцы, насъ побиваютъ до смерти и наругательство чинятъ многое, груди вспарываютъ, сердце вынимаютъ, руки обѣкаютъ, глаза выкапываютъ. Божіею милостію измѣнника Балтугу съ родниками поймали въ бою, и на поимкѣ онъ многихъ служилыхъ людей переранилъ. Милосердый государь! вели своему воеводѣ тѣмъ измѣнникамъ по соборному уложению указъ учинить.» Братъ убитаго козака не вытерпѣлъ, подошелъ къ раненому и связанному брату Балтуги и прокололъ его копьемъ до смерти. Воевода приговорилъ бить его кнутомъ на козлѣ: не бей самовольствомъ пойманныхъ и связанныхъ! градскіе всѣхъ чиновъ люди упростили вмѣсто кнута бить батогами; но служилые люди оскорбились, что ихъ братью наказываютъ за измѣнниковъ и подали другую челобитную: «Ходимъ мы промыслять по великой рѣкѣ Ленѣ и по Витиму и по инымъ стороннимъ рѣкамъ, съ нашихъ промысловъ въ твою великаго государя казну собирается со всякаго звѣря десятая, и съ отпуску денежная казна; а теперь иноземцы Якуты и Тунгусы насъ, сиротъ твоихъ, грабятъ, огнемъ жгутъ и убиваютъ вмѣсто свиней, разорили насъ въ конецъ и промыслы всѣ остановили, а мы отъ нихъ обороняться не смѣемъ, боясь отъ тебя казни, и намъ впредъ на промыслы ходить никакъ нельзя, а твоей казнѣ въ томъ учинится недоборъ и поруха великая.» Воевода, выслушавъ челобитіе служилыхъ людей, прискалъ въ соборномъ уложеніи главу объ измѣнникахъ, нашель, что ихъ должно казнить смертью, и послалъ за указомъ въ Москву. Здѣсь было принято искони — приводить иноземцевъ подъ государеву высокую руку ласкою, а не жесточью; притомъ здѣсь хорошо знали, что служилые люди часто сами выводятъ изъ терпѣнія иноземцевъ, и потому пришелъ указъ: великій государь Балтугу въ винѣ простилъ для своего многолѣтняго здоровья и для

поминовенія отца своего, смертью казнить не велѣно, велено бить кнутомъ на козлѣ нещадно и дать на поруки. Но въ слѣдующемъ же году поруки, 20 человекъ ясачныхъ Якутовъ подали челобитную, что Балтуга съ родичами свою братью Якутовъ бьетъ, грабить, насильства всякія чинить и ясака не платить.

Несмотря на появленіе здѣсь и тамъ сильныхъ духомъ родоначальниковъ между дикарями, имъ не сладить было съ русскими людьми, роды были слишкомъ ничтожны, разбросаны на огромныхъ пространствахъ и враждебны другъ другу; вспыхнетъ возстаніе, для его подавленія пойдутъ русскіе люди, ихъ ничтожная асть, человекъ пятнадцать, но съ ними толпа покорныхъ туземцевъ, которые идутъ усмирять своихъ; осадятъ дикари въ острожки русскихъ людей: на выручку къ послѣднимъ спѣшатъ другіе дикари. Подчиненіе огромныхъ пространствъ сѣверной Азіи не могло быть слѣдовательно трудно для русскихъ; туземцы жили при такихъ формахъ быта, при которыхъ племена бывають не слишкомъ щекотливы при наложеніи на нихъ дани сильнѣйшимъ; предки покорителей Сибири были посильнѣе природою Якутовъ, Тунгусовъ и Бурятъ, однако и они въ IX вѣкѣ, живя въ такомъ же разъединеніи по родамъ, платили дань первому, кто съ нихъ ее требовалъ съ оружіемъ въ рукахъ; поднимались только тогда, когда какой-нибудь Игорь хотѣлъ брать двойную дань, какъ волкъ повадившійся къ овцамъ. Къ несчастію, такихъ Игорей было много въ Сибири въ описываемое время, и они-то своими волчьими замашками замедляли подчиненіе туземцевъ, поднимали возстанія, заводили кровь, по старинному выраженію.

Осенью 1677 года на Урактѣ ясачные Тунгусы перебили козаковъ, шедшихъ изъ Якутска въ Охотскъ, взяли пушку, ручное оружіе, товарную казну, и отпустили въ Охотскъ плѣнную козачью жену, наказавши ей: «поди, скажи приказному Петру Ярыжкину, что мы перебили козаковъ за налоги и обиды ясачнаго сборщика Юрія Крыжановскаго: бралъ съ насъ соболи добрые и рыси и олени, съ человека соболя по четыре и по пяти, и малыхъ ребятъ у насъ всѣхъ выискалъ и велѣлъ за нихъ приносить по соболю; бралъ у насъ соболей и оленей силою, и плевалъ намъ въ глаза: что-де мнѣ мало носите, то выручу!»

Но Тунгусы не ограничились этою местию. Заводчикомъ мятежа былъ уже знакомый намъ Зелемей<sup>100</sup>: онъ распустилъ слухъ

между своими, что въ Якутскѣ всѣ козаки умерли, осталось только двое живыхъ, послать въ Охотскъ некого, и потому время надъ нимъ промышлять. По этой Зелемеевой сказкѣ собралось Тунгусовъ человѣкъ съ 1000 и осадили Охотскъ. Ярыжкинъ послалъ толмача перекликаться съ Зелемеемъ: «Что васъ много очень пришло и кругомъ вы острога обошли? Ступай въ Охотскъ и съ приказнымъ человѣкомъ переговоры, не опасаясь ничего!» — «Въ острогъ найду, отвѣчалъ Зелемей, ясаку у насъ нѣтъ, а зачѣмъ мы пришли, увидите сами.» Тунгусы пошли валомъ на приступъ. Крыжановскій не успѣлъ уйти въ острогъ, Тунгусы осадили его въ его домѣ, у избы окно выломали, подъ стѣну огня наклали, засѣли въ козачьихъ домахъ, находившихся за острогомъ и начали стрѣлять въ острогъ изъ-за дворовъ, стрѣлы полетѣли на острогъ со всѣхъ сторонъ, точно комары. Между тѣмъ Крыжановскій вопилъ о помощи, Ярыжкинъ сдѣлалъ вылазку и выручилъ его, отогналъ Тунгусовъ отъ Охотска. Приступъ не повторялся. Началось дѣло о Крыжановскомъ (плѣнномъ Полякѣ, брата его звали Казимиромъ—происхожденіе ясно!). На него показали, что онъ приправочныя и ясачныя книги держалъ у себя на дому, ночью пріѣхали къ нему Тунгусы прежде ясачнаго платежа, онъ отбиралъ у нихъ лучшіе соболи себѣ, а въ казну плохіе, бралъ у иноземцевъ женъ и дѣтей на блудное дѣло. Попался и Ярыжкинъ въ казнокрадствѣ и насиліяхъ своимъ и чужимъ. Обоихъ велѣно бить кнутомъ нещадно, сослать въ даурскіе острожки и ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Но преемникъ ихъ въ Охотскѣ, Данило Бибииковъ не задумался пойти по ихъ слѣдамъ: вѣшалъ Тунгусовъ, билъ кнутомъ, рѣзалъ уши и носы, приказывалъ Тунгусамъ при платежѣ ясака лучшіе соболи прятать въ пазуху и подъ полу и потомъ отдавать ему. Бибииковъ не дождался наказанія изъ Москвы: его на дорогѣ изъ Охотска въ Якутскъ подстерегли Тунгусы въ 1680 году и убили вмѣстѣ со всѣмъ отрядомъ русскихъ людей.

Въ Нерчинскѣ на приказнаго человѣка Шульгина поднялись не туземцы, но русскіе служилые люди: Шульгинъ за взятки выпускалъ бурятскихъ аманатовъ, которые потомъ измѣняли, уходили въ Монголію; но женъ аманатскихъ не выпускалъ: онѣ были ему надобны; подучалъ однихъ Бурятъ отгонять табуны у другихъ и дѣлился добычею съ хищниками; скупалъ хлѣбъ, курилъ изъ него вино, варилъ пиво, продавалъ, а другимъ ѣсть было нечего по

дороговизнѣ хлѣба, питались травою и кореньями; билъ служилыхъ людей кнутомъ и батогами, велѣлъ брать въ руку батоговъ по пяти и по шести. Служилые люди вышли изъ терпѣнія, послали челобитчиковъ въ Москву; но до Москвы далеко, когда-то придетъ указъ? и, въ ожиданіи указа, служилые люди распорядились сами: отказали Шудьгину отъ съѣзжей избы и выбрали къ государеву дѣлу одного сына боярскаго да десятника козацья <sup>200</sup>.

При тяжелой и опасной войнѣ съ Турками, при волненіяхъ степныхъ варваровъ, при несовершеннолѣтнемъ и больномъ царѣ, при смутѣ во дворцѣ, московское правительство, волею-неволею, какъ могло, должно было заниматься важными вопросами внутренними, потому что время не терпѣло. Въ самомъ началѣ царствованія Θεодора опять поднялся старый вопросъ, отцовскій и дѣдовскій, вопросъ о торговлѣ иностранцевъ въ Россіи и черезъ Россію. Мы видѣли, что при царѣ Алексѣѣ заключенъ былъ договоръ съ компаніею персидскихъ Армянъ, которые обязались доставлять въ Россію весь шелкъ, добываемый въ Персіи. Но Армяне не исполнили обязательства; а между тѣмъ голландскій посланникъ фанъ-Кленкъ сдѣлалъ предложеніе, чтобъ позволено было Голландцамъ торговать съ Персіянами въ Россіи, и пропускать Персіянъ черезъ Россію съ шелкомъ сырцомъ въ Голландію. По обычаю, позвали гостей передъ бояръ, читали имъ договорныя грамоты съ Армянами, переводы съ писемъ фанъ-Кленка и спрашивали, какъ тому шелковому промыслу противъ посольскихъ писемъ впредь состояться? Гости отвѣчали: «Персіяне и Армяне своего договора не исполнили, всего своего шелка въ руссійское государство не привезли, но прежними путями весь лучший шелкъ и теперь отпускаютъ, поэтому прибыли отъ шелковаго промысла нечего надѣяться. Если голландскій посолъ просить, чтобъ Голландцамъ торговать съ Персіянами въ руссійскомъ государствѣ и пропускать Персіянъ черезъ Россію въ голландскую землю, общая оттого руссійскому государству въ торгахъ многое процвѣтаніе, то должно ему вмѣсто цѣнта явить самый плодъ и договоръ теперь же заключить, чтобъ шелкъ сырецъ, сколько его ни будетъ привезено изъ Персіи, принимать Голландцамъ у Архангельска изъ казны великаго государя и у купецкихъ людей по уговорной цѣнѣ, противъ того, какъ у нихъ Голландцевъ и другихъ иноземцевъ заключенъ договоръ насчетъ того

шелка, что идетъ изъ Персїи черезъ Турцію. А если договора заключить не захочетъ, то ясно, что никакой онъ прибыли руссїйскому государству не желаетъ, только умышляетъ оставить въ руссїйскомъ государствѣ тѣхъ прибылей цвѣтъ, а плоды этихъ цвѣтовъ хочетъ привлечь въ свою землю и руссїйскимъ купецкимъ людямъ убытокъ сдѣлать, потому что будутъ Голландцы торговать съ Персїянами между собою—прибыль между ними и останется. Можно такъ сдѣлать: пусть Русскіе люди и Голландцы торгуютъ въ Россіи съ Персїянами и Армянами выѣстъ два года, и если въ эти два года государевой казнѣ порухи, а купецкимъ русскимъ людямъ утѣшенія не объявится, то и впередъ этому торгу быть прочну; но и это опасно: Голландцы нарочно въ два года никакого притѣшенія намъ не сдѣлаютъ, чтобъ договоръ подтвердили, а какъ подтвердятъ, тутъ они насъ всѣхъ отъ торгу отлучатъ, и завладѣютъ одни такъ, какъ въ Восточной Индіи завладѣли золотою и серебряною рудами и всякими другими промыслами, отчего и теперь великое богатство себѣ пріобрѣтаютъ, а тамошнихъ жителей привели до скудости. Лучше всего оставить прежній второй договоръ съ Армянами <sup>201</sup>, чтобъ они торговали шелкомъ съ русскими купецкими людьми повольною цѣною, а чего у нихъ русскіе люди не докупать, то принять въ казну съ уплатою изъ нея деньгами и товарами. Если же они и этого договора исполнять не захотятъ, то позволить имъ торговать въ Архангельскѣ съ иностранцами. Хотя отъ этого русскимъ купецкимъ людямъ въ торгахъ и будетъ какая помѣшка, однако все не такъ, какъ если позволить иностранцамъ торговать между собою во всемъ руссїйскомъ государствѣ, или отпускать ихъ чрезъ руссїйское государство за море <sup>202</sup>. Тогда же царь, поговоря съ патриархомъ, указалъ боярамъ и бояре приговорили—подтвердить постановленіе царя Алексѣя, состоявшееся въ 1647 году, чтобъ Греки торговали только въ Путивлѣ, при чемъ выставлены и причины, побудившія къ этому: сначала прїѣзжали изъ *Палестинѣ* греческія власти, привозили съ собою многоцѣлебныя мощи и чудотворныя иконы, а ихъ братья, торговые греки прїѣзжали самые знатные люди и привозили съ собою дорогіе товары самые добрые; а теперь духовнаго чина никто не прїѣзжаетъ, начали прїѣзжать Греки самые незначительные и не для прямаго торга, у которыхъ объявятся товары, и тѣ худые, выѣ-

сто алмазовъ и другихъ дорогихъ камней поддѣланныя стекла; да изъ нихъ же многіе начали воровать, товары провозить тайно, а иные поддѣлываютъ заочно воровскія кабалы, торгуютъ виномъ и табакомъ <sup>203</sup>.

Замѣчательнѣйшія постановленія царствованія Феодорова относятся преимущественно къ послѣднимъ годамъ, когда царь возмужалъ и когда, по устраненіи Милославскихъ, Языковъ, Лихачевъ и Голицыныхъ получили главное вліяніе. Въ 1679 и 1680 годахъ отиѣнено членоотсѣченіе: «Которые воры объявятся въ первой или въ двухъ татбахъ, тѣхъ воровъ пытавъ и учиня имъ наказанье, ссылатъ въ Сибирь на вѣчное житье на пашню, а казни имъ не чинить, рукъ и ногъ и двухъ перстовъ не сѣчь, ссылатъ съ женами и дѣтьми, которые дѣти будутъ трехъ лѣтъ и ниже, а которые больше трехъ лѣтъ, тѣхъ не ссылатъ <sup>204</sup>. Въ 1677 году окопана была во Владимірѣ на торговой площади крестьянка Жукова, за то, что отсѣкла косою голову мужу своему; сутки пробыла она въ землѣ, какъ владимірское духовенство подало челобитную, чтобъ преступницу вынуть изъ земли и постричь въ монастырь; государь велѣлъ исполнить челобитную. Въ 1682 году былъ такой же случай въ Москвѣ: двѣ преступницы были окопаны въ землю, и въ землѣ общались постричься и злыхъ дѣлъ не творить: государь велѣлъ ихъ выкопать и постричь <sup>205</sup>. Въ 1680 году разосланы были во всѣ города грамоты, чтобъ въ приказныхъ избахъ и тюрьмахъ колодниковъ никого, ни въ какихъ дѣлахъ, многихъ дней не держали, рѣшали бы ихъ дѣла немедленно. Въ томъ же году издано было постановленіе: «Впредь тюремнымъ сидѣльцамъ *влажно* съ новоприводныхъ людей, которые посажены будутъ на тюремный дворъ и за рѣшетку, брать не велѣно» <sup>206</sup>. Въ 1681 году патріархъ разослалъ память: «Если мужья отъ женъ, а жены отъ мужей захотятъ постричься, то ихъ не постригать; а если жена отъ мужа пострижется, то мужу ея другой жены не брать, также и женамъ, послѣ постриженія мужей, замужъ не выходить <sup>207</sup>. Въ 1679 году били челомъ служилые люди, что родственницы ихъ выданы за мужъ съ вотчинами, и мужья ихъ бьютъ и мучатъ, приневоливаютъ, чтобъ онѣ свои приданныя вотчины продавали и закладывали своими именами: состоялся указъ, чтобъ мужья не продавали и не закладывали вотчинъ женъ своихъ ихъ именами <sup>208</sup>.



Въ 1680 году отмѣнена неприличная форма въ челобитныхъ: «чтобъ государь пожаловалъ, умилосердился какъ Богъ;» вмѣсто этого велѣно писать: «для приключившагося котораго праздника и для его государскаго многолѣтняго здравія.» Въ томъ же году изданъ патріаршій указъ: въ приказахъ допрашивать духовныхъ отцовъ только объ изустныхъ памятихъ и завѣщаніяхъ, при нихъ сдѣланныхъ, а не о грѣхахъ кающихся <sup>209</sup>.

Строгія мѣры, принятыя при царѣ Алексѣѣ противъ раскола, мало помогали. Въ 1677 году узнали въ Москвѣ, что по Дону и рѣчкѣ Медвѣдицѣ, въ козачьихъ юртахъ завелись жить старцы и поны и всякіе прихожіе люди въ пустыняхъ, печатныя книги, церковную службу и иконное письмо хулить, образамъ Божиимъ не поклоняются, много людей изъ Донскихъ городковъ къ себѣ подговариваютъ и крестятъ въ другой разъ. Воевода Волынской, стоявшій съ войскомъ на Дону, отправилъ стрѣлцаго сотника Григорова развѣдать о раскольникахъ. Григоровъ возвратился и донесъ, что на рѣкѣ Медвѣдицѣ никакой пустыни не нашелъ, а былъ въ пустыни Іевской на рѣчкѣ Чиру, пониже козачьяго городка Нижняго Чира: въ этой пустыни строителемъ черныи попъ Іовъ, да чернецовъ 20 человекъ, а бѣльцовъ человекъ съ 30; служить Іовъ по старымъ книгамъ, а новоправленные хулить, говорить, будто въ нихъ все изречено. Получивши это донесеніе, въ Москвѣ сдѣлали допросъ бывшему тогда здѣсь станичному атаману Панкратьеву, что за Іевская пустынь и гдѣ рѣка Чирь? Панкратьевъ отвѣчалъ, что Іевская пустынь въ сторонѣ, на день ѣзды отъ города Чира, начали въ этой пустыни люди жить послѣ Разинскаго воровства, тому лѣтъ съ пять; въ войскѣ про пустынь знаютъ, что въ ней живутъ мушны и женщины, дѣвки и ребята, но безъ указу государева войско надъ нею ничего дѣлать не смѣетъ, а если государь прикажетъ разорить, то сейчасъ разорять. Тому другой годъ какъ пришелъ на Донъ и поселился въ пустыни въ лѣсу на Крымской сторонѣ черныи попъ да два человека простыхъ чернецовъ; эти простые чернецы съ попомъ поссорились, и, пришедши въ Черкасскъ, донесли войску, что попъ за великаго государя Бога не молить и имъ молить не велитъ. По этому извѣсту атаманъ Михайло Самаринъ и все войско послали за попомъ и, приведя его въ Черкасскъ, сожгли по войсковому праву, и въ пустыни его теперь никто не живетъ. Волын-

скому посланъ былъ указъ разорить воровъ и церковныхъ противниковъ и впередъ нигдѣ имъ въ войскѣ пристанища не дать, пушнихъ заводчиковъ прислать въ Москву, а остальныхъ наказать по войсковому праву, чтобъ впередъ такіе воры не множились и войску оттого присловья не было <sup>210</sup>. Въ то же время изъ Сибири приходили вѣсти, что въ Тюмени сынъ калмыцкаго толмача Никита Елизарьевъ говорилъ: «Которыя церкви сгорѣли въ Тобольскѣ, и то были не церкви, костелы;» священниковъ называлъ псами. Призванный къ допросу раскольникъ объявилъ, что троечерстнымъ проклятымъ сложеніемъ не крестится; отецъ молодого раскольника, толмачъ, пришелъ въ приказную избу и объявилъ, что четвероконечный крестъ антихристова печать. Обоихъ били кнутомъ нещадно и отдали на поруки. Въ Тюмени же въ 1677 году въ соборной церкви трое мужицъ и одна монахиня во время херувимской закричали: «Православные христіане! не кланяйтесь, несутъ мертвое тѣло и на просвирахъ печатаютъ крыжомъ, антихрисловою печатью!» Крикуновъ взяли въ приказную избу, гдѣ они объявили, что пришли на Тюмень истинной вѣры изыскивать; ихъ били кнутомъ нещадно и посадили въ земляную тюрьму. Монахъ Даніилъ въ тобольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, завелъ пустынь, поставилъ часовню и кельи, пѣли вечерни, заутрени и часы, государя, царскій домъ, патріарха и сибирскаго митрополита не поминали, православныхъ христіанъ называли еретиками; въ этой же пустыни старицы и дѣвки бились о землю и кричали, что видятъ Пресвятую Богородицу и небо отверсто, ангелы вѣнцы держать тѣмъ людямъ, которые въ той пустыни постригаются; слыша такую прелесть, многіе всякихъ чиновъ люди, оставя дома, имѣніе и скоть, бѣгутъ въ пустынь съ женами и дѣтьми и постригаются. Тобольскій воевода, бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ, послалъ отрядъ войска захватить Даніила, но войско вмѣсто пустыни нашло только кучи пеньла: Даніилъ съ единомышленниками своими въ избахъ сожглись ночью, а другіе разбѣжались. Примѣръ Даніила подѣйствовалъ. Въ Мехонской слободѣ крестьяне, драгуны и бѣломѣстные козаки, собравшись съ женами и дѣтьми во дворъ къ драгуну Аврамову, наносили пеньки, соломы, смолы и бересты; слободской прикащикъ началъ уговаривать ихъ, чтобъ отстали отъ своей прелести, и они было послушались; но дьячокъ Иванъ Федоровъ, распопъ, своими рѣ-

чани уничтожилъ дѣйствіе приказчиковъ словъ. Въ 1679 году въ Исетскомъ острогѣ крестьянинъ Бархатовъ, ходя по разнымъ мѣстамъ, проповѣдывалъ, что не должно ходить въ церкви. Бархатова поймали; но братъ его Гаврила съ двадцатью товарищами отбили пойманнаго, уѣхали въ деревню Мостовку, заперлись во дворѣ и объявили, что сожгутся. Къ нимъ потѣхалъ уговаривать капитанъ Поляковъ, раскольники потребовали сроку, срокъ былъ имъ данъ и они въ это время написали челобитную государю, написали, что заперлись, испугавшись приказныхъ людей, потому что приказный человекъ перехваталъ тѣхъ, которые зашли въ Мехонской слободѣ и морилъ на морозѣ цѣлый день, пресилъ по полтинѣ съ человека, люди бѣдные, дать было нечего, онъ ихъ распустилъ по домамъ, а женъ и дѣтей разогналъ, и они рубя и ноги познобили. «Ей, ей, великій государь, не знаемъ за собою никакого вымысла злаго, но только держимся стараго благочестія и никоновыхъ новопечатныхъ книгъ не принимаемъ, потому что тѣ книги съ прежними ни въ чемъ не согласуются. Да еще нудятъ насъ креститься тремя перстами, щепотью, да велѣтъ оставить истинный тричастный крестъ Христовъ. Если, государь, своего царскаго указа не пожалуешь намъ, и впередъ приказныхъ людямъ, закащикамъ и понамъпустишь насъ бѣдныхъ разорять и къ новонзложенной вѣрѣ нудить, и мы къ тебѣ пишемъ и плачемъ, что и не подумаемъ принять новой вѣры и новопечатныхъ никоновыхъ книгъ, на смертный часъ готовы, пострадать и въ огнѣ горѣть, какъ у Данилы священноиннока пострадали; если не дадутъ намъ собираться, то мы каждый въ своемъ домѣ пострадаемъ, а отъ Христа не отстанемъ»<sup>211</sup>.

Такія вѣсти приходили съ Украины, изъ Сибири, съ Дону; но вотъ и въ самой Москвѣ въ 1681 году, въ крещенье, Герасимъ Шапочникъ бросилъ съ Ивановской колокольни раскольниковъ листы въ народъ; схваченный, оговорилъ Антона Хвораго, а этотъ оговорилъ Осипа Сабельника, у котораго въ домѣ пѣли часы, пекли просвиры и послѣ часовъ раздавали людямъ, которые ѣли и вмѣняли въ святость<sup>212</sup>.

Въ томъ же 1681 году собрался церковный соборъ. Царь возвѣстилъ ему о дѣлахъ, которыя требуютъ исправленія: вначалѣ къ огражденію св. церкви, а потомъ на распространеніе христіанамъ, въпервыхъ, о прибавкѣ вновь архіереевъ по городамъ

вслѣдствіе умноженія церковныхъ противниковъ и о другихъ нуждахъ, требующихъ исправленія. Въ первомъ царскомъ предложеніи говорилось: каждому митрополиту имѣть въ своей епархіи епископа, подвластнаго ему, а св. патріарху, отцамъ отцу, имѣть многихъ епископовъ. Соборъ отвѣчалъ: великому государю быють челомъ митрополиты и архіепископы, назначить вновь въ пристойныхъ мѣстахъ, въ дальнихъ и многонародныхъ городахъ, архіереевъ особыми епархіями, а не подвластныхъ митрополитамъ, чтобъ въ архіерейскомъ чинѣ не было церковнаго разгласія, распри и высоности, чтобъ въ такомъ нестроеніи не было св. церкви преобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны.

Во второмъ предложеніи говорилось: Изъ многихъ городовъ пишутъ, что многіе неразумные люди, оставя св. церковь, подѣлали въ домахъ своихъ мольбища, а, собравшись, совершаютъ противное христіанству, а на св. церковь износятъ страшныя хулы.—Соборъ въ своемъ отвѣтѣ молилъ государя отсылать этихъ раскольниковъ къ градскому суду.

Третье предложеніе: Въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ отъ предковъ государскихъ устроены монастыри на тихое и безмолвное пристанище; на пропитаніе монахамъ даны многія села и деревни и всякое довольство, чтобъ всѣ имѣли пищу и одежду готовую и не помышляли бы ни о чемъ, кромѣ душевнаго спасенія, а для престарѣлыхъ и больныхъ монаховъ устроены больницы. Но въ монастыряхъ теперь общаго пребыванія и больничнаго строенія нѣтъ, а гдѣ и есть, оттуда монахи, не хотя быть въ послушаніи, уходятъ въ другіе монастыри, этимъ монашеское крѣпкое житіе упразднилось. Также бы и хмѣльнаго питья въ монастыряхъ отнюдь не держать. Соборъ отвѣчалъ: Во всѣхъ монастыряхъ запрещаемъ держать пьянственное питье; архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ жить благочинно и братію къ благочинію наставлять, особой пищи и питья не держать, въ кельяхъ своихъ съ гостями особыхъ трапезъ не поставлять, ходить всякій день за общую трапезу, а въ кельяхъ пищи и питья не держать. Кто изъ мірскихъ людей пріѣдетъ по общанію помолиться, дать ему упокоеніе по монастырскому чину, пищу и питье, чѣмъ братія питаются, въ гостинной кельѣ, и приставить искуснаго старца, кому за тѣмъ смотрѣть; особаго питья про гостей отнюдь не держать и отъ нихъ не принимать. Желających спасенія мір-

ескихъ людей бѣдныхъ принимать безвкладно съ разсмотрѣніемъ и постригать правильно, свободныхъ и не бѣглыхъ отъ законныхъ женъ и отъ господъ. Одежду имѣть настоятелямъ и братіи общую, давать ее изъ монастырской казны, а денегъ настоятелямъ изъ казны отнюдь не брать и братіи не давать. Престарѣлыхъ и немощныхъ старцевъ упокоивать въ больницѣ, заботиться, чтобъ не было имъ скудости въ пищѣ и питьѣ. Изъ монастырей въ монастыри монахамъ безъ повелѣнія архіерейскаго не переходить, изъ монастырей ихъ не отпускать, а ненормальныхъ и строптивыхъ послушниковъ смирять по монастырскому чину; проходящихъ монаховъ безъ повелѣнія архіерейскаго и безъ отпускныхъ не принимать. Архимандритамъ и игуменамъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ священники изъ монастырей въ домахъ мірскихъ людей мужскаго и женскаго пола не постригали и при смерти. А которые чернецы въ монастыряхъ не живутъ въ послушаніи и безчинствуютъ по Москвѣ и въ городахъ, ходятъ по кабакамъ и корчмамъ, и мірскимъ домамъ, упиваются до-пьяна и валяются по улицамъ: на такихъ безчинниковъ Троицкаго Сергіева монастыря власти должны возобновить бывшій Пятницкій монастырь, огородить его стоячимъ высокимъ тыномъ и построить четыре кельи съ сѣнями, въ этотъ монастырь безчинниковъ изъ Москвы ссылатъ. Женскаго пола которыя безчинно постриглись въ монастыря, въ домахъ своихъ, и теперь ходятъ по мірскимъ домамъ и садятся по улицамъ и переулкамъ, просятъ милостыни: для такихъ старицъ каждый архіерей долженъ построить по монастырю на счетъ какого-нибудь мужскаго монастыря съ вотчинами (потому что дѣвичьихъ монастырей мало съ вотчинами и прокормиться безъ вотчинъ въ монастыряхъ нечѣмъ), и выбрать къ нимъ изъ женскихъ монастырей старицъ добрыхъ, кому надъ ними начальствовать. По мужскимъ монастырямъ для всякаго строенія и вотчиннаго управленія мірскихъ людей не посылать, посылать архіереямъ отъ духовнаго чина добрыхъ и искусныхъ людей. Въ дѣвичьи монастыри, которые съ вотчинами, указалъ бы великій государь послать дворянъ старыхъ добрыхъ, для управленія вотчинами, чтобъ старицамъ изъ монастырей по деревнямъ не бѣдить и по мірскимъ домамъ не жать; быть этимъ дворянамъ въ послушаніи у архіереевъ, въ духовное управленіе между старицами и церковными причетниками дворянину не вступаться и

ни въ чемъ не вѣдать. Мѣрскимъ людямъ вдовыхъ священниковъ въ домахъ своихъ не держать; а кому изъ великихъ людей нуженъ домовый священникъ, тотъ бьетъ челомъ архіерею, и архіерей благословляетъ священника не вдоваго. Вдовымъ попомъ и іеромонахамъ отнюдь не давать благословенія въ мѣрскихъ домахъ жить и службы церковныя совершать, потому что въ нынѣшнее время многіе попы и дьяконы живутъ безчинно и упиваются безмѣрнымъ пьянствомъ и церковныя тайны дѣйствуютъ пьяные.

По четвертому предложенію царя, соборъ постановилъ посвящать священниковъ въ зарубежныя мѣста по требованію православныхъ жителей. По пятому предложенію: такъ какъ въ присягѣ за всякое нарушеніе долга службы церковь грозитъ страшною клятвою, вѣчною смертію, а между тѣмъ многіе люди грѣшаютъ, особенно во всякихъ казенныхъ сборахъ, и тѣмъ убиваютъ себя вѣчною смертію, то великій государь изволилъ бы тѣмъ людямъ наложить свой указъ, прещеніе и страхъ по градскимъ законамъ. На осьмое предложеніе: которые монастыри окружены близко мѣрскими домами, тѣ перенести на другое приличное мѣсто.

Девятое предложеніе: по великаго государя указу въ Москвѣ о нищихъ разсмотрѣніе учинено и велѣно ихъ разобрать, странныхъ и больныхъ держать въ особомъ мѣстѣ со всякимъ довольствомъ отъ государевой казны: такъ чтобъ патріархъ и всѣ архіереи приказали также въ городахъ устроить пристанище нищимъ, а лѣнныя, здоровые пристали бы къ работѣ. Соборъ отвѣчалъ: да будетъ такъ.—Относительно этого разсмотрѣнія о нищихъ, о которомъ здѣсь говорится, сохранилось извѣстіе, что при царѣ Феодорѣ велѣно было построить двѣ богадѣльни: одну въ Знаменскомъ монастырѣ, а другую на Гранатномъ дворѣ за Никитскими воротами, чтобъ впередъ по улицамъ бродящихъ и лежащихъ нищихъ не было.

Предложеніе десятое: чтобъ нищія въ церквахъ, во время церковнаго пѣнія, милостыни не просили и тѣмъ въ церкви стоящимъ христіанамъ мятѣжа не чинили. Соборъ согласился. По предложенію одиннадцатому, соборъ постановилъ, чтобъ на церковныхъ земляхъ, которыя отданы подъ кладбища, духовенство избу, лавокъ и амбаровъ не строило. По двѣнадцатому: запрещено во время храмовыхъ праздниковъ къ монастырскимъ и приходскимъ церквамъ припускать со всякими харчами и питьемъ.

Предложеніе тринадцатое: многіе монахи и монахини, не хотя бытъ у наставниковъ своихъ подѣ послушаніемъ, отходятъ изъ монастырей и селятся въ лѣсахъ, мало-по-малу прибираютъ къ себѣ такихъ же непослушниковъ и устрояютъ часовни, служатъ молебны, а потомъ бѣгутъ челомъ архіереямъ о грамотахъ на постройку церквей на тѣхъ мѣстахъ, которыя называютъ пустынями, и въ пустыняхъ этихъ церковное пѣніе стправляютъ не по исправнымъ книгамъ, вслѣдствіе чего приходятъ къ нимъ многіе люди, селятся вблизи и считаютъ ихъ страдальцами: отъ этого возрастаетъ на св. церковь противленіе. Соборъ отвѣчалъ челобитьемъ, чтобъ великій государь своихъ грамотъ о строеніи вновь пустынь отпущать не указалъ; они, архіереи, переведутъ эти пустыни въ монастыри, а на ихъ мѣстахъ устроятъ приходскія церкви. Предложеніе четырнадцатое: на Москвѣ всякихъ чинновъ люди пишутъ въ тетрадяхъ и на листахъ, и въ столбцахъ выписки, будто бы изъ книгъ божественнаго писанія, и продаютъ у Спасскихъ воротъ и въ другихъ мѣстахъ, и въ этихъ письмахъ является многая ложь, а простолюдины, не вѣдая истиннаго писанія, принимаютъ за истину и въ томъ согрѣшаютъ, особенно же вырастаетъ отсюда на св. церковь противленіе. Соборъ отвѣчалъ, что для искорененія этого пусть государь укажетъ приставить особаго человѣка, а патріархъ также изберетъ особаго человѣка изъ духовныхъ; виновныхъ въ распространеніи такихъ сочиненій приводить въ патріаршіи приказъ и чинить смиреніе, а на помощь выборнымъ людямъ давать стрѣльцовъ. По пятнадцатому предложенію постановлено: кто станетъ приносить книги прежнихъ печатей, тѣмъ выдавать новоправленные книги даромъ <sup>213</sup>.

Въ то время, когда правительство хлопотало, чтобъ св. церкви не было противленія отъ раскола, пришли извѣстія, что татарскіе мурзы, имѣя помѣстья и вотчины, населенныя христіанами, принуждаютъ послѣднихъ къ магометанству. Поэтому въ 1681 году изданъ былъ указъ: объ отпискѣ у мурзъ и Татаръ помѣстій и вотчинъ, населенныхъ христіанами, а исномѣстить ихъ инородцами же, Мордвою; если мурзы и Татары крестятся, то оставить за ними прежнихъ крестьянъ, и давать имъ еще жалованье, да и Мордвѣ сказать, чтобъ они крестились всѣ, за что во всякихъ податяхъ получать льготы на шесть лѣтъ <sup>214</sup>. Въ февралѣ

1682 года подьячіе и пристава ѳздили по татарскимъ деревнямъ и объявляли мурзамъ и Татарамъ, ихъ женамъ, вдовамъ, недорослямъ и дѣвкамъ указъ государевъ, чтобъ они упрямство свое отложили, во св. вѣру греческаго закона крестились и били челомъ государю о помѣстьяхъ своихъ и вотчинахъ до 25 февраля; а которые до этого срока не крестятся и челобитенъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ не подадутъ, у тѣхъ помѣстья и вотчины и всякія угоды будутъ отняты и розданы тѣмъ мурзамъ и Татарамъ, которые крестились уже и крестятся до 25 февраля <sup>215</sup>.

Касательно областнаго управленія въ 1679 году отмѣнены были горододѣльцы, сыщики, губные старосты, ямскіе прикащики, осадные, пушкарскіе, застѣчные и житничные головы и присылавшіеся изъ Москвы сборщики; всѣ ихъ дѣла велѣно вѣдать воеводамъ, чтобъ впередъ градскимъ и уѣзднымъ людямъ въ кормахъ лишней тягости не было <sup>216</sup>. Въ слѣдующемъ году нашли неудобнымъ постановленіе царя Алексѣя о переносѣ дѣлъ изъ одного города въ другой по подозрѣнію на воеводу и отмѣнили его <sup>217</sup>. На первомъ планѣ по прежнему стояли денежные сборы: ни одного года города и уѣзды не выплачивали денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ, по 2 рубля съ четверти пашни, отговариваясь *пустотою*. Въ 1679 году бояре приговорили, вмѣсто стрѣлецкихъ денегъ, данныхъ, полониничныхъ, четвертныхъ, ямскихъ, пшчальныхъ, малыхъ ямщинъ и другихъ мелкихъ денежныхъ доходовъ, положить новый окладъ, который долженъ идти на жалованье стрѣльцамъ. Но и тутъ на первый же годъ явились недомжки, воеводы пишутъ, что посадскіе люди и уѣздные крестьяне стоятъ на правевѣ, но и съ правева денегъ не платятъ за скудостію, за хлѣбнымъ неурожаемъ, за разными неокладными доходами, за десятою и пятнадцатою деньгою, собравшимися вслѣдствіе турецкой войны, и бредутъ врознь въ сибирскіе города. Велѣно прислать выборныхъ въ Москву и распросить, отчего не платятъ? Выборные пріѣхали и объявили, что платить никакъ нельзя сполна. Вслѣдствіе этого въ 1681 году рѣшено брать стрѣлецкія деньги по новому окладу, передъ прежнимъ съ убавкою <sup>218</sup>. Эти стрѣлецкія деньги должны были собирать земскіе старосты съ товарищами и высылать въ Москву съ цѣловальниками. Но вопросъ не считали рѣшеннымъ, хотѣли принять какую-нибудь общую, рѣшительную мѣру, и, чтобъ взяться за дѣло получше, разузнать его пообстоятельнѣе, въ декабрѣ 1681



года вызвали въ Москву выборныхъ со всего государства, по два человѣка отъ cadaго города, которые должны были привести съ собою окладныя книги, чтобъ узнать, сколько въ городахъ и волостяхъ лучшихъ, средней статьи и младшихъ людей, и по скольку человѣкъ въ годъ бываетъ во всякихъ службахъ и педатяхъ. Въ томъ же 1681 году запрещено было по всей Россіи отдавать на откупъ таможни и кружечныя дворы, велѣно имъ быть *на вѣрь* <sup>219</sup>.

Молодой царь какъ будто торопился важными мѣрами, предчувствуя близкую кончину. Въ то время, какъ готовились къ финансовому преобразованію, князь Вас. Вас. Голицынъ съ выборными изъ разныхъ чиновъ служилыми людьми, по царскому порученію, разсуждали о необходимыхъ ратныхъ преобразованіяхъ. Но понятно, что съ первою мыслию о серіозномъ войсковомъ преобразованіи необходимо соединялась мысль объ уничтоженіи мѣстничества. Давно уже неудачныя войны заставили признать несостоятельность русскаго войска и думать о преобразованіяхъ; выписали иностранныхъ офицеровъ и начали составлять Русскіе полки съ новымъ строемъ, съ новыми названіями; но сейчасъ же должны были почувствовать, что новая заплата на ветхомъ рубищѣ мало помогаетъ. Какого, въ самомъ дѣлѣ, успѣха можно было ожидать на войнѣ при такихъ условіяхъ: назначутъ главнаго воеводу, наиболѣе способнаго, къ нему товарищей также способныхъ, и сейчасъ же пойдутъ челобитья, что товарищамъ нельзя быть вмѣстѣ съ воеводою: надобно или оставить главнаго воеводу и на его мѣсто назначить неспособнаго, но стараго боярина, отецкаго сына, съ которымъ вмѣстѣ быть можно, или отставить товарищей, опять людей способныхъ замѣнить неспособными, но такими, которымъ можно быть съ главнымъ воеводою. Единственный выходъ, къ которому правительство начало прибѣгать со временъ Грознаго, — это объявленіе передъ походомъ: «быть безъ мѣстъ», объявленіе, что сдѣланныя для этого похода назначенія не будутъ принимаемы въ разчетъ при мѣстническихъ столкновеніяхъ. При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ почти всѣ походы были уже безъ мѣстъ, что необходимо приучало къ мысли, что рано или поздно указъ: «быть *всегда* безъ мѣстъ», замѣнить повтореніе указа «быть безъ мѣстъ» передъ каждымъ походомъ. Неизбѣжное распространеніе новаго строя и на старыя дворян-

скіе полки было естественнымъ побужденіемъ къ изданію такого указа.

И турецкая война была ведена и кончилась не такъ, какъ бы хотѣлось; государство содержало болѣе 150.000 одного великороссійскаго войска, но тягость этого содержанія не выкупалась успѣхомъ. Мысль о войсковыхъ преобразованіяхъ поэтому необходимо должна была усилиться. Виднѣе всѣхъ бояръ, доступнѣе всѣхъ новому по своей образованности и между тѣмъ членомъ одного изъ самыхъ знатныхъ родовъ былъ князь Вас. Вас. Голицынъ. Ему-то государь указалъ вѣдать ратныя дѣла для лучшаго своихъ ратей устроенія и управленія, и съ нимъ у того дѣла быть выборнымъ стольникамъ и генераламъ, стольникамъ же и полковникамъ рейтарскимъ и пѣхотнымъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ, городovýmъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Эта, по нашему, *коммиссія* назначалась для того: «вѣдомо великому государю учинилось, что въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми ратными людьми, непріатели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы, которыми желали чинить поиски надъ государевыми ратными людьми; для этихъ-то новомышленныхъ непріятельскихъ хитростей надобно сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, чтобъ имѣть имъ въ воинскія времена противъ непріателей пристойную осторожность и охраненіе и чтобъ прежде бывшее воинское устроеніе, которое показалось на бояхъ не прибыльно, перемѣнить на лучшее, а которыя и прежняго устроенія дѣла на бояхъ съ непріателями имѣются пристойны, и тѣмъ быть безъ перемѣны.»

Выборные указали на военное устройство, которое, по ихъ мнѣнію, будетъ прибыльнѣе, а именно: росписать служилыхъ людей по ротамъ, въ ротмистры и поручики назначать изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, изъ всѣхъ родовъ и чиновъ съ головы безъ перемѣны, чтобъ были между собою безъ мѣстъ и безъ подбора, въ какомъ чинѣ великій государь быть укажетъ.— Государь согласился, составлены были списки ротмистрамъ и поручикамъ, но при этомъ выборные объявили: «по государеву указу они выборные люди, братья ихъ, дѣти и сродники написаны въ ротмистры и поручики; а Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Реннихъ. Шенныхъ, Троекуровыхъ, Лобановыхъ-Ростов-

скихъ, Ромодановскихъ, и другихъ родовъ въ тѣ чины никого теперь не написано, потому что за малыми лѣтами въ чины они не приказаны: такъ опасаются они. выборные люди, чтобъ послѣ отъ тѣхъ вышеписанныхъ и отъ другихъ родовъ не было имъ и родамъ ихъ укоризны и попреку. И для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устройства указалъ бы великій государь всѣмъ боярамъ, окольнымъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и полкахъ у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ между собою безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было.»

Голицынъ доложилъ государю объ этомъ челобитіѣ выборныхъ людей. 12 января 1682 года Феодоръ назначилъ чрезвычайное *сиденье* съ боярами, къ которому были приглашены патриархъ, архіереи и выборные начальники монастырей. Засѣданіе открылось чтеніемъ челобитья выборныхъ людей; когда чтеніе окончилось, началъ говорить царь: онъ распространился о своихъ обязанностяхъ слѣдовать во всемъ закону и примѣру Христа, заповѣдающаго любовь, потомъ перешелъ къ дѣлу: «злокозненный плевосѣятель и супостатъ общій дьяволъ, видя отъ такого славнаго ратоборства христіанскимъ народамъ тишину и мирное устройство, а непріателемъ христіанскимъ озлобленіе и искорененіе, всѣялъ въ незлобивыя сердца славныхъ ратоборцевъ мѣстные случаи, отъ которыхъ въ прежнія времена въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ происходила великая пагуба, а ратнымъ людямъ отъ непріятелей великое умаленіе. Наша царская держава, рассмотря, какъ вредитъ это мѣстничество благословенной любви, какъ искореняетъ миръ и братское соединеніе, надъ непріателемъ общій и пристойный промыслъ, разрушаетъ усердіе, особенно же какъ мерзко и ненавистно оно Всевидающему Оку, желаемъ, да божественный Его промыслъ, мира и благоустроенія виновникъ, своимъ всеильнымъ повелѣніемъ оное разрушающее любовь мѣстничество разрушить позволить и отъ такового злокозньства разрозненныя сердца въ мирную и благословенную любовь соединить благовольтъ.» Далѣе государь привелъ примѣры

дѣда своего и отца, которые уже заботились объ искорененіи мѣстничества, упомянуть и о собственныхъ стараніяхъ уничтожить зло, и заключилъ вопросомъ: «по нынѣшнему ли выборныхъ людей челобитью, всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть безъ мѣстъ, или по прежнему быть съ мѣстами?»

На этотъ вопросъ отвѣчалъ патріархъ сильною выходкою противъ мѣстничества, отъ котораго «аки отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ нашимъ царственнымъ дѣламъ ко вредительному происходило, и благое начинаніе, яко возрастную пшеницу терніе подавляло и до благополучнаго совершенія къ воспріятію плодовъ благихъ не допускало, и не точію родъ, егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковоежъ враждованіе и ненависть содѣвались; и аще бы о всѣхъ тѣхъ противныхъ случаяхъ донести вашему царскому величеству, тобѣ отъ тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе.»

Царь обратился съ вопросомъ къ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ: тѣ отвѣчали, чтобъ великій государь указалъ учинить по прошенію св. патріарха и архіереевъ, и всѣмъ имъ во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ для того, что въ прошлые годы во многихъ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, неприятели радованія, а между ними богопротивное дѣло — великія продолжительныя вражды.» Послѣ этого отвѣта государь велѣлъ принести разрядныя книги и сказалъ: «для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, всѣ эти просьбы о случаяхъ и записки о мѣстахъ изволяемъ предать огню, чтобъ злоба эта совершенно погибла и впередъ не поминалась, и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ. У кого есть разрядныя книги и записки, тотъ пусть присылаетъ ихъ въ разрядъ, мы всѣ ихъ повелимъ предать огню. И отъ сего времени повелѣваемъ боярамъ нашимъ и окольничимъ и думнымъ и ближнимъ и всякихъ чиновъ людямъ на Москвѣ въ приказахъ и у расправныхъ и въ полкахъ у ратныхъ и у посольскихъ и всегда у всякихъ дѣлъ быть всѣмъ между собою безъ мѣстъ, и впредь нико-

му ни съ кѣмъ никакими прежними случаями не считаться, и никого не укорять и никому ни надъ кѣмъ прежними находками не возноситься.» На это всѣ присутствующіе отвѣчали: «да погибнетъ во огни оное, богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспоминается во вѣки!»

Въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ разложили огонь и разрядныя книги запыхали. Когда государю дали знать, что книги сожжены, то патриархъ, обратясь къ свѣтскимъ членамъ думы, сказалъ: «начатое и совершенное дѣло впредь соблюдайте крѣпко и нерушимо; а если кто теперь или впредь оному дѣлу воспрекословить какимъ-нибудь образомъ, тотъ бойся тяжкаго церковнаго запрещенія и государскаго гнѣва, какъ преобидникъ царскаго повелѣнія и презиратель нашего благословенія.» Всѣ присутствующіе отвѣчали: «Да будетъ такъ!» Государь съ радостнымъ лицомъ сталъ хвалить ихъ за это, и объявилъ, что имъ и потомству ихъ на память велить въ Разрядѣ держать родословную книгу и въ домахъ своихъ такія родословныя книги могутъ они держать по прежнему. Въ награду имъ онъ велить эту родословную книгу пополнить недостающими въ ней именами, для чего велить взять у нихъ росписи за руками. Которые княжескіе и иные честные роды при предкахъ его государевыхъ и при немъ были въ честяхъ, боярахъ, окольничихъ и думныхъ людяхъ, также и старые роды, которые хотя и не явились въ честяхъ, но съ царствованія Іоанна Васильевича и при его державѣ явились въ посольствахъ, полкахъ и городахъ воеводами и въ иныхъ знатныхъ посылкахъ и у него, великаго государя, въ близости, а въ родословной книгѣ именъ ихъ не написано, и тѣ роды съ явнымъ свидѣтельствомъ написать теперь въ особую книгу. А которые роды въ вышеписанныхъ честяхъ и въ знатныхъ посылкахъ не были, а съ царствованія Михаила Феодоровича и при немъ государѣ были въ полковыхъ воеводахъ и въ послахъ и въ посланикахъ и въ знатныхъ какихъ-нибудь посылкахъ и въ иныхъ честныхъ чинахъ и въ десятняхъ (въ войсковыхъ спискахъ) въ первой статьѣ написаны, и тѣхъ родовъ имена также написать въ особую книгу со свидѣтельствомъ. А которые въ тѣхъ вышеписанныхъ честныхъ и знатныхъ чинахъ не были, а въ десятняхъ написаны въ средней и въ меньшей статьяхъ, и тѣхъ имена на-

писать въ особую книгу. А кто изъ нижнихъ чиновъ за службы отцовъ своихъ или за свои написаны въ московскіе чины, и тѣхъ имена написать въ особую же книгу по ихъ росписямъ, и быть всѣмъ во всѣхъ чинахъ безъ мѣстъ» <sup>220</sup>.

Быть можетъ, нѣкоторые спросятъ: какъ же это вдругъ сдѣлалось? легко, безъ всякаго сопротивленія отмѣненъ вѣковой обычай, отмѣненъ безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны тѣхъ людей, которые шли въ тюрьму и подъ кнутъ, отстаивая родовую честь? отмѣненъ не желѣзною волею Петра, но волею слабого, умирающаго Θεодора? На этотъ вопросъ отвѣтимъ вопросомъ же: что можно было возразить на слова царя и патріарха, порицавшихъ мѣстничество? Что можно было привести въ защиту этого обычая? Всякій, *при случаѣ*, считалъ своею обязанностію отстаивать родовую честь, идти для этого въ тюрьму и подъ кнутъ, но при случаѣ, когда онъ зналъ, что слѣдствіемъ этого случая будетъ безчестье, позоръ и укоризны; такъ и въ послѣднемъ случаѣ служилыхъ людей росписали по новому въ разныя войсковыя должности, и они бьютъ челомъ, что члены другихъ родовъ въ эти должности не назначены, такъ не было бы имъ отъ нихъ послѣ безчестія и лучше всего уничтожить мѣста. Всѣ возставали *при случаѣ*, но за мѣстничество вообще, какъ за что-то полезное и нравственное, никому возстать было нельзя. Возстали съ непреодолимымъ упорствомъ за старыя книги, но потому что по нимъ молились отцы и дѣды, по нимъ спасались святые угодники и потому что авторитетъ нововводителей былъ заподозрѣнъ; но нельзя было отстаивать мѣстничество за то только, что предки изъ-за него вовлекались въ богоненавистное, дьявольское дѣло, во вражду. Но если такъ, если мѣстничество само въ себѣ ни въ чьихъ глазахъ не могло имѣть никакого оправданія, то почему же его не уничтожили гораздо прежде? На это отвѣчать легко: для всего въ исторіи есть свое время. Вѣковой, окрѣпшій обычай, коренившійся въ господствующей формѣ частнаго союза, формѣ родовой, долженъ былъ существовать до тѣхъ поръ, пока не столкнулся съ новою высшею государственною и народною потребностію, войсковымъ преобразованіемъ, пока это столкновеніе не выказало вреда его очевиднымъ для всѣхъ образомъ. Мѣстничество могло быть уничтожено только въ то время, когда общество заколебалось, тронулось, повернуло на

20\*

новую дорогу, при чемъ корни всѣхъ вѣковыхъ обычаевъ необходимо должны были расшататься и вырвать ихъ стало уже легко. Дѣду и отцу Голицына конечно не приходило въ голову, что внукъ и сынъ ихъ доложить царю челобитіе служивыхъ людей объ уничтоженіи мѣстничества. Мѣстничество зашаталось и рушилось вслѣдствіе общаго колебанія всего древняго строя, вслѣдствіе поворота къ чужому, западному—это очевидно; во сколько уничтоженію мѣстничества содѣйствовало ослабленіе родового союза—этого подмѣтить нельзя; ясно обратное дѣйствіе: уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому союзу въ верхнихъ слояхъ, ударъ, равный тому, какой въ низшихъ слояхъ нанесенъ былъ родовому союзу подушнымъ окладомъ.

Въ подобныя эпохи, какую мы теперь описываемъ, такое важное дѣло, какъ уничтоженіе мѣстничества, не могло стоять одноко. Отстранивши мѣстничество, какъ препятствіе лучшему устройству рати, успѣхамъ ея противъ непріятелей, собственно для той же цѣли должны были придти къ мысли, какъ бы покончить съ отжившимъ дружиннымъ началомъ. До сихъ поръ служилое сословіе, несмотря на разныя перемѣны въ его судьбѣ, въ отношеніяхъ его къ государю и землѣ, сохраняло еще основной характеръ дружины, войска. Бояринъ, окольничій, думный дворянинъ, спальникъ, стольникъ стряпчій и т. д. были ратные люди, которые могли, по временамъ, занимать гражданскія должности, имѣя въ виду преимущественно кормленіе, но при первомъ требованіи, садились на коня и спѣшили въ войско. Легко понять, какъ сильно выставлялась невыгода такого порядка вещей при возбужденіи вопроса о войсковомъ преобразованіи, о необходимости постоянного войска, постоянныхъ воеводъ. Но если одни изъ знатныхъ лицъ, наиболѣе къ тому способныя, должны были постоянно воеводами, то очевидно, что другіе, по этому самому, должны будутъ постоянно занимать гражданскія должности. И вотъ при томъ же государѣ, при которомъ уничтожено мѣстничество, составленъ былъ проектъ объ отдѣленіи высшихъ гражданскихъ чиновъ и должностей отъ военныхъ—знакъ, что Россія начала уже выдвигаться изъ числа государствъ съ первоначальною, простою формаціею. По этому проекту о чинахъ первую степень занимаетъ сановникъ гражданскій—бодяринъ, предстатель и разсмотритель надъ всѣми судіями царствующаго града

Москвы, который, вмѣстѣ съ двѣнадцатью засѣдателями изъ бояръ и думныхъ людей, долженъ постоянно пребывать въ устроенной къ тому палатѣ и вѣдать, чтобы всякій судья исполнялъ царскаго величества повелѣніе и гражданскій судъ правильно и разсудительно. Вторую степень занимаетъ сановникъ военный—боляринъ и дворовый воевода, который во время похода долженъ быть при государѣ, охранять послѣдняго, но кромѣ того промыслять о всякихъ воинскихъ околичностяхъ, то-есть о смѣтѣ ратямъ, устроеніи и приготовленіи оружія и всякихъ хлѣбныхъ и военныхъ запасовъ. Третью степень занимаетъ опять сановникъ гражданскій—боляринъ и намѣстникъ Владимірокій, имѣющій первое мѣсто между намѣстниками, засѣдающими въ совѣтѣ государственныхъ дѣлъ. Четвертую степень занимаетъ военный сановникъ—боляринъ и воевода сѣверскаго разряда, имѣющій постоянное пребываніе въ Сѣвсѣ: онъ оберегаетъ Польскую (степную) Украину, имѣетъ у себя многихъ воеводъ и ратныхъ людей всегда въ готовности къ отпору непріятеля. Пятая степень—боляринъ и намѣстникъ Новгородскій: занимаетъ второе мѣсто между титулярными намѣстниками въ государственномъ совѣтѣ. Шестая степень—боляринъ и воевода Владимірскаго разряда: всегда пребываетъ во Владимірѣ, устраиваетъ рати конныя и пѣшія, всегда пребываетъ во всякомъ воинскомъ приуготовленіи и, получивъ государское повелѣніе, идетъ противъ непріятеля съ своимъ разрядомъ куда потребуется. Седьмая степень—боляринъ и намѣстникъ Казанскій и т. д. Сохранилось любопытное извѣстіе, почему этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе: «Совѣтовали государи палатные бояре, чтобъ въ его царской державѣ, въ Великомъ Новгородѣ, въ Казани, въ Астрахани, въ Сибири и другихъ мѣстахъ быть царскимъ намѣстникамъ великороднымъ бояромъ вѣчно и титла имъ тѣхъ царствъ имѣть. Также и митрополитамъ писаться: митрополитъ новгородскій и всего Поморія, казанскій и всего казанскаго царства. И на сіе дѣло государь изволилъ и тому всему, гдѣ кому быть, тетрадь за помѣтою думнаго дьяка къ св. патріарху прислана, чтобъ онъ на то дѣло далъ благословеніе и въ исполненіи его помогалъ. Іоакимъ патріархъ еще и многую трудность имѣлъ отъ желающихъ этого палатскихъ подустителей, но никакъ не допустилъ и возбранилъ всеконечно это дѣлать, для того, чтобъ учиненные вѣчные намѣстники великородные люди, по про-



шествіи нѣсколькихъ лѣтъ, обогатясь и пренебрегши московскихъ царей самодержавствомъ, не отступили и единовластія не разорили» <sup>231</sup>.

Наконецъ въ послѣднее время царствованія Феодорова составленъ былъ проектъ высшаго училища или академіи. При той потребности учиться, которую такъ живо чувствовали въ XVII вѣкѣ лучшіе русскіе люди на верху стоящіе, слѣдовательно самыя вліятельныя, можно только удивляться сначала, почему этотъ проектъ явился такъ поздно, и почему давно не былъ приведенъ въ исполненіе. Но удивленію не будетъ мѣста, когда зададимъ себѣ вопросъ: откуда было взять учителей? когда вспомнимъ, какіи были слѣдствія призванія чужихъ учителей въ Москву въ царствованіе Алексѣя. Надобно было ожидать, что постараются устранить затрудненія въ царствованіе образованнаго Феодора, ученика Симеона Полоцкаго; но въ первые годы этого царствованія было не до школъ по малолѣтству царя, по придворнымъ отношеніямъ и вслѣдствіе тяжелой турецкой войны, поглощавшей все вниманіе. Но когда вздохнули свободнѣе при открывшихся мирныхъ переговорахъ съ Крымомъ и Турціею, тогда пошла сильная внутренняя дѣятельность, стали думать и объ академіи. Говорятъ, что возвращеніе съ Востока монаха Тимоѣея, сильно тронувшаго царя разказомъ о бѣдствіяхъ греческой церкви и о печальномъ состояніи въ ней науки, столь необходимой для поддержки православія, было поводомъ къ устройству небольшого училища для 30 учениковъ при типографіи; Тимоѣей былъ сдѣланъ его начальникомъ, отыскали въ Москвѣ двухъ Грековъ, которые могли учить своему языку. Но этимъ училищемъ не хотѣли довольствоваться, думали объ академіи, послали къ вселенскимъ патріархамъ просить учителей, испытанныхъ въ православіи, а между тѣмъ заготовили грамоту царскую или привилегію, очень важную для насъ потому, что здѣсь объясняется характеръ желаемаго учрежденія и съ тѣмъ вмѣстѣ объясняется положеніе тогдашняго русскаго общества, преимущественно русской церкви въ отношеніи къ призываемой наукѣ.

Въ началѣ грамоты царь говоритъ, что онъ, вступивъ на престолъ юношею, подобно Соломону, ни о чемъ не хочетъ такъ заботиться, какъ о мудрости, царскихъ должностей родительницѣ и всякихъ благъ изобрѣтательницѣ и совершительницѣ, съ кото-

рою всѣ блага отъ Бога людямъ даруются. Какъ Соломонъ устроилъ семь училищъ, такъ и онъ, царь Феодоръ, подражая Соломону и древнимъ греческимъ царямъ благочестивымъ, намѣренъ устроить въ Законоспасскомъ монастырѣ храмы чиноу академіи «и въ оныхъ сѣмена мудрости, т.-е. науки гражданскія и духовныя, начиная отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и правовой, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія постановить. Притомъ же и ученію правосудія духовнаго и мірскаго и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость академіи, сирѣчь училищъ составляется быти.»

На содержаніе блюстителя этой академіи и учителей даны монастыри: Спаса въ Китаѣ-городѣ близъ Неглинныхъ воротъ (Законоспасскій), Іоанна Богослова въ уѣздѣ Переяславля Рязанскаго, ибо Іоаннъ Богословъ почерпнулъ мудрость небесную отъ Источника премудрости, Андреевскій на Москвѣ-рѣкѣ, ибо этотъ монастырь основанъ Ртищевымъ для ученаго братства, монастырь Даниловъ также на Москвѣ-рѣкѣ для пребыванія приходящимъ изъ-за границы ученымъ людямъ, и еще четыре монастыря со всѣми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всѣми угодьями; кромѣ того царь отъ себя далъ Вышегородскую дворцовую волость и десять пустошей въ разныхъ мѣстахъ. Позволено всякому частному лицу жертвовать на пищу и одежду ученикамъ. Блюститель и учителя должны быть благочестивые и отъ благочестивыхъ родителей рожденные и воспитанные въ православной восточной вѣрѣ російскаго и греческаго народа, но изъ грековъ могутъ быть допущены только тѣ, которые принесутъ отъ вселенскихъ патріарховъ достовѣрное свидѣтельство о крѣпкомъ утвержденіи своемъ въ восточной вѣрѣ, кромѣ того и въ Россіи они будутъ крѣпко въ вѣрѣ свидѣтельствованы, дабы кто-нибудь изъ нихъ не сдѣлалъ того же, что нѣкогда сдѣлалъ еретикъ Исидоръ, російскій митрополитъ. Новообращенные изъ Римской вѣры, также изъ Лютерской, Кальвинской и другихъ ересей не допускаются въ блюстители и учителя, потому что они привыкли злохитростнымъ образомъ тайно ереси свои мало-по-малу въ учениковъ вкоренять. Приѣдутъ изъ Литвы, Малороссіи и другихъ странъ ученые люди и станутъ искать мѣста блюстительскаго или учительскаго, выставляя свое благочестіе, то словамъ ихъ не вѣ-

рять безъ свидѣтельства достовѣрныхъ благочестивыхъ людей и не ставить ихъ въ блюстители и учителя, еслибы даже кто изъ нихъ и на письмѣ правду вѣры нашей восточной утверждалъ, а неправды Римлянъ, Лютеровъ и Кальвинъ обличалъ и укорялъ: потому что прелестники сначала притворяются совершенно благочестивыми и по благочестію ревнителями крѣпкими, а потомъ мало-по-малу развратныя слова всѣвають и непорочную цѣлость вѣры нашей терзать начинаютъ. Блюститель и учителя должны цѣловать крестъ, что будутъ крѣпко и нерушимо содержать православную вѣру, охранять и защищать ее отъ всякихъ другихъ вѣръ и ересей. Въ случаѣ нарушенія клятвы будутъ наказаны по винѣ и лишены чина своего учительскаго, а за хулу на православную вѣру будутъ сожжены безъ всякаго милосердія; если и покается, будетъ наказанъ и лишень чина учительскаго. Въ академію допускаются люди всѣхъ сословій и возрастовъ. Преподаваніе обнимаетъ всѣ незапрещенныя церковію науки; особенно запрещена магія естественная; и учителей подобной науки вмѣстѣ съ учениками сожигать. Никто не смѣетъ держать домашнихъ учителей иностранныхъ языковъ, но пусть, если хочетъ, посылаетъ дѣтей своихъ въ академію, въ единое общее училище, ибо отъ домашнихъ учителей, особенно иностранныхъ и иновѣрныхъ, могутъ быть принесены противность нашей вѣрѣ и разногласіе. Если на ученикахъ академіи объявятся долги или иныя какія винны, кромѣ убійственныхъ и другихъ великихъ дѣлъ, то ихъ нельзя подвергать суду до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ изъ училища, чтобъ не препятствовать наукѣ. Судятъ ихъ блюститель съ учителями; въ случаяхъ уголовныхъ ихъ берутъ на судъ общій, но не безъ вѣдома блюстителя. Если блюститель самъ будетъ заподозрѣнъ въ какомъ-нибудь преступленіи, то судится учителями; учитель судится блюстителемъ и учителями. Учителя не могутъ быть принимаемы ни въ какую другую службу безъ вѣдома блюстителя и учителей; за долговременную и ревностную службу учителя получаютъ пенсіи. Если нѣкоторые люботрудные отроки, сего драгоцѣннѣйшаго сокровища, т.-е. мудрости по грамматической хитрости и прочихъ наукъ свободныхъ, какъ изъ нѣдръ земныхъ злата, изъ различныхъ діалектовъ писаній, особенно же славенскаго, еллиногреческаго, польскаго и латинскаго, будутъ стараться изыскивать прилежно, то имъ, за ихъ въ наукахъ ус-

тѣхъ, засвидѣтельствованные блюстителемъ и учителями, отъ великаго государя будетъ достойное издѣланіе; а по окончаніи свободныхъ ученій будутъ пожалованы въ приличные разуму ихъ чины и получать за мудрость свою особенное царское щедрое милосердіе. Не научившихся свободнымъ наукамъ въ государскіе чины, въ стольники, стряпчіе и другіе не допускать никого, кромѣ благородныхъ; изъ неблагородныхъ допускаются въ эти чины только за ученіе и за явные на войнѣ и въ другихъ государственныхъ дѣлахъ заслуги. Всѣ ученые иностранцы, пріѣзжающіе въ Россію, подвергаются испытанію въ академіи, и только вслѣдствіе одобренія ея принимаются въ службу, не получившіе же одобренія изгоняются изъ государства. Академія должна блюсти за тѣмъ, чтобъ въ вѣрѣ противностей, распрей и раздоровъ не являлось отъ противномыслящихъ православной вѣрѣ. Блюститель долженъ доносить царю о такихъ противникахъ и послѣднимъ правительство не дастъ состязаться съ блюстителемъ и учителями въ вѣрѣ и церковныхъ преданіяхъ. Списокъ именамъ всѣхъ новообращенныхъ въ православіе долженъ быть отданъ блюстителю, который наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ, и если кто изъ нихъ пошатнется въ новомъ исповѣданіи, такихъ ссылатъ въ дальніе города, на Терекъ и въ Сибирь. Блюститель и учителя должны также усердно заботиться о томъ, чтобъ всякаго чина духовные и мірскіе люди волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и всякихъ церковію запрещенныхъ богохульныхъ и богоненавистныхъ книгъ и писаній у себя не держали, по нимъ не дѣйствовали и другихъ тому не учили. Людямъ неученымъ польскихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, лютерскихъ и кальвинскихъ и прочихъ еретическихъ книгъ у себя въ домахъ не держать, не читать ихъ за неимѣніемъ довольнаго разсужденія и чтобъ не было сомнѣній въ нашей вѣрѣ; нигдѣ никому не имѣть споровъ по этимъ книгамъ и не представлять предлоговъ; есть такой обычай у прелестниковъ: заведутъ споръ, да и скажутъ, что они это дѣлаютъ не потому, что сомнѣваются въ вѣрѣ и церковныхъ преданіяхъ, но просто для наукотворнаго состязанія. Такія еретическія книги жечь или приносить къ блюстителю и учителямъ. Если какой-нибудь иностранецъ или русскій обвиненъ будетъ въ худѣ на православную вѣру, то отдается на судъ блюстителю и учителямъ, и если обвиненіе окажется справедливымъ, то преступникъ

подвергается сожженію. Если какой-нибудь пришлецъ былъ прежде восточной вѣры, а потомъ приметъ вѣру римскую или лютерскую, кальвинскую или другую какую-нибудь ересь, такой долженъ быть преданъ сожженію; если же кто-нибудь прежде былъ римской вѣры, а потомъ принялъ лютерскую, такой долженъ быть наказанъ градскимъ судомъ и сосланъ въ ссылку. Государственная вивліюенка на вѣки предается въ сохраненіе блюстителю училищъ и учителямъ. Издержки построенія училища принимаетъ на себя казна» <sup>222</sup>.

Изъ этой любопытной привилегіи мы всего яснѣе можемъ видѣть господствующій взглядъ времени на науку, на училище. Необходимость науки, училища сознава, сознава въ интересахъ церкви; училище свободныхъ наукъ устроивается для поддержки православія, которое не находитъ для себя этой поддержки на Востокѣ. Но здѣсь надобно поступать съ величайшею осторожностію, ибо наука, училище, учителя вмѣсто поддержки православію могутъ нанести ему ударъ, надобно слѣдовательно набрать учителей испытаннаго православія, и за учителями обращаются къ вселенскимъ патріархамъ, главнымъ блюстителямъ православія. Но этого мало: православіе окружено опасностями, люди, враждебные ему, люди римской, лютерской и кальвинской вѣры безпрестанно являются въ Москву, ихъ много въ службѣ великаго государя, прелестники будутъ дѣйствовать противъ православія, не разбирая средствъ, православію нужно бороться съ ними неусыпно, и главнымъ орудіемъ для этой борьбы будетъ академія. Она уполномочена слѣдить за всѣми движеніями враговъ, и бить всполохъ при первой опасности. Московская академія по проекту царя Θεодора—это цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ западомъ; это не училище только, это страшный инквизиціонный трибуналъ: провзнесутъ блюстители съ учителями слова: «виновенъ въ неправославіи», — и костеръ запылаетъ для преступника. И при царѣ Θεодорѣ, какъ послѣ при братѣ его Петрѣ, наука призывалась съ практическою цѣлію; разница въ томъ, что при Θεодорѣ она призывалась преимущественно на служеніе церкви, а при Петрѣ на служеніе государству.

И проектъ финансоваго преобразованія, и проектъ отдѣленія гражданскихъ должностей отъ военныхъ, и проектъ академіи ос-

тались только проектами. 11 июля 1681 года у Феодора родился сынъ, царевичъ Илья; но всемірная радость, по тогдашнему выраженію, была непродолжительна: царица Агаѳея умерла родами (14 июля). Польскій авторъ не разъ уже приводимаго описанія московской смуты 1682 года очень лестно отзываясь о покойной царицѣ, говоритъ, что она, будучи польскаго происхожденія, много добра принесла царству московскому, уговоривъ мужа снять позорные женскіе охабни, которые должны были носить ратные люди, бѣжавшіе съ поля сраженія; по ея вліянію начали въ Москвѣ волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши польскіе носить, школы польскія и латинскія закладывать, велѣно вынести изъ церквей образа, которые каждый прихожанинъ приносилъ и считалъ своими, передъ ними исключительно молился и зажигалъ свѣчи, а другимъ не позволялъ. Эти поступки, продолжаетъ авторъ, хвалили люди, принадлежавшіе къ партіи царя Феодора, напротивъ порицали приверженцы Матвѣева, говоря, что царь скоро введетъ Ляцкую вѣру, и, женись на полькѣ, будетъ также вести себя, какъ Дмитрій Самозванецъ, женившись на Маринѣ Мишкевѣ.

Царевичъ Илья черезъ шесть дней послѣдовалъ за матерью въ могилу. Начали думать о второмъ бракѣ. Конечно не безъ вліянія Языкова, царь женился на свойственницѣ его <sup>223</sup>, Марѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, дѣвушкѣ не знатнаго происхожденія (14 февраля 1682 г.), но черезъ два мѣсяца съ половиною послѣ этого брака, 27 апрѣля, Феодоръ скончался на двадцать первомъ году отъ рожденія.

Возмужаніе царя, устраненіе Милославскихъ, приближеніе Языкова, Лихачевыхъ, а потомъ Апраксиныхъ должны были имѣть вліяніе на судьбу двухъ знаменитыхъ дѣятелей прежняго царствованія, Никона и Матвѣева. Мы оставили Никона въ монастырѣ Кирилла Бѣлозерскаго, гдѣ онъ былъ гораздо болѣе стѣсненъ, чѣмъ въ Отрапонтѣ. Но въ Москвѣ и въ самомъ дворцѣ нашлась у него сильная заступница: то была тетка царская, Татьяна Михайловна, старшая дѣтями изъ особъ царскаго семейства, благочестивая и тѣмъ болѣе вліятельная. Царевна Татьяна была всегда привязана къ Никону, и теперь, воспользовавшись обстоятельствами, ослабленіемъ вліянія Милославскихъ и Хитрово, начала внушать племяннику, какъ не хорошо съ его стороны му-

чить въ тѣсномъ заключеніи человѣка, оказавшаго такія важныя услуги всѣмъ имъ во время мороваго повѣтрія. Понятно, что въ природѣ и въ памяти Θεодора царевна не могла найти сопротивленія своимъ намѣреніямъ. По ея указанію, государь началъ ѣздить въ недостроенный Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ), плѣнился мѣстоположеніемъ, величественнымъ, затѣйнымъ планомъ, и не щадилъ издержекъ для довершенія построекъ. Естественно, что въ мѣстахъ, гдѣ все напоминало Никона, и напоминало только съ хорошей стороны, царь не могъ забыть о немъ. Онъ предложилъ патріарху перевести Никона въ Воскресенскій монастырь, но встрѣтилъ въ Іоакимѣ сильное сопротивленіе. Іоакимъ, очень ревнивый къ своей власти, и вслѣдствіе этой ревности имѣвшій враговъ, не могъ допустить въ сосѣдство къ Москвѣ, къ царю человѣка, продолжавшаго называть себя патріархомъ, способнаго иногда смиряться при ударѣ, но сейчасъ же готоваго поднять голову, какъ только гроза миновала. Нельзя не вспомнить о слухахъ, ходившихъ между современниками, перешедшихъ и къ потомкамъ, которые не считали ихъ вздорными. Есть извѣстіе, что Симеонъ Полоцкій, неуживавшійся съ Іоакимомъ, хотѣлъ употребить Никона орудіемъ для его удаленія и уговаривалъ своего царственнаго ученика установить въ Россіи четырехъ патріарховъ на мѣстахъ четырехъ митрополитовъ, въ Новгородѣ, Казани, Ростовѣ и Крутицахъ, послать Іоакима патріархомъ въ Новгородъ, а Никона возвратить въ Москву и назвать папою<sup>224</sup>. Какихъ слуховъ не распространяли тогда и какиѣ слухамъ не вѣрили? Но и безъ подобныхъ слуховъ Іоакимъ имѣлъ сильныя причины не желать возвращенія Никона въ Воскресенскій монастырь, а отказъ дать свое согласіе на это могъ быть выраженъ очень благовиднымъ образомъ: «Сверженъ онъ не нами, а великимъ соборомъ и вселенскими патріархами: мы не можемъ возвратить его безъ ихъ вѣдома; впрочемъ государь, буди твоя воля,» говорилъ Іоакимъ царю. Созванъ былъ соборъ для рѣшенія этого дѣла, но соборъ ничего не рѣшилъ; предсѣдатель собора былъ противъ, да и между другими отцами не легко было найти приверженцевъ Никона. Царю осталось утѣшить заточника собственноручнымъ письмомъ.

Между тѣмъ Никонъ сталъ изнемогать. Кирилловскій архимандритъ извѣстилъ патріарха, что заточникъ при смерти, приваялъ

схиму, освященъ елеємъ; архимандритъ испрашивалъ особыхъ распоряженій насчетъ похоронъ, гдѣ положить, какъ поминать? Іоакимъ велѣлъ похоронить какъ простаго монаха. Но Никонъ и на смертномъ одрѣ не считалъ себя простымъ монахомъ, не думалъ отказываться отъ патріаршества. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ братіи Воскресенскаго монастыря онъ называетъ себя патріархомъ; въ этомъ письмѣ Никонъ увѣдомляетъ о своей тяжелой болѣзни, приковавшей его къ постели: «а милость великаго государя была, что хотѣлъ меня изъ бѣдности взять, по вашему чедобитью, и писалъ жаловалъ своею рукою, а нынѣ то время совершилося, а его милостиваго указу нѣтъ, умереть мнѣ будетъ внезапно. Пожалуйте чада моя, не попомните моей грубости: побейте челомъ еще о мнѣ великому государю, не дайте мнѣ напрасною смертію погнунуть, моего житія конецъ приходитъ.» Воскресенскіе монахи подали это письмо государю; онъ показалъ его патріарху, другимъ архіереямъ, умоляя ихъ согласиться на переведеніе умирающаго. Наконецъ согласились. Никона взяли изъ Кириллова монастыря, съ большимъ трудомъ довели до рѣки Шексны, гдѣ посадили на стругъ и повезли Шексною, а потомъ Волгою къ Ярославлю. Когда доплыли до Толгскаго монастыря, Никонъ чувствуя крайнее изнеможеніе, велѣлъ пристать къ берегу и приобшлся. Послѣ этого стругъ былъ введенъ изъ Волги въ рѣку Которость: здѣсь Никонъ умеръ 17 августа 1681 года, 75 лѣтъ отъ рожденія. Тѣло привезли въ Воскресенскій монастырь, гдѣ похоронили съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи царя.

Конечно не плачевныя челобитныя и ловкія оправданія Матвѣева, а перемѣны придворныхъ отношеній были причиною тому, что участь и Пустозерскихъ заточниковъ въ одно время съ участію Никона, именно въ 1680 году, была облегчена: ихъ перевели въ Мезень. Облегченіе было не очень велико, если судить по новымъ жалобамъ Матвѣева: «А и на Мезень велѣно насъ переволочъ отъ Пустозерскаго и горькослезнаго мѣста, отъ моря къ тому же пустому морю, за тою жъ тѣснотою и стражею темничною, писалъ Матвѣевъ государю: а и на Мезени намъ тунедателей нѣтъ; жалованья дано 150 рублей, и того будетъ на день намъ и сиротамъ нашимъ по три денежки, а на одежду намъ твоего государеваго милостиваго указа нѣтъ. А и противникамъ цер-



ковнымъ, которые сосланы на Мезень, Аввакума жена и дѣти, и тѣмъ жалованья на день по грошу на человѣка, а на малыхъ по три денежки, а мы не противники ни церкви, ни вашему царскому повелѣнію, плачу, что ветхій сѣдиною, древеси работами, сверстанъ кормомъ съ единоплѣтнимъ.» Въ концѣ 1681 года царь Ѳеодоръ помолвилъ на Апраксиной, которая, какъ говорятъ <sup>225</sup>, была крестница Матвѣева. Первымъ дѣломъ невѣсты царской было—бить челомъ жениху о крестномъ, и въ первыхъ числахъ января 1682 года въ Мезень пріѣхалъ капитанъ Лишуконъ съ указомъ объявить Матвѣеву и сыну его, что царское величество, разсмотря ихъ невинность и бывшее на нихъ ложное оклеветаніе и милосердуя о нихъ, указалъ ихъ изъ-за пристава освободить, московскій ихъ дворъ, подмосковныя и другія вотчины и пожитки, оставшіеся за раздачею и продажею, возвратить, сверхъ того пожаловалъ имъ государь новую вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ село Верхній Ландехъ съ деревнями, 800 дворовъ крестьянскихъ, и указалъ отпустить ихъ изъ Мезени въ городъ Лухъ, гдѣ ждать имъ новаго указа. Но этого указа они уже не дождались отъ Ѳеодора <sup>226</sup>.

---

## Г Л А В А III.

### Московская смута 1682 года.

Побужденіе къ избранію въ цари Петра мимо Іоанна. — Партія Іоанна и ея движенія. — Спены на погребеніи царя Θεодора. — Волненія стрѣльцовъ и солдатъ. — Слабость правительства и разнузданность стрѣльцовъ. — Заговоръ Милославскаго. — Пріѣздъ Матвѣева. — Стрѣлецкій бунтъ. — Двоевластіе и правленіе Софьи. — Неловкое положеніе стрѣльцовъ. — Столпъ на Красной площади для оправданія бунта. — Движеніе раскольниковъ. — Хованскій ихъ поддерживаетъ. — Раскольникыя смута 5 іюля. — Стрѣльцы отстаютъ отъ раскольниковъ и дѣло послѣднихъ проиграно. — Продолженіе стрѣлецкихъ волненій. — Отѣздъ двора изъ Москвы. — Казнь Хованскихъ. — Призывъ дворянскаго ополченія. — Волненія и ужасъ стрѣльцовъ и солдатъ. — Они просятъ помилованія у царей. — Условія помилованія. — Стрѣльцы признаютъ себя бунтовщиками. — Уничтоженіе столпа на Красной площади. — Возвращеніе двора въ Москву. — Шакловитый начальникъ стрѣлецкаго приказа, его твердость. — Мъры противъ сѣдствій мятежа. — Смуты въ Малороссіи и на Дону. — Удаленіе опасныхъ стрѣльцовъ изъ Москвы.

---

Разсказываютъ <sup>227</sup>, что молодая жена царя Θεодора, Марѳа Матвѣевна, употребила всѣ старанія, чтобъ сблизить своего мужа съ мачихою и дѣтьми ея, съ которыми у него до сихъ поръ продолжались *неукротимыя* несогласія. Царица успѣла въ своемъ дѣлѣ; мы видѣли, что она успѣла также выхлопотать переводъ Матвѣева изъ Мезени въ Лухъ, но не въ Москву! Вмѣстѣ съ царицею Марѳою за царицу Наталью, за Нарышкиныхъ и Матвѣева хлопотали сильно Апраксины, Языковъ, Лихачевы. Но почему же Языковъ и Лихачевы такъ поздно начали хлопотать? они могли сдѣлать это гораздо раньше. Дѣло въ томъ, что раньше не было нужды: большая сила была въ рукахъ Языкова и Лихачевыхъ, зачѣмъ же ею

съ кѣмъ нибудь дѣлиться? Царь Θεодоръ еще не былъ очень слабъ и была надежда на потомство отъ него. Но вотъ царица и новорожденный царевичъ умирають, царь женится въ другой разъ, но это отчаянное средство не помогаетъ: Θεодоръ день ото дня становится слабѣе. Языкову, «глубокому московскихъ прежде площадныхъ, потомъ и дворскихъ обхожденій проникателю», нужно стало позаботиться о будущемъ. Послѣ Θεодора наслѣдниками останутся два брата: Іоаннъ, больной, слѣпой, слабоумный, и Петръ, здоровый, живой, даровитый десятилѣтній мальчикъ. Стать за Іоанна—какое будущее? много нацарствовалъ Θεодоръ? но Θεодоръ еще не всегда нуждался въ опекѣ, а за Іоанна постоянно должны управлять другіе; кто же будетъ управлять? царевна Софья съ Милославскими? значить Языкову и Лихачевымъ надобно готовиться въ путь еще подальше Пустозерска, за Камень, ибо Милославскіе не забудутъ, что у нихъ была отнята власть Языковымъ и Лихачевыми. А съ Нарышкиными и Матвѣевымъ сблизиться легко, содѣйствуя ихъ возвращенію, тѣмъ болѣе что старой вражды не было.

Большинство знати должно было раздѣлять взглядъ Языкова и Лихачевыхъ относительно престолонаслѣдія. Стать за неспособнаго и не долговѣчнаго Іоанна значило накликать смуту на себя и на землю, и кому изъ знати охота повиноваться Милославскимъ или тѣмъ, кого возьметъ къ себѣ въ совѣтники царевна Софья? Матвѣевъ же перебивалъ во дворцѣ дорогу Милославскимъ и Хитрово, но всегда почиталъ знатныхъ людей. И надобно замѣтить, что большинство этой знати состояло изъ людей или уже совершенно одряхлѣвшихъ или неспособныхъ къ видной дѣятельности, и потому довольныхъ, если имъ будетъ почетъ по ихъ роду. Двое изъ старинной знати: князь Василій Васильевичъ Голицынъ и князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, выдѣлялись изъ ряду, не были приверженцами Петра. Можно думать, что уже и тогда князь Голицынъ былъ соединенъ съ царевною Софьею сердечнымъ союзомъ и при ея торжествѣ съ восшествіемъ на престолъ Іоанна могъ подняться и играть первенствующую роль. Князь Хованскій, знаменитый (преимущественно своими поражениями и жалобами на него подчиненныхъ <sup>228</sup>) воевода царя Алексѣя, человѣкъ энергическій, смѣлый, но безъ разсудительности, природа порывистая, безпокойная, заносищная, вѣрно очерчен-

ная въ народномъ прозвищѣ *Тараруй*. Членъ рода знатнаго, но долго не отличавшагося почетомъ служебнымъ, Хованскій тѣмъ сильнѣе превозносился своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина, рѣзче другихъ высказывался противъ новыхъ людей, которыхъ такъ много явилось въ послѣднее время; приверженецъ старины во всемъ, Хованскій былъ сильно недоволенъ этимъ временемъ Нащокиныхъ, Матвѣевыхъ, Языковыхъ, Лихачевыхъ, Нарышкиныхъ, Апраксиныхъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ времени, когда всѣ эти ненавистные для него люди исчезнутъ и ему можно будетъ наконецъ получить достойную его дѣятельность. Кто дастъ ему эту дѣятельность, къ тому онъ и примкнетъ. Отъ Нарышкиныхъ и Матвѣева Хованскій не ждалъ ничего хорошаго для себя, а слѣдовательно и для Россіи, и потому онъ не былъ приверженцемъ Петра.

Такимъ образомъ царевны, дочери Милославской и представительница ихъ Софья не могли ждать себѣ подпоры въ членахъ думы. А между тѣмъ положеніе ихъ было отчаянное: въ началѣ царствованія Θεодора онѣ воспользовались своимъ торжествомъ и не пощадили мачихи, ея родныхъ и воспитателя: чего же ждать имъ теперь хорошаго отъ торжества царицы Нагалы, Нарышкиныхъ, Матвѣева? Софья и человекъ, котораго интересы были сильно связаны съ ея интересами, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій дѣйствуютъ по инстинкту самосохраненія. Орудіями ихъ являются люди молодые, т.-е. незначительные: стольники — Александръ Милославскій, братья Толстые — Иванъ и Петръ Андреевичи, два стрѣлцкіе подполковника — Иванъ Цыклеръ изъ иноземцевъ и Иванъ Озеровъ, да выборные стрѣльцы: Борисъ Одинцовъ, Абросимъ Петровъ, Кузьма Черный<sup>222</sup>. Деньгами, богатыми обѣщаніями имъ удалось набрать толпу людей, готовыхъ отстаивать права старшаго царевича на престолъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда разнеслась вѣсть о кончинѣ царя Θεодора. Вельможи, твердо рѣшившіеся провозгласить Петра, знали или догадывались о движеніяхъ Милославскаго, и потому думали, что при этомъ провозглашеніи можетъ быть дѣло дойдетъ и до ножей. Дядька царевича Петра, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ съ братомъ Иваномъ и четверо Долгорукихъ — Яковъ, Лука, Борисъ и Григорій, отправляясь во дворецъ на царское избраніе, подѣли подъ платье панцыри. На этотъ разъ

однако дѣло обошлось безъ смуты. Когда всѣ, по обряду, простились съ покойнымъ царемъ и потомъ одинаково цѣловали руки у обоихъ оставшихся братьевъ его, Іоанна и Петра, патріархъ съ архіереями и вельможами вышелъ въ переднюю и спросилъ: кто же изъ двухъ царевичей будетъ царемъ? Присутствующіе отвѣчали, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ всѣхъ чинами людьми московскаго государства. Подъ московскимъ государствомъ, въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣли обыкновенно одинъ царствующій градъ: такъ, по крайней мѣрѣ, было понято тутъ. Патріархъ съ архіереями и вельможами вышелъ на крыльцо, велѣлъ всякихъ чиновъ людямъ собраться на площади передъ церковію Спаса, и спросилъ, кому изъ двоиныхъ царевичей быть на царствѣ? Раздались крики: Петру Алексѣевичу! раздались и другіе крики: Іоанну Алексѣевичу! но были заглушены. Всѣхъ чиновъ люди рѣшили дѣло: патріархъ возвратился во дворецъ и благословилъ на царство Петра.

Но кто же и по какимъ побужденіямъ кричалъ за Іоанна? Современники <sup>230</sup> сохранили имя одного изъ этихъ крикуновъ, дворянина Максима Сумбулова, и разказывали слѣдующее о позднѣйшей встрѣчѣ его съ Петромъ. Однажды Петръ, будучи у обѣдни въ Чудовѣ монастырѣ, замѣтилъ, что одинъ монахъ не подошелъ къ антидору; царю показалось это страннымъ, онъ спросилъ, кто этотъ монахъ? и получилъ въ отвѣтъ, что Сумбуловъ. Петръ подозвалъ монаха и спросилъ, отчего онъ не подошелъ къ антидору? «Не посмѣлъ пройти мимо тебя и поднять на тебя глаза», былъ отвѣтъ. Петръ велѣлъ ему идти къ антидору, и потомъ, подозвавши опять къ себѣ, спросилъ: «отчего я тебѣ при выборѣ на царство не показался?» Монахъ отвѣчалъ: «Іуда за тридцать сребренниковъ продалъ Христа, будучи его ученикомъ; а я твоимъ, государь, ученикомъ никогда не бывалъ: то диво ли, что я тебя продалъ, будучи мелкимъ дворяниномъ, за боярство <sup>231</sup>?»

Сумбуловъ съ товарищами не успѣли выкрикнуть Іоанна. Петръ былъ провозглашенъ царемъ, т.-е. правленіе государствомъ, по извѣстному обычаю, противъ котораго никто не спорилъ, переходило къ матери его, царицѣ Натальѣ. Ненавистная мачиха будетъ правительницею — эта мысль душила Софью; она не могла выдерживать, притворяться, да и какое притворство теперь не могло помочь. Въ день погребенія царя Θεодора она удивила

всѣхъ, нешедши за гробомъ въ соборъ, вопреки обычаю, недопускавшему царевнѣ участвовать въ подобныхъ церемоніяхъ. Напрасно отговаривали ее, представляли, что негодится, неприлично: Софья никого не послушалась и, говорятъ, обратила на себя вниманіе народа страшнымъ воплемъ. Горе Софьи было не притворное; не притворялись, не сдерживали себя и съ другой стороны: царица Наталья и царь Петръ, простившись съ покойникомъ, возвратились во дворецъ задолго до окончанія службы, за ними послѣдовали и нѣкоторые вельможи. Легко повѣримъ извѣстію, что этотъ поступокъ произвелъ сильное негодованіе на половинѣ царевнѣ, изъ которыхъ Анна и Татьяна Михайловны, какъ тетки царскія, пользовались особеннымъ уваженіемъ. Онѣ отравили монахинь къ царицѣ Натальѣ съ выговоромъ: хорошъ братъ: не могъ дожидаться конца погребенія! Царица отвѣчала что Петръ еще ребенокъ, не могъ выстоять такой долгой службы не ѣвши, а братъ царицынъ, Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ, недавно возвращенный изъ ссылки, сказалъ: «кто умеръ, тотъ пусть и лежитъ, а царское величество не умираетъ, живъ.» Погребеніе кончилось; Софья возвратилась во дворецъ, и разказывали, будто она, идя изъ собора и горько плача, обращалась къ народу съ такими словами: «видите, какъ братъ нашъ царь Θεодоръ неожиданно отошелъ съ сего свѣта, отравили его враги зложелательные; умиосердитесь надъ нами сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій братъ нашъ Иванъ не выбранъ на царство; а если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ.» Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на народъ <sup>232</sup>.

Но какъ бы ни сильно было это впечатлѣніе, разчитывать на спокойную безоружную массу было нельзя, и потому обратились къ стрѣльцамъ, уже подготовленнымъ къ движенію. Мы знаемъ, что въ то время, когда сильный, облеченный властію челоѣкъ стремился прежде всего кормиться насчетъ слабого, подчиненнаго, употреблять его на свою личную службу, жалобы приходили не отъ однихъ посадскихъ, притѣсняемыхъ воеводами, но и отъ служилыхъ людей, притѣсняемыхъ своими воеводами, и потому намъ нисколько не будетъ удивительно, что и стрѣльцы, и солдаты, въ концѣ царствованія Θεодора, жаловались на притѣсне-

нія того или другаго изъ своихъ полковниковъ. Для стрѣльцовъ притѣсненія были очень чувствительны, потому что они въ свободное отъ службы время жили съ семействами, своими домами, въ особыхъ слободахъ и занимались выгодными промыслами: главная жалоба ихъ на нѣкоторыхъ полковниковъ состояла въ томъ, что они занимали ихъ своими работами и такимъ образомъ отрывали отъ промысловъ. Время было такое въ концѣ царствованія Θεодора, что и полковники могли развѣздаться больше прежняго, и стрѣльцы могли своевольничать. Смотри на общее направленіе правительственной дѣятельности, мы не можемъ отказать въ смыслѣ и благонамѣренности людямъ близкимъ къ царю, Языкову, Лихачевымъ. Но мы ни изъ чего не можемъ заключить, чтобъ эти люди обладали особенными талантами, особенною твердостью характера, столь необходимаго для поддержанія порядка, во всѣхъ частяхъ управленія; и восхвалители Языкова выставляютъ прежде всего его придворную ловкость и хитрость, а хитрость—орудіе слабого; притомъ же въ послѣднее время царя Θεодора, когда царь видимо угасалъ, Языкову съ товарищи надобно было заботиться прежде всего о самихъ себѣ. До какой степени были слабы духомъ остальные придворные, отъ ближняго боярина до стольника, стряпчаго и жильца, всѣ эти прирожденные воины, прирожденные воеводы, всего лучше покажетъ намъ постыдное поведеніе ихъ при стрѣльцкомъ бунтѣ; здѣсь всего лучше высказалась несостоятельность стариннаго дружинно-придворнаго устройства и необходимость преобразованій. Безопасность и порядокъ въ столицѣ основывались на стрѣльцахъ, а стрѣлецкій приказъ былъ въ вѣдѣніи стараго боярина, князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго. Мы встрѣчались нерѣдко съ Долгорукинымъ, какъ съ однимъ изъ самыхъ видныхъ воеводъ царя Алексѣя и однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей; но теперь князь Юрій уже былъ развалина отъ старости и паралича; сынъ его и товарищъ по приказу, князь Михайла, не былъ способенъ заставить уважать себя, и вотъ полковники притѣсняютъ, а стрѣльцы волнуются, нечувствуя сверху сильной руки, способной сдерживать неправду и волненія.

Стрѣльцы полку Пыжова всѣмъ приказомъ били челомъ государю на полковника своего Богдана Пыжова, что онъ вычиталъ у нихъ по половинѣ денежнаго жалованья; царь велѣлъ розы-

скалъ дѣло Языкову. Говорять, что Языковъ сдѣлалъ розыскъ несправедливый, повѣрилъ полковникамъ <sup>233</sup>. Не знаемъ, во сколько мы должны вѣрить показанію челоуѣка, который, по привязанности къ Софѣ и Милославскимъ, могъ быть враждебенъ Языкову; но вспомнимъ что для Языкова «глубокаго дворскихъ обхожденій проникателя» указать на безпорядки въ стрѣльцкомъ приказѣ значило оскорбить начальника приказа, князя Долгорукаго, такого *стола*! Какъ бы то ни было, челобитчиковъ стрѣльцовъ, лучшихъ людей, велѣно наказать, чтобъ они впредь не смѣли бить челоуѣ на полковниковъ, ихъ били кнутаомъ и разослали въ ссылки; полковники подняли головы и еще хуже начали обращаться съ рядовыми. 23-го апрѣля стрѣльцы подали новое челобѣтье на другаго полковника Грибоѣдова; но на этотъ разъ, боясь, какъ видно, что опять не захотятъ обидѣть Долгорукаго, пошли по начальству, подали челобѣтье въ стрѣльцкомъ приказѣ чрезъ одного выборнаго. Долгорукому доложили, что принесъ челобитную пьяный стрѣлецъ и наговорилъ много непристойныхъ словъ про него, боярина, и про другихъ <sup>234</sup>. Бояринъ велѣлъ схватить челобитчика и высѣчь кнутаомъ передъ съѣзжею избою, чтобъ другимъ впредь было не повадно такъ воровать; но когда стрѣльца вывели на площадь и прочли ему приговоръ, то онъ закричалъ товарищамъ: «братцы! вѣдь я по вашему желанію и приговору подалъ челобитную: такъ зачѣмъ же вы теперь позволяете чинить надо мною такое поруганіе!» Стрѣльцы взволновались, бросились на приказныхъ сторожей, смяли ихъ и выручили товарища. Это было знакомъ къ волненію почти во всѣхъ стрѣлецкихъ полкахъ. Солдаты подали въ то же время челобитную на генерала своего, Матвѣя Кравкова. Стрѣльцы были челоуѣ царю на Грибоѣдова и «хотѣли было бунтовать.» Правительство предупредило бунтъ, приказавши Грибоѣдова отставить изъ полковниковъ, отнять вотчины и сослать въ Тотму.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда умеръ Ѳеодоръ. Въ самый день его смерти, во время присяги Петру, стрѣльцы приказа Карандѣева отказались цѣловать крестъ: къ нимъ отправлены были окольнічій князь Константинъ Щербатый, думный дворянинъ Змѣевъ и думный дьякъ Украинцевъ, которымъ удалось уговорить стрѣльцовъ и они поцѣловали крестъ Петру.

Но на третій же день явилась во дворецъ толпа и отъ имени



шестнадцать стрѣльцкихъ полковъ и одного солдатскаго Бутырскаго потребовали, чтобъ девять полковниковъ были схвачены и приневолены выплатить деньги, вымученныя у стрѣльцовъ, также деньги за работы, къ которымъ они принуждали стрѣльцовъ, въ противномъ случаѣ грозились промыслить сами о себѣ, перебить полковниковъ, разграбить ихъ дома и животы. «Достанется и другимъ измѣнникамъ! кричали стрѣльцы: будетъ намъ терпѣть мученіе отъ полковниковъ и смотрѣть, какъ измѣнники обманываютъ царское величество!» Подлѣ царицы Натальи не было въ это время ни одного человѣка, который бы могъ найдтись въ подобныхъ обстоятельствахъ. Испугались, не знали, что дѣлать; рѣшили перехватать обвиненныхъ полковниковъ и посадить подлѣ караулъ въ рейтарскомъ приказѣ. Но стрѣльцы этимъ не довольствовались, требовали, чтобъ полковники были выданы имъ головами. Правительство не соглашалось, общая само оказать справедливость; стрѣльцы долго упорствовали и едва были уговорены нѣкоторыми вельможами, имѣвшими на нихъ влияние, и архіереями; имъ обѣщано, что съ старыхъ полковниковъ взыщутъ всѣ деньги и поставятъ новыхъ <sup>235</sup>. Но по нѣкоторымъ, чуть ли не обстоятельнѣйшимъ извѣстіямъ <sup>236</sup>, правительство такъ испугалось, что согласилось выдать полковниковъ; одинъ патріархъ понялъ весь ужасъ подобной уступки и поспѣшилъ разослать по всѣмъ полкамъ съ увѣщаніями не требовать выдачи.

Какъ бы то ни было, полковники должны были заплатить всѣ начитанныя на нихъ стрѣльцами деньги; съ иныхъ взыскивали до 2000 рублей; тѣхъ же, которые не могли заплатить, держали на правѣжѣ часа по два. Кромѣ того нѣкоторые сильно обвиняемые были особенно биты батогами, а Карандѣевъ и Грибоѣдовъ кнутомъ, передъ чѣмъ, по обычаю, читались имъ сказки, или объявленіе вины. Семену Грибоѣдову читали: «били на тебя челомъ великому государю пятидесятники, десятники и рядовые стрѣльцы твоего приказа: ты чинилъ имъ налоги, обиды и всякія тѣсноты, для взятокъ и работъ билъ ихъ жестокими боями, билъ батогами, ругательствомъ, взявши въ руки батога по два, по три и по четыре; на ихъ стрѣльцкихъ земляхъ устроилъ огороды и всякія овощныя сѣмена на этихъ огородахъ велѣлъ имъ покупать на сборныя деньги; на огороды и въ деревни свои на всякія работы посылалъ ихъ стрѣльцовъ и дѣтей ихъ и заставлялъ отвозить туда

на ихъ же стрѣлцкихъ подводахъ; неволею заставлялъ ихъ шить себѣ цвѣтное платье, бархатныя шапки, желтые сапоги; изъ государственнаго жалованья вычиталъ у нихъ деньги и хлѣбъ, отпускалъ ихъ съ карауловъ и за то бралъ съ нихъ деньги; деньги, которыя имъ даются на стѣнной караулъ, и запасы изъ дворцовъ ты бралъ себѣ; приказывалъ имъ покупать лѣсъ и всякіе запасы на свое дворовое строеніе на сборныя деньги; къ себѣ на дворъ бралъ изъ нихъ деньщиковъ по многу и заставлялъ ихъ работать всякую работу и отходы чистить. Будучи въ походахъ, дѣлалъ имъ также всякія тягости и на подводахъ ихъ возилъ свои запасы. При царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ указано было тебѣ съ великимъ подкрѣпленіемъ никакихъ взятокъ не брать и стрѣльцовъ работать на себя не заставлять, для того тебѣ и дана была деревня въ помѣстье, а ты, забывъ милость великаго государя, стрѣльцовъ обижалъ и билъ ихъ напрасно»<sup>227</sup>. Не смотря на то, что стрѣльцы отказались отъ выдачи имъ полковниковъ головою, они толпились тутъ же на площади при правожѣ и наказаніяхъ, распоряжались; закричать: довольно! и правожѣ прекращается. Но, какъ видно, высказывалось сильное неудовольствіе не на однихъ стрѣлцкихъ полковниковъ, а на всѣхъ временщиковъ прошлаго царствованія, и чтобъ потушить это неудовольствіе царь положилъ опалу, запретилъ видѣть свои очи боярину Ивану Языкову и сыну его чашнику Семену, постельничему Алексѣю и казначею Михайлѣ Лихачевымъ, ближнимъ стольникамъ Ивану Языкову и Ивану Дашкову. Но эта мѣра не помогла.

Получивши надъ полковниками свою волю, стрѣльцы разнуздались, не чувствуя надъ собою никакой силы; стали ежедневно собираться многолюдными толпами у своихъ съѣзжихъ избъ, бояръ своихъ, князей Долгорукихъ ставили ни во что, смѣялись надъ ними, грозили; тѣмъ меньше уже стали они уважать начальниковъ второстепенныхъ: этихъ просто отгоняли отъ своихъ съѣзжихъ избъ, бросали въ нихъ камнями, палками, бранили непристойными словами; тѣ же изъ начальныхъ лицъ, которые попробовали строгостію возстановить порядокъ, испытали и похуже: ихъ схватили, взвели на каланчи и сбросили оттуда при крикахъ: «любо! любо!» Но, разнуздавшись такимъ образомъ, благодаря совершенной слабости, отсутствію правительства, стрѣльцы должны были чувствовать, что ихъ воля пройдетъ вмѣстѣ съ слабостію прави-

тельства и они могут дорого заплатить за эту волю. Съ какою жадностію слѣдовательно они должны были прислушиваться къ внушеніямъ, что правительство нечего уважать и нечего ему по-виноваться: оно незаконное! пренебрегать такимъ правительствомъ, идти противъ него—это не бунтъ, а заслуга! Одинъ изъ современниковъ говорить <sup>238</sup>, что вѣсть о стрѣleckихъ движеніяхъ была для царевны Софьи также радостна, какъ для Ноя масляч-ная вѣтвь, принесенная голубицею въ ковчегъ; но можно сказать, что и внушенія отъ царевны и ея сообщниковъ были для стрѣльцовъ также маслячною вѣтвью. Прежде всего, говорятъ <sup>239</sup>, обратился къ стрѣльцамъ Хованскій; слова его, какъ извѣстнаго бое-ваго воеводы, производили сильное влияніе. «Вы сами видите, го-ворилъ Тараруй то одному, то другому изъ стрѣльцовъ, вы сами видите, въ какомъ вы у бояръ тяжкомъ ярмѣ, теперь выбрали Богъ знаетъ какого царя <sup>240</sup>, увидите, что не только денегъ и корму не дадутъ, но и работы тяжкія будете работать, какъ пре-жде работали, и дѣти ваши вѣчными невольниками у нихъ будутъ; а что всего хуже, поддадутъ и васъ и насъ въ неволю какому-нибудь чужеземному непріятелю, Москву сгубятъ и вѣру право-славную искоренятъ.» Но не одинъ Хованскій дѣлалъ подобныя внушенія: Иванъ Михайловичъ Милославскій, лежа на постели, притворяясь больнымъ, кипятилъ заговоръ: къ нему по ночамъ приходили выборные стрѣльцы—Одинцовъ, Петровъ, Чермный и толковали о стрѣleckихъ движеніяхъ вмѣстѣ съ Толстымъ, Цык-леромъ, Озеровымъ. Вдова постельница Ѳеодора Семенова Роди-мица, изъ малороссійскихъ козачекъ, съ деньгами и съ щедрыми обѣщаніями отъ царевны Софьи ходила по стрѣльцамъ. Волненіе обхватило всѣ полки, только одинъ Сухаревъ былъ сдержанъ, благодаря пятисотному Бурмистрову и пятидесятнику Борисову. Стрѣльцы собирались ежедневно въ круги, становились подъ ружье безъ полковничья приказа, били въ набатъ, кричали по торго-вымъ банямъ противъ правительства съ похвальбою: «не хотимъ, чтобъ нами управляли Нарышкины и Матѣевъ, мы имъ всѣмъ шею свернемъ <sup>241</sup>.»

Но отъ словъ еще не доходило до дѣла: для этого мало было неопредѣленныхъ обѣщаній всякаго зла со стороны Натальи, всякаго добра со стороны царевны Софьи; нужно было побужденіе посильнѣе, чтобъ заставить броситься во дворецъ и нерѣшитель-

ныхъ, и такихъ, которые были охотники покричать, но робѣли передъ дѣломъ. Заговорщики на Верху берегли еще это побужденіе: они дожидались пріѣзда Матвѣева, который первый долженъ былъ пасть подъ стрѣleckими ударами, потому что одинъ могъ дать силу правительству ненавистной мачихи.

Мы видѣли, что еще при Θεодорѣ Матвѣевъ былъ переведенъ изъ Мезени въ Лухъ, и здѣсь ему велѣно дожидаться дальнѣйшаго указа царскаго; этотъ указъ пришелъ къ нему уже отъ имени царя Петра—ѣхать въ Москву какъ можно скорѣе. Старикъ отправился немедленно; на дорогѣ встрѣтились ему семеро стрѣльцовъ, которые нарочно шли къ нему, чтобъ разказать о волненіяхъ товарищей и объ опасности, которая грозитъ ему отъ нихъ. Извѣстія стрѣльцовъ заставили Матвѣева еще больше спѣшать: «уничтожу бунтъ или положу жизнь за государя, чтобы глаза мои на старости лѣтъ большей бѣды не увидали.» сказалъ онъ. Въ Троицкомъ монастырѣ и на дорогѣ оттуда Матвѣева ждали почетныя встрѣчи. 12-го мая вечеромъ онъ пріѣхалъ въ Москву; на другой день представился царю и царицѣ, при чемъ была «радость неизреченная, что какое человеческое писало по достоянію исписати не возможно»<sup>242</sup>. 13-го числа Матвѣевъ ѣздилъ къ патріарху и долго разговаривалъ съ нимъ во внутренней келліи, ѣздилъ навѣстить и стараго пріятеля своего, больного князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, и съ нимъ долго разговаривалъ; а между тѣмъ вся знать спѣшила побывать въ домѣ у Матвѣева, въ рукахъ котораго теперь должно было сосредоточиться правленіе; были и выборные стрѣльцы изъ всѣхъ полковъ съ хлѣбомъ и солью, съ просьбою о заступничествѣ, потому что заслуги ихъ ему больше другихъ бояръ извѣстны. Не былъ одинъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, сказываваясь больнымъ.

У Милославскаго съ товарищами уже все было готово; имъ теперь нужно было спѣшить: Матвѣевъ тутъ, въ Москвѣ, надобно напасть на него сейчасъ же въ расплохъ, не дать осмотрѣться и взять въ искусныя руки правленіе. Ненавистный старикъ не растерялъ въ Пустозерскѣ и Мезени ничего изъ прежней своей ловкости, умѣнья привлекать къ себѣ людей. Какъ онъ умѣлъ принять каждаго, къ нему пріѣзжавшаго, обласкать! Всѣ были въ восторгѣ, даже и тѣ, которые были къ нему не очень располо-

жены. Всѣ надѣялись, что Матвѣевъ укротитъ стрѣльцовъ, укротитъ и Нарышкиныхъ. Были оскорблены непомернымъ возвышеніемъ братьевъ царицы, Нарышкиныхъ, молодыхъ людей, за которыми никто не зналъ никакихъ достоинствъ: Иванъ Кирилловичъ на 23 году былъ пожалованъ въ бояре! и вотъ пошли слухи, что и бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ также недоволенъ быстрымъ возвышеніемъ Нарышкиныхъ<sup>242</sup>. Всѣ были рады Матвѣеву, и потому Милославскому надобно было спѣшить.

15-го мая, роковой день убійства царевича Димитрія, назначены были заговорщиками для бунта. По рукамъ у стрѣльцовъ уже ходилъ списокъ *измѣнниковъ*, которыхъ надобно истребить. Утромъ по стрѣлецкимъ полкамъ проскакалъ Александръ Милославскій и Петръ Толстой съ крикомъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана, и чтобъ стрѣльцы шли въ кремль на службу. Стрѣльцы ударили въ набатъ, въ барабаны, и двинулись ко дворцу съ знаменами и пушками. Это было въ понедѣльникъ, въ полдень, когда Матвѣевъ сходилъ съ дворцовой лѣстницы, чтобъ ѣхать домой; но на лѣстницѣ встрѣтилъ его бояринъ князь Федоръ Семеновичъ Урусовъ и объявилъ, что стрѣльцы и солдаты бунтомъ вошли въ Земляной городъ, скоро будутъ и въ Бѣломъ. Матвѣевъ возвратился на Верхъ и донесъ объ этомъ царицѣ. Немедленно отданъ приказъ подполковнику стремяннаго полка запереть всѣ кремлевскія ворота; но уже было поздно; нѣсколько бояръ съ извѣстіемъ, что стрѣльцы приближаются, кричатъ, что царевича Ивана убили Нарышкины, и что они, стрѣльцы, идутъ выводить измѣнниковъ и губителей царскаго рода. Набатъ и барабанный бой раздались по всему кремлю; стрѣльцы побили многихъ боярскихъ людей и лошадей, а другихъ переранили. Матвѣевъ и другіе ближніе люди, собравшіеся у царицы, послали за патриархомъ, который и явился вмѣстѣ съ посланнымъ, а между тѣмъ положено было вывести къ стрѣльцамъ царя и царевича и такимъ образомъ отнять предлогъ къ смутѣ. Царица, вмѣстѣ съ патриархомъ и боярами, вывела Петра съ братомъ на Красное крыльцо. Толпа стихла при этомъ зрѣлищѣ. Какъ же это такъ? нѣтъ ли и тутъ обмана? Нѣсколько стрѣльцовъ подставили лѣстницу, влѣзли на крыльцо къ самому царевичу и спрашивали его: прямой ли онъ царевичъ Иванъ Алексѣевичъ, и кто его изъ бояръ измѣнниковъ изводитъ?—«Меня никто не изводитъ и жаловаться мнѣ не на кого,» отвѣчалъ Иванъ.

Это была страшная, рѣшительная минута для заговора. Стрѣльцы обезоруживались. Уйдуть съ позоромъ изъ кремля, и въ другой разъ ихъ уже трудно будетъ привести туда на ту же удочку, а между тѣмъ Матвѣевъ приметъ свои мѣры. Начали поджигать толпу отчаянными средствами, кричать, что хотя царевичъ и живъ, но все же пусть выдадутъ его недоброхотовъ, Матвѣева и Нарышкинскихъ; кричали, что Иванъ Нарышкинъ примѣривалъ на себѣ корону и разныя царскія украшенія. Внизъ сошли уговаривать стрѣльцовъ бояре: князь Михайла Алегуковичъ Черкасскій, князь Ив. Андр. Хованскій, Петръ Вас. Шереметевъ Большой, князь Вас. Вас. Голицынъ; стрѣльцы обратились къ нимъ съ требованіемъ, чтобъ великій государь указалъ имъ выдать бояръ: князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, князя Григ. Григор. Ромодановскаго, князя Мих. Юрьев. Долгорукаго, Кирилла Полуехтовича Нарышкина, Артамона Серг. Матвѣева, Ив. Максим. Языкова, Ив. Кирилл. Нарышкина, постельничаго Алексѣя Лихачева, казначея Михайлу Лихачева, чашника Семена Языкова; думныхъ дьяковъ: Ларіона Иванова, Данила Полянскаго, Григ. Богданова, Алексѣя Кириллова; стольниковъ: Аванасья, Льва, Мартемьяна, Ѳедора, Василья, Петра Нарышкинскихъ. Когда имъ сказали, что этихъ людей нѣтъ у государя, то они начали волноваться, на князѣ Черкасскомъ изодрали кафтанъ. Тутъ Матвѣевъ сошелъ съ крыльца за рѣшетку и сталъ уговаривать стрѣльцовъ, припомнилъ имъ прежнія заслуги: сперва они сами помогали укрощать бунты, а теперь собственнымъ мятежомъ уничтожаютъ всѣ старые подвиги. Тщетно Хованскій, какъ говорятъ, дѣлалъ стрѣльцамъ знаки, чтобъ они бросились на Матвѣева: стрѣльцы оставались тихи и неподвижны, и просили Матвѣева, чтобъ заступился за нихъ предъ царемъ. Матвѣевъ, довольный оборотомъ дѣла, возвратился на Верхъ къ царю. Но заговорщики не дремали: видя, что дѣло не ладится передъ дворцомъ, они направили толпу самыхъ отчаянныхъ стрѣльцовъ изъ сѣней Грановитой палаты на Красное крыльцо, а между тѣмъ и передъ дворцомъ имъ помогъ человекъ, на котораго, разумѣется, они меньше всего могли разчитывать. Князь Михайла Долгорукій, о которомъ не было слышно во все продолженіе страшной смуты, тогда какъ его было дѣло не допускать до этой смуты, теперь, когда стрѣльцы находились въ затруднительномъ положеніи, пришедши по нелѣпому

слуху въ кремль, ко дворцу, и когда были утишены Матвѣевымъ, теперь князь Михайла вздумалъ разыграть предъ ними начальника: съ бранью и угрозами началъ онъ на нихъ кричать, приказывая сейчасъ же убираться изъ кремля въ свои полки. Ничто не могло такъ раздражить разнуздавшихся стрѣльцовъ, какъ этотъ старый начальническій тонъ и, что было всего хуже, этотъ начальническій тонъ принималъ человѣкъ, котораго они не любили и не уважали, надъ которымъ привыкли смѣяться. Стрѣльцы вышли изъ себя, вломились на крыльцо, схватили Долгорукаго и сбросили его внизъ на подставленные копыя, полумертваго изрубили бердышами. У толпы помутилось въ глазахъ отъ первой крови, а тутъ изъ сѣней Грановитой палаты вбѣгаютъ другіе стрѣльцы и бросаются на Матвѣева. Царица и князь Михайлъ Алехуновичъ Черкасскій хотѣли было защитить его; но стрѣльцы вырвали у нихъ Матвѣева и сбросили его на площадь противъ Благовѣщенскаго собора: тутъ изрубили его на мелкія части <sup>244</sup>. По другимъ извѣстіямъ <sup>245</sup> Матвѣевъ, чтобъ защитить себя, схватилъ подъ руку царя Петра, но стрѣльцы вырвали его изъ-подъ руки царской. Патріархъ хотѣлъ было сойти къ стрѣльцамъ внизъ, но ему закричали: «не нужно намъ ни отъ кого никакихъ совѣтовъ, время разбирать, кто намъ надобенъ,»—и, устоявъ передъ собою копыя, бросились во дворецъ искать *другихъ измѣнниковъ*. Наталья Кирилловна, схвативши сына, ушла въ Грановитую палату, и за нею разбѣжались всѣ; неизвѣстно куда поспѣхались многочисленные царедворцы и вмѣстѣ воины, ежедневно толпившіеся на крыльцѣ и въ передней, а теперь оставившіе дворецъ, кремль и Москву во власти разсвирѣпѣвшихъ стрѣльцовъ, на которыхъ обыкновенно смотрѣли съ такимъ презрѣніемъ.

Оставшись господами во дворцѣ, стрѣльцы бѣгали всюду по комнатамъ царевенъ, заглядывали подъ кровати, перетрахивали перины, рылись въ чуланахъ, забѣгали въ церкви, въ алтари, ощупывали престолы и жертвенники, тыкали подъ нихъ копыями, думая, что тамъ скрылся кто-нибудь изъ Нарышкиныхъ. Встрѣтили стольника Ѳедора Петровича Салтыкова, приняли его за Аѳанасія Кирилловича Нарышкина и убили; потомъ, увидя ошибку, отвезли тѣло къ отцу, извѣстному намъ боярину Петру Михайловичу Салтыкову, съ извиненіями; старикъ отвѣчалъ: «Божья воля!» и велѣлъ угостить убійцъ виномъ и пивомъ. Въ комнатѣ

царицы Натальи нашли они карла, прозвищемъ Хомяка, и спросили, гдѣ спрятались Нарышкины? Хомякъ указалъ имъ въ сѣнной церкви Воскресенія подъ престоломъ мѣсто убѣжища Аенасья Нарышкина: стрѣльцы вытащили его на паперть, разсѣкли и выбросили на площадь. Ивана Ѳомича Нарышкина отыскиали въ домѣ его за Москвою рѣкою и убили; убили и знаменитаго воеводу двухъ послѣднихъ царствованій, князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго, на котораго были злы со времени Чигиринскихъ походовъ; любимецъ покойнаго царя Ѳедора, бояринъ Языковъ скрылся было у духовника своего при церкви Николы на Хлыновѣ, но былъ преданъ холопомъ; стрѣльцы привели его къ Архангельскому собору и изрубили на части; убили думнаго дьяка, управлявшаго посольскимъ приказомъ, Ларіона Иванова, и нѣсколько другихъ менѣе значительныхъ людей. Всѣ эти убійства сопровождались криками: «любо ли?» обращенными къ окружающему безоружному народу, отъ котораго стрѣльцы требовали одобренія своимъ поступкамъ; надобно было кричать: «любо!» и махать шапками; кто же не хотѣлъ кричать: любо! или показывать видъ сожалѣнія, тѣхъ били. Убивши кого-нибудь, волокли въ Спасскія или Никольскія ворота на Красную площадь; передъ тѣломъ шли стрѣльцы какъ будто для почета, и кричали: «вотъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ! вотъ бояринъ князь Ромодановскій, вотъ Долгорукій, вотъ думный ѣдетъ! дайте дорогу!» Мы видѣли, что стрѣльцы ходили къ старому боярину Салтыкову съ извиненіями, что ошибкою убили сына его. Съ такими же извиненіями явились они и къ больному осмидесятилѣтнему Долгорукому, что не удержались въ запальчивости, грѣхъ попуталъ, убили сына его, князя Михайлу. Старикъ спокойно выслушалъ ихъ извиненія, у него даже достало духа угостить ихъ виномъ и пивомъ. Но когда убійцы ушли, и къ больному князю вошла невестка, вдова убитаго съ громкими воплями о мужѣ, Долгорукій сказалъ ей въ утѣшеніе: «Не плачь! Щуку-то они съѣли, да зубы остались; не долго имъ побунтовать, скоро будутъ висѣть на зубцахъ по стѣнамъ Бѣлаго и Землянаго города.» Холопъ побѣждалъ за стрѣльцами и объявилъ имъ, что старикъ грозитъ. Въ ярости воротились стрѣльцы, сѣщили больного Долгорукаго на дворѣ, разсѣкли на части, выбросили за ворота въ навозную кучу, и на трущъ положили соленую рыбу.



Цѣлый день 15 мая прохозяйничали стрѣльцы во дворцѣ и кремлѣ. Когда смерклось, они разошлись по своимъ слободамъ, но въ кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ оставили крѣпкіе караулы при всѣхъ воротахъ, наказавъ не пускать никого ни въ кремль, ни изъ кремля.

16 мая утромъ стрѣльцы съ тѣми же криками, при набатѣ и барабанномъ боѣ опять явились у дворца съ требованіемъ выдачи Ив. Кир. Нарышкина; въ противномъ случаѣ грозили перебить всѣхъ бояръ. Несмотря на эти угрозы, Нарышкина имъ не выдали и, подождая до часа пополудни, они по прежнему разставили вездѣ свои караулы и ушли изъ кремля. Ив. Кир. Нарышкинъ съ отцомъ, братьями, родственниками и сыномъ убитаго Матвѣева, Андреемъ Артамоновичемъ, прятались сначала при комнатѣ маленькой царевны Натальи Алексѣевны, а потомъ въ комнатахъ царицы вдовы, Марѣы Матвѣевны; одна только постельница Марѣы, Клушина, знала объ убѣжищѣ несчастныхъ. 17 числа на разсвѣтѣ Клушина отвела ихъ въ темный чуланъ, гдѣ они спрятались за перинами и подушками; дверь чулана, по совѣту Матвѣева, нарочно оставили отворенною, для избѣжанія подозрѣній. Стрѣльцы въ третій разъ столпились у дворца съ крикомъ, чтобъ выдали Нарышкина и что на этотъ разъ они безъ него не выйдутъ изъ кремля. Нѣтъ никакой нужды предполагать непременно, чтобъ Софья и Милославскій съ товарищами не хотѣли успокоиться, пока Иванъ Нарышкинъ былъ въ живыхъ, что они до такой степени были озлоблены выходками молодого человѣка, выдававшегося впередъ изъ всей фамиліи, но не могшаго быть опаснымъ по личнымъ достоинствамъ. Для нихъ одна половина дѣла была сдѣлана—Матвѣевъ убитъ; оставалось сдѣлать другую, отнять правленіе у мачихи, что легко было теперь сдѣлать при помощи стрѣльцовъ, полновластныхъ господъ въ Москвѣ; еще 16 числа Хованскій спрашивалъ стрѣльцовъ: «выгнать ли изъ дворца царицу Наталью Кирилловну?» и получилъ въ отвѣтъ: «любо, любо»<sup>\*\*\*</sup>! Другое дѣло стрѣльцы: они пришли ко дворцу по вѣсти о царевубійствѣ, вѣсть оказалась ложною, но для оправданія себя зачинщики кричали, что если преступленіе не сдѣлано, такъ сдѣлается, что во дворцѣ есть измѣнники, истребители царскихъ сѣмянъ, и главный Иванъ Нарышкинъ, который уже и корону примѣривалъ; убили Матвѣева, противъ котораго не слышалось ни-

какихъ обвиненій въ измѣнѣ, убили ошибкою Салтыкова, убили Долгорукихъ, а главный измѣнникъ живъ! Зачѣмъ же приходили? гдѣ же ихъ служба царскому дому? что выставить заслугою и оправданіемъ пролитой крови? Понятно, что не для заводчиковъ дѣла, но для цѣлой массы необходимо было получить Нарышкина, только его выдачею мятежъ дѣйствительно могъ упасть, если не умѣли и не хотѣли прекращать его другими средствами. Царевна Софья рѣзко сказала царицѣ Натальѣ: «Брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ всѣмъ за него!» Перетрусившіеся бояре со слезами просили царицу выдать брата и тѣмъ избавить ихъ отъ смерти. Дѣлать было нечего: Нарышкина вывели изъ его убѣжища и привели въ церковь Спаса за Золотою рѣшеткою; здѣсь его исповѣдали, приобщили, осеборовали; по совѣту Софьи, ему дали держать передъ собою образъ Богородицы: быть можетъ убійцы постыдятся святыни? Началось страшное прощаніе сестры съ братомъ, котораго вели на мучительную смерть. Это прощаніе нѣкоторымъ показалось очень долго. Перетрусившійся старикъ, князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, не могъ выдержать, сталъ торопить царицу: «Сколько вамъ, государыня, не жалѣть, а все уже отдать придется; а тебѣ, Ивану, отсюда скорѣе идти надобно, а то намъ всѣмъ придется погибнуть изъ-за тебя.»

Нарышкинъ вышелъ изъ церкви. Стрѣльцы, какъ только завидѣли его, съ страшнымъ воплемъ кинулись на жертву, но не убили немедленно же, какъ другихъ, а потащили въ Константиновскій застѣнокъ. Другихъ били или по ошибкѣ, или въ пылу гнѣва, или за свои старыя обиды; но Нарышкинъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ, въ посягательствѣ на жизнь царевича; стрѣльцы взялись вывести измѣну изъ дворца, измѣнникъ въ ихъ рукахъ, надобно его пытать; не вытерпитъ мукъ, признается—полное оправданіе возстанію.» Но стрѣльцы обманулись въ своей надеждѣ: Нарышкинъ не сказалъ ни слова подъ пыткою. Изъ застѣнка его вытащили на Красную площадь и разсѣкли на части. Наконецъ казнили иностраннаго доктора, Данила фонъ Гадена, обвиненнаго въ отравленіи царя Θεодора. Гаденъ, заслушавъ бѣду, успѣлъ было, въ нищенскомъ платьѣ, уйти изъ Нѣмецкой слободы, двое сутокъ прятался въ Марьиной рошѣ и окрестныхъ мѣстахъ; голодъ заставилъ его возвратиться въ Нѣмецкую слободу, гдѣ на-

дѣлся приютиться у одного знакомаго и поѣсть чего нибудь, но на улицѣ былъ узнанъ, схваченъ и приведенъ во дворецъ. Здѣсь царевны и царица Марѳа Матвѣевна умоляли стрѣльцовъ пощадить доктора; увѣрили, что онъ совершенно невиненъ въ смерти царя Ѳеодора, что онъ въ ихъ глазахъ самъ прежде отвѣдывалъ всѣ лѣкарства, которыя составлялъ для больнаго государя—все понапрасну: стрѣльцы кричали: «Это не одно только, что онъ умолилъ царя Ѳеодора Алексѣевича, онъ черноокнижникъ, мы въ его домѣ нашли сушеныхъ змѣй, и за это надобно его казнить смертію.» Гаденъ находился въ одномъ положеніи съ Нарышкинымъ: на немъ лежали тяжкія обвиненія относительно посяганія на здоровье государево, и его потащили въ тотъ же Константиновскій застѣнокъ на пытку. Стрѣльцы пытали, стрѣлецъ записывалъ пыточные рѣчи. Гаденъ не вытерпѣлъ мукъ, наговорилъ на себя разныя разности, сталъ просить, чтобъ дали ему три дня сроку и онъ укажетъ тѣхъ, которые больше его достойны смерти. «Долго ждать!» закричали стрѣльцы, разорвали записку съ пыточными рѣчами, потащили Гадена на Красную площадь и тамъ разрубили на мелкія части.

На другой день, 18 числа во дворецъ явились стрѣлецкіе выборные изъ всѣхъ приказовъ, но уже безъ оружія, были челомъ великому государю и государынямъ царевнамъ, чтобъ боярина Кириллу Полуехтовича Нарышкина, роднаго дѣда своего указалъ великій государь постричь. Просьба была немедленно же исполнена: старика постригли подъ именемъ Кипріана и отослали въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. 19 числа новое челобитье отъ солдатъ, стрѣльцовъ и пушкарей о заслуженныхъ деньгахъ съ 1646 года; выходило, что надобно было имъ заплатить 240,000 рублей, кромѣ того, что имъ пожаловано было по 10 рублей на человѣка. Столько денегъ въ казнѣ, разумѣется, не было, волѣно собирать со всего государства, брать и посуду серебряную и изъ нея дѣлать деньги. Но стрѣльцы и солдаты этимъ не удовольствовались, были челомъ, чтобъ имѣніе убитыхъ было отдано имъ же. 20 числа еще челобитие: чтобъ великій государь указалъ сослать въ ссылку постельничего Алексѣя Лихачева, казначея Михайлу Лихачева, окольничаго Павла Языкова, чашника Семена Языкова, думнаго дворянина Никиту Акинѣева, думныхъ дьяковъ Богданова и Полянскаго, спальниковъ Ловчикова и всѣхъ Нарыш-

киныхъ, Андрея Матвѣева, стольниковъ—Лопухина, Бухвостова, Лутохина. Дворъ былъ очищенъ отъ враждебныхъ Милославскимъ людей,—и стрѣльціи челобитя о казняхъ и ссылкахъ прекратились <sup>247</sup>.

Стрѣльцы перестали бунтовать; но правительства не было; въ церквахъ поминали великаго государя Петра Алексѣевича, но не «безсемейной» матери его было думать о правительствѣ, и съ кѣмъ? Все пряталось и трепетало за собственную безопасность. Правительствомъ должны были овладѣть люди, которые не прятались и не трепетали, а дѣйствовали, Софья съ своими сестрами и приверженцами. Царевны управляли Россією! Софья выдвинулась сама собою на первый планъ, и никто ей не мѣшалъ: это было единственное лицо изъ царскаго дома, которое хотѣло управлять, и все волею-неволею обращалось къ ней, къ ней обращались и стрѣльцы съ своими просьбами или требованіями, и, разумѣется, Софья спѣшила удовлетворить имъ, раздала имъ деньги, сколько только можно было собрать, посулила впередъ по 10 рублей на человѣка, согласилась дать имъ почетное названіе «надворной пѣхоты.» У надворной пѣхоты не было начальника: начальникомъ ея сталъ, неизвѣстно по чьему указу, князь Хованскій <sup>248</sup>; главнымъ орудіемъ его или руководителемъ былъ стрѣлецъ Алексѣй Юдинъ, раскольникъ, выборный Воробина полка.

Софья управляла на дѣлѣ; но это управленіе надобно было освятить правомъ; Софья управляла во дворцѣ, а въ церквахъ поминали великаго государя царя Петра Алексѣевича. 23 мая Хованскій донесъ царевнамъ, что стрѣльцы прислали выборныхъ: всѣ стрѣльцы и многіе чины московскаго государства хотятъ, чтобъ царствовали оба брата вмѣстѣ, въ противномъ случаѣ грозятъ опять приходить съ оружіемъ. Царевны послали за боярами, окольными и думными людьми; тѣ не захотѣли рѣшить такого великаго дѣла одни; созванъ былъ соборъ, сошлись патріархъ, архіереи и выборные изъ разныхъ чиновъ людей московскаго государства, т.-е. города Москвы. Мысль, что придутъ опять стрѣльцы, заставила совѣтныхъ людей найти предложеніе двоевластія очень полезнымъ: когда одинъ царь пойдетъ съ войскомъ, то другой останется въ Москвѣ для внутренняго управленія; не стало и за примѣрами исторіи, сходными и несходными, толковали о Фараонѣ и Іосифѣ, объ императорахъ Аркадіи и Гоноріи,

Василии и Константиѣ. Рѣшено: быть обоимъ братьямъ на престолѣ. Ударили въ большой колоколъ, въ Успенскомъ соборѣ пѣли молебенъ и возгласили многотѣіе благочестивѣйшимъ царямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу. Уже этимъ самымъ возглашеніемъ давалось первенство Іоанну передъ Петромъ; но сочли за нужное выразить это еще опредѣленнѣе, понизить Петра передъ Іоанномъ, чтобъ тѣмъ самымъ понизить царицу Наталью Кирилловну, отнять у нея возможность требовать себѣ прavitельства. Опять стрѣлцкіе выборные явились съ требованіемъ, чтобъ Іоаннъ былъ первымъ царемъ, а Петръ вторымъ. Царевны объявили, что выборные говорятъ по внушенію Божію, и 26 мая дума вмѣстѣ съ патриархомъ и архіереями рѣшила: Іоанну быть первымъ царемъ, а Петру вторымъ, что и объявлено стрѣльцамъ и всему народу<sup>249</sup>. Стрѣльцовъ кормили во дворцѣ, ежедневно по два полка, и 29 мая они объявили боярамъ, чтобы правительство, по молодости обоихъ государей, было вручено сестрѣ ихъ, царевнѣ Софѣ Алексѣевнѣ. Началась обычная церемонія: всѣ стали упрашивать Софью принять правительство, та отказывалась, наконецъ согласилась.

Стрѣльцы пировали во дворцѣ, имъ не было ни въ чемъ отказать, они устроили, налѣпили правительство, которое всѣ признали безпрекословно. А между тѣмъ стрѣльцамъ было что-то не ловко. Имъ слышалось дѣйствительно, а можетъ быть и въ воображеніи, что ихъ называютъ бунтовщиками, имъ казалось, что на нихъ косятся. Съ боярами они уже порѣшили, бояре имъ друзьями не будутъ, а между тѣмъ бояре останутся боярами, т.-е. вездѣ начальниками, и будутъ имѣть возможность мстить стрѣльцамъ. Чувствуя это, стрѣльцы, еще во время бунта, обратились къ ближайшему къ себѣ низшему слою народонаселенія, провозгласили вольными холопей, уничтожили кабалы въ холопьемъ приказѣ, но, къ ужасу ихъ, холопы не двинулись массою и воли не взяли: да и на чтобы они взяли, когда многіе изъ нихъ недавно забалились добровольно, находя это для себя выгоднымъ? Стрѣльцы надѣлали неистовствъ, напавши въ распλοхъ на дворецъ, воспользовавшись робостію придворныхъ служилыхъ людей, овладѣли Москвою, благодаря тому, что были вооруженные среди невооруженныхъ; но Москва не Россія, не вся земля, и что если вся земля объявитъ себя противъ стрѣльцовъ, что если многоча-

сленные полки служилыхъ людей-помѣщиковъ соберутся подъ Москву очищать ее отъ стрѣльцовъ, какъ нѣкогда очистили отъ Поляковъ? Мирное народонаселеніе Москвы трусило стрѣльцовъ, а стрѣльцы сами страшно трусили, трусили Россіи, и обратились къ сочиненному ими и потому благосклонному къ нимъ правительству, съ просьбою защитить ихъ отъ Россіи, оправдать ихъ въ ея глазахъ, объявить, что они 15, 16 и 17 мая сдѣлали хорошее дѣло.

Стрѣльцы, по заводу Алексѣя Юдина, подали челобитную, въ которой соединили свое дѣло съ дѣломъ всѣхъ тяглыхъ людей московскихъ, противопоставивъ ихъ и себя знатымъ людямъ, синклиту: «Бьютъ челомъ стрѣльцы московскихъ приказовъ, солдаты всѣхъ полковъ, пушкаріи, затынщики, гости и разныхъ сотенъ торговые люди, всѣхъ слободъ посадскіе люди и ямщики. 15 мая, изволеніемъ Всемогущаго Бога и Пречистой Богоматери, въ московскомъ государствѣ случилось побитіе, за домъ Пречистой Богородицы и за васъ, великихъ государей, за мирное порабощеніе и неистовство къ вамъ, и отъ великихъ къ намъ налогъ, обидъ и неправды, боярамъ князь Юрью и князь Махайлѣ Долгорукимъ, за многія ихъ неправды и за похвальныя слова, безъ указу многихъ нашу братью били кнутомъ, ссылали въ дальніе города, да князь же Юрій Долгорукій учинилъ намъ денежную и хлѣбную недодачу. Думнаго дьяка Ларіона Иванова убили за то, что онъ къ нимъ же Долгорукимъ приличенъ; да онъ же похвалялся, хотѣлъ нами бозвинно обвѣсить весь земляной городъ, да у него же взяты гадины змѣинымъ подобіемъ. Князя Григорія Ромодановскаго убили за его измѣну и нерадѣніе, что Чыгиринъ турскимъ и крымскимъ людямъ отдалъ, и съ ними письмами ссылался. А Ивана Языкова убили за то, что онъ, стававшись съ нашими полковниками, налоги намъ великіе чинилъ и взятки бралъ. Боярина Матвѣева и доктора Данилу убили за то, что они на ваше царское величество отравное зелье составляли, и съ пытки Данила въ томъ винулся. Ивана и Аѳанасья Нарышкиныхъ побили за то, что они примѣняли къ себѣ вашу царскую порфиру и мыслили всякое зло на государя царя Іоанна Алексѣевича, да и прежде они мыслили всякое зло на государя царя Феодора Алексѣевича и были за то сосланы. И мы, побивъ ихъ, нынѣ просимъ милости—учинить на Красной площади столпъ, и напи-

сать на немъ имена всѣхъ этихъ злодѣевъ и вины ихъ, за что побиты; и дать намъ во всѣ стрѣлцкіе приказы, въ солдатскіе полки и посадскимъ людямъ во всѣ слободы жалованныя грамоты за красными печатами, чтобъ насъ нигдѣ бояре, окольничіе, думные люди и весь вашъ синклитъ и никто никакими поносными словами, бунтовщиками и измѣнниками не называлъ, никого бы въ ссылки напрасно не ссылали, не били и не казнили, потому что мы служимъ вамъ со всякою вѣрностію. А что нынѣ боярскіе люди къ намъ пріобщаются въ совѣтъ, чтобъ имъ быть свободными, то у насъ съ ними пріобщенія никакого и думы нѣтъ»<sup>350</sup>. Софья согласилась; Цыклеръ и Озеровъ взяли на себя исполнить требованіе стрѣльцовъ, и столбъ воздвигнутъ былъ очень скоро.

Софья посредствомъ стрѣльцовъ избавила себя и своихъ отъ страшной бѣды, отогнала ненавистную мачиху отъ правительства и сама стала правительницею. Ей было очень тяжело по смерти брата Феодора, въ будущемъ представлялось еще худшее, и она въ отчаяніи, по инстинкту самосохраненія, ухватилась за стрѣлцкія копья. Но были еще люди, которымъ было также тяжело, и которые, по указанію Софьи, хотѣли ухватиться за стрѣлцкія копья, чтобъ выйти изъ тяжелаго положенія, дать торжество своему дѣлу. Стрѣльцы избили бояръ, возвратили старшинство старшему царевичу: они сильны поднять и старую благочестивую вѣру, которую гонялъ никоніанцы. На третій день послѣ бунта, въ Титовѣ стрѣлцкомъ полку уже разсуждали о томъ, чтобы изыскать старую православную вѣру, подать челобитную, чтобъ патріархъ и власти дали отвѣтъ отъ божественнаго писанія, за что они старыя книги возненавидѣли и возлюбили новую латиноримскую вѣру? Въ полку не нашлось человѣка, кто бы сумѣлъ сложить челобитную и дать отвѣтъ властямъ, призвали чернослободца изъ Гончарной слободы Семена Калачникова, и стали его спрашивать: «нѣтъ ли у васъ между посадскими людьми или въ иномъ чинѣ ревнителей старой вѣры, чтобъ были искусны и учены божественному писанію, умѣли бы сложить челобитную о старомъ благочестіи и отвѣтъ дать патріарху и властямъ?»—«Слыхалъ я отъ своей братии, отвѣчалъ Калачниковъ, что есть такіе божественныхъ писаній сказатели.» Стрѣльцы начали его упрашивать, чтобъ привелъ къ нимъ такихъ. Калачниковъ общался,

пошелъ въ свою слободу и разказалъ въ чемъ дѣло троицъ изъ своихъ—Никитѣ Борисову, Ивану Курбатову и Саввѣ Романову, бывшему прежде келейникомъ у архимандрита Макарьевского Желтоводскаго монастыря: «порадѣмъ, говорилъ Калачниковъ, а стрѣльцы сильно хотятъ постоять за старую вѣру.» Чернослободцы порадили и отыскали «ревнителя отеческихъ преданій и твердаго адаманта», монаха Сергія. «Подвигнемся!» отвѣчали имъ Сергіи. Подвинулись, всѣ въ пятеромъ отправились въ домъ къ Никитѣ Борисову и начали писать челобитную о старой вѣрѣ отъ лица всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ и всѣхъ чернослободцевъ. На другой день челобитная была уже готова и Калачниковъ отправился въ Титовъ полкъ съ радостною вѣстію, что порученіе исполнено. Пятисотенный съ двумя другими стрѣльцами пошелъ съ нимъ къ нему въ домъ, чтобъ посмотрѣть на твердаго адаманта и послушать, какую челобитную сочинили чернослободцы. «Попекитесь, братія, началъ говорить имъ Сергіи, о столькихъ душахъ, погибающихъ отъ новыхъ книгъ; не дайте насъ въ поруганіе по прежнему какъ братію нашу, жечь, да мучить, а мы готовы обличить ихъ новую вѣру.»—«Готовы, честной отче! отвѣчалъ пятисотенный, готовы съ вами за одно умереть за старое благочестіе, коротко скажемъ: чтѣ будетъ вамъ, то и намъ.» Сергіи поклонился ему въ землю и велѣлъ Саввѣ Романову прочесть челобитную. Стрѣльцы пришли въ изумленіе: «отъ роду не слышали мы такого слога и такого описанія ересей въ новыхъ книгахъ!» говорили они. Такое же впечатлѣніе произвела челобитная, когда Савва прочелъ ее въ другой разъ передъ стрѣльцами, собранными у сѣзжей избы: многіе плакали, а когда чтеніе кончилось, всѣ закричали: «Подобаеть, братія, постоять за старую вѣру и кровь свою пролить за Христа свѣта; за тлѣнное было головы свои положили, за Христа свѣта для чего не умереть?»

Стрѣльцы объявили Хованскому, что у нихъ готова челобитная. Хованскій, приверженецъ старины во всемъ, былъ извѣстенъ какъ приверженецъ и старой вѣры, ходило преданіе, что онъ даже и страдалъ за нее<sup>251</sup>. Хованскій обрадовался, но спросилъ: «Есть ли, братія, кому отвѣтъ давать властямъ, велико дѣло Божіе сіе, надобно чтобъ люди ученые были.» — «Есть у насъ инокъ зѣло искусенъ божественному писанію и посадскіе многіе люди на сіе дѣло тшчатся», отвѣчали стрѣльцы.—«Приведите ихъ всѣхъ ко мнѣ на домъ и сами приходите», сказалъ бояринъ, и назначилъ время.



Раскольники были съ честію приняты прислугою Хованскаго, но часа три дожидались выхода хозяина: у него были гости. Наконецъ бояринъ вышелъ, и увидавъ монаха, о которомъ ему такъ много наговорили, поклонился ему до земли, и спросилъ: «кое ради вины пришелъ ко мнѣ, честный отче!» Сергій отвѣчалъ, что принесли челобитную съ описаніемъ ересей въ новыхъ книгахъ. «Я и самъ грѣшный, сказалъ на это Хованскій, вельми желаю, чтобы по старому было въ святыхъ церквахъ единогласно и нематужно; хотя и грѣшенъ, но несумѣнно держу старое благочестіе, чту по старымъ книгамъ и воображаю на лицѣ своемъ крестное знаменіе двумя перстами.» Тутъ Хованскій прочелъ символъ вѣры съ необходимыми для раскольниковъ прибавленіемъ *истиннаго* къ Духу животворящему, и продолжалъ: «Тако вѣрую и тако проповѣдаю и молю Бога, дабы умилосердился о народѣ христіанскомъ, не далъ до конца погибнуть душамъ христіанскимъ отъ нынѣшней новой никоніанской вѣры.» Хованскій, по обычаю, кончилъ свою рѣчь нѣсколькими текстами: «много изрекъ отъ божественныхъ писаній.» Когда все было изречено, Сергій обратился къ Хованскому съ главнымъ дѣломъ: «Изволь, царскій бояринъ, челобитныя послушать.» Начали читать челобитную, и царскій бояринъ также былъ пораженъ множествомъ ересей въ новыхъ книгахъ, и спросилъ: «кто писалъ челобитную?»—«Я съ братіею потрудился», отвѣчалъ Сергій. Но царскій бояринъ получилъ не очень выгодное мнѣніе о твердомъ адамантѣ. «Вижу тебя, отче, инока смпренна и тиха и веродословна, не будетъ тебя съ такое великое дѣло, надобно противъ нихъ человѣку многоглаголивому отвѣтъ держать.» Сергій отвѣчалъ: «хотя я и не многословенъ, и не навиченъ клюкамъ ихъ и высокорѣчію, однако надѣюсь на Сына Божія, рече бо: не вы будете глаголющии но Духъ Отца вашего.» Тутъ другіе раскольники, чтобы дать Хованскому надежду на успѣхъ, объявили ему, что за дѣло возьмется знаменитый Никита, священникъ Суздальскій, хотя отрекшійся сначала отъ раскола, но теперь опять за него ратующій. Хованскій услыхавъ про Никиту, обрадовался; онъ былъ высокаго мнѣнія о его способностяхъ, думалъ, что православнымъ не устоятъ противъ него въ спорѣ. «Радъ вамъ, братія помогать, говорилъ Хованскій раскольниковъ, а того и въ умѣ не держите, что по

старому васъ казнить, вѣшать и въ срубахъ жечь.» Раскольники начали требовать у него собора на лобномъ мѣстѣ передъ всѣмъ народомъ, въ присутствіи государей, а если нельзя на лобномъ, такъ въ кремлѣ, межъ соборами, у краснаго крыльца, и наставляли, чтобъ соборъ былъ непременно въ слѣдующую пятницу (23 іюня), ибо пятница была освящена старымъ обычаемъ для соборовъ. Хованскій отвѣчалъ, что нельзя быть собору въ пятницу, потому что въ воскресенье назначено царское вѣнчаніе государей. «Намъ того-то и хочется, говорили раскольники, чтобъ государи вѣнчались въ истинной православной вѣрѣ, а не въ ихъ латинской.» Хованскій свидѣтельствовался Богомъ, что цари будутъ вѣнчаться по старому, какъ было заведено со временъ царя Іоанна Васильевича; но раскольникамъ были нужны не одни старые обряды собственно царскаго вѣнчанія, они говорили: государи станутъ на литургіи пріобщаться, а литургію-то патріархъ будетъ служить по новому, да и на вѣнчаніи будетъ государей уговаривать, чтобъ они стояли за новую вѣру. Хованскому нечего было отвѣчать на это: «Да вѣдь патріарху на царей не кабалу же взять, сказалъ онъ: будь по вашему, соборъ въ пятницу.» Раскольники ушли отъ него очень довольные.

Въ назначенный день, въ пятницу 23 числа, стрѣлцкіе выборные отправились къ Хованскому съ вопросомъ: «когда, государь, изволишь отцамъ приходить на соборъ?» Хованскій отвѣчалъ, что черезъ два часа. Черезъ два часа отцы явились въ кремлѣ: Никита неся крестъ, Сергій евангеліе, монахъ Савватій, явившійся на подмогу къ своимъ изъ волоколамскихъ лѣсовъ, неся икону страшнаго суда, собралось множество народа, мужчинъ и женщинъ, и всѣ съ удивленіемъ спрашивали другъ друга: «что это такое?» Хованскій велѣлъ ввести раскольниковъ въ отвѣтную палату, вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи дьяковъ, подьячихъ и разнаго рода людей, приложился къ кресту и евангелію, и спросилъ, какъ будто ничего не зная, за чѣмъ пришли честные отцы? Никита отвѣчалъ, «что пришли они побить челомъ о старой православной вѣрѣ, чтобъ велѣно было патріарху и архіереямъ служить по старому; а если патріархъ не захочетъ служить по старому, то пусть дастъ отвѣтъ, чѣмъ старыя книги дурны? и за чѣмъ онъ ревнителей отеческихъ догматовъ проклинаяетъ и въ ссылку ссылаетъ, за чѣмъ Соловецкій монастырь велѣлъ вырубить

и монаховъ перемучить; а мы всякія затѣи и ереси въ ихъ новыхъ книгахъ въ конецъ обличимъ.» Хованскій отвѣчалъ и Никитѣ то же, что прежде Сергію: «Самъ я пою и вѣрую по старымъ книгамъ.» Онъ взялъ у раскольниковъ челобитіе, понесъ вверхъ къ государямъ и, возвратившись, сказалъ: «Будетъ противъ вашей челобитной дѣла недѣли на три; патріархъ упросилъ государей отложить до среды, въ среду приходите послѣ обѣда.» Но въ воскресенье царское вѣщаніе? Никита объ этомъ не забылъ и спросилъ Хованскаго: «Какъ же, государь, изволите царей государей вѣщать?» — «Я вамъ сказалъ, что будутъ вѣщать по старому», отвѣчалъ Хованскій. Но Никита не отставалъ: «Хорошо бы, чтобъ патріархъ и литургію служилъ по старому, на семи просвирахъ, и крестъ бы на просвирахъ былъ истинный, а не крыжъ.» Чтобъ отдѣлаться, Хованскій отвѣчалъ: «Вы велите напечь просвиръ съ старымъ крестомъ: я самъ отнесу ихъ патріарху и велю служить по старому, а ты, отецъ Никита ступай домой.»

Къ воскресенью нашло еще въ Москву жителей волоколамскихъ пустынь, отецъ Дороевъ, отецъ Гавріилъ. Радость была большая у раскольниковъ; Никита заказалъ нѣкоей искусной вдовицѣ напечь просвиръ, въ полной надеждѣ, что патріархъ будетъ на нихъ служить литургію. Въ воскресенье онъ взялъ просвиры и съ торжествомъ отправился въ кремль; но торжество было непродолжительно: толпы народа заливали кремль, ожидая выхода государей въ соборъ, и Никита никакъ не могъ протѣсниться къ собору. Въ отчаяніи возвратился онъ съ своимъ узелкомъ къ отцамъ: «Простите, отцы святіи, никонины вѣрами народъ не допустить до соборной церкви, и я просвиры назадъ принесть!» Дѣлать было нечего, роздали просвиры вѣрнымъ благословенія ради.

Между тѣмъ раскольникче дѣло шло не очень удачно въ стрѣleckихъ полкахъ. Далеко не всѣ приказы были согласны въ томъ, что надобно постоять за старую вѣру. Раскольники приписывали это несогласіе патріарху, который будто бы посылалъ за выборными стрѣльцами, осыпалъ ихъ ласками, поилъ, посылалъ подати и дары. Чтобъ подвинуть дѣло, въ Титовъ полку рѣшили выбрать старыхъ-стрѣльцовъ, посылать ихъ по приказамъ съ челобитною и уговаривать подписываться подъ нею. Подписались девять приказовъ да десятыя пушкари; но въ остальныхъ десяти приказахъ

всталъ сильный споръ и брань: одни хотѣтъ подписываться, другіе не хотѣтъ, говоря: «Зачѣмъ намъ руки прикладывать? мы отвѣчать противъ челобитной не умѣемъ; а если руки приложимъ, то и отвѣтъ должны будемъ давать противъ патріарха и архіереевъ; старцы съумѣютъ ли противъ такого собора отвѣчать? Они намутятъ тутъ да и уйдутъ. Все это дѣло не наше, а патріаршее; мы и безъ рукоприкладства рады тутъ быть, стоять за православную вѣру и смотрѣть правду, а по старому не дадимъ жечь и мучить.»

Такимъ образомъ и стрѣльцы далеко были не всѣ за расколъ. Не смотря на то, длинную челобитную на 20 столбцахъ написали отъ имени всѣхъ православныхъ христіанъ, и 3 іюля выборные стрѣлцкіе отправились къ Хованскому съ вопросомъ, когда отцамъ приходитъ на соборъ? Но до Хованскаго уже дошли слухи, что между стрѣльцами волненіе по раскольниковому вопросу, несогласіа; онъ вышелъ къ выборнымъ и спросилъ именемъ царскимъ: «Всѣ ли вы полки заодно хотите стоять за православную вѣру?» Выборные отвѣчали: «Всѣ полки и чернослободцы рады стоять за старую православную христіанскую вѣру!» Еще два раза Хованскій повторилъ свой вопросъ и получилъ отвѣтъ: «Не только стоять, но и умереть готовы за вѣру Христову!» Тогда Хованскій отправился вверхъ къ государямъ, т.-е. къ царевнѣ, и передалъ отвѣтъ выборныхъ. Рѣшено было, чтобъ онъ шелъ съ ними къ патріарху. вмѣстѣ съ Хованскимъ и выборными пошли туда же и ревностные раскольники изъ посадскихъ. Хованскій пошелъ къ патріарху въ крестовую, а выборные и посадскіе дожидались въ сѣняхъ. Выборныхъ позвали на патріаршій погребъ, угостили, они возвратились оттуда пьяные въ сѣни, и посадскіе съ ужасомъ увидали, что на нихъ плохая надежда. Когда Хованскій велѣлъ наконецъ ввести всѣхъ въ крестовую, то выборные начали кричать ревнителямъ: «Увидимъ, какъ-то вы станете отвѣчать патріарху и властямъ!» Вышелъ патріархъ, выборные пошли къ нему подъ благословеніе, но посадскіе ревнители не двинулись. Патріархъ спросилъ: «Зачѣмъ, братія, пришли къ нашему смиренію, и чего отъ насъ требуете?» Отвѣчалъ Хованскій: «Пришли, государь, къ твоему благословенію всякихъ чиновъ люди побить челомъ о исправленіи православной вѣры, чтобъ служба была въ соборной церкви по старымъ книгамъ.»

Наступило продолжительное молчаніе. Хованскій обратился къ стрѣльцамъ и велѣлъ имъ говорить. Началь Алексѣй Юдинъ: «Мы пришли, святѣйшій патріархъ, къ твоему благословенію, за что старыя книги отринуты, и какія въ нихъ ереси обрѣтаются, чтобъ намъ про то вѣдомо было.» Патріархъ отвѣчалъ: «Чада моя и братія! Вамъ не подобаетъ судить и простаго человѣка, кольми паче архіерея. Вы простаго чина воинскаго, вамъ это дѣло, не за искусь. Я пастырь, а не наемникъ, дверьми вошелъ, а не чрезъ ограду, не самъ я на себя такую тяготу восхитилъ или накупился на апостольскій престолъ, избранъ повелѣніемъ великаго государя и всего освященнаго собора благословеніемъ. Хотя я и недостойнъ, но пастырь, и потому вы должны мнѣ повиноваться. Вмѣсто того вы намъ прекословцы и непослушники являетесь; вы порицаете нашу вѣру, Никона патріарха называете еретикомъ, а онъ еретикомъ не былъ, если изверженъ, то за свое безчynie, никакого поврежденія въ вѣрѣ онъ у насъ не сдѣлалъ; исправленія, какія сдѣзаны въ книгахъ, и троеперстный крестъ введенъ по утвержденію святѣйшихъ патріарховъ, не сами мы все это завели отъ себя, но отъ божественныхъ писаній исправили.»

Отвѣчать патріарху, разумѣется, могли не стрѣлечіе выборыные. Съ отвѣтомъ выступилъ ревнитель изъ посадскихъ, Павелъ Даниловецъ. У этихъ ревнителей наболѣло одно мѣсто: въ стрѣлечіихъ слободахъ, у Хованскаго, вездѣ толковали они о своихъ гоненіяхъ, требовали, чтобъ ихъ не выдали, впередъ не жгли и не мучили. Теперь они лицомъ къ лицу съ патріархомъ и архіереями, которыхъ считали главными своими гонителями. «Правду говоришь, святѣйшій владыка, началъ Павелъ, что вы на себѣ Христовъ образъ носите; но Христосъ сказалъ: «Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ,» а не срубамъ, не огнемъ и мечомъ грозилъ; велѣно повиноваться наставникамъ, но не велѣно слушать и ангела, если не то возвѣщаетъ. Чтò за ересь и хула двумя перстами креститься? за что тутъ жечь и пытать?

Патріархъ отвѣчалъ: «Мы за крестъ и молитву не жжемъ и не пытаемъ, жжемъ, за то, что насъ еретиками называютъ и не повинуются св. церкви, а креститесь какъ хотите.» Противъ этого возражать было нечего; раскольники очень хорошо знали, что если бы прекратилось гоненіе и имъ позволили свободно молить-

ся какъ хотять, то они все же не перестали бы враждовать къ церкви, считая ее неправославною; раскольники требовали отъ духовенства, чтобъ оно не преслѣдовало ихъ какъ еретиковъ, но сами не принимали на себя обязательства не смотрѣть на духовенство, какъ на еретическое. Павелъ долженъ былъ перемѣнить разговоръ о гоненіяхъ и начать споръ объ искаженіяхъ книгъ, объ Никонѣ и Арсеніи, извѣстный, безконечный споръ, продолжающійся и теперь по праздникамъ въ московскомъ кремлѣ. Когда споръ кончился и Хованскій съ выборными пошелъ къ патріарху подъ благословеніе, подошелъ и Павелъ, но требовалъ, чтобъ патріархъ благословилъ его по старому; патріархъ не согласился, и Павелъ ушелъ безъ благословенія. Хованскій поцѣловалъ его въ голову и сказалъ: «Не зналъ я, малый, тебя до сей поры <sup>252</sup>!» Соборъ былъ назначенъ 5-го іюля, въ среду.

Между тѣмъ раскольники не тратили времени: проповѣдывали громко по улицамъ и площадямъ. На Красной площади простой народъ, мушны и женщины, собирались толпами и толковали о старой вѣрѣ, при чемъ люди, жаловавшіеся на гоненіе и взывавшіе въ кротости и смиреніи Христову, не замедлили обнаружить свою кротость и смиреніе: вышелъ на площадь православный священникъ Савва, извѣстный своею школьною ученостію, началъ доказывать, что должно креститься тремя перстами и сильно возставалъ противъ раскола: обличаемые побили обличителя; сильно досталось также монаху Чешихѣ, говорившему противъ раскола у Москворѣцкихъ воротъ <sup>253</sup>.

5-го іюля, въ среду, чѣмъ свѣтъ пришли стрѣлецкіе выборные къ Никитѣ и монахамъ и объявили: «Мы объ этомъ дѣлѣ боярину уже не станемъ докладывать, потому что они опять станутъ просить сроку, но какъ только мы вамъ дадимъ знать, такъ и ступайте.» Чрезъ нѣсколько времени дали знать, и раскольники начали собираться: отпѣли молебенъ, благословились у отца Никиты, взяли крестъ, евангеліе, образъ богородицы, страшнаго суда, старыя книги, зажгли свѣчи и отправились въ кремль; огромная толпа народу прорвалась съ ними туда же, давка была страшная; въ толпѣ слышались похвалы раскольничьимъ монахамъ, ихъ стариннымъ клобукамъ, надвинутымъ на глаза, ихъ постническому виду: «не толсты брюка-то у нихъ, не какъ у нынѣшнихъ новаго завѣта учителей!» Раскольники расположились

у Архангельскаго собора, разставили наои, разослали на них пелены, разложили крестъ, евангеліе, образа, зажгли свѣчи. Патріархъ съ духовенствомъ въ это время былъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ со слезами служилъ молебень: происшествія съ Саввою и Чехихою мало общали ему хорошаго. По окончаніи молебна, патріархъ ушелъ къ себѣ домой, а къ народу выслалъ Верхоспасскаго протопопа Василя съ печатнымъ обличеніемъ на Никиту, какъ онъ прежде раскаявался передъ соборомъ въ раскольническихъ заблужденіяхъ. Дрожа отъ страху, протопопъ началъ читать обличеніе противъ угла Грановитой палаты; но стрѣльцы схватили его, заушили и потащили къ раскольникамъ, тетрадь хотѣли изорвать; но монахъ Сергій вступился: «Зачѣмъ его бить? сказалъ онъ: вѣдь онъ не самъ собою пришелъ, посланъ патріархомъ, пусть дочитываетъ.» Но толпа взволновалась, хотѣла протопопа камнями побить, за шумомъ нельзя было ничего слышать, что онъ читалъ. Тогда Сергій сказалъ ему: «Что все труднѣе? видишь, никто не слушаетъ.» Толпа требовала, чтобъ Сергій поучилъ ее отъ божественныхъ писаній, какъ избѣжать прелести Никоніанскія? Принесли скамью, Сергій вошелъ на нее, и сталъ читать Соловецкія тетрадки, о крестномъ знаменіи, о крыжѣ, о жезлахъ, о просвирахъ и обо всемъ церковномъ премѣненіи: окружающіе слушали съ сложенными руками, вздыхали глубоко, нѣкоторые и плакали; но отцамъ приходилось плохо, потому что ихъ страшно гнели со всѣхъ сторонъ. Сергій пересталъ читать Соловецкія тетрадки, но толпа кричитъ: «Скажи намъ еще, Господа ради, отъ божественныхъ писаній, чтобъ намъ душами нашими не погибнуть!» Сергій изнемогъ, третій день ничего не ѣлъ: «Возьми, читай ты!» говоритъ онъ Саввѣ Романову; но тотъ назадъ! «Не мое это дѣло, а ваше, вы на это и званы.»

Между тѣмъ во дворцѣ происходили также любопытныя сцены. Когда отцы расположились у Архангельскаго собора, стрѣлцкіе выборные отправились въ Верхъ къ Хованскому спросить, когда изволить быть собору? Хованскій пошелъ къ патріарху съ этимъ вопросомъ; Іоакимъ отвѣчалъ, что пусть раскольники идутъ въ Грановитую палату, потому что тамъ хотятъ быть царица и царевны, а на площади передъ народомъ быть имъ зазорно. Съ этимъ отвѣтомъ выборные отправились къ отцамъ, но когда отцы передали его народу, въ толпѣ закричали: «Отчего патріархъ не

хочетъ передъ народомъ свидѣтельствовать о божественномъ писаніи; подобаетъ собору здѣсь быть, а въ палатѣ нельзя по множеству народа; въ народѣ смятеніе: одни хвалятъ старую вѣру, а другіе новую; надобно это сомнѣніе и мятежъ въ душахъ христіанскихъ разрѣшить; вы, отцы святые, въ палату не ходите, царевнамъ нечего тутъ дѣлать; надобно тутъ быть царямъ государямъ, а не царевнамъ.» Отцы сказали выборнымъ: «Пусть патріархъ свидѣтельствуеетъ книги передъ всѣмъ народомъ, а мы въ палату неидемъ.» Выборные пересказали этотъ отвѣтъ Хованскому, который сталъ уговаривать Софью исполнить требованіе народа; но Софья никакъ не соглашалась выслать патріарха съ духовенствомъ на площадь послѣ недавнихъ сценъ насилія; тогда Хованскій началъ настаивать, чтобъ и въ Грановитой палатѣ никто не присутствовалъ изъ особъ царскаго дома; онъ стращалъ новымъ стрѣльцкимъ бунтомъ, прямо говорилъ, что если государи будутъ въ Грановитой вмѣстѣ съ патріархомъ, то имъ не быть живымъ. Но Софья имѣла сношенія съ стрѣльцами, была увѣрена, что у нихъ и въ мысли нѣтъ о бунтѣ, и потому спокойно отвѣчала Хованскому: «Буди воля Божія, но я не оставлю св. церкви и ея пастыря.» Не успѣвши напугать Софью, Хованскій началъ говорить боярамъ: «Просите ради Бога царевну, чтобъ она не ходила въ Грановитую съ патріархомъ, а если пойдетъ, то при нихъ и намъ быть всѣмъ побитымъ.» Напуганные бояре бросились умолять Софью не ходить въ Грановитую, но она и ихъ не послушала, и послала сказать патріарху, чтобъ шелъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ въ Грановитую, только не чрезъ Красное крыльцо, гдѣ могла быть опасность отъ изувѣровъ, а по ризположенской лѣстницѣ. Патріархъ, видя бѣду, изъ которой не думалъ выйти живымъ, пошелъ со слезами въ Грановитую, а древнія книги греческія и славянскія велѣлъ нести черезъ Красное крыльцо, чтобъ народъ видѣлъ, какія средства имѣетъ церковь противъ своихъ мятежниковъ. Въ то время, какъ мужчины трепетали при входѣ въ Грановитую, три женщины добровольно вызвались идти туда вмѣстѣ съ Софьею: царица Наталья Кирилловна и двѣ царевны Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна. Послѣ совѣщанія у царевнѣ и царицы съ патріархомъ рѣшено было призвать раскольниковъ въ Грановитую только для прочтенія челобитной.



Съ этимъ рѣшеніемъ отправился къ *отцамъ* самъ Хованскій. Помолившись предъ крестомъ, евангеліемъ и образами, и поклонившись *отцамъ*, онъ объявилъ имъ, чтобъ шли въ Грановитую палату: «Никакого вамъ зла не будетъ, говорилъ онъ, потому что царевны хотятъ тутъ же слушать челобитную, а здѣсь имъ быть зазорно. Собору и свидѣтельству божественныхъ писаній сегодня быть некогда, это дѣло великое, а теперь на дворѣ уже поздно; только выслушаютъ царевны и царица вашу челобитную, и отпущъ вамъ будетъ.» Отвѣчалъ Сергій: «Государь царскій бояринъ! мы въ палату идти боимся, чтобъ какого-нибудь вымысла и коварства надъ нами не было попрежнему; изволилъ бы патріархъ это дѣло предъ всѣмъ народомъ свидѣтельствовать, а въ палатѣ столько народу не помѣстится; знаю, что однихъ насъ пустять, а изъ народа никого не пустять, а намъ безъ народа что тамъ дѣлать?»— «Всѣмъ можно будетъ идти въ палату, кто хочетъ ступай, говорилъ Хованскій: если уже вы, отцы святые, на мою душу грѣшную во всемъ положились, такъ вѣрьте мнѣ и теперь; цѣлую вамъ крестъ, клянусь кровію Христовою, что вамъ никакого зла не будетъ, а если что будетъ, такъ и мнѣ то же что вамъ.» Тутъ сказалъ Никита: «Отецъ Сергій! я ему вѣрю.»— «Ну, хорошо!» отвѣчалъ Сергій. Хованскій пошелъ во дворецъ, наказавши раскольникамъ, чтобъ безъ него не ходили. Возвратившись во дворецъ, Хованскій еще разъ попробовалъ напугать Софью, чтобъ не была вмѣстѣ съ патріархомъ въ Грановитой, но Іоакимъ объявилъ, что безъ государей къ народу въ Грановитую палату не пойдетъ, а Софья сказала рѣшительно, что не покинетъ патріарха. Тогда Хованскій послалъ выборныхъ къ *отцамъ*, чтобъ шли на Верхъ.

Раскольники двинулись съ крестомъ, евангеліемъ, образами, наложными, свѣчами. Хованскій, сдерживая данное слово, велѣлъ всѣхъ ихъ пустить въ палату, а православныхъ священниковъ и мірянъ пускать не велѣлъ, иныхъ даже велѣлъ отогнать побоями <sup>254</sup>. По раскольничьему разсказу <sup>255</sup> дѣло объясняется такъ, что идя на красное крыльцо, раскольники столкнулись съ священниками. рванувшимися навстрѣчу къ нимъ изъ Грановитой; произошла драка, одинъ священникъ схватилъ Никиту за волосы, стрѣльцы бросились на священниковъ съ кулаками и заставили ихъ разбѣжаться въ разныя стороны. Хованскій прибѣжалъ на шумъ и крикъ, отцы къ нему съ жалобами, что ихъ бьютъ попы, и ука-

зали священника, схватившаго Никиту за волосы; Хованскій сейчас же велѣлъ этого священника сковать и отослать въ стрѣлецкій приказъ, другихъ велѣлъ сбить съ Верху, оставивъ не многихъ, по просьбѣ архіереевъ, кричалъ, бранился непристойными словами: «Ахъ, плуты! я ничего не знаю, а ихъ набралось, что кабацкихъ ярыжекъ!» Отцы однако все не хотѣли двигаться дальше, крича, что неправды много стало; тогда Хованскій поцѣловалъ имъ крестъ, что никакого зла имъ не будетъ, и они пошли; съ ними вмѣстѣ пошло много и посадскихъ людей <sup>256</sup>.

Съ шумомъ вошли раскольники въ Грановитую и разставили свои налои и свѣчи какъ на площади; они пришли утверждать старую вѣру, уничтожать всѣ *новшества*, а не замѣчали, какое небывалое новшество встрѣтило ихъ въ Грановитой палатѣ: на царскомъ мѣстѣ однѣ женщины! царевны, дѣвицы открыто предъ всѣмъ народомъ, и одна царевна заправляетъ всѣмъ! Они не видѣли въ этомъ явленіи знаменія времени. На царскихъ тронахъ сидѣли двѣ царевны—Софья и тетка ея, Татьяна Михайловна, пониже въ креслахъ царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексѣевна и патріархъ, направо архіереи, налѣво свѣтскіе сановники, царедворцы и выборные стрѣльцы.

Патріархъ обратился къ отцамъ съ вопросомъ: «Зачѣмъ пришли въ царскія палаты и чего требуете отъ насъ» <sup>257</sup>? Отвѣчалъ Никита: «Мы пришли къ царямъ государямъ побить челомъ о исправленіи православной вѣры, чтобъ дали намъ свое праведное разсмотрѣніе съ вами, новыми законодавцами и чтобъ церкви Божіи были въ мирѣ и соединеніи.» Патріархъ сказалъ на это то же, что говорилъ прежде раскольникамъ у себя: «не вамъ подобаетъ исправлять церковныя дѣла, вы должны повиноваться матери святой церкви и всѣмъ архіереямъ, пекущимся о вашемъ спасеніи; книги исправлены съ греческихъ и нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ, а вы грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какую содержать въ себѣ силу.»—«Мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, а о церковныхъ догматахъ!» закричалъ Никита, и сейчасъ же показалъ, что онъ разумѣетъ подъ догматами, обратившись къ патріарху съ вопросомъ, зачѣмъ архіереи при осѣненіи берутъ крестъ въ лѣвую руку, а свѣчу въ правую? За патріарха сталъ отвѣчать холмогорскій епископъ Афанасій. Никита бросился на него съ поднятою рукою: «Что ты

нога выше головы ставишься? я не съ тобою говорю, а съ патриархомъ!» Стрѣлцкіе выборные поспѣшили оттащить Никиту отъ епископа. Тутъ Софья не выдержала, вскочила съ мѣста и начала говорить: «Видите ли, что Никита дѣлаетъ? въ нашихъ глазахъ архіерея бьетъ, а безъ насъ и подавно бы убилъ.» Между раскольниками послышались голоса: «Нѣтъ, государыня, онъ не билъ, только рукою отвелъ.» Но Софья продолжала: «Тебѣ ли, Никита, съ св. патриархомъ говорить? не довелось тебѣ у насъ и на глазахъ быть; помнишь ли, какъ ты отцу нашему и патриарху и всему собору принесъ повинную, клялся великою клятвою впередъ о вѣрѣ не бить челомъ, а теперь опять за то же принялся?»—«Не запираюсь, отвѣчалъ Никита, поднесъ я повинную за мечемъ да за срубомъ; а на челобитную мою, которую я подалъ на соборѣ, никто мнѣ отвѣта не далъ изъ архіереевъ; сложилъ на меня Семенъ Полоцкій книгу: *Жезлъ*, но въ ней и пятой части противъ моего челобитья нѣтъ; изволишь, я и теперь готовъ противъ Жезла отвѣчать, и если буду виноватъ, то дѣлайте со мной что хотите.»—«Не стать тебѣ съ нами говорить и на глазахъ нашихъ быть,» сказала ему Софья и велѣла читать челобитную. Когда дочли до того мѣста, гдѣ говорилось, что чернецъ Арсеній еретикъ съ Никономъ поколебали душою царя Алексѣя, Софья опять не вытерпѣла: слезы выступили у нея на глазахъ, она вскочила съ своего мѣста и начала говорить. «Если Арсеній и Никонъ патриархъ еретики, то и отецъ нашъ и братъ такіе же еретики стали; выходитъ, что и нынѣшніе цари не цари, патриархи не патриархи, архіереи не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слышать, что отецъ нашъ и братъ еретики, мы пойдемъ всѣ изъ царства вонъ.» Съ этими словами царица отошла отъ своего мѣста и стала поодаль. Хованскій, бояре всѣ и выборные расплакались: «зачѣмъ царямъ государямъ изъ царства вонъ идти, мы рады за нихъ головы свои положить.» Раздались и другія рѣчи между стрѣльцами: «Пора, государыня, давно вамъ въ монастырѣ, полно царствомъ-то мутить, намъ бы здоровы были цари государи, а безъ васъ пусто не будетъ.»

Но эти выходки не могли ослабить впечатлѣнія, произведеннаго на выборныхъ словами Софьи: «Все это отъ того, что васъ всѣ боятся, говорила имъ царица: въ надеждѣ на васъ эти раскольники мужики такъ дерзко пришли сюда. Чего вы смотрите: хоро-

шо ли такимъ мужикамъ невѣждамъ къ намъ бунтомъ приходить, творить намъ всѣмъ досады и кричать? Неужели вы, вѣрные слуги нашего дѣда, отца и брата, въ единомыслии съ раскольниками? Вы и нашими вѣрными слугами зоветесь: зачѣмъ же такимъ невѣждамъ попускаете? Если мы должны быть въ такомъ положеніи, то царямъ и намъ здѣсь больше жить нельзя: пойдѣмъ въ другіе города и возвѣстимъ всему народу о такомъ непослушаніи и разореніи.»

Ничѣмъ нельзя было такъ напугать стрѣльцовъ, какъ угрозою, что цари оставляютъ Москву. Въ нихъ было живо сознаніе, что поведеніе ихъ съ 15 мая возбудило сильное неудовольствіе въ могущественныхъ классахъ, что бояре ихъ ненавидятъ, какъ бунтовщиковъ и убійцъ, что многочисленное дворянское войско, и прежде ихъ не любившее, теперь не дастъ имъ пощады по первому мановенію правительства, что они цѣлы до сихъ поръ и наводятъ страхъ на мирное народонаселеніе Москвы только потому, что правительство ихъ прикрываетъ; но если правительство отречется отъ нихъ, оставитъ Москву? Выборные отвѣчали: «Мы великимъ государямъ и вамъ государынямъ вѣрно служить рады, за православную вѣру, за церковь и за ваше царское величество готовы головы свои положить и по указу вашему все дѣлать. Но сами вы, государыни, видите, что народъ возмущенный и у палатъ вашихъ стоитъ множество людей: только бы какъ-нибудь этотъ день проводить, чтобъ намъ отъ нихъ не пострадать, а что великимъ государямъ и вамъ государынямъ идти изъ царствующаго града—сохрани Боже! зачѣмъ это?»

Софья возвратилась на свое мѣсто. Продолжали читать челобитную. Софья не могла удержаться, чтобъ не поспорить еще съ раскольничьими монахами о разныхъ вещахъ. Когда челобитная была прочтена, патріархъ взялъ въ одну руку евангеліе, писанное митрополитомъ Алексіемъ, въ другую соборное дѣяніе патріарха Іеремии съ символомъ вѣры, какъ онъ читается въ новоправленныхъ книгахъ: «вотъ старыя книги, сказалъ Іоакимъ, и мы имъ вполне послѣдуемъ.» Но самое сильное впечатлѣніе произвелъ одинъ священникъ, который выступилъ впередъ съ книгою, напечатанною при патріархѣ Филаретѣ: «Вотъ ваши любимыя книги Филаретовскія, сказалъ священникъ, смотрите, что въ нихъ напечатано: разрѣшается на мясо въ великій четвертокъ

и субботу! Никита, молчавшій до сихъ поръ послѣ окрика Софьи, не вытерпѣлъ, но могъ только выбраться съ досады: «Такіе же плуты печатали какъ и вы,» сказалъ онъ священнику.

Чтеніе челобитной кончилось, и раскольниковъ отпустили изъ Грановитой. Вышедши изъ кремля, они остановились на лобномъ мѣстѣ и опять разназывали народу, сколько ересей Никоніанцы насадили въ божественныя книги, хвалились, что переспорили и посрамили всѣхъ архіереевъ. Съ лобнаго отправились за Яузъ; здѣсь въ церкви Спаса въ Чигасахъ отслужили молебень со звономъ, и разошлись по домамъ.

Народъ не слыхалъ, какъ отцы спорили съ архіереями, и тѣ, которые колебались, хотѣли *смотреть правду*, оставались въ прежнемъ недоумѣніи. Стрѣльцкіе выборные, обѣщавшіеся *смотреть правду*, не видали правды Никиты съ братією въ Грановитой, слышали только грозныя слова царевны и правительницы, что она не будетъ долѣе сносить буйства раскольниковъ, покинетъ съ государями Москву, и вся вина ляжетъ на стрѣльцахъ, которыхъ считаютъ защитниками раскола: «Не промѣняйте насъ и все русское государство на шестерыхъ чернецовъ, не дайте въ поруганіе святѣйшаго патріарха и всего освященнаго собора!» говорила Софья выборнымъ, и тѣ отвѣчали ей: «Намъ до старой вѣры дѣла нѣтъ, это дѣло св. патріарха и всего освященнаго собора.» Выборные были щедро награждены и угощены за такія умныя рѣчи; рядовые стрѣльцы побуянили, но не могли устоять передъ царскимъ погребомъ, когда выставили на десять человѣкъ по ушату: принесли заручныя, что впередъ не будутъ вступать за старую вѣру, а раскольниковъ начали бить, крича: «Вы бунтовщики, возмущили всѣмъ царствомъ!» Тѣ бросились бѣжать, куда кто могъ; *отцовъ* перехватили: Никитѣ, какъ самому дерзкому заводчику смуты и нарушителю своего обѣщанія, отсѣкли голову, Хованскій никакъ не могъ спасти его; но онъ успѣлъ спасти отъ казни Сергія, котораго сослали въ Ярославль, въ Спаскій монастырь; успѣлъ замѣнить смертную казнь ссылкой на Терекъ для садовника Никиты Борисова съ товарищами, которые бѣжали въ Брянскъ и тамъ были схвачены.

Но если должны были уступать Хованскому, то тѣмъ болѣе сердились на него. Потворство Тараруя раскольникамъ, его сношенія съ ними не были тайною; его прямо обвиняли въ намѣре-

ни дать торжество расколу, истребить патриарха и знатнѣйшее духовенство. Но тронуть Хованскаго, отнять у него начальство надъ стрѣльцами было нельзя: онъ успѣлъ приобрести любовь надворной пѣхоты. Сперва изъ желанія выдвинуться на первый планъ, стать сильнымъ посредствомъ войска, державшаго въ страхѣ Москву и правительство, Хованскій потакалъ стрѣльцамъ, исполняя всѣ ихъ требованія, а теперь, порвавши съ дворомъ вслѣдствіе поведенія своего 5 іюля, Хованскій долженъ былъ полагать стрѣльцамъ уже по чувству самосохраненія, потому что только благодаря имъ могъ быть безопасенъ. Передъ царями и боярами онъ выставлялъ свое поведеніе какъ самое благоразумное: «когда меня не станетъ, то въ Москвѣ будутъ ходить по колѣна въ крови,» говорилъ онъ. Стрѣльцы, видя, что все имъ позволено, что всѣ ихъ боятся, вели себя какъ завоеватели, хотѣли кормиться насчетъ завоеванныхъ; съ другой стороны они хорошо знали всеобщую къ себѣ ненависть, боялись мести и потому находились въ постоянномъ раздраженіи, волновались при каждомъ слухѣ, что имъ готовится наказаніе. Нашлись люди, которые хотѣли пользоваться ихъ раздраженіемъ. 12 іюля толпа стрѣльцовъ приступила къ царямъ съ требованіемъ, чтобъ они выдали имъ всѣхъ бояръ. За что? за то, что бояре хотятъ всѣхъ стрѣльцовъ перевести, поморить разными смертями. Кто имъ это сказалъ? Крещеный татарскій царевичъ Матвѣй, который слышалъ это на Верху. Сейчасъ царевича въ застѣнокъ пытать, повинился, что такихъ словъ у бояръ не слыхалъ, затѣялъ напрасно для того, что ему корму мало и честь не велика, думалъ, что если случится отъ его словъ какая смута, то честь получить большую. Татарина четвертовали, но волненія не прекращались. Посадскій изъ Ярославля Бизяевъ закричалъ за собою государево слово: слышалъ на дворѣ у боярина князя Одоевскаго, что хотятъ бояре стрѣльцовъ переводить всякими вымыслами. Съ пытки Бизяевъ повинился, что затѣялъ напрасно, чтобъ завести смуту и выжечь Москву. Бизяеву отсѣкли голову; но холопъ дворянина Вешнякова донесъ на своего господина и на сына его, бывшаго стрѣleckаго полковника, что они собираютъ войско на стрѣльцовъ, нанимаютъ боярскихъ людей, по 20 человекъ на одного стрѣльца. Старикъ Вешняковъ умеръ съ пытокъ, сынъ его едва остался живъ. Въ то же время стрѣльцы пытали и четвертовали одного изъ своихъ полковниковъ, Яно-

ва, обвиняя его въ обидахъ. Все дѣло прошло въ волненіяхъ. 16 августа Хованскій принесъ на Верхъ стрѣлецкую челобитную, чтобы на тѣхъ стрѣльцовъ, которые взяты изъ дворцовыхъ волостей, брать съ этихъ волостей подможныя деньги по 25 рублей на человѣка. Бояре воспротивились этому незаконному требованію. Правительницѣ донесли, что Хованскій вышелъ къ стрѣльцамъ и сказалъ имъ: «Дѣти! знайте, что уже бояре грозятъ и мнѣ за то, что хочу вамъ добра, мнѣ стало дѣлать нечего, какъ хотите, такъ и промышляйте» <sup>258</sup>!

Мы должны выражаться осторожно: «правительницѣ донесли, что Хованскій сказалъ,» ибо извѣстіе объ этомъ находится въ сочиненіи, имѣющемъ видимую цѣль выставить виновность Хованскаго; мы должны однако замѣтить, что слова эти соответствуютъ характеру и положенію Тараруя. Но сказалъ ли Хованскій эти слова и такъ ли сказалъ — дѣло не въ этомъ; дѣло въ томъ, что на Верхъ донесено было о словахъ Хованскаго, которыя заключали въ себѣ прямой призывъ къ бунту; дѣло въ томъ, что стрѣльцы волновались, своевольничали и не знали мѣры своимъ требованіямъ, держали въ постоянной тревогѣ правительство и народъ московскій, дѣлали положеніе того и другаго невыносимымъ. Дѣло въ томъ, что Софья и Милославскій посредствомъ стрѣльцовъ овладѣли правленіемъ, а Хованскій перешелъ имъ дорогу, овладѣлъ стрѣльцами, привязалъ ихъ къ себѣ, и готовъ былъ употребить эту силу противъ Софьи и Милославскаго. Софья и Милославскій по собственному опыту хорошо знали всю полноту искушенія, представляемую положеніемъ Хованскаго: пойдетъ ли онъ назадъ? посторонится ли, чтобы дать мѣсто имъ? На Верху должны были вѣрить всѣмъ слухамъ о замыслахъ Хованскаго, вѣрить, что онъ, выставляя свое царственное происхожденіе отъ Гедимины, хочетъ овладѣть престоломъ, а чтобы связать себя и съ русскою династіею, хочетъ женить сына на царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; что на Верху вѣрили всему, доказательствомъ служить поведеніе Милославскаго, который, боясь быть первою жертвою новаго стрѣлецкаго бунта въ пользу Хованскаго, какъ Матѣевъ былъ первою жертвою бунта въ пользу его, Милославскаго, уѣхалъ изъ Москвы, крылся, переѣзжая изъ одной подмосковной въ другую, «какъ подземный кротъ,» по выраженію современника <sup>259</sup>, не переставая, по чувству самосохраненія, под-

капываться подъ Хованскаго, убѣждать Софью принять наконецъ рѣшительныя мѣры.

Софья не нуждалась въ сильныхъ убѣжденіяхъ къ этому: она со стороны стрѣльцовъ и Хованскаго находилась въ несносномъ *порабощеніи*, и потому должна была привести въ исполненіе угрозу, которою настращала стрѣлцкихъ выборныхъ 5 іюля, т.-е. выйти изъ Москвы и «возвѣстить народу о такомъ непослушаніи и разореніи.» Слухи о замыслахъ Хованскаго и стрѣльцовъ и дѣйствительное поведеніе Тараруя торопили правительницу.

19 августа бываетъ въ Москвѣ крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Донской монастырь, въ память избавленія столицы отъ нашествія Крымцевъ при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ. Государи, по обыкновенію, должны были идти за крестами въ монастырь; но разнесся слухъ, что стрѣльцы хотятъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ предать ихъ смерти. Цари не пошли въ ходъ, а на другой день, 20 августа, все царское семейство уѣхало въ Коломенское<sup>200</sup>. Стрѣльцы испугались: уѣдутъ цари изъ Москвы и приведутъ на нихъ дворянское войско! 23 августа явились въ Коломенское выборные изъ всѣхъ полковъ съ челобитною: «великимъ государямъ сказали, будто у насъ у надворной пѣхоты учинилось смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ полку въ полкъ идутъ тайныя пересылки, хотимъ приходить въ кремль съ ружьемъ по прежнему, и для того они, великіе государи, изволили изъ Москвы выѣхать: но у насъ во всѣхъ полкахъ такого умысла нѣтъ и впередъ не будетъ; чтобъ великіе государи пожаловали, не велѣли такимъ ложнымъ словамъ повѣрить и изволили бы придти къ Москвѣ.»— «Великимъ государямъ про вашъ умыселъ не вѣдомо, былъ отвѣтъ: изволили великіе государи съ Москвы идти по своему государскому изволенію, да и прежде въ село Коломенское ихъ государскіе походы бывали же.» Съ этимъ выборные и отпущены. Стрѣльцы успокоились, потому что цари послѣ этого не двигались изъ Коломенскаго, выжидая обычнаго времени для дальнѣйшихъ походовъ, которые не должны были казаться чрезвычайными. Хованскій между тѣмъ, по привычкѣ своей, вздумалъ напугать Софью, чтобъ показать, какъ она нуждается въ стрѣльцахъ, слѣдовательно въ немъ: онъ явился въ Коломенское и разказывалъ при боярахъ: «приходили ко мнѣ новгородскіе дворяне и



говорили, что ихъ братья хотѣтъ приходить ииѣшнимъ лѣтомъ въ Москву, бить челомъ о заслуженномъ жалованьи, и на Москвѣ сѣчь всѣхъ безъ выбора и безъ остатка.» — «Такъ надобно сказать объ этомъ въ Москвѣ на постельномъ крыльцѣ всякихъ чиновъ людямъ, а въ Новгородѣ, для подлиннаго свидѣтельства, послать великихъ государей грамоту,» сказала Софья. Хованскій струсиль и началъ упрасивать, чтобъ этого не дѣлать, и не наводить на него бѣды. Къ именинамъ старшаго царя, къ 29 августа, правительница отправила указъ Хованскому прислать въ Коломенское стременной полкъ; но Хованскій боялся этого стременнаго полка: онъ былъ очень близокъ къ государямъ, больше другихъ подчинился вліянію правительницы, отпустить его въ Коломенское значить отдать его въ руки Софьи, и дать ей возможность посредствомъ него дѣйствовать и на другіе полки: Хованскій ослушался указа, не отпустилъ стременнаго полка въ Коломенское, тогда какъ прежде, безъ царскаго указа, хотѣлъ услать его—въ Кіевъ! Нужно было нѣсколько разъ повторить указъ, и тогда только Хованскій рѣшился отпустить стременныхъ.

Наступило 1-е сентября, торжество новаго года, требовавшее, по обычаю, присутствія царей въ кремлѣ; цари не пріѣхали, послали указъ Хованскому быть у Дѣйства новаго лѣта; но Хованскій не былъ; патріархъ сильно разсердился, потому что торжество вышло очень блѣдно; изъ знати былъ только одинъ окольничій. И простаго народа было очень мало, потому что всѣ были въ ужасѣ: не переставали ходить слухи, что въ тотъ или другой праздникъ непременно будетъ стрѣлецкій бунтъ; но въ то самое время, когда безоружный народъ трепеталъ передъ стрѣльцами, стрѣльцы не меньше трусили, ибо ходили слухи, что въ тотъ или другой праздникъ будетъ имъ месть отъ боярскихъ людей, нападутъ на нихъ, когда пойдутъ на караулъ, перебьютъ ихъ женъ и дѣтей. Карету Хованскаго постоянно окружали стрѣльцы, человекъ по 50, на дворѣ у него стоялъ караулъ, человекъ по сту.

На другой день, 2-го сентября, цари выѣхали изъ Коломенскаго въ село Воробьево, 4-го числа изъ Воробьева въ Павловское, 6-го пріѣхали въ Саввинъ Сторожевскій монастырь. Отпраздновавъ здѣсь память чудотворца Саввы 10-го сентября, въ тотъ же день выѣхали въ село Павловское<sup>261</sup>; 12-го числа изъ Павловскаго въ село Хлябово; 13-го изъ Хлябова въ Воздвиженское къ здѣшнимъ

му празднику. 14-го числа, отслушавъ обѣдню, государи указали, для своихъ дѣлъ и для прїѣзда гетманскаго сына Семена, быть къ себѣ въ походъ въ село Воздвиженское изъ Москвы всѣмъ боярамъ, окольниковымъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, страпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ къ 18-му сентября. 16-го числа гетманчъ былъ принятъ великими государами. 17-го въ день именинъ Софьи, уже множество знати и придворныхъ наполнили Воздвиженское, знали, что и Хованскій съ сыномъ Андреемъ выѣхалъ изъ Москвы. Послѣ обѣдни именинница изволила бояръ, окольниковыхъ и думныхъ людей жаловать водкою. Но послѣ водки у великихъ государей и сестры ихъ началось съ боярами *сиденье* о важномъ дѣлѣ; думный дьякъ докладывалъ: «Великимъ государямъ вѣдомо учинилось, что бояринъ князь Иванъ Хованскій, будучи въ приказѣ надворной пѣхоты, а сынъ его, бояринъ князь Андрей, въ судномъ приказѣ, всякія дѣла дѣлали безъ великихъ государей указа, самовольствомъ своимъ и противясь во всемъ великихъ государей указу; тою своею противностію и самовольствомъ учинили великимъ государямъ многое безчестіе, а государству всему великіе убытки, разоренье и тягость большую. Да сентября во 2-е число, во время бытности великихъ государей въ Коломенскомъ, объявилось на ихъ дворѣ у переднихъ воротъ на нихъ князя Ивана и князя Андрея подметное письмо: извѣщаютъ московскій стрѣлецъ, да два человѣка посадскихъ на воровъ и на наѣбниковъ, на боярина князя Ивана Хованскаго да на сына его князя Андрея: на нынѣшнихъ недѣляхъ призывали они насъ къ себѣ въ домъ человѣкъ 9 пѣхотнаго чина, да пять человѣкъ посадскихъ и говорили, чтобъ помогали имъ достунать царства Московскаго, и чтобъ мы научали свою братью вашу царскій корень пзвестъ, и чтобъ прїиди большимъ собраніемъ неожиданно въ городъ и называть васъ государей еретическими дѣтми и убить васъ, государей обонхъ, царицу Наталью Кирилловну, царевну Софью Алексѣевну, патріарха и властей; а на одной бы царевичъ князю Андрею жениться, а остальныхъ царевенъ постричь и разослать въ дальніе монастыри; да бояръ побить: Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, Ивана Михайловича Милославскаго, Шереметевыхъ двоихъ и иныхъ многихъ людей изъ бояръ, которые старой вѣры не любятъ, а новую заводять; и какъ то злое дѣло учинять, послать смущать

во все Московское государство по городамъ и деревнямъ, чтобъ въ городахъ посадскіе люди побили воеводъ и приказныхъ людей, а крестьянъ подучать, чтобъ побили бояръ своихъ и людей боярскихъ; а какъ государство замутится, и на Московское бы царство выбрали царемъ его князя Ивана, а патріарха и властей поставить, кого изберуть народомъ, которые бы старыя книги любили.»

Великіе государи и сестра ихъ, выслушавъ это письмо, указали и бояре приговорили: «по подлинному розыску и по явнымъ свидѣтельствамъ и дѣламъ и тому извѣстному письму согласно, казнить смертью.» Немедленно отправленъ былъ бояринъ князь Лыковъ съ большимъ отрядомъ придворныхъ по Московской дорогѣ схватить Хованскихъ гдѣ ихъ встрѣтитъ. Старика Хованскаго Лыковъ встрѣтилъ у села Пушкина въ палаткѣ, напалъ внезапно и забралъ подъ стражу вмѣстѣ съ нѣсколькими стрѣleckими выборными; князя Андрея захватилъ недалеко оттуда въ подмосковной его на рѣкѣ Клязьмѣ. Когда въ Воздвиженскомъ узнали, что Хованскихъ везутъ, послали сказать Лыкову, чтобъ остановилъ ихъ у переднихъ воротъ государева двора, гдѣ и сказать имъ указъ о смертной казни. Для этого бояре, окольничіе и думные люди вышли изъ государева двора и сѣли на скамьяхъ передъ воротами; разрядный думный дьякъ Шакловитый читалъ сказку о винахъ: какъ Хованскій роздалъ многую государеву денежную казну безъ указа; всякихъ чиновъ людямъ позволилъ ходить въ государевы палаты безъ всякаго страха, съ наглостію и невѣжествомъ, чего и въ простыхъ домахъ не повелось; держать у себя въ приказѣ за рѣшетками и сторожами многихъ людей понапрасну; правилъ на многихъ людяхъ деньги безъ очныхъ ставокъ и безъ розыска; подписалъ даточнымъ людямъ челобитную о сборѣ подможныхъ денегъ съ дворцовыхъ волостей, и когда было рѣшено, что денегъ этихъ не собирать, говорилъ затѣйками своими и выѣщаль слова злыя, что будетъ за это великое кровопролитіе; при государяхъ и боярахъ вычиталъ свои службы съ великою гордостію, будто никто такъ не служивалъ, говорилъ: «если меня не станеть, то будутъ въ Москвѣ ходить по колѣна въ крови»; оба, и отецъ и сынъ, при государяхъ въ палатѣ дѣла всякія отговаривали вопреки государеву указу и уложенію съ великимъ шумомъ и невѣжествомъ, бояръ безчестили и никого въ

свою пору не ставили, многимъ грозили смертію; вмѣстѣ съ раскольниками князь Иванъ ратовалъ на святую церковь, и потому этихъ церковныхъ мятежниковъ оберегалъ отъ казни; вопреки царскому указу не послалъ пѣхотные полки противъ Калмыковъ и Башкиръ; нѣсколько разъ ослушивался указа великихъ государей; клеветалъ на новгородскихъ дворянъ, будто хотятъ придти на Москву; клеветалъ на надворную пѣхоту, что быть отъ нея великимъ бѣдамъ, а надворной пѣхотѣ говаривалъ многія смутныя рѣчи. Въ заключеніе дьякъ читалъ подметное письмо.

Хованскіе не молча слушали обвинительную сказку, оправдывались, слезно просили, «чтобъ господа бояре выслушали причины тѣ о совершенныхъ заводчикахъ съ начала бунта стрѣльцоваго, отъ кого былъ вымышленъ, и царскимъ величествами донесли, чтобъ имъ съ ними дать очныя ставки и безвинно ихъ такъ скоро не казнить.» «Если сынъ мой, говорилъ старикъ Хованскій, все такъ дѣлалъ, какъ говорится въ сказкѣ, то я предаю его проклятію». Но Милославскій, какъ говорятъ <sup>262</sup>, далъ знать царевнѣ, и та прислала сказать, чтобъ приговоръ былъ немедленно исполненъ. Стремленной стрѣлецъ, за недостаткомъ палача, *вершилъ* Хованскихъ на площади у большой московской дороги. Такъ отпразднованы были именины царевны-правительницы!

Въ тотъ же день была написана и отправлена въ Москву грамота къ надворной пѣхотѣ съ извѣщеніемъ о казни ея отца-начальника и его сына: «Вы бы ихъ явную измѣну вѣдали, и никакимъ прелестнымъ и лукавымъ словамъ и письмамъ не вѣрили и на себя нашей опалы и никакого гнѣва не опасались и никакого сомнѣнія въ томъ не имѣли, потому что нашего гнѣва на васъ нѣтъ.» Но 17 же числа успѣлъ уйти изъ Воздвиженскаго другой сынъ Хованскаго, князь Иванъ; ночью онъ уже былъ въ Москвѣ и рассказывалъ стрѣльцамъ, что отца его взяли въ селѣ Пушкинѣ люди боярскіе и казнили безъ указа великихъ государей; въ полку Лопухина рассказывалъ Григорій Языковъ, сынъ околичнаго Павла Языкова, что бояре Одоевскіе и Голицыны со многими собраніемъ хотятъ надворную пѣхоту рубить, что по дорогамъ стоять на заставахъ всякихъ чиновъ люди и боярскіе холопы съ ружьемъ, хотятъ идти въ Москву на стрѣльцовъ и дворы ихъ пожечь; поэтому надобно надворной пѣхотѣ засѣсть въ Москвѣ.

Совѣтъ былъ немедленно исполненъ; въ первую минуту послѣ страшной вѣсти самымъ естественнымъ движеніемъ было схватиться за оружіе и стать въ оборонительное положеніе: стрѣльцы заняли кремль, разобрали съ пушечнаго двора пушки, порохъ, свинецъ, разставили всюду караулы и сѣли въ осадѣ, не выпуская и не выпуская никого изъ Москвы. Кричали, что надобно идти противъ бояръ; толпились въ Крестовой у патриарха, который уговаривалъ ихъ не своевольничать; грозили убить его, если онъ за одно съ боярами, но все ограничивалось одними угрозами и криками: страхъ былъ господствующимъ чувствомъ; страхъ напалъ и на бутырскихъ солдатъ, участвовавшихъ въ прежнихъ стрѣleckихъ волненіяхъ. 20 сентября въ Марьиной рощѣ пропали два солдата съ лошадьми: этого было достаточно, чтобы Бутырки переполошились; въ страхъ и сомнѣніи солдаты взяли себѣ съ пушечнаго двора четыре пушки. Вечеромъ 24 сентября является на Бутырки крестьянинъ Воронинъ и разсказываетъ, что по Троицкой дорогѣ идутъ боярскіе люди конные и пѣшіе съ ружьемъ и пушками, видимо не видимо, идутъ на дворцовое село Тайнинское и хотятъ быть въ Бутырской слободѣ 25 сентября въ ночь: солдаты, въ ужасѣ, отпустили женъ и дѣтей своихъ въ Москву къ родственникамъ. Между тѣмъ еще 18 числа узнали въ Воздвиженскомъ о стрѣleckихъ волненіяхъ и приняли мѣры: въ ближайшіе города поскакали придворные съ грамотами, чтобы служилые люди спѣшили къ Троицкому монастырю въ полномъ вооруженіи; вслѣдъ за тѣмъ дворъ выѣхалъ въ Троицкій монастырь, который былъ приведенъ въ осадное положеніе, главное начальство было поручено человѣку вѣрному правительницѣ, князю Вас. Вас. Голицыну. 19 числа пріѣхалъ къ Троицѣ Чудовскій архимандритъ Адрианъ съ извѣстіемъ отъ патриарха: надворная пѣхота приходила къ нему съ челобитьемъ, чтобы великіе государи изволили идти въ царствующій градъ Москву, а у нихъ, надворной пѣхоты, никакого дурнаго умыслу нѣтъ. Государи отвѣчали съ нарочнымъ, чтобы стрѣльцы служили, по своему обѣщанію, вѣрно, отъ смятенія перестали, всполоховъ и страхованія въ Москвѣ не дѣлали, что Хованскіе казнены за измѣну — стрѣльцамъ до этого дѣла нѣтъ: судъ о милости и о казни врученъ отъ Бога великимъ государямъ, стрѣльцамъ объ этомъ не только говорить, и мыслить не довелось; царской опалы и никакого гнѣва

на нихъ, стрѣльцовъ, не было; такъ пусть будутъ на милость великихъ государей надежны, и которымъ изъ нихъ велѣно идти на службу въ Кіевъ, пусть идутъ немедленно и тѣмъ службу свою покажутъ; а какія у нихъ есть дѣла, то они бы прислали объ нихъ челобитчиковъ выборныхъ людей.

Скорое прибытіе съ разныхъ сторонъ служилыхъ людей къ Троицѣ большими толпами дало возможность правительницѣ дѣйствовать рѣшительнѣе: для управленія Москвою отправленъ былъ бояринъ Михайла Петровичъ Головинъ, который своими распоряженіями показалъ стрѣльцамъ, что ихъ теперь не боятся: это, вѣстѣ съ извѣстіями о сборѣ служилыхъ людей къ Троицѣ, нагнало еще больше страха на надворную пѣхоту; стрѣльцы плакали какъ дѣти, и 22-го числа явились къ Головину съ челобитиемъ, чтобъ великіе государи велѣли имъ быть у себя для челобитья, по скольку человекъ изъ полку укажутъ, а безъ указа идти не смѣютъ. Указъ пришелъ немедленно: быть по 20 человекъ изъ полку. 24-числа стрѣльцы пришли бить челомъ къ патриарху, чтобъ отпустилъ съ ихъ выборными къ Троицѣ архіерея, одни идти боятся, переказывать ихъ тамъ. Патриархъ отпустилъ съ ними суздальскаго митрополита Иларіона, но и это не совершенно ихъ успокоило: нѣкоторые такъ перетрусились, что бѣжали съ дороги назадъ въ Москву. Остальные 24-го сентября были представлены Софѣ, которая встрѣтила ихъ строгимъ выговоромъ за ихъ поведеніе, указывая на многочисленное войско, собранное для ихъ наказанія. Стрѣльцы подали ей письменную сказку: «дѣды, отцы, дядя и братья наши и мы государямъ служили и нынѣ служимъ и работаемъ всякія ихъ государскія службы безъизмѣнно, и впредь работать безо всякой шатости рады; услышимъ отъ кого-нибудь изъ насъ или отъ иныхъ чиновъ людей злоумышленные слова на государское величество, на бояръ, думныхъ и ближнихъ людей, такихъ будемъ хватать и держать до указа, какъ будутъ государи въ Москву изъ похода; а у насъ никакого злоумышленія нѣтъ и впередъ не будетъ; ратная казна, которую мы взяли, пушки, порохъ и свинецъ теперь въ полкахъ въ цѣлости; полки, которымъ велѣно идти въ Кіевъ на службу, готовы.»

Но этого было мало. Правительница обѣщала простить стрѣльцовъ и солдатъ, только съ условіями: 1) нынѣшнія свои вины заслуживать головами своими, никакого дурна не мыслить, смя-

тѣнія не затѣвать и никого къ тому не подговаривать, ни къ какимъ мятежникамъ-раскольникамъ и другимъ воровскимъ людямъ не приставать, по прежнему не собираться съ оружіемъ въ городъ и никуда не приходить, круговъ, по козачью, не заводить. 2) Кто станетъ говорить непристойныя рѣчи на государей, бояръ и всякихъ чиновъ людей, или объявятся прелестныя и смутныя письма, такихъ людей хватать и приводить и письма приносить въ приказъ надворной пѣхоты. 3) Къ начальству многолюдствомъ, съ шумомъ и невѣжествомъ не приходить. 4) Самимъ ни съ кѣмъ не управляться, не своевольничать и не грабить, быть у начальства въ послушаніи. 5) Пушки и всякіе запасы, взятые 18-го числа возвратитъ немедленно въ прежнія мѣста. 6) Куда кому указано идти на службу, выступитъ немедленно. 7) Ни у кого дворовъ себѣ не отнимать, людей и крестьянъ въ пѣхотный строй и на свободу не подговаривать и свойственниками ихъ не называть. 8) Въ солдатскій бутырскій полкъ и въ полки надворной пѣхоты никого вновь, безъ указа, неприверстывать; солдатскихъ и надворной пѣхоты дѣтей, которые моложе семнадцати лѣтъ и у которыхъ есть отцы, изъ солдатъ и надворной пѣхоты отставить, быть имъ до 17 лѣтъ въ недоросляхъ и жить съ отцами; боярскихъ людей, крестьянъ и гулящихъ людей, которые въ нынѣшнее смутное время писаны въ солдаты и надворную пѣхоту, выкинуть изъ того строя всѣхъ и отдать ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ по крѣпостямъ, а гулящихъ людей переписать и отправить на прежнія мѣста жительства, а на Москвѣ не держать, чтобъ отъ нихъ воровства не было. 9) Въ дѣло Хованскихъ не вступаться.

8-го октября, въ воскресенье, патріархъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, который весь былъ наполненъ стрѣльцами. Послѣ обѣдни на амвонѣ поставили два наложія: на одномъ положили евангеліе, на другомъ—руку апостола Андрея Первозваннаго; вышелъ патріархъ, прочелъ поученіе о мирѣ и любви, потомъ прочтены статьи, исполненія которыхъ правительство требовало отъ надворной пѣхоты. Стрѣльцы цѣловали евангеліе, руку апостола и принимали статьи отъ патріарха, общая желать государямъ добра и не щадить за нихъ головъ своихъ. Иванъ Хованскій былъ выданъ ими Головину и отправленъ въ Троицкій

монастырь: тамъ прочли ему смертный приговоръ, положили на плаху, но не казнили, а отправили въ ссылку.

Октябрь приходилъ къ концу, а дворъ все еще жилъ у Троицы, окруженный дворянскими полками. Стрѣльцы рѣшились или ихъ заставили рѣшиться сдѣлать послѣдній, самый трудный шагъ, отказаться отъ дѣла 15-го мая какъ отъ подвига и признать въ немъ мятежъ, преступленіе. Стрѣльцы подали челобитную: «грѣхъ ради нашихъ, боярамъ, думнымъ и всякихъ чиновъ людямъ учинилось побіеніе на Красной площади, и тѣмъ мы, холопы ваши, Бога и васъ великихъ государей прогнѣвали; по заводу вора и раскольника Алешки Юдина съ товарищами, по потачкѣ всякому дурну названнаго отца ихъ, князя Ивана Хованскаго и сына его князя Андрея, били челомъ всѣ полки надворной пѣхоты, покрывая большія свои вины, чтобъ вы, великіе государи, пожаловали насъ грамотами, чтобъ насъ ворами и бунтовщиками никто не называлъ,—и жалованныя грамоты даны. По злоумышленію тѣхъ же Юдина и Хованскихъ, били челомъ, чтобъ на Красной площади сдѣлать столпъ и написать на немъ вины побитыхъ, и столпъ сдѣланъ. И нынѣ мы, видя свое неправоe челобіе, что тотъ столпъ учиненъ не къ лицу, просимъ: пожалуйте насъ, виноватыхъ холоповъ вашихъ, велите тотъ столпъ съ Красной площади сломать, чтобъ отъ иныхъ государствъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ зазору никакого не было.»

Столпъ былъ сломанъ, и стрѣльцамъ съ солдатами дана новая жалованная грамота, гдѣ говорилось, что по злохитростному умышленію князей Хованскихъ и Алешки Юдина съ товарищами, солдаты и стрѣльцы возмутились и въ этой смутѣ побиты были бояре и другихъ чиновъ люди; за это Хованскій и Юдинъ казнены 17-го сентября, а солдаты и стрѣльцы подали заручныя повинныя челобитныя. Великіе государи, видя ихъ слезы, простили имъ преступленіе, запретили называть ихъ бунтовщиками и измѣнниками, приказали выдавать имъ годовые ихъ оклады сполна, безъ вычета и безволочитно, безъ взятокъ отъ приказныхъ людей, прибавить подъемныя деньги и не дѣлать никакихъ вычетовъ на разныя полковыя потребности, на начальство имъ не работать.

Только послѣ этой окончательной повинной со стороны стрѣльцовъ, дворъ возвратился въ Москву 6-го ноября. Надобно было



прежде всего озаботиться выборомъ начальника Стрѣлецкаго приказа (названіе надворной пѣхоты исчезло). Сначала назначили на это важное мѣсто окольничаго Змѣева, но потомъ въ декабрѣ нашли человѣка, болѣе надежнаго: думнаго дьяка Ѳедора Леонтьевича Шакловитаго. Твердость новаго начальника подверглась скоро испытанію. 26-го декабря явилась въ стрѣлецкій приказъ толпа стрѣльцовъ изъ полку Бохина, подъ предводительствомъ двоихъ — Ивана Целепелъника и Ѳедора Ворона. Съ невѣжествомъ и шумомъ подали они челобитную, чтобъ перевели изъ ихъ полка нѣсколько стрѣльцовъ въ другой полкъ. Имъ отвѣчали, что этотъ переводъ уже состоялся и безъ ихъ челобитной. Стрѣльцы ушли, но потомъ возвратились и начали кричать, чтобъ выдали имъ пятисотнаго Борисова и приказнаго пристава Кондратьева. Имъ отвѣчали, что этого сдѣлать не довелось, а будетъ имъ царскій указъ по сысканому дѣлу. Стрѣльцы не переставали кричать, что ихъ прислали всѣмъ полкомъ. Шакловитый велѣлъ перехватать крикуновъ и посадить ихъ въ приказъ. Но вслѣдъ затѣмъ въ томъ же полку обнаружилась новая смута: по сысканому дѣлу надобно было взять въ приказъ стрѣльца Ивана Жаренаго; но когда сотенный пришелъ чтобъ схватить его, товарищи вступились за Жаренаго, начали кричать: «пусть насъ всѣхъ переказать, а Ивашку мы не отдадимъ!» Но пришли два стрѣлецкихъ полка и Ивашку взяли вмѣстѣ съ четырьмя заводчиками смуты и всѣхъ казнили смертію. Бохинскіе стрѣльцы пришли просить прощенія, но имъ объявили, что за вину свою они на государевомъ дворѣ карауловъ держать не будутъ, и жалованная грамота у нихъ взята. Черезъ нѣсколько времени впрочемъ ихъ совершенно простили<sup>263</sup>.

Слѣдшии уничтожить и слѣдствія мятежа. 13-го февраля 1683 года изданъ былъ указъ: «которые холопи взяли у бояръ отпускныя въ смутное время за страхованіемъ и съ тѣми отпускными были челомъ кому-нибудь во дворы и дали на себя кабалы, тѣхъ отдать прежнимъ ихъ боярамъ и впредь такимъ отпускнымъ не вѣрить, потому что они ихъ взяли въ смутное время, неволею, за смутнымъ страхованіемъ; да этимъ же холопамъ при отдачѣ ихъ чинить жестокое наказанье, бить кнутомъ нещадно; если же прежніе господа не возьмутъ ихъ, то ссылатъ ихъ въ Сибирскіе

и другіе дальніе города на вѣчное житіе <sup>264</sup>. Въ Москву дали знать, что московская смута отзывается въ областяхъ, и потому 21-го мая изданъ былъ указъ: «вѣдомо великимъ государямъ учинилось, что въ городахъ тамошніе жители и прохожіе люди про бывшее смутное время говорятъ похвальныя и другія многія непристойныя дѣла, на смуту, страхованье и соблазнъ людямъ, и великіе государи указали: во всѣхъ городахъ и уѣздахъ учинить заказъ крѣпкій подъ смертною казнью и биричамъ велѣтъ кликать, чтобъ всякихъ чиновъ люди прошлаго смутнаго времени никакъ не хвалили, никакихъ непристойныхъ словъ не говорили и затынныхъ дѣлъ не выѣщали» <sup>265</sup>.

Смута должна была сильнѣе отозваться на югѣ въ казацкихъ сторонахъ.

Въ южномъ Переяславлѣ стрѣльцы перестали слушаться воеводы, овладѣли кабакомъ, въ приказной избѣ посадили простаго стрѣльца, чтобъ вѣдать всякія дѣла, отставили своихъ пятисотенныхъ и десятниковъ, одного пятисотеннаго чуть не убили, на ихъ мѣсто выбрали другихъ и отправили 20 человекъ съ челобитною въ Москву. Гетманъ писалъ царямъ: «смѣю донести вашему царскому величеству, что непрестанная печаль такъ меня преодолѣла, что уже и силы во мнѣ мало осталось. Переяславскіе стрѣльцы поступками своими сильно вредятъ тамошнимъ нашимъ людямъ, между которыми не мало старыхъ своевольниковъ.» Въ Конотопѣ путивльскій купецъ Аеанасій Бѣляевъ разглашалъ, что подъ Путивлемъ соберутся царскія войска тайно, учинить раду, призвать на нее гетмана Самойловича или силою возьмутъ, и стануть рубить всю старшину войсковую и арендаторовъ <sup>266</sup>.

Лѣтомъ 1683 года въ Москвѣ узнали, что на Дону какой-то чернецъ Іосифъ распространяетъ воровскія письма. Немедленно отправился туда посольскаго приказа толмачъ Тарасъ Ивановъ съ требованіемъ выдачи этого монаха. Собрался кругъ; есаулы, по приказу атамана Флора Минаева, говорили козакамъ: «Надобно за чернецомъ и за его совѣтниками послать и доведется отпустить ихъ къ великимъ государямъ, воровъ жалѣть нечего.» Но въ отвѣтъ раздались крики, что чернеца посылать не для чего, потому что онъ малоуменъ и письмо воровское сочинялъ не онъ, надобно послать за настоящими ворами, которые чернецу письмо

дали и обманули; воры эти—Куземка Косой да Костка стрѣлецъ, живутъ они на устьѣ Медвѣдицы, а чернецъ живетъ на Сѣверскомъ Доницѣ. Объявились и другія мѣвнія: козакъ Оомка Савостьяновъ говорилъ: «Для чего за тѣми ворами посылать и гдѣ ихъ сыскать?» Пашка Чекуновъ прибавилъ: «Для чего ихъ въ Москву посылать? и безъ нихъ на Москвѣ много мяса.» Тутъ выступили атаманъ и старшины и начали говорить: «Для чего вы за воровъ стоите? почему, сыскавши, ихъ не отослать? Или вамъ мало государственной милости и жалованья?» Потомъ старшины подошли къ Тарасу Иванову и стали говорить ему тихонько: «Видишь, какіе у насъ люди и за кого стоятъ? Для чего въ государственной грамотѣ не написано, чтобъ тѣхъ воровъ сыскать и казнить у насъ, мы бы ихъ казнили тотчасъ. Которые люди являются на Москвѣ въ расколѣ, и стрѣльцы, за разными воровства битые кнутомъ, руки и ноги сѣчены, носы и уши рѣзаны, а ссылаютъ ихъ въ новый городъ Полатовъ — тѣ люди объявились у насъ всѣ на Дону, и воровскіе замыслы и смуты идутъ отъ нихъ. При тебѣ изъ Полатова пришло сюда такихъ воровъ семь человѣкъ. Вотъ Самойла Лаврентьевъ и старый козакъ, а держитъ у себя такихъ воровъ и даетъ имъ на ссуду лодки и ружья. Извѣсти боярину князю Василью Васильевичу Голицыну, чтобъ впередъ такихъ воровъ не ссылали въ города, которые близъ Дону, потому что они изъ этихъ городовъ уходятъ къ намъ на Донъ, и всякое воровство и смуты начинаются отъ нихъ, въ кругахъ оспариваютъ царскіе указы и дѣла, ворами потакаютъ и кричатъ. Мнѣ и другимъ старшинамъ и добрымъ казакамъ говорить нельзя, потому что всѣхъ насъ побьютъ.»

Поговоривъ съ царскимъ посланнымъ, атаманъ велѣлъ есауламъ кричать: «за ворами послать надобно и есть ли въ ту посылку охотники? кто вынщется, тѣмъ дано будетъ войсковое жалованье.» Выступили трое козаковъ и говорили: «Мы рады Богу и великимъ государямъ служить и за ворами ѣхать и безъ жалованья.» Старшина отвѣчалъ: «Безъ жалованья ѣхать нельзя, будьте готовы, а жалованья вамъ по 4 рубля человѣку.»

О воровскомъ письмѣ посланному рассказывали, что въ немъ написано отъ имени царя Іоанна Алексѣевича, приказываетъ козакамъ идти въ Москву, будто бояре его государя не слушаютъ

и не воздаютъ ему достойной чести, и другія многія непристойныя слова, которыхъ нельзя и сказать, да на патріарха и на архіереевъ написаны также многія непристойныя слова, печать у письма красная, но не государская, должно быть монастырская. Когда это письмо въ кругу прочли, то многіе *легкомысленные* козаки и воры, ссыльные люди закричали и хотѣли собираться въ Москву. Но Флоръ Минаевъ и старшина говорили, что письмо воровское, вѣрить ему нечего, печати великихъ государей и письма нѣтъ, а еслибъ письмо было прямое, то великіе государи прислали бы съ нимъ не такого вора чернеца, прислали бъ знатнаго челоуѣка. За такія рѣчи Флора Минаева, Ивана Семенова и многихъ старыхъ козаковъ воры хотѣли убить до смерти. Иванъ Семеновъ принужденъ былъ сдать атаманство, а Фроль Минаевъ недѣли съ двѣ не выходилъ изъ своего куреня, боясь, чтобъ воры не убили.

При отпускѣ Флоръ Минаевъ и другіе знатные козаки говорили Тарасу тайно: «Доложи князю Василью Васильевичу Голицыну, что все воровство идетъ у насъ на Дону отъ воровъ раскольниковъ, которые у насъ живутъ по Хопру и по Медвѣдицѣ, а именно отъ старцевъ Антонія и Пафнутія, и отъ ссыльных, которые сбѣжали на Донъ изъ Украинскихъ городовъ.» Послѣ на Дону нашли виноватымъ только одного Костку Леонтьева и прислали его съ воровскими письмами въ Москву.

Кромѣ расколичества на Дону стало сильно пахнуть Разинскимъ духомъ. Въ томъ же 1683 году атаманъ Максимъ Скалозубъ вызвался идти съ охотниками на Волгу *для зипуна*, хотѣлъ промышлять надъ непокорными царямъ Калмыками. Но вмѣсто Калмыковъ приступалъ къ Царицыну и былъ отбитъ послѣ жестокаго бою, въ которомъ погибло много государевыхъ людей. Фроль Минаевъ давалъ знать тайно Голицыну, чтобъ изъ Москвы отнюдь не посылали къ Скалозубу съ увѣщаніями, ибо въ такомъ случаѣ къ нему пристанетъ много и другихъ козаковъ: «Теперь у насъ, говорилъ Фроль, вольницы много, унимать намъ ихъ нельзя, потому что всѣмъ намъ старшинамъ отъ голутбы теперь стало тѣсно. *Призывамъ* (посылали съ увѣщаніями) вора Стеньку Разина, и этимъ призывомъ его испортили; а Скалозубъ, ходя на низу на Волгѣ безъ пристанища, пропадетъ скоро,

потому что его на Янкъ и въ другія мѣста никуда не пустятъ» <sup>267</sup>.

Скаловубъ пропалъ. Въ Москвѣ Шакловитый зорко слѣдилъ за стрѣльцами. 30 декабря 1683 года онъ подалъ царямъ и царевнѣ докладную записку о необходимости удалить изъ Москвы нѣкоторыхъ стрѣльцовъ, особенно астраханцевъ, для предупрежденія новой смуты. Мѣра была принята <sup>268</sup>.

---

## ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1. См. моей Исторіи Россіи съ древн. врем., т. XII, стр. 312.
2. Олеарія.
3. Дворцовые разряды, т. III, стр. 593.
4. Тамъ же, стр. 1148.
5. Тамъ же, стр. 704, 1154; Забѣлина—Домашній бытъ русскихъ царей, т. I, 305.
6. Дворц. Разр. III, стр. 1168.
7. Тамъ же, стр. 1235.
8. Тамъ же, стр. 1231.
9. Тамъ же, стр. 1242.
10. Тамъ же, стр. 727, 946, 1304.
11. Тамъ же, стр. 948, 1311—1323, 1354.
12. Тамъ же, стр. 1404, 1594, 1597, 621, 667, 696, 1043, 1228, 1350, 660, 849, 1188, 107, 400, 994, 1067, 56, 136, 137, 139, 243, 380, 593, 597, 599, 663, 666, 777, 1065, 1130, 1136, 1138.
13. Случаи такихъ шумовъ на крыльцѣ см. у Забѣлина: Домашній бытъ Русскихъ царей, I, глава III.
14. Приказныя дѣла Москв. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, годъ 1660.
15. Тамъ же, годъ 1675.
16. Дворцовые разряды, III, стр. 226, 228.
17. Дополненіе къ дворцов. разрядамъ, стр. 383.
18. Тамъ же, стр. 100.
19. Дворцовые разряды, стр. 685.
20. Тамъ же, стр. 302.
21. Тамъ же, стр. 34.
22. Акты, касающ. до юридич. быта, стр. 152.
23. Дворцов. разряды, III, стр. 1109.
24. Тамъ же, стр. 298.
25. Кошмхинъ, стр. 19.

26. Приказ. дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1668.
27. Посошкова, стр. 186 и слѣд.
28. Акты Историч. IV, № 39; Дополн. къ Акт. Историч. III, № 65.
29. Кошихинъ, стр. 106.
30. Акты Историч., IV, № 70.
31. Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1660.
32. Тамъ же, годъ 1668.
33. Тамъ же, годъ 1657.
34. Тамъ же, годъ 1673
35. Тамъ же, годъ 1673,
36. Тамъ же, годъ 1671, 1674.
37. Тамъ же, годъ 1674.
38. Дополн. къ Акт. Историч. V, 50; Забѣлина — Домашній бытъ русскихъ царей I, 81.
39. Акты Историч. IV, №№ 40, 63, 132, 133, 136, 138; Дополн. къ Акт. Историч. IV, 60; Архивъ Минист. Юстиціи, Книга Малорос. приказа, № 24.
40. Дополн. къ Акт. Историч. V, 44.
41. Кошихина, главы VI и VII.
42. Акты Историч., IV, № 14.
43. Акты города Шуи, стр. 309.
44. Акты арх. эксп. IV, № 38; Акты города Шуи, стр. 88. 356, Приказныя дѣла. Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1676.
45. Акты юридич. стр. 289; Приказныя дѣла Москов. Архив. Мин. Ин. Д., годъ 1776; Акты Историч. IV, № 23. Акты города Шуи. стр. 64.
46. Акты арх. эксп. IV. № 101, 158.
47. Дополн. къ Актамъ города Шуи, Гарелина, стр. 139.
48. Дополн. къ Актамъ Историч., III, № 47.
49. Тамъ же, VI, № 39.
50. Приказн. дѣла Москов. Архив. Мин. Ин. Д., годъ 1660, 1668; Акты Историч., V, №№ 149, 92.
51. Кошихинъ, стр. 108.
52. Акты Гарелина, стр. 149; Акты Историч., III, №№ 62, 127; IV, № 143; V, №№ 39, 49, 77; Акты арх. эксп. III, №№ 121, 271; Дополн. къ акт. Историч. II, № 50; Акты Историч. IV, № 216; Дополн. къ акт. историч. IV, № 75; Акты арх. эксп. III, № 145.
53. Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1658.
54. Тамъ же, годъ 1670.
55. Дополн. къ Актамъ Историч III, 36.
56. Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1670.

57. Тамъ же, годъ 1674; Архивъ Мин. Юстиціи, книга Малорос. Приказа, № 39.
58. Акты Историч. IV, № 12.
59. Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1670.
60. Акты Историч. IV, № 74.
61. Тамъ же, № 174.
62. Акты до юридич. быта, стр. 2.
63. Акты города Шуи, стр. 330; Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Д., годъ 1688.
64. Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1649.
65. Тамъ же, годъ 1669.
66. Тамъ же, 1668.
67. Тамъ же, годъ 1667.
68. См. Исторію Россіи, т. IX и X.
69. Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1674; Акты города Шуи, стр. 353.
70. Акты города Шуи, стр. 323.
71. Тамъ же, стр. 455.
72. Исторія Россія, т. IX, стр. 378.
73. Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1680. Приведенная челобитная изъ Вологды; здѣсь было 14 сороковъ.
74. Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1671.
75. Тамъ же, годъ 1660.
76. Тамъ же, годъ 1652.
77. Полн. Собр. Зак., №№ 331, 508.
78. Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1678.
79. Тамъ же, годъ 1665.
80. Собр. Госуд. грам. и догов. IV, № 55.
81. Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1669 и 1672.
82. Тамъ же, годъ 1676.
83. Акты юридич. стр. 290; Акты касающ. до юридич. быта № 5.
84. Акты касающ. до юридич. быта, № 7.
85. Акты юридич. стр. 291; Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1666.
86. Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1674.
87. Дополн. къ Актамъ Историч., VI, № 19.
88. Акты Историч. IV, № 27; Дополн. къ Акт. Историч. VI, № 19.
89. Архивъ Мин. Юстиціи, книга Малорос. приказа, № 16; Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1678; Временникъ Москов. Истор. Общества № 7.
90. Акты касающ. до юридич. быта, стр. 274.



91. Оларій.
92. Акты Историч., IV. № 62.
93. Акты Арх. эксп., IV, № 322.
94. Тамъ же, №№ 37, 325.
95. Тамъ же, № 328.
96. Тамъ же, № 188.
97. Полн. Соб. Зак., т. I, № 412.
98. Постановленіе собора 1666 года.
99. Изглашеніе патріарха Іоакима и всего собора на необузданныхъ юныхъ брадобритіе. Сборн. Синод. библіотеки, № 11.
100. См. въ томъ же Сборникъ.
101. Дворцовые разряды, стр. 1591.
102. Акты Историч. IV, № 74.
103. Исторія Россіи, т. XI, стр. 290, 291; Акты юридическіе, стр. 399.
104. Приказныя дѣла Архива Мин. Ин. Д., годъ 1661; раскольнич. сбор. И. Публ. Библ. № 404.
105. Называлъ Іосифъ в. государя, будто, в. государь г...., и бол...., д.... Патріарха называлъ глупцомъ и безлюдицею; архіереевъ скотами и трусами, шушерею. Ъздилъ въ домовыя свои и монастырскія вотчины съ монахами и домовыми людьми, а послѣ стола въ селахъ на погостахъ и на лугахъ передъ нимъ напився отецъ его духовный архимандритъ и игуменъ Голутвина монастыря, дьякъ и иные домовые люди смѣхотвореніемъ многими и кощуны всякими боролися и у тѣхъ монаховъ въ борьбѣ ихъ подола непристойно оборочались.... Дѣло Іосифа въ Синодал. библіот. Дворцов. разряды, III, 1104, 1155.
106. Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1671. О поведеніи духовенства см. Акты города Шуи, стр. 348, 355, 370.
107. Акты историч. IV, 195.
108. Акты арх. эксп. IV, 105; Временн. Моск. Истор. Общ. № 3.
109. Акты арх. эксп. IV, 33.
110. Тамъ жъ, IV. 78.
111. Пол. Собр. Зак. I, № 288, 289, 291.
112. Дополн. къ акт. историч. IV 3.
113. Кошкинъ, стр. 110.
114. Дополн. къ акт. истор. IV, 65; Акты юридич. стр. 153.
115. Постановленія собора 1666 года.
116. См. ниже при разборѣ книги Крижанича. Приказн. Дѣла въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1681: крестьянинъ посадскому отрубилъ голову за насиліе.
117. Исторія Россіи, т. X, стр. 358.

118. Приказныя дѣла Моск. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1659.
119. Акты Арх. Эксп. IV, 115.
120. Тамъ же, 121.
121. Акты Историч. IV, № 6.
122. Тамъ же, № 35.
123. Пол. Собор. Зак. I. № 453.
124. Дворц. разряды, III, стр. 1081.
125. Временникъ Москов. Истор. Общ. № 5.
126. Дѣла Приказа Тайныхъ Дѣлъ въ Государ. Архивѣ, № 162.
127. Кошкинъ, стр. 125.
128. Архивъ Мин. Юстиціи столбцы Приказн. стола, № 1502; вотъ также любопытное извѣстіе изъ Приказныхъ дѣлъ Москов. Арх. Мин. Ин. Д. годъ 1679: Вдова Марья Самойлова Душевская въ допросѣ сказала: «Пришла къ ней стряпчаго конюха Евсеева жена Верещагина Ѳекла Семенова, а пришедъ говорила ей, что мужъ ея Евсеевъ пришедъ домой невѣдомо откуда пьянъ и билъ ее снявъ рубаху смертнымъ боемъ до крови и по ранамъ натиралъ солью, и она, Ѳекла, не стерпя побой, пришла къ ней по свойству.»
129. Полн. Собр. Зак. I, № 355.
130. Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1674.
131. Дворцовые разряды III, стр. 1120, 1338, 1522.
132. Полн. Собр. Зак. I, № 334.
133. Акты города Шун, стр. 314, 339; 456.
134. Приказныя дѣла Моск. Архива Мин. Ин. Д., годъ 1674, 1651. Архивъ Мин. Юстиціи, столбцы приказнаго стола, № 1691. Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 161.
135. Акты двор. Голохвастовыхъ въ чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1847 года, № 5.
136. Дворц. Разр. стр. 1509, 1419.
137. Тамъ же, стр. 1131, 1224, 1501; Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1674.
138. Приказныя дѣла Моск. Арх. Мин. Ин. Д. годъ 1673.
139. Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, II, 140.
140. Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, I, 90.
141. Тамъ же, стр. 20.
142. Пѣсни, собр. Рыбник., I, 272; II, 159.
143. Тамъ же, I, 95, 97.
144. Тамъ же, 350, 351.
145. Тамъ же, 2, 3, 62.
146. Тамъ же, 187; пѣсни, собр. Кирѣевск., вып. 3, стр. 31, 74.
147. Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, вып. 2, стр. 66.

148. Пѣсни, собр. Рыбников., II, 56 и др.  
149. Тамъ же. I, 24, 353.  
150. Пѣсни, собр. Кирѣевск. вып. 3, стр. 63.  
151. Тамъ же, вып. I, стр. 63.  
152. Пѣсни, собр. Рыбник. II, 328.  
153. Тамъ же, стр. 335.  
154. Тамъ же I, 78.  
155. Тамъ же II, 258.  
156. Тамъ же I, 114, 116; Пѣсни, собр. Кирѣев. вып. I, стр. 61.  
157. Пѣсни, собр. Рыбников., I, 429 и слѣд.  
158. Тамъ же, 389.  
159. См. Исторію Россіи, т. IX.  
160. Пѣсни, собр. Рыбников. II, 237.  
161. Подробности о переводной литературѣ XVII вѣка см. въ книгѣ Пыпина: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ.»  
162. Лѣтописи Русской литературы, 1859 г. кн. IV.  
163. Москвитининъ 1853 года, № 1.  
164. Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д. годъ 1669, ноябрь. Рукопись сочиненія Грибоѣдова въ Румянцев. музей.  
165. Дополнен. къ актамъ историч. IV, № 43.  
166. Чтенія Москов. Истор. Общ. 1846 г. № 4.  
167. Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Д. годъ 1652.  
168. Жалованья онъ получалъ противъ своего служебнаго оклада по 60 рублей, хлѣба противъ Посольскаго приказа подъячихъ первой статьи по 55 четвертей ржи (четверть ржи въ 1674 году стоила 21 алтынъ), потому жъ овса, по 10 пудовъ соли на годъ. Кромѣ того учитель получалъ праздничныя деньги на господскіе праздники и на государскія именины, всего 45 рублей.—Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д. годъ 1674.  
169. Сочиненіями Полоцкаго я пользовался въ Синодал. библіотекѣ. Кромѣ статьи о Полоцкомъ въ Словорѣ митр. Евгенія, см. статью Пѣвницкаго въ Православ. Обзор. 1860 г., № 10 и 11.  
170. Я пользовался Статиромъ по рукописи Румянцев. музея.  
171. Между книгами изъ дворца, которыя переплеталъ иноземецъ Яганъ Энкузъ, значится: списокъ съ книжицы Юрья Сербенина. Приказныя дѣла Архива Мин. Ин. Д. годъ 1674.  
172. Или слѣдующее о Шуйскомъ: «Fuit etiam inter Christianos alicubi quidam rex, qui cum metueret, ne populus ab ipso deficeret ad ejus oemulum, hominem quemquam mortuum mandavit ex alio loco ad se transferri: et appellavit eum martyrem et thaumaturgum.»

173. Политичныя думы Крижанича изданы подъ заглавіемъ: «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка» г. Безсоновымъ; имъ же изданы отрывки изъ сочиненія Крижанича: *О промыслѣ*.

174. Житіе протопопа Аввакума, изд. Н. С. Тихонравова.

175. См. нашей Исторіи т. IX и XII.

176. См. тамъ же, т. X.

177. Боярыня Морозова, ст. Тихонравова въ Русск. Вѣст. 1865, сентябрь. Забѣлина Домаш. бытъ русск. царицъ, 105 и слѣд.

178. Дѣла Приказныя Москов. Архива Мин. Ин. Д. годъ 1673.

179. Tagebuch des Gen. Patrick Gordon, veröffentlicht durch F. Obolenski und Dr. Posselt. 1. B.

180. Исторія Россіи съ древн. врем. т. XII.

181. Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малоросс. Приказа, № 19. Записка Татищева о царствованіи Феодора Алексѣевича въ портфеляхъ Мюллера въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д. Здѣсь говорится: «Сей государь при отцѣ своемъ ученъ былъ въ латинскомъ языкѣ старцемъ Симіономъ Полоцкимъ, и хотя въ ономъ языкѣ не столько какъ братъ его большой царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ обученъ, однако жъ чрезъ показаніе онаго учителя великое искусство въ поэзії имѣлъ и весьма изрядные вирши складывалъ, по которой Его Величества охотѣ, псалтырь стихотворніе онымъ Полоцкимъ преложена и въ оной какъ сказываютъ, многіе стихи, и особливо псаломъ 132 и 145 самъ Его Величество переложилъ, и послѣдней въ церкви при немъ всегда пѣвали, яко же Его Величество и къ пѣнію былъ великій охотникъ, первое партесное по нотамъ четверогласное и Кіевское пѣніе при немъ введено, а по крукамъ Греческое оставлено.»

182. Diariusz Zaboystwa tyranskiego senatorow Moskiewskich w stolicu roku 1682. Рукопись. Имп. Публ. Библ. Отд. IV, Q, № 8. Лѣтопись Русск. Литерат. 1839—1860, кн. 6.

183. Тамъ же. Кирилъ Полуехтовичъ Нарышкинъ, Торусскій дворянинъ, былъ стрѣльцкимъ головою и въ извѣстное время находился на службѣ въ Смоленскѣ, когда еще дочь жила при немъ. Поэтому наше извѣстіе называетъ его Смоленскимъ капитаномъ, а Шаковитый послѣ говорилъ царевнѣ Софѣ о царицѣ Натальѣ: «Вспомни, государыня, какова въ Смоленскѣ была: въ лаптяхъ ходила.»

184. Тамъ же.

185. По «благополучной тѣхъ временъ матери его причины, въ домѣ боярина Морозова, производителя его Богданова.» Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева, стр. 385.

186. Тамъ же, стр. 386.

187. Дагскія дѣла 1676 года въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

188. Письмо къ князю Вас. Вас. Голицыну отъ прикащика Боева. Временникъ Москов. Истор. Общ. № 7.

189. Соборное осужденіе духовника Андрея въ Синодал. Библіотекъ.

190. Иона доносилъ еще слѣдующее: «Онъ же (Никонъ) говорилъ, что надобно освященнымъ масломъ всѣ уды помазывать, и въ тайный удъ, гдѣ животворящимъ крестомъ не загражено и масломъ не помазано, бѣсъ вселяется. Онъ же лѣчилъ мужескъ полъ и женскъ въ крестовой кельѣ и молитвы надъ ними говорить и масломъ помазуетъ. Къ нему приходятъ жонки и дѣвки будто для лѣкарствъ, а онъ съ ними сидитъ одинъ на одинъ и обнажаетъ изъ до нага будто для осмотра больныхъ язвъ. Дѣвокъ и молодыхъ вдовъ называетъ дочерьми и сговариваетъ ихъ за мужъ у себя въ кельи, а послѣ вѣнчанья приходятъ къ нему въ келью, а онъ ихъ запиваетъ до пьяна и сидятъ у него до полуночи. Женку брюхатую служню жену выдалъ за мужъ въ неволю, а женихъ на ней не хотѣлъ жениться, а онъ того жениха билъ плетью и женилъ въ неволю. Келейникъ Никитка Микитинъ приводилъ къ нему жену свою ночью. Дьячокъ Исаковъ подводилъ женку ночью. Служка Исаевъ видѣлъ Никона съ жонкою въ тайномъ мѣстѣ. Въ праздники дѣлаетъ пиры частые на слободскихъ жонокъ и поить ихъ до пьяна и въ слободу отвозятъ ихъ на монастырскихъ подводахъ за мертво. Постригъ Козлову дѣвку Марeutку Билану и выкладъ за нею далъ. Дѣвкамъ и молодымъ жонкамъ даетъ милостыню большую алтынъ по 20 человекъ, а старымъ по деньгѣ; жонки и дѣвки приходятъ къ нему безвременно и по ночамъ у него сидятъ.»

191. Источники о Никоновомъ дѣлѣ указаны мною въ XI томѣ.

192. Дворцовые разряды, IV, 55, 174. О Языковѣ и Лихачевыхъ см. Исторію о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 407, и приведенную выше записку Татищева, гдѣ говорится: «Главные бояре, Долгорукій и Хитрово разсудили, что имъ у царя Θεодора въ такой милости уже для ихъ старости удержаться было не весьма удобно, наипаче же вѣдая, что Иванъ Милославской въ томъ можетъ имъ великія обиды нанести, положили, чтобъ онаго Милославскаго изъ Казани взять и всѣ правленія на него положить, а самимъ остаться у малыхъ дѣлъ; но дабы они притомъ вовсе нѣкоторыя способности изъ рукъ не выпустили, того рода вѣдая они думнаго дворянина Ивана Языкова человекъ великой остроты, такожъ Алексѣя Лихачева, бывшаго у царевича Алексѣя Алексѣевича учителя, человекъ доброй совѣсти, твердо государю выхваляя, въ милость ввели. Иванъ Милославской еще при царѣ Алексѣѣ отъ дяди своего Ильи Данилыча въ непристойныхъ поступкахъ примѣченъ и едва отъ тяжкаго наказанія мило-

стію царицы Марьи Ильиничны избавленъ, но по смерти ея вмѣсто ссылки въ Казань посланъ воеводою, за что на Матвѣева и Нарышкиныхъ великую злобу имѣлъ.» (Не знаемъ, не перемѣшалъ ли здѣсь Татищевъ Милославскихъ—Ивана Богдановича съ Иваномъ Михайловичемъ?)

193. Столбцы и книги Малороссійскаго Приказа означенныхъ годовъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи. Дѣла Малороссійскія означенныхъ годовъ въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

194. Дѣла Польскія означенныхъ годовъ въ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

195. Дѣла Крымскія и Турецкія означенныхъ годовъ въ Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ.

196. Столбцы и книги Малороссе. Приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи.

197. Москов. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Шведскія, Датскія и Австрійскія.

198. См. т. XII.

199. См. тамъ же, стр. 313.

200. Допол. къ Актамъ историч. т. VII, № 3, 47, 48, 61, 72, 73, 75, т. VIII, № 15, 44, 77.

201. Исторія Россіи, т. XII, стр. 288.

202. Собр. Госуд. грам. и догов. IV, № 105.

203. Акты арх. эксп. IV, № 214.

204. Полн. Собр. Зак. № 772, 846.

205. Акты историч. V, № 14, 80.

206. Тамъ же, № 55. Полн. Собр. Зак. № 845.

207. Акты арх. эксп. IV, № 247.

208. Полн. Собр. Зак. № 751, 762.

209. Тамъ же, № 826, 827.

210. Архивъ Мин. Ин. Д. дѣла Датскія 1677 года.

211. Дополненія къ актамъ историч. VIII, № 50.

212. Чтенія Москов. Историч. Общ. 1847 года, № 5.

213. Акты Историч. V, № 75.—Извѣстіе о богадѣльняхъ см. у Берха—Царств. Θεодора Алекс. II, 86. Приведенный здѣсь актъ позднѣйшій (по всѣмъ вѣроятностямъ Петровскаго времени) проектъ, который начинается только указаніемъ на распоряженіе, сдѣланное при царѣ Θεодорѣ, едва ли приведенное къ концу.

214. Полн. Собр. Зак. № 867.

215. Дополн. къ акт. историч. VIII, № 89.—Изъ распоряженій патріарха Іоакима замѣчательно слѣдующее. Въ 1677 году патріархъ посылалъ въ Кашинъ двоихъ архіереевъ—Іосифа, митрополита Рязанскаго, и Симона, архіепископа Тверскаго, досматривать мощей кня-

гини Анны, супруги св. Михаила Тверского. (Мощи эти были открыты при Алексѣ Михайловичѣ и патріархѣ Іосифѣ Тверскимъ архіепископомъ Іоною). Когда архіереи возвратились—«Слушахомъ соборнѣ досмотру ихъ (извѣщаетъ Іоакимъ), и житія благовѣрныя княгини Анны, и чудеса ея, и лѣтописныхъ книгъ, и обрѣтохомъ житіе съ лѣтописцами мѣстами несогласно: 1) Въ житіи Анна названа дочерью боярина Капинского, въ лѣтописцахъ дочерью князя Дмитрія Борисовича Ростовского. 2) Въ житіи сказано, что былъ съ Михаиломъ въ ордѣ сынъ его Дмитрій, въ лѣтописяхъ Константинъ. 3) Въ житіи—что усѣченъ мечемъ, въ лѣтописяхъ—что ножемъ въ ребра и т. д. Въ житіи въ трехъ мѣстахъ написано, что мощи никако же тлѣнію причастны, а по смотру въ разныхъ мѣстахъ истлѣша и разрушишася. Въ житіи написано, что тлѣнію не только мощи, но и ризы непричастны быша, а по досмотру все истлѣло. И потому дѣло оставлено впредь до великаго собора, аще чѣмъ Богъ впредь объявитъ и утвердитъ, гробу стоять запечатану, празднествъ не дѣлать и молебновъ не пѣть, пѣть панихиды, образа взять въ Москву.—Сборникъ Синодал. библиот. № 684.

216. Полн. Собр. Закон. № 779.

217. Тамъ же, № 837.

218. Акты арх. эксп. IV, № 250; Акты Историч. V, № 77.

219. Полн. Собр. Зак. № 899; Акты Историч. V, № 83; Собр. Гос. грам. IV, № 126.

220. Собр. гос. грам. и дог. IV, № 130.

221. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. Калачевымъ, кн. I-я. Книга: Икона, рукоп. Румянц. Музея.

222. Древн. Росс. Вивлюэика, т. VI, XVI.

223. Исторія о невинномъ заточ. Матв. стр. 407.

224. Татищева Исторія Россійская. I, стр. 573.

225. Diariusz Zabojszwa.

226. Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 374.

227. Тамъ же, стр. 405.

228. См. т. XII, стр. 349 и дополненіе.

229. Записки Матвѣева, въ собраніяхъ Туманскаго и Сахарова.

230. Матвѣевъ.

231. Голикова—Дѣянія II. В. I, стр. 155.

232. Diariusz Zabojszwa.

233. Медвѣева—Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92. Рукопись князя М. А. Оболенскаго.

234. Датскаго резидента Розенбуша: Relation der traurigen Tragedy. См. объ этомъ сочиненіи въ статьѣ: «Библиографическіе отрывки,» въ Отеч. Зап. 1858 г. іюнь.

235. Тамъ же.

236. Медвѣдевъ. У Медвѣдева не было никакого побужденія хвалить патріарха, и при томъ онъ могъ знать дѣло обстоятельнѣе чѣмъ иностранецъ Розенбушъ.

237. Акты арх. эксп. IV, № 254.

238. Матвѣевъ.

239. *Diariusz Zabojstwa.*

240. *A jeszcze carem wam obrano strzeleckiego syna z matki.* Хованскій указываетъ на происхожденіе Натальи Кирилловны, дочери стрѣleckаго головы.

241. Матвѣевъ и Розенбушъ.

242. Исторія о невинномъ заточеніи, стр. 413.

243. Розенбушъ.

244. Матвѣевъ.

245. *Diariusz Zabojstwa.*

246. Розенбушъ.

247. См. приложенія № IV.

248. Медвѣдевъ.

249. Тамъ же. Полн. Собр. Зак. № 920: акты историч. V, № 86; Собр. гос. грам. и дог. IV, № 147.

250. Акты арх. эксп. IV, № 255

251. Аввакумъ говоритъ о немъ (Житіе, стр. 76): Князя Ивана мильнякаго Хованскаго и батожеиъ били, какъ Исаію сожгли.

252. Челобитная Московская Саввы Романова, по рукописи моей бібліотеки.

253. Тамъ же и Медвѣдевъ. Савва Романовъ говоритъ, что эти поступки народа, какъ онъ выражается, нагнали страхъ на архіереевъ, и нѣкоторые изъ нихъ начали благогловлять по старому. «И благовѣрная царица Наталья Кирилловна прислала нарочно къ вѣрующимъ, чтобы соборъ былъ на Лобномъ мѣстѣ, и были тутъ цари государи, да и меня просили на соборъ. А въ соборную церковь, чтобы не ходили, хотя съ великимъ моленіемъ будутъ просити. И о томъ прислала трижды, чтобы въ церковь и въ грановитую палату не ходили».

254. Медвѣдевъ.

255. Савва Романовъ.

256. Но зачѣмъ рванулись священники на встрѣчу къ раскольникамъ? Не могли они идти драться съ раскольниками, когда уже послѣдовало царское приказаніе впустить послѣднихъ; здѣсь объяснить дѣло извѣстіе Медвѣдева, что Хованскій не велѣлъ пускать священниковъ, которые должны были идти назадъ и столкнулись съ раскольниками.



257. Мы здѣсь слѣдуемъ Саввѣ Романову, у котораго не было никакого побужденія скрыть, что начала Софья выговорами раскольниковъ; послѣ, съ ненавистію къ ней, онъ излагаетъ ея вмѣшательство въ споры и какъ она заставила молчать Никиту; цѣль же Медвѣдева ясна—выставлять постоянно на первый планъ Софью.

258. Медвѣдевъ.

259. Матвѣева.

260. Дальнѣйшія подробности, не находящіяся въ изданныхъ источникахъ, взяты мною изъ оставшейся до сихъ поръ неизвѣстною оофициальной записки объ этихъ царскихъ походахъ августа и сентября 1682 года; записка эта находится въ Архивѣ Мин. Юстиціи между столбцами Приказнаго стола означеннаго года.

261. Оофициальная записка ничего не говоритъ объ отправленіи изъ Саввина монастыря грамоты къ помѣщикамъ ближайшихъ городовъ, чтобъ они спѣшили къ царямъ для защиты ихъ отъ Хованскаго и стрѣльцовъ. Объ этомъ говоритъ Матвѣевъ и самая грамота помѣщена у Медвѣдева и напечатана въ IV томѣ Актовъ Арх. Экспедиціи, но безъ числа и безъ имени стольника, который отправлялся съ нею. Ясно, что она была только заготовлена, но посылать раздумали. иначе какъ бы Хованскій не узналъ объ этомъ? Рѣшено было, какъ видно, продолжать дѣйствовать тайно, походу давать видъ обыкновеннаго богомолья, и выманить Хованскаго подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

262. Матвѣевъ.

263. Кромѣ приведенной оофициальной записки, Матвѣевъ, Медвѣдевъ, Акты арх. эксп. IV, № 260, 261, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 270, 271, 273, 274. Собр. гос. гр. и дог. IV, № 155; Полн. Собр. Зак. № 963.

264. Полн. Собр. Зак. № 992.

265. Собр. гос. грам. и дог. IV, № 160.

266. Дѣла Малоросс. 1682 года въ Москов. Архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

267. Дѣла Донскія 1683 года тамъ же.

268. Акты арх. эксп. IV, 280.

## ПРИЛОЖЕНІЯ.

### I. Описъ городамъ вѣдомымъ въ розрядѣ, въ 1668 г.

(Архивъ Мин. Юстиц., книги Москов. стола № 62).

1. *Во Владимирѣ*: отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 8; стрѣльцовъ 14; пушкарей 6; разсылщиковъ 7; воротниковъ 12; старостъ 2; посадскихъ людей 384 (по описи 1679 г. 398), дѣтей ихъ, братья, племянниковъ и всякихъ свойственниковъ 189; Рождественскаго монастыря слугъ 19; служебниковъ 46; Спасова Золоторотскаго монастыря слугъ 2; сторожей 5; Успенскаго дѣвичьяго монастыря слугъ 2; сторожей 11; Соборной церкви сторожей 17; бобылей 9, у нихъ братья 1; ящиковъ 76, дѣтей ихъ, братья, племянниковъ и зятьевъ 82; бобылей ихъ 9; дворниковъ 71; дѣтей ихъ, братья, племянниковъ и зятьевъ 15.

2. *Въ Суздаль*: губной староста 1; губной дьячекъ 1; въ приказной избѣ подьячихъ 9; архіепископскихъ приказныхъ 3; дѣтей боярскихъ 57; у нихъ бою по саблѣ, да по парѣ пистолей, да по коробину; подьячихъ 9 съ пищалями; недѣльщиковъ 4 съ пищалями; дворовыхъ людей 16 съ бердышами; бобылей 33 съ рогатиною; Спасо-Евсѣмьева монастыря слугъ 42 человека, бою у нихъ по саблѣ, по парѣ пистолей, по коробину; оброчныхъ крестьянъ 4 съ пищалями, 31 съ бердышами, 44 съ рогатинами, 26 съ топорками; пушкарей 4 съ бердышами. Гостиной сотни торговыхъ людей 4 съ пищалями; посадскихъ людей 3, у нихъ бою посаблѣ, да по парѣ пистолей, 340 съ пищалями, 62 съ топорками, 240 съ бердышами, 250 съ рогатинами, всего посадскихъ 895 (по описи 1679 г. 835). Всего 1191 (по описи 1679 г. 1409).

3. *Въ Юрьевѣ Польскомъ*: посадскихъ 140, у нихъ дѣтей 155; всего 338.

4. *Въ Шуйѣ*: посадскихъ 186 (по описи 1679 г. 183); дѣтей ихъ 127 (по описи 1679 г. 52); всего 381.

5. *Въ Лузѣ*: посадскихъ 185; всего 288.

6. *Въ Муромѣ*: посадскихъ 394 (по описи 1679 г. 431); всего 1106.

7. *Въ Переславль Залескомъ*: посадскихъ 294 (по описи 1679 г. 304, дѣтей, братьевъ и племян. 150), всего 746.

8. *Въ Ростовѣ*: посадскихъ 660 (по описи 1679 г. 722), съ дѣтьми, братьями и племянниками; отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 11; губной староста; городской прикащикъ; подьячихъ 3; разсылщиковъ 10.

9. *Въ Ярославль*: посадскихъ и воякиихъ жилецкихъ людей 3468 (по описи 1679 г. 2862); воевода; губной староста; городской прикащикъ; объѣзжій голова; сотникъ стрѣлцкій; съѣзжей избы подьячихъ 14; приставовъ, пушкарей и разсылщиковъ 23; площадныхъ подьячихъ 22; въ таможнѣ 6; на Кружечномъ дворѣ 2; губныхъ дьячковъ 2; въ земской избѣ 2.

10. *Въ Костромѣ*: посадскихъ 1322 (по описи 1679 г. 1044); губныхъ старостъ 2; дворянъ и дѣтей бояр. 21; подьячихъ 17; стрѣльцовъ 20; пушкарей 3, приставовъ 8.

11. *Въ Галичѣ*: губныхъ старостъ 2; городскихъ прикащиковъ 2; подьячихъ 7; пушкарей 8; разсылщиковъ 38; воротниковъ 7; ямскихъ охотниковъ 4; посадскихъ 728.

12. *Въ Володнѣ*: воевода; губной староста; осадный голова; отставныхъ дворянъ и дѣтей бояр. 13; подьячихъ 26; стрѣльцовъ 68; разсылщиковъ 9; отставныхъ пушкарей 2; въ приказной избѣ сторожей 2; дворниковъ на осадныхъ дворахъ 20; на посадѣ гостинной сотни 4, суконной 3 (по описи 1679 г. гостинной и суконной сотни 3); на монастырскихъ дворахъ служебниковъ и работниковъ и на нѣмецкихъ дворахъ дворниковъ 42; посадскихъ съ братьями 1195 (по описи 1679 г. 1024), дѣтей 312, племянниковъ 10; пасынковъ 7, зятьевъ 2; подворниковъ 21; дворовыхъ людей 9; посадскихъ бобылей съ братьями 256, дѣтей ихъ 21, 2 племянника, 1 пасынокъ; каменщиковъ 22; кирпичниковъ 8; всего въ городѣ жителей 2073.

13. *Въ Кашинѣ*: 232 двора, въ нихъ людей всего 505.

14. *Въ Бѣжецкомъ Верхѣ*: посадскихъ 386 (по описи 1679 г. 420).

15. *Въ Можайскѣ*: всего жителей 148, изъ нихъ посадскихъ 57 (по описи 1679 г. 40).

16. *Въ Верѣ*: всего 154, изъ нихъ посадскихъ 109 (по описи 1679 г. 122).

17. *Въ Рузѣ*: всего посадскихъ 30 (по описи 1679 г. 46).

18. *Въ Волоколамскѣ*: всего 123, изъ нихъ посадскихъ 44 (по описи 1679 г. 49).

19. *Въ Боровскѣ*: всего 407, изъ нихъ посадскихъ 350 (по описи 1679 г. 203).

20. *Въ Малоярославцѣ*: посадскихъ 83 (по описи 1679 г. 90).

21. Въ *Клину*: посадскихъ 30 (по описи 1679 г. 23, дѣтей и братьевъ 30).

22. Въ *Вязьмѣ*: всего 728, изъ нихъ посадскихъ 390 (328).

23. Въ *Тульѣ*: всего 1036, изъ нихъ посадскихъ 333 (364, дѣтей и братьевъ 170), казенныхъ кузнецовъ 8 (84), дѣтей ихъ и братьевъ годныхъ въ службу 25 (53), замочниковъ 14; станочныхъ мастеровъ 9, кирпичниковъ 36, дѣтей ихъ и братьевъ годныхъ въ службу 24; ямщиковъ 56, дѣтей ихъ и братьевъ 90.

24. Въ *Калишѣ*: всего 161, изъ нихъ посадскихъ 55 (48).

25. Въ *Алексинѣ*: всего 125 (136).

26. Въ *Тарустѣ*: всего 39, изъ нихъ посадскихъ 18.

27. Въ *Серпуховѣ*: 732, изъ нихъ посадскихъ 233 (229).

28. Въ *Одоевѣ*: всего 754, изъ нихъ посадскихъ 65.

29. Въ *Кративѣ*: 237, посадскихъ нѣтъ, одни служилые.

30. Въ *Дядиловѣ*: 432 (429), посадскихъ нѣтъ.

31. Въ *Коломнѣ*: 528, посадскихъ 67 (304, дѣтей и свойственниковъ 150).

32. Въ *Переяславль Рязанскомъ*: 460, посадскихъ 86.

33. Въ *Зарайскѣ*: 542, посадскихъ 207 (257, дѣтей братьевъ и племянниковъ, не въ раздѣлѣ живущихъ 148, въ малыхъ лѣтахъ 316).

34. Въ *Пронскѣ*: 832, посадскихъ нѣтъ.

35. Въ *Михайловѣ*: 625, посадскихъ 28 (37).

36. Въ *Гремячемъ*: 475, посадскихъ нѣтъ.

37. Въ *Веневѣ*: 338, посадскихъ 223 (110, дѣтей ихъ и свойственниковъ 306).

38. Въ *Печерникахъ*: 186 служилыхъ, посадскихъ нѣтъ.

39. Въ *Сапожкѣ*: 549 (364), посадскихъ нѣтъ.

40. Въ *Ряскомъ*: 1348 (1709); рязань отставныхъ 45; недорослей 447; козаковъ 395, дѣтей ихъ, братьевъ и племянниковъ 345; посадскихъ нѣтъ.

41. Въ *Шацкѣ*: 422 (502), посадскихъ нѣтъ.

42. Въ *Калугѣ*: 1421 (1348), посадскихъ 968 (910).

43. Въ *Лихвинѣ*: 65 (71); посадскихъ 34 (38), у нихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ 27.

44. Въ *Мещевскѣ*: 194; посадскихъ 27, у нихъ дѣтей 30.

45. Въ *Серптьскѣ*: 85 (157); посадскихъ 26 (43), роду ихъ 52 (106).

46. Въ *Мосальскѣ*: 68, посадскихъ 9.

47. Въ *Козельскѣ*: 143, посадскихъ нѣтъ.

48. Въ *Бльевѣ*: 838, посадскихъ 242 (350), роду ихъ 262.

49. Въ *Болховѣ*: 1048 (1204), посадскихъ 380 (477), роду ихъ 325 (415).

50. Въ *Корачевѣ*: 599, посадскихъ 20, роду ихъ 36.

51. Въ *Орлѣ*: 655, посадскихъ нѣтъ (42, роду ихъ 62).

52. Вь *Кромахъ*: 261, посадскихъ нѣтъ.
53. Вь *Брянскъ*: 1092, посадскихъ 76.
54. Вь *Рыльскъ*: 379, посадскихъ 42, захребетниковъ 5.
55. Вь *Съвскъ*: 931, посадскихъ нѣтъ.
56. Вь *Путивль*: 1653, посадскихъ 117, у нихъ дѣтей, братьевъ, зятьевъ, приемышей сосѣдей 66.
57. Вь *Каменномъ*: 481, посадскихъ нѣтъ.
58. Вь *Миенскъ*: 316, посадскихъ нѣтъ.
59. Вь *Ельцъ*: 2920, посадскихъ 186 (152), роду ихъ 143 (91).
60. Вь *Ливнахъ*: 1424, посадскихъ нѣтъ.
61. Вь *Курскъ*: посадскихъ 376, дворянъ и дѣтей боярскихъ 446.
62. Вь *Новосиль*: 428, посадскихъ нѣтъ.
63. Вь *Епифани*: посадскихъ нѣтъ.
64. Вь *Черни*: 297, посадскихъ нѣтъ.
65. Вь *Данковъ*: 835, посадскихъ нѣтъ.
66. Вь *Лебедяни*: 698, посадскихъ нѣтъ.
67. Вь *Талецкомъ*: 520, посадскихъ нѣтъ.
68. Вь *Черкасскомъ*: 427, посадскихъ нѣтъ.
69. Вь *Ефремовъ*: 1895, посадскихъ 3.
70. Вь *Осколь*: 1468, посадскихъ нѣтъ.
71. Вь *Землянскъ*: дѣтей боярскихъ 129; недорослей 9, козаковъ 29, пушкарей 39, Черкасъ 585, посадскихъ 10.
72. Вь *Обояни*: дѣтей боярскихъ 759, стрѣльцовъ 9, козаковъ 77, пушкарей 29, посадскихъ нѣтъ.
73. Вь *Суджъ*: посадскихъ нѣтъ.
74. Вь *Сумахъ*: козаковъ 1221, мѣщанъ 1754.
75. Вь *Лебединъ*: козаковъ 628, мѣщанъ 1641.
76. Вь *Бѣлгородъ*: посадскихъ 48.
77. Вь *Болховомъ*: (по чертѣ отъ Бѣлгорода направо) посадскихъ нѣтъ.
78. Вь *Карповъ*: посадскихъ нѣтъ.
79. Вь *Хотмышскомъ*: посадскихъ нѣтъ.
80. Вь *Вольскомъ*: посадскихъ нѣтъ.
81. Вь *Олешинъ*: посадскихъ нѣтъ.
82. Вь *Ахтыркъ*: Черкасъ 922, мѣщанъ нѣтъ.
83. Вь *Коропъ*: посадскихъ нѣтъ.
84. Вь *Яблонецъ*: посадскихъ нѣтъ.
85. Вь *Новомъ Осколь*: посадскихъ нѣтъ.
86. Вь *Верхососенскомъ*: посадскихъ нѣтъ.
87. Вь *Усердъ*: посадскихъ нѣтъ.
88. Вь *Олшанскомъ*: посадскихъ нѣтъ.
89. Вь *Остроужскомъ*: посадскихъ Русскихъ 11, Черкасъ мѣщанъ 18; дѣтей боярскихъ 65; станичниковъ 41, Черкасъ городской службы 390.
90. Вь *Коротоякъ*: дѣтей боярскихъ 424, козаковъ 377, посадскихъ 40.

91. *Въ Урывѣ*: 160. посадскихъ нѣтъ.
92. *Въ Воронежѣ*: Черкасѣ 178, дѣтей боярскихъ 154, стрѣльцовъ 211, козаковъ 681, посадскихъ 271.
93. *Въ Костенскомъ*: дѣтей боярскихъ 197, посадскихъ нѣтъ.
94. *Въ Бѣлоколѣдескомъ*: драгуновъ 194, посадскихъ нѣтъ.
95. *Въ Орловѣ* городкѣ дѣтей боярскихъ драгунской службы 239, пушкарей 14, дьячекъ приказной избы 1.
96. *Въ Сокольскомъ*: драгуновъ 518, пушкарей 18, посадскихъ нѣтъ.
97. *Въ Усмани*: посадскихъ нѣтъ.
98. *Въ Добромъ Городищѣ*: посадскихъ нѣтъ.
99. *Въ Козловѣ*: посадскихъ 47, роду ихъ 42.
100. *Въ Тамбовѣ*: служилыхъ людей 2342, посадскихъ нѣтъ.
101. *Въ Волуйкѣ*: посадскихъ нѣтъ.
102. *Въ Чулуевѣ*: посадскихъ нѣтъ.
103. *Въ Салтовѣ*: посадскихъ нѣтъ.
104. *Въ Харьковѣ*: дѣтей боярскихъ 55, козаковъ Черкасѣ полковой службы 1070, пашенныхъ Черкасѣ 1023.
105. *Въ Красномъ Кутѣ*: Черкасѣ полковой службы 120, мѣщанъ пахотныхъ Черкасѣ 686
106. *Въ Богодуховѣ*: рядовыхъ козаковъ 137, городской службы Черкасѣ 935.
107. *Въ Бобровкѣ*: козаковъ 200, мѣщанъ 948.
108. *Въ Болыкленѣ*: Черкасѣ 331.
109. *Въ Новгородѣ Великомъ*: судья; головъ стрѣлецкихъ 2; козацій голова; сотниковъ стрѣлецкихъ 5; городничій; житнаго двора ключникъ; объѣзжій голова, ямской прикащикъ; отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 10; съѣзжей избы подьячихъ верстаныхъ 32, молодыхъ неверстаныхъ 20; новокрещеновъ кормовыхъ 29; новгородскихъ пѣшихъ козаковъ 150, дѣтей ихъ и братья 18; въ московскомъ приказѣ стрѣльцовъ 500, дѣтей ихъ, братья, племянниковъ и подсосѣдниковъ 233; въ новгородскомъ приказѣ стрѣльцовъ 500, роду ихъ 123; пушкарей 53; запасныхъ кузнецовъ 14, дѣтей ихъ 10; воротниковъ 15; ямскихъ охотниковъ съ родомъ 128; посадскихъ 1080; митрополичьихъ дѣтей боярскихъ и бобылей 127; церковныхъ причетниковъ 168.
110. *Въ Ладотѣ*: 262, посадскихъ 46.
111. *Въ Порховѣ*: посадскихъ 112.
112. *Въ Псковѣ*: посадскихъ 1169 съ родомъ, пріемышами, захребетниками, церковными дьячками и пономорами.
113. *Въ Гдовѣ*: посадскихъ 71, роду ихъ 64, всего 525.
114. *Въ Изборскѣ*: 208, посадскихъ 4.
115. *Въ Островѣ*: посадскихъ 17, всего 109.
116. *Въ Опочкѣ*: 526, посадскихъ 80.
117. *Въ Печерскомъ монастырѣ*: посадскихъ 126, всего 344.

118. Въ *Великихъ Лукахъ*: посадскихъ 95, всего 1084.

119. Въ *Торопцѣ*: посадскихъ 463, всего 1353.

120. Въ *Твери*: посадскихъ 429, роду ихъ 77, всего 671.

Въ опись 1679 года внесены города: 1) *Романовъ*: посадскихъ 258. 2) *Звенигородъ*: посадскихъ 22. 3) *Борисовъ*: посадскихъ 11, дѣтей ихъ 22. 4) *Бѣлоозеро*: посадскихъ 775; поповъ, ихъ дѣтей и братья 38; бѣдныхъ, которые кормятся по міру, 189. 5) *Уличъ*: посадскихъ 143. 6) *Воротынскъ*: посадскихъ 55, дѣтей ихъ, братья и племянниковъ 171, всего 255. 7) *Перемышль*: посадскихъ 25, дѣтей ихъ и братья 46.

## II. Опись городовъ 1677 года, хранящаяся между приказными дѣлами Московск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ.

1. *Устиюгъ съ уѣздомъ*. Стрѣльцовъ 132; посадскихъ и бобыльскихъ дворовъ 689; людей въ нихъ 830; въ уѣздѣ крестьянскихъ и половничьихъ дворовъ 7804, людей въ нихъ 9458 человекъ. Данныхъ и оброчныхъ съ посаду и уѣзду 6038 рублей; полоняничныхъ 232 рубля; съ таможенъ и кружечныхъ дворовъ 6782 р.

2. *Сольегородскъ*. Посадскихъ 228 дворовъ, а людей въ нихъ 258, да 74 кельи нищихъ, да 18 дворовъ пустыхъ, да 18 мѣстъ дворовыхъ. Въ уѣздѣ, въ селахъ и деревняхъ 3198 дворовъ крестьянскихъ и половничьихъ, да 136 дворовъ до 8 мѣстъ дворовыхъ отдано на льготу, да 71 дворъ бобыльскій, 2 двора гостинои сотни, дворъ торговаго человека, а людей въ нихъ 5382. Данныхъ и оброчныхъ съ посаду и уѣзду 2843 рубля; полоняничныхъ 96; таможенныхъ и кружечныхъ 3062.

3. *Тотьма*. На посадѣ 215 дворовъ, людей въ нихъ 296. Въ уѣздѣ 2098 дворовъ, людей въ нихъ 3725; 36 дворовъ половничьихъ, людей въ нихъ 51. Данныхъ и оброчныхъ 1495 рублей; полоняничныхъ 68 рублей; таможенныхъ и кружечныхъ 2350 р.

4. *Вязьма*. На посадѣ 379 дворовъ, людей въ нихъ 400. Въ уѣздѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ 1542 двора, людей въ нихъ 1563. Данныхъ и оброчныхъ 93 рубля, полоняничныхъ 30, таможенныхъ и кружечныхъ 1196 рублей.

5. *Можайскъ*. На посадѣ 32 двора людей, въ нихъ 30 человекъ. Въ уѣздѣ 355 дворовъ, людей въ нихъ 368. Данныхъ, оброчныхъ и полоняничныхъ съ посаду 28 рублей, таможенныхъ и кружечныхъ 1196 рублей.

6. *Руза*. На посадѣ 75 дворовъ, людей въ нихъ 80 человекъ. Въ уѣздѣ 504 двора, людей въ нихъ 511. Данныхъ, и оброчныхъ 9 рублей, полоняничныхъ 13, кружечныхъ 175 рублей.

7. *Звенигородъ*. На посадѣ 61 дворъ, людей въ нихъ 67. Въ

уѣздѣ 28 дворовъ, людей въ нихъ 35. Данныхъ, оброчныхъ и полонянничныхъ 11 рублей.

8. *Венева*. На посадѣ 107 дворовъ, людей въ нихъ 127. Въ уѣздѣ 496 дворовъ, людей въ нихъ 499. Данныхъ и оброчныхъ 80 рублей, полонянничныхъ 14; кружечныхъ 485 рублей.

9. *Клинъ*. На посадѣ 25 дворовъ и въ нихъ столько же людей. Въ уѣздѣ 615 дворовъ. Данныхъ, оброчныхъ и полонянничныхъ 2 рубля; съ уѣзду полонянничныхъ 12 рублей; съ кружечнаго двора 228 рублей.

10. *Ржева Володимерова*. Посадскихъ 83 двора, въ уѣздѣ 1354 двора; данныхъ, оброчныхъ и полонянничныхъ 70 рублей; съ кружечнаго двора 328 рублей.

11. *Старца*. На посадѣ 117 дворовъ; въ уѣздѣ 396. Данныхъ и оброчныхъ 22 рубля; съ кружечнаго двора 292 рубля.

12. *Бѣжецкій Верхъ*. Посадскихъ 134 двора, людей въ нихъ 195. Въ уѣздѣ дворовъ 2757, людей въ нихъ 2843. Данныхъ, оброчныхъ и полонянничныхъ съ посаду 44 рубля; съ уѣзду полонянничныхъ 60 рублей; съ кружечнаго двора 477 рублей.

### III. Списокъ подьячихъ по приказамъ, 1675 года.

(Архивъ Минист. Юстиціи, книга Моск. стола, № 73).

1. *Разрядъ*. Подьячимъ всѣмъ окладъ 700 рублей; порознь жалованья отъ 40 до 2 рублей человѣку. Верстаныхъ подьячихъ 74 человѣка; изъ нихъ 10 человѣкъ получали помѣстный окладъ отъ 400 до 250 четвертей. Неверстаныхъ 33. Разряднаго приказа дѣти боярскіе: 10 верстныхъ, получавшихъ жалованья отъ 12 до 8 руб., неверстаный одинъ. 6 сторожей получали жалованья по 7 рублей.

2. *Посольскій приказъ*. Окладъ 600 рублей, отъ 65 до 4 рублей человѣку; верстаныхъ 31; изъ нихъ помѣстный окладъ имѣли 4, отъ 350 до 250 четвертей; неверстаныхъ 7; 5 приставовъ съ жалованьемъ по 8 рублей; 4 сторожа съ жалованьемъ по 7 рублей.

3. *Приказъ малой Россіи*. Окладъ 362 рубля, отъ 50 до 5 рублей человѣку, всего 19 подьячихъ.

4. *Большая казна*. Окладъ 200 рублей, отъ 25 до 2 рублей человѣку, всѣхъ подьячихъ 13 человѣкъ; 6 приставовъ съ жалованьемъ по 8 рублей; 4 сторожа съ жалованьемъ по 6 рублей.

5. *Иноземскій*. Окладъ 135 рублей, отъ 20 до 1 рубля; верстаныхъ 25, неверстаныхъ 9; 3 пристава, 4 сторожа съ жал. до 7 рублей.

6. *Рейтарскій*. Окладъ 89 рублей, отъ 22 до рубля; 13 верст., 4 неверстаныхъ; 5 приставовъ съ жал. по 5 руб.; 4 сторожа съ жал. по 6 руб.

7. *Аптекарскій*. Окладъ 20 руб., одинъ подьячій.



8. *Казанскій дворецъ*. Окладъ 350 руб., отъ 31 до рубля; верст. 60; неверст. 17; 10 приставовъ съ жал. по 10 руб., 6 сторожей съ жалован. по 6 руб.

9. *Сибирскій*. Окладъ 308 руб., отъ 30 до 6 руб.; 16 верст., 7 неверстаныхъ.

10. *Купецкихъ дѣлъ*. Четверо подьячихъ; одинъ съ жал. 40 р., другой 25, двое 20; 6 приставовъ съ жал. по 12 руб., четверо сторожей по 6 руб.

11. *Стрѣлецкій*. Окладъ 223, отъ 20 руб. до 50 коп.; верст. 32, неверст. 20.

12. *Приказъ сбора стрѣлцаго хлѣба*. Окладъ 55 руб. 50 коп., отъ 15 до 5 руб., двое подьячихъ съ приписymi, 2 старыхъ верст., 7 неверст., одинъ молодой верст., 39 неверст., четверо сторожей съ жал. по 7 руб.

13. *Судный Владимірскій*. Окладъ 226, отъ 28 до 2; верст. 28, неверст. 2; приставы: 5 съ жал. по 10 руб., одинъ по 8; двое неверст.; четверо сторожей по 7 руб.

14. *Судный Московскій*. 250, отъ 19 до 2; верст. 16, неверст. 15; 12 приставовъ по 4, 3, 2 рубля; 4 сторожа по 7 руб.

15. *Приказъ большаго дворца*. 825, отъ 25 руб. до 50 коп. 84 верстныхъ.

16. *Житный дворъ*. Отъ 25 до 8; всего 6 подьячихъ.

17. *Сытнаго дворца*. Отъ 30 до 4 руб.; 10 подьячихъ.

18. *Кормоваго дворца*. Отъ 20 до 5 руб.; 6 подьячихъ.

19. *Хлѣбнаго дворца*. Отъ 19 до 4 руб.; 7 подьячихъ.

20. *Судный дворцовый*. Окладъ 130, отъ 23 до 4 руб.; верст. 8, неверст. 10; приставовъ неверст. 6; 4 сторожа съ жал. по 6 р.

21. *Оружейный*. 95 руб., отъ 50 до 15 руб., 3 подьячихъ; двое приставовъ по 29 руб. обонимъ. 9 сторожей—всѣмъ 52 рубля.

22. *Помѣстный*. 700 руб., отъ 50 до рубля; 95 верст., 228 неверст.; 5 дѣтей боярскихъ съ жал. по 10 руб., 6 сторожей съ жал. по 9 руб.

23. *Разбойный*. 300 руб., отъ 20 до 2 руб.; верст. 38, неверст. 6; 5 приставовъ верст. съ жалов. по 4 руб., 5 неверст.; 6 сторожей, всѣмъ 40 рублей.

24. *Пушкарскій*. 200 руб., отъ 35 до 3; 10 верст., 1 неверст.

25. *Ямской*. 150 руб., отъ 33 до 1 руб.; 14 подьячихъ.

26. *Челобитный*. 200 руб., отъ 30 до 4 руб.; верст. 13, неверст. 6; подвойскихъ 5 съ жал. по 12 руб.; 1 приставъ и 3 сторожа.

27. *Большой приходъ*. 385, отъ 30 до 2 руб.; 25 верст., 42 неверст.

28. *Московской большой таможи*. Отъ 15 до 5 руб.; 5 верст., 11 неверст.

29. *Помѣтной избы*. 1 верст. по 5 руб.; 10 неверст.

30. *Казенный*. 124 руб., отъ 35 до 5; 8 верст., 1 неверст.

31. *Монастырский*. 246, отъ 30 до 3 руб.; 25 верст., 7 невест.
32. *Печатный*. 63, отъ 35 до 5 руб.; 5 верст., 3 невест.
33. *Конюшенный*. 164, отъ 28 до 3 руб.; 12 верст., 2 невест.
34. *Земский*. 255, отъ 35 до 3 руб.; 29 верст., 17 невест.;  
двое нарядчиковъ съ жал по 14 руб.; 9 рѣшеточныхъ прикащи-  
ковъ верстаныхъ отъ 12 до 8 руб., 42 невест.
35. *Владимѣрская четь*. 64, отъ 30 до 4 руб.; 3 верст., 18  
невест.
36. *Галицкая четь*. 71, отъ 30 до 8 руб.; 4 верст., 8 невест.
37. *Новгородский*. 195, отъ 34 до 5 руб.; 17 верст., 14 невест.
38. *Костромская четь*. 79, отъ 34 до 3 руб., 6 подьячихъ.
39. *Княжество Смоленское*. 66, отъ 18 до 7 руб.; 6 верст., 1  
невест.
40. *Устюжская четь*. 137, отъ 31 до 50 коп.; 14 верст., 7  
невест.
41. *Новая четь*. 158, отъ 30 до 3 руб.; 12 верст., 25 невест.
42. *Отдаточный дворъ*. 27; верст. 2, невест. 13.
43. *Холопья суда*. 200, отъ 30 до 2 руб.; верст. 14, невест. 6.
44. *Хмбный*. 137, отъ 23 до рубля; 24 верст.
45. *Каменныхъ житницъ*. 25; 2 верст.
46. *Каменныхъ дѣлъ*. 113, отъ 35 до 8 руб.; 5 верст., 1 невест.
47. *Мытная изба*. 11 подьячихъ, всѣ невестаны.

---

#### IV. Разрядъ безъ мѣстъ Царя и Великого Князя Тео- дора Алексѣевича въсеа великия и малыя и бѣлыя Роси самодержца 190 году \*.

Лѣта 7190 Генваря въ 12 день указалъ Велики Государь Царь и  
Велики Князь Феодоръ Алексѣевичъ въсеа великия и малыя и бѣ-  
лыя Роси самодержецъ быть въсемь чинамъ у всякихъ делъ быть  
бѣзъ мѣстъ и отеческихъ делъ въпретъ отнюдь не вчинать; а бу-  
детъ де кто станетъ въчинать и темъ сказано быть потъ смерть-  
ною казнью и потъ клятвою, и книги разрядныя и случные сожгли  
въласти въ переднихъ сенехъ въ печи, и выброны изо всехъ ро-  
довъ въ ротмистъри и въ порутчикахъ въ (с)таршихъ и не въ стар-  
шихъ и съ того числа въсе почело быть бѣзъ мѣстъ.

Тогожь году Генваря въ 17 день сказана сидеть въ Палате у  
расправныхъ дѣлъ зѣ бояриномъ съ Князь Никитою Ивановичемъ  
Одоевскимъ боярину князь Ивану Борисовичю Тьроекурову.

---

\* Этотъ важный памятникъ, восполняющій пробѣлы въ извѣстныхъ намъ  
до сихъ поръ разрядныхъ книгахъ, находится въ Московскомъ Главномъ  
Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ.

Тогожь году Генваря въ 18 день были у Великого Государя у руки на приезде въ столовой палате Крымския послы и посланники;

А объевлялъ ихъ Великому Государю думной посолской дьякъ Ларивонъ Ивановичъ Ивановъ.

Тогожь году Генваря въ 19 день былъ у Великого Государя въ передней Светейши Иоакимъ Патриархъ московски и въсеа Руси со властью.

А въ то время указалъ Велики Государь принести нсъ комноты ближнимъ людямъ ларецъ съ родословною книгою князь Борису князь Алексѣеву сыну Голицыну да Михайлу Васильеву сыну Собакину. И какъ по указу Великово Государя тотъ ларецъ съ родословною книгою прѣнесли, и Велики Государь указалъ честь свой Великого Государя указъ думному розрядному дьку Василью Семенову.

И какъ думной дьякъ Василей Семеновъ ево Великого Государя указъ прѣчелъ, и Великий Государь изволилъ тое кнѣгу поверхъ подписать по листамъ своею рукою;

А Светейши Потриархъ подисподомъ также потписовалъ по листомъ своею рукою;

А власти, и бояре, и околничия и думныя и ближние люди и въсякия чины потписовали своимижъ руками по своимъ имены.

А каковъ Великого Государевъ указъ сказанъ и думной дьякъ розрядной Василей Гьригорьевичъ Семеновъ ичелъ, и тотъ указъ Великова Государя писонъ въ особой тетратѣ весь именно, и чье руки въластей, и бояръ, и околничихъ и думныхъ и ближнихъ людей руки объевились у той книги, и то написано въ той же тетратѣ въсе именно на лицо дья выпретку, и тое кнѣгу указалъ Велики Государь и свой указъ переплечи и постърое боярину князь Василью Васильевичю Голицыну тое кнѣгу отдать въ розрядъ именно боярину князь Михайлу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи, а хто имени сидель у сей книги, и техъ имени написаныжъ въпоследѣ.

Тогожь году Генваря въ 20 день сказана быть по указу Великого Государя воеводахъ: велики Новгородъ изво Пскова боярину князь Михайлу Андреевичю Голицыну полковымъ и осаднымъ;

Во Псковъ осаднымъ околничему князь Григорью Аванасьевицю Козловскому;

А изъ Великого Новаграда осадному воеводе боярину Василью Семеновичю Волинскому указалъ Велики Государь быть къ Москвѣ.

И Генваря въ 24 день отказона имъ.

Тогожь году Генваря въ 25 день сказан. воеводы осаднымъ:

Велики Новгородъ боярину Ивану Васильевичю Бутурлину;

А бояри(н)у Василью Семеновичю Волинскому велено быть по прѣжнему къ Москвѣ.

А Новогородцькой полкъ велено водоть и Псковской во Пскове боярину князь Михайлу Андреевичю Голицыну.

Тогожь году Генваря въ 27 день сказано воеводы съ Козанскимъ полкомъ въ Сибирскъ боярину Петру Васильевичю болшему Шереметеву.

Тогожь году Генваря въ 29 день сказано по указу Великого Государя стьроить города въ Дауры и въ Селегинской и въ Болбожинской, и Сибирскимъ полкомъ на Китайцы думному дьворенину Кирилу Осиповичю Хлопову, а съ нимъ велено быть въсемъ Сибирской земли городомъ всякимъ служивымъ людемъ коннымъ и пехоте.

Тогожь году Феврала въ 5 день было постановления въ Орхнепискупы во Тверь и въ Кашинъ;

А ставили изъ Торшька Борисоглебскаго и преподобного Ееремя Новоторжьскаго чудатворьца монастыра Архимандрита Сергiя.

А ставили въ Соборной и опостольской церкви;

А ставиль его въ Орхнепискупы Светейшее Иоакимъ Патриархъ Московски и въсеа Руси.

А напостоновълены были въласти.

МИТРОПОЛИТЫ:

Карнили Новгоротцьки и Великолуски,  
Никифоръ Астрыхански и Терски,  
Иона Ростовски и Ерославски,  
Маркель Псковски и Зборски,  
Семеонъ Смоленски и Доргобужски,  
Ворсунофей Сарски и Подонски,  
Филаретъ Нижегородцьки и Олаторски.  
Павель Резански и Муромски;

АРХИЕПИСКУПЫ:

Илорионъ Суздолски и Юрьевски,  
Симонъ Вологотцьки и Бѣлозерски,  
Никифоръ Коломенски и Коширски;

ЕПИСКУПЪ:

Иона Вятцьки и Великопермьски;

АРХИМАНДЬРИТЫ.

Чудовской,  
Юрьевской изъ Новгорода,  
Андроньевской,  
Савинской,  
Футинской,  
Калязвинской;

Спаса-новой,  
Симоновской,  
Петровской,  
Воскресенской,  
Боговленской,  
Иверской;

пгумны:

Зынаменской,  
Угрежской,  
Златоустовской,  
Навинской,  
Данской,

Съ Унжи Макарьевской,  
Здѣвиженской,  
Даниловской,  
Стрѣтинской,  
Протопопъ Соборной.

А лѣствицею учиненъ ниже вологодѣцкова а више коломенскаго тверской вѣладыко,

Да на постоновлени были по указу Великаго Государя бояринъ князь Юрья Семеновичъ Урусовъ, да съ нимъ думной дѣворенинъ Кирило Осиповичъ Хѣлоповъ, да думной дѣякъ Василей Семеновъ.

А провожали верхъ къ Великому Государю вѣладыку и на По дворѣ думной дѣворенинъ и думной дѣякъ тежъ.

Тогожъ году Феврала въ 9 день сказана въ осадные воеводы: на Терки стольнику Федору Савину сыну Нарбѣкову;

А околничеу Александру Савосьяновичу Хитрову указалъ Велики Государь быть къ Москвѣ.

Тогожъ году сказана родословныя книги, и выжины, и боярскимъ и воеводѣцкимъ родомъ, пгостинымъ и дѣворянскимъ 1 дѣячимъ, а делать на шесть книгъ съ отверски, а книгомъ быть: (1. 2. 3. 4. 5. 6.) 1) родословнымъ людемъ; 2) внежимъ; 3) Московскимъ знатнымъ родомъ; 4) дѣворянскимъ; 5) гостинымъ и дѣячимъ; 6) всякимъ нискимъ чинамъ.

Боярину князь Володимеру Дьмитриевичу Долгорукову, да думному дѣку Василью Семенову гербалною, стольникомъ князь Ивану князь Андрееву сыну Большому Голицыну, да Павлу \* сыну Непребѣцкому улаженъ. стольнику князь Андрѣю князь Иванову сыну Хованскому, а съ нимъ дѣвойники и въсемъ велено пѣри-насить каленны росписи по родамъ.

Тогожъ году Феврала въ 12 день изволилъ Велики Государь избрать себѣ въ супруги девицу Марѣу Матвееву дочь Матѣея Васильевича Апраксина.

Тогожъ числа нарекли девицу Марѣу Матвеевну въ Царевы и Великия Княжны, а благословлялъ и нарекалъ Светейши Патріархъ.

Тогожъ числа вишетъ изъ комнаты въ переднюю Светейши Патріархъ сказавалъ бояромъ и окольнымъ и думнымъ людемъ, что нарекли Цареву и Великою Княжну Марѣу Матвеевну,

Тогожъ году Феврала въ 15 день была радость, изволилъ Велики Государь сочетатца вторымъ законнымъ бракомъ.

А изволилъ Велики Государь понять за себя Матвееву дочь Ва-

---

\* Пробылъ въ подлинникѣ.

сильевича Опраксина цареву и Великою Княжну Марѳу Матвеевну.

А венчатца изволилъ Велики Государь въ саборе у Живоноснаго Воскресення Господни.

А венчался въ 6 часу дѣни въ первой четверти.

А венчалъ ево Великого Государя духовникъ евожъ Великого Государя Благовѣшенской пѣротопопъ Никита Васильевичъ.

А кремль былъ въ то вѣремя запертъ, а отперли въ 10 часу.

А кругъ Кѣремля указана была и ворота вѣдать окольничіи Павлу Петровичю Языкову, а свадебного чину никакова небыла.

Тогожъ числа пожаловалъ Велики Государь въ спалники столниковъ:

Степана Богданова сына Ловчикова;

Петра да Ѳедара, да Андрея Матвеевыхъ детей Опраксиныхъ.

Тогожъ году Ѳевраля въ 16 день указалъ Велики Государь ехать съ срадосними грамоты стольникомъ и ближнимъ людямъ ка вѣлѣствѣ Иванъ Андреевъ сынъ Языковъ, да Иванъ Васильевъ сынъ Дашковъ и по бояромъ.

Къ Тѣроице въ Сергиевъ монастырь Иванъ Михайловъ сынъ Волинской.

Къ Саве въ Зѣвенигородъ и въ Воскресенской монастыри Иванъ Богдановъ сынъ Яковлевъ.

Тогожъ числа указалъ Велики Государь сидѣть въ розрядѣ и въ Ройтарскомъ и выноземскомъ и въ Пушкарскомъ Пѣриказахъ думному дѣворенину Веденихтю Андреевичю Зѣмееву на столника Степанова места Ловчикова.

Тогожъ году Ѳевраля въ 17 день пожаловалъ Велики Государь въ столники къ Государю Царевичю и Великому Князю Ивану Алексѣевичю столника князь Ивана князь Степанова сына Шевцова.

Тогожъ году Ѳевраля въ 19 день пожаловалъ Велики Государь въ столники 2-хъ Опраксиныхъ, 2 Хѣрушовыхъ, 2 Ловчиковыхъ.

Тогожъ году Ѳевраля въ 19 день было дѣйство стѣрашнаго суда.

А на дѣйствѣ былъ Светейши Потриархъ съ вѣлѣстями.

Да по указу Великого Государя были на дѣйствѣ Царь Гѣригорей Алексѣевичъ сибирской, да бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Тѣроекуровъ, да думной дѣворенинъ Кирила Осиповичъ Хѣлоповъ, да думной дѣякъ Данила Полянскій.

Тогожъ году Ѳевраля въ 21 день были у руки Государыни Царицы и Великия Княгини Марѳы Матвеевны въ передней Государевой, а были, а Велики Государь сидѣлъ, съ пѣравой руки:

Светейши Іоакимъ Потриархъ Московски и вѣсеа Руси со вѣлѣстями и благословляли образами;

а вѣлѣсти были:

**МИТРОПОЛИТЫ:**

Корнили новгородцки и Великолуски,  
Никиѳоръ Астѣрахански и Терски,  
Иона Ростовски и Ерославски,  
Маркель Псковски и Зборски,  
Семеонъ Смоленски и Доргобужски,  
Варсуноѳев Сарски и Подонски,  
Ѳиларетъ Нижегородцки и Олаторски,  
Павель Резански и Муромски;

**АРХИЕПИСКОПЫ:**

Илоринъ Суздолски и Юрьевски,  
Симонъ Вологодцки и Бѣлозерски,  
Серги Тѣверски и Кашински;

**ЕПИСКОПЪ:**

Иона Вятцки и Великопермски.

Да у руки были бояре и окольничия и думные и ближние люди,  
Да объявлялъ бояринъ и дворетцкой князь Василей Ѳедоровичъ  
Одоевской гостей и розныхъ слоботъ посатцкихъ людей съ  
подносомъ.

Тогожь году Ѳевраля въ 23 день былъ Великому Государю выходъ въ Залатую палату, а были у Великова Государя на отпуске  
посли и посланники Кѣримския, объявлялъ думнай дѣякъ Ларивонъ Ивановъ.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ бояре кѣравчего  
князь Ивана Гѣригорьевича Куракина;

А сказавалъ ему боярства думнай дѣякъ Василей Семеновъ;

А у скаски стоялъ и Великому Государю объявлялъ околничей  
Матвей Степановичъ Пушкинъ.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ кѣравчия стол-  
ника и ближнаго человека князь Бориса Алексѣевича Голицына;

А сказавалъ думной дѣякъ Василей Семеновъ,

Тогожь числа былъ столъ у Великого Государя по столовой  
полате.

А у стола были Великого Государя Светейши Патрирхъ со  
влостями, да бояре и околничия, и думныя и ближия люди все.

Въ столы смотрели столники:

Въ болшей столъ столникъ князь Лука князь Ѳедоровъ сынъ  
Долгоруково, да столникъ же Дмитрей Петровъ сынъ Пѣро-  
тасѣвъ;

Въ кѣривой столъ столникъ князь Борисъ князь Ѳедоровъ сынъ  
Долгоруково, да столникъ Александръ Петровъ сынъ Пѣро-  
тасѣвъ.

У Государева стола стоялъ крайчей князь Борисъ Алексѣевичъ

Голицынъ да столникъ и ближней человекъ Аврамъ Ивановъ сынъ Хитрово.

Вина нарезалъ столникъ князь Иванъ князь Андреевъ сынъ Болшей Голицынъ.

Пить наливаль чашникъ Семень Ивановичъ Языковъ.

За Государевымъ поставцомъ сидель бояринъ и дворетцкой князь Василей Ѳедоровичъ Одуевской.

За потрияршимъ.

За боярскимъ:

У потриярхова стола стоялъ:

Царевичей потчиволь косимовскихъ и сибирскихъ столникъ князь Матѳей князь Веденихтовъ сынъ Оболенской.

Властей кормили.

Бояръ кормили:

Тогожъ числа былъ столъ у Великия Государыни Царицы и Великия княгини Марѳе Матѳеевны по государевой передней.

А у стола были царевичевы жена да боярины пѣриежия.

А у стола стояла крайчая Анна Петровна Хитрова.

А за поставцомъ сидель думной дѣворенинъ Никита Ивановичъ Окинѳовъ.

Тогожъ году Ѳевраля въ 26 день пѣразнавали ангелъ Государыни Царевны и Великия Княжны Евдокеи Алексѳевны ангелу.

И былъ Великому Государю вихоть въ столовою, а жаловалъ пироги.

Тогожъ числа пожаловалъ Велики Государь въ бояре столника и ближнего человека князь Михайла Яковлевича Черкаскаго.

А сказывалъ ему боярство думной дѣакъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и Великому Государю объявлялъ бояринъ Петръ Михайловичъ Солтиковъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Велики Государь въ бояре столника и ближнего человека князь Бориса Ивановича Пѣрозоровскаго;

А сказывалъ ему боярство думной дѣакъ Василей Семеновъ;

А у скаски стоялъ и Великому Государю объявлялъ околничей Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ.

Тогожъ году Марта въ 5 день пожаловалъ Велики Государь въ околничия столника князь Якова Васильевича Хилкова; а сказывалъ ему аколничества думной дѣакъ Василей Семеновъ;

А у скаски стоялъ и Великому Государю объявлялъ думнай дѣваренинъ Кирила Осиповичъ Хѣлоповъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Велики Государь въ околничия думнаго дѣваренина Кирилу Осиповича Хѣлопова; а сказывалъ ему околничества думнай дѣакъ тотъ же, а у скаски стоялъ и Великому Государю объявлялъ печатникъ Дементій Миничъ Бошмоковъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Велики Государь въ думные дѣварене столника Ѳедора Савича Нарбѣкова.



Тогожь году Марта въ 12 день по указу Великого Государя учиненъ Іона Епискупъ Вятцки и Велико пермьски Архиепискупомъ а степень ему ученена.

Тогожь числа поставили во власти первымъ Архиепискупомъ Велики Устюхъ и на Тотму Архимандрита Таласія изъ Великова Новгорода Оутина монастыря, а степень ему ученена.

А ставель ево Светейши Патриархъ со властью, а на поставленъ былъ по указу Великого Государя бояринъ князь Юрья Семеновичъ Урусовъ да съ нимъ думнай дѣваренинъ Иванъ Петровичъ Кондыревъ, да думнай дѣакъ Емельянъ Украинцевъ.

Тогожь году Марта въ 19 день поставили во власти первымъ Архиепискупомъ на Колмыгоры и на Вагу крестоваго священника светейшаго Патриарха Аеонасія, а ставиль его Светейши Іоакимъ Патриархъ Московски і всеа Росіи са властью.

Да на поставленихъ были по указу Великого Государя бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, да думной дворенинъ Андрѣй Васильевичъ Толстой, да думной дѣакъ Данило Полянскій.

А учиненъ степеню више Архиепископа Устюжского і Тотемскаго.

Тогожь году Марта въ 24 день по указу Великого Государя ставили во власти въ Танбовъ въ Епискупы Ігумна изъ Галича Леонтия Аврамія Городецкова монастыря а ставиль ево Светейши Іоакимъ Патриархъ Московски і всеа Русіи.

Да на поставленихъ были по указу Великого Государя бояринъ князь Юрья Семѣновичъ Урусовъ, да съ нимъ думной дворенинъ Ѳеодоръ Савичъ Нарбековъ, да думной дѣакъ Данило Полянскій; по степени учиненъ.

Тогожь году Апреля въ 1 день посылалъ Велики Государь о спосении спърашивать Павла Митрополита Сибирского и Тобольского столника и ближнего человека Михайла Васильевича Косаткина.

Тогожь году Апреля въ 2 день было постановления въ Соборной церкви въ первыи Епископы въ Воронежъ, а ставили Ігумна Митрофана изъ Галича съ Унжи Макарьевскаго монастыря, а ставиль его Іоакимъ Патриархъ Московски і всеа Русіи со властью. Да на поставленихъ были по указу Великого Государя бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ да думной дворенинъ Богданъ Ивановичъ Полибинъ да думной дѣакъ Данила Полянскій.

Тогожь году Апреля въ 10 день пожаловалъ Велики Государь въ бояре столника и ближнего человека Алексѣя Семеновича Шейна.

А сказавалъ ему боярство думной дѣакъ Василей Семеновъ; у скаски стоялъ и Великому Государю объевлялъ околничей Иванъ Ѳеодоровичъ Волинскій.

Тогожь числа пожаловаль Велики Государь въ думные дѣваря-не столника Ѳедора Григорьевича Меншого Хърущева.

Тогожь году Апреля въ 13 день пожаловаль Велики Государь въ столники боярина Петрова сына Васильевича Болшого Шереметева Валадимера.

Тогожь году Апреля въ 15 день перекладавали въ новой ковчегъ изъ старова ризу Господню.

Тогожь году Апреля въ 16 день былъ Великому Государю выхоть въ Соборъ къ заутрене на праздникъ Светлого Воскресения.

А за Великимъ Государемъ были царевичи и бояре и всакихъ чиновъ въ залотныхъ ковтанехъ.

А служилъ заутрину светейши Иоакимъ Патриархъ Московски и всеа Руси, да съ нимъ въласти:

МИТРОПОЛИТЫ:

Корнили Новогородцки и Великолюски; Никиѳоръ Астрѣхански и Тер-

Павель Сибирски и Тоболски; Иона Ростовски и Ерославски;

Маркель Псковски и Зборски; Ворсуноѳей Сарски и Подонски;

Филаретъ Нижегородцки и Алатарски; Павель Резански и Муромски;

Илоринѳъ Суздолски и Юрьевски;

АРХІЕПИСКОПЫ:

Симонъ Вологодцки и Бѣлозерски; Серги Тѣверски и Кашински;

Аѳанаси Колмогорски и Вашки; Таласи Устюшки и Тотемски;

ЕПИСКОПЫ:

Леонти Тонбовски, Митрофанъ Воронежки.

Тогожь числа указаль Велики Государь быть въ пѣриношикахъ по дѣневаньемъ спалникамъ хтобъ головы у дневаней.

Тогожь числа пожаловаль Велики Государь въ комноту боярина князь Ивана Андреевича Хованскаго.

Тогожь году Апреля въ 21 день съказана въ Киевъ въ товариши на околичего князь Борисова места Васильевича Горчекова думному дѣворенину Ивану Аѳанасьевиичю Желябушкому.

Тогожь году Апреля въ 23 день былъ столъ у Светейшого Патриарха по Крестовой Полате; у стола были въласти, да у столажъ были бояре князь Василей Васильевичъ Голицинъ, князь Володимиръ Дмитріевичъ Долгоруково, околичей Петръ Тимоѳеевичъ Кондыревъ, думной дѣякъ Емельянъ Игнатъевичъ Украинцовъ.

Тогожь году Апреля въ 24 день били челомъ Великому Государю прикасъ стѣрелцовъ Семенова Пѣриказу Гѣрибаедова что

и въ силничей въсякой нагалствѣ и въ разаренье и хотели дѣло збунтовать.

И Велики Государь указалъ ево Семена послать въ Тотму и вотчины отнять и изъ полкошниковъ отставить.

Тогожь году Генвара въ 25 день сказано на Семенова Грибоедова места.

Тогожь году Апреля въ 27 день грехъ ради всего Московского государства въ четвергъ Омины недѣли, дня въ третьѣнатцмъ часу вначале оставя земное царство и преселися въ небесную обитель преставися Великии Государь, Царь и Великии Князь Феодоръ Алексѣевичъ всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ а отъ рождения бысть ему 22 году; а царствовалъ на престоле всего Російскаго государства 6 лѣтъ и 2 мѣсяца.

А по немъ остася супруга ево Государыня благоверная Царица и Великая княгиня Марѣа Матѣевна 15 лѣтъ;

Да братья ево Государь Царевичъ и Великии Князь Іоанъ Алексѣевичъ 16 лѣтъ, да царевичъ и Великии Князь Петръ Алексѣевичъ 10 лѣтъ.

---

### Книга записная Царя и Великова Князя Петра Алексѣевича въ 190 г.

Лѣта 7190 Апрѣля въ 27 день нарекли на Російское государство, въ Цари, Государя Царевича и Великого Князя Петра Алексѣевича всеа Росіи, по преставлени брата ево Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца, дня въ 13 часу, въ Четвергъ Омины недѣли.

Тогожь числа целовали крестъ бояре и окольничие и думные и ближние люди Государю Царю и Великому Князю Петру Алексѣвичю всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу въ хоромахъ деревяныхъ, гдѣ Великого Государя не стало.

Тогожь числа целовали крестъ Великому Государю стольники и стряпчие и дворяне Московские и жильцы у Спаса въ верху, а къ верѣ приводилъ бояринъ Князь Яковъ Никитичъ Одоевской, да окольничей Князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ, да думной дьякъ Василій Семѣновъ.

А въ соборной Апостольской церкви ко кресту приводилъ разныхъ чиновъ бояринъ Петръ Михайловичъ Солтыковъ, да Окольничей Князь Григорей Аѳонасьевичъ Козловской, да Думной Діакъ Емельянъ Украинцовъ.

Въ Посольскомъ приказе приводилъ ко кресту подъячихъ, переводчиковъ и толмачей Думной діакъ Ларионъ Ивановъ.

У Рожества на дворце приводилъ ко кресту дворовыхъ людей стольникъ Иванъ Аѳонасьевъ сынъ Лихачевъ, да дворцовыя дьяки.

Въ оптекѣ приводилъ къ верѣ бояринъ і дворецкой Князь Василей Ѳеодоровичъ Одоевской да діакъ Андрѣй Виниусъ.

Тогожъ числа учинились сильны и креста не целовали стрельцы Александрова приказа Карандѣева, і Великіи Государь указалъ къ нимъ послать уговаривать окольничего Князь Костентина Осиповича Щербатого, да думного дворенина Веденихта Андрѣевича Змѣова, да думнаго діака Емельяна Украинцова і ихъ уговорили і они крестъ Великому Государю целовали.

Тогожъ числа сидѣли въ хоромехъ у гробу Великова Государя бояря и дѣтки: Князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Куракинъ, да Іванъ Богдановичъ Хитрово, да ево Великого Государя ближнія люди, перваго дневанья:

Князь Данила Княжъ Григорьевъ сынъ Черкасской.

Іванъ Алексѣевъ сынъ Головинъ,

Михайла Васильевъ сынъ Собакинъ,

Іванъ Михайловъ сынъ Волинской,

Іванъ Васильевъ сынъ Заборовской,

Іванъ Ивановъ сынъ Головинъ,

Володимеръ Петровъ сынъ Шереметевъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великіи Государь въ спальники Івана Кирилова сына Нарышкина, да Аеонася, да Льва, да Мартемьяна, да Ѳедора Кириловыхъ же дѣтей Нарышкиныхъ, да Василья Ѳеодорова сына Нарышкина, да своихъ Великого Государя Стольниковъ: Тимоеѣя Борисова сына Юшкова, Тихона Никитича сына Стрешнева.

Тогожъ числа пожаловалъ Великіи Государь ізъ опалы, велѣлъ быть къ Москвѣ: Артемона Сергѣева сына Матѣева, Івана Кирилова сына, да Петра, да Кандратѣя Ѳоминыхъ детей Нарышкиныхъ, да думнова дворенина Ѳеодоровой жене Полухетовича Нарышкина съ сыномъ і велѣно имъ быть къ Москвѣ не мешкавъ.

А по Артемона послано тогожъ числа Стольникъ Семенъ Ерофѣевъ сынъ Алмазовъ.

Тогожъ числа указалъ Великіи Государь большую казну і казенной дворъ и мастерскую Великаго Государя запечатать боярину Князь Якову Никитичу Одоевскому, да печатнику Дементью Миничу Башмакову, да думному дьяку Даниле Полянскому.

И Артамонъ Сергеевичу Матѣеву послана Великова Государя грамота: велѣно по прежнему писатца бояриномъ.

Тогожъ году Апрѣля въ 28 день выходили со кресты въ хоромы по тело Великого Государя Светейшии Іоакимъ Патриархъ Московскіи и всеа Росіи са властью, а съ нимъ были власти:

**МИТРОПОЛИТЫ:**

Карниліи Новгородцкіи и Великолуцкіи,  
Никиеоръ Астараханскіи и Терскіи,

*Ист. Рос. т. XIII.*

Павель Сибирскіи и Тобольскіи,  
Иона Ростовскіи и Ерославскіи,  
Маркель Псковскіи і Зборскіи.  
Варсоноѣея Сарскіи и Подонскіи,  
Филареть Нижегородскіи и Алатырскіи,  
Павель Резанскіи і Муромъскіи,  
Иларіонъ Суздальскіи і Юрьевскіи.

АРХИЕПИСКОПЫ:

Симонъ Вологоцкіи и Бѣлоозерскіи,  
Сергіи Тверскіи и Кашинскіи,  
Никита Коломенскіи і Каширскіи,  
Аѳанасей Колмогорскіи и Важскіи,  
Галасіи Устюжскіи і Тотемской.

ЕПИСКОПЫ:

Леонтіи Танъбовскіи,  
Митрофанъ Воронежскіи; да Архимандриты і игумѣны.

А какъ ісъ хоромъ понесли тело Великого Государя хоронитъ въ Соборъ Архангела Михайла и въ то время несли кровлю ево Великого Государя спальники: Князь Данила Князь Григорьевъ сынъ Черкасской, Володимеръ Петровъ сынъ Шерѣметевъ, Михайла Васильевъ сынъ Собакинъ, Михайла Ѳедоровъ сынъ Ртищевъ, Иванъ Аѳанасьевъ сынъ Матюшкинъ, Василей Ѳокинъ сынъ Грушецкіи.

А гробъ несли Великого Государя спальникижъ, все по списку.

А на красномъ крыльце принели кровлю стольники, а гробъ поставили въ сани інальцовскія і несли стольникижъ, а сани были убиты бархатомъ золотнымъ, а гробъ покрытъ полотномъ царскимъ, а поверхъ аксамитъ золотной, а кровля была покрыта объярь золотная.

А какъ ево Великово Государя несли, і въ то число звонили во все колокола унывно.

А за нимъ шолъ Великіи Государь, да Государыня Царица и Великая Княгиня Наталья Кириловна, да Государыня Царевна і Великая Княжна Софья Алексѣевна.

А Государыню Царицу и Великую Княгиню Марѳу Матвѣеву ись ея хоромъ до Краснова крыльца несли спальники: Степанъ Бог(д)ановъ сынъ Ловчиковъ, Петръ, да Ѳедоръ, да Андрей Матвѣевы дѣти Апраксины, а на красномъ крыльце принели сани дворяне.

А обѣдню служилъ надъ теломъ ево Великого Государя і отпевалъ Светейшіи Іоакимъ Патріархъ Московскіи і всеа Росіи со властью.

А Великіи Государь і Государыня Царица у убѣдни і на отпеванье не были.

Тогожъ числа пожаловалъ Великий Государь въ спальники после брата своею Государева і спальниковъ: Князь Івана Княжъ Юрьева сына Трубецкова, Князь Алексѣя Княжъ Васильева сына да Князь Алексѣя Княжъ Борисова сына Голицыныхъ, да Князь Івана да Князь Петра Княжъ Михайловыхъ детей Долгоруково, Івана Родионова сына Стрешнева.

Тогожъ числа сидѣли у гроба Великого Государя.

1 день.

Бояринъ Петръ Васильевичъ большой Шеремѣтевъ, да окольничей Князь Григорей Аонасѣвичъ Козловской, да думный диакъ Лукьянъ Голосовъ.

Тогожъ числа сидѣли у постели Великого Государя въ хоромахъ: Бояринъ Иванъ Богдановичъ Хитрово, да спальники 2 день Князь Иванъ Княжъ Ивановъ сынъ Хованской, Князь Ѳеодоръ Княжъ Юрьевъ сынъ Ромодановской, Иванъ Ивановъ сынъ Колычевъ, Михайла Ѳеодоровъ сынъ Ртишевъ, Василий Даниловъ сынъ Мясной, Иванъ Ивановъ сынъ Бутурлинъ.

Тогожъ числа посланы по указу Великого Государя по городамъ ко кресту приводить всякихъ чиновъ стольники и стряпчии и дворяне Московские и жильцы, а хто куды былъ посыланъ і тому всему роспись.

Къ етману думной дѣворенинъ Иванъ Аонасѣвичъ Желябужской.

Въ Кіевъ стольникъ Петръ Артемьевъ сынъ Воынской.

Въ Володимерь

Въ Великий Новгородъ стольникъ Князь Петръ Ивановъ сынъ Хованской.

Въ Казань стольникъ Князь Лука Княжъ Ѳеодоровъ сынъ Долгоруково.

Въ Астараханъ стольникъ Князь Матѣей Ведениховъ сынъ Оболенской.

Въ Сибирь стольникъ Князь Петръ Княжъ Ивановъ сынъ Львовъ.

Въ Ростовъ и въ Ерославль и Переславль Залеской і на Кострому стольникъ Петръ Ивановъ сынъ Травинъ.

Въ Псковъ стольникъ Петръ Алексѣевъ сынъ Головинъ.

Въ Смоленскъ стольникъ Князь Юръя Княжъ Ѳеодоровъ сынъ Щербатой.

Въ Нижней.

Въ Переславль Рязанской.

Въ Бѣль городъ.

Въ Суздаль.

На Вологду

Во Тверь

На Коломну

На Вятку

На Колмыгоры і къ Орхангельскому городу стольникъ Князь Иванъ Князь Никитинъ сынъ Урусовъ.

На Устюгъ

На Донъ

Въ Бѣлгородъ стольникъ Ілья Михайловъ сынъ Дмитріевъ.

Тогожъ числа посланъ Гетмана ко кресту приводить и въ Черниговъ думной дворенинъ Иванъ Аванасьевичъ Желябужской, да діакъ Максимъ Бурцовъ.

Тогожъ году Апреля въ 29 день пожаловалъ Великіи Государь въ спальники і(зъ) спальниковъ брата своего стольника Князь Михайла Князь Иванова сына Куракина.

Тогожъ числа сидѣли у гроба Великаго Государя,

2 день.

Бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, да Окольнічей Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, да думной діакъ Ларионъ Ивановъ.

Тогожъ числа сидѣли въ хоромехъ у постели Великаго Государя: постельничей Алексѣи Тимоѣевичъ Лихачевъ, да спальники:

3 день.

Князь Иванъ Князь Дмитріевъ сынъ Долгоруково.

Иванъ Аванасьевъ сынъ Матюшкинъ.

Князь Григорей Князь Ѳедоровъ сынъ Долгоруково.

Князь Василей Князь Лаврентьевъ сынъ Мещерской.

Василей Семеновъ сынъ Змѣловъ.

Василей Ивановъ сынъ Чаадаевъ.

Тогожъ числа били челомъ Великому Государю въ насильствахъ і въ налогахъ і во всякихъ разореньяхъ стрельцы на полковниковъ і на пятидесятцкихъ:

ПРИКАЗЫ.

На Матвея Къравкова.

Микиѳора Колобова.

Володимера Воробина.

Семѣна Грибоедова.

Матеѣя Вешнякова.

Ивана Нелидова.

На Ивана Полтева.

Александра Карандеева.

Григорья Титова.

Андрѣя Дохтурова.

Павла Глебова.

Родиона Остаѣева.

І Великіи Государь указалъ у нихъ челобитныя принять і за ними сидѣть светейшему патриарху зъ бояры и полковниковъ спрашивать противъ нихъ челобитья.

А кънимъ въ приказы указалъ Великіи Государь послать ихъ уговаривать думнаго діака посольскаго приказу Лариона Иванова и думный діакъ къ нимъ ѣздилъ і Великаго Государя указъ имъ сказывалъ і они били челомъ противъ прежнего своего челобитья,

чтобъ Великіи Государь пожаловаль ихъ, велѣлъ отъ полковниковъ оборонить.

Тогожъ году Апреля въ 30 день сидѣли у гроба Великаго Государя: 3 день:

Бояринъ Князь Иванъ Андреевичъ Хованской, да Окольнічей Иванъ Тимоѣевичъ Кондыревъ, да думной діакъ Григорей Богдановъ, а служилъ у Архангела по Великомъ Государе литоргею и понахиду Карнилей митрополить Новгородскіи и Великолуцкіи

Тогожъ числа сидѣли въ хоромехъ у постели Великаго Государя: Казначей Михайла Тимоѣевичъ Лихачевъ; да спальники:

4 день.

Князь Яковъ Княжъ Ивановъ сынъ Лобановъ Ростовской.

Петръ Савельевъ сынъ Хитрово.

Сергѣй Александровъ сынъ Хитрово.

Микита Савельевъ сынъ Хитрово.

Иванъ Богдановъ сынъ Яковлевъ.

Василей да Михайла Оюкины дѣти Грушецкия.

Александръ Ивановъ сынъ Милославской.

Тогожъ числа указалъ Великіи Государь послать въ тюрьму полковниковъ, на которыхъ били челомъ ему Великому Государю стрѣльцы і вочины у нихъ отнять і противъ челобитья ихъ указалъ на нихъ все доправить і ихъ отъ техъ приказовъ отставить.

А указъ Великаго Государя сказывалъ имъ думной діакъ Ларіонъ Ивановъ, а въ тюрьму отводилъ полковниковъ, стрѣлцкова приказу діакъ Ѳеодоръ Кузьмищевъ.

Тогожъ числа указалъ Великіи Государь сказать по приказомъ въ полковникахъ быть:

На Александрово мѣсто Карандеева—Ѳеодоръ Головленковъ; на Семѣново мѣсто Грибоедова—Василей Пушешниковъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великіи Государь въ спальники Князь Юрья Княжъ Юрьева сына Трубецкова, да Князь Михайла, да Князь Юрья, да Князь Василья Княжъ Юрьевыхъ дѣтей Одоевскихъ.

Тогожъ году Маия въ 1 день указалъ Великіи Государь послать въ тюрьму полковниковъ: Ивана Щепина, Кандратя Крома.

Тогожъ числа пожаловалъ Великіи Государь въ спальники: Петра Ѳомина сына Нарышкина.

Тогожъ числа были у Великаго Государя у руки Донскія казаки въ передней.

Тогожъ числа служилъ по Великомъ Государе у Архангела обѣдную и понахиду Никиѳоръ Митрополить Астраханскіи і Терскіи.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела:



4 день.

Бояринъ Князь Яковъ Никитинъ Одоевской, да окольничей Князь Костентинъ Осиповичъ Щербатовъ, да думной діакъ Данило Полянской.

Тогожъ числа указалъ Великіи Государь ѣздить въ объѣзде въ Кремлѣ стольникъ Данила Андрѣевъ сынъ Вельяминовъ.

Въ Китае стольникъ Левъ Андреевъ сынъ Вельяминовъ, а съ ними діаки.

Тогожъ числа сидѣли у постели Великаго Государя въ хоромахъ:

Бояринъ Князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Куракинъ, да спальники 1-го дневанья: Князь Данила Княжъ Григорьевъ сынъ Черкасской сътоварищи.

Тогожъ числа указалъ Великіи Государь наказанья учинить полковникомъ, а кому какое наказанья, и тому роспись, на которыхъ были челомъ Великому Государю стрѣльцы:

БИТЬ КНУТОМЪ:

Александра Карандѣва, Семена Грибоедова.

БИТЬ БАТОГИ:

Микиѡра Колобова.

Григорья Титова.

Микиту Борисова.

Івана Нелидова.

Василья Перхулова.

Андрѣя Дохтурова.

Володимира Воробина.

Матвѣя Вешнякова.

Павла Глебова.

Кандратѣя Крома.

Александра Танѣва.

Івана Щепина.

Тогожъ числа указалъ Великіи Государь переменить полковниковъ, а кому на чье мѣсто велѣно быть, и тому подѣ семь роспись.

На Иваново мѣсто Полтева Стольнику Миките Данилову сыну Глебову.

На Степаново мѣсто Якова.

На Никифорово мѣсто Колобова — Петръ Аврамовъ сынъ Лопухинъ.

На Александрово мѣсто Карандѣво — Ѳеодоръ Ивановъ сынъ Головленковъ.

На Семеново место Грибоедово — Василей Лаврентьевъ сынъ Пущениковъ.

На Андреево место Дохтурова — Матвѣя Нарышкинъ.

На Матвѣево мѣсто Вешнякова — Василей Лопухинъ.

На Иваново мѣсто Нелидова — Андрѣя Нармадской.

Тогожъ числа сказано боярину Івану Максимовичю, да сыну ево Семену Чашнику Ивановичю Языковымъ, постельничему Алексю Тимоѣевичю, да казначею Михайлу Тимоѣевичю Лихаче-

вымъ, да стольникамъ ближнимъ Ивану Андрею сыну Языкову, да Ивану Среднему Васильеву сыну Дашкову, чтобъ онѣ во время выхода Великаго Государя неходили и ево Государевыхъ очей не видали.

Тогожъ году Маия въ 2 день служилъ у Архангела Михаила обѣдню и по великомъ Государе понахиду Павелъ митрополитъ Сибирскій и Тобольскій.

Тогожъ числа сидели у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Григорій Григорьевичъ Ромодановской, да Окольниковъ Петръ Тимоѣевичъ Кондыревъ, да думной діакъ Аѳонасій Зыковъ.

Тогожъ числа сидѣли въ хоромѣхъ у постели Великаго Государя бояринъ Иванъ Богдановичъ Хитрово, да спальники 2 дневанья:

Князь Иванъ Князь Андреевъ сынъ Хованской сътоварищи.

Тогожъ году Маия въ 3 день служилъ у Архангела обѣдню і по великомъ Государе понахиду Іона Митро(политъ) Ростовскій и Ерославскій.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя Маия въ 3 день 6 дневанья:

Бояринъ Князь Михайло Юрьевичъ Долгоруково, да окольничей Князь Данила Аѳонасьевичъ Борятинской, да думной діакъ Василей Семѣновъ.

Тогожъ числа сидѣли въ хоромѣхъ у постели Великаго Государя: постельничей Алексѣй Тимоѣевичъ Лихачевъ, да спальники: 3 дневанью:

Князь Иванъ Дмитрѣевичъ Долгоруково сътоварищи.

Тогожъ году Маия въ 4 день служилъ у Архангела Михаила обѣдню і по великомъ Государе понахиду Маркель Митрополитъ Псковскій и Зборскій.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя 8 дневанья:

Бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ, да окольничей Иванъ Ѳедоровичъ Волинской, да думной діакъ Аверкей Кириловъ.

Тогоже числа сидѣли въ хоромѣхъ у постели Великаго Государя казначей Михайла Тимоѣевичъ Лихачевъ, да спальники; 4 дневанья:

Князь Яковъ Князь Ивановъ сынъ Лобановъ Ростовской.

А въ тѣ дневанья во всю шесть недель перѣменялись у постели Великаго Государя тежъ спальники.

Тогожъ году Маия въ 5 день служилъ у Арханг(г)ела Михаила обѣдню і по Великомъ Государе понахиду пелъ Варсонофей Митрополитъ Сарскій и Подонскій.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя 8 дневанья:

Бояринъ Князь Петръ Семѣновичъ Урусовъ, да окольничей Иванъ Савостьяновичъ Большой Хитрово, да думной діакъ Пароеней Пятово.

Тогожъ числа ѣздили по Государыне Царевне і Великой Княжне Иринѣ Михайловнѣ служить обѣдню и понахиду Карнилей Митрополитъ Новгородскіи і Велико-Луцкіи.

Тогожъ числа посылалъ Великіи Государь къ понахиде і братью кормить къ Спасужъ на Новой боярина Григорья Никнеоровича Собакина, да съ нимъ дворцовыя діаки.

Тогожъ числа сказано въ Казань въ товарищи зъ бояриномъ съ Петромъ Васильевичемъ Меньшимъ Шерѣметевымъ окольничему Ивану Савостьяновичу Большому Хитрово.

И указано боярину Петру Васильевичу ево Ивана Хитрово посылать, гдѣ послышать, воровскихъ людей приходъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великіи Государь въ спальники Кирила Алексѣева сына Нарышкина.

Тогожъ числа стояли на правеже Полковники противъ стрелецкихъ челобитень.

Тогожъ году Маия въ 6 день служилъ у Архангела Михаила обѣдню и по Великому Государе понахеду Светейшии Іоакимъ Патриархъ Московскіи і всеа Россіи со властью.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя, 9 дневанья.

Бояринъ Князь Юрья Михайловичъ Одоевской, да окольничей Михаила Петровичъ Головинъ да думной діакъ Иванъ Гороховъ.

Тогожъ числа въночи былъ пожаръ межъ Знаменки і Арбатъ.

Тогожъ году Маия въ 7 день былъ Великому Государю выходъ въ Соборную і Апостольскую церковь, да къ Арханъ (г) елу, да Благовѣщенью.

А за Великимъ Государемъ были бояре и Окольничие и думныя и ближняя люди.

А передъ стряпнею шолъ стольникъ і ближней человекъ Василей Ѳедоровичъ сынъ Нарышкинъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великіи Государь въ бояре и оружейничия стольника і ближнева человека Ивана Кириловича Нарышкина, а сказывалъ ему думной діакъ Василей Семѣновъ.

А у сказки стоялъ і Великому Государю объявлялъ печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великіи Государь въ бояре окольничего Микиту Костентиновича Стрешнева, а сказывалъ ему боярство думной діакъ Василей же Семеновъ.

А у сказки стоялъ і Великому Государю объявлялъ печатникъ же Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великіи Государь въ комнату боярина Князь Ивана Борисовича Троекурова, да окольничего Князя Михаила Ивановича Лыкова.

Тогожъ числа пожаловалъ Великіи Государь въ спальники Князя Валодимера да Князь Василья Княжъ Михайловыхъ дѣтей Долгоруково, да Князь Ѳедора Княжъ Иванова сына Троекурова.

Тогожъ числа былъ у Великаго Государя у руки въ передней посланецъ Гетмана Івана Самойловича.

Тогожъ числа были у Великаго Государя у руки Смоленская шляхта, іноземцы, полковники і все начальныя люди.

Тогожъ числа служилъ у Архангела Михайла обѣдню і по Великомъ Государе понахиду Филаретъ Митрополитъ Нижегородскій и Олатьрскіи.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя, 10 дневанья:

Бояринъ Князь Семень Андреевичъ Хованской, да окольничей Павелъ Петровичъ Языковъ, да думной діахъ Емельянъ Украинцовъ.

Тогожъ году Маія въ 8 день пожаловалъ Великіи Государь въ Окольничия думнаго дворянина Ѳедора Ивановича Леонтьева і указано къ нему съ темъ послать Великаго Государя жалованная грамота въ Астрахань съ(с)инонь его.

Тогожъ числа служилъ у Архангела Михайла обѣдню і по Великомъ Государе понахиду Илларионъ Митрополитъ Суздальскій і Юрьевскіи.

Тогожъ числа сидѣли у гроба Великаго Государя: бояринъ Василей Семеновичъ Волинскіи, да думной дворянинъ Семень Ѳедоровичъ Толочановъ, да дьяхъ разрядной Ѳедоръ Шекловитовъ.

Тогожъ числа сказано въ стрелецкой приназъ въ товарищи зъ бояриномъ съ Князь Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруково окольничему Князю Григорью Аѳонасьевичу Козловскому, да думному дворянину Веденихту Андрѣевичу Змеову, да думному діаку Даниле Полянскому.

Того жъ году Маія въ 9 день служилъ у Архангела Михаила обѣдню и по Великомъ Государе понихиду Илларионъ Митрополитъ Суздальскій і Юрьевскіи.

Того жъ числа сидели у гроба Великаго Государя: бояринъ Князь Иванъ Петровичъ Борятинской, да думной дворянинъ Андрей Васильевичъ Толстой, да діахъ Тимофей Литвиновъ.

Того жъ числа указалъ Великіи Государь быти і съ Казани съ полкомъ съ Казанскимъ разрядомъ на Башкирцы боярину Петру Васильевичу Меньшому Шереметеву, да съ нимъ въ товарищехъ въ съходныхъ воеводахъ: окольничей Матвей Степановичъ Пушкинъ, да окольничему Петру Тимоѣевичу Кондыреву; да съ нимъ же велѣно быти въ осадныхъ въ Казани окольничему Ивану Савостьяновичу Большому Хитрову.

Того жъ году Маія въ 10 день былъ ходъ со кресты въ преполовешневъ день на воду, а въ ходу былъ Павелъ Митрополитъ Сибирскіи і Тобольскіи.

Та въ ходу жъ были по указу Великого Государа Околыничей Князь Яковъ Васильевичъ Хилковъ, да думной діакъ Иванъ Гороховъ; вокругъ кремля ходили они жъ; вокругъ Китая Аеонасий Архиепископъ Колмогорскій і Важскій, да думной дворянинъ Федоръ Григорьевичъ Меньшой Хрущовъ.

Того жъ числа служилъ у Архангела обѣдню і по Великомъ Государе понахиду Симонъ Архиепископъ Вологодскій і Бѣлоозерскій.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великого Государа бояринъ Князь Володимиръ Дмитрѣевичъ Долгоруково, да околыничей Кирила Осиповичъ Хлоповъ, да діакъ Ларионъ Пашинъ.

Того жъ году мая въ 4 день пожаловалъ Великій Государъ въ спальники Князь Ивана Князь Иванова сына Троекурова.

Того жъ числа служилъ у Архангела обѣдню и по Великомъ Государе понахиду Сергій Архиепископъ Тверскій и Кашиинскій.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великого Государа бояринъ Князь Михайла Алегкуновичъ Черкасской, да околыничей Князь Михайла Ивановичъ Лыковъ, да діакъ Михайла Прокофьевъ.

Того жъ числа указалъ Великій Государъ по челобитью стрелцовъ Иванова приказу Полтева, ево Ивана переменить, а быть у ево перваго приказу въ полковникахъ Никите Глебову.

Того жъ году мая въ 12 день служилъ у Архангела обѣдню і по Великомъ Государе понахиду Никита Архиепископъ Коломенскій і Кашиинскій.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великого Государа бояринъ Князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, да околыничей Князь Степанъ Федоровичъ Львовъ, да діакъ Григорей Близняковъ.

Того жъ числа указалъ Великій Государъ Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, вотчины, которые были розданы і людямъ, которые были отпущены ево дому велѣно отдать ему по прежнему.

Того жъ числа пожаловалъ Великій Государъ въ спальники Князь Бориса Князь Иванова сына Куракина, да Андрѣя Артемона сына Матвѣева, да Михайла Григорьева сына Нарышкина.

Того жъ году Мая въ 13 день служилъ у Михайла Архангела по Великомъ Государе обѣдню и понахиду Аеонасий Архиепископъ Колмогорскій и Важскій.

Того жъ году сидѣли у Великого Государа гроба Бояринъ Князь Федоръ Григорьевичъ Ромодановской, да околыничей Андрѣя Ивановичъ Чириковъ, да діакъ Никита Полуинъ.

Того жъ числа сказано въ съходъ хъ Козани, противъ Башкирцовъ околыничему Князю Даниле Офонасьевичу Борятинскому.

Того жъ году Мая въ 14 служилъ у Михайла Архангела по Великомъ Государѣ обѣдню и понахиду Галасіи Архиепископъ Устюжскій і Тотемскій.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Михайла Тригорьевичъ Ромодановской, да думной дворенинъ Левъ Демидовичъ Голохвастовъ, да діакъ Михайла Воиновъ.

Того жъ числа сказано въ Коломенское для розыску, что мужики, склавъ прикащика, посадили въ тюрьму, а сами взбунтовались, думному дворенину Ѳедору Савичю Нарбѣкову, да съ нимъ діаку Тимоѳею Литвинову.

Того жъ году Мая въ 15 день служилъ у Михайла Архангела по Великомъ Государе обѣдню и понахиду Варсоноѣи Митрополитъ Сарскаі і Подонскіи.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ і дворецкой Князь Восилей Ѳедоровичъ Одоевской, да окольничей Матвей Степановичъ Пушкинъ, да діакъ Семень Кудрявцовъ.

А того жъ числа учинилась смутное время і то писано въ особой книги.

Того жъ году Маія въ 16 день служилъ у Михайла Архангела по Великомъ Государе обѣдню и понахиду Леонтіи Епископъ Танѣбовскіи, а у гроба никто не сидеть і пѣсалтыри не говорили.

Того жъ году Маія въ 17 день служилъ Архангела Михайла по Великомъ Государе обѣдню і понахиду Митрофанъ Епископъ Воронежскіи.

А всю шесть недѣль сидели въласти обѣдни і понахиды по переменамъ сначала жъ.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Юрья Семѣиновичъ Урусовъ, да думной дворенинъ Богданъ Васильевичъ Яковлевъ.

А въ шестой на десять день было сидеть у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Ѳедоръ Семеновичъ Урусовъ, да окольничей Матвей Богдановичъ Милославской.

Того жъ числа сказано по приказамъ въ разрядъ думной дьякъ Василей Семеновъ; въ посольской приказъ бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ, да думной діакъ Емельянъ Украинцовъ, въ стрелецкой бояринъ Князь Иванъ Андрѣевичъ Хованской, да думной дворенинъ Веденихъ Андрѣевичъ Змеовъ; въ иноземской и въ райтарской і въ пушкарской бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославской; въ помѣстной приказъ—бояринъ Князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, да думной дворенинъ Богданъ Ѳедоровичъ Полибинъ; въ судной приказъ—стольникъ Князь Андрѣи Князь Ивановъ сынъ Хованской, да князь Михайла, да Князь Василей Князь Федоровы дѣти Жирового Засекина Котята; въ земской—окольничей Михайла Петровичъ Головинъ; въ сыскной—бояринъ Василей Семеновичъ Волинской; въ ямской—Иванъ Федоровъ сынъ Бутурлинъ Сухорукой.

Того жъ году Мая 18 день сидѣли у гроба Великаго Госуда-

ря: бояринъ Григорей Никифоровичъ Собакинъ, да думной дворенинъ Василей Михайловичъ Тяпкинъ.

Того жъ числа сказано въ сыскной приказъ окольному Ивану Федоровичу Волинскому.

Того жъ году Мая въ 19 день сидѣлъ у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Иванъ Григорьевичъ Куракинъ, да окольничей Князь Яковъ Васильевичъ Хилковъ, дьякъ Иванъ Торофимовъ.

Того жъ числа пожаловалъ Великіи Государь въ ключники степенныя на кормовой дворецъ ключника путнова Микиту Федорова сына Боркова на Иваново мѣсто Пѣкина, а ево Ивана пожаловалъ Великіи Государь во дворецъ.

Того жъ году Маія въ 20 день сидѣлъ у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Михайла Яковлевичъ Черкасской, да окольничей Борисъ Васильевичъ Бутурлинъ, діакъ Филиппъ Артемьевъ.

Того жъ числа сказано въ большой приходъ і въ большую казну боярину Князю Никите Ивановичу Одоевскому, да съ нимъ боярину Василью Семѣновичу Волинскому, да думному дворенину Алексѣю Ивановичу Ржевскому, діакъ Петръ Самойловъ.

Того жъ году Мая въ 21 день сидѣли у гроба Великаго Государя: бояринъ Князь Борисъ Ивановичъ Прозоровской, да думной дворенинъ Алексѣй Ивановичъ Ржевской, діакъ Петръ Самойловъ.

Того жъ числа сказано въ разбойной приказъ сидеть окольничему Матѣю Степановичу Пушкину.

Того жъ числа сказано на Олатырь въ воеводы стольнику Никифору Лаврентьеву сыну Собакину.

Того жъ числа сказано въ Козловъ полковымъ і осаднымъ стольнику Василью Михайлову сыну Дмитрѣву.

Того жъ числа сказано въ Саранскъ полковымъ і осаднымъ стольнику Ивану Юрьеву сыну Леонтьеву.

Того жъ числа сказано въ Чебоксары стольнику Ерѣмею Пашкову.

Того жъ числа сказано въ Запороги стольнику Василью Жеманову.

Того жъ числа былъ ходъ со кресты въ Стретенской монастырь, а въ ходу были власти: Карниліи Митрополитъ Новгородскіи и Великолудцкіи, да Епископы Леонтіи Танъбовскіи, Митрофанъ Воронежскіи.

Да въ ходу жъ были по указу Великаго Государя Окольничей Князь Григорей Афонасьевичъ Козловской, да думной дворенинъ Андрей Васильевичъ Толстой думной дьякъ Парфеней Пятой.

Того жъ году Мая въ 22 день сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ Никита Костентиновичъ Стрешневъ, да думной дворенинъ Тимофей Петровичъ Савѣловъ.

И съ сего числа сидѣли у гроба Великого Государя бояре тежѣ съначалу во всю четьредесятницу.

Того жѣ году Мая въ 23 день сказано въ Каргоноль стольнику Князю Володимиру Княжѣ Иванову сыну Волхонскому.

Того жѣ году Мая въ 24 день сказано въ съходѣ въ Казань боярину Петру Васильевичю Меньшому Шеремѣтеву, стольникомъ Князю Якову Княжѣ Ѳедорову сыну Долгорукову, да Князь Михайлу Княжѣ Иванову сыну Волхонскому.

Того жѣ году Мая въ 25 день сказано въ полковныя воеводы противъ Башкирцовъ Боярину Петру Васильевичю Меньшому Шеремѣтеву.

Того жѣ числа сказано въ Казань въ осадныя воеводы боярину Князю Юрью Семѣновичю Урусову.

Того жѣ числа сказано въ пушкарской приказѣ боярину Князь Ѳедору Семѣновичю Урусову.

Того жѣ числа сказано въ Сибирскѣ околичному Князь Григорю Афонасьевичю Козловскому.

Того жѣ числа сказано въ Колугу думному дворенину Богдану Васильевичю Яковлеву.

Того жѣ числа сказано на Петрова места Лопухина въ полковники Акинфію Данилову.

---

### Смутнае время.

Лѣта 7190 Маия въ 15 день была на Москвѣ смута: приходили въ кремль салдаты Матвѣева полку Кравкова, да стрельцы всехъ приказовъ съ копыи і зѣ бердыши и съ ружьемъ, а пушкарѣ съ пушки и, вшедъ въ кремль, стреляли изъ ружья і побили боярскихъ людей і лошадей многихъ, а иныхъ перѣбранили.

И пришедъ хѣ красному крыльцу, стали во всемъ своемъ ополченіи.

И по указу Великого Государя выходилъ къ нимъ бояринъ Князь Иванъ Андрѣевичъ Хованскоі и спрашивалъ ихъ: для чего вашѣ такъ приходъ і они боярину все говорили, будто измѣняютъ Великому Государю бояре и чтобъ Государя Царевича і Великого Князя Іоанна Алексѣевича оказали.

И бояринъ тѣ ихъ речи Великому Государю извѣщалъ.

І Великіи Государь и Государыня Царица і Государь Царевичъ і Светѣйше Патриархъ выходили къ нимъ на красное крыльцо.

А къ нимъ внизъ посылали уговаривать бояръ: Князь Михайла Алегуковича Черкаскаго, на немъ и кофтанъ изодрали, Князь Иванъ Андреевича Хованскаго, Петра Васильевича Шеремѣтева Большаго, Князь Василья Васильевича Голицина и они били челомъ Великому Государю і бояромъ, извѣщали, чтобъ Великіи Государь



нимъ указалъ выдать бояръ: Князь Юрья Алексѣевича Долгоруково, Князь Григорья Григорьевича Ромодановскаго, Князь Михайла Юрьевича Долгоруково, Кирила Подухетовича Нарышкина, Артемона Сергеевича Матвѣева, Ивана Максимовича Языкова, да боярина і оружейничего Ивана Кириловича Нарышкина, постельничего Алексѣя Тимофѣевича Лихачова, казначея Михайла Тимофѣевича Лихачева, чапника Семѣна Ивановича Языкова.

думныхъ дьяковъ:

Лариона Иванова,  
Данила Полянского,

Григорья Богданова  
Алексѣя Кирилова.

спальниковъ:

Аѳонасыя, Льва, Мартемьяна, Ѳедора, Василья, Петра Нарышкиныхъ.

І Великіи Государь указалъ имъ сказать, что ихъ у него, Великого Государя, никого нетъ въ верху, і они пошли все въ верхъ съ ружьемъ въ ево Великого Государя хоромы, і къ Государыне Царице, і къ Государю Царевичю, і къ Государынямъ Царевнамъ і искали въ хоромехъ і везде, і взявъ бояръ. Артемона Сергѣевича Матвѣева кинули его съ краснаго крыльца на копыя, Князь Григорья Григорьевича Ромодановскаго, взявъ у Патриарха, убилижъ противъ посольскаго приказу протазаномъ, а Князь Михайла Юрьевича Долгоруково сверху жъ кинули на копыя, а Ивана Максимовича Языкова, излова на Микитской і приведши къ Орхангелу изрубилижъ на части ..... а Князь Юрья Алексѣевича Долгоруково, на его дворе кинувъ съ крыльца больнаго, четвертовали і положили на площади противъ его двора; а Лариона Иванова і сына его Василья і полковника Андрѣя Дохтурова і Григорья Горюшкина изрубилижъ ..... а Аѳонасыя Нарышкина, сыскавъ у Спаса въ верху въ Церкве, что у Государыни Царицы, подъ престоломъ, бивъ, кинули на копыяжъ и тела ихъ всехъ снесли въ Спаския воротила на Красную площадь къ Лобному мѣсту і тамъ надъ ними наругались же и, спедъ съ верху, Судной і Холопей приказы разорили, вынеши, всякия письма изодрали.

Да не зная стольника Ѳеодора Петрова сына Салтыкова, въ Государевыхъ мастерскихъ сенахъ изрубилижъ а чаели его бытъ Нарышкинымъ.

А Петра Ѳомина сына Нарышкина убили за Москвою рекою.

И на завтрѣя того дни Мая въ 16 день приходили также на постельная крыльцо, съ ружьемъ, і выходили къ нимъ говорить Государыни Царевны, чтобъ они, помня крестное целованья, такъ къ нимъ въ домъ ихъ Государевъ не приходили съ невежествомъ.

И они били челомъ противъ прежняго челобитья, да они жъ били челомъ, чтобъ имъ выдали дохтуровъ Степана жида да Яна.

І Великіи Государь указалъ имъ ихъ выдать; думнаго дьяка Веркея Кирилова, дохтура Яна, да Степанова сына, і они ихъ убилижъ, а техъ всехъ, о которыхъ они Великому Государю били челомъ простили, а Івана Нарышкина і Степана дохтура Государыни Царевны упросили до утрѣя, а того дни ихъ несыскали, і они пошли два приказа въ Немѣцкую слободу і Степана дохтура сыскавъ въ нищенскомъ образѣ привели вверхъ и отдали за карауль.

И Маия въ 17 день приходили на постельное жъ крыльцо, также і къ нимъ выходили Государыни Царевныжъ і изволили имъ говорить, чтобъ они для ихъ Государьскаго многолетнего здоровья боярина Кирилу Полухтовича Нарышкина і дохтура Степана простили і они боярина Кирилу Полухтовича простили, а чтобъ ево постричь; а техъ бы выдали і хотели ітить въ верхъ, і Великіи Государь ихъ указалъ выдать і они възявъ ихъ, Івана Нарышкина і Степана дохтура, повели въ застенакъ въ Костентиновскую башню і пытали, і после пытки изрубили ихъ въ части і черепъ Івана Нарышкина на копье вѣоткнули.

---

И Маия въ 18 день приходилижъ всехъ приказовъ выборные люди бѣзъ ружья и били челомъ Великому Государю і Государынямъ Царевнамъ, чтобъ бояри(на) Кирилу Полухтовича Нарышкина указалъ Великіи Государь постричь.

І Великіи Государь указалъ ево пастричь въ Чудове монастыре, а на постригани указалъ Великіи Государь быть боярину Князь Семѣну Андрѣевичу Хованскому, да окольному Кирилу Осиповичу Хлопову и, постригши ево, сосдаты въ Кириловъ монастырь, а во инацехъ імя ему Киприянъ.

А въ те три дни какъ они приходили со всемъ ружьемъ, какъ побили бояръ,—били въ набать и въ барабаны.

А которыхъ побитыхъ, домовъ ихъ, людей і всякихъ чиновъ, грабили ихъ дома і они ихъ хватая казнили жъ и межъ себя положили, что(бъ) ничьехъ домовъ не грабить.

И мая въ 19 день били челомъ Великому Государю обзъ заслуженыхъ деньгахъ салдаты і стрельцы і пушкарі со 154-го году і техъ денегъ надобна 240,000 рублевъ.

Да имъ же Великіи Государь пожаловалъ на человекъ по 10 рублевъ і Великіи Государь указалъ тѣ деньги збирать со всего Государства и суды серебряные брать, а ісзъ техъ судовъ указано делать деньги.

Да они жъ били челомъ Великому Государю, которые побиты бояре і думные люди і животы ихъ побраны на Великого Госу-

даря и, чтобъ Великий Государь указалъ тѣ животы оценить і, оцена, отдавать имъ же.

И мая въ 20 день ближи челоу Великому Государю, чтобъ Великий Государь указалъ сослать въ ссылки постельничего Алексѣя Тимофѣевича Лихачева, да казначея Михаила Тимофѣевича Лихачова, окольного Павла Петровича Языкова, чашника Семѣна Ивановича Языкова, думнаго дворянина Микиту Ивановича Акинфиева да думныхъ дьяковъ: Григорья Богданова, Данила Полянского, да спальниковъ: Степана Ловчикова, Льва да Мартемьяна да Федора і иныхъ роду всехъ Нарышкиныхъ Андрѣя Матѣева, да стольниковъ: Петра Меньшова Лапухина, Василя Бухвостова, Юрья Лутохина і ево постригли и полковниковъ прежнихъ, на которыхъ били челоу.

Маия въ 26 день нарекли Государя Царевича і Великого Князя Ивана Алексѣевича всеа Росіи на Царство.

Того жъ числа били челоу Великимъ Государемъ люди боярские разныхъ домовъ о свободе, чтобы имъ быть бѣзкабально і воровские составные челобитные подносили.

І Великие Государи указали ихъ ловить стрельцамъ і приводить и, приводя, ихъ пытать і казнить, а иныхъ бить кнутомъ за ихъ воровское составное челобитье.

І велѣно у всякихъ чиновъ, у людей ихъ всякихъ чиновъ имать скаски про воровскую составную челобитную і промыслъ и хто про то вѣдаетъ, заруками техъ людей.

Того жъ году Юния въ 5 день была тревога во всехъ приказехъ, а взымали въ то число боярскихъ людей, а въ приводе они сказали, будто собрались боярския люди въ Марьинской роще і хотять рубить стрелецкия приказы і въ тое тревогу была стрельба во всю ночь везде изъ всякого ружья, и на утроа ихъ, пытавъ, казнили за ихъ воровство.

Того жъ году Юния въ 13 день привели Адышевской земли Царевича Матвея Дедионова сына і онъ доводилъ на бояръ: на Князя Никиту Ивановича і сына ево Князя Якова Никитича і на боярина і дворецкого Князя Василя Федоровича Одоевскихъ будто они говорили, что стрельцовъ вешать і казнить и рубить; да снимъ посадкой человекъ Ерославецъ.

І Юния въ 14 день указали Великие Государи ихъ пытать і они съ пытки винились что бояръ темъ поклепали, а Ерославецъ говорилъ съ пытки, что будто хотель і Москву зажигать, и за тотъ ихъ воровской составъ казнили.

Тогожъ числа пытавъ по челобитью стрельцовъ, казнили стольника Степана, Якова да Матѣя Вешнекова, пыталижъ.

Тогожъ числа били челоу Великимъ Государемъ, чтобъ на Красной площади здѣлать имъ столбъ и, по ихъ челобитью, тотъ столбъ зделанъ.

Тогожъ числа по указу Великихъ Государей даны имъ жалованные грамоты, солдатоу і стрельцау і посадцкимъ людемъ і черной слободау, а велѣно звать стрельцовъ надворною пехотою, а стрельцами не называть; и на томъ столбѣ подписано противъ техъ Великихъ Государей грамотъ.

И съ того числа немногие дни были бѣзъ стрельбы, а во всехъ слободахъ стреляли изъ ружья.

И Августа въ 20 день былъ въ походе приклеянъ на воротехъ листъ въ Коломенскомъ, а въ томъ листе было написано, что изменники бояре: Князь Иванъ и Князь Андрей Хованские промышляютъ надъ Великими Государями всякое дурна и хотели быть на Московскомъ Государстве, да они жъ хотели убить Светейшаго Пытриарха Іоакима і восхитить на соборную і Апостальскую Церковь, да онижъ хотѣли побить бояръ: Князь Никиту Ивановича, Князь Якова Никитича, боярина і дворецкого Князь Василья Федоровича Одоевскихъ, Князь Михайла Алегукевича, Князь Михайла Яковлевича Черкаснихъ, Князь Василья Васильевича, Князь Андрея Ивановича, кравчаго Князь Бориса Алексѣевича Голицыныхъ, боярина і оружейничаго Петра Васильевича, Бориса Петровича-Шерѣметевыхъ, Івана Михайловича Милославскаго, и иныхъ многихъ бояръ.

---

И 191-го году Сентября въ 1 день Великие Государы къ Москвѣ на дѣйства не ходили, а волѣли быть ему Князь Ивану Хованскому і онъ ослушался і на дѣйства не ходилъ.

И Сентября въ 3 день пошли Великие Государы въ походъ въ Звенигородъ і оттуда къ Троице.

И Сентября въ 16 день въ селѣ Воздвиженскомъ измѣна ихъ черезъ переметныхъ многия письма объявилось і посылана по ихъ Великихъ Государей грамота.

И Сентября въ 17 день посыланъ по указу Великихъ Государей въ село Пушкино для Князь Івана Хованскаго бояринъ Князь Михайла Ивановичъ Лыковъ, а съ нимъ стольники і стряпчие і дворяне Московские і жильцы і люди боярские и ево, Князь Івана, изловя подъ Пушкинымъ, а сына ево въ деревне противъ Братовшины, Князь Андрѣя, привезли къ Великимъ Государемъ въ село Воздвиженское и, какъ его привезли, і въ то время сидѣли бояре и окольничие и думные люди все на площади противъ церкви и чѣлъ ему Князь Ивану і сыну ево Князь Андрѣю наказъ и измѣну ево, думной діакъ Федоръ Шеклавитовъ и за ихъ измѣну указали Великие Государы казнить смертию и, ответши ихъ, головы отсекали и погребать ихъ у церкви не указали.

И после обѣдинъ сѣѣдавъ, сынъ ево Князь Иванъ, да племянникъ ево Князь Федоръ, которые жили у нихъ Великихъ Госу-

дарей въ комнате, измѣну свою, побѣжали изъ походу и князь Федора изловили, а сынъ его, Князь Иванъ, ушелъ къ Москвѣ и прибѣжалъ къ Москве часть ночи, а ихъ казнили до-вечара за часть и, прибѣжавъ онъ, Князь Иванъ къ Москве въ полки, сказалъ будто бояринъ Князь Михайла Ивановичъ Лыковъ, собрався съ боярскими людьми, изрубили бѣзъ указу Великихъ Государей отца его и брата і, пришедъ къ Москвѣ, будто хочетъ рубить надворную пехоту всехъ, и пушки і пороховую казну всю розабрали во все полки по себѣ и съ Москвы никою не пропустили, и хотели идти къ Великимъ Государемъ въ походъ и стоять за нихъ изменниковъ; да къ нимъ же не пристали стреманной да выборной полки, а которые были на Москвѣ бояре и дворяне и всякихъ чиновъ Государева двора и люди боярские, и они ихъ хотели рубить, и къ нимъ въ полки посыланъ зъ грамоты Великихъ Государей стольникъ Петръ Петровъ сынъ Зиновьевъ; они грамотъ учинились не послушны и Великие Государи того жъ числа пошли къ Троице і во все города указали послать для ратныхъ людей грамоты.

И Сентября въ 20 день по указу Великихъ Государей посыланъ къ нимъ уговаривать думной дворянинъ Лукьянъ Тимоѣевичъ Голосовъ.

И Сентября въ .... день прїежалъ къ Троице въ Сергиевъ монастырь Иларіонъ Митрополитъ Суздальскіи и Юрьевскіи, а съ нимъ были выборные отъ всехъ полковъ и они Великомъ Государемъ прїихали съ повинною.

И Великия Государи и Государыни Царевны изволили сидеть на Успенской паперти и вины имъ пожаловали, простили и указали имъ прїивести Князь Иванава сына Хаванскаго, Князь Ивана жъ къ Великимъ Государемъ въ походъ Князь Ивана Хованскаго, скотана въ телеге.

И Октебры въ ..... день прїивезли выборные въ сехъ полковъ А полкамъ били челомъ, чтобъ имъ писатца стрельцами жъ.

И Октебры въ .... день указали великия Государи казнить смертью его Князь Ивана и въ томъ пожаловали: смертью казнить его не указали, а велели сослать въ ссылку въ Сибирь.

И Октебры въ .... день сказали всехъ полковъ, будто Павла сынъ Языкова прїежалъ на кароуды и сказывалъ будто бояре идутъ съ полки къ Москве и Хаванскіи ..... Князь Михайла Лыковъ съ людьми ..... и его прїивезли въ месте окован..... къ Троице съ Хованскимъ оковать.

И Октебры въ .... день прїишли Великия Государи къ Москве, а полковъ чьихъ въ стречали выборные люди ..... \*

---

\*) Означенное точками не разобрано въ подлинникѣ, очень дурно писаномъ.

И Октебръ въ . . . . день смутились за Москвою рѣкою Павловъ пѣриказъ бохина і Великия Государи указали . . . . у нихъ ружье оборать і они Великомъ Государемъ пѣриходили съ плахоу въ городъ і съ топоромъ и вину свою приносили Великимъ Государемъ и Великие Государи выслали къ нимъ боярина Петра Михайловича Салтыкова, да окольничего Кирилу Осиповича Хлопова, да думнова дѣка Ѳедора Шекловитого и Великия Государи пожаловали: велели имъ вина отдавать, а кон стрельцы бѣгоди по слободе и говорили, что де пора опять заводить по старому итти въ городъ и ихъ Великия Государи указали казнить смертю, а въ нныя месяцы до году была жъ осторожность во всехъ полкахъ и пушнихъ заовтчиковъ казнили, а нныхъ, пытавъ, сылали въ силъки.

---

**Книга записная Царьства царей государей и великихъ князей Ивана Алексѣевича Петра Алексѣевича всѣи великия и малыя и бѣлыя Роси сомодержъцовъ 190 году и 191 году.**

Лѣта 7190-го Мая въ 26 день нарекли всемъ государствомъ на Московское Государство въ цари Государя Царевича и Великого Князя Иоанна Алексѣевича, а въ титулахъ писать везде и во всякихъ делехъ обѣихъ Великихъ Государей такъ:

Великия Государи Цари и Великия Князи Иоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Роси Самодержъцы.

Тогожъ числа былъ Великимъ Государемъ выхидъ въ Соборную і апостольскую церковь і молебствовали о умирени всего мира.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ спалники къ Государю Царю и Великому Князю Иоанну Алексѣевичу Ево Великого Государя Столниковъ: Алексѣя Матѣева сына Милославского, Юрью Ѳедорова сына Ладыженского, Бориса Сафронова сына Хитрово, Петра Василева сына Собакина, Бориса Алистархова сына Кологриваго, Сергея Иванова сына Милославского, Петра Иванова сына Яковлева, Дмитрѣя Микитина сына Головина, Князь Михайла Князь Лаврентьева сына Дулова, Князь Михайла да Князь Ивана Князь Ѳедоровыхъ дѣтей Шеховскихъ, Сергея Григорьева сына Водорацкаго, Григорья Микитина сына Оклеова.

Тогожъ числа посыланы по городомъ ко кресту приводить къ Гетману Думной Дворенинъ Василей Михайловичъ Тяпкинъ, да діагъ. Въ Володимерь и въ Суздаль и въ Нижней Новгородъ и

въ нынѣ Столникъ Алексѣй Афонасьевъ сынъ Собакинъ, въ Великій Новгородъ Столникъ Князь Ѳеодоръ Князь Семѣновъ сынъ Хеванской; въ Кіевъ Столникъ Князь Ѳеодоръ Князь Никитинъ сынъ Пріимковъ Ростовской; въ Казань Князь Андрѣй Князь Дмитрѣевъ сынъ Щербатовъ.

Въ Астрахань

Во Псковъ

Въ Смоленскъ Столникъ Князь Юрѣй Князь Яковлевъ сынъ Хилковъ.

Тогожъ году Мая въ 27 день пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спальники і Спальниковъ брата своего блаженные памяти Столника и ближнего челоуѣка Александра Иванова сына Милославского.

Тогожъ году Мая въ 28 день пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ изъ Спальниковъ же брата своего Государева Столника і ближнего челоуѣка Михаила Григорьева сына Собакина.

Тогожъ числа пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спальники изъ недорослей Михаила Афонасьева сына Матиюшкина.

Тогожъ числа сказано въ Казань въ товарищи зъ Бояриномъ съ Князь Юрьемъ Семѣновичемъ Урусовымъ Околничему Петру Тимоѣевичу Кондыреву.

Тогожъ числа сказано въ Сибирскъ Околничему Князь Григорью Афонасьевичу Козловскому.

Тогожъ году Юня въ 1 день пожаловалъ Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спальники изъ дворянъ Ларіона Семѣнова сына Милославскаго.

Тогожъ году Юня въ 4 день сказано въ Пушкарской Приказъ въ товарищи зъ Бояриномъ съ Князь Ѳеодоромъ Семѣновичемъ Урусовымъ Думному Дворенину Ивану Петровичу Кондыреву.

Тогожъ году Юня въ 5 день былъ выходъ Великимъ Государемъ въ Золотую Полату, а были на приѣзде і у руки Крымскіе посланники.

А объявлялъ Ихъ Великимъ Государемъ и Грамоты принималъ Думной Діакъ Посольской Емельянъ Украинцовъ.

А въ отвѣте велено съ нимъ быть Боярину ближнему и Наместнику Велико-Пермскому Князь Василью Васильевичу Галицкому, да Думному жъ Діаку Емельяну Украинцову.

Тогожъ числа сказано въ иноземской и въ рейтарской приказъ въ товарищи зъ Бояриномъ съ Князь Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ Околничему Ивану Ѳеодоровичу Васильенскому.

Тогожъ числа былъ Великимъ Государемъ выходъ къ Архангелу къ понахиде, а правили по Великомъ Государе четырнадцать.

Тогожъ году Юня въ 7 день былъ Великимъ Государемъ выходъ къ Архангелу къ понахиде по Великому Государе Царе и Великому Князе Феодоре Алексѣевиче.

Тогожъ году Юня въ 11 день пожаловалъ Великіи Государь Царь и Великіи Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники изъ Спалниковъ брата своего Государева блаженныя памяти Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексѣевича всеа Росіи Стольниковъ і ближнихъ людей:

Князь Данила Князь Григорьева сына Черкаского.

Князь Ивана Князь Иванова сына Хованскаго.

Володимера Перова сына Шерѣметева.

Михайла Васильева сына Собаккина.

Ивана Алексѣева сына Головина

Михайла Феодорова сына Ртищева.

Андрея Матѣева сына Апраксина.

Ивана Васильева сына Заборовскаго.

Василья Иванова сына Чаадаева.

Ивана Певлева сына Пояркова.

Въ неделю Свехъ Святыхъ.

Тогожъ числа сказано въ Сибирскъ въ товарищи съ Околичемъ съ Князь Григорьемъ Аѳонасьевичемъ Козловскимъ сыну ево Князю Михаилу Князь Григорьеву сыну Козловскому.

Тогожъ числа провожали образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы Великіи Государи і Государыня Царевна и Великая Княжна Софья Алексѣевна что посланъ въ полки въ Казань къ Боярину къ Петру Васильевичу Меншому Шерѣметеву съ товарищи ево съ Околичимъ съ Князь Даниломъ Аѳонасьевичемъ Борятинскимъ, да Столникомъ съ Князь Иваномъ Князь Петровичемъ сыномъ Козловскимъ, а провожали за Тайницкия ворота Чудовской Архимандритъ.

Тогожъ году Юня въ 12 день пожаловалъ Великіи Государь Царь и Великіи Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ комнату къ крюку Стряпчего Антипу Ларионова сына Пятого.

Тогожъ году Юня въ 13 день пожаловалъ Великіи Государь Царь и Великіи Князь Иоанъ Алексѣевичъ въ Спалники изъ Спалниковъ брата своего Государева Стольника і ближнева Человѣка Ивана Иванова сына Головина

Тогожъ году Юня въ 14 день указалъ Великіи Государь Царь и Великіи Князь Иоанъ Алексѣевичъ росписать своихъ Государевыхъ спалниковъ по дневаньемъ Даткамъ Боярину Князю Петру Ивановичу Прозоровскому, да Околичему Борису Гавриловичу Юшкову.

1- и день,

Князь Данила Князь Григорьевъ сынъ Черкаской,  
Иванъ Алексѣевъ сынъ Головинъ,



Дмитрей Микитинъ сынъ Головинъ,  
Иванъ Ивановъ сынъ Головинъ,  
Юрья Ѳедоровъ сынъ Ладыженской,  
Борисъ Алистарховъ сынъ Калагривовъ,

2-й день,

Князь Иванъ Князь Ивановъ сынъ Хованской.  
Князь Михайла Князь Лаврентьевъ сынъ Дуловъ,  
Князь Михайла Князь Ѳедоровъ сынъ Шеховской,  
Борисъ Сафроновъ сынъ Хитрово,  
Василей Ивановъ сынъ Чаадаевъ,

3-й день.

Володимеръ Петровъ сынъ Шереметевъ,  
Михайла Васильевъ сынъ Собакинъ,  
Михайла Григорьевъ сынъ Собакинъ,  
Князь Иванъ Князь Степановъ сынъ Шеховской,  
Михайла Ѳедоровъ сынъ Ртищевъ,  
Андрѣй Матвѣевъ сынъ Апраксинъ,

4-й день;

Александръ Ивановъ сынъ Милославской,  
Алексѣй Матвѣевъ сынъ Милославской,  
Иванъ Васильевъ сынъ Заборовской,  
Григорей Микитинъ сынъ Акинфовъ,  
Сергей Ивановъ сынъ Милославской,  
Сергей Григорьевъ сынъ Водорацкой.

Да не въ днєванье

Петръ Васильевъ сынъ Собакинъ,  
Петръ Ивановъ сынъ Яковлевъ,  
Иванъ Іевлевъ сынъ Поярковъ,

Тогожъ году Іюня въ 15 день пожаловалъ Великіи Государь  
Царь и Великіи Князь Петръ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спальники  
і спальниковъ брата своего Государева блаженныя памяти Стол-  
никовъ і ближнихъ людей:

Ивана Иванова сына Колычова,  
Князь Василья Князь Лаврентьева сына Мещерскова,  
Ивана Аѳонасьева сына Матюшкина,  
Петра Матвѣева сына Апраксина,  
Да і Стольниковъ Василья Алексѣева сына Соковнина.

Тогожъ числа былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Собор-  
ную і Апостолскую Церковь къ Малебну, а обѣдни слушалъ одинъ  
Великіи Государь Царь и Великіи Князь Іоанъ Алексѣевичъ.

Тогожъ году Іюня въ 16 день пожаловалъ Великіи Государь  
Царь и Великіи Князь Петръ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спальники  
і спальниковъ брата своего Государева блаженныя памяти Стол-

никовъ і ближнихъ людей: Князь Якова Князь Иванова сына Добанова—Ростовскаго, да Князь Ѳедора Князь Юрьева сына Ромадановскаго.

Тогожъ числа сказано въ Смоленскъ Воеводамъ: Боярину Князь Ивану Григорьевичу Куракину, да Столнику Андрѣю Микитину сыну Самарину.

Тогожъ числа ходили Великие Государи и Государыни Царевны въ Ново Девичъ Монастырь пешкомъ в Государыня Царица, а на Москвѣ оставлены Бояре: Бояринъ Князь Иванъ Андрѣевичъ Хованской, да Околнчей Михайла Петровичъ Головинъ, да Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

Тогожъ году Іюня въ 18 день былъ выходъ Великимъ Государемъ въ Саборную і Апостолскую Церковь, а празновали Ионѣ Митрополиту.

А ко всеошному ходилъ одинъ Царь и Великіи Князь Иоанъ Алексѣевичъ.

Тогожъ числа указали Великіи Государи сидеть въ мастерской Царицыныхъ Палатахъ Аколничему Петру Тимоѣевичу Кондыреву.

Тогожъ числа пожаловалъ Великіи Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники Столника і ближнего Человѣка Ивана Богданова сына Яковлева.

Тогожъ году Іюня въ 18 день былъ ходъ со кресты на воду и кругъ Бѣлова Города, а въ ходу были власти, съ правой стороны Сергіи Архиепископъ Тверскіи і Кашинскіи, да по указу Великихъ Государей

Околнчей Петръ Тимоѣевичъ Кондыревъ,

Съ лѣвой стороны Никита Архиепископъ Коломенскіи и Каширскіи.

Да по указу Великихъ Государей Думной дворянинъ Иванъ Петровичъ Кондыревъ.

Тогожъ году Іюня въ 19 день пожаловалъ Великіи Государь Царь и Великіи Князь Петръ Алексѣевичъ въ Спалники къ себѣ Столника Князь Андрѣя Князь Михайлова сына Черкаскаго.

Тогожъ году Іюня въ 20 день пожаловали Великіи Государи въ Казначей Думнаго Дворянина Семѣна Ѳедоровича Толочанова, а сказывалъ ему Казначейства Думной Діакъ Василей Григорьевичъ Семѣновъ.

Тогожъ году Іюня въ 21 день сказано сидеть въ оружейную Полату Боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву.

Тогожъ году Іюня въ 23 день былъ ходъ со кресты въ Стретенской монастырь, а въ ходу былъ Святѣйшій Іоакимъ Патриархъ Московскіи і всеа Русіи со властями.

Да въ ходу былъ по указу Великихъ Государей Царевичъ Григорей Алексѣевичъ Сибирскіи, да съ нимъ Бояринъ Князь

Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, да Думной Дворенинъ Богданъ Ѳедоровичъ Полбинъ, да Думной Діакъ Аѳонасей Зыковъ.

Тогожъ числа указали Великия Государи сидеть въ Холопье Приказе Столнику Князь Ѳедулу Князь Ѳедорову сыну Волхонскому.

Тогожъ году Июня въ 24 день по указу Великихъ Государей строилъ чертежное мѣсто, на чомъ венчатца Великимъ Государемъ Царьскимъ венцемъ въ Соборной і Апостолской Церквѣ къ Западнымъ двѣремъ межъ столбовъ о двенадцати Степенехъ Земьскаго Приказу Судья Околичей Михайло Петровичъ Головинъ съ товарищи.

А какъ то мѣсто по указу Великихъ Государей онъ построилъ и Великия Государи указали то мѣсто обить сукны алыми богрецовыми и по нихъ послать отъ Царьскаго мѣста бархаты рудо-жолтыми, а Светейшему Патриарху бархатъ вешневъ, а отъ своего Царьскаго мѣста къ Царьскимъ дверемъ сукны богрецовыми, да бархаты Золотными Казначею Семѣну Ѳедоровичу Толочанову съ товарищи; а передъ Царьскими дверми указали Великия Государи здѣлать мѣста, гдѣ ихъ Великихъ Государей Животворящей крестъ постановить і шапки і санъ.

Тогожъ году Июня въ 25 день позволили Великия Государи венчатца своими царьскими венцы въ Соборной и Апостолской Церквѣ, а сему Ихъ Великихъ Государей венчанію чинъ.

Тогожъ числа въ 8-мъ часу дни позволили Великия Государи итти изъ своихъ Государьскихъ хоромъ въ Грановитую Полату, а передъ ними Великими Государи шли Околичей і ближняя люди, а за ними Великими Государи шли Царевичи и Бояре і Думные люди, а были въ Золотныхъ Кафтанахъ.

А пришедъ въ Грановитую Полату і сели на свое мѣсто и пожаловали въ Бояре Столника Князь Андрѣя Ивановича Хованского.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государямъ объявлялъ Околичей Князь Михайла Ивановичъ Лыковъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Михайла Львовича Плещеева.

А сказывалъ ему боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околичей Иванъ Ивановичъ Чадаевъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Околичего Матвѣя Богдановича Милославского.

А сказывалъ ему Боярство і у скаски стоялъ і Великимъ Государемъ объявлялъ тежъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Околичие Столника и ближнего человека Лариона Семѣновича Милославского, да Думнаго Дворянина Веденихта Андрѣевича Змѣева.

А сказывалъ имъ Околничество Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловали Великія Государи въ Думныя Дворяне Столниковъ. Петра Савича сына Хитрово, да Полковника Василья Лаврентьевича Пушечникова.

И какъ пожаловавъ ихъ Честыи указали итить на Казенной дворъ къ Боярину Князь Василью Васильевичу Голицыну съ товарищи.

И съ Казенного двора по указу Великихъ Государей несли животворящій крестъ протопопъ Спаской да Воскресенской.

Шапки несли Бояре: Алексѣй Семѣновичъ Шейнъ, Князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ.

Скинетри несли Околничіе. Матвѣй Степановичъ Пушкинъ, Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ.

Яблоки несли Казначей Семенъ Ѳедоровичъ Толочановъ, да Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Стаянцы несли Думныя Діаки Василей Семѣновъ, да Аѳанасей Зыковъ, да Иванъ Гороховъ, да Емѣльянъ Украинцовъ,

А за ними шелъ Бояринъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

И какъ пришли въ Грановитую Палату и Великія Государи поцеловавъ Животворящій крестъ указали итти въ Соборную Апостольскую Церковь и какъ будутъ у Грановитой противъ угла і Святѣйшій Патріархъ велелъ встрѣтить Животворящій крестъ Симону Архiepископу Вологодскому, да съ нимъ Архимандритомъ і Игуменамъ.

А какъ пришли Соборной Апостольской Церкви къ дверемъ и Святѣйшій Патріархъ встречалъ самъ съ властью, а въ тепоры звонили во все колокола.

И принесши Животворящій крестъ начали петь молебны.

А Великія Государи въ то число были въ Грановитой Палате.

И пришедъ Бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ докладывалъ Великимъ Государей, что время итти въ Соборную Апостольскую Церковь.

И Великія Государи изволили итти въ Соборную Церковь, і пришедъ въ Соборную Апостольскую Церковь пошли на чертежное мѣсто, приложились у иконъ.

И Святѣйшій Іоакимъ Патріархъ посылалъ по царскія платья Большаго Собору, до Спаского сверху Протопоповъ, да дву ключарей.

По диадиму и по Животворящій крестъ Архимандритовъ Троицы Сергіева Монастыря, да Чудовскаго, да Спаса Новаго Монастыря, до Симонова Монастыря.

А какъ они принесли къ мѣсту і указалъ Святѣйшій Патрі-

архъ у нихъ принять Митрополитомъ: Карилію Новгородецкому и Великолуцкому, Никіеору Астраханскому и Терскому, Павлу Сибирскому и Тобольскому, Ионѣ Ростовскому и Еро-славскому.

А Мономаховы шапки укасалъ принесть на мисахъ къ мѣсту Архимандритомъ: Андроньевскому, да Петровскому, да Савинскому, да Воскресенскому.

А какъ къ мѣсту принесли і у нихъ велелъ принять Митрополитомъ: Маркелу Псковскому Изъборскому, Варсоноѣю Сарскому і Подонскому, Филорету Нижегородскому і Олатарскому, Павлу Резанскому і Муромскому.

А скипетры велелъ принесть Архимандриту Богоявленскому, да Ігумну Угрескому, Новинскому, Даниловскому.

А у нихъ велѣлъ принять Архиепископамъ: Симону Вологодскому і Бѣлоозерскому, Сергію Тверскому і Кашинскому, Никите Коломенскому и Коширскому, Аеонасію Колмогорскому і Важскому.

А державу велелъ принесть Ігуменамъ: Златоустовскому, Даниловскому, Стретенскому, Данскому.

А у нихъ велелъ принять Архиепископу Галасію Устюжскому и Тотинскому, да Епископомъ: Леонтію Тамбовскому, Митрофану Воронежскому, да Архимандриту Викентію Троицкому.

А какъ на Великихъ Государей одежду і диодиму и шапку и Животворящій крестъ возложили і скипетры і державы въ руки отдали і стали петь многолѣтне всемъ Соборомъ и потомъ на крылосехъ и сталъ Светейшій Патриархъ і все власти и Бояре і Околичіе і Думные и ближние люди всякихъ чиновъ здравствовать Имъ Великимъ Государемъ на Ихъ Превысочайшемъ Престоле.

А какъ венчали Великихъ Государей і на Чертежномъ мѣсте стояли Бояре: Князь Никита Ивановичъ, Князь Яковъ Никитичъ Одоевскіе, Князь Василей Васильевичъ Голицынъ, Князь Иванъ, да Князь Семень Адрѣвичи Хаванскіе, Петръ Васильевичъ Шерѣметевъ, Князь Петръ Ивановичъ Прозоровской, Родионъ Матвѣвичъ Стрешневъ, Околичей Борисъ Гавриловичъ Юшковъ.

А шапки несли, въ которыхъ Великіе Государи пришли въ Соборъ і жезлы Стольники і ближнія люди: Алексѣи Матвѣевъ сынъ Милославской, Иванъ Аеонасьевъ сынъ Матюшкинъ.

А Великихъ Государей вели подъ руки:

Царя и Великаго Князя Иоанна Алексѣевича Дядки: Бояринъ Князь Петръ Ивановичъ Прозоровской, да Околичей Борисъ Гавриловичъ Юшковъ.

Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича Дядка Бояринъ Родионъ Матвѣвичъ, да Стольникъ і ближней человекъ Тихонъ Никитинъ сынъ Стрешневъ.

А за Великими Государями были спалники все по списку.

А передъ стрепнею шли:

Царя и Великаго Князя Иоанна Алексѣевича Столникъ і ближней Человѣкъ Юрѣя Ѳедоровъ сынъ Лодыженъской.

Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича Столникъ Алексѣй Прокофьевъ сынъ Саковнинъ.

А обѣдню изволили слушать на своемъ Царскомъ мѣсте, а послѣ Херувимской приходили Великия Государи къ царскимъ двѣремъ, і на нихъ надевалъ Светѣйшій Патриархъ чепи по Ихъ Царскому Чину.

А въ Кеноники присылалъ Свѣтѣйшій Патріархъ изъ Олтаря ризничего, да Дьякона, чтобы Великия Государи изволили итти къ Миропомазанію і къ Светому Причащенію і поклонясь пошли.

И Великие Государи изволили итти по Чертожному мѣсту къ Царскимъ дверемъ и прикладываясь у Святыхъ Иконъ кланелись на все стороны ниско.

И царскіе двери отворили и вышелъ Светѣйшій Патриархъ съ властями і снимали съ нихъ Великихъ Государей шапки и диодимы і помазывалъ Святимъ миромъ на Челѣ і на Затылке і на ланитахъ і на сердце и опять на нихъ надѣвали, и облача ихъ, препоясали лентиемъ.

И взявъ Великихъ Государей власти повели ко Святому Причащенію въ Царскіе двери, а какъ причащали въ то время Царскія двери были затворены, и причащась Божественныхъ Таинъ шли на своежъ мѣсто.

А въ Соборе указали держать скипетри Боярину Князь Василью Васильевичу, да Кравчему Князь Борису Алексѣевичу Голицынымъ.

А шапки держать Боярамъ на золотыхъ мисахъ—Алексѣю Семеновичу Шеину, да Князь Ивану Борисовичу Троекурову.

Яблоки держать Околичимъ: Матвею Степановичу Пушкину, да Ивану Ивановичу Чаадаеву.

А какъ шли Великия Государи къ Миропомазанію і ко Святому Причащенію и путь слалъ бархоты Золотными Казначей Семѣнъ Ѳедоровичъ Толочановъ.

А коверъ Золотной слалъ передъ царскими дверми Столникъ и ближней человѣкъ Юрѣя Ѳедоровъ сынъ Лодыжской.

А послѣ обѣдни Отдавалъ Светѣйшій Патриархъ Великимъ Государемъ Посохи и поучалъ отъ правилъ Святыхъ Апостолъ і Святыхъ Отецъ.

А какъ Великия Государи изволили итти изъ Соборной і Апостолской Церкви къ Архангелу Михаилу, а отъ Орхангела къ Благовещенью и путь былъ посланъ сукнами алыми, а въ двѣрехъ везде осыпали Великихъ Государей золотыми и деньгами Золочеными по трожды Царевичи Сибирскіе Григоріи, да Василей Алексѣевичи.

А мисы держали зъ золотыми Столники Василей, да Андрѣи Петровы дѣти Измайловы.

А чинъ строилъ Думной Діакъ Емельянъ Украинцовъ, а надъ нимъ надсматривалъ Бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ.

А пришедъ Великія Государи въ хоромы жаловали Бояръ і Охольничихъ и Думныхъ і ближнихъ людей водками и ренскимъ. А стола того числа не было.

Тогожъ числа пожаловалъ Великіи Государь Царь и Великіи Князь Іоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спальники Столника Князь Андрѣя Князь Канбулатова сына Черкаского.

Тогожъ числа ходили съ столомъ къ Свѣтейшему Патриарху Іоакиму отъ Великихъ Государей Столники і ближнии люди Князь Данила Князь Григорьевъ сынъ Черкаской, да Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ Ростовской.

Тогожъ году Іюня въ 26 день былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Грановитую Полату.

Тогожъ числа пожаловали Великія Государи въ Оружейничии Боярина Петра Васильевича Большова Шерѣметева.

А сказывалъ ему Оружейничество Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

Тогожъ числа пожаловали Великія Государи въ Бояре Столника Бориса Петровича Шерѣметева.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околичей Михайла Петровичъ Головинъ.

Тогожъ числа пожаловали Великія Государи въ Бояре Околичего Князь Михайла Ивановича Лыкова.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околичей Веденныхъ Андрѣевичъ Змѣовъ.

Тогожъ числа пожаловали Великія Государи въ Бояре Околичаго Бориса Гавриловича Юшкова, а сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великихъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловали Великія Государи въ Околичие Столника і ближняго Человѣка Тихона Никитича Стрешнева, да Думнаго Дворенина Василия Савича Нарбѣкова.

А сказывалъ имъ Околичество Думной Діакъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ же.

Тогожь числа пожаловали Великия Государи въ Думные Дворянъ Столниковъ: Василья Семѣновича Зиѣова и Аврама Ивановича Хитрово.

Тогожь числа пожаловалъ Великіи Государь Царь и Великий Князь Иоанъ Алексѣевичъ въ Спальники къ Себѣ Столника Петра Петрова сына Салтыкова.

Тогожь году Іюня въ 27 день былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Грановитую Полату.

Тогожь числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Князь Андрея Ивановича Голицына.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ. А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Бояринъ Иванъ Богдановичъ Хитрово.

Тогожь числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Алексѣя Петровича Салтыкова.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околничей Кирила Осиповичъ Хлоповъ.

Тогожь числа пожаловали Великие Государи въ Бояре Околничего Ивана Тимоѣевича Кондырева.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожь числа пожаловали Великие Государи въ Околничие Думныхъ Дворянъ Андрѣя Васильевича Толстова, да Богдана Ѳеодоровича Полибина. А сказывалъ имъ Околничество Думной Діакъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ же.

Тогожь числа пожаловали Великие Государи въ думные Дворяне Ивана Ивановича Сухотина, да Максима Исаевича Сунбулова.

Тогожь году Іюня въ 29 день былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Грановитую Полату. И пришедъ пожаловали въ Бояре Столника Князь Василья Петровича Прозоровскаго.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околничей Матвей Степановичъ Пушкинъ.

Тогожь числа пожаловали Великие Государи въ Бояре Околничего Князь Костентина Осиповича Щербатого.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Думной Дворенинъ Іевъ Дѣмидовичъ Голохвастовъ.



Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ Бояре Околничего Федора Прокоевича Соковнина.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ п Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа въ Кравчия Князь Алексѣя Петровича Пърозоровскаго.

Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ Околничие Столника Ивана Федоровича Лосенка Пушкина.

А сказывалъ ему Околничество і у скаски стоялъ тежъ.

---

## ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

	Стр.
ГЛАВА I-я. Россія передъ эпохою преобразованія.....	5
ГЛАВА II-я. Царствованіе Феодора Алексѣевича.....	217
ГЛАВА III-я. Московская смута 1682 года.....	219
Примѣчанія.....	371
Приложенія.....	383

---











PO 270

11112 77

UNIV. OF MICH.  
LIBRARY

UNIVERSITY OF MICHIGAN



3 9015 06700 7677



